

Научный рецензируемый журнал

Scholarly peer-reviewed journal

**ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Основан в 2008 г.
Выходит 4 раза в год

**PERM UNIVERSITY
HERALD.
JURIDICAL SCIENCES**

Founded in 2008
Published 4 times a year

2026
Выпуск 2(72)

2026
Issue 2(72)

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Founder and Publisher:

PERM STATE UNIVERSITY

Рассматриваются фундаментальные
и прикладные проблемы юридической науки.
Исследуются современное состояние российского
законодательства, правоприменительная
практика, формулируются предложения
по развитию и совершенствованию различных
отраслей права. Анализируются теоретические
и исторические аспекты государственно-правовых
явлений, международное и зарубежное
законодательство, проводится сравнительное
изучение правовых институтов в России и других
странах.

Fundamental and applied issues of juridical
science are considered. The current state of
Russian legislation, law enforcement
practice are investigated, suggestions on
development and improvement in different
branches of law are formulated. Theoretical
and historical aspects of state legal
phenomena, international and foreign
legislation are analyzed, legal institutions of
Russia and other countries are investigated
in the comparative aspect.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (по группе научных специальностей 5.1. – Право).

Журнал включен в международную базу данных Web of Science Core Collection.

Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66479 от 14 июля 2016 г.

Распространяется бесплатно и по подписке. Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс» https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8650364/?sphrase_id=396140. Подписной индекс 41046

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Голубцов Валерий Геннадьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета (*председатель редакционного совета*)

Бублик Владимир Александрович, д. ю. н., профессор, ректор, профессор кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета
Бурханова Лейла Мариусовна, к. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права Ташкентского государственного юридического университета

Валеев Дамир Хамитович, д. ю. н., профессор, заместитель декана юридического факультета по научной работе Казанского (Приволжского) федерального университета

Вивер Рассел Л., профессор права Университета Луисвилла, Школа Права имени Льюиса Д. Брендиеса

Габов Андрей Владимирович, член-корреспондент РАН, д. ю. н., главный научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН, заслуженный юрист РФ

Грачева Елена Юрьевна, д. ю. н., профессор, зав. кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ

Ефремова Марина Александровна, д. ю. н., доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, заслуженный юрист РФ

Лосавио Майкл, доктор права, профессор факультета юстиции Университета Луисвилла

Максимов Олег Александрович, д. ю. н., доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса Ульяновского государственного университета

Мацкевич Игорь Михайлович, д. ю. н., профессор, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации

Нешатаева Татьяна Николаевна, д. ю. н., профессор, зав. кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия

Новоселова Людмила Александровна, д. ю. н., профессор, зав. кафедрой интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ

Средкова Красимира, д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового права и социального обеспечения Софийского университета

Тужилова-Орданская Елена Марковна, д. ю. н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Института права Башкирского государственного университета

Хабриева Талия Ярулловна, академик РАН, д. ю. н., профессор, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заслуженный юрист РФ

Чернядьева Наталья Алексеевна, д. ю. н., доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал),

Щенникова Лариса Владимировна, д. ю. н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Кубанского государственного университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кузнецова Ольга Анатольевна

д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина; профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета (*главный редактор*)

Килина Ирина Владимировна

к. ю. н., доцент, заместитель декана юридического факультета по научной работе, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета (*заместитель главного редактора*)

Васильева Юлия Валерьевна

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета

Матвеев Антон Геннадьевич

д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права, профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета

Пастухов Павел Сысоевич

д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета

Адрес учредителя и издателя:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакционной коллегии:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15, юридический факультет

Тел. +7(342)239-62-75, +7 963 0126422

E-mail: vesturn@yandex.ru

Сайт: <http://jurvestnik.psu.ru/>

Редакторы: Е. И. Герман, О. И. Кирьянова (англ.)

Компьютерная вёрстка, дизайн обложки: Т. А. Абасова

Отпечатано в типографии ПГНИУ.

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

Тел. (342) 239-65-47

E-mail: tipograf@psu.ru

Подписано в печать 29.06.2026. Выход в свет 30.06.2026

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 25,34. Тираж 500 экз. Заказ 85

EDITORIAL COUNCIL

Valery G. Golubtsov, Doctor of Juridical Sciences,
Perm State University (**Chairman of the Editorial Council**)

Vladimir A. Bublik, Doctor of Juridical Sciences,
Ural State Law University

Leila M. Burkhanova, Candidate of Juridical Sciences,
Tashkent State Law University

Damir Kh. Valeev, Doctor of Juridical Sciences,
Kazan (Volga region) Federal University

Russell L. Weaver, Professor of Law, University of Louisville,
Louis D. Brandeis School of Law

Andrey V. Gabov, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Institute
of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Honored Lawyer of the Russian Federation

Elena Yu. Gracheva, Doctor of Juridical Sciences,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Honored Lawyer of the Russian Federation

Marina A. Efremova, Doctor of Juridical Sciences,
Kazan Branch of the Russian State University of Justice

Sergey V. Kodan, Doctor of Juridical Sciences, Ural State
Law University, Honored Lawyer of the Russian Federation

Michael Losavio, Doctor of Law, University of Louisville

Oleg A. Maksimov, Doctor of Juridical Sciences,
Ulyanovsk State University

Igor M. Matskevich, Doctor of Juridical Sciences,
University of the Prosecutor's Office of the Russian
Federation

Tatiana N. Neshataeva, Doctor of Juridical Sciences,
Russian Academy of Justice.

Liudmila A. Novoselova, Doctor of Juridical Sciences,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Honored Lawyer of the Russian Federation

Krasimira Sredkova, Doctor of Juridical Sciences,
Sofia University

Elena M. Tuzhilova-Ordanskaya, Doctor of Juridical
Sciences, Bashkir State University

Talia Ya. Khabrieva, Academician of the Russian Academy
of Sciences, Doctor of Juridical Sciences,
Institute of Legislation and Comparative Law under the
Government of the Russian Federation,
Honored Lawyer of the Russian Federation

Natalya A. Chernyadeva, Doctor of Juridical Sciences,
Russian State University of Justice

Larisa V. Shchennikova, Doctor of Juridical Sciences,
Kuban State University

EDITORIAL BOARD

Olga A. Kuznetsova
Doctor of Juridical Sciences, Kutafin Moscow State Law
University (MSAL), Perm State University (**Editor-in-Chief**)

Irina V. Kilina
Candidate of Juridical Sciences, Perm State University
(**Deputy Editor-in-Chief**)

Yuliya V. Vasileva
Doctor of Juridical Sciences, Perm State University

Anton G. Matveev
Doctor of Juridical Sciences, Perm State University

Pavel S. Pastukhov
Doctor of Juridical Sciences, Perm State University

Address of the Founder and Publisher:
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

Address of the Editorial Office:
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia
Perm State University, Faculty of law
Phone +7(342)239-62-75, +7 963 0126422
E-mail: vesturn@yandex.ru
Website: <http://jurvestnik.psu.ru/>

Editors: Elena I. German (Russ.) , Olga I. Kiryanova (Eng.)
Computer layout: Tatiana A. Abasova

Print House PSU: 15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia
Phone: (342) 239-65-47
E-mail: tipograf@psu.ru
Signed in print 29.06.2026. The publication 30.06.2026.
Printed Format: 60×84/8. Conventional Printed Sheet: 25,34.
Circulation: 500 copies. Order 85.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бочкарёв С. А. (г. Москва)

Идейно-теософские предпосылки уголовно-правовых взглядов Дж. Локка 184

Виноградова Е. В. (г. Москва), *Раттур М. В.* (г. Москва)

«О пользе знания отечественного законоискусства»: роль С. Е. Десницкого в формировании
российской системы политико-правовых знаний (историографический аспект) 195

Сагандыков М. С. (г. Челябинск)

Поколения прав человека в контексте концепции солидарности 215

II. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Аристов Е. В. (г. Пермь), *Беликова К. М.* (г. Москва)

Конституционно-правовое измерение искусственного интеллекта в Объединенных
Арабских Эмиратах и защита прав человека: проблемы и параметры развития 234

Малько А. В. (г. Саратов), *Липинский Д. А.* (г. Тольятти)

Обзор отечественных и зарубежных исследований проблем правового регулирования
использования беспилотных авиационных систем 268

Худолей Д. М., Худолей К. М. (г. Пермь)

Справедливость избирательных систем: опыт комплексного исследования. Часть первая 291

III. ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Линников А. С. (г. Москва)

Типологизация гражданско-правового контроля 319

Новоселова Л. А., Рузакова О. А., Гринь Е. С. (г. Москва)

Обучение систем искусственного интеллекта:
защита интеллектуальных прав vs развитие технологий 330

Иншакова А. О., Матыцин Д. Е., Балтутите И. В. (г. Краснодар)

Правовое обеспечение «цифровой зрелости» сельского хозяйства как ключевой отрасли
экономики: семейное предпринимательство в производстве органической продукции 359

IV. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Костин А. А. (г. Москва)

Запрет ссылаться на свидетельские показания в случае несоблюдения
простой письменной формы сделки в международном частном праве 376

Правила оформления и представления рукописей статей в журнал

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ 391

CONTENTS

I. THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Bochkarev S. A. (Moscow)

Ideological and Theosophical Prerequisites for J. Locke's Criminal Law Views..... 184

Vinogradova E. V., Rattur M. V. (Moscow)

“On the Benefits of Knowledge of Domestic Legal Art”: The Role of Semyon Desnitsky in the Formation of the Russian System of Political and Legal Knowledge (Historiographic Aspect) 195

Sagandykov M. S. (Chelyabinsk)

Generations of Human Rights in the Context of the Concept of Solidarity..... 215

II. PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

Aristov E. V. (Perm), Belikova K. M. (Moscow)

The Constitutional and Legal Dimension of Artificial Intelligence in the United Arab Emirates and Human Rights Protection: Problems and Development Parameters 234

Malko A. V. (Saratov), Lipinsky D. A. (Tolyatti)

Problems in Legal Regulation of the Use of Unmanned Aerial Systems: Review of Russian and Foreign Studies..... 268

Khudoley D. M., Khudoley K. M. (Perm)

Fairness of Electoral Systems: An Experience of a Comprehensive Study. Part One 291

III. PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

Linnikov A. S. (Moscow)

Typology of Civil Law Control 319

Novoselova L. A., Ruzakova O. A., Grin E. S. (Moscow)

Training of Artificial Intelligence Systems: Intellectual Property Protection vs Technology Development 330

Inshakova A. O., Matytsin D. E., Baltutite I. V. (Krasnodar)

Legal Framework for Ensuring the “Digital Maturity” of Agriculture as a Key Sector of the Economy: Family Entrepreneurship in Organic Production 359

IV. INTERNATIONAL LAW SCIENCES

Kostin A. A. (Moscow)

Prohibition on Relying on Witnesses Testimony in Cases of Non-Compliance With the Simple Written Form of a Transaction in Private International Law 376

Guidelines for Preparing and Submitting Articles for Publication in the Scientific Journal

PERM UNIVERSITY HERALD. JURIDICAL SCIENCES 391

I. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Информация для цитирования:

Бочкарёв С. А. Идеино-теософские предпосылки уголовно-правовых взглядов Дж. Локка // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 2(72). С. 184–194. DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-184-194. EDN JPV CYR

Bochkarev S. A. Ideino-teosofskie predposylki ugodovno-pravovykh vzglyadov Dzh. Lokka [Ideological and Theosophical Prerequisites for J. Locke's Criminal Law Views]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 2(72). Pp. 184–194. DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-184-194. EDN JPV CYR (In Russ.)

УДК 340.12

DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-184-194

EDN <https://elibrary.ru/jpvcyr>

EDN JPV CYR

Идейно-теософские предпосылки уголовно-правовых взглядов Дж. Локка

С. А. Бочкарёв

Институт государства и права РАН

E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.11.2025

Введение: статья продолжает цикл работ автора, посвященных изучению всего массива творческого наследия Дж. Локка на предмет выявления его уголовно-правовой парадигмы и факторов, повлиявших на ее формирование в конкретно-исторических условиях. **Цель:** если в предшествующих исследованиях проанализированы историко-биографические и социально-политические предпосылки, то в настоящем обзоре уделено внимание идейно-религиозным аспектам, по-своему воздействовавшим на мыслителя и контуры его взглядов. **Методы:** в работе использовались общенаучные методы, такие как описание, анализ, синтез, а также частнонаучные методы: историко-правовой, сравнительно-правовой. **Результаты:** изучено наследие, к которому обращался Дж. Локк. Он не писал с чистого листа, а признавал заслуги предшественников, в том числе Ж. Кальвина, Р. Белармини, Ф. Хантона, Р. Парсонса, Дж. Бьюкенена, Дж. Мейджора, У. Оккама, Ж. Буридана. Через полемику с английским философом Робертом Филмером мыслитель сформулировал и вывел в свет «Два трактата о правлении», в которых изложил уголовно-политические взгляды. Р. Филмер являлся для просветителя собирательным лицом, ибо на самом деле Дж. Локк противопоставлял себя не только ему, но и в его лице – всем сторонникам роялизма (Г. Ферну, Дж. Хейвуду, А. Блэквуду, Дж. Барклаю и др.). Выявление полного спектра идей, окружавших мыслителя, позволило воссоздать картину познаваемой темы и оценить оригинальность предложенных Дж. Локком подходов к пониманию преступления и наказания. **Выводы:** по итогам исследования определено, что тема взаимоотношений подданных и правителя не нова – она не открывалась Р. Филмером и Дж. Локком. К моменту их присоединения к ее обсуждению в нее уже был включен уголовно-правовой элемент. Авангардное положение этого элемента было обусловлено тем, что верховное повеление преимущественно реализовывалось через повиновение, а неповиновение исправлялось через наказание как ключевую форму принуждения. Р. Филмер и Дж. Локк приняли эту аксиому и в своих трактатах продолжили прямо связывать власть с правом наказывать.

© Бочкарёв С. А., 2026

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: философия уголовного права; преступление; наказание; власть; монарх; народ; абсолютизм; Средневековье; Новое время; эпоха Просвещения; Бог; религия

Ideological and Theosophical Prerequisites for J. Locke's Criminal Law Views

S. A. Bochkarev

Institute of State and Law of the RAS

E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Received 20 Nov 2025

Introduction: this article continues the author's series of works examining the entire body of John Locke's writings to identify his criminal law paradigm and the factors that influenced its formation in specific historical contexts. **Purpose:** while previous studies have identified historical, biographical, and sociopolitical prerequisites, this review focuses on the ideological and religious aspects that, in their own way, influenced the thinker and shaped his views. **Methods:** the study employed general scientific methods such as description, analysis, synthesis as well as specific scientific methods: historical-legal, comparative-legal. **Results:** the paper has explored the legacy to which Locke drew. He did not write from a "blank slate," but acknowledged the contributions of his predecessors and colleagues, including J. Calvin, R. Bel-larmine, F. Hunton, R. Parsons, J. Buchanan, J. Major, W. Ockham, and J. Buridan. Through polemics with the English philosopher Robert Filmer, the thinker formulated and published two treatises on government, in which he expounded his criminal-political views. For the Enlightenment thinker, Filmer was a "composite figure" since Locke contrasted himself not only with Filmer but also, through him, with all supporters of royalism – H. Fern, J. Heywood, A. Blackwood, J. Barclay, and others. Through identifying the full spectrum of ideas surrounding the thinker, the paper reconstructs a picture of the topic considered and assesses the originality of Locke's approaches to understanding crime and punishment. **Conclusions:** the theme of the relationship between subjects and rulers is not new – it was not discovered by Filmer and Locke. By the time they joined the discussion, a criminal-law element had already been incorporated into it. The vanguard position of this element was determined by the fact that supreme command was primarily realized through obedience, while disobedience was corrected through punishment as the key form of coercion. Robert Filmer and John Locke accepted this axiom and, in their treatises, continued to directly link authority with the right to punish.

Keywords: criminal law philosophy; crime; punishment; authority; monarch; people; absolutism; Middle Ages; Modern Age; Enlightenment; God; religion

Введение

В предшествующих исследованиях, посвященных творчеству Дж. Локка, выявлены историко-биографические и социально-политические предпосылки, повлиявшие на формирование уголовно-правовой парадигмы философа. В рамках историко-биографического подхода изучен его жизненный путь, воспроизведение которого позволило определить ряд факторов – медицинское образование, научное окружение, публичные суды и казни, уголовно-политический контекст его бытия, – способствовавших формированию у Дж. Локка общеуголовных представлений. Их установление показало, что приближение мыслителя к определенной

политико-правовой модели шло не стихийно или исключительно академически, а эмпирическим путем – под воздействием бурных и кровопролитных процессов в истории Англии XVII в.*

В свою очередь, изучение личного политического опыта философа дало полные основания квалифицировать его в качестве ключевой детерминанты, способствовавшей выработке оригинальной уголовно-правовой концепции. Практика борьбы с монархом за фискальные послабления, имущественные дозволения и физические свободы, за законность преследования и проявление гуманности при назначении наказания позволила Дж. Локку прозреть и выйти за пределы средневековых стереотипов

* См.: Бочкарёв С. А. Историко-биографические предпосылки уголовно-правовой парадигмы Дж. Локка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29, № 4. С. 1223–1237.

о политике, в том числе уголовной*. Собственная насыщенная жизненная практика позволила в конечном счете определить постулаты уголовно-правовой теории, включая концепцию естественных прав и соразмерности наказания.

В настоящей статье обратимся к анализу идейно-религиозных аспектов, по-своему воздействовавших на мыслителя и контуры его взглядов. Значимость последних нельзя преуменьшать, ибо этого не делал сам Дж. Локк. Он не писал с чистого листа, а признавал заслуги предшественников и единомышленников. «Два тракта о правлении» убедительно свидетельствуют, что прежде чем изложить взгляды, философ нашел себе идейного антипода, которому он оппонировал на протяжении всего повествования. Таковым стал Роберт Филмер (ок. 1588–1653) – английский политический философ, отстаивавший абсолютную власть королей и ее происхождение от Бога. Через полемику с ним Дж. Локк формулировал и выводил в свет свою идею. Р. Филмер являл собой некий собирательный образ, ибо просветитель на самом деле противопоставлял себя не только ему, но и в его лице – всем сторонникам роялизма.

При таких обстоятельствах выявление полного спектра идей, окружавших мыслителя, становится актуальным и необходимым. Их воспроизведение позволит воссоздать картину познаваемой темы и оценить оригинальность предложенных Дж. Локком подходов, определить их принадлежность к той или иной научной школе, а в целом – состоятельность и апробированность, важность для современности. Определение места идей мыслителя в научной системе координат также дает возможность перепроверить сложившиеся представления об историографии уголовно-правовой науки, их хронологическую и источниковедческую достоверность.

Равенство людей и королей перед Богом и наказанием

«Патриарх, или Естественная власть королей» Р. Филмера, в противовес которой Дж. Локк писал трактаты, вышла в свет в 1680 году [6]. Причина обращения к этому сочинению и его использование в качестве исходной точки объяснимы. У британца не было собственного отправного начала. Сопоставление двух произведений самым первым делом приводит к ключевой гносеологической мысли Дж. Локка об отсутствии у людей врожденных идей. Ее раскрытию и обоснованию, напомним, он посвятил труд «Опыты о человеческом разумении», опубликованный в 1690 году. По убеждению ученого, человеческий разум представляет собой своего рода чистый лист, на котором «пишет» опыт.

По уголовно-правовой теме Дж. Локк также не имел врожденных соображений. Они у него появились на фоне и по причине неудобств, испытанных в ходе бурных общественно-политических процессов, развивавшихся в Англии, и его личной вовлеченности во властно-публичные перипетии. Не было у Локка и собственного дефинициарного ряда для выражения его представлений о нужности политического переустройства британского общества. Поэтому построение соответствующей теории мыслитель реализовал через противопоставление уже сформулированным и опубликованным идеям Р. Филмера. Наряду с медицинским образованием и естество-научными знаниями, сочинение последнего «Патриарх...», защищающее абсолютную власть королей, послужило для мыслителя и его философии права еще одним источником терминологии.

При этом важно заметить, что и Р. Филмер не являлся первооткрывателем поднятой темы. Уже первые страницы «Патриарха...» указывают на стремление автора выразить собственное мнение и противопоставить его определенным религиозным школам, взглядам некоторых богословов и других ученых мужей, которые возвели в общее мнение ряд деструктивных утверждений. Речь идет о человечестве, якобы от природы наделенном свободой, то есть рожденным свободным от всякого подчинения и вольным выбирать любую форму правления, какую пожелает. Если говорить точнее, Филмер начинает сочинение с оппонирования Роберту Парсонсу (1546–1610) – английскому иезуиту – и Джорджу Бьюкенену (1506–1582) – шотландскому историку.

Роберт Парсонс – писатель постреформационной эпохи и священник [15]. Был одним из католиков, изгнанных из Англии и написавших несколько произведений, выражавших недоверие к елизаветинской эпохе и гонениям на веру. Являлся сторонником возвращения страны в лоно католической Церкви [11]. Его перу принадлежит «Эдикт королевы Англии Елизаветы, направленный против кальвинистской ереси» (1591 г.). В нем он отрицал государственную измену католиков и возлагал вину за обострение обстановки с ними на ближайших советников королевы. Дал критический ответ на каждый пункт, поскольку усмотрел не только жестокость, нечестивость и несправедливость эдикта, но и ложь, за разоблачение и опровержение которых он взялся [12].

Однако главным теологическим трудом священника считается «Христианское руководство, ведущее людей к спасению...» 1585 года [14]. Причиной его написания, по признанию самого автора, стали «непрекращающиеся преступления той порочной эпохи, когда развратное поколение не только оскорбляло, но и унижало и даже проклинали своего Создателя» [14, р. 170]. В связи с этим объектом исследования мыслитель выбрал поведение человека.

* См.: Бочкарёв С. А. Влияние социально-политического опыта на уголовное правопонимание Дж. Локка // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 525. С. 249–258.

Познание последнего помогло ему выявить высокое влияние морали на волеизъявление индивида. «Люди, отказавшись от пороков, перешли к праведной жизни или утвердились в правильном образе жизни, практикуя добродетель» [14, р. 172].

К единственно достоверному источнику моральных установок Р. Парсонс отнес христианство. Бедная, простая и слабая община, созданная из христиан, пронзила и укрепила всех. Она «...ничего не создала, что могло бы привлечь или удовлетворить человеческую природу; ничего роскошного, ничего соблазнительного, ничего, что могло бы усладить или развлечь чувственность» [14, р. 175]. Вместе с тем, пройдя все гонения и насилия, община смогла найти в себе силы и через страдания создать самое совершенное и превосходящее учение о человеке и о его бытии. Личный опыт невинных христиан, перенесших наказание, которое по жестокости не сравнится с наказаниями всех преступников мира, помог им создать христианскую мораль как «совершенно небесное и ангельское состояние на земле, в котором нет мошенничества, нет обмана, никакой злобы, никаких раздоров, никаких нечестивых намерений» [14, р. 175].

Необходимость в морали Р. Парсонс объяснял тем, что природа не имеет нравственных ориентиров и не знает законов, способных восстанавливать справедливость. Инстинкты «всегда будут брать верх там, где добродетель не зиждется на добродетели...», — отмечал священник [14, р. 180]. «Прискорбное ослепление многих христиан, которые отказываются от принципов морали и религии, ведет к тому, что они начинают мыслить так же, как и язычники», — писал мыслитель [14, р. 181]. Основополагающую причину их разложения он видел в неограниченной свободе, ставшей «страшным несчастьем нашего века» [14, р. 182]. Без морали воцарились бы жестокость и насилие. Без морали для наказания за преступления не потребовалось бы законов. Ибо только закон религии и веры требует от всех нас быть простыми, чистыми, правдивыми и честными, пребывать в согласии, любви и милосердии друг к другу.

Для обуздания неоправданной вольности священник предлагал воспитывать волю, ибо одного убеждения недостаточно для исправления криминального эгоизма. В качестве примера воспитательной работы Р. Парсонс привел жизнь христианина. Она есть «...не что иное, как непрерывная борьба и преодоление всего дурного в мыслях, словах и поступках, а также неустанное проявление благочестия и добрых дел, которые он может совершить своей рукой или сердцем» [14, р. 247]. В результате этой работы христиане стали более мягкими и утонченными в манерах и жизни, чем когда-либо была цивилизованная часть язычников и неверных. Те же христиане, которые увлеклись верой, но не исправились, заслуживают за провинности гораздо более сурового наказания, чем язычники, так как последние не имели христианских руководств для надлежащего понимания и отношения к жизни.

Отдельно Р. Парсонс высказался о царских особах. Для них он не делал какого-либо исключения. Имея в виду каждого, говорил, что тот, кто грешит смертно, лишается благодати Божьей, которая является величайшим даром и может быть дана человеку только в этой жизни. Следовательно, он лишается всего, что сопутствовало этой благодати, в том числе врожденных добродетелей и семи даров Святого Духа, отказывается от всего наследства, притязаний и прав на Царство Небесное, которое принадлежит ему только по благодати, как справедливо отмечал апостол Павел. Следовательно, «он лишает себя всех связанных с этим достоинств и преимуществ в жизни, таких как статус и высшая привилегия — быть Сыном Божиим в сообществе святых, покровительство святых ангелов и тому подобное»; «он сам навлекает на себя вечное наказание и вписывает свое имя в книгу погибели» [14, р. 278].

Могущественный Бог лишает венценосную особу своего божественного величия и того, чем она обладает, — превосходной собственности и славы, которые являются лишь проявлением бесконечной милости Господа. По мнению Р. Парсонса, Бог поступал подобным образом, поскольку «для глубокой раны нужно сильное и продолжительное лекарство. Тяжкое преступление требует тяжкого наказания» [14, р. 618]. Наказание, по убеждению писателя, «должно быть и суровым, и долгим, и неотвратимым» [14, р. 618]. Перед критиками подобной позиции священник ставил риторические вопросы: «Что же это за безумие, если ты сейчас бредишь рану, зная, что лекарство потом будет еще более болезненным? Какая жестокость может быть более по отношению к самому себе, чем вонзать шипы в собственную плоть, которые потом приходится вытаскивать со множеством слез? Выпил бы ты эту чашу с ядом ради малой толики удовольствия, которое вскоре обернулось бы для тебя жгучей лихорадкой, мучительными болями в животе и либо лишило бы тебя жизни, либо подвергло бы тебя смертельной опасности? Есть ли безумие, ярость или безумная страсть сильнее этой?» [14, р. 618].

При этом известно, что Господь поступал и иначе. Вместо наказания Он приближал к себе и принимал злоумышленников с распростертыми объятиями после того, как они совершили множество тяжких преступлений, и даже возвращал их на императорский трон. Однако Бог делал эту милость не беспочвенно. Одарял ею только тех, кто сожалел о своей прежней жизни и поступках, усердно каялся [14, pp. 418–420].

Особого внимания заслуживают «Несколько речей...» Парсонса, вышедших в свет в 1648–1649 годах и посвященных обоснованию наделения парламента правом по возбуждению дел против короля за плохое управление. В них автор рассмотрел основные принципы, которые государство должно соблюдать при принятии или исключении своего короля. Далее выразил убеждение, что правление по крови не является законом природы или божественным правилом.

В подтверждение привел примеры, как престолонаследники по кровному родству часто отеснялись под общественным давлением, а на их места допускались более отдаленные. Предметно изучил принципы судебных разбирательств против принцев. Привел примеры того, как в разных странах великое почтение к королям не исключало их законного наказания парламентами и населением за злоупотребления [13].

Джордж Бьюкенен – историк и гуманист XVI века. Важнейшие работы мыслителя в области истории созданы в последний период его жизни, когда он занимался воспитанием короля Якова VI (1566–1625). В 1579 году им опубликованы «Диалоги о должных привилегиях правительства в королевстве Шотландия», посвященные вопросу отношений между монархом и его подданными. Они произвели большое влияние на общественно-политическую мысль Великобритании, за что неоднократно запрещались английскими королями (1584, 1644, 1683 гг.). Их автор в основном вещал о неспокойном положении в стране в силу совершения ужасных преступлений, вызывающих общую ненависть. Они воспламеняли народ и погружали его в состояние позора за преступления других людей, опустошающих разочарованием и не оставляющих места для извинений. Вел речь о примерах зверства и неслыханной жестокости, от нападков на которые невозможно удержаться. Во всех этих случаях Дж. Бьюкенен имел в виду злодеяния королей, которые из-за их совершения утрачивали милосердие перед собой и наделяли властью тех, кто вынужден яростно восстать против абсолютной власти. Дж. Локк полностью разделил этот тезис и согласился со словами гуманиста о том, что когда монархи переставали проводить различие между справедливостью и беззаконием, честностью и порочностью, в глазах общественности их правление вырождалось в жестокое варварство, а сила прямой власти однажды отнималась почти полностью и передавалась на попечение народа.

На основании обозначенного опыта Дж. Бьюкенен поделил власть на законную и тираническую, мысль о чем в последующем также найдет развитие у Дж. Локка. Историк писал: «Я действительно питаю отвращение к убийству королей и рад, что нация свободна от этого предрассудка» [3, р. 3]. «Народ, от которого наши короли пользуются большими привилегиями, – добавлял мыслитель, – более могущественен, чем их короли» [3, р. 55]. «Весь народ имеет над королями ту же привилегию славы, которую они имеют над каждым в отдельности из всего народа» [3, р. 55]. Поэтому историк не мог допустить порицания народа только за то, что он однажды и вынужденно пренебрег суверенностью правителя, «которая у всех народов всегда считалась великой и достойной уважения» [3, р. 55].

Отдельно Дж. Бьюкенен коснулся окружения монарха. Он осудил «тех, кто привык подчиняться воле тиранов, и считал, что все для них справедливо

и законно, что они могут угождать королям» [3, р. 27]. Такие люди надеются на «выгоду, почет и власть при дворе, <...> они не скорбят о несчастьях, а заботятся о собственной безопасности и очень хотят получить награду за свое самое тяжкое преступление» [3, р. 27]. Здесь гуманист имел в виду помощников монарха и назначенных им чиновников, «которые призваны охранять, но не командовать, указывать путь, но не вести за собой, или, вернее, увлекать или гнать вперед, не оставляя королю никакой другой власти, кроме как подчиняться им» [3, р. 27].

Что касается статуса королей, то для Бога, утверждал Дж. Бьюкенен, они не более приемлемы, чем нищие. «Следовательно, мы можем с уверенностью утверждать, что Бог, будучи Отцом всего сущего, от провидения которого ничто не сокрыто и силу которого ничто не может изменить, не оставит безнаказанным ни одно злодеяние» [3, р. 54]. В ответ на реплики своих критиков, указывающих на отсутствие примеров в Священном Писании, где одобряется наказание нечестивых царей его подданными, он отмечал, что «в стране много гражданских законов и большая их часть не взята из какого-либо старого примера, а создана против новых обманов и злоупотреблений» [3, р. 54]. По сути, подчеркивал мыслитель, нет разницы, судите ли вы о том, что является уже запрещенным, или издаете закон о введении соответствующего запрета, поскольку каждому понятно, что бы он сделал с тираном, когда последний грабит имущество своих подданных и проливает их кровь. При этом выражал сожаление, «что наши люди ранее не издали закон тем, кто по публичному указу, без каких-либо наказаний, совершает вопиющие преступления» [3, pp. 54–55].

Здесь же мыслитель привел примеры некоторых герцогов, в том числе королей Франции, использовавших монархические почести как частные лица, за что затем проводили свои дни в тюремных камерах. «Я мог бы перечислить, – писал Дж. Бьюкенен, – двенадцать или более королей, которые за великие преступления и вопиющие деяния были либо приговорены к пожизненному заключению, либо понесли суровое наказание за свои злодеяния, либо умерли насильственной или добровольной смертью» [3, р. 56]. Но остановился на констатации того, что «во всех случаях должно выноситься судебное решение: как в отношении вида преступления, так и в отношении наказания или вознаграждения виновного» [3, р. 56]. В ином случае, утверждал гуманист, «я боюсь, что оставшиеся за границей народы будут скорее винить указы, которыми вы, по их мнению, недостаточно защищены, чем совершенное ими преступление, полное жестокости и ненависти» [3, р. 56]. Эти истины, подчеркивал Дж. Бьюкенен, следуют не столько из указов людей, сколько из источников природы [3, р. 56].

Анализ произведений Р. Парсонса и Дж. Бьюкенена позволяет утверждать, что их взгляды полагались на солидное творчество предшественников.

Дж. Бьюкенен, например, опирался на идеи своего учителя – Джона Мейджора (1467–1550), занимавшегося обоснованием примата Церкви как единой организации над папством, а также примата нации над ее королем, подчеркивал наличие у человека естественного права на свободу. В свою очередь, Дж. Мейджор полагался на известных номиналистов XIV столетия Уильяма Оккама (ок. 1287–1347) и Жана Буридана (ок. 1300–1358), выступавших с позиции концилиаризма, то есть богословской концепции, отстаивающей приоритет собора над решениями Папы Римского.

**Добродетель как условие, а согласие
как источник правомерной уголовной власти**

Наряду с названными знатоками и авторитетами религиозной мысли Р. Филмер отнес к своим оппонентам Жана Кальвина (1509–1564) – французского теолога, полемиста и пастора, Роберта Белармини (1542–1621) – римского ученого-богослова и кардинала католической церкви, а также Филипа Хантона (1600–1682) – английского священнослужителя и политического писателя.

Жан Кальвин – основатель системы христианского богословия, разделявшего Церковь на видимую и невидимую, истинную и ложную. Он выступал против главенства римского папы над церковью, доказывая, что единственным главой Церкви является Иисус Христос. Ж. Кальвин в 1536 году написал «Наставления в христианской вере», в которых проанализировал древний порядок церковного управления, придя к выводу о его искажении и извращении тиранией папства [2]. Речь идет об отклонении папством от установок Св. Духа, пожелавшего, чтобы при управлении Церковью никто не присваивал себе какое-то первенство или главенство. Обратил Ж. Кальвин внимание и на издаваемые при папстве несправедливые законы, посредством чего осуществлялась тираническая власть над душами и их ввержение в геенну.

Высказался мыслитель и о гражданском управлении. В частности, он считал самой терпимой и безопасной формой начальствования, когда правление реализуется через нескольких людей, способных помочь и дать совет друг другу. «И если кто-нибудь из них слишком вознесется, другие сумеют предостеречь и остановить его» [10, pp. 639–640]. Они обязаны установить «способ правления, при котором свобода умеряется должным порядком и благодаря этому способна существовать долго» [10, pp. 639–640]. Царский трон в том случае является образцом добродетели, если он не покрывает преступления и несправедливые дела, изгоняет клеветников и гордецов, повсюду ищет добрых и верных советников. Правители могут исполнить отмеченную обязанность «лишь тогда, когда способны защитить добрых от несправедливости злых и помочь притесняемым» [10, pp. 639–640]. Для этого они наделены

властью подавлять и сурово карать творящих зло, чьими злодеяниями нарушается общественный мир. Здесь мы, писал Ж. Кальвин, «на опыте познаём правоту Солона, сказавшего, что все сообщества держатся на двух вещах: на вознаграждении добрых и наказании злых. Без этих двух вещей разрушается и обращается в ничто дисциплина всякого человеческого сообщества (Цицерон. Письмо Бруту, 15)» [10, pp. 639–640].

«Если же правители пренебрегают соблюдением свободы или допускают ее ущемление, то являются предателями и изменниками», – отмечал Ж. Кальвин [10, pp. 662–663]. При этом такое пренебрежение еще не могло быть поводом для разбирательства над монархом. «Те, кто по воле Божьей живут под властью государей и являются их подданными, не должны присваивать власть себе и впадать в искушение, поднимая мятеж или требуя перемен. Такое стремление было бы не только безумным и бесполезным, но также пагубным и нечестивым» [10, pp. 639–640]. Вместе с тем теолог сделал одно исключение для случая, когда начальствующие отдают приказ, обращенный против Бога. В этом единственном случае, писал полемист, не стоит взирать на достоинство начальствующих, ибо земная власть является низшей перед верховной властью Бога, и Господь, поставляя смертных людей под управление королей, уступал им Свои права на народ. Обращенный против Бога приказ, по убеждению Ж. Кальвина, не имеет силы, а склонность потворствовать желаниям царей-идолопоклонников и приспособляться к их идолослужению сурово осуждается пророками как преступное признание и принятие царского указа. Здесь народ должен следовать словам св. Петра о том, что монарху «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» [10, pp. 639–640]. Он же при сотворении суда не должен забывать, что «творить правду – значит оказывать покровительство невинным, защищать их, поддерживать и освобождать от притеснений. Творить суд – значит противостоять наглости злых, обуздывать их насилия и карать их преступления» [10, p. 640].

Роберт Белармини стал интересен Р. Филмеру как автор «Дискуссий о противоречиях христианской веры против еретиков нашего времени» (так называемых Диспутаций или Диспутов), опубликованных в 1581–1593 годах [1]. В них ученый систематизировал различные религиозные споры между католиками и протестантами, попытался опровергнуть протестантскую точку зрения о Папе Римском как об Антихристе. По итогам его усилий книга признана главной защитой католической Церкви и особенно папской власти. Она произвела большое впечатление на всю Европу. С целью ее опровержения и понижения авторитета в ряде стран, особенно в Германии и Англии, были созданы специальные кафедры. Контраргументы против нее писали Томас Гоббс, Теодор Беза, Конрад Ворстиус, Джон Рейнолдс и др.

Вместе с тем далеко не всё во взглядах Р. Белармини понравилось Церкви. В 1590 году папа Сикст V решил включить первый том «Диспутаций» в перечень запрещенных книг. Причиной послужило не признание папы светским правителем всего мира. Последний, по его убеждению, получает власть не от Бога, а от согласия подданных. В этом случае кардинал исходил из того, что Христос не использовал свою светскую власть, а потому и папа не может этого делать. Также мыслитель допустил наступление обстоятельств, при которых папа может впасть в ересь. Поскольку из-за ереси он перестает быть папой и даже членом Церкви, то понтифик должен быть свободно осужден и низложен Церковью. Эта мысль настолько понравится Дж. Локку и другим представителям эпохи Просвещения, что они будут экстраполировать ее на монарха. Однако Сикст вскоре умер и не успел реализовать свой замысел. Спустя столетия Р. Беллармин был канонизирован папой Пием XI в 1930 году, а через год и вовсе объявлен учителем Церкви.

Творчество Филипа Хантона представлено «Трактатом о монархии» (1643 г.) [9]. В нем автор отстаивал возможность и нужность существования ограниченной или «смешанной монархии». У него власть короля должна измеряться законом, принятым в согласии, а не собственной волей. При этом властные полномочия должны распределяться между разными центрами, чтобы они могли уравновешивать друг друга. Только трем сословиям – духовным лордам, светским лордам и членам палаты общин – предоставлялось право на сопротивление королю, и только при условии, если его правление скатывалось к тирании.

Идеи Ф. Хантона, пытавшегося отыскать «срединный путь» между роялистами и парламентариями, любопытны также тем, что во многом им в противовес Р. Филмер написал «Патриархию». Подвергая позиции Ф. Хантона атаке, последний стремился не только опровергнуть их, но и оставить непоколебимыми взгляды своего единомышленника Генри Ферна (1602–1662) – британского священнослужителя, богослова и капеллана армии короля Карла I, отстаивавшего абсолютную власть последнего. Вероятно, именно идеи названных мыслителей и их эпистолярный подход послужили примером для Дж. Локка, выстраивавшего стиль написания трактатов о правлении на оппонировании Р. Филмеру и его «Патриархии».

Сочинение Ф. Хантона стало ответом на памфлеты Г. Ферна: «Решение вопроса о совести...» (1642 г.) и «Предмет верховной власти» (1643 г.). В первом сочинении автор задался вопросом: «Могут ли подданные взяться за оружие и оказать сопротивление при таком предположении?», и ответил на него словами: «Вооруженное восстание против короля – это восстание “против Апостолов”» [4, р. 7]. Во втором – Г. Ферн, может показаться, чуть отступил от ранее возведенного императива и разделил позицию

о правлении короля, которое должно основываться на согласии между ним и народом. Однако сама королевская власть для мыслителя имела божественное происхождение. «Обе палаты парламента, – по убеждению мыслителя, – находятся в подчинении королю, но «никто не может заирать у парламента право участвовать в принятии законов» [5, р. 11].

На основе подобных и, на первый взгляд, полярных по своему существу взглядов Хантон изложил теорию активно-пассивного подчинения и пассивно-активного сопротивления. Согласно концепции, если на кону не стоит цель защиты всего сообщества, то активно-насильственное сопротивление самым тираническим действиям правителя является незаконным. Выработкой подобных формул, как отметил У. Халлер, мыслитель попытался найти абсолютную основу для правления [7]. Однако столкнулся с дилеммой, когда король и парламент оказывались в своих взаимоотношениях в безвыходном положении. Другими словами, становились бессильными найти мир и не способными компромиссно урегулировать взаимные претензии. В этом случае апелляция должна быть обращена к обществу, как если бы правительства не существовало, а люди на основе совести призваны оказать ему посильную помощь.

Поскольку соображения Хантона существенно колебали все привычные для того времени политические рассуждения, ряд ученых признали его выдающимся мыслителем [8]. Он стал одним из немногих философов того периода, кто представил целостную теорию баланса сил, в то время как другие авторы продолжали приводить аргументы в пользу монарха или парламента. При этом, с учетом сложившихся обстоятельств, всё больше предпочтений отдавалось парламенту. Активно объяснялось, почему парламент следует считать высшей властью. Этому Хантон парировал, утверждая, что ни одна власть в «смешанном правительстве» не может быть высшей, ибо все власти равнозначны. Если попытаться навязать превосходство одной из сторон, то это изменит структуру правительства и нарушит баланс его сил.

Формы правления и эффективность отправления уголовного правосудия

Изучение вышеназванных сочинений также показывает, что Р. Филмер и Дж. Локк выбрали себе в оппоненты солидных представителей. Вместе с тем их авторитет не помешал Р. Филмеру обвинить предшественников в создании теорий, преумножающих грех. «Они привлекательны широкому обывателю лишь тем, что близки к нуждам их плоти и крови, поскольку щедро распределяют свободу среди самых ничтожных из толпы», – писал философ [6, р. 3]. Осудил их за возведение мнения о свободе в смысл всего человеческого счастья. Здесь они забыли первопричину грехопадения Адама, состоявшую в стремлении к свободе. Но как бы ни было распространено

обозначенное мнение в последнее время, его не найти у древних отцов и учителей первохристианской церкви, отмечал мыслитель. Оно противоречит Священному Писанию, постоянной практике древних монархий и самим принципам естественного права.

Многие возражения на попытки опровержения абсолютной монархии, по признанию Р. Филмера, уже даны. К основным и наиболее авторитетным защитникам царской власти он отнес Джона Хейвуда (1497–1580) – английского поэта и драматурга, особенно выделил Адама Блэквуда (1539–1613) – шотландского писателя и автора «Двух книг о союзе религии и светской власти» (1575 г.), а также Джона Барклая (1582–1621) – шотландского поэта и автора политического романа «Аргенис» (1621 г.). Всех указанных мыслителей Р. Филмер причислил к храбрым защитникам статуса королей и их неограниченных полномочий. При этом к недостаткам их аргументации он отнес единодушное признание храбрецами концепции естественной свободы и равенства человечества в качестве неоспоримой истины. Если бы они признали ошибочность этих принципов, то все представления о естественном происхождении власти от народа отпали бы сами собой как ересь. В связи с этим в «Патриархе» Р. Филмер считал нужным усилить позиции уже высказавшихся специалистов в том числе выдержками и обобщениями из истории родной ему Англии.

В первую очередь он взялся за опровержение принципа естественной свободы человечества. Его отнес к последствию, производному от первородного греха и оценил как опасный прецедент [6, pp. 3–8]. Далее, полагаясь на ветхозаветные тексты и сюжеты, обосновал происхождение первых королей от отцов семейств. Все монархи у него являются либо отцами своего народа, либо их наследниками или нарушителями прав таких отцов. Для Р. Филмера существовало и могло существовать только естественное право Верховного Отца на власть над всем человечеством. «Если мы сравним естественные права отца с правами короля, то обнаружим их однородность и единство. Как отец заботится об одной семье, так и король, будучи отцом многих семей. Все обязанности короля сводятся к всеобщей отеческой заботе о своем народе», – писал мыслитель [6, p. 6]. «Его война, его мир, его суды и все его действия как правителя направлены лишь на то, чтобы сохранить и передать права и привилегии каждому подчиненному и низшему отцу, их детям ...» [6, p. 7].

Затем Филмер вновь обратился к Писанию и на его основе обосновал противоестественный характер права народа управлять или выбирать правителей. В Заветах он не нашел подобных примеров. Бог всегда управлял с помощью монархии [6, p. 49]. В качестве подтверждения мыслитель привел историю Рима, где империя была основана при царях и усовершенствована при императорах. В условиях опасности народ Рима всегда бежал к монархии. В свою очередь,

отмечал Р. Филмер, народное правительство часто являлось более кровавым, чем тирания монархов. Коррупция при нем процветала, а общественный порядок находился в упадке. Многие горожане приходили на публичные собрания вооруженными, как будто собирались на войну.

Наряду с собственными наблюдениями Филмер воспользовался опытом Ксенофонта (ок. 445–354 гг. до н. э.). В свое время древнегреческий писатель осудил афинское государство за следование демократической форме правления. В рамках нее нечестивые всегда пользуются наибольшим уважением, а добродетельные находятся в подчиненном положении [16]. Бездна злодеев была такова, что под страхом смерти всем магистратам запрещалось приговаривать кого-либо к смерти, изгонять или лишать свободы, а также бить плетью за любое преступление, совершенное против богов или людей. Афиняне продавали правосудие так же, как и другие товары. Это заставило Платона (427–347 гг. до н. э.) назвать поместье, где отправлялось правосудие, ярмаркой [6, p. 56].

Перейдя к аргументации из истории собственной страны, Филмер обобщил и заключил, что «у нас на протяжении более 600 лет правило двадцать шесть королей и ни один из них не был обвинен историками в тирании. Это гораздо дольше и убедительнее, чем когда-либо могло просуществовать какое-либо народное государство» [6, p. 58]. Ни один из двух королей, которые были варварски убиты народом Англии, не был свергнут за тиранию. На основании приведенного опыта Р. Филмер заключил, что «нет ничего более ненадежного, чем народ; его мнения так же изменчивы и внезапны, как бури; в них нет ни истины, ни здравого смысла; они руководствуются не мудростью, а насилием и безрассудством; они не видят разницы между истиной и ложью» [6, p. 58].

Заключительную часть «Патриарха» Филмер посвятил позитивным законам и обоснованию их низшего статуса по отношению к естественной и отцовской власти королей. Именно их власть придает законам силу, то есть то, что делает законы законами, принуждая людей к повиновению с помощью поощрений или наказаний. Они не могут ограничивать ее, поскольку монарх является автором, толкователем и исправителем общих законов. Он же выступает верховным судьей по всем делам [6, pp. 101–105]. Народ и парламент, их согласие или волеизъявление, оформленные или не оформленные в виде законов, не имеют отношения к естественным обязанностям и привилегиям монархов. «Все короли, даже тираны и завоеватели, – отмечал мыслитель, – обязаны сохранять земли, имущество, свободы и жизни всех своих подданных не столько в силу закона страны, сколько в соответствии с естественным правом отца, требующего подтверждать деяния своих предков и предшественников в том, что необходимо для общественного блага их подданных» [6, pp. 115–117].

Король, тем не менее, по доброй воле действует в соответствии с законами для примера другим, ибо они являются естественным и единственным средством сохранения государства. При этом клятва короля оставляла ему право соблюдать не все законы, а только справедливые. Злые же законы она обязывала его полностью отменять. Тем самым клятва наделяла короля правом судить о том, какие законы справедливы, а какие – злы. Такая необходимость также следовала из его обязанности вершить справедливое правосудие с должной осмотрительностью и милосердием. Здесь же Р. Филмер утвердительно ответил на вопрос о том, является ли грехом для подданного послушание короля, если приказ противоречит его законам. Не только в человеческих законах, но даже в божественных может быть отдан приказ, противоречащий закону, и всё же подчинение такому приказу необходимо.

Особенно ценными для Дж. Локка являлись слова Р. Филмера о государственном суверенитете, имеющем уголовно-правовую составляющую. «Акты осуждения за тяжкие преступления, развязывание войны, и заключение мира, – отмечал сторонник роялистов, – являются главными признаками суверенитета, которые можно найти у любого монарха» [6, pp. 15–19]. В их верности просветитель убедился на собственном опыте, когда по воле королей вместе с графом Шефтсбери неоднократно подвергался уголовному преследованию. На этой же составляющей царской власти были сосредоточены и оппонирующие английским королям политические силы, когда старались в своих ремонстрациях и биллях закрепить передачу от монарха к парламенту права на уголовное преследование.

**Императив трона –
не совершать свои преступления
и не скрывать чужие преступления**

В заключение важно подчеркнуть значимость вышеприведенного наследия. Его изучение показало истоки поднятой темы, убедительно продемонстрировало, что тема взаимоотношений подданных и правителя не нова. Она не открывалась Р. Филмером и Дж. Локком, и они не включали в нее уголовно-правовую составляющую. Мыслители присоединились к разработке проблематики, шествующей от эпохи к эпохе с определенными изменениями и в зависимости от конкретно-исторических условий. Для философов тема имела давнюю и прежде всего теософскую предысторию.

Эволюция вопроса также показала, что он родом из церковного лона. Сначала на его развитие повлияло конфликтное выяснение отношений между папой и Церковью, когда оспаривалось верховенство и непогрешимость понтифика. Папы старались сохранить абсолютистскую систему церковного управления, а Вселенские соборы не всегда признавали и легализовывали их пожелания, стесняя тем самым их

политические амбиции и властные полномочия. Тем не менее на почве их споров возникали предпосылки для проведения реформ. Некоторые из них воплощались в жизнь. В кардинальские коллегии, в частности, наряду с родственниками папы начали включать авторитетных представителей высшего духовенства, то есть происходило степенное перераспределение властно-церковных правомочий.

Затем наступил период активного выяснения отношений между религиозными и светскими властями за сферы влияния и компетенции. Если говорить в целом, то Церковь не стремилась расставаться с частью своего влияния на социально-политические процессы. Однако в некоторых поместных церквях всё же признавали необходимость и важность государства. В результате римско-католическая часть Церкви пошла по пути усиления централизации власти папы, а восточно-византийская – работала над идеалом «гармоничного сотрудничества» между Церковью и государством.

Следующую волну плотного соприкосновения с темой инициировали очередные эпохи и поколения, к лучшим представителям которых время заслуженно отнесло и Р. Филмера и Дж. Локка. По мере возрастания степени секуляризации общества проблематика претерпевала трансформацию и преимущественно сводилась уже к выяснению взаимоотношений между субъектами сугубо светской жизни – подданных и правителя. Религиозный аргумент в контексте их противостояния в основном использовался для безусловного выигрыша королей в полемике о безграничных пределах их власти за счет причисления себя к богоизбранным особам.

Здесь важно отметить и не упустить, что к моменту присоединения Р. Филмера и Дж. Локка к обсуждению темы в нее уже был включен уголовно-правовой элемент. При этом его введение было продиктовано жизненными обстоятельствами, а не чьим-либо произвольным повелением или умозрительным решением. Речь идет о нередких случаях, когда разбирательства между властью и подданными доходили до прямого противоборства. Они, как правило, начинались с преследования, а заканчивались физическим воздействием более сильной стороны на слабую, что объявлялось заслуженным наказанием. Их борьба по ходу или по результатам облекалась в уголовно-правовую форму. Иными словами, на всех исторических этапах вопрос о статусе королей и пределах их власти, в том числе власти наказывать и миловать, вызывал практический интерес, требующий реального разрешения. Реже ставился и решался вопрос о власти народа над монархом. На глазах у Дж. Локка состоялась казнь Карла I, а сам мыслитель входил в состав заговорщиков против Карла II, планировавших его убийство.

Дилемма, иными словами, высвечена и выведена на поверхность не пространством любопытства народа или интеллектуальными играми мыслителей, а возмутительными и непростительными преступлениями, допускаемыми как рядовыми гражданами,

так и венценосными особами или их двором. Каждая из обозначенных сторон вопрос о пределах уголовной власти решала по-своему. Король апеллировал к Богу и через отождествление себя с ним претендовал на равный ему объем безграничного влияния на общество. В свою очередь, народ не отрицал Бога и чтил его еще больше, чем монарх, однако периодически натывался на варварские злоупотребления последнего, в связи с чем уходил в неповиновение к нему или к его свержению.

Подобный опыт позволяет прийти к выводу о том, что вопрос о происхождении власти в контексте взаимоотношений монарха и подданных использовался для прикрытия более важного аспекта. Его предназначение сводилось к заслону существенного для привилегированного лица элемента в его статусе. Речь идет о сокрытии под личиной абсолютной властью желания монарха обладать абсолютной безответственностью. Для оправдания наличия этого «блага» у короля часто вспоминали о его происхождении от Бога.

Однако теологи, даже самые ярые из них защитники монархии, ничего не находили об абсолютной безответственности в Священном Писании, пронизанном заветами Господа и примерами его благодеяний. Потому они постепенно и аргументированно отступали от Абсолюта. Священнослужители не отрицали божественного генезиса монарха, но в идеал возводили императив о троне, призванном не совершать свои преступления и не покрывать чужие преступления. Считали естественным и закономерным утрачивание королями иммунитета перед народом, которому вынужденно переходила власть над ними, в том числе судебная, ввиду творимых злодейств.

Уголовно-правовой аспект занял в структуре темы одно из передовых мест. Это положение вытекало не только и не столько из-за того, что отступление от обозначенного императива трона верно указывало на скорую утрату высокого положения и неограниченной власти. Авангардное положение уголовно-правового элемента было главным образом обусловлено тем, что верховное повеление преимущественно реализовывалось через повиновение, а неповиновение исправлялось через наказание как ключевую форму принуждения. Р. Филмер и Дж. Локк приняли эту аксиому и в своих трактатах продолжили прямо связывать власть с правом наказывать.

Библиографический список

1. *Bellarmino R.* Disputationum Roberti Bellarmini Politiani, S.J. s.r.e. cardinalis, de controversiis christianæ fidei adversus hujus temporis hæreticos, quatuor tomis comprehensarum. Tomus primus septimus. Tomus primus controversias tres generales complectens. Publisher apud Joannem Malachinum, sub signo s. Ignatii, 1721. 506 p.
2. *Calvin J.* Christianae religionis institutio: totam ferè pietatis summā & quicquid est in doctrina salutis cognitu necessarium complectens: omnibus pietatis studiosis lectu dignissimum opus, ac recens editum Praefatio ad Christianissimum regem franciae, qua hic ei liber pro confessione fidei offertur. Publisher Basileae: T. Platteru & B. Lasium, 1536. 530 p.
3. *De jure regni apud Scotos, or, A Dialogue Concerning the due Priviledge of Government in the Kingdom of Scotland Betwixt George Buchanan and Thomas Maitland by the said George Buchanan.* London: Baldwin, 1689. 88 p.
4. *Ferne H.* The Resolving of Conscience. Cambridge: Printed by Roger Daniel, 1642. 65 p.
5. *Ferne H.* The Subject of Supremacy. The Right of Ceaser. London: Printed for Ben. Allen and are to be Sold at his Shop in Popes-head Alley, 1643. 86 p.
6. *Filmer R.* Patriarcha or the Natural Power of Kings. London: Richard Chiswell, 1680. 157 p.
7. *Haller W.* The Rise of Puritanism. New York: Columbia University Press, 1938. 488 p.
8. *Hill C.* The Century of Revolution, 1603–1714. New York; London: W.W. Norton & Company, 1961. 369 p.
9. *Hunton P.* A Treatise of Monarchy: Containing Two Parts. I. Concerning monarchy in general. II. Concerning this Particular Monarchy, also a vindication of the said treatise. London: Printed for E. Smith and are to be sold by Randal Taylor near Stationers-Hall, 1689. 108 p.
10. *Ioannis Calvini Institutio christianae religionis.* Publisher Berolini: apud Gustavum Eichler, 1834. 1052 p.
11. *Parsons R.* A Treatise Tending to Mitigation Tovvarden Catholike-Subiectes in England VVherin is Declared, that it is not Impossible for Subiects of Different Religion. Ilkley. Scolar Press, 1607. 872 p.
12. *Parsons R.* Elizabethae Angliae Reginae haeresim Calvinianam propugnantis saevissimum in Catholicos sui Regni edictum: quod in alios quoque reipublicae Christianae principes contumelias continet indignissimas: promulgatum Londini 29. Novembris M.D.XCI.: cum responsione ad singula capita, qua non tantum saevitia & impietas tam iniqui edicti, sed mendacia quoque & fraudes & imposturae deteguntur & confutantur. Ex Typographia Aloysii Zannetti, 1593. 542 p. (In Lat.).
13. *Parsons R.* Severall Speeches Delivered at a Conference Concerning the Power of Parliament to Proceed Against Their King for Misgovernment. Printed by R. Ibbitson, 1648. 80 p.
14. *Parsons R.* The Christian Directory Guiding Men to Eternall Saluation: Devided into Three Bookes. F. Bellet, 1607. 558 p.
15. *Pollen J.* Robert Parsons. In The Catholic Encyclopedia. New York: Robert Appleton Company, 1911. Vol. 11. Pp. 729–730.
16. *Welwood J.* Xenophon. The banquet of Xenophon. Done from the Greek. With an Introductory Essay Concerning the Doctrine and death of Socrates. Addressed to Lady Jean Douglas. 1750. 176 p.

References

1. Bellarmino R. *Disputationum Roberti Bellarmini Politiani, S.J. s.r.e. cardinalis, de controversiis christianæ fidei adversus hujus temporis hæreticos, quatuor tomis comprehensarum*. Publisher: apud Joannem Malachinum, sub signo s. Ignatii, 1721. 506 p. (In Lat.)
2. Calvin J. *Christianæ religionis institutio: totam ferè pietatis summā & quicquid est in doctrina salutis cognitu necessarium complectens*. Publisher: Basileae: T. Platteru & B. Lasium, 1536. 530 p. (In Lat.)
3. De jure regni apud Scotos, or, A Dialogue Concerning the due Priviledge of Government in the Kingdom of Scotland Betwixt George Buchanan and Thomas Maitland by the said George Buchanan. London: Baldwin, 1689. 88 p. (In Eng.)
4. Ferne H. *The Resolving of Conscience*. Cambridge: printed by Roger Daniel, 1642. 65 p. (In Eng.)
5. Ferne H. *The Subject of Supremacy. The Right of Ceaser*. London: printed for Ben Allen and are to be sold at his shop in Popes' Head Alley, 1643. 86 p. (In Eng.)
6. Filmer R. *Patriarcha, or the Natural Power of Kings*. London: Richard Chiswell, 1680. 157 p. (In Eng.)
7. Haller W. *The Rise of Puritanism*. New York: Columbia University Press, 1938. 488 p. (In Eng.)
8. Hill C. *The Century of Revolution, 1603–1714*. New York, London: W. W. Norton & Company, 1961. 369 p. (In Eng.)
9. Hunton P. *A Treatise of monarchy: containing two parts. I. Concerning Monarchy in General. II. Concerning This Particular Monarchy, also a Vindication of the Said Treatise*. London: printed for E. Smith and are to be sold by Randal Taylor near Stationers' Hall, 1689. 108 p. (In Eng.)
10. Ioannis Calvini *Institutio christianæ religionis*. Publisher: Berolini: apud Gustavum Eichler, 1834. 1052 p. (In Lat.)
11. Parsons R. A Treatise Tending to Mitigation Towardes Catholike-Subiectes in England VVherin is declared, that it is not impossible for subiects of different religion, (especially Catholikes and Protestantes) to liue together in dutifull obedience and subiection, vnder the gouernment of his Maiesty of Great Britany. 1607. 872 p. (In Eng.)
12. Parsons R. *Elizabethæ Angliæ Reginae hæresim Calvinianam propugnantis saevissimum in Catholicos sui Regni edictum: quod in alios quoque reipublicæ Christianæ principes contumelias continet indignissimas: promulgatum Londini 29. Novembris M.D.XCI.: cum responsione ad singula capita, qua non tantum saevitia & impietas tam iniqui edicti, sed mendacia quoque & fraudes & imposturae deteguntur & confutantur*. Ex Typographia Aloysii Zannetti, 1593. 542 p. (In Lat.)
13. Parsons R. *Severall Speeches Delivered at a Conference Concerning the Power of Parliament to Proceed Against Their King for Misgovernment*. Printed by R. Ibbitson, 1648. 80 p. (In Eng.)
14. Parsons R. *The Christian Directory Guiding Men to Eternall Salvation*. F. Bellet, 1607. 558 p. (In Eng.)
15. Pollen J. Robert Parsons. In *The Catholic Encyclopedia*. New York: Robert Appleton Company, 1911. Vol. 11. Pp. 729–730. (In Eng.)
16. Welwood J. *Xenophon. The banquet of Xenophon*. Done from the Greek. With an introductory essay concerning the doctrine and death of Socrates. Addressed to Lady Jean Douglas. 1750. 176 p. (In Eng.)

Информация об авторе:

С. А. Бочкарёв

Доктор юридических наук,
главный научный сотрудник

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

ORCID: 0000-0003-3217-7508

Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI 10.17072/1995-4190-2021-51-6-29

About the author:

S. A. Bochkarev

Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russia

ORCID: 0000-0003-3217-7508

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI 10.17072/1995-4190-2021-51-6-29

Информация для цитирования:

Виноградова Е. В., Раттур М. В. «О пользе знания отечественного законоискусства»: роль С. Е. Десницкого в формировании российской системы политико-правовых знаний (историографический аспект) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 2(72). С. 195–214. DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-195-214. EDN BEQZVP

Vinogradova E. V., Rattur M. V. «O pol'ze znaniya otechestvennogo zakonoiskusstva»: rol' S. E. Desnitskogo v formirovanii rossiyskoy sistemy politiko-pravovykh znaniy (istoriograficheskiy aspekt) ["On the Benefits of Knowledge of Domestic Legal Art": The Role of Semyon Desnitsky in the Formation of the Russian System of Political and Legal Knowledge (Historiographic Aspect)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 2(72). Pp. 195–214. DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-195-214. EDN BEQZVP (In Russ.)

УДК 34.01

DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-195-214

EDN <https://elibrary.ru/beqzvp>

«О пользе знания отечественного законоискусства»: роль С. Е. Десницкого в формировании российской системы политико-правовых знаний (историографический аспект)

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639)

Е. В. Виноградова

Институт государства и права РАН

E-mail: evigpran@igpran.ru**М. В. Раттур**

Институт государства и права РАН

E-mail: rattur@yandex.ru**Статья поступила в редакцию 17.01.2026**

Введение: ключевая фигура процесса формирования теоретических основ отечественной правовой науки второй половины XVIII в. – Семён Ефимович Десницкий (ок. 1740–1789), первый русский профессор права, чья деятельность заложила фундамент для развития университетского юридического образования и теоретической юриспруденции в России. Главным вкладом Десницкого в методологию права стала идея отказа от господствовавшей тогда теории естественного права в ее схоластическом понимании и теоретическое обоснование перехода к контекстно новому сравнительно-историческому анализу. Его современники опирались на абстрактные нормы, а Десницкий предложил изучать право в развитии. Он разработал концепцию «четырех состояний рода человеческого», согласно которой формы собственности, семьи, государства и права напрямую зависят от стадии экономического развития. Это был новаторский для своего времени подход, соединяющий право, философию, историю и экономику. Для развития отечественной политико-правовой мысли большое значение имеет предложенная С. Е. Десницким идея разделения властей, учитывающая российскую специфику. Он полагал

© Виноградова Е. В., Раттур М. В., 2026

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

необходимым наличие трех ветвей власти – «законодательной, судительной и наказательной». Заслуги Десницкого не ограничиваются теоретическими разработками: так, он, как педагог и организатор науки, добился Высочайшего решения о чтении лекций по праву на русском языке, настаивал на том, что юрист должен изучать четыре обязательные науки: нравоучительную философию (этику), натуральную юриспруденцию, римское право и, главное, отечественное законоискусство. Он разрабатывал русскую юридическую терминологию, вводил правовые термины, переводил на родной язык сложные понятия. **Цель** данного исследования – выявить и проанализировать роль С. Е. Десницкого в формировании системы отечественных политико-правовых знаний в эпоху Просвещения, когда в России актуализируется потребность в систематическом изучении отечественного и зарубежного законодательства. Использование формально-юридического, историографического, сравнительно-правового, историко-правового и других научных **методов** позволило осуществить типологизацию корпуса письменных источников, предложить тематическую классификацию историографии, проанализировать хронологические периоды историографического процесса. В результате проведенного исследования сделаны **выводы**, позволяющие утверждать, что С. Е. Десницкий заложил основы отечественной научной методологии изучения права, доказав, что законы необходимо рассматривать в контексте истории и экономического развития общества («четыре состояния»). Его проект разделения властей стал первым опытом конституционного проектирования в России. Несмотря на то что среди историков нет единого мнения относительно того, был ли Десницкий сторонником конституционной монархии, его проект впервые в России представил стройную систему организации власти на основе закона.

Ключевые слова: права человека; поколения прав человека; негативная и позитивная свобода; солидарность; социальное правовое государство; свобода труда; достойная жизнь

“On the Benefits of Knowledge of Domestic Legal Art”: The Role of Semyon Desnitsky in the Formation of the Russian System of Political and Legal Knowledge (Historiographic Aspect)

This paper was prepared under the scientific project (grant) “Creation of the Russian historiographic model of political and legal knowledge and its application to the development of advanced means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia,” implemented by the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with the financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement of July 12, 2024 No. 075-15-2024-639)

E. V. Vinogradova

Institute of State and Law of the RAS
E-mail: evigpran@igpran.ru

M. V. Rattur

Institute of State and Law of the RAS
E-mail: rattur@yandex.ru

Received 17 Jan 2026

Introduction: Semyon Desnitsky (c. 1740–1789), the first Russian professor of law, was a key figure in the formation of the theoretical framework of Russian legal science in the second half of the 18th century, and his activities laid the foundation for the development of university legal education and theoretical jurisprudence in Russia. Desnitsky's main contribution to the methodology of law was the idea of abandoning the then prevailing theory of natural law in its scholastic understanding and the theoretical justification for the transition to a contextually new comparative historical analysis. His contemporaries relied on abstract norms, while Desnitsky suggested studying law in development. He elaborated the concept of the “four states of the human race,” according to which the forms of property, family, state, and law directly depend on the stage of economic development. It was an innovative approach for that time, connecting law, philosophy, history, and economics. Of great importance for the development of domestic political and legal thought was Desnitsky's idea of the separation of powers taking into account Russian specifics. Desnitsky believed that three branches of government were necessary – “legislative, judicial, and punitive.” In addition, he substantiated the need to form the “fourth power” – urban self-government, which he called “civil power.” In addition to theoretical developments, Desnitsky, as a teacher and organizer of science, obtained the Highest permission for lectures on law to be delivered in Russian, insisted

*that a lawyer should study four compulsory sciences: moralizing philosophy (ethics), natural jurisprudence, Roman law, and, most importantly, domestic legal art. He developed Russian legal terminology, introduced legal terms, translated complex concepts into the Russian language. The **purpose** of this paper is to identify and analyze the role of Desnitsky in the formation of the system of domestic political and legal knowledge in the period of Enlightenment, when the need for a systematic study of domestic and foreign legislation took on increasing importance in Russia. The research employed formal-legal, historiographic, comparative-legal, historical-legal, and other scientific **methods**, which were used to typologize the corpus of written sources, propose a thematic classification of historiography, and analyze the chronological periods of the historiographic process. According to the **conclusions** drawn, Desnitsky laid the foundations of the domestic scientific methodology for studying law while proving that laws must be considered in the context of the history and economic development of society ("four states"). His project of the separation of powers was the first experience of constitutional design in Russia. Although there is no consensus among historians whether Desnitsky was a supporter of the constitutional monarchy, his project was the first in Russia to present a harmonious system of the organization of power based on the law.*

Keywords: evolution of political and legal knowledge; legal art; comparative historical method; legal education; separation of powers; constitutional design; Enlightenment; origin of property, family, state

Введение

Создание отечественной историографической модели политико-правовых знаний, необходимость которой убедительно обоснована исследованиями, проводимыми в Институте государства и права Российской академии наук [60; 61; 15; 16; 28], определяет особое внимание к отечественным источникам права.

В условиях глобальной унификации права для любой страны существует риск утраты национальной правовой самобытности. Активизация внимания исследователей к российскому правовому наследию [14, 10] – это способ сохранения своего цивилизационного кода, демонстрация того, что Россия на протяжении столетий создавала для себя и предлагала миру оригинальные правовые концепции, основанные на идеях справедливости, державности, соборности [29; 11]. Известный русский правовед Н. М. Коркунов отмечал: «Живой обмен мыслей лучше всего содействует общей работе выяснения научной истины. Но эта общая работа не есть дело только наличного поколения. Работа современников опирается и зиждется на полученном нами наследии прошлого. То, чем мы владеем и пользуемся, создано совокупною деятельностью длинного ряда поколений. Чтобы с уверенностью идти вперед, надо ясно представлять себе весь путь, пройденный до нас» [40, с. 3].

Пристальное внимание к отечественному правовому наследию позволяет «сшить» разорванную ткань, контекстно predeterminedенную как единое правовое полотно, которое на протяжении истории нашей страны нередко испытывалось на прочность. Новый закон сегодня очевидно воспринимается обществом легитимнее и органичнее, когда он сопоставляется не с западными аналогами, а с отечественными идеями государственных преобразований Александра II, аграрной реформы П. А. Столыпина и

др. Преемственность создает уважение к закону, что подтверждает актуальность исследования отечественных правовых традиций и научной деятельности авторов, как широко известных, так и незаслуженно забытых, поскольку «история умеет прочно забывать» [51, с. 308].

На годовом собрании Петербургского юридического общества 13 ноября 1894 г. в речи Н. М. Коркунова прозвучало следующее: «Едва ли многим из собравшихся здесь известно имя первого русского юриста-профессора, имя Десницкого» [40, с. 4]. Следует признать, что в XXI веке ситуация кардинально не изменилась. О «первом русском, с университетской кафедры учившем праву» [40, с. 4] нам действительно известно немного.

Сведения о биографии С. Е. Десницкого весьма скудны. Достоверно известно, что он уроженец г. Нежина, мещанин, обучался в духовной семинарии Троице-Сергиевой лавры, окончил гимназию при Московском университете¹. После обучения в университете Академии наук в 1761 году по решению Шувалова С. Е. Десницкий был направлен в университет Глазго. Через четыре года получил степень магистра, а затем ученую степень доктора гражданского и церковного права (в 1767 г.).

Он вернулся на родину и посвятил себя созданию основ отечественного юридического образования и российской правовой науки. Семён Ефимович всегда демонстрировал подчеркнуто уважительное отношение к мировоззренческому, духовному и, вне всякого сомнения, правовому наследию. Он писал: «Много такой драгоценной древности у нас содержится в разных книгохранилищах, и издано уже во свет оных немало, которые общепользность премного послужит к объяснению древней истории и политики российской...» [24, с. 271]. Большая утрата – гибель в пожаре 1812 года части архивов

¹ Об этом свидетельствует сохранившийся годовой акт от 27 апреля 1759 г., когда университет впервые выпустил учеников из двух гимназий.

Н. И. Новикова, Московского университета и трудов русского профессора. В этих трудах содержалась авторская идея «четырёх состояний рода человеческого», через которые проходит каждое общество: звероловческое (охота и собирательство); скотоводческое (пастушеское); хлебопашенное (земледельческое); коммерческое (торговое). Согласно этой теории формы собственности, семьи, государства и права напрямую зависят от стадии экономического развития. Так, частная собственность формируется только тогда, когда человек переходит к оседлому образу жизни и земледелию. Это был новаторский для своего времени подход, соединяющий философию, историю и экономику.

Помимо области теоретических разработок, Десницкий проявил себя как педагог и организатор науки. С его именем связано начало преподавания на русском языке. Он добился разрешения читать лекции по-русски, а не на латыни, что сделало право доступным для понимания широкому кругу студентов, создал отечественную программу обучения юриспруденции. Десницкий настаивал на том, что юрист должен изучать не только римское право, но и четыре обязательные науки: нравоучительную философию (этику), натуральную юриспруденцию, римское право и, главное, отечественное законоискусство. Разрабатывал отечественную юридическую терминологию, переводя на родной язык сложные понятия. Как член Российской академии, участвовал в составлении толкового словаря, формулируя правовые термины.

Наибольший резонанс в политико-правовой мысли вызвал проект Десницкого «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» (1768). В нем он предложил адаптировать для России принцип разделения властей, разработанный Монтескье и Локком, но с учетом российской специфики. Схема Десницкого включала три ветви: законодательная власть, которая принадлежит монарху, при этом законы должны разрабатываться и обсуждаться в Сенате с участием выборных представителей от дворянства, купечества и духовенства; судительная власть, организация которой предполагала создание профессиональных и независимых судов; наказательная власть, представленная уникальной концепцией, подразумевавшей создание органов для исполнения судебных решений и поддержания порядка (своего рода полицейско-исполнительная власть), что было новаторством для XVIII века.

Таким образом, С. Е. Десницкому удалось создать проект, где впервые в России была представлена стройная система организации власти на основе закона, а не произвола. Его идеи о государственности, власти, суде, органах местного самоуправления, семье и собственности были не только «созвучны» своему времени, но во многом предвосхищали развитие западной политико-правовой мысли, что делает обращение к ним сегодня весьма актуальным.

Проект государственного устройства С. Е. Десницкого: попытка воплощения просветительских идеалов

Российская императрица Екатерина II на протяжении многих лет предпринимала усилия для создания механизма эффективного государственного управления. В 1768 году доктором юриспруденции императорского Московского университета С. Е. Десницким в адрес Уложенной комиссии, созданной императрицей в 1767–1768 годах, было направлено «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». В этом труде профессор изложил свои взгляды на государственное устройство, теоретически обосновал идеи, которые заложили фундамент российской правовой государственности.

Деятельность Уложенной комиссии (1767–1768 гг.) в источниках была отражена как собрание «...депутатов, представлявших государственные учреждения, а также сословия дворян, государственных крестьян, казачества, горожан» [49, с. 527]. Представленные Екатерине II 572 человека ознакомились с подготовленным императрицей документом, который назывался «Наказ». Первое заседание Уложенной комиссии прошло 31 июля в Московском Кремле в Успенском соборе, по предложению императрицы председателем был избран генерал А. И. Бибииков. Кроме анализа «Наказа» императрицы обсуждались 1600 наказов депутатов от «избирателей», «дабы лучше узнать нужды и чувствительные недостатки народа» [49, с. 527]. В связи с началом Русско-турецкой войны Уложенная комиссия была «временно распущена» и больше уже не собиралась, однако одним из значимых результатов ее деятельности является создание исторического памятника отечественной политико-правовой мысли – «Наказа» Екатерины II [12, с. 598].

Профессор В. А. Томсинов полагает, что «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», написанное С. Е. Десницким в начале 1768 года, было подготовлено по поручению генерал-прокурора князя А. А. Вяземского, исполнявшего одновременно со своей основной должностью обязанности президента Комиссии по сочинению нового Уложения [65, с. 148]. Некоторые из высказанных в нем идей были включены просвещенной императрицей во второе приложение к своему «Наказу» Комиссии, собранной для сочинения проекта нового Уложения [64, с. 149]. В нем идеи нашего соотечественника Семёна Ефимовича Десницкого отражены наряду с Ш. Л. Монтескье, Ч. Беккариа, А. Смита и др. Очевидно, что и в «Представлении...», и в других произведениях Десницкого направление политической мысли демонстрирует его приверженность идеям Просвещения. Интересно, что все дошедшие

до нас работы опубликованы при жизни, кроме этой¹, увидевшей свет лишь в 1905 году.

«Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», которое «сочинял в императорском Московском университете юриспруденции доктор Семен Десницкий», ставило целью «предложить свое мнение здесь о учреждении в вашей империи законодательной, судительной и наказательной власти» [20, с. 292] российской императрице.

Главными, по мнению Десницкого, в государстве являются три власти: законодательная, исполнительная и судительная. Их основные функции – «законы делать, судить по законам и производить суд во исполнение» [20, с. 294]. При этом он особо отмечал важное условие, которое состояло в том, чтобы «одна власть не выходила из своего предела в другую» [20, с. 296].

Его проект предусматривал реализацию законодательной власти монархом совместно с однопалатным Сенатом. Избрание в Сенат депутатов в количестве до 800 человек должно было осуществляться из всех сословий с цензом, определяемым для каждого в отдельности. Десницкий определял срок избрания в 5 лет с возможностью переизбрания на 3 срока. Особо подчеркивалось равноправие всех сенаторов.

Организация судебной власти, по замыслу Десницкого, предполагала полное отделение судопроизводства от администрации. Он считал необходимым, чтобы «по крайней мере в восьми местах известное число судей безотступно присутствовало», а в каждом из этих мест судительная власть «должна состоять из двенадцати человек» [20, с. 295]. Наказательную власть Десницкий предлагал сосредоточить в руках воевод в губерниях и провинциях, которые назначаются непосредственно монархом. При этом жалобы на действия воевод принимает губернский суд и рассматривает их публично.

Таким образом, русский профессор создает теоретическую основу отечественной модели «разделения властей», необходимую для формирования правовой государственности. К сожалению, на протяжении многих лет его концепция не была востребована отечественной политико-правовой наукой. Сегодня она получила свой шанс влияния на историко-правовую модель российской государственности. В размышлениях о происхождении государства С. Е. Десницкий не придерживался признанной на Западе договорной теории происхождения государства, он высказал предположение о прохождении человечеством исторически последовательных «состояний», хронологически сменяющих друг друга.

«Четыре состояния рода человеческого»: взгляды С. Е. Десницкого на эволюцию государства, власти, семьи и собственности

Оригинальность предложенной С. Е. Десницким идеи позволяет говорить о ней как об отечественном вкладе в мировое политико-правовое наследие. Концептуально ее смысл заключается в том, что сходные экономические условия неизбежно порождают у разных народов одинаковые правовые институты. В то же время контекстное господство мысли об этапах развития государства и права по аналогии с человеческой жизнью (детство, отрочество, юность, зрелость, старость и смерть) предопределяло не только развитие самой идеи, но и методологию исследований. Новый подход русского профессора был обозначен следующим образом: «...не можем и измерять различные рода человеческого преуспеяния, возвышения и низвержения по оным приписываемым свету отрочествам, юностям, мужествам и престарелостям, по которым, как утверждает великий философ и историк аглинский в философических и политических сочинениях, развивались общественные отношения» [24, с. 271]. С. Е. Десницкий, которого довольно часто «подозревают» в англофильстве, несмотря на непререкаемый авторитет в области изучения политико-правового развития, не раз приводил аргументы, подтверждающие несогласие с английской концепцией. Будущее покажет, что он оказался полностью прав [56, с. 32].

Апеллируя к мнению античных ученых, он утверждал, что «таковых состояний роду человеческому полагали и древние писатели четыре, из которых первобытным почитается состояние народов, живущих ловлею зверей и питающихся плодами саморождающимися на земле; вторым – состояние народов, живущих скотоводством, или пастушеское; третьим – хлебопашественное; четвертым и последним – коммерческое. По сим состояниям и преславнейшие писатели римские Юлий Цезарь, Тацит и Саллюстий измеряли различные преуспеяния не токмо своего народа, но и других премногих» [24, с. 271]. По его мнению, изложенному в «Рассуждении о происшествии преимущества, власти и старшинства в народах, от которых происходит и их правление», для развития общественных отношений характерны «три народного правления перемены и состояния, какие случаются у обывателей, когда они живут сперва одною ловлею животных, потом хлебопашеством и, наконец, купечеством» [21, с. 218]. Таким образом, народы «возвышаются и в своем понятии права, принадлежащего до собственности» [24, с. 279].

¹ Автор обозначил дату написания этой работы 30 февраля («1768 года февраля 30 дня»), что, безусловно, является опиской, допущенной профессором. Как не существует этой даты в календаре, так и остались неосуществленными (и даже неопубликованными долгое время) предложения автора в отношении государственного устройства.

При оценке вклада С. Е. Десницкого в развитие отечественной политико-правовой мысли нельзя не согласиться, что «знаменательно появление в трудах первого русского профессора юриспруденции нового историко-сравнительного метода при рассмотрении вопросов происхождения государства, собственности, семьи. Мысль, высказанная Десницким об историческом характере института собственности и историческом характере семьи, и его попытка увязать вопросы появления в эволюции этих институтов с вопросами развития форм хозяйственного быта говорят о даровании и силе таланта русского учёного» [4, с. 341].

Рассматривая правовую природу брака, Десницкий предлагал считать основой этого института взаимное согласие супругов о совместной жизни. Его революционные идеи о том, что глубоко укоренившиеся обычаи и традиции препятствуют созданию паттернов свободы в брачно-семейных отношениях, и сегодня, спустя более 250 лет, продолжают восприниматься как единственно возможные. Создавая мысленный образ будущего этих отношений, С. Е. Десницкий настаивал на коренной ломке некоторых устоев, в частности, на освобождении женщины от неограниченной власти мужа. Концептуально предлагал трансформировать правовую основу взаимодействия детей и родителей, он полагал, что необходимо обеспечить полную свободу завещательного распоряжения. Эти идеи контекстно предопределены отношением к собственности. Десницкий считал право собственности неотъемлемым правом человека, предполагая, что оно лежит в основе возникновения отношений, создающих правовую связь между человеком и государством. Являясь представителем исторической школы права, он призывал к изучению реальных исторических условий, детерминирующих ее возникновение и эволюцию. Следует отметить, что его взгляды не всегда совпадали с мнением коллег.

Профессиональные интересы доктора юриспруденции Филиппа Генриха Дильтея, который до назначения Семёна Ефимовича Десницкого был единственным преподавателем права в Московском университете, превратили их отношения в тесную дружбу. Семён Ефимович перевел на русский язык «Начальные основания вексельного права» Ф. Г. Дильтея. Это не мешало принципиальной критике взглядов на некоторые институты собственности. В частности, Десницкий демонстрировал свое отношение к чтению Дильтеем лекций, основанных на сочинении С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному», полагая, что «Пуфендорфов труд подлинно был излишний, ибо писать о вымышленных состояниях рода человеческого, не показывая, каким образом

собственность, владение, наследство и пр. у народов происходит и ограничивается, есть такое дело, которое не совсем соответствует своему намерению и концу» [21, с. 204].

Серьезный анализ работы, отражающих взгляды первого русского профессора права, позволяет обосновать сомнения в достоверности сложившихся в историографии стереотипов. Согласно одному из устоявшихся в историографии мнений, критика немецкого подхода русским профессором предопределена фактом получения образования в Англии. Здесь в качестве главного аргумента рассматривается «англофильство Десницкого», которое лежит в основе критики С. Пуфендорфа.

Вместе с тем с таким подходом становится невозможным согласиться после ознакомления с примечаниями, которые подготовил Семён Ефимович к переводу книги Блэкстона «Истолкования английских законов». Здесь он демонстрирует отсутствие пиетета и свободу от иллюзорности эффективности английской модели государственного устройства. Сложно удержаться и не воспроизвести оригинальный текст С. Е. Десницкого, поражающий своей логичностью и отсутствием преклонения перед западным, в данном случае английским, законодательством. Ирония и профессиональное знание предмета исследования позволяют ему обозначить следующую позицию: «Удивительный и непостижимый ниже премудрейшим законодательством аглинским примечается здесь обман, чинимый при выборе членов парламентских, а именно: провинциальный большой помещик, имеющий обширные в разных провинциях землевладения, может не только сам выбран быть, но с собою и других премногих по сердцу своему выбрать в члены парламентские, распродавши ложным образом во всех провинциях свои землевладения на сорок шиллингов, или на 10 руб., каждому желающему дать на него свой голос...» [19, с. 289].

Еще один пример неангажированности Десницкого английской действительностью: после казни короля Карла I он отмечает, что «у сокровиществующих миллионщиков даже и самое правосудие может быть нечувствительно на откупе» [19, с. 291], делая вывод о том, что необходимо «такие злоупотребления толковать законными и сущей правоте непротивными» [19, с. 290].

Имел собственный взгляд Десницкий и в отношении концепции Гуго Гроция о естественном праве государства нарушать мир объявлением войны: «Его книга о мире и войне со всем ее недостатком и несовершенством, может стать, и до сих времен есть наилучшая система юриспруденции, какую только еще свет видел. Однако его сочинение есть казуистическое, сделанное умышленно для

принцев и высоких областей, в котором доказывалось, в каких случаях войну можно праведно объявить и сколь далеко оно право должно простираться» [21, с. 203].

В вопросах внешней политики, как отмечает академик В. С. Нерсисянц, С. Е. Десницкий придерживался мирной ориентации, полагая, что все державы обязаны развивать между собой дружественные торговые отношения, которые будут препятствовать войнам. Рассматривая итоги наиболее крупных исторических войн, он характеризовал их результаты как отрицательные. Однако необходимость армии как средства «защиты от неприятельских нападений» Десницкий признавал и считал священным долгом каждого подданного защиту своего отечества [47, с. 400]. При этом Семён Ефимович был убежден в необходимости ограничивать влияние военных на государственную власть, приводил исторические примеры, доказывающие, что «...в государствах, в которых одна военная сила и военное чиновничество, свободные науки и искусства не процветают».

Делом всей своей жизни он считает создание доктрины эффективной власти в России. Вводя в юридическую терминологию понятие «гражданская власть», понимая под ней «четвертую власть», которая должна была включать органы местного самоуправления [7, с. 5], Десницкий демонстрирует первую теоретическую попытку доказать необходимость отечественного городского самоуправления и дать общие черты его организации. При этом отмечал, что в названии работы «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» он не обозначил гражданскую власть, хотя тщательно обосновал ее необходимость. Сегодня развитие местного самоуправления в нашей стране ставит перед юридической наукой и практикой большое количество задач. Для их решения потребовалось внести в Конституцию Российской Федерации поправки, которыми была легитимирована «публичная власть» как власть, объединившая в себе государственную власть (конституционно закрепленную в формах федеральной власти и власти субъектов Российской Федерации) и органы местного самоуправления. Эти шаги были сделаны для установления единой системы власти, которая в соответствии с положениями статьи 12 Конституции предусматривает два независимых уровня. Именно укрепление конституционных гарантий реализации прав и свобод определялось главной целью появления новелл в тексте Конституции РФ 1993 года. Таким образом, можно говорить, что концепция теории прав и свобод человека и гражданина была предметом изучения русского ученого и в формате взаимодействия «уровней власти», и в других аспектах.

Отражение проблематики прав и свобод личности в трудах первого русского профессора права

Исследование подходов к вопросам соблюдения прав человека полагаем возможным начать с анализа дискуссии современных российских ученых о предмете **государственного и конституционного права** [2; 40]. Следует напомнить, что дореволюционная отечественная правовая традиция оперировала только понятием «государственное право». С одной стороны, говоря о фундаментальной отрасли, регулирующей устройство власти и отношения между человеком и государством [39], следует подчеркнуть, что в соответствии с национальными особенностями в Великобритании, США, Франции и др. используется термин «конституционное право», в то время как в Германии и Швейцарии эта отрасль права и науки называется «государственное право». Такое же название было принято в СССР. Основные аргументы, наиболее распространенные в отечественной науке, сводятся к тому, что современные конституции регулируют не только организацию власти, но и вопросы прав и свобод человека и гражданина, собственности, семьи, идеологического многообразия и др. Как пишет Ю. А. Тихомиров, правовое государство меняет ориентацию отрасли, «уводя от сугубо государствоведческой проблематики и в большей степени обращаясь к правам и свободам человека» [63, с. 17]. Тезисно приводя в данном исследовании аргументы этой дискуссии, полагаем, что отражение в работах Десницкого его подходов к вопросам соблюдения прав человека делает возможным отнести его исследования к конституционно-правовым.

В работах Десницкого категорически осуждается работорговля «в Северной Америке, где европейцы великое отправляют купечество и барышники людей, точно как скотиной и вещами» [23, с. 229], обосновываются преимущества свободного труда перед крепостным способом ведения хозяйства в России. В предисловии к собственному переводу с английского книги Т. Боудена «Наставник земледельческий» С. Е. Десницкий писал о том, что крепостническая система, отсутствие покровительства земледельцам-крестьянам со стороны государства служат основными препятствиями к развитию отечественного сельского хозяйства. Этот подход не был исключением в отечественном политико-правовом пространстве. Д. И. Фонвизин в работе «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления...» пойдет дальше, обозначив, что «верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных» [65, с. 253].

В «Слове о способе к научению юриспруденции» отмечается, что достижение единомысленного повиновения есть не что иное, как осознание принадлежности к своему государству, народу, обществу и необходимости соблюдения прав и обязанностей [21, с. 190].

При этом Десницкий настаивал на провозглашении неотъемлемых прав человека, к которым он относил право собственности, обозначив, что «...нужно всем вообще прилежать к познанию своего закона для соблюдения единственно токмо собственности и свободы» [23, с. 14]. Академик В. С. Нерсисянц, характеризуя деятельность С. Е. Десницкого, отмечал, что «цель государства мыслитель усматривал в достижении наибольшего количества благ наибольшим числом людей» [47, с. 399].

В «Слове о способе к научению юриспруденции» Семён Ефимович пишет: «Пленить и покорить многочисленные народы и распространить державу есть только доказать военное искусство и превосходную его силу; но удерживать безмерные завоевания в единомысленном повиновении и с удовлетворением всенародным есть такое дело, которым неоспоримо доказывается человеческая премудрость и счастливое правительствующее дарование к совершению великих дел» [21, с. 190]. Неслучаен его вывод о том, что «для верного соединения подданных и для их единодушного и единомысленного повиновения своему правлению требуется веков, изрядного законоположения, согласного исповедания веры и великой взаимной коммерции с своими и с соседними народами» [21, с. 190]. Необходимость единообразного понимания закона – предтеча правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, декларирующего в своих решениях, что очевидность, ясность и недвусмысленность правового регулирования – путь нормотворчества, исключаящего противоречие Конституции. Такое понимание предопределено идеей С. Е. Десницкого, обозначенной следующим образом: «Внезапным превосходного в силах одного народа нападением завоеванные народы разного правления, разных нравов и состояния в скором времени не могут действительно соединиться во единый народ с победителями и не могут быть удержаны в покорении чрез долгое время» [21, с. 190].

При анализе массива прав и свобод, определяемых Десницким для защиты, весьма интересным видятся его рассуждения об институте, который в современных юридических конструкциях определяется как «иммунитет». Ссылаясь на указы Петра I Великого, изданные в 1724 году, он отмечает: «Впрочем, у нас собственно в таком и во всем римскому подобном разумении защищаются святостию прав истязательных имя божие, святые угодники и особа монаршая от всякие хулы и поношения. Сверх сего защищаются у нас святостию прав истязательных чертоги государевы, родители и нынешние депутаты, избранные к сочинению проекта Нового Уложения» [23, с. 248]. Таким образом, он предлагает сформировать юридический механизм защиты для определенных лиц, к которым, по его мнению, следует отнести и депутатов, работающих над проектом Нового

Уложения. При этом он подчеркивает демократические начала при формировании Сената, отмечая, что «российская монархия самоеда приглашает быть участником законодательной власти» [21, с. 233].

В современном контексте гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина утрачивают свой конституционный статус без права на законный и справедливый суд. Право на судебную защиту, как не раз подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации¹, относится к основным неотчуждаемым правам и выступает гарантией всех других прав и свобод, а потому не подлежит ограничению (ст. 17 и 18, ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации). Обеспечение права на доступ к правосудию – это не только право обратиться в суд, но и возможность получить реальную судебную защиту с восстановлением нарушенных прав и свобод. Более 250 лет назад принципы законности, гласности, состязательности и равноправия сторон были обоснованы Десницким в качестве базовой основы деятельности судебной власти. Кроме того, он настаивал на внедрении в судебный процесс независимости и несменяемости судей. Важным для повышения эффективности судопроизводства он считал коллегиальность принятия решений, непосредственность, непрерывность судебного процесса. Появлением теоретического обоснования права на использование родного языка в судебном процессе современное российское судопроизводство во многом обязано подходам, изложенным в творческом наследии Семёна Ефимовича. Весьма прискорбно, что в современных реалиях судебных разбирательств отечественное законодательство позволяет игнорировать важнейшую гарантию соблюдения поиска правды и справедливости как значимого элемента системы коренного для россиян, отраженного в заповедных текстах древнерусских источниках права, – всестороннего исследования истины, того, к чему призывал С. Е. Десницкий.

Важно подчеркнуть, что принятый в отечественных процессуальных законах термин «судебное решение» именно в работах Десницкого получил право на жизнь. «Десницкий употребляет это слово в контекстах, где речь идет о приговорах, вынесенных в результате судебного разбирательства. При этом любопытно, что правовед, во-первых, настаивает на необходимости изучения именно этих решений, а не законодательных актов, а во-вторых, не использует в этих случаях слово приговор, уже несколько столетий имеющее статус юридического термина, который подтверждается и толкованием “Словаря Академии Российской”, где слово сопровождается пометой “речение приказное”», – убедительно доказывает В. В. Истратий. В его специальном исследовании, посвященном терминологии речей С. Е. Десницкого, которую он анализирует применительно к раскрытию потенциала,

¹ Постановления КС РФ от 28 мая 1999 г. № 9-П, от 8 июня 2015 г. № 14-П, от 16 января 2025 г. № 1-П и др.

заложенного русским профессором в модель преподавания юриспруденции, В. В. Истратий отмечает: «И особое внимание Десницкого к судебным приговорам, и употребление слова решение кажутся неожиданными в контексте российских правовых традиций второй половины XVIII в.» [35, с. 59].

Терминологический аспект вклада Десницкого в судебное право заключается в его настойчивом введении терминов, отражающих специфику русскоязычного понимания субъектов судопроизводства, участников процесса. В частности, он вводит синонимический ряд адвокат – ходатай – ходатайствующий, определяет содержание понятий «корпус» и «разночинец» [35, с. 62] и мн. др.

О формировании в России уважения к суду и закону Семён Ефимович пишет, ссылаясь на настоящие указы государя императора Петра Великого, изданные в 1724 году, следующее: «Законы гражданские и совершаемый по оным суд свято почитать во всей России узаконил Великий Петр», указав, что «надлежит обретающимся в сенате, синоде, коллегии и Канцелярии и во всех судебных местах всего государства судьям и пришедшим пред суд чинно поступать: понеже суд божий есть, проклят всяк, творяй дело божие с небрежением, и проч. и проч., угрожая на суде присутствующим и предстоящим проклятием и строгим истязанием за неуважение судебных мест и законов» [22, с. 18].

В этой же плоскости можно рассматривать его предложения о гласности правосудия, о котором, по мнению Н. М. Коркунова, «заговорил у нас первый именно Десницкий. Он первый указал на воспитательное значение гласного судопроизводства: “Да ничто в тайне, но откровенно и посторонним известно судимо было и исходило в свете для научения народного”» [40, с. 31].

Идея Десницкого о необходимости отказа от уголовного преследования за нарушение норм морали сегодня не выглядит убедительной. Вместе с тем она отражает взгляд русского профессора на проблему экономии уголовной репрессии в формате разграничения норм права и нравственности. В направлении движения в сторону гуманизма можно рассматривать предлагаемый им отказ от преследования в уголовном порядке за нарушение норм морали.

В своих рассуждениях о возможности применения смертной казни, которое Десницкий считал допустимым только в двух случаях: умышленное убийство и измена родине, но возражал против «мучительских» способов ее исполнения [47, с. 399–400], он также со всей очевидностью демонстрирует приверженность к гуманистическим началам назначения уголовного наказания. Сегодня актуальность этой темы подтверждается решением Российской Федерации о неназначении такого вида наказания за совершение преступления, как смертная казнь, которое существуют более 25 лет.

При этом Десницкий придавал важное значение укреплению авторитета судебной власти, полагая, что «...незнанием судей закона и дел, и их неупражнением предварительным в учении юридическом и в должности канцелярской премного теряются достоинство и власть судейская» [40, с. 21].

Юридическое образование как трансляция политико-правовых идей: вклад С. Е. Десницкого

Научное наследие С. Е. Десницкого в реалиях сегодняшнего дня, к большому сожалению, не стало объектом пристального научного изучения. Первый русский профессор права Московского университета, добившийся преподавания в России права на русском языке, создавший университетский курс изучения истории и теории русского законодательства и «законоискусства», вне всякого сомнения, заложил основы для формирования отечественной политико-правовой традиции.

Документ, положивший начало высшего юридического образования в России, был принят 28 января 1724 г. В этот день Сенат утвердил Положения об учреждении в Санкт-Петербурге Академии наук и художеств. При Академии наук учреждался университет, который «есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко феологии и юриспруденции (прав искусству), медицины, философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают» [55, с. 31]. При этом на юридическом факультете за постижение «прав искусства» отвечал «академик третьего класа, который науки практики, яко политику, этику и право натуры, учит быть может» [55, с. 35]. Было определено, что «аще же еще похощется славного, правам искусного человека притом определить, оное бы толь наилутче было» [55, с. 37]. Через два года на юридическом факультете, где 8 студентов обучали 18 иностранных профессоров, появилась кафедра древней и новой истории и права. Статус ведущих занятия профессоров и освобожденных от преподавания академиков был установлен в 1747 году регламентом, в котором из 12 наук было определено 2 юридических – права натуральные и философия практическая и нравоучительная [28, с. 103].

«Доношение в Сенат», подготовленное М. В. Ломоносовым и И. И. Шуваловым в январе 1755 года, стало правовой основой для принятия Указа «Об учреждении Московского университета и двух гимназий». Создание трех факультетов: медицинского, философского и юридического – исторический этап развития российской науки. В Уставе было установлено, что на юридическом факультете должны быть: «1. Профессор всей юриспруденции, который учить должен натуральные и народные права и узаконения Римской древней и новой империи. 2. Профессор юриспруденции российской, который сверх вышеописанных должен знать и обучать особливо внутренние государственные права. 3. Профессор

политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время» [58, с. 36]. Таким образом, в составе юридического факультета оказались три кафедры: всеобщей юриспруденции, юриспруденции российской, политики. Было заведено, что по окончании трехлетнего изучения исторических, филологических и естественных наук на философском факультете для особенно одаренных появлялась возможность продолжить обучение за границей. Целью такой «стажировки» в Кенигсберге, Упсале, Лейдене, Берлине, Глазго и других зарубежных городах было освоение специализации по отдельным отраслям права [9, с. 38].

С. Е. Десницкий вместе с однокурсником И. А. Третьяковым в 1761 году был направлен в Глазго, где в 1765 году получил степень магистра свободных наук, а в 1767 году – ученую степень доктора гражданского и церковного права. Оценивая уровень подготовки Десницкого после возвращения, профессор Дильтей в своем «Донесении об экзамене и пробной лекции гг. докторов права Семена Десницкого и Ивана Третьякова» сообщил, что «они представили столь исчерпывающие доказательства, и устные и письменные, своего знания в юриспруденции, что и тот и другой должны быть признаны достойными определения, согласно ордеру его превосходительства г. куратора нашего, на юридический факультет для преподавания публичных лекций, тем более что они привезли с собой докторские степени, полученные установленным порядком в Глазговском университете» [64, с. 144]. При этом он счел необходимым заметить: «Если, однако, его превосходительству г. куратору угодно и сейчас назначить одному из упомянутых господ докторов вакантную должность третьего профессора на юридическом факультете, то по моему мнению она должна быть представлена г. Десницкому» [25, с. 84].

Несмотря на то что, по меткому замечанию княгини Е. Р. Дашковой, «отцы наши воспитать уже нас желали как-нибудь, только чтоб не по-русски и чтоб чрез воспитание наше мы не походили на россиян» [18, с. 122], отечественное юридическое образование благодаря усилиям Десницкого стало происходить исключительно на русском языке. Интересно, что куратор университета Адодуров, согласившись с мнением иностранных профессоров, 23 июля 1767 г. издал распоряжение, предписывающее русским правоведам «лекции иметь им на латинском языке, равно как и прочие господа профессора оные имеют» [64, с. 146].

Отмена этого решения потребовала вмешательства самой российской императрицы. Именно она поддержала инициативу С. Е. Десницкого о чтении лекций на русском языке. Директор Императорского Московского университета М. М. Херасков в письме обозначил ее четкое желание – «лекции в университете на российском языке преподаваемы были» [25, с. 426]. Что повлияло на решение

государыни – доподлинно не известно. Позволим себе предположить, что на него воздействовало много разных факторов, одним из которых, вероятно, был факт ее знакомства с проектом государственных преобразований С. Е. Десницкого для Уложенной комиссии.

Отмены своего решения Адодуровым долго ждать не пришлось. Для этого оказалось достаточно письма Хераскова 19 ноября 1767 г. о том, что Ее Императорское Величество «всемилоостивейше указать соизволила, что в университете пристойнее бы читать лекции на русском языке, а особливо юриспруденцию, что де неоднократно повторяя, соизволила всевысочайше повелеть, дабы о том старатца» [25, с. 426]. Куратор Адодуров, сославшись на это письмо, рекомендовал С. Е. Десницкому и И. А. Третьякову готовиться к чтению лекций на русском языке [64, с. 46]. На практике чтение лекций на русском языке в Московском университете началось 15 января 1768 г. [64, с. 148]. Сообщение об этом было напечатано в тот же день в газете «Московские Ведомости». В нем говорилось: «С сего 1768 году в Императорском Московском университете, для лучшего распространения в России наук, начались лекции во всех трех факультетах природными Россиянами на Российском языке. Любители наук могут в те дни и часы слушать, которые оным в лекционном каталоге назначены» [66, с. 141].

Н. М. Коркунов акцентировал внимание на том, что доказательству необходимости научного, систематического изучения русского права Десницкий посвятил особое «Рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства, 1778 года». В нем подробно доказывается польза научной юридической подготовки для дворян и разночинцев, для секретарей и судей, уездных заседателей и самих депутатов Уложенной комиссии, или участников законоположения, как он их называет [40, с. 29]. С. Е. Десницкий пишет об этом следующим образом: «Сколь стыдно казаться должно члену законоположения давать свой голос на новой закон, когда он вовсе не знает и не разумеет старого!» [22, с. 24].

Сегодня в контексте любого уровня подготовки специалистов очевидна необходимость обеспечения реализации теоретических знаний в форме практико-ориентированных курсов. Эта модель для российского преподавания права – результат усилий Десницкого. Он был уверен в важности разделения обучения между теоретической и практической площадками. Доктрины, исследования догмы, историю права и юридические древности вместе с систематизацией он относил к функциям кафедры теоретических дисциплин. Практическое законоведение, по его идее, предполагало занятия по «разбору решенных тяжбных дел» таким образом, чтобы студенты проходили последовательно различные должности: повыходчиков, секретарей, судей.

Неизвестно, вел ли сам Десницкий подобные практические занятия. Но по его мысли в Москве

действительно была устроена кафедра практического законоискусства, последовательно занимаемая его учениками, которые «вполне следовали тому плану практических занятий, какой был намечен Десницким» [40, с. 30].

В 1783 году Семён Ефимович был избран членом Российской академии. Он принимал участие в масштабной работе над Российским словарем, делая выборку и толкование юридических терминов из основных сводов российских законов – с Русской Правды и до Соборного Уложения. Результатами его труда пользовались следующие поколения русских историков и юристов, оказав значительно влияние на развитие истории русского права [52, с. 22].

В контексте изучения идентичности российской государственности представляется крайне важным осветить особенности отечественного политико-правового развития, отмеченные С. Е. Десницким. Он писал: «Мы не имеем и поныне никаких сокращенных по примеру других государств наставлений российских законов; и хотя старинные сводные уложения и не однажды деланы были, однако за неимением совершенных и печатных трудный доступ есть к запертым в частных хранилищах рукописным. Причиной тому, может статься, было то, что в России на природном языке все во всенародное известие издаваемо было, и в российских указах не было никогда таких трудных и невразумительных слов, какие примечаются в законах феодальных правлений», обращая внимание, что «у нас не было и издревле ни в тяжбных, ни криминальных делах таких невразумительны латинских и французских слов, каковые приняты в Англии и поныне наблюдаются» [21, с. 209]. При этом он настаивал, что «для преподавания такой юриспруденции российской особый требуется профессор в училищах российских, которого должность есть – показывать оную порядком историческим, метафизическим и политическим, снося при том законы российские с натуральным об них рассуждением» [21, с. 210].

Десницкий полагал, что «мы не должны в своем почтении к Римскому Праву выходить за пределы и предпочитать Юстиниана нашим приснопамятным законодателям Царю Алексею Михайловичу, Петру Великому и Преславнейшей во преемниках их и в преемниках Законоположнице Екатерине II, коих уставам и законоположениям долженствуется установление и утверждение, просвещение и благосостояние пространнейшей в свете империи Российской» [22, с. 10].

Трудно переоценить вклад Семёна Десницкого в развитие российской юридической науки. Его заслуги многочисленны: это и формирование понятийного аппарата, и разработка историко-сравнительного метода, определяющего российские особенности истории формирования отечественного права. Его переводы, дающие основания для критики западных политико-правовых идей, являются составной частью процесса признания

идентичности российской юриспруденции, своеобразие правовой традиции. Актуальность исследования правового наследия Семёна Ефимовича Десницкого предопределена поиском суверенной российской правовой идентичности. Именно он – первый русский доктор юриспруденции императорского Московского университета – предлагал прогрессивные для второй половины XVIII века проекты государственных преобразований России, переработал нормы российского законодательства в правовые определения и создал цельную систему русского права, был ярым поборником образования и науки, выступал за введение всеобщего образования.

Правовое наследие С. Е. Десницкого: фрагментарность интерпретаций

Обращение к правовому наследию С. Е. Десницкого требует изучения корпуса письменных источников, освещающих жизнь и деятельность выдающегося правоведа. Следует отметить, что, несмотря на широкий круг привлеченных источников, исследований, предметом которых являются политико-правовые воззрения С. Е. Десницкого, совсем немного.

Опираясь на хронологический подход, можно сделать вывод о том, что интерес к научному творчеству первого русского профессора права в отечественной историографии возникал дважды: 1) в пореформенный период, когда правление Александра III обусловило интерес ко всему русскому, и 2) в период послевоенного развития СССР. В современной историографии фиксируется фрагментарность и отраслевая избирательность при анализе правового наследия С. Е. Десницкого. Важно отметить, что на современном этапе развития российской государственности интерес к научному творчеству первого русского профессора права во многом был обусловлен тенденцией к изучению дореволюционного прошлого, которое в советский период долгое время оставалось на периферии исследовательских интересов.

Первой работой, освещающей деятельность С. Е. Десницкого, стала статья Ф. Л. Морошкина, опубликованная в «Ученых записках Московского университета» в 1834 году [43]. Среди дореволюционных источников особо следует выделить труд Н. М. Коркунова «С. Е. Десницкий, первый русский профессор права», вышедший в 1894 году. Это первая публикация, посвященная выдающему правоведа XVIII столетия. Обращает на себя внимание то, что возвращение забытых за давностью лет имен было приметой времени царствования Александра III. Так, например, фактически из небытия была воскрешена память о лейтенанте Д. Ильине, обеспечившем России победу в Чесменском сражении. Став жертвой интриг окружения Екатерины II, он умер в неизвестности, но по решению Александра III историческая справедливость была восстановлена. Таким образом, Н. М. Коркунов создавал свою работу о С. Е. Десницком во то время, когда восстановление

памяти о забытых выдающихся соотечественниках стало прочной тенденцией.

В небольшой публикации Николаю Михайловичу удалось осветить основные биографические вехи ученого, обратив внимание на скудность сведений, а также кратко охарактеризовать основные труды С. Е. Десницкого. При этом вне поля зрения Н. М. Коркунова осталась основополагающая для понимания политико-правовых воззрений первого русского профессора права работа «Представление о учреждении законодательной, судитительной и наказательной власти в Российской империи». Произошло это потому, что публикация этого труда стала возможной лишь в период первой русской революции в 1905 году, уже после смерти Н. М. Коркунова. Несмотря на этот досадный пробел, первая публикация о С. Е. Десницком стала отправной точкой для последующих исследований, основой для формирования историографии о политико-правовых воззрениях выдающегося отечественного правоведа XVIII века.

Публикация проекта преобразований, предложенных Семёном Ефимовичем, обусловила интерес к его научному творчеству. Своеобразным ответом в этом отношении стала публикация материалов о нем А. С. Лаппо-Данилевским в «Известиях Императорской академии наук» [41].

Победа СССР во Второй мировой войне способствовала научному поиску в области истории формирования самобытной отечественной политико-правовой мысли, было положено начало публикации ряда произведений русских мыслителей дореволюционного прошлого. Точкой отсчета в этом отношении станет статья Б. И. Сыромятникова «С. Е. Десницкий – основатель науки русского правоведения», опубликованная в «Известиях Академии наук СССР» в 1945 году [62]. Статья М. Д. Загряцкого, посвященная общественно-политическим взглядам С. Е. Десницкого, выйдет в № 7 журнала «Вопросы истории» за 1949 год [30].

В 1952 году изданы «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века» в двух томах. Значительная часть первого тома включает произведения С. Е. Десницкого [32, с. 187–334]. Упоминание о первом русском профессоре права содержится работа В. С. Покровского «История русской политической мысли» [53]. Отдельное издание, им подготовленное и посвященное С. Е. Десницкому, выйдет в свет в 1955 году [54].

Осмысление политико-правовых идей первого русского профессора права оставит след в отечественной историографии благодаря работам П. С. Грацианского. В 1964 году он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Политические и правовые взгляды С. Е. Десницкого» во Всесоюзном научно-исследовательском институте советского законодательства [17]. В 1978 году вышла в свет его монография о С. Е. Десницком [16]. В 1990 году П. С. Грацианский вернулся к изучению научного наследия С. Е. Десницкого в контексте

историко-юридического исследования английского влияния на развитие отечественной политико-правовой мысли, рассмотрев взгляды А. Смита, Дж. Миллера и С. Е. Десницкого в отношении происхождения и сущности государства [33].

В историографии советского периода оказались востребованными мысли Десницкого о «характере собственности на ранней ступени развития человечества», теория происхождения супружества, имевшая «громадное прогрессивное значение, поскольку он пытался подойти к решению этого вопроса исторически и найти причины возникновения и развития семьи не в божественном промысле, не в биологии, а в общественных условиях жизни людей» [32, с. 72]. На основании этого признавалось, что «идеи, развитые Десницким в XVIII веке, являлись крупнейшим завоеванием общественной мысли» [32, с. 72].

На современном этапе развития российской государственности (с 1991 г.) результатом изучения политико-правового наследия С. Е. Десницкого стала диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук Н. А. Балабановой [3]. Следует отметить, что ее работа «представляет собой попытку историко-правового осмысления такого феномена, как государственно-правовые воззрения выдающегося просветителя второй половины XVIII в.» [3, с. 9]. Сосредоточившись на формировании и развитии именно государственно-правовых идей первого русского профессора права, исследователь констатирует, что «специальных исследований, посвященных изучению становления и развития государственно-правовых взглядов С. Е. Десницкого, в целом не проводилось. Интерес к рассматриваемой проблеме со стороны российских правоведов носил чисто эпизодический или сугубо избирательный характер» [3, с. 7].

Профессор В. А. Томсинов в первом томе фундаментальной работы «Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества» публикует обстоятельный очерк о С. Е. Десницком, привлекая широкий круг источников [64]. Эта работа сочетает в себе изложение биографических сведений наряду с анализом результатов научного поиска Семёна Ефимовича.

Современную историографию составляет и ряд статей, предметом которых выступают отдельные аспекты научного творчества С. Е. Десницкого [1; 6; 8]. Среди правовой и исторической проблематики особняком стоит лингвистическое исследование В. В. Истратия, посвященное терминологии речей С. Е. Десницкого и опубликованное в журнале «Славянская историческая лексикология и лексикография» в 2019 году [35].

Характеризуя современную историографию, можно экстраполировать позицию Н. А. Балабановой об отсутствии специальных исследований государственно-правовых идей С. Е. Десницкого на весь спектр его политико-правовых воззрений. При этом широта кругозора и сферы его научных интересов отмечается многими исследователями [65; 3; 35].

Результаты историографического анализа были бы неполными, если рассматривать только работы, непосредственно посвященные жизни и правовому наследию С. Е. Десницкого. Для анализа и обобщения источниковой базы исследования была проведена ее тематическая типологизация, в результате которой удалось распределить письменные источники по нескольким направлениям.

Во-первых, в значительной части работ по истории Московского университета, подготовленных в разные хронологические периоды, содержатся сведения о С. Е. Десницком [5; 45; 50]. Так, например, в 1834 году правовед Ф. Л. Морошкин констатировал, что «он начертал Методологию и Энциклопедию теории и практики юридической для Московского Университета, столько полную, что даже в нынешнее время нельзя придумать ничего нового. Настоящий факультет юридических наук весь по его начертанию» [44, с. 193]. А спустя почти столетие профессор А. А. Кизеветтер отметит, что С. Е. Десницкий – «самое блестящее украшение университета в XVIII веке» [46, с. 36].

Во-вторых, многие исследования по развитию отечественной политико-правовой мысли не обошли вниманием правовое наследие первого русского профессора права [31; 34; 42; 57]. В данной группе источников особое внимание обращают на себя работы зарубежных исследователей [67; 68]. В-третьих, опубликованные результаты изучения эпохи Просвещенного абсолютизма в Российской империи часто содержат информацию о выдавшемся правоведе XVIII столетия [26; 36; 37; 48; 61].

Правовое наследие С. Е. Десницкого выступает составной частью историографии развития отечественной политико-правовой мысли. Он является автором «Представления о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи (1768); Юридических рассуждений «О вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими у разных народов защищаются» (1772), «О начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оно приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими» (1775), «О пользе знания отечественного законоискусства и о надобном возобновлении оногo в государственных высокопокровительствуемых училищах» (1778), «О родительской власти, которую у римлян имел отец над своими детьми и которая примечается и у всех народов, когда они в невежественном и варварском состоянии находятся» и «О разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежития» (говоренное апреля 21 дня 1781 года); Слов «О прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании императорского московского университета говоренное июня 30 дня 1768 года», «О происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях» (1768) и «О причинах смертных казней по делам криминальным» (1770).

«Слова» и «Рассуждения» сначала произносились С. Е. Десницким на торжественных актах в Московском университете и только потом публиковались. Их переизданием в 1819–1823 годах занималось «Общество любителей российской словесности» в сборниках «Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оногo».

Кроме того, изданы переводы с английского на русский язык, осуществленные С. Е. Десницким с авторскими предисловием и примечаниями. Речь идет о научном труде Бэкстона «Комментарии к английским законам», изданном в Москве Н. И. Новиковым в трех томах под названием «Истолкования аглинских законов» в 1780–1782 годах, и работе Т. Боудена «Наставник земледельческий», вышедшей на русском языке в 1780 году.

Таким образом, интерпретация правового наследия С. Е. Десницкого занимает незначительное место в историографии развития отечественной политико-правовой мысли. В связи с этим представляется крайне важным при формировании новой отечественной историографической модели систематизировать корпус источников по формированию и развитию политико-правовых представлений первого российского профессора права, уделяя особое внимание трудам С. Е. Десницкого.

Заключение

Осознание необходимости изучения истории отечественного права как отражения культуры, нравственных установок и опыта народа предопределяет вывод о том, что игнорирование собственного наследия означает попытку строить правовую систему на «чужом фундаменте». Именно это обуславливает значимость обращения к трудам признанных российских юристов, таких как Коркунов, Шершеневич, Муромцев и др., и в силу разных обстоятельств не ставших известными широкому кругу исследователей российских ученых, внесших, вне всякого сомнения, весомый вклад в отечественную государственно-правовую науку, таких как Десницкий, для формирования российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применения для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России. Поиск корней национальной школы права имеет целью обеспечение преемственности и стабильности, позволяющих избежать разрывов в правовой традиции страны. Поэтому обращение к наследию – это не только доступ к банку идей и законодательных решений, которые уже прошли проверку жизнью, это и повод для гордости, обуславливающей пристальное внимание к отечественному правовому наследию, акт интеллектуальной ответственности, основанный на осознании того, что право неразрывно связано с историей страны.

Являясь представителем исторической школы права, С. Е. Десницкий призывал к изучению реальных исторических условий возникновения и развития государства и права, стремился к провозглашению неотъемлемых прав человека. Анализируя вклад С. Е. Десницкого в развитие отечественной политико-правовой мысли, нельзя обойти вниманием создание им нового историко-сравнительного метода при рассмотрении вопросов происхождения государства, собственности, семьи.

Педагогическая деятельность С. Е. Десницкого создала базу, на которой впоследствии выросла вся отечественная школа юриспруденции. Именно благодаря этому в России многие годы существовала высочайшая школа юридического письма. Тексты законов были четкими, а доктринальные комментарии глубокими. И сегодня изучение того, как формулировали нормы наши предшественники, напрямую повышает качество современного законодательства, учит точности формулировок и системности мышления.

Кроме безусловного вклада С. Е. Десницкого в методологию права и политико-правовых знаний, прогрессивных для второй половины XVIII века проектов государственных преобразований, работы над созданием основ норм российского законодательства, правовых определений, его, вне всякого сомнения, можно отнести к числу основоположников системы русского права.

Библиографический список

1. Апракин В. А. С. Е. Десницкий основоположник российского законодательства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2005. № 2. С. 83–89.
2. Бабурин С. Н. Государствоведение: научные труды. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 711 с.
3. Балабанова Н. А. Государственно-правовые воззрения С. Е. Десницкого: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 148 с.
4. Баранова О. М. Шульчева О. Б. Правоведческие и духовные особенности русского просвещения в научном наследии С. Е. Десницкого // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2015. № 3 (53). С. 340–342.
5. Белявский М. Т. 200-летие Московского университета. М.: Знание, 1955. 39 с.
6. Белявский М. Т. Семен Десницкий и новые документы о его деятельности // Вестник Московского университета. 1969. № 4. С. 61–74.
7. Богданова Н. А., Швердяев С. Н. Наука государственного права и ее преподавание на юридическом факультете Императорского Московского университета (к 250-летию Московского университета) // История, теория, практика российского права. 2005. № 1. С. 4–33.
8. Браун А. С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков в Глазговском университете (1761–1767) // Вестник Московского университета. 1969. № 4. С. 75–88.
9. Виноградова Е. В., Раттур М. В. «Прав искусство» в истории российского образования (1724–1917 гг.) // Право и управление. 2022. № 10. С. 36–42. DOI 10.24412/2224-9125-2022-10-36-42
10. Виноградова Е. В., Раттур М. В. Историко-графический анализ государственно-правовой идентичности Швейцарии: трансформация принципа легитимизма // Антиномии. 2025. Т. 25, № 2. С. 184–208. DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_184
11. Виноградова Е. В. Национальный суверенитет. Концепция, эволюция, перспективы // Международный научный вестник. 2024. № 11. С. 29–32.
12. Виноградова Е. В., Раттур М. В. Политико-правовая модель державности и соборности сквозь призму государственного и народного суверенитета: историографический аспект // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 4(66). С. 588–614. DOI 10.17072/1995-4190-2024-66-588-614
13. Виноградова Е. В., Раттур М. В. Правовой дискурс формирования российской социальной идентичности на рубеже XIX–XX вв. в нарративе солидарности поколений: историографический аспект // Государство и право. 2024. № 12. С. 160–171.
14. Горбань В. С. Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 91–101. DOI 10.17803/2311-5998.2023.104.4.091-101
15. Горбань В. С., Груздев В. С. О значении и отдельных аспектах современной историографии и историософии политико-правовой мысли // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18, № 6. С. 11–30. DOI 10.35427/2073-4522-2023-18-6-gorban-gruzdev
16. Грацианский П. С. Десницкий. М.: Юрид. лит., 1978. 111 с.
17. Грацианский П. С. Политические и правовые взгляды С. Е. Десницкого: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1964. 238 с.
18. Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание» // Народное образование в России. Второе тысячелетие. М.: Молодая гвардия, 2001. С. 121–125.
19. Десницкий С. Е. Из примечаний к переводу книги Блэкстона «Истолкования английских законов» // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: в 2 т. М.: Гос. изд-во пол. лит., 1952. Т. 1. С. 287–291.
20. Десницкий С. Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: в 2 т. М.: Гос. изд-во пол. лит., 1952. Т. 1. С. 292–334.
21. Десницкий С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании императорского Московского университета... говоренное... июня 30 дня 1768 года //

Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: в 2 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. Т. 1. С. 187–235.

22. Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства, и о надобном возобновлении онаго в государственных высокопокровительствуемых училищах. М.: Университетская типография, 1778. 42 с.

23. Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются... говоренное... апреля 22 дня 1772 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: в 2 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. Т. 1. С. 236–256.

24. Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежития... говоренное... апреля 21 дня 1782 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: в 2 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. Т. 1. С. 268–286.

25. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / под общ. ред. М. Н. Тихомирова: в 3 т. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. Т. 3. 518 с.

26. Евсеев А. В., Лядов А. О., Мушкет И. И. Идеи просвещенной монархии и законотворчество в период царствования Екатерины II // История государства и права. 2001. № 2. С. 20–25.

27. Жуков В. И. Раттур М. В. Историографическая концепция генезиса Российской цивилизации в Отечественной политико-правовой мысли // Государство и право. 2024. № 9. С. 63–76.

28. Жуков В. И. Российское образование: истоки, традиции, проблемы. М.: Маркетинг, 2001. 848 с.

29. Жуков В. И. Суверенитет и цивилизационное пространство России: в 5 т. М.: Ритм, 2024. Т. 1. 390 с.

30. Загряцков М. Д. Общественно-политические взгляды С. Е. Десницкого // Вопросы истории. 1949. № 7. С. 101–112.

31. Из истории русской философии XVIII–XIX веков: сб. ст. / отв. ред. И. Я. Щипанов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 320 с.

32. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / под общ. ред. И. Я. Щипанова: в 2 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. Т. 1. 712 с.

33. Историко-юридические исследования: Россия и Англия: сб. ст. / отв. ред. Л. С. Мамут. М.: ИГПАН, 1990. 109 с.

34. История русской правовой мысли: Биографии, документы, публикации / сост. Д. В. Жуков и др. М.: Остожье, 1998. 600 с.

35. Истратий В. В. О терминологии речей С. Е. Десницкого, посвященных преподаванию юриспруденции // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2019. № 2. С. 49–63.

36. Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 326 с.

37. Кафенгауз Б. Б. Внутренняя политика царизма и «просвещенный абсолютизм» в 1762–1772 гг. М.: Академия наук СССР, 1962. 70 с.

38. Керимов А. Д. Государствоведение: актуальные проблемы теории. М.: Изд-во Современного гуманитарного университета, 2003. 66 с.

39. Керимов Д. А. О состоянии и перспективах государствоведения в России // Право и образование. 2002. № 6. С. 58–62.

40. Коркунов Н. М. С. Е. Десницкий, первый русский профессор права. СПб.: Типография Правительствующего сената, 1894. 31 с.

41. Лаппо-Данилевский А. С. Материалы о Десницком // Известия Императорской академии наук. 1905. № 2. С. 110–111.

42. Макаров А. Н. Учение об основных законах в русской юридической литературе XVIII и первой трети XIX века. Петроград, 1922. 12 с.

43. Морошкин Ф. Л. Десницкий Семен Ефимович // Ученые записки Московского университета. 1834. № 8. С. 226–232.

44. Морошкин Ф. Л. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. № 8. С. 184–195.

45. Московский университет и развитие философской и общественно-политической мысли в России / под общ. ред. проф. И. Я. Щипанова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 470 с.

46. Московский университет, 1755–1930: юбилейный сборник / под ред. И. И. Тучкова, А. Ю. Шутова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2017. 466 с.

47. Нерсисянц В. С. История политических и правовых учений. М.: Норма, 2005. 704 с.

48. Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины II: просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. 428 с.

49. Орлов А. С., Георгиева Н. Г., Георгиев В. А. Исторический словарь. 2-е изд. М.: Проспект. 2015. 592 с.

50. Пенчко Н. А. Выдающиеся воспитанники Московского университета в иностранных университетах // Исторический архив. 1956. № 2. С. 155–183.

51. Пикуль В. С. Через тернии – к звездам: миниатюры. М.: Вече, 2019. 576 с.

52. Подъячева А. Ю. С. Е. Десницкий – первый профессор права в России // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2017. № 7. С. 420–422.

53. Покровский В. С. История русской политической мысли: в 4 т. М.: Госюриздат, 1952. Т. 2. 85 с.

54. Покровский С. А. Политические и правовые взгляды С. Е. Десницкого. М.: Госюриздат, 1955. 167 с.

55. Проект положения об учреждении Академии наук и художеств, 1724 г. // Уставы Академии наук / отв. ред. Г. К. Скрыбин. М.: Наука, 1975. С. 31–39.

56. Раттур М. В. Политико-правовые воззрения С. Е. Десницкого в контексте идентичности российской государственности // Российский научный вестник. 2026. № 1. С. 30–36.

57. Романовская В. Б. К вопросу о русском правоведении эпохи Просвещения // Социология социальных трансформаций. 2003. № 2. С. 20–25.

58. Русская журналистика в документах. История надзора. / сост. О. Д. Минаева. М.: Аспект пресс, 2003. 396 с.

59. Савенков А. Н. Значение идей Н. Я. Данилевского для формирования современной философии права // Государство и право. 2023. № 10. С. 7–16.

60. Савенков А. Н. Философия права в России как идейно-теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность, перспективы // Государство и право. 2023. № 8. С. 7–23.

61. Соколова Е. С. Надсословная монархия в идеологических и государственно-правовых практиках России (середина XVII – первая треть XIX в.). М.: Юрлитинформ, 2021. 300 с.

62. Сыромятников Б. И. С. Е. Десницкий – основатель науки русского правоведения // Известия Академии наук СССР. 1945. № 3. С. 35–46.

63. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М: Норма, 1996. 427 с.

64. Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества: в 3 т. М.: Зерцало-М, 2015. Т. 1. 468 с.

65. Фонвизин Д. И. Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления... // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: в 2 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. Т. 2. С. 247–261.

66. Шевырев С. П. История Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М.: Университетская типография, 1855. 582 с.

67. Brown A. H. Adam Smith and the «Nakaz» of Catherine II // Oxford Slavonic Papers. 1974. Vol. 7. Pp. 42–59.

68. Cairns J. W. John Millar, Ivan Andreevich Tret'yakov, and Semyon Efimovich Desnitsky: A Legal Education in Scotland, 1761–1767 // The Philosophical Age. Almanac 15. Scotland and Russia in the Enlightenment. Proceedings of the International Conference (1–3 September, 2000). Edinburgh; St. Petersburg, 2001. Pp. 15–36.

References

1. Aprakin V. A. S. E. Desnitskii osnovopolozhnik rossijskogo zakonoucheniya [S. E. Desnitsky as the Founder of Russian Science of Law]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Herald. 2005. Issue 2. Pp. 83–89. (In Russ.)

2. Baburin S. N. *Gosudarstvovedenie: nauchnye trudy* [State Studies: Scientific Works]. Moscow, 2017. 711 p. (In Russ.)

3. Balabanova N. A. *Gosudarstvenno-pravovye vozzreniya S. E. Desnickogo* [State Legal Views of S. E. Desnitsky]. Cand. jurid. sci. diss. Vladimir, 2006. 148 p. (In Russ.)

4. Baranova O. M., Shul'cheva O. B. Pravovedcheskie i dukhovnye osobennosti russkogo prosveshcheniya v nauchnom nasledii S. E. Desnitskogo [Legal and Spiritual Features of Russian Enlightenment in the Scientific Heritage of S. E. Desnitsky]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* – Izvestia of the Orenburg State Agrarian University. 2015. Issue 3. Pp. 340–342. (In Russ.)

5. Belyavskii M. T. *200-letie Moskovskogo universiteta* [200th anniversary of Moscow University]. Moscow, 1955. 39 p. (In Russ.)

6. Belyavskii M. T. Semen Desnitskii i novye dokumenty o ego deyatel'nosti [Semyon Desnitsky and New Documents on His Activities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* – Moscow University Herald. 1969. Issue 4. Pp. 61–74. (In Russ.)

7. Bogdanova N. A., Sheverdyayev S. N. Nauka gosudarstvennogo prava i ee prepodavanie na yuridicheskoy fakultete Imperatorskogo Moskovskogo universiteta (k 250-letiyu Moskovskogo universiteta) [Science of State Law and Teaching It at the Faculty of Law of the Imperial Moscow University (on the occasion of the 250th anniversary of Moscow University)]. *Istoriya, teoriya, praktika rossijskogo prava* – History, Theory, Practice of Russian Law. 2005. Issue 1. Pp. 4–33. (In Russ.)

8. Braun A. S. E. Desnitskij i I. A. Tret'yakov v Glazgovskom universitete (1761-1767) [S. E. Desnitsky and I. A. Tret'yakov at Glasgow University (1761-1767)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* – Moscow University Herald. 1969. Issue 4. Pp. 75–88. (In Russ.)

9. Vinogradova E. V., Rattur M. V. «Prav iskusstvo» v istorii rossijskogo obrazovaniya (1724-1917 gg.) ["The Art of Law" in the History of Russian Education (1724-1917)]. *Pravo i upravlenie* – Law and Management. 2022. Issue 10. Pp. 36–42. DOI 10.24412/2224-9125-2022-10-36-42 (In Russ.)

10. Vinogradova E. V., Rattur M. V. Istoriograficheskij analiz gosudarstvenno-pravovoj identichnosti Shvejtsarii: transformaciya principa legitimizma [Historiographic Analysis of Switzerland's State-Legal Identity: Transformation of the Principle of Legitimism]. *Antinomies*. 2025. Vol. 25. Issue 12. Pp. 184–208. DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_184 (In Russ.)

11. Vinogradova E. V. Natsional'nyi suverenitet. Kontseptsiya, evolyutsiya, perspektivy [National Sovereignty. Concept, Evolution, Prospects]. *Mezhdunarodnyj nauchnyj vestnik* – International Scientific Bulletin. 2024. Issue 11. Pp. 29–32. (In Russ.)

12. Vinogradova E. V., Rattur M. V. Politiko-pravovaya model' derzhavnosti i sobornosti skvoz' prizmu gosudarstvennogo i narodnogo suvereniteta: istoriograficheskij aspekt [The Politico-Legal Model of Derzhavnost and Sobornost Through the Prism of State and Popular Sovereignty: The Historiographical Aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald.

Juridical Sciences. 2024. Issue 4(66). Pp. 588–614. DOI 10.17072/1995-4190-2024-66-588-614 (In Russ.)

13. Vinogradova E. V., Rattur M. V. Pravovoj diskurs formirovaniya Rossijskoj social'noj identichnosti na rubezhe XIX-XX vv. v narrative solidarnosti pokolenij: istoriograficheskij aspekt [Legal Discourse of the Formation of Russian Social Identity at the Turn of the XIX-XX Centuries in the Narrative of Generational Solidarity: Historiographic Aspect]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2024. Issue 12. Pp. 160–171. DOI 10.31857/S1026945224120157 (In Russ.)

14. Gorban' V. S. Novaya istoriografiya politiko-pravovoj mysli kak nasushchnaya zadacha yuridicheskikh nauk [New Historiography of Political and Legal Thought as an Urgent Task of Legal Sciences]. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023. Issue 4(104). Pp. 91–101. DOI 10.17803/2311-5998.2023.104.4.091-101 (In Russ.)

15. Gorban V. S., Gruzdev V. S. *O znachenii i ot-del'nyh aspektah sovremennoj istoriografii i istoriosofii politiko-pravovoj mysli* [On the Significance and Individual Aspects of Modern Historiography and Historiosophy of Political and Legal Thought]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk* – Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2023. Vol. 18. Issue 6. Pp. 11–30. DOI 10.35427/2073-4522-2023-18-6-gorban-gruzdev (In Russ.)

16. Gratsianskiy P. S. *Desnitskiy* [Desnitsky]. Moscow, 1978. 111 p. (In Russ.)

17. Gratsianskiy P. S. Politicheskie i pravovye vzglyady S. E. Desnitskogo [Political and legal views of S. E. Desnitsky]. Cand. jurid. sci. diss. Moscow, 1964. 238 p. (In Russ.)

18. Dashkova E. R. O smysle slova «vospitanie» [About the meaning of the word "education"]. In *Narodnoe obrazovanie v Rossii. Vtoroe tysyacheletie* [Public education in Russia. Second millennium]. Moscow, 2001. Pp. 121–125. (In Russ.)

19. Desnitsky S. E. Iz primechanij k perevodu knigi Blekstona «Istolkovaniya anglijskikh zakonov» [From the Notes to the Translation of Blackstone's book "Commentaries on the Laws of England"]. In *Izbrannye proizvedeniya russkikh myslitelej vtoroj poloviny XVIII veka* [Selected Works of Russian Thinkers of the Second Half of the 18th Century]. Vol. 1. Moscow, 1952. Pp. 287–291. (In Russ.)

20. Desnitsky S. E. Predstavlenie o uchrezhdenii zakonodatel'noj, suditel'noj i nakazatel'noj vlasti v Rossijskoj imperii [The Idea of the Establishment of Legislative, Judicial, and Punitive Power in the Russian Empire]. In *Izbrannye proizvedeniya russkikh myslitelej vtoroj poloviny XVIII veka* [Selected Works of Russian Thinkers of the Second Half of the 18th Century]. Vol. 1. Moscow, 1952. Pp. 292–334. (In Russ.)

21. Desnitsky S. E. Slovo o pryamom i blizhajshem sposobe k naucheniyu yurisprudencii, v publichnom sobranii imperatorskogo Moskovskogo universiteta... govorennoe... iyunya 30 dnya 1768 goda [A Word About

the Direct and Nearest Way to Learning Jurisprudence, at the Public Meeting of the Imperial Moscow University... Spoken... June 30, 1768]. In *Izbrannye proizvedeniya russkikh myslitelej vtoroj poloviny XVIII veka* [Selected Works of Russian Thinkers of the Second Half of the 18th Century]. Vol. 1. Moscow, 1952. Pp. 187–235. (In Russ.)

22. Desnitsky S. E. *Yuridicheskoe razsuzhdenie o pol'ze znaniya otechestvennago zakoniskusstva, i o nadobnom vozobnovlenii onago v gosudarstvennyh vysokopokrovitel'stvennyh uchilishchah* [Legal Reasoning About the Benefits of Knowledge of Domestic Law and About the Necessary Resumption of It in Highly Patronized Schools]. Moscow, 1778. 42 p. (In Russ.)

23. Desnitsky S. E. Yuridicheskoe rassuzhdenie o veshchah svyashchennyh, svyatyh i prinyatyh v blagochestie, s pokazaniem prav, kakimi onye u raznyh narodov zashchishchayutsya... govorennoe... aprelya 22 dnya 1772 goda [Legal Reasoning About Things Sacred, Holy, and Accepted in Piety, with an Indication of the Rights that Different Peoples Defend... Spoken... April 22, 1772]. In *Izbrannye proizvedeniya russkikh myslitelej vtoroj poloviny XVIII veka* [Selected Works of Russian Thinkers of the Second Half of the 18th Century]. Vol. 1. Moscow, 1952. Pp. 236–256. (In Russ.)

24. Desnitsky S. E. Yuridicheskoe rassuzhdenie o raznyh ponyatiyah, kakie imeyut narody o sobstvennosti imeniya v razlichnyh sostoyaniyah obshchezhitel'stva... govorennoe... aprelya 21 dnya 1782 goda [Legal Reasoning About Different Concepts That Peoples Have Regarding the Ownership of Estates in Different States of Community... Spoken... April 21, 1782]. In *Izbrannye proizvedeniya russkikh myslitelej vtoroj poloviny XVIII veka* [Selected Works of Russian Thinkers of the Second Half of the 18th Century]. Vol. 1. Moscow, 1952. Pp. 268–286. (In Russ.)

25. *Dokumenty i materialy po istorii Moskovskogo universiteta vtoroj poloviny XVIII veka* [Documents and Materials on the History of Moscow University in the Second Half of the 18th Century]. Ed. by M. N. Tikhomirov. Vol. 3. Moscow, 1963. 518 p. (In Russ.)

26. Evseev A. V., Lyadov A. O., Mushket I. I. Idei prosveshchennoj monarii i zakonotvorchestvo v period carstvovaniya Ekateriny II [Ideas of an Enlightened Monarchy and Lawmaking During the Reign of Catherine II]. *Istoriya gosudarstva i prava* – History of the State and Law. 2001. Issue 2. Pp. 20–25. (In Russ.)

27. Zhukov V. I., Rattur M. V. *Istoriograficheskaya koncepciya genezisa Rossijskoj civilizacii v Otechestvennoj politiko-pravovoj mysli* [Historiographic Concept of the Genesis of Russian Civilization in Domestic Political and Legal Thought]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2024. Issue 9. Pp. 63–76. DOI 10.31857/S1026945224090055 (In Russ.)

28. Zhukov V. I. *Rossijskoe obrazovanie: istoki, traditsii, problemy* [Russian Education: Origins, Traditions, Problems]. Moscow, 2001. 848 p. (In Russ.)

29. Zhukov V. I. *Suverenitet i tsivilizatsionnoe prostranstvo Rossii* [Sovereignty and civilizational space of Russia]. Vol. 1. Moscow, 2024. Vol. 1. 390 p. (In Russ.)
30. Zagryatskov M. D. Obshchestvenno-politicheskie vzglyady S. E. Desnitskogo [Socio-Political Views of S. E. Desnitsky]. *Voprosy istorii*. 1949. Issue 7. Pp. 101–112. (In Russ.)
31. *Iz istorii russkoy filosofii XVIII-XIX vekov* [From the History of Russian Philosophy of the 18th-19th Centuries]. Ed. by I. Ya. Shchipanov. Moscow, 1952. 320 p. (In Russ.)
32. *Izbrannye proizvedeniya russkikh mysliteley vtoroy poloviny XVIII veka* [Selected Works of Russian Thinkers of the Second Half of the 18th Century]. Ed. by I. Ya. Shchipanov. Vol. 1. Moscow, 1952. 712 p. (In Russ.)
33. *Istoriko-yuridicheskie issledovaniya: Rossiya i Angliya* [Historical and Legal research: Russia and England]. Ed. by L. S. Mamut. Moscow, 1990. 109 p. (In Russ.)
34. *Istoriya russkoy pravovoy mysli: Biografii, dokumenty, publikatsii* [History of Russian Legal Thought: Biographies, Documents, Publications]. Comp. by D. V. Zhukov. Moscow, 1998. 600 p. (In Russ.)
35. Istratij V. V. O terminologii rechej S.E. Desnitskogo, posvyashchennyh prepodavaniiyu yurisprudencii [On the Terminology of S. E. Desnitsky's Speeches on the Teaching of Jurisprudence]. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* – Slavic Historical Lexicology and Lexicography. 2019. Issue 2. Pp. 49–63. (In Russ.)
36. Kamenskiy A. B. *Rossiyskaya imperiya v XVIII veke: traditsii i modernizatsiya* [Russian Empire in the 18th Century: Traditions and Modernization]. Moscow, 1999. 326 p. (In Russ.)
37. Kafengauz B. B. *Vnutrennyaya politika tsarizma i «prosveshchennyj absolyutizm» v 1762-1772 gg.* [Domestic Politics of Tsarism and "Enlightened Absolutism" in 1762-1772]. Moscow, 1962. 70 p. (In Russ.)
38. Kerimov A. D. *Gosudarstvovedenie: aktual'nye problemy teorii* [State Science: Current Problems of Theory]. Moscow, 2003. 66 p. (In Russ.)
39. Kerimov D. A. O sostoyanii i perspektivah gosudarstvovedeniya v Rossii [On the State and Prospects of State Science in Russia]. *Pravo i obrazovanie* – Law and Education. 2002. Issue 6. Pp. 58–62. (In Russ.)
40. Korkunov N. M. *S. E. Desnitskiy, pervyy russkiy professor prava* [S. E. Desnitsky, the First Russian Professor of Law]. St. Petersburg, 1894. 31 p. (In Russ.)
41. Lappo-Danilevskiy A. S. Materialy o Desnitskom [Materials about Desnitsky]. *Izvestiya Imperatorskoy akademii nauk* – News of the Imperial Academy of Sciences. 1905. Issue 2. Pp. 110–111. (In Russ.)
42. Makarov A. N. *Uchenie ob osnovnykh zakonakh v russkoy yuridicheskoy literature XVIII i pervoy treti XIX veka* [The Doctrine of Basic Laws in Russian Legal Literature of the 18th and First Third of the 19th Centuries]. Petrograd, 1922. 12 p. (In Russ.)
43. Moroshkin F. L. Desnitskiy Semen Efimovich [Desnitsky Semyon Efimovich]. *Uchenye zapiski Moskovskogo universiteta* – Scientific Notes of Moscow University. 1834. Issue 8. Pp. 226–232. (In Russ.)
44. Moroshkin F. L. Ob uchastii Moskovskogo universiteta v obrazovanii otechestvennoy yurisprudentsii [On the Participation of Moscow University in the Formation of Domestic Jurisprudence]. *Uchenye zapiski Moskovskogo universiteta* – Scientific Notes of Moscow University. 1834. Issue 8. Pp. 184–195. (In Russ.)
45. *Moskovskiy universitet i razvitie filosofskoy i obshchestvenno-politicheskoy mysli v Rossii* [Moscow University and the Development of Philosophical and Socio-Political Thought in Russia]. Ed. by I. Ya. Shchipanov. Moscow, 1957. 470 p. (In Russ.)
46. *Moskovskiy universitet, 1755-1930* [Moscow University, 1755-1930: Anniversary Collection]. Ed. by I. I. Tuchkov, A. Yu. Shutov. Moscow, 2017. 466 p. (In Russ.)
47. Nersesyants V. S. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [History of Political and Legal Teachings]. Moscow, 2005. 704 p. (In Russ.)
48. Omel'chenko O. A. «Zakonnaya monarkhiya» Ekateriny II: prosveshchennyj absolyutizm v Rossii [Catherine II's "Legitimate Monarchy": Enlightened Absolutism in Russia]. Moscow, 1993. 428 p. (In Russ.)
49. Orlov A. S., Georgieva N. G., Georgiev V. A. *Istoricheskij slovar'* [Historical Dictionary]. 2nd ed. Moscow, 2015. 592 p. (In Russ.)
50. Penchko N. A. Vydayushchiesya vospitanniki Moskovskogo universiteta v inostrannykh universitetakh [Outstanding Alumni of Moscow University at Foreign Universities]. *Istoricheskij arkhiv* – Historical Archive. 1956. Issue 2. Pp. 155–183. (In Russ.)
51. Pikul' V. S. *Cherez ternii – k zvezdam: miniatyury* [Through Thorns – to the Stars: Miniatures]. Moscow, 2019. 576 p. (In Russ.)
52. Pod'yacheva A. Yu. S. E. Desnitskiy – pervyy professor prava v Rossii [S. E. Desnitsky, the First Professor of Law in Russia]. In *Nauchno-obrazovatel'nyy potentsial molodezhi v reshenii aktual'nykh problem XXI veka* [Scientific and Educational Potential of Youth in Solving Pressing Problems of the 21st Century]. 2017. Issue 7. Pp. 420–422. (In Russ.)
53. Pokrovskiy V. S. *Istoriya russkoy politicheskoy mysli* [History of Russian Political Thought]. Moscow, 1952. Vol. 2. 85 p. (In Russ.)
54. Pokrovskiy S. A. *Politicheskie i pravovye vzglyady S.E. Desnitskogo* [Political and Legal Views of S. E. Desnitsky]. Moscow, 1955. 167 p. (In Russ.)
55. *Proekt polozheniya ob uchrezhdenii Akademii nauk i khudozhestv, 1724 g.* [Draft Regulation on the Establishment of the Academy of Sciences and Arts, 1724]. In *Ustavy Akademii nauk* [Charters of the Academy of Sciences]. Ed. by G.K. Scriabin. Moscow, 1975. Pp. 31–39. (In Russ.)

56. Rattur M. V. Politiko-pravovye vozzreniya S. E. Desnitskogo v kontekste identichnosti rossiyskoy gosudarstvennosti [Political and Legal Views of S. E. Desnitsky in the Context of the Identity of Russian Statehood]. *Rossiyskiy nauchnyy vestnik* – Russian Scientific Herald. 2026. Issue 1. Pp. 30–36. DOI 10.24412/2782-3830-2026-1-30-36 (In Russ.)

57. Romanovskaya V. B. K voprosu o russkom pravovedenii epokhi Prosveshcheniya [On the Question of Russian Jurisprudence of the Enlightenment]. *Sotsiologiya sotsial'nykh transformatsiy* – Sociology of Social Transformations. 2003. Issue 2. Pp. 20–25. (In Russ.)

58. *Russkaya zhurnalistika v dokumentakh. Istoriya nadzora* [Russian Journalism in Documents. The History of Supervision]. Comp. by O. D. Minaeva. Moscow, 2003. 396 p. (In Russ.)

59. Savenkov A. N. Znachenie idey N. Ya. Danilevskogo dlya formirovaniya sovremennoy filosofii prava [Significance of the Ideas of N. Ya. Danilevsky for the Formation of Modern Philosophy of Law]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2023. Issue 10. Pp. 7–16. DOI 10.31857/S102694520028158-4 (In Russ.)

60. Savenkov A. N. Filosofiya prava v Rossii kak idejno-teoreticheskaya osnova natsional'noj pravovoj ideologii: istoriya, sovremennost', perspektivy [*Philosophy of Law in Russia as the Ideological and Theoretical Basis of National Legal Ideology: History, Modernity, Prospects*]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2023. Issue 8. Pp. 7–23. DOI 10.31857/S102694520027259-5. (In Russ.)

61. Sokolova E. S. *Nadsoslovnaya monarkhiya v ideologicheskikh i gosudarstvenno-pravovykh praktikakh Rossii (seredina XVII – pervaya tret' XIX v.)* [A Supra-Estate Monarchy in the Ideological and State-Legal

Practices of Russia (mid-17th – first third of the 19th centuries)]. Moscow, 2021. 300 p. (In Russ.)

62. Syromyatnikov B. I. S. E. Desnitskiy – osnovatel' nauki russkogo pravovedeniya [S. E. Desnitsky as the Founder of the Science of Russian Law]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR* – News of the USSR Academy of Sciences. 1945. Issue 3. Pp. 35–46. (In Russ.)

63. Tikhomirov Yu. A. *Kurs sravnitel'nogo pravovedeniya* [Comparative Law Course]. Moscow, 1996. 427 p. (In Russ.)

64. Tomsinov V. A. *Rossiyskie pravovedy XVIII – XX vekov: Ocherki zhizni i tvorchestva* [Russian Jurists of the 18th-20th Centuries: Essays on Life and Creative Work]. Vol. 1. Moscow, 2015. 468 p. (In Russ.)

65. Fonvizin D. I. Rassuzhdenie o istreblivsheysya v Rossii sovsem vsyakoy forme gosudarstvennogo pravleniya... [Reasoning About the Complete Eradication of Any Form of Government in Russia...]. In *Izbrannye proizvedeniya russkikh myslitelej vtoroy poloviny XVIII veka* [Selected Works of Russian Thinkers of the Second Half of the 18th Century]. Vol. 2. Moscow, 1952. Pp. 247–261. (In Russ.)

66. Shevyrev S. P. *Istoriya Moskovskogo universiteta, napisannaya k stoletnemu ego yubileyu* [History of Moscow University, Written for Its Centenary]. Moscow, 1855. 582 p. (In Russ.)

67. Brown A. H. Adam Smith and the «Nakaz» of Catherine II. *Oxford Slavonic Papers*. 1974. Vol. 7. Pp. 42–59. (In Eng.)

68. Cairns J. W. John Millar, Ivan Andreevich Tretyakov, and Semyon Efimovich Desnitsky: A Legal Education in Scotland, 1761–1767. *The Philosophical Age. Almanac 15. Scotland and Russia in the Enlightenment. Proceedings of the International Conference (1–3 September 2000)*. Edinburgh, St. Petersburg, 2001. Pp. 15–36. (In Eng.)

Информация об авторах:

Е. В. Виноградова

Доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора конституционного
права и конституционной юстиции

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

ORCID: 0000-0002-3568-9042

ResearcherID: M-4613-2015

Статьи автора в БД Scopus / Web of Science:

DOI 10.14505/jemt.v9.1(25).18

DOI 10.1051/e3sconf/202020806007

DOI 10.14505/jarle.v10.6(44).11

DOI 10.17072/1995-4190-2022-55-22-47

DOI 10.31857/S1026945224070034

DOI 10.17072/1995-4190-2024-64-217-238

DOI 10.17072/1995-4190-2024-66-588-614

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_184

About the authors:

E. V. Vinogradova

Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russia

ORCID: 0000-0002-3568-9042

ResearcherID: M-4613-2015

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI 10.14505/jemt.v9.1(25).18

DOI 10.1051/e3sconf/202020806007

DOI 10.14505/jarle.v10.6(44).11

DOI 10.17072/1995-4190-2022-55-22-47

DOI 10.31857/S1026945224070034

DOI 10.17072/1995-4190-2024-64-217-238

DOI 10.17072/1995-4190-2024-66-588-614

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_184

М. В. Раттур

Кандидат исторических наук,
доцент, ведущий научный сотрудник сектора философии
права, истории и теории государства и права

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

ORCID: 0000-0002-4879-5151

Статьи автора в БД Scopus / Web of Science:

DOI 10.31857/S102694520014353-9

DOI 10.31857/S102694520022605-6

DOI 10.31857/S1026945224120157

DOI 10.31857/S1026945224110043

DOI 10.17072/1995-4190-2024-66-588-614

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_184

M. V. Rattur

Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russia

ORCID: 0000-0002-4879-5151

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI 10.31857/S102694520014353-9

DOI 10.31857/S102694520022605-6

DOI 10.31857/S1026945224120157

DOI 10.31857/S1026945224110043

DOI 10.17072/1995-4190-2024-66-588-614

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_184

Информация для цитирования:

Сагандыков М. С. Поколения прав человека в контексте концепции солидарности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 2(72). С. 215–233. DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-215-233. EDN CCWJLJ

Sagandykov M. S. Pokoleniya prav cheloveka v kontekste kontseptsii solidarnosti [Generations of Human Rights in the Context of the Concept of Solidarity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 2(72). Pp. 215–233. DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-215-233. EDN CCWJLJ (In Russ.)

УДК 342.7

DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-215-233

EDN <https://elibrary.ru/ccwjlj>

EDN CCWJLJ

Поколения прав человека в контексте концепции солидарности

М. С. Сагандыков

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)

E-mail: sagandykovms@susu.ru**Статья поступила в редакцию 21.09.2025**

Введение: либеральное восприятие свободы как противоречия ее негативных и позитивных аспектов легло в основу разделения прав человека на поколения. При этом личные и некоторые политические права, с одной стороны, и социально-экономические – с другой разделены не просто на поколения, а на уровни, с точки зрения своей важности для индивидуальной свободы индивида. Конституционно-правовой средой для такой классификации стало противопоставление принципов правового и социального государства. **Цель:** выявить закономерности, которые могли бы позволить утверждать необходимость пересмотра конституционно-правовой концепции поколений прав человека в условиях современного представления о соотношении принципов правового государства и социального государства, сочетания негативной и позитивной свободы и в контексте теории солидарности. **Методы:** применялись общенаучные (анализ, синтез, сравнение, описание, индукция и дедукция) и частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и метод правового моделирования) методы. **Результаты:** в основе разделения прав человека на поколения лежит подход, согласно которому первое и второе поколение связаны с негативной и позитивной свободой соответственно. Иные критерии для указанной классификации подвергнуты в науке серьезной критике и опровергнуты практикой высших судебных органов. В то же время конституционные новеллы 2020 года фактически устраняют противоречия между правовым и социальным государством, а конституционно провозглашенная солидарность обеспечивает единство негативной и позитивной свободы, их взаимообусловленность. **Выводы:** каждое право человека есть конституционно-правовое выражение индивидуальной свободы, в которой всегда присутствуют негативный (пассивный) и позитивный (активный) компоненты. Разделение права человека на поколения не отвечает современному конституционно-правовому представлению ни о свободе личности, ни о системе прав человека. Каждое из прав человека, включая права первого поколения, является проекцией негативной и позитивной свободы и соответствует категории «достойная жизнь».

Ключевые слова: права человека; поколения прав человека; негативная и позитивная свобода; солидарность; социальное правовое государство; свобода труда; достойная жизнь

© Сагандыков М. С., 2026

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Generations of Human Rights in the Context of the Concept of Solidarity

M. S. Sagandykov

South Ural State University

E-mail: sagandykovms@susu.ru

Received 21 Sep 2025

Introduction: the liberal perception of freedom as a contradiction between its negative and positive aspects formed the basis for dividing human rights into generations. Personal and some political rights, on the one hand, and socio-economic rights, on the other hand, are not divided simply into generations, but into levels in terms of their importance for individual freedom. The constitutional legal framework for such classification is based on the opposition between the principles of the rule-of-law state and the social (welfare) state. **Purpose:** to identify patterns which could allow asserting the need to revise the constitutional legal concept of the generations of human rights in the context of the contemporary view of the relationship between the principles of the "rule-of-law state" and the "social state," negative and positive freedom, and the constitutional theory of solidarity. **Methods:** the study is based on general scientific methods, including analysis, synthesis, comparison, description, induction, and deduction, as well as specific scientific methods, including historical legal, comparative legal, formal legal methods, and legal modeling. **Results:** the division of human rights into generations is based on the approach according to which the first and second generations correspond to negative and positive freedom, respectively. Other criteria for this classification have been seriously criticized in science and refuted by the practice of senior judicial authorities. Nevertheless, constitutional innovations introduced in 2020 essentially eliminate the contradictions between the rule-of-law state and the social state, while the constitutionally proclaimed solidarity ensures the unity of negative and positive freedoms and their interdependence. **Conclusions:** any human right is the constitutional legal expression of individual freedom, which always has a negative (passive) and positive (active) component. The division of human rights into generations does not correspond to the modern constitutional legal concepts of individual freedom and the system of human rights. Each of the human rights, including "first-generation rights," is a projection of negative and positive freedom and corresponds to the category "dignified life."

Keywords: human rights; generations of human rights; negative and positive freedom; solidarity; social legal state; freedom of labor; dignified life

Введение

Феномен свободы рассматривается в социально-философских, общественно-политических и юридических исследованиях в разных аспектах, но в конституционно-правовой парадигме одним из главных проекций этого явления всегда оставалось сочетание в нем индивидуального и коллективного начал, что, в определенном смысле, соответствует двум подходам к пониманию свободы в контексте взаимодействия личности, общества и государства. Поддерживаемой рядом либеральных и неолиберальных течений концепции «негативной» свободы, «свободы от...», понимаемой как свободной от государственной власти возможности поступать по своему усмотрению [10, с. 8; 62], противостоит идея «позитивной» свободы, «свобода для...», которая опирается на способность и возможность человека принести пользу себе и обществу [43, с. 15–16]. Безусловно, и негативная, и позитивная свобода – это индивидуальная свобода. Вместе с тем многие исследователи отмечают, что «в то время как

негативная свобода обычно связывается с отдельным субъектом, позитивная свобода иногда приписывается коллективам или отдельным людям, являющимся, в первую очередь, членами определённых коллективов» [57].

Позитивное наполнение свободы одни либералы считают допустимым и даже необходимым, другие, например Л. Мизес, Ф. Хайек, связывают с социалистическим подходом к построению общества и государства, видят в этом угрозу либеральным свободам [60], поскольку стремление к равенству и справедливости, по их мнению, не оправдывает вмешательство государства в экономику и ограничение свободы выбора [58, р. 310; 47, с. 255; 27, с. 2]. В социализме условием свободы личности является социализация человека, включение его в коллектив, где он и «ассоциированные производители» контролируют обмен «веществ с природой» посредством неотчуждаемого свободного труда [32, с. 722]. Так, Н. Бердяев критикует марксизм за тенденцию отчуждения человека в коллектив, создание религии авторитарного

коллективизма, ведущего к отрицанию свободы и рабству [9, с. 111]. В то же время многие авторы, мыслители прошлых лет и наши современники (Л. Дюги, М. Фуко, Г. П. Щедровицкий), со скепсисом относятся к возможности наделения человека качеством субъекта свободы в отрыве от общества [11, с. 88–90].

Проблема соотношения негативной и позитивной свободы и выстраиваемая на ее основе концепция прав человека приобретает особую актуальность сегодня, после внесения поправок в Конституцию Российской Федерации (далее – Конституция РФ; Конституция) в 2020 году, в частности, дополнение статьи 75 частями 5–7 и введение в действие новой статьи 75.1. Указанные новеллы уже отразились на практике Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) и требуют научного осмысления в рамках указанных выше вопросов. Целью исследования является попытка определить современную конституционно-правовую концепцию прав человека в контексте соотношения ряда категорий: индивидуализм и коллективизм, правовое и социальное государство, негативная и позитивная свобода, негативные и позитивные права человека, права первого и второго поколений. Считаем, что обозначенная цель не может быть достигнута без выявления роли солидарности в формировании системы конституционных прав и свобод человека.

«Поколения» прав человека в контексте соотношения «правового» и «социального» государства

В конституционных актах советского периода, в известной степени реализовавших социалистические идеи, свобода выражена в форме свободы от капитала и от эксплуатации, чему способствует запрет частной собственности, огосударствление экономики и диктатура пролетариата¹. В советском социализме политика превалировала над правом [8, с. 7–8]², права и свободы исходили от государства, потому именно с ним связано правовое положение личности [14, с. 99]. Обладание и индивидуальными правами и свободами, в том числе гражданскими и политическими, возможность их реализации ставились в зависимость от принадлежности конкретным социальным группам и той роли, которую в ней играл индивид. Вполне можно говорить о том, что в этот период человек, как носитель свободы, потерял свою субъектность, индивидуальная свобода была полностью замещена свободой коллективной. Права человека, по существу, были заменены на права социальных групп, что вызывало наибольшие опасения в западной либеральной среде [59, р. 103]. Кроме

того, патернализм, свойственный советскому периоду, по существу, трансформировал благородную в целом идею «коллективизма» в практику «этатизма», не предполагающего равного диалога государства с обществом, не говоря уже об отдельной личности.

В то же время выраженный в индивидуальной свободе идеал либерализма претерпевает изменение под давлением идеи всеобщего блага, благосостояния народа и справедливости [42, с. 80], нашедших отражение в конституционных актах³, благодаря концепции правового социального государства, выразившейся, помимо прочего, в расширении круга признаваемых государством прав и свобод человека [1, с. 77], прежде всего социально-экономической направленности [36, с. 30]. Также во многих конституциях (ст. 198 Конституции Испании, ст. 5 Конституции Бразилии, ст. 24 Конституции Чили) определяется роль собственности в обществе, ее социальное назначение и бремя собственника [26, с. 216; 51, с. 17].

Вместе с тем в конституционно-правовом смысле противоречия между индивидуализмом и коллективизмом остались, что, в известной степени, нашло отражение и в системе прав человека, в конституционном выражении прав второго поколения.

Считается, что многие социально-экономические права (на труд, на социальное обеспечение, на медицинскую помощь и некоторые другие), права второго поколения, в конституциях большинства стран относятся скорее к принципам государственной социальной политики, не снабженным возможностью судебной защиты, а не к гарантированным государством субъективным правам, что вытекает из буквального текста конституций, находит подтверждение в практике органов конституционного контроля соответствующих государств [30, с. 67–76; 41, с. 45–51]. Социальные права, права второго поколения, рассматриваются некоторыми авторами как государственные услуги, привилегии от государства [29, с. 57] либо в качестве обременения государства ответственностью за материальное благополучие граждан [44, с. 102; 45, с. 75], в роли «объективных обязанностей государства» [15, с. 556]. Более того, некоторые социальные права преподносятся как ограничители гражданской свободы, конституционных основ [5, с. 76]. Позднее будет дана оценка указанным характеристикам социальных прав.

Возможно, некоторая недооценка значения прав второго поколения кроется в противопоставлении принципов правового и социального государства. В либеральной идеологии отношение к социальному государству в целом отрицательное [48]. В отечественной научной литературе мнение о соотношении правового и социального государства неоднозначное.

¹ См., например: Ст. 3 Конституции (Основного закона) РСФСР (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. (прекратила действие) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² О противопоставлении социального государства социалистическому писал также В. Е. Чиркин [50, с. 4].

³ Наиболее целостно выражено в ст. 45 Конституции Ирландии 1937 г., где говорится о разумном и справедливом распределении материальных ресурсов между лицами и различными классами, о поддержке частной инициативы, о невозможности злоупотребления трудовыми ресурсами, о запрете эксплуатации населения, о социальной ответственности предпринимательства и т. д.

Многие авторы считают, что социальное государство трудно совместимо с государством правовым, с его принципами, особенно с экономической свободой личности [19, с. 12]. Так, Э. Р. Чернова небезосновательно утверждает, что правовое и социальное государство – это «различные по своей сущности и содержанию социальные феномены» [49, с. 285]. По мнению автора, усилия государства по обеспечению социальной справедливости могут противоречить конституционному праву частной собственности [49, с. 284]. Другими словами, социальное государство, считает ученый, отходит от государства правового [49, с. 282]. Интересную характеристику социальному государству в его сочетании с правовым государством предлагает В. А. Четвернин. По его мнению, «правовое» и «либеральное» государство следует рассматривать как синонимы, а потому «социальное правовое государство» не является разновидностью правового государства, существующей наряду с «либеральным правовым государством», а считается «отклонением от правовой (либеральной) государственности, ограничением либеральной природы правового государства, характерным для постиндустриального общества» [29, с. 55]. В. С. Нерсисянц, считая социальное государство стадией развития правового государства, отмечает трудности в определении пределов его социальной функции, вызванные опасениями «грубого вмешательства в экономику, подавлением инициативы и свободы предпринимательства». Баланс между социально ориентированной экономикой и экономической свободой труднодостижим [40, с. 705]. Последние два утверждения Э. Р. Черновой и позиция В. С. Нерсисянца, на наш взгляд, содержат основания для дискуссии.

В то же время большинство исследователей признает, что с позиции сегодняшнего дня, несмотря на наличие противоречий между правовым и социальным государством, второе необходимо современному обществу [31]. А. С. Шабуров отмечает единство «социального» и «правового» в характеристике государства, формирующее представление о современном государстве как о «социально-правовом» [53, с. 7]. «Обоюдными сторонами» современного государства считает правовое и социальное государства И. В. Тепляшин [44, с. 101]. Вместе с тем единство названных характеристик государства, по мнению указанных авторов, не отменяет их противоречие [44, с. 102; 53, с. 7; 29, с. 55].

Продвигаемая иерархичность принципов правового и социального государства, некая вторичность последнего определяют и подходы к системе прав человека, а именно то, что, несмотря на свою значимость, права второго поколения, прежде всего социальные, ограничивают права первого поколения, поскольку «покушаются» на индивидуальную свободу. По мнению Н. В. Варламовой, права первого поколения считаются первичными, а права последующих поколений «призваны их обеспечивать» [16, с. 162].

С одной стороны, практически все авторы едины в том, что появление социальных прав – это

«неизбежность» [29, с. 55–57], а сами они становятся еще одними приоритетами развития государства [39, с. 21]. С другой стороны, столкновение концепций негативной и позитивной свободы не исчезло, а значит, идеологическое и юридическое противопоставление прав первого и второго поколений осталось.

Критерии для разделения прав человека на поколения

В юридической литературе отношение к разделению прав и свобод человека на поколения сложное и неоднозначное. Так, К. В. Арановский, С. Д. Князев, Е. Б. Хохлов справедливо отмечают, что время появления тех или иных прав, с которым связывают их отнесение к тому или иному поколению, нельзя назвать главным критерием данной классификации [5, с. 65]. Действительно, в первой Конституции, принятой в США, точнее, в Билле о правах, ратифицированном в 1791 году, социальные права не названы. Они известны большинству Конституций, принятых в начале XX века, например, Конституциям Мексики 1917 года, РСФСР 1918 года, Веймарской республики 1919 года и др.

Однако если брать за основу международное признание тех или иных прав, то социальные и трудовые права, традиционно относящиеся к правам второго поколения, были задекларированы раньше личных и политических. Они были закреплены в актах Международной организации труда еще в начале XX века, тогда как гражданские и политические права – лишь в 1948 году, с принятием Всеобщей декларации прав человека [61, р. 5–6].

К. В. Арановский, С. Д. Князев, Е. Б. Хохлов считают, что многие социальные права, такие как защита от принудительного труда, право на вознаграждение за труд и другие, известны так давно, что вряд ли могут быть отнесены ко второму поколению по причине их появления позднее каких-либо гражданских прав [5, с. 68]. Формальное декларирование прав далеко не всегда совпадает с фактом их реального признания государством. Например, меры публичной помощи нуждающимся были известны еще на Древнем Востоке и в Древнем Риме, к идеям пенсионного страхования обращались мыслители XVIII в. [4, с. 7–8], а первые страховые пенсионные фонды формируются в Пруссии с 1825 г. [24, с. 95].

Вместе с тем К. В. Арановский, С. Д. Князев, Е. Б. Хохлов отмечают, что имеет значение фактическое признание тех или иных прав с позиции последовательного освобождения человека от государства. Не может человек познать социальные и некоторые политические права, пока наиболее «простые» права, например права на собственность, личную неприкосновенность, не станут общепризнанными, всем понятными и для всех обязательными. Авторы называют данное явление «естественной очередностью», распределяющей права на поколения [5, с. 66]. Считаем представленную позицию дискуссионной. Так,

то, что для авторов статьи считается очевидным, расхожиться с представлениями об «очередности» свободы И. Берлина. Он отмечает, что «предоставлять политические права или гарантию от вмешательства государства полуголым, неграмотным, полуголодным и больным людям есть насмешка над их положением; они нуждаются в медицинской помощи и образовании, прежде чем смогут понять, что такое расширение свободы, или воспользоваться им» [10, с. 240]. Какие права, какая свобода первична – личная или социально-экономическая – вопрос спорный [61, р. 14].

В то же время кто бы ни отстаивал идею негативной свободы, все говорят о некоей области абсолютной свободы, где вмешательство государства отсутствует полностью. Эта область может быть больше или меньше, но она обязательно присутствует и ограничена законом [10, с. 239–240]. Очевидно, что именно с таким пониманием свободы связывается появление прав первого поколения. Соответственно, позитивная свобода, отражающая целеустремленность человека к самореализации, к самоконтролю, объективно выражается в правах второго поколения.

В научной литературе часто права первого и второго поколений отождествляются с правами негативными и позитивными соответственно [1, с. 76–77]. Собственно об этом же говорит и К. Васак, предложивший обсуждаемую классификацию прав человека [63, р. 29]. Не все авторы с этим согласны. По мнению Н. В. Варламовой, права первого поколения могут быть как негативными, так и позитивными. В свою очередь, права второго поколения – только позитивные. При этом разница в позитивных правах, относящихся к первому и второму поколению, состоит в характере государственных обязательств. Позитивные права первого поколения предполагают действия государства по предоставлению судебной и полицейской защиты, а права второго поколения сопряжены с активной, прежде всего перераспределительной, ролью государства, связанной с предоставлением гражданам (всем или наиболее уязвимым категориям лиц) социальных услуг [17, с. 17–19]. Автор не соглашается с П. Макклемом, который находит в правах второго поколения негативные обязательства государства [17, с. 19]. Но дело в том, что П. Макклем и права первого поколения не разделяет на негативные и позитивные, приводя в пример право частной собственности, которое требует от государства огромных усилий по его защите [61, р. 11]. Считаю, что, несмотря на, казалось бы, существенные различия, две

представленные точки зрения не далеки друг от друга по содержанию, особенно касательно прав первого поколения. Признают ли авторы наличие позитивных обязательств в каждом из прав первого поколения или заявляют о существовании негативных и позитивных прав – так или иначе смысл заключается в том, что позитивное содержание прав первого поколения не выходит за пределы обеспечения защиты граждан от вмешательства государства и иных лиц. Получается, что права первого поколения полностью соответствуют концепции негативной свободы в том смысле, что не предполагают такого участия государства, которое способствовало бы «самоосуществлению», «самоорганизации», «самореализации», «контролю над своими действиями», обеспечивая лишь защиту от чьего бы то ни было вмешательства. Так ли это?

Право человека на жизнь, важнейшее из прав первого поколения, по-прежнему сопряжено с недопустимостью смертной казни. Однако она есть во многих странах, что не мешает им говорить о всемерной защите этого права. В решениях Конституционного Суда РФ мы видим, что сегодня право на жизнь, как и право на достоинство личности и его защиту государством, обусловлено в том числе правом граждан на обеспечение лекарственными средствами¹, правом на медицинскую помощь², правом на жилище³ и другими правами, которые традиционно относятся к правам второго поколения, причем в самом классическом либеральном их восприятии (помощь, социальные услуги).

Право на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22 Конституции) рассматривается Конституционным Судом прежде всего в уголовно-процессуальной плоскости. Неслучайно часть 2 статьи 22 Конституции говорит о недопустимости незаконных арестов и других уголовно-процессуальных мер. Однако в юридической науке право на свободу и личную неприкосновенность сегодня понимается широко, включает ряд правомочий, в том числе право на охрану здоровья, жилища и др. [34, с. 138].

Ранее уже было сказано, что во многих научных работах социальные права преподносятся как ограничители права частной собственности, предпринимательских, экономических свобод. Безусловно, если социальные права рассматривать как результат перераспределения материальных благ, то эта точка зрения должна быть поддержана. Например, трудовые права граждан, особенно связанные с оплатой труда и другими выплатами, компенсациями, обеспечиваются

¹ По делу о проверке конституционности пункта 10 части 1 статьи 16 и части 9 статьи 83 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с запросом Государственного Совета Республики Татарстан: Постановление Конституционного Суда РФ от 26 сент. 2024 г. № 41-П // Собр. законодательства Российской Федерации. 2024. № 40. Ст. 6055.

² По делу о проверке конституционности пунктов 11 и 12 части 1 статьи 79 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Ф.: Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июля 2022 г. № 31-П // Там же. 2022. № 30. Ст. 5691.

³ По делу о проверке конституционности положений ст. 13 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», п. 3 и 5 ст. 7, п. 1 ч. 1 и ч. 2 ст. 8 Закона города Москвы «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» в связи с жалобами граждан А. Л. Мейсснер, Е. С. Михайловой и Е. Б. Шашевой: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 дек. 2019 г. № 39-П // Там же. 2019. № 51 (ч. 2). Ст. 7760.

за счет работодателя, собственника. Он же расходует средства на создание безопасных условий труда, на наполнение страховых фондов для выплаты пенсий и пособий. Но ведь работодатель несет все эти расходы не в качестве благотворительности, а в своих же интересах. Он платит работнику (напрямую, через заработную плату, или косвенно, обеспечивая за счет налогов и страховых взносов медицинскую помощь, пособия, пенсии) за то, что последний своим трудом приносит ему доход, прибыль. Вся история человечества доказала, что уровень свободы и гарантий работников прямо влияет на производительность труда и, соответственно, доходы лиц, этот труд использующих. Сегодня самый высокий уровень зарплат и других выплат, материальных льгот работникам в компаниях, имеющих наибольшие прибыли. В этом смысле интерес в использовании наемного труда обоюдный – и у собственника, и у работника.

Другими словами, социальные права одних людей (на труд, на социальное обеспечение, на медицинскую помощь, на образование) лишь усиливают экономическую свободу других, создают для собственника дополнительные возможности.

Н. В. Варламова отмечает, что социальные права есть требования, обращенные не к государству, а к обществу, поскольку благодаря «горизонтальному действию» многие издержки переводятся на самих граждан [18, с. 529]. В качестве примера приводятся трудовые отношения, где льготы для уязвимых категорий работников, например беременных женщин, перекладываются работодателем на других работников [18, с. 530]. Во-первых, сказанное должно означать, что работодатель не несет никаких материальных издержек в трудовых отношениях, поскольку, следуя логике, и все другие затраты (например, перечисления в страховые фонды) перекладываются на работников, а значит, право частной собственности и свобода экономической деятельности работодателя не ограничиваются вовсе. Во-вторых, какие права других работников ограничиваются? В первую очередь право на справедливую заработную плату, то есть право, относящееся ко второму поколению. Об ограничении каких-либо прав первого поколения, в том числе права собственности, говорить не приходится, поскольку не начисленная работнику заработная плата формально его собственностью не является.

Мы склонны согласиться с П. Макклемом в том, что негативный элемент в правах второго поколения присутствует и играет роль такую же, как и в правах первого поколения. Многие социальные, экономические права и свободы, права в сфере культуры и творчества предполагают помимо активного государственного участия еще и запреты от неправомерного вмешательства в процесс выбора субъектами прав вариантов поведения, как со стороны самого государства, так и третьих лиц. Примеров можно

привести множество: запрет произвольного лишения гражданина жилища, запрет принудительного труда, запрет принуждения ко вступлению в объединения, в том числе в профсоюз, и наконец, положение части 2 статьи 55 Конституции, запрещающее издавать законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Последняя норма в равной степени относится ко всем правам и свободам, а не только к правам первого поколения.

Считаем, что более важным фактом, чем признание наличия негативных аспектов в правах второго поколения, является то обстоятельство, что реализация личных прав есть необходимое условие для осуществления многих других прав и свобод, в том числе социально-экономического характера. Так, свобода труда заключается не только в праве гражданина выбирать род деятельности и профессию, но и в обеспечении достойных условий труда [33, с. 4–5], включающих охрану достоинства личности, защиту личной и семейной тайны, запрет принудительного труда и дискриминации. Одним из принципов охраны здоровья граждан является сохранение врачебной тайны (п. 9. ст. 4 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»)¹, соответственно, конституционное право гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь обеспечивается, помимо прочего, частью 1 статьи 23 Конституции, а именно правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Право граждан на благоприятную окружающую среду обеспечивается в том числе правом на достоверную информацию о ее состоянии (ст. 42 Конституции), что непосредственно связано с реализацией положений статьи 29 Конституции о свободе слова, о праве свободно искать и получать информацию.

Можно дать еще одно объяснение существования поколений прав. Права первого поколения – это естественные неотчуждаемые права человека, тогда как остальные – права приобретенные, являющиеся, по выражению Е. И. Колюшина, «объектами борьбы за их реализацию» [28, с. 13]. В целом с этим утверждением спорить сложно. Вместе с тем некоторые замечания по данному тезису имеются.

Первое – права, которые традиционно называются естественными, также были объектами борьбы – за их признание, что и нашло отражение в первых буржуазных конституционных актах США и стран Европы.

Второе замечание касается понимания естественных прав человека. Действительно, сердцем естественного права является свободная воля человека, определяющая его естественное состояние и служащая «мерилом» законодательства [38, с. 39]. Соответственно, права первого поколения являются естественными, неотчуждаемыми, тогда как права второго поколения ситуативны, нестабильны [15, с. 555]. Права первого поколения соответствуют

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

категории свободы, тогда как права второго поколения способствуют фактическому равенству и отражают другую категорию – достойный уровень жизни [15, с. 553–554]. Все эти утверждения справедливы, но только при условии, что права первого поколения соответствуют негативной свободе, а права второго поколения – позитивной. Наверное, исторически, в тот момент, когда теория поколений прав человека приобрела общее признание, это заключение было справедливым. Сегодня, считаем, имеются основания говорить, что разделение прав первого и второго поколений по их соответствию негативной и позитивной свободам не выглядит столь однозначным.

По утверждению И. Берлина, две концепции свободы настолько противоположны, что в современном обществе трудносочетаемы [10, с. 249]. Отсюда и напрашивается, казалось бы, очевидный вывод, что права первого и второго поколений, отражающие два качества свободы, противостоят друг с другом – одни права ограничивают другие. Выше уже были приведены примеры взаимного проникновения прав человека, когда личные права становятся условиями для реализации социальных, и наоборот. Права усиливают дугу друга, тем самым взаимно влияют на качество негативной и позитивной свободы. Таким образом, можно предположить не только сочетание негативной и позитивной свободы, но и их взаимообусловленность, одновременную нужность человеку и, главное, его индивидуальной свободе.

В. Е. Чиркин не без оснований полагает, что в условиях современного развития общества и государства многие различия между естественными правами, свойственными индивидууму, и позитивными правами, которыми гражданин обладает как член общества, исчезают [52, с. 7–11]. Некоторые авторы, например В. В. Невинский, справедливо утверждают, что «с середины XX в. доктринально обосновывается и конституционно закрепляется расширение перечня естественных прав человека за счет отнесения к ним некоторых политических и социально-экономических прав и свобод» [36, с. 30]. В подтверждение своих слов автор приводит мнение В. Д. Зорькина, который приравнивает социальные права к гражданским и политическим, относит их к фундаментальным и неотчуждаемым [25, с. 274]¹. Нельзя не согласиться с Н. С. Бондарем в том, что в социальном правовом государстве социальные права – инструмент обеспечения достойной жизни и свободного развития человека. Известный ученый считает, что такой подход

уравнивает по ценности социальные права с гражданскими и политическими [12, с. 219].

В то же время Н. В. Варламова отмечает, что социальные права вряд ли стоит причислять к естественным и неотчуждаемым по причине того, что их реализация зависит от экономических возможностей государства. Автор указывает на невозможность считать социальные права «однопорядковыми» и «равнозначными» правам первого поколения [18, с. 594]. Тезис о зависимости реализации социальных прав от экономических возможностей государства отрицать невозможно. Но разве реализация гражданских и политических прав сегодня не требует огромных материальных затрат?² Очевидно, что уменьшение финансирования, например, правоохранительных органов с неизбежностью скажется на гарантиях многих личных прав, и, как и в случае с социальными правами, Конституция такие изменения предотвратить не в состоянии.

Еще одним аргументом для разделения прав человека на поколения, как ранее уже было сказано, является конституционный статус прав и соответствующая ему возможность их судебной защиты. В юридической литературе не раз высказывались суждения, смысл которых состоит в невозможности судебной защиты социальных конституционных прав по причине того, что они играют роль принципов, а не субъективных прав человека [41, с. 47]. Соответственно, судебная защита возможна в отношении не этих конституционных положений, а лишь их отражений в текущем законодательстве, так называемых «вторичных субъективных прав» [18, с. 595].

На наш взгляд, подобные рассуждения являются дискуссионными. Социальные права могут отличаться и по характеру, и по возможности судебной защиты. Так, право свободно выбирать род деятельности и профессию (ч. 1 ст. 37 Конституции) обеспечивается в судебном порядке, подтверждением чему являются многочисленные примеры практики как Конституционного Суда³, так и судов общей юрисдикции⁴. Точно так же посредством судебной защиты гарантированы некоторые конституционные права, наполняющие содержание свободы труда, в частности, право на безопасные условия труда (ч. 3 ст. 37 Конституции), право на отдых, обеспечение которых в судебной практике расценивается как необходимое условие для соблюдения конституционных положений о запрете принудительного труда и о свободе труда⁵.

¹ В работе В. В. Невинского [36, с. 30].

² Только на выборы Президента РФ в 2024 году было выделено более 33 млрд руб. См.: В ЦИК назвали сумму, выделенную на проведение выборов президента России. URL: <https://ria.ru/20231213/tsik-1915508360.html>.

³ См., например: По делу о проверке конституционности абзаца восьмого части второй статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. А. Сельковой: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 дек. 2023 г. № 59-П // Собр. законодательства Российской Федерации. 2024. № 1 (ч. 4). Ст. 380.

⁴ См., например: Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 1 нояб. 2017 г. по делу № 33-7580/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сазонова Владимира Григорьевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 124, 142 и 234 Трудового кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 2 марта 2006 г. № 60-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 4.

Необходимо согласиться с мнением Н. В. Варламовой в том, что Конституционный Суд не раз использовал отсылку к правам первого поколения, прежде всего к праву на достоинство личности (ч. 1 ст. 21 Конституции), для обоснования возможности защиты социальных прав [18, с. 600]. Во-первых, на наш взгляд, указанное говорит о взаимосвязи прав первого поколения и социальных прав, а не о какой-то неполноценности последних. Во-вторых, можно привести много примеров решений Конституционного Суда, в которых отсылки к личным правам при защите социальных прав нет¹. Таких решений стало больше после появления в Конституции новых положений – статьи 67.1, частей 5–7 статьи 75, статьи 75.1.

Некоторые поправки, по верному утверждению А. А. Опалевой, выполнили функцию гарантий для прав и свобод, провозглашенных в главе 2 Конституции, в которую изменения, как известно, не вносились [37, с. 199]. Так, с поправками 2020 года гарантия того, что минимальный размер оплаты труда не сможет опускаться ниже прожиточного минимума трудоспособного населения, приобрела конституционный характер. Можно утверждать, что указанная новелла изменила природу соответствующего положения части 3 статьи 37 Конституции РФ. Указанная норма с появлением в статье 75 Конституции части 5 приобрела дополнительное значение субъективного права. Благодаря положениям частей 6 и 7 статьи 75 статус реальных субъективных конституционных прав получили права на пенсионное обеспечение, обязательное социальное страхование, адресную социальную поддержку, социальные пособия и иные

социальные выплаты – фактически весь спектр социальных прав.

Безусловно, можно говорить о том, что Конституция не гарантирует постоянность содержания некоторых социальных прав, прежде всего связанных с социальным обеспечением.

Однако Конституционный Суд еще 20 лет назад в ряде своих решений сформулировал несколько правовых позиций, основанных на Конституции, российских законах и международно-правовых соглашениях России и выраженных в следующих обязательствах государства: невозможность отмены установленных ранее мер пенсионного и социального обеспечения без равноценной замены; стремление к повышению уровня пенсионного и социального обеспечения; предсказуемость социальной политики; необходимость поддержания достойного уровня жизни граждан; конкретные материальные параметры, как правило, связанные с прожиточным минимумом². Другими словами, государство не может отказаться от обеспечения реализации социальных прав, причем в достаточно конкретных параметрах. В этом смысле права второго поколения не отличаются от прав первого поколения, содержание которых под воздействием определенных обстоятельств также может быть ограничено законом, что Конституционным Судом не раз признавалось правомерным³.

Считается, что для реализации социальных прав необходимы не только финансовые возможности государства, но и «общественно-политический консенсус» [13, с. 329], другими словами, стремление к

¹ См., например: По делу о проверке конституционности части первой статьи 58 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», а также подпункта 1 пункта 1 статьи 21 и подпункта 2 пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина П. М. Понеделькова: Постановление Конституционного Суда РФ от 7 апр. 2022 г. № 14-П // Собр. законодательства Российской Федерации. 2022. № 16. Ст. 2782; По делу о проверке конституционности абзаца пятого части первой статьи 21, абзаца седьмого части второй статьи 22, части четвертой статьи 60.2, части третьей статьи 93, статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133.1, а также частей первой и второй статьи 135 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Неверова: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2025 г. № 10-П // Там же. 2025. № 11. Ст. 1198; По делу о проверке конституционности частей второй и третьей статьи 318 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Сергеева: Постановление Конституционного Суда РФ от 22 нояб. 2024 г. № 54-П // Там же. 2024. № 49 (ч. 5). Ст. 7719; По делу о проверке конституционности статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. Н. Харюшевой: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сент. 2024 г. № 40-П // Там же. 2024. № 40. Ст. 6054.

² См.: По жалобе гражданки Енборисовой Прасковьи Федоровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 8 статьи 14 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 15 февр. 2005 г. № 17-О // Собр. законодательства Российской Федерации. 2005. № 16. Ст. 1479; По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы, а также Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Думы Чукотского автономного округа и жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 янв. 2004 г. № 2-П // Там же. 2004. № 6. Ст. 450.

³ См., например, решения, подтверждающие конституционность ограничения свободы слова: По делу о проверке конституционности статьи 19.1 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» в связи с жалобой гражданина Е. Г. Финкельштейна: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 янв. 2019 г. № 4-П // Собр. законодательства Российской Федерации. 2019. № 4. Ст. 359; По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20.1 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л. Н. Кондратьевой и А. Н. Мумолина: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 14-П // Там же. 2011. № 28. Ст. 4261.

удовлетворению не только индивидуальных, но и коллективных, общественных и государственных, интересов, к достижению общих целей свободного развития всех социальных групп и индивидов. Вместе с тем наш анализ показывает, что «общественно-политический» консенсус необходим и для многих прав, считающихся правами первого поколения. Во-первых, их структура в известной степени наполняется позитивным содержанием социальных прав. Во-вторых, граница негативной свободы, определяемая, как считается, правами первого поколения, очерчивается не произвольно, а исходя из сложившихся в обществе представлений об индивидуальной свободе, ее сочетания с коллективными (общими) интересами и, в определенном смысле, компромисса между ними. В нашем понимании, это не компромисс, а солидарность.

**Солидарность – среда для формирования
социального правового государства
и сближения поколений прав человека**

Теория социального государства тесно связана с идеями общественной солидарности, в основе которой лежит взаимная ответственность государства и личности [8, с. 5–6]. Солидарность – это социальный порядок, основанный на единстве индивидуальных и коллективных интересов. В конституционно-правовой плоскости солидарность, получившая в 2020 году конституционное закрепление (ст. 75.1), не только дополняет содержание социального государства, но и выражает его единство с государством правовым, принципы которого обеспечивают «внеправовую» [31] (выходящую за пределы действия права) полезную деятельность государства. М. А. Муртузалиева на примере развития Германии, где впервые на конституционном уровне в 1949 году государство названо «социальным», причем в паре с другой характеристикой – «демократическое», показывает необходимость преодоления противостояния идеям правового равенства и свободы существующих проблем социального неравенства, социальной незащищенности отдельных групп населения, что не может быть решено, по утверждению исследователя, с помощью лишь права [35, с. 174]. Правовое государство не регулирует вопросы социальной направленности. В то же время их решение в правовом поле обеспечивает придание социальных качеств государству правовыми методами, что способствует установлению режима «социально-правового» государства [35, с. 173].

Конституционная солидарность, на наш взгляд, становится средой, в которую интегрируются принципы правового и социального государства, что позволяет не ограничивать индивидуальную свободу, а обогатить ее дополнительным позитивным содержанием.

Теория солидарности строится на нескольких важных принципах: совместное участие, социальная ответственность, общность взглядов, интересов и т. д. [20, с. 108], взаимная ответственность личности и государства, на что указывают, в частности, Л. Дюги и Э. Гидденс [8, с. 5–6]. Б. С. Эбзеев убедительно доказывает, что истинная солидарность возможна при установлении баланса индивидуальных и коллективных интересов в концепции прав человека, а также в его взаимоотношении с обществом и государством [55, с. 16]. В политико-идеологическом ракурсе солидарность называют альтернативой либерализму и социализму [20, с. 106], ее предназначение – преодоление крайностей либерализма и этатизма [55, с. 16].

Конституционный Суд в опубликованном в ноябре 2023 года материале¹ называет солидарность сложным концептуальным явлением, рассматриваемым как ценность и принцип и имеющим, как сказано в статье 75.1 Конституции, несколько проявлений – политическое, экономическое и социальное. Конституционный Суд подтверждает, что, несмотря на нормативное закрепление солидарности в Конституции лишь в 2020 году, эта категория «субстанционально была изначально включена в систему конституционного регулирования», о чем в первую очередь свидетельствует ряд положений конституционной Преамбулы.

Вместе с тем подход Конституционного Суда к содержанию понятия солидарности, представляется, не раскрывает всю его глубину. Конституционный Суд в определенном смысле стал «заложником» своих позиций, ранее высказанных в многочисленных решениях, а сегодня транслируемых в контексте солидарности. Достаточно привести ряд решений, касающихся сферы использования наемного труда. Многие из них построены на необходимости ограничения либо хозяйственных прав и интересов работодателей, либо трудовых прав и интересов работников, что соответствует понятию «баланс прав и интересов работников и работодателей»². По существу, конституционная солидарность в таком ракурсе сводится к легализации указанного конституционного принципа, лежащего в основе большинства решений Конституционного Суда, не только в сфере трудовых отношений, но и во всех других предметных областях.

¹ Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов): Информация Конституционного Суда РФ. Одобрена решением Конституционного Суда РФ от 14 нояб. 2023 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (далее – Информация Конституционного Суда РФ от 14.11.2023).

² См., например: По делу о проверке конституционности положения части восьмой статьи 325 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. Г. Труновой: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 февр. 2012 г. № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 2; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Елисеева Владимира Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 134 Трудового кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1707-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Однако баланс индивидуальных и коллективных интересов в правах человека как суть солидарности не означает, что солидарность отождествляется с балансом прав и обязанностей субъектов. Конституционное и отраслевое наполнение и реализация всех прав и обязанностей подчиняется требованию сочетания свободы личности и коллективных интересов [56, с. 988] – вот природа истинной солидарности, а баланс частных и публичных интересов, прав отдельных субъектов и интересов государства является лишь одним из ее элементов.

Несмотря на то что Конституционный Суд ориентирован на полноценное восприятие и использование понятия солидарности, он, по существу, лишен такой возможности. Конституционный Суд формулирует ценности, эксплицитно выраженные в Конституции, толкуя конституционные нормы, выявляя их дух и социальную ценность. Однако орган конституционного контроля не может подменять собой законодателя, особенно когда им является непосредственно народ. Провозглашенная в Конституции солидарность не опосредована более конкретными конституционными положениями. В частности, сбалансированность прав и обязанностей гражданина должна быть дополнена сбалансированностью прав и обязанностей государства и личности¹. Взаимное доверие должно строиться по формуле «личность – общество – государство». А главное – и это не решить одной статьей Конституции – не выстроена концепция взаимодействия личности, общества и государства с четким распределением их взаимных прав и обязанностей, прежде всего в социально-экономической плоскости. В связи с этим и возникает проблема противопоставления правового и социального государства, свободы экономической деятельности и свободы труда.

Косвенно указанные недостатки текста Конституции видны в некоторых решениях Конституционного Суда. Так, в одном из них утверждается, что «принятие новой статьи 75.1 Конституции РФ имело целью создание таких условий правового регулирования, которые бы позволяли достичь оптимального соотношения индивидуальной свободы и общественной солидарности»². Вместе с тем индивидуальная свобода не противостоит солидарности, а является ее главным компонентом.

В недавней практике Конституционного Суда, по нашему мнению, есть примеры, иллюстрирующие отстаиваемый нами подход к осмыслению понятия «солидарность». Появление этих примеров в плоскости взаимоотношений в социально-экономической сфере во многом вызвано конституционными новеллами, закрепленными в части 5 статьи 75 и статье 75.1 Конституции, притом что в более ранних решениях Конституционного Суда подвергнутые проверке законодательные нормы сомнений в их конституционности не вызывали. Достаточно привести Постановление Конституционного Суда от 15 июля 2022 г. о сроке трудового договора преподавателя вуза³. Ранее орган конституционного контроля не видел каких-либо несоответствий правил о заключении с преподавателями краткосрочных трудовых договоров Конституции, например, на 10 месяцев (ч. 2, 8, 9 ст. 332 Трудового кодекса РФ)⁴. Теперь же, опираясь на усиленный положениями об уважении труда и человека труда (ч. 5 ст. 75 и ст. 75.1) принцип свободы труда (ч. 1 ст. 37), Конституционный Суд аргументирует невозможность необоснованного заключения трудового договора с преподавателем вуза на срок менее 3 лет необходимостью обеспечения достойной жизни и свободного развития человека, то есть принципом социального государства (ч. 1 ст. 7). Приведенная Конституционным Судом аргументация основывалась не на необходимости ограничения тех или иных конституционных прав, как это обычно бывает в случаях, когда Конституционный Суд хочет обосновать конституционность какой-либо особенности регулирования труда отдельных категорий работников⁵, а, напротив, на стремлении объединить разные конституционные ценности общей социальной целью, общим благом для всех заинтересованных лиц: работодателя в лице образовательного учреждения, работника, обучающихся и государства, которое стремится обеспечить возможность получения гражданами высшего образования с целью формирования кадрового потенциала страны. Образовательная функция учебного заведения сочетается с необходимостью обеспечения достойной и стабильной занятости преподавателей, что выражается в том числе в гарантиях при установлении срока трудового договора. В нашем понимании, это и есть солидарность, а

¹ С. А. Авакьян предлагает усилить конституционную ценность прав человека его обязанностями перед государством и обществом [2, с. 46].

² О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 2.

³ По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Подкова: Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 2022 г. № 32-П // Собр. законодательства Российской Федерации. 2022. № 30. Ст. 5692.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 29 янв. 2019 г. № 93-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 1540-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

потому странно, что Конституционный Суд не упомянул ее в решении. Вместе с тем в рамках рассматриваемого дела задача Конституционного Суда облегчалась тем, что сочетание частных и публичных интересов ограничивалось участием государства и индивида (государственных образовательных учреждений и преподавателей вузов), но не частного собственника – работодателя. Именно конфликты подобного рода требуют их рассмотрения в контексте солидарности.

Так или иначе, солидарность – это не только сочетание разнонаправленных целей, но и достижение общего результата. В то же время концепция солидарности не должна пониматься как воспроизведение социалистической теории. Суть солидарности состоит в том, что коллективизм, объединение, связь с группой, совместное участие не самоцель и не противопоставление индивидуальной свободе, а средство для ее реализации. Общее благо не только для всех, но и для каждого.

Солидарность – это не только взаимные ограничения и помощь отдельным лицам, а совместный труд. В этом смысле солидарность нужно ассоциировать не с компромиссом, а с сотрудничеством¹. Конечно, в ней есть место и взаимным ограничениям и социальной ответственности, но только в контексте достижения общей цели и в рамках реализации индивидуальной свободы. Другими словами, солидарность – это в первую очередь среда для развития позитивной свободы. Она, в свою очередь, означает не просто государственное вмешательство в социально-экономические процессы, а создание государством условий для свободного развития личности, возможности участия в общественном созидании, причастности к общему делу, что соответствует современной догме социального государства [46, с. 5–7]. Социальная справедливость не тождественна справедливому распределению материальных благ, а распределительная политика государства не означает, что такое государство является социальным. Необходимость социального распределения в современных условиях не отрицается, но эта политика должна строиться на принципах свободы и равноправия.

В то же время солидарность, реализуя обе концепции свободы, объединяет права всех видов, как бы мы их ни классифицировали – с точки зрения поколений, соотношения позитивной и негативной свободы, сферы реализации и по другим критериям, а не только социальные права, что отмечают, например,

К. В. Арановский, С. Д. Князев, Е. Б. Хохлов [5, с. 64]. Собственно, об этом говорит и статья 75.1 Конституции, в которой упоминается не только социальная солидарность, но и экономическая и политическая. К содержанию двух последних имелись и, наверное, остаются вопросы², но, считаем, Конституционный Суд некоторые опасения снял, разъяснив содержание солидарности в целом и ее отдельных видов в частности³. Так, политическая солидарность обеспечивается в том числе свободой мирных собраний, вероисповедания, совести и слова, то есть еще и личными правами. При этом солидарность предполагает не только гарантирование этих и других личных и политических прав, но и их реализацию без ущерба для прав и свобод других лиц, интересов общества и государства⁴. Фактически, Конституционный Суд, используя модель солидарности, очерчивает границы негативной свободы, о которых говорил И. Берлин. Другими словами, сотрудничество в рамках солидарности осуществляется в парадигме двух концепций свободы.

Отношение к конституционным социальным правам человека должно быть пересмотрено, исходя из современных представлений о сочетании негативной и позитивной свободы, социальном правовом государстве и солидарности. Связь и однородность прав первого и второго поколений представляется очевидной.

Конституционно признанная обязанность государства гарантировать гражданину определенный уровень социального обеспечения, медицинской помощи, оплаты труда обеспечивает его индивидуальную свободу во взаимоотношениях как с самим государством, так и с другими субъектами. Отсутствие в конституции, например, права на бесплатную медицинскую помощь, напротив, ставило бы ее предоставление гражданину в зависимость от взглядов на социальную политику действующей власти. Более того, государство и, что также возможно, ассоциированные с ним частные структуры могли бы использовать подобные права для обеспечения политической лояльности граждан⁵. В ситуации конституционного гарантирования трудовых и социальных прав гражданин более свободен в выборе как вариантов активного поведения, так и политических предпочтений.

Кроме того, права, обеспечивающие социальные нужды людей, по верному замечанию депутата Государственной Думы РФ А. М. Бабакова, – это инвестиции государства в производство путем обеспечения

¹ О сотрудничестве как основе солидарности говорит Б. С. Эбзеев [56, с. 992].

² П. А. Астафичев, положительно оценивая включение в ст. 75.1 Конституции нормы о социальной солидарности, обращает внимание на существующие, по его мнению, противоречия оговорки об «экономической» и «политической» солидарности ценностям рыночной экономики, целям «устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан». Автор опасается, что экономическая и политическая солидарность не поощряет конкуренцию, политический плюрализм и даже разделение властей [7, с. 10].

³ Информация Конституционного Суда РФ от 14.11.2023.

⁴ Информация Конституционного Суда РФ от 14.11.2023.

⁵ Ранее об этом говорил Аристотель [6, с. 458–459, 492, 498–499].

спроса¹, а значит, их смысл не сводится только к перераспределению материальных средств, а вытекает из целей общего социально-экономического развития.

В свою очередь, гражданские и (особенно) политические права сегодня не могут сводиться к ограничению вмешательства государства. Напротив, государство должно создать условия для полноценной реализации таких прав, обеспечить их защиту не только и не столько от себя, сколько от других лиц. Например, развитие информационных технологий обострило проблему обеспечения ряда конституционных прав, например, права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23 Конституции), в контексте возможности использования незаконно полученной информации третьими лицами в противоправных целях.

Естественные права в современных условиях могут быть реализованы только в коллективе и при активном участии государства.

Свобода человека сегодня, в отличие от периода появления первых конституций скорее ассоциируется у граждан с финансовой возможностью позволить себе вариативность поведения, что, в свою очередь, напрямую связано с трудом, его оплатой, социальным обеспечением, жильем.

Свобода есть условие для того, чтобы человек смог самореализоваться, включиться в «общественную организацию труда»² и стать более свободным в позитивном смысле. Свобода не самоцель, а условие для достойной жизни, которая выражена в возможности реализации всех прав, а не только прав первого поколения. Если государство не сможет гарантировать хотя бы минимум социальных прав, то все права первого поколения окажутся пустыми.

Таким образом, в современной парадигме прав человека естественными права называются постольку, поскольку они естественным образом определяют взаимоотношения человека, общества и государства, то есть это права, естественные для сложившегося социального порядка.

Обращение к солидарности, повышение ее конституционно-правовой значимости обеспечивает единство правового и социального государства. Всё вместе это свидетельствует о том, что негативная и позитивная свобода не только не вступают в противоречие, но и взаимно дополняют друг друга. Что это значит в контексте прав человека? Любое право

человека есть конституционно-правовое выражение индивидуальной свободы, в которой всегда присутствует негативный (пассивный) и позитивный (активный) компоненты. Они формируются не только и не столько ограничением или возможностью (необходимостью) государственного участия (вмешательства). Более важно, что каждое из прав человека является проекцией негативной и позитивной свободы. Таким образом, мы не можем согласиться с позицией, что сегодня права первого поколения являются выражением исключительно негативной свободы, а права второго поколения — исключительно позитивной. Наверное, наиболее спорно предложенный нами тезис заключается в том, как права первого поколения связаны с позитивной свободой.

Подход Конституционного Суда в упомянутом выше аналитическом материале, представляется, не в полной мере отражает связь позитивной свободы и прав первого поколения, притом что сам факт включения этих прав в «тело» солидарности говорит о многом. Выражаясь более конкретно, подчеркнем, что Конституционный Суд, следуя классическому подходу, личные и некоторые политические права с позитивной свободой не связывает вовсе. В Информации Конституционного Суда от 14.11.2023 говорится либо о пределах вмешательства государства в процесс реализации отдельных прав, либо об установлении необходимых для нужд государства и общества ограничений осуществления этих прав. С одной стороны, Конституционный Суд указывает на то, что поддержанию политической солидарности «служит действительное участие граждан в осуществлении публичной власти». Политическая солидарность предполагает создание публичных механизмов, которые могли бы способствовать реализации личных и политических прав граждан. С другой стороны, когда речь заходит о конкретных личных и политических правах человека, то они оцениваются преимущественно с позиции возможности или невозможности их ограничения по тем или иным причинам. Например, свобода объединения, свобода совести и вероисповедания, свобода слова и право на распространение информации рассматриваются Конституционным Судом с позиции установления предела данных прав и свобод с целью «предотвратить ослабление начала солидарности до состояния, несовместимого с гражданским миром». В то же

¹ Выступление А. М. Бабакова на заседании Государственной Думы РФ, посвященном отчету Правительства РФ за 2023 г. URL: <https://spravedlivo.ru/14133510>.

² Французский социолог и философ считает, что устойчивость современного общества, социальный порядок даже в мировом масштабе возможны в форме социальной солидарности и благодаря общественному разделению труда. В процессе усложнения общественных отношений индивиды вынуждены вступать в коллективы, в рамках которых происходит разделение их функций, то есть труда. Органическая солидарность, противопоставляемая механической солидарности, в результате способствует к тому же развитию не только коллективных представлений, но и индивидуальных качеств, поскольку в условиях усложнения разделения труда «индивидуальные натуры, специализируясь, становятся сложнее и в силу этого отчасти избавлены от коллективного воздействия и от наследственных влияний, которые могут действовать только на простые и общие вещи». В сложно структурированном, поликоллективном обществе с развитой системой разделения труда человек более свободен, чем в традиционном обществе, с которым, казалось бы, человек менее связан [22, с. 130, 412, 413]. См. также работу В. Т. Жалкиева [23, с. 97].

время говорится о недопустимости ограничения указанных прав «на том лишь основании, что таковые не укладываются в общепринятые представления, не согласуются с устоявшимися традиционными взглядами и мнениями, вступают в противоречие с морально-нравственными либо религиозными предпочтениями». Представляется, такой ракурс связь прав первого поколения с позитивной свободой не отражает. Ранее уже было отмечено, что права «второго поколения», например связанные с трудом и его использованием, Конституционным Судом также рассматриваются в режиме «пределы вмешательства – ограничения реализации».

Считаем, что личные и политические права неразрывно связаны с категорией «достойная жизнь». Мнение о том, что достойная жизнь достигается не только социальной политикой государства, но и обеспечением личных, политических прав и свобод, распространено в юридической литературе. Личные права при этом призваны, по мнению авторов, обеспечить «личную защищенность человека как исходный критерий достойной жизни» [3, с. 32]. Считаем, что в такой интерпретации значимость личных прав в контексте достойной жизни преуменьшена. Нам импонирует точка зрения А. А. Джагаряна, который связывает категорию «достойная жизнь» с «реализацией потенциала человека как гражданина <...> в интересах общего блага», что непосредственно сопряжено с демократическими процессами и политической жизнью, с наполнением свободы позитивным смыслом [21, с. 4–5].

Другими словами, в парадигме позитивной свободы личные права – это гарантированные государством возможности самоопределения, самореализации человека, его возможность оказывать влияние на общество, а значит, нести ответственность за благополучие последнего. Именно поэтому личные права так же укладываются в концепцию солидарности, как и права социальные.

Заключение

Несмотря на серьезную критику, теория «поколений прав человека» по-прежнему остается востребованной в научной среде. В поддержку теории приводятся разные доводы. Некоторые из них, например, хронология появления (признания) прав, отнесение прав первого поколения к негативным правам, а права второго поколения – к позитивным, в целом современной наукой опровергнуты. Также, считаем, не вполне состоятельными выглядят аргументы, объясняющие отличия прав первого поколения от второго невозможностью судебной защиты последних. Практика Конституционного Суда и судов общей юрисдикции свидетельствует об обратном.

Конституционно-правовая концепция прав человека, основанная на поколениях, формируется под влиянием ряда категорий, главная из которых – это

свобода личности, а точнее, соотношение негативной и позитивной свободы, в конституционно-правовом измерении выраженное в категориях «правовое государство» и «социальное государство». Несмотря на то что в науке сформирована позиция о создании единого «социального правового государства», противоречия между указанными категориями остаются, и как следствие, права человека разделяются не просто на «поколения», а на «уровни». Личные и ряд политических прав – первичные, остальные – вторичные, призванные обеспечить реализацию первых. С представленной позицией согласиться сложно.

Солидарность, получившая конституционное закрепление, стала средой для объединения принципов правового и социального государства, для устранения противоречий между ними, для формирования целостной концепции «социального правового государства». Однако для эффективного воплощения идеи необходимо полноценное понимание солидарности. В решениях Конституционного Суда и его Информации 2023 года солидарность, как это ни странно, представлена преимущественно в формате негативной свободы, очерчивающей границы вмешательства государства в процесс осуществления прав и свобод, наполняющих содержание солидарности. Сказанное прежде всего касается личных и политических прав, но затрагивает и социально-экономические, особенно права работников и работодателей. Баланс прав и интересов контактирующих субъектов – важный, но не единственный и даже не главный элемент солидарности. Реализация прав и свобод в контексте позитивной свободы, сотрудничество, польза для всех и для каждого – это смысл солидарности. Права первого поколения – не исключение.

Развитие социального правового государства в направлении солидарности вместе с наделением последней статусом конституционно признанной ценности позволяет выявить ее сущностные черты в контексте формирования нового конституционного порядка. Б. С. Эбзеев справедливо указывает, что предметная область конституционного права и пределов вмешательства государства в жизнь общества расширяется до категории «социальный порядок», то есть не ограничивается лишь сферой правоотношений [54, с. 24]. Конституционализм и конституционное право могут рассматриваться как единственно возможная среда для соединения правовых и неправовых качественных и количественных характеристик солидарности.

Несмотря на то что Конституционный Суд стеснен правовыми характеристиками солидарности, в его решениях, наряду с традиционными конституционно-правовыми категориями (принципами, ценностями, правами и свободами, обязанностями и т. д.), используются понятия, которые с точки зрения права оценить достаточно сложно: социальная ответственность, взаимное доверие, сотрудничество, защита трудящегося от эксплуатации, гражданский

мир и др.¹ Именно такое мышление позволяет наполнить солидарность позитивным смыслом. Важно, чтобы указанный подход имел не только декларативное, но и прикладное значение, когда дело касается сути конкретных прав и свобод человека.

Сказанное подтверждает, что все права человека в той или иной степени способствуют реализации двух подходов к свободе, которые в рамках нашего понимания соединяются в концепции солидарности. Учитывая данный тезис, а также ранее высказанные нами и другими авторами суждения о несостоятельности иных критериев для разделения прав на поколения, полагаем, что данная классификация не отвечает современному представлению ни о свободе, ни о системе прав человека.

Становление новой конституционной концепции свободы и прав человека требует от самой Конституции и органов, интерпретирующих ее в процессе правоприменительной деятельности, более определенного подхода к формированию системы конституционных ценностей, в том числе конституционно-правового наполнения принципа солидарности, отражения его связи с социальным правовым государством. В Конституции, помимо выстраивания понятной системы конституционных ценностей, должна быть определена концепция взаимодействия личности, общества и государства, исключающая противопоставление принципов правового и социального государства и учитывающая соотношение публично-правовых и частноправовых компонентов в социально-экономической политике. Поправки 2020 года позитивно повлияли на конституционное развитие, но лишь наметили пути для решения указанных задач.

Библиографический список

1. *Абрамова М. О.* Трансформация прав человека в либеральных концепциях // Вестник Томского государственного университета. Философия, Социология. Политология. 2015. № 2 (30). С. 75–82.
2. *Авакьян С. А.* Глобализация, общие конституционные ценности и национальное регулирование // Социальные интересы. 2001. № 4. С. 44–47.
3. *Аверьянова Н. Н., Тюменева Н. В., Якушева С. Е.* Конституционно-правовое содержание категории «достойная жизнь человека» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 29–35.

4. *Александрова А. В.* Концептуальные основы французского пенсионного законодательства на первоначальном этапе его формирования (до конца XIX в.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 3(55). С. 5–14. DOI 10.21685/2072-3016-2020-3-1

5. *Арановский К. В., Князев С. Д., Хохлов Е. Б.* О правах человека и социальных правах // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4 (89). С. 61–91.

6. *Аристотель.* Соч.: в 4 т. / ред. и авт. вступ. ст. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди; прим. В. В. Бибихина и др. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.

7. *Астафичев П. А.* Приоритеты развития конституционных социально-экономических прав человека и гражданина в СССР и современной России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 7–13. DOI 10.18572/1812-3767-2021-8-7-13

8. *Аубакирова И. У.* Трансформация парадигмы социального государства: теоретико-правовой аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 6. С. 3–9.

9. *Бердяев Н.* Царство Духа и Царство Кесаря. Париж: YMCA-PRESS, 1951. 167 с.

10. *Берлин И.* Четыре эссе о свободе / пер. с англ. Сима Векслер. London: Overseas publ. interchange, 1992. 394 с.

11. *Богданов Е. В.* Идеи индивидуализма, коллективизма, капитализма в современном гражданском праве России // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 80–97. DOI 10.12737/jrl.2021.150

12. *Бондарь Н.* Конституционный императив социальных прав (О практике Конституционного Суда Российской Федерации по социальной защите граждан) // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 2 (39). С. 216–225.

13. *Бурданова А. С.* Конституционные социальные права в странах Европейского союза. Теоретические положения и проблемы реализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. № 3 (21). С. 329–339. DOI 10.18500/1994-2540-2021-21-3-329-339

14. *Вахрамеева Л. Н.* Естественно-правовая теория как источник современной российской концепции прав и свобод человека // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 1(15). С. 98–102.

15. *Варламова Н. В.* Социальные права: юридико-догматическая интерпретация в практике органов конституционного контроля // Правоведение.

¹ См., например: По делу о проверке конституционности части 3 статьи 19, частей 1 и 2 статьи 57, части 1 статьи 59, части 1 статьи 60 и части 1 статьи 63 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. А. Александровой: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 апр. 2024 г. № 20-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 18. Ст. 2514; По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 4 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», части 2 статьи 64 и части 1 статьи 328 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой А. С. Карпунина: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 апр. 2025 г. № 18-П // Там же. 2025. № 19. Ст. 2375; По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 дек. 2012 г. № 30-П // Там же. 2012. № 51. Ст. 7324.

2024. Т. 68, № 4. С. 551–574. DOI 10.21638/spbu25.2024.405

16. Варламова Н. В. Классификация прав человека: подходы к проблеме // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4(71). С. 152–166.

17. Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14, № 4. С. 9–46. DOI 10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova

18. Варламова Н. В. Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. 817 с.

19. Гаджиев Г. А. Цели, задачи и предназначение Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1. С. 10–17.

20. Гофман А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: сб. науч. тр. / Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд.-ние социологии и социал. психологии; отв. ред. Д. В. Ефременко. М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН, 2014. С. 97–167.

21. Джагарян А. А. Достойная жизнь в идеологии российского конституционного строя // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 4–9. DOI 10.18572/1812-3767-2025-3-4-9

22. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана, примечания В. В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с.

23. Жалкиев В. Т. Категориализация социальной солидарности в концепции Э. Дюркгейма // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 4. С. 97–100.

24. Зимаков А. В. Пенсионная система ФРГ: эволюция или революция? // Современная Европа. 2016. № 4 (70). С. 94–103.

25. Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. М.: Норма, 2010. 544 с.

26. Кабышев В. Т. С Конституцией по жизни: Избранные научные труды. М.: Формула права, 2013. 320 с.

27. Карпович О. Г., Смагина Л. А. Основные факторы идеологического противостояния или «война идей» // Международное публичное и частное право. 2022. № 4. С. 2–3. DOI 10.18572/1812-3910-2022-4-2-3

28. Колюшин Е. И. Ценности правды в государственном (конституционном) праве России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 8–14. DOI 10.18572/1812-3767-2023-2-8-14

29. Конституция Российской Федерации: Пробл. коммент. / Центр конституц. исслед. Моск. обществ. науч. фонда; А. С. Автономов и др.; рук. авт. коллектива и отв. ред. В. А. Четвернин. М.: Центр конституц. исслед. Моск. обществ. науч. фонда, 1997. 702 с.

30. Люббе-Вольфф Г. Принцип социального государства в практике Федерального конституционного суда Германии // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1 (62). С. 67–76.

31. Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. URL: <https://libertarium.ru/1958>.

32. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии / пер. под ред. Ф. Энгельса. 8-е изд. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. 784 с.

33. Мачульская Е. Е. Модификация принципов трудового права в свете изменений Конституции Российской Федерации // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 2. С. 3–7. DOI 10.18572/2221-3295-2021-2-3-710

34. Морозов А. П. Личная неприкосновенность в Российской Федерации: конституционный аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 4 (99). С. 136–141.

35. Муртузалиева М. А. Социальное и правовое государство // Modern Science. 2021. № 1-1. С. 173–176.

36. Невинский В. В. Естественные права человека на весах современного конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 8. С. 28–33.

37. Опалева А. А. Права и свободы личности в контексте конституционных изменений // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 199–202. DOI 10.24412/2073-0454-2022-3-199-202

38. Петрова Л. В. О естественном и позитивном праве (критические заметки по поводу учебника С. С. Алексеева) // Государство и право. 1995. № 2. С. 32–41.

39. Права человека и правовое социальное государство в России / отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: Норма: Инфра-М, 2011. 399 с.

40. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под ред. В. С. Нерсисянца. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2004. 832 с.

41. Пферсманн О. Значение социальных принципов в сравнительном конституционном праве // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. № 1 (42). С. 45–51.

42. Ролз Дж. Идея блага и приоритет права // Современный либерализм: Дж. Ролз, Р. Дворкин, И. Берлин, У. Кимлика, М. Дж. Сэндел, Дж. Уолдрон, Ч. Тейлор М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-Традиция, 1998. С. 6–108.

43. Соловьев А. И. Либерализм: проблемы теоретического и идеологического измерений // Научный эксперт. 2010. № 5. С. 9–39.

44. Тепляшин И. В., Нор К. Е. К вопросу о соотношении правового и социального государства // Философия права. 2022. № 1(100). С. 100–105.

45. Титова Е. В. К вопросу о конституционно-правовой концепции взаимодействия государства и человека // Lex russica. 2018. № 11. С. 69–82.

46. Умнова-Конюхова И. А. Конституционные основы российского социального права: состояние и

перспективы формирования // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 10. С. 3–10.

47. Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.

48. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва Catallaxy, 1992. 304 с.

49. Чернова Э. Р. Проблемы соотношения правового и социального государства // E-Scio. 2021. № 8 (59). С. 281–285.

50. Чиркин В. Е. Конституционные принципы социального государства и человек // Гражданин и право. 2014. № 6. С. 3–14.

51. Чиркин В. Е. Социальная эволюция конституционного права частной собственности // Государство и право. 2014. № 12. С. 14–22.

52. Чиркин В. Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. 2002. № 2. С. 5–13.

53. Шабуров А. С. «Правовое» и «социальное» в характеристике социального правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3 (41). С. 6–11.

54. Эбзеев Б. С. Актуальные проблемы реализации Конституции России 1993 года // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1 (120). С. 20–27.

55. Эбзеев Б. С. Введение в Конституцию России: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 560 с.

56. Эбзеев Б. С. Государство и личность в России: социальная солидарность как парадигма отечественного конституционализма // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 6 (43). С. 986–999.

57. Carter I. Positive and Negative Liberty // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2022 Edition) / ed. Edward N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2022/entries/liberty-positive-negative/>

58. Davies W. Neoliberalism: A Bibliographic review // Theory, Culture & Society. 2014. Issue 7–8 (31). Pp. 309–317.

59. Galeotti E. Toleration as Recognition. Port Chester (USA): Cambridge University Press, 2002. 264 p.

60. Gane N. The emergence of neoliberalism: Thinking through and beyond Michel Foucault's lectures on biopolitics // Theory, Culture, and Society. 2014. Issue 4 (31). Pp. 3–27.

61. Macklem P. Human Rights in International Law: Three Generations or One? // SSRN Electronic Journal. 2014. Pp. 1–46. DOI 10.2139/SSRN.2573153

62. Taylor C. What's Wrong With Negative Liberty // Philosophy and the Human Sciences: Philosophical Papers. 1985. Issue 2. URL: <https://txteio.tumblr.com/post/146654901475/taylor-negative-liberty>

63. Vasak K. Human Rights: A 30-Year Struggle: The Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. 1977. Issue 11. Pp. 28–29, 32.

References

1. Abramova M. O. Transformatsiya prav cheloveka v liberal'nykh kontseptsyakh [The Transformation of Concept of Human Rights in Liberal Theories]. *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2015. Issue 2(30). Pp. 75–82. (In Russ.)

2. Avak'jan S. A. Globalizatsiya, obshchie konstitutsionnye tsennosti i natsionalnoe regulirovanie [Globalization, Common Constitutional Values and National Regulation]. *Sotsialnye interesy* – Social Interests. 2001. Issue 4. Pp. 44–47. (In Russ.)

3. Aver'janova N. N., Tyumeneva N. V., Yakusheva S. E. Konstitutsionno-pravovoe soderzhanie kategorii «dostoinaya zhizn' cheloveka» [Constitutional and legal content of the category “decent human life”]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* – Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. Issue 3 (97). Pp. 29–35. (In Russ.)

4. Aleksandrova A. V. Kontseptualnye osnovy frantsuzskogo pensionnogo zakonodatel'stva na pervonachalnom etape ego formirovaniya (do kontsa XIX v.) [Conceptual Foundations of the French Pension Legislation at the Initial Stage of Its Formation (Until the End of the 19th Century)]. *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2020. Issue 3(55). Pp. 5–14. DOI 10.21685/2072-3016-2020-3-1 (In Russ.)

5. Aranovskiy K. V., Knyazev S. D., Khokhlov E. B. O pravakh cheloveka i sotsial'nykh pravakh [On Human Rights and Social Rights]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* – Comparative Constitutional Review. 2012. Issue 4(89). Pp. 61–91. (In Russ.)

6. Aristotle. *Sochineniya* [Works]. Vol. 4. Moscow, 1983. 830 p. (In Russ.)

7. Astafichev P. A. Prioritety razvitiya konstitutsionnykh sotsial'no-ekonomicheskikh prav cheloveka i grazhdanina v SSSR i sovremennoy Rossii [Priorities of the Development of Human and Civil Constitutional Socioeconomic Rights in the USSR and Modern Russia]. *Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo* – Constitutional and Municipal Law. 2021. Issue 8. Pp. 7–13. DOI 10.18572/1812-3767-2021-8-7-13 (In Russ.)

8. Aubakirova I. U. Transformatsiya paradigmy sotsial'nogo gosudarstva: teoretiko-pravovoy aspekt [Transformation of Paradigm of the Social State: Theoretical-Law Aspect]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* – State Power and Local Self-Government. 2014. Issue 6. Pp. 3–9. (In Russ.)

9. Berdyaev N. *Tsarstvo Dukha i Tsarstvo Kesarya* [The Realm of Spirit and the Realm of Caesar]. Paris, 1951. 167 p. (In Russ.)

10. Berlin I. *Chetyre esse o svobode* [Four essays on Liberty]. London, 1992. 394 p. (In Russ.)

11. Bogdanov E. V. Idei individualizma, kolektivizma, kapitalizma v sovremenном grazhdanskom prave Rossii [Individualism, Collectivism and Capitalism within the Framework of Modern Civil Law of Russia].

Journal of Russian Law. 2021. Issue 12. Pp. 80–97. DOI 10.12737/jrl.2021.150 (In Russ.)

12. Bondar N. Konstitutsionnyy imperativ sotsial'nykh prav (O praktike Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii po sotsial'noy zashchite grazhdan) [Constitutional Imperative of Social Rights (On the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation on Social Protection of Citizens)]. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeyskoe obozrenie* – Constitutional Law: East European Review. 2002. Issue 2(39). Pp. 216–225. (In Russ.)

13. Burdanova A. S. Konstitutsionnye sotsial'nye prava v stranakh Evropeyskogo soyuza. Teoreticheskie polozheniya i problemy realizatsii [Constitutional social rights in the countries of the European Union. Theoretical provisions and problems of implementation]. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series Economics. Management. Law*. 2021. Vol. 21, Issue. 3. Pp. 329–339. DOI 10.18500/1994-2540-2021-21-3-329-339 (In Russ.)

14. Vakhrameeva L. N. Estestvenno-pravovaya teoriya kak istochnik sovremennoy rossiyskoy kontseptsii prav i svobod cheloveka [Natural-Law Theory as a Source of the Modern Russian Concept of the Rights and Freedoms of a Person]. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii* – Bulletin of Omsk Law Academy. 2018. Issue 1(15). Pp. 98–102. (In Russ.)

15. Varlamova N. V. Sotsial'nye prava: yuridiko-dogmaticheskaya interpretatsiya v praktike organov konstitutsionnogo kontrolya [Social Rights: Legal-dogmatic Interpretation by the Constitutional Review Bodies]. *Pravovedenie*. 2024. Issue 4 (68). Pp. 551–574. DOI 10.21638/spbu25.2024.405 (In Russ.)

16. Varlamova N. V. Klassifikatsiya prav cheloveka: podkhody k probleme [Classification of Human Rights: Approaches to the Problem]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* – Comparative Constitutional Review. 2009. Issue 4(71). Pp. 152–166. (In Russ.)

17. Varlamova N. V. Tsifrovye prava – novoe pokolenie prav cheloveka? [Digital Rights – New Generation of Human Rights?]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2019. Issue 4(19). Pp. 9–46. DOI 10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova (In Russ.)

18. Varlamova N. V. *Prava cheloveka: teoreticheskoe obosnovanie i yuridiko-dogmaticheskaya konkretizatsiya* [Human Rights: Theoretical Justification and Legal-Dogmatic Specification]. Dr. jurid. sci. diss. Moscow, 2024. 817 p. (In Russ.)

19. Gadzhiev G. A. Tseli, zadachi i prednaznacheniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [Aims, tasks and purpose of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudija* – Journal of Constitutional Justice. 2008. Issue 1. Pp. 10–17. (In Russ.)

20. Gofman A. B. Solidarnost' ili pravila, Dyurkgeym ili Khayek? O dvukh formakh sotsial'noy integratsii [Solidarity or Rules, Durkheim or Hayek? On Two Forms of Social Integration]. *Sotsial'naya solidarnost' i*

al'truizm: Sotsiologicheskaya traditsiya i sovremennye mezhdistsiplinarnye issledovaniya [Social Solidarity and Altruism: Sociological Tradition and Modern Interdisciplinary Research]. A collection of scientific works. Center for Social Scientific and Informational Research. Department of Sociology and Social Psychology. Ed. by D. V. Efremenko. Moscow, 2014. Pp. 97–167. (In Russ.)

21. Dzhagaryan A. A. Dostoinaya zhizn' v ideologii rossiyskogo konstitutsionnogo stroya [Decent Life in the Ideology of the Russian Constitutional System]. *Constitutional and Municipal Law*. 2025. Issue 3. Pp. 4–9. DOI 10.18572/1812-3767-2025-3-4-9 (In Russ.)

22. Durkheim E. *The Division of Labor in Society*. Transl. from French. Moscow, 1996. 432 p. (In Russ.)

23. Zhalkiev V. T. Kategorializatsiya sotsial'noy solidarnosti v kontseptsii E. Dyurkgeyma [Categorization of Social Solidarity in the Concept of E. Durkheim]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* – Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA. 2010. Issue 4. Pp. 97–100. (In Russ.)

24. Zimakov A. V. Pensionnaya sistema FRG: evolyutsiya ili revolyutsiya? [The German Pension System: Evolution or Revolution?]. *Sovremennaya Evropa* – Contemporary Europe. 2016. Issue 4(70). Pp. 94–103. (In Russ.)

25. Zor'kin V. D. *Sovremennyy mir, pravo i Konstitutsiya* [The modern world, law, and the Constitution]. Moscow, 2010. 544 p. (In Russ.)

26. Kabyshev V. T. *S Konstitutsiei po zhizni* [With the Constitution Through Life: Selected scientific works]. Moscow, 2013. 320 p. (In Russ.)

27. Karpovich O. G., Smagina L. A. *Osnovnye faktory ideologicheskogo protivostoyaniya ili «voyna idey»* [The Main Factors of Ideological Confrontation or the "War of Ideas"]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* – Public International and Private International Law. 2022. Issue 4. Pp. 2–3. DOI 10.18572/1812-3910-2022-4-2-3. (In Russ.)

28. Kolyushin E. I. *Tsennosti pravdy v gosudarstvennom (konstitutsionnom) prave Rossii* [Values of Truth in Russian State (Constitutional) Law]. *Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo* – Constitutional and Municipal Law. 2023. Issue 2. Pp. 8–14. DOI 10.18572/1812-3767-2023-2-8-14 (In Russ.)

29. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: Probl. komment.* [Constitution of the Russian Federation: Probl. Comm.]. Ed. by V. A. Chetvernin. Moscow, 1997. 702 p. (In Russ.)

30. Lübke-Wolff G. Printsip sotsialnogo gosudarstva v praktike Federalnogo konstitutsionnogo suda Germanii [The Principle of the Social State in the Practice of the German Federal Constitutional Court]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* – Comparative Constitutional Review. 2008. Issue 1 (62). Pp. 67–76. (In Russ.)

31. Mamut L. S. Sotsial'noe gosudarstvo s tochki zreniya prava [The social state from a legal perspective]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2001. Issue 7. Available at: <https://libertarium.ru/1958> (In Russ.)

32. Marks K. Capital: A Critique of Political Economy]. Translated. Vol. 8. Moscow, 1936. 784 p. (In Russ.)

33. Machulskaya E. E. Modifikatsiya printsipov trudovogo prava v svete izmeneniy Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [Modification of Labor Law Principles in View of the Amendments to the Constitution of the Russian Federation]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom* – Labor Law in Russia and Abroad. 2021. Issue 2. Pp. 3–7. DOI 10.18572/2221-3295-2021-2-3-710 (In Russ.)
34. Morozov A. P. Lichnaya neprikosновенost' v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionnyy aspekt [Personal Inviolability in the Russian Federation: Constitutional Aspect]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* – Bulletin of Saratov State Law Academy. 2014. Issue 4(99). Pp. 136–141. (In Russ.)
35. Murtuzalieva M. A. Sotsial'noe i pravovoe gosudarstvo [Social and Rule of Law State]. *Modern Science*. 2021. Issue 1-1. Pp. 173–176. (In Russ.)
36. Nevinskiy V. V. Estestvennye prava cheloveka na vesakh sovremennogo konstitutsionalizma [Natural Human Rights on the Scales of Modern Constitutionalism]. *Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo* – Constitutional and Municipal Law. 2016. Issue 8. Pp. 28–33. (In Russ.)
37. Opaleva A. A. Prava i svobody lichnosti v kontekste konstitutsionnykh izmeneniy [Individual rights and freedoms in the context of constitutional changes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* – Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Issue 3. Pp. 199–202. DOI 10.24412/2073-0454-2022-3-199-202 (In Russ.)
38. Petrova L. V. *O estestvennom i pozitivnom prave* (kriticheskie zametki po povodu uchebnika S. S. Alekseeva) [On Natural and Positive Law (Critical Notes on the Textbook by S. S. Alekseev)]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 1995. Issue 2. Pp. 32–41. (In Russ.)
39. *Prava cheloveka i pravovoe sotsial'noe gosudarstvo v Rossii* [Human Rights and the Rule of Law Social State in Russia]. Ed. by E. A. Lukasheva. Moscow, 2011. 399 p. (In Russ.)
40. *Problemy obshchey teorii prava i gosudarstva* [Problems of the General Theory of Law and State]. Ed. by V. S. Nersisyan. Moscow, 2004. 832 p. (In Russ.)
41. Pfersmann O. Znachenie sotsial'nykh printsipov v sravnitel'nom konstitutsionnom prave [The Significance of Social Principles in Comparative Constitutional Law]. *Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeyskoe obozrenie* – Constitutional Law: East European Review. 2003. Issue 1(42). Pp. 45–51. (In Russ.)
42. Rawls J. The Priority of Right and Ideas of Good. *Sovremennyy liberalizm: Dzh. Rolz, R. Dvorkin, I. Berlin, U. Kimlika, M. Dzh. Sendel, Dzh. Uoldron, Ch. Teilor* [Modern Liberalism: J. Rawls, R. Dworkin, I. Berlin, W. Kymlicka, M. J. Sandel, J. Waldron, Ch. Taylor]. Moscow, 1998. Pp. 6–108. (In Russ.)
43. Solov'yev A. I. Liberalizm: problemy teoreticheskogo i ideologicheskogo izmereniy [Liberalism: problems of theoretical and ideological dimensions]. *Nauchnyi ekspert* – Scientific Expert. 2010. Issue 5. Pp. 9–39. (In Russ.)
44. Teplyashin I. V., Nor K. E. K voprosu o sootnoshenii pravovogo i sotsial'nogo gosudarstva [On the question of the relationship between the legal and social state]. *Filosofiya prava* – Philosophy of Law. 2022. Issue 1(100). Pp. 100–105. (In Russ.)
45. Titova E. V. K voprosu o konstitutsionno-pravovoy kontseptsii vzaimodeystviya gosudarstva i cheloveka [The Constitutional Law Concept of Interaction Between the State and an Individual]. *Lex Russica*. 2018. Issue 11. Pp. 69–82. (In Russ.)
46. Umnova-Konyukhova I. A. Konstitutsionnye osnovy rossiyskogo sotsial'nogo prava: sostoyanie i perspektivy formirovaniya [Constitutional Fundamentals of Russian Social Law: The Status and Establishment Prospects]. *Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo* – Constitutional and Municipal Law. 2022. Issue 10. Pp. 3–10. (In Russ.)
47. Hayek F. A. *Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: sovremennoe ponimanie liberal'nykh printsipov spravedlivosti i politiki* [Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy]. Transl. by B. Pinsker and A. Kustarev. Moscow, 2006. 644 p. (In Russ.)
48. Hayek F. A. *The Fatal Conceit. The Errors of Socialism*. Translated. Moscow, 1992. 304 p. (In Russ.)
49. Chernova E. R. *Problemy sootnosheniya pravovogo i sotsial'nogo gosudarstva* [Problems of the Relationship Between the Rule of Law and Social State]. *E-Scio*. 2021. Issue 8(59). Pp. 281–285. (In Russ.)
50. Chirkin V. E. Konstitutsionnye printsipy sotsial'nogo gosudarstva i cheloveka [Constitutional Principles of the Social State and Man]. *Grazhdanin i pravo* – Citizen and Law. 2014. Issue 6. Pp. 3–14. (In Russ.)
51. Chirkin V. E. Sotsial'naya evolyutsiya konstitutsionnogo prava chastnoy sobstvennosti [Social Evolution of the Constitutional Right of Private Property]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2014. Issue 12. Pp. 14–22. (In Russ.)
52. Chirkin V. E. *Obshchechelovecheskie tsennosti i sovremennoe gosudarstvo* [Universal Human Values and the Modern State]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2002. Issue 2. Pp. 5–13. (In Russ.)
53. Shaburov A. S. «Pravovoe» i «sotsial'noe» v kharakteristike sotsial'nogo pravovogo gosudarstva ["Rule-of-Law" and "Social" in the Description of the Social Rule-of-Law State]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* – The Rule of Law State: Theory and Practice. 2015. Issue 3(41). Pp. 6–11. (In Russ.)
54. Ebzeev B. S. Aktualnye problemy realizatsii Konstitutsii Rossii 1993 goda [Current Problems of The Implementation of the 1993 Constitution of Russia]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* – Bulletin of Saratov State Law Academy. 2018. Issue 1(120). Pp. 20–27. (In Russ.)
55. Ebzeev B. S. *Vvedenie v Konstitutsiyu Rossii* [Introduction to the Constitution of Russia]. Moscow, 2019. 560 p. (In Russ.)
56. Ebzeev B. S. Gosudarstvo i lichnost' v Rossii: sotsial'naya solidarnost' kak paradigma otechestvennogo

konstitutsionalizma [State and Individual in Russia: Social Solidarity as a Paradigm of Domestic Constitutionalism]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya* – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2013. Issue 6(43). Pp. 986–999. (In Russ.)

57. Carter I. Positive and Negative Liberty. *Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2022 Edition). Ed. by Edward N. Zalta. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2022/entries/liberty-positive-negative/> (In Eng.)

58. Davies W. Neoliberalism: A Bibliographic review. *Theory, Culture & Society*. 2014. Issue 7–8(31). Pp. 309–317. (In Eng.)

59. Galeotti E. *Toleration as Recognition*. Port Chester (USA): Cambridge University Press, 2002. 264 p. (In Eng.)

Информация об авторе:

М. С. Сагандыков

Кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой теории государства и права,
трудового права

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
454080, Россия, г. Челябинск, просп. Ленина, 76

ORCID: 0000-0002-5510-817X
ResearcherID: N-6240-2017

Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI 10.52028/rbadr.v7.i13.ART06.URA
DOI 10.14529/hsm25s117
DOI 10.17223/22253513/52/12
DOI 10.21638/spbu14.2023.102
DOI 10.21684/2412-2343-2023-10-1-126-146
DOI 10.14529/hsm23s121
DOI 10.31857/S102694520019306-7
DOI 10.17223/22253513/41/16
DOI 10.14529/hsm21s220
DOI 10.14529/hsm19s216
DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(6).836-844
DOI 10.17072/1995-4190-2015-2-98-105

60. Gane N. The emergence of neoliberalism: Thinking through and beyond Michel Foucault's lectures on biopolitics. *Theory, Culture, and Society*. 2014. Issue 4(31). Pp. 3–27. (In Eng.)

61. Macklem P. Human Rights in International Law: Three Generations or One? *SSRN Electronic Journal*. 2014. Pp. 1–46. Available at: <https://doi.org/10.2139/SSRN.2573153> (In Eng.)

62. Taylor C. What's Wrong With Negative Liberty. *Philosophy and the Human Sciences: Philosophical Papers*. 1985. Issue 2. Available at: <https://txteio.tumblr.com/post/146654901475/taylor-negative-liberty> (In Eng.)

63. Vasak K. Human Rights: A 30-Year Struggle: The Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights. *UNESCO Courier*. 1977. Issue 11. Pp. 28–29, 32. (In Eng.)

About the author:

M. S. Sagandykov

South Ural State University
76, prospekt Lenina, Chelyabinsk, 454080, Russia

ORCID: 0000-0002-5510-817X
ResearcherID: N-6240-2017

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI 10.52028/rbadr.v7.i13.ART06.URA
DOI 10.14529/hsm25s117
DOI 10.17223/22253513/52/12
DOI 10.21638/spbu14.2023.102
DOI 10.21684/2412-2343-2023-10-1-126-146
DOI 10.14529/hsm23s121
DOI 10.31857/S102694520019306-7
DOI 10.17223/22253513/41/16
DOI 10.14529/hsm21s220
DOI 10.14529/hsm19s216
DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(6).836-844
DOI 10.17072/1995-4190-2015-2-98-105

II. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Информация для цитирования:

Аристов Е. В., Беликова К. М. Конституционно-правовое измерение искусственного интеллекта в Объединенных Арабских Эмиратах и защита прав человека: проблемы и параметры развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 2(72). С. 234–267. DOI: 10.17072/1995-4190-2026-72-234-267. EDN GZOMYN

Aristov E. V., Belikova K. M. Konstitutsionno-pravovoe izmerenie iskusstvennogo intellekta v Ob"edinennykh Arabskikh Ehmiratakh i zashchita prav cheloveka: problemy i parametry razvitiya [The Constitutional and Legal Dimension of Artificial Intelligence in the United Arab Emirates and Human Rights Protection: Problems and Development Parameters]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 2(72). Pp. 234–267. DOI: 10.17072/1995-4190-2026-72-234-267. EDN GZOMYN (In Russ.).

УДК 342.6

DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-234-267

<https://elibrary.ru/gzomyn>

EDN GZOMYN

Конституционно-правовое измерение искусственного интеллекта в Объединенных Арабских Эмиратах и защита прав человека: проблемы и параметры развития

Е. В. Аристов

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
E-mail: welfarestate1@gmail.com

К. М. Беликова

Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: BelikovaKsenia@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.10.2025

Введение: в статье анализируется внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в сферы человеческого общества и попытки ОАЭ регламентировать его использование путем создания национальной стратегии в области ИИ, разработки руководящих принципов этики в отношении ИИ, а также через разнообразные законодательные инициативы, программы и меры воздействия. **Цель:** дать конституционно-правовую оценку правовой регламентации искусственного интеллекта в ОАЭ в контексте защиты прав человека. **Методы:** методология исследования основана на формальной и диалектической логике, позволяющей проследить взаимосвязь между заложенными в них гуманистическими идеями и этическими соображениями, сделать практические выводы в контексте изучаемой области, включая нахождение баланса между проблемами неприкосновенности частной жизни и видеонаблюдением, свободой слова и мониторингом с помощью искусственного интеллекта, а также в контексте вопросов, связанных с дискриминацией работников и других лиц (например, женщин), в том числе с влиянием автоматизации на их права. Метод системного анализа и рефлексии над идеями, изложенными в рассмотренных статьях, главах книг и т. д., наряду с такими операциями, как индукция и дедукция, используется в ходе анализа положений национального и международного законодательства в исследуемой области. Сравнительно-правовой метод применяется для сопоставления подходов к обеспечению баланса между видеонаблюдением и конфиденциальностью на примере Австралии, Соединенных Штатов, России и Объединенных Арабских Эмиратов. **Результаты:** рассмотренные

© Аристов Е. В., Беликова К. М., 2026

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

научные источники, нормативные акты позволяют говорить о том, что в ОАЭ, как и в других странах, искусственный интеллект развивается на основе Стратегии в области ИИ и других актов. Развитие осуществляется в экосистеме, объединяющей государство, бизнес и науку для достижения амбициозных целей при соблюдении этических требований. **Выводы:** исследование свидетельствует о невозможности отказа от религиозных канонов (например, применения шариата как источника права) при регулировании искусственного интеллекта в ОАЭ.

Ключевые слова: Объединенные Арабские Эмираты; социальность государства; национальная стратегия; принципы этики; международное сотрудничество; искусственный интеллект; права человека; органы публичной власти; институты гражданского общества; делиберативная демократия

The Constitutional and Legal Dimension of Artificial Intelligence in the United Arab Emirates and Human Rights Protection: Problems and Development Parameters

E. V. Aristov

Perm State University

Perm State Humanitarian and Pedagogical University

E-mail: welfarestate1@gmail.com

K. M. Belikova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E-mail: BelikovaKsenia@yandex.ru

Received 12 Oct 2025

Introduction: the article analyzes the introduction of artificial intelligence (AI) into human society and the UAE's attempts to regulate its use through the creation of a national AI strategy, the development of AI ethics guidelines, and through various legislative initiatives, programs, and measures. **Purpose:** to provide a constitutional and legal assessment of the legal regulation of artificial intelligence in the UAE in the context of human rights protection. **Methods:** the research methodology is based on formal and dialectical logic that makes it possible to understand the relationship between the underlying humanistic ideas and ethical considerations as well as to draw practical conclusions concerning the researched area (including finding a balance between the problems of privacy and video surveillance, freedom of speech and AI-based monitoring) as well as concerning discrimination against employees and others (for example, women) and the effect of automation on their rights. The method of system analysis and reflection on the ideas presented in the researched articles, book chapters, etc., along with such operations as induction and deduction, is used in reviewing the provisions of national and international legislation in the researched area. The comparative legal method is used to compare approaches to balancing video surveillance and privacy using the examples of Australia, the United States, Russia, and the United Arab Emirates. **Results:** the reviewed scientific sources and regulations indicate that in the UAE, as in other countries, artificial intelligence is developing on the basis of the AI Strategy and other acts. The development takes place in an ecosystem that unites government, business, and science for the purpose of achieving ambitious goals while respecting ethical requirements. **Conclusions:** the study shows that it is impossible to abandon religious canons (for example, the use of Sharia as a source of law) when regulating artificial intelligence in the UAE.

Keywords: United Arab Emirates; sociality of the state; national strategy; principles of ethics; international cooperation; artificial intelligence; human rights; public authorities; civil society institutions; deliberative democracy

Введение

Как и весь остальной мир, страны Ближнего Востока обращают внимание на искусственный интеллект (ИИ). Арабские страны активно продвигаются в этой области, принимая национальные стратегии, создавая специализированные центры и университеты, привлекая инвестиции. Например, в 2020 году

Саудовская Аравия опубликовала Национальный план по данным и искусственному интеллекту. Одна из его целей – привлечь около 20 млрд долл. иностранных и местных инвестиций в искусственный интеллект к 2030 году. Также в Египте в 2019 году был открыт один из первых отделов, ориентированных на искусственный интеллект¹. Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) не являются исключением, активно развивают

¹ Как разрабатывают и применяют искусственный интеллект в арабских странах. URL: <https://habr.com/ru/companies/onlinepar-tent/articles/749420/>

стратегию в области искусственного интеллекта, стремясь стать одним из мировых лидеров в этой области. Перечислим ключевые аспекты их стратегии.

Национальная стратегия ОАЭ в области искусственного интеллекта до 2031 года (National AI Strategy)¹: в 2017 году впервые в ОАЭ был назначен государственный министр по искусственному интеллекту Омар бин Султан Аль Олама. Цель Национальной стратегии в области ИИ – стать мировым лидером в сфере применения искусственного интеллекта к 2031 году, что позволит повысить эффективность оказания государственных услуг и привлечь инвестиции, создав новые рабочие места. Стратегия включает в себя восемь стратегических целей: создание репутации в качестве места назначения для ИИ, повышение конкурентоспособности ОАЭ в приоритетных секторах за счет развертывания ИИ, развитие плодородной

экосистемы ИИ, внедрение ИИ в клиентских службах для удобства граждан и улучшения работы правительства, привлечение и обучение талантов для занятия будущих рабочих мест с применением ИИ, использование ведущих мировых исследовательских возможностей для работы с целевыми отраслями, предоставление данных и вспомогательной инфраструктуры, необходимой для того, чтобы стать испытательным полигоном для ИИ, обеспечение эффективного управления и эффективного регулирования, а также сопровождение этих целей конкретными мерами, такими как схема стимулирования ИИ для зарубежных компаний, создание Совета ОАЭ по искусственному интеллекту и блокчейну, Национального института виртуального ИИ, Межправительственной группы экспертов по ИИ и бренда UAI (по аналогии с успешной кампанией бренда Сингапура Smart Nation) и т. д. (рис. 1).

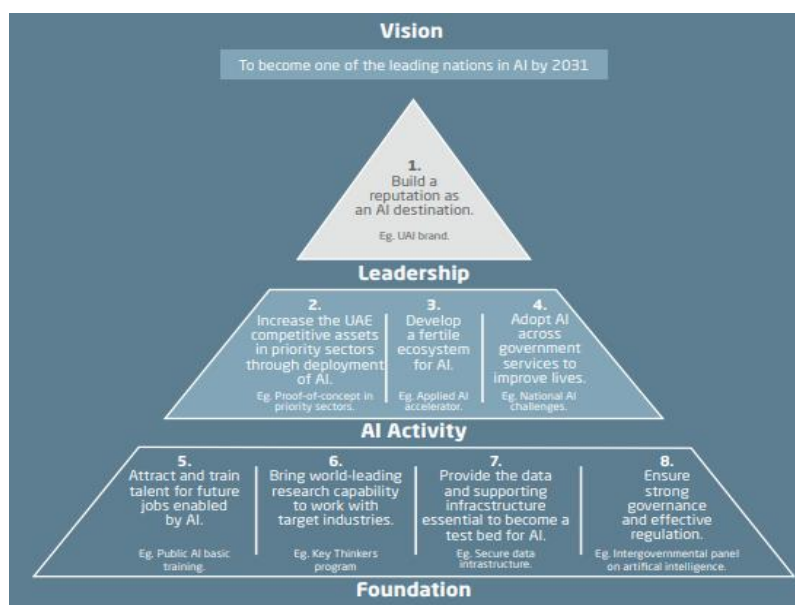

Рис. 1. Стратегия ОАЭ в области искусственного интеллекта²

Руководящие принципы этики: например, Консультации по этическим принципам в области искусственного интеллекта², опубликованные Консультативным советом по этике ИИ Дубая, разрабатывают этические принципы использования ИИ для обеспечения ответственного применения технологий. Они содержат конкретные меры, которые могут помочь заинтересованным сторонам придерживаться таких принципов, как справедливость, подотчетность, прозрачность и объяснимость, лежащих в основе алгоритмов в системах ИИ, однако не являются обязательными, проверенными и юридически регламентированными. *Инструмент самооценки этики ИИ в Дубае* (Инструмент) является рекомендуемым (а не обязательным) и создан для того, чтобы позволить

организациям – разработчикам ИИ или организациям – операторам ИИ оценивать уровень этики своих систем ИИ в соответствии с Рекомендациями по этике ИИ Дубая. Тем не менее процессы внедрения и обеспечения соблюдения этих мер всё еще проходят стадии развития, и нарушения остаются областью, требующей мониторинга: с точки зрения результатов страница Инструмента отображает общий уровень этики системы ИИ и выделяет важные пробелы в производительности, если таковые имеются. Он также показывает, были ли приняты какие-либо дополнительные меры, если они были необходимы³.

Многоплановые инициативы и программы, направленные на поддержку стартапов и инноваций, создание лабораторий искусственного интеллекта для

¹ UAE National Strategy for Artificial Intelligence 2031. URL: <https://ai.gov.ae/wp-content/uploads/2021/07/UAE-National-Strategy-for-Artificial-Intelligence-2031.pdf>

² Источник: UAE National Strategy for Artificial Intelligence 2031. P. 10.

³ URL: <https://www.digitaldubai.ae/initiatives/ai-ethics>

³ AI System Ethics Self-Assessment Tool. What does it contain? URL: <https://www.digitaldubai.ae/self-assessment>

разработки и тестирования инновационных решений, инвестиции в развитие ИИ. Действуя в рамках указанных инициатив и программ, ОАЭ формирует условия для совершенствования различных направлений в контексте инновационных решений.

А. Создаются благоприятные условия для стартапов в области искусственного интеллекта, включая налоговые льготы, упрощенные визовые процедуры и доступ к финансированию. Так, например, Дубай зарекомендовал себя как основное место для стартапов в области искусственного интеллекта благодаря своей непоколебимой государственной поддержке и благоприятной политике и регулированию (например, налоговые льготы), возможностям получения грантов и финансирования (фонды, открытые для всех, фонды для эмиратского бизнеса¹), процветающей экосистеме инкубаторов (инкубаторы материкового Китая, например Hamdan Innovation Incubator, и инкубаторы свободных зон), стратегическим партнерам (например, чтобы ускорить аналитику клиентов на основе искусственного интеллекта и оптимизировать бизнес-стратегии, Seed Group, компания Частного офиса шейха Саида бин Ахмеда Аль Мактума вступила в стратегическое партнерство с Intent HQ²) и благоприятной налоговой среде³ (компании свободной зоны⁴, если они соответствуют определенным условиям (например, поддерживают адекватное присутствие и получают квалифицированный доход), могут воспользоваться ставкой корпоративного налога 0 % на соответствующий доход и получить освобождение от таможенных пошлин, пошлин на импорт и экспорт; стартапы с прибылью ниже 375 тыс. дирхамов также освобождаются от корпоративного налога; ОАЭ не облагают налогом доходы физических лиц, что делает их привлекательными для предпринимателей и наемных работников⁵; подписали соглашения об избежании двойного налогообложения с более чем 130 странами⁶, снизив налоговую нагрузку для стартапов с международными операциями и т. д.).

Б. Активное инвестирование в AI-компании и стартапы, а также в исследования.

- The Group 42 Holding Ltd.⁷, ведущая бизнес как G42, – эмиратский холдинг по разработке ИИ, базирующийся в Абу-Даби, основанный в 2018 году. Компания специализируется на разработке решений в области здравоохранения, образования и безопасности, проводит исследования и разработки в области искусственного интеллекта, больших данных, машинного обучения через свою дочернюю компанию Inception Institute of Artificial Intelligence (IIAI)⁸. В 2020 году государственная компания Mubadala Investment Company приобрела долю в компании и передала G42 право собственности на акции двух компаний, работающих в сфере информационных технологий (Injazat и Khazna)⁹;

- AI Campus в Дубае¹⁰ был образован как крупнейший в регионе центр развития искусственного интеллекта, созданный в соответствии с целью Дубая стать деловым центром для всех технологических компаний, чтобы укрепить тем самым свои позиции в качестве факелоносца инноваций и технологической интеграции во всех секторах. Кампус продвигает инновации в рамках своей программы трансформации искусственного интеллекта, открытой и независимой от сектора инициативы для предприятий, стремящихся развивать возможности искусственного интеллекта. Компания Nestlé объявила о партнерстве с Dubai AI Campus для разработки передового инструмента, который использует искусственный интеллект для выявления инновационных возможностей продукта. Этот инновационный инструмент будет анализировать новые тенденции и предоставлять информацию о потребителях, что позволит Nestlé принимать действенные решения, которые открывают новые возможности для бизнеса и ускоряют разработку продуктов для удовлетворения растущих потребностей потребителей по всему региону¹¹;

¹ Support for start-ups and SMEs. URL: <https://www.investindubai.gov.ae/en/business-setup/support-for-start-ups-and-smes>

² Seed Group Develops Alliance with Intent HQ to Elevate AI-Driven Customer Insights in the MENA Region. 2025. URL: <https://intenthq.com/corporate/company-news/seed-group-develops-alliance-with-intent-hq-to-elevate-ai-driven-customer-insights-in-the-mena-region/>

³ Standard tax rate: 9% on taxable income exceeding AED 375,000. See: Federal Decree-Law No. 47 of 2022 on Taxation of Corporations and Businesses. URL: <https://mof.gov.ae/wp-content/uploads/2022/12/Federal-Decree-Law-No.-47-of-2022-EN.pdf>; How does Dubai offer support and financial incentives for AI start-ups? 2024. URL: <https://seedgroup.com/2024/05/how-does-dubai-offer-support-and-financial-incentives-for-ai-start-ups/>

⁴ Примеры свободных зон: Dubai Silicon Oasis (DSO), которая фокусируется на технологических стартапах, Dubai Internet City (DIC), которая является хабом для IT- и цифровых стартапов и т. д.

⁵ Free zone companies. URL: <https://www.investindubai.gov.ae/en/business-setup/free-zone-companies>

⁶ Double Taxation Agreement. URL: <https://mof.gov.ae/double-taxation-agreements/>

⁷ G42. URL: <https://g42.ai/>

⁸ G42. URL: <https://web.archive.org/web/20220307180212/https://g42.ai/#About>

⁹ Abu Dhabi's Mubadala takes stake in local AI company G42. 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/mubadala-inv-g42-ma-idINL8N2HO1NV/>

¹⁰ Dubai AI Campus. URL: <https://dubaiaicampus.com/the-campus>

¹¹ Nestlé Collaborates with Dubai AI Campus to Transform the Future of Product Innovation through AI in the Region. URL: <https://dubaiaicampus.com/blog/announcement/nestle%3A9-collaborates-with-dubai-ai-campus-to-transform-the-future-of-product-innovation-through-ai-in-the-region>

- Фонд Dubai Future Foundation¹, миссия которого заключается в том, чтобы коллективно представлять, вдохновлять и проектировать будущее Дубая и сделать его ведущим городом будущего.

Также в контексте многоплановых инициатив и программ стоит отметить запуск инициатив по пяти стратегическим направлениям: прогнозирование и воображение, распространение контента и знаний, наращивание потенциала, будущее проектирование и ускорение, будущий опыт и т. д.

В. Предоставление образовательных программ для молодых людей с целью развития навыков использования ИИ, такие как Летний лагерь ИИ², который является крупнейшим собранием тренингов, семинаров, вебинаров и бесед об искусственном интеллекте в регионе. Он также включает в себя университетские курсы и специализированные тренинги, привлекающие международных экспертов и ученых для обмена знаниями [24].

Применение ИИ в ключевых секторах:

1) в *здравоохранении* – для диагностики, персонализированной медицины и управления больницами (например, в Американской больнице в Дубае ИИ революционизирует работу патологоанатомов – алгоритмы ИИ помогают специалистам исследовать образцы тканей для выявления раковых клеток с большей точностью, этот дополнительный слой анализа помогает обеспечить точность диагноза³);

2) в *транспортной сфере* – для развития автономного транспорта и умных городов (например, проект Hyperloop в Дубае⁴, который был анонсирован в 2016 году как партнерство между Virgin Hyperloop One и DP World, тесно сотрудничающими с Управлением дорог и транспорта Дубая для воплощения концепции Hyperloop Маска в реальность);

3) в *образовании* – для персонализированного обучения и анализа данных⁵;

4) в *сфере энергетики* – для оптимизации использования ресурсов и развития зеленых технологий (например, Зеленая повестка дня ОАЭ⁶ была запущена как комплексный программный документ, призванный стимулировать устойчивый экономический рост в

различных секторах. Примечательным примером инвестиций ОАЭ в солнечную энергию является солнечный парк Мохаммеда бин Рашида Аль Мактума площадью более 77 квадратных километров. Это один из крупнейших солнечных парков в мире, который стремится выйти на выработку 5000 мегаватт энергии к 2030 году, используя как фотоэлектрические, так и концентрированные солнечные технологии⁷. Этот парк служит важнейшим элементом в видении ОАЭ по получению 50 % энергии из возобновляемых источников к 2050⁸ году);

5) в *правовой области* – для реагирования на жалобы потребителей и решения проблемных ситуаций. Так, в 2018 году Дубай запустил умный сервис защиты потребителей, который использует искусственный интеллект; потребители могут получить доступ к услуге, загрузив приложение Dubai Consumer App, доступное на мобильных телефонах Android и iOS или на веб-сайте Службы защиты прав потребителей Дубая (www.consumerrights.ae); сервис функционирует на английском и арабском языках [19]. На технологической выставке и конференции GITEX 2024 в Дубае было объявлено о разработке проекта «Виртуальный юрист» с использованием ИИ. Разработчиками проекта выступило Министерство юстиции ОАЭ совместно с Управлением государственного развития и будущего, а также Управлением по искусственному интеллекту, цифровой экономике и приложениям для удаленной работы при Правительстве ОАЭ. Проект оказывает помощь учреждениям, работающим в области права, в подготовке документов по простым делам, способствуя повышению готовности сектора правосудия к будущим возможностям и изменениям, а также его влиянию на систему правосудия и юридическую профессию и т. д. [5].

Международное сотрудничество, в рамках которого ОАЭ активно взаимодействует с ведущими технологическими компаниями и научно-исследовательскими институтами мира. Например, партнерские отношения с IBM, Microsoft, OpenAI и т. д. Так, в октябре 2023 года было объявлено о партнерстве между G42 и OpenAI – компанией по исследованию и развертыванию искусственного интеллекта,

¹ Dubai Future Foundation. URL: <https://www.dubaifuture.ae/>. Офисное здание фонда напечатано на 3D-принтере. Утверждается, что это первое в мире офисное здание, полностью напечатанное на 3D-принтере. См.: В ОАЭ впервые в мире напечатали офисное здание с помощью 3D-принтера. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/24/05/2016/574454cf9a7947582e7e70f6

² UAE AI Summer Camp 6.0. URL: <https://ai.gov.ae/aicamp/>

³ См.: How AI & ML Are Transforming Diagnostics in UAE Hospitals? URL: <https://www.healthtrip.com/blog/how-ai-ml-are-transforming-diagnostics-in-uae-hospitals>

⁴ См.: Dubai's Hyperloop Project: Revolutionizing Transportation in the City. URL: <https://focus.hidubai.com/dubais-hyperloop-project-revolutionizing-transportation-in-the-city/>

⁵ См.: Top-Rated Online Tuition in Dubai, UAE – Learn from the Best. URL: <https://www.intervaledu.com/location/dubai/>

⁶ The UAE Green Agenda Programs (2015-2030). URL: <https://www.moccae.gov.ae/assets/download/dbcb99d6/The%20UAE%20Green%20Agenda%20Programs%20-%20English.pdf.aspx>

⁷ Concentrated solar power (CSP) — это технология, которая преобразует солнечный свет в электричество с помощью зеркал или линз, фокусирующих энергию на небольшую область. См.: Concentrated Solar Power: Energy Solutions for the Future. Published Date: October 9, 2024 – Last Update Date: January 23, 2025. URL: <https://www.shieldenchannel.com/blogs/solar-panels/concentrated-solar-power>

⁸ См.: Green Technologies Transforming Industries in the UAE. URL: <https://generisonline.com/green-technologies-transforming-industries-in-the-uae/>

отвечающей за ChatGPT¹. В апреле 2024 года Microsoft объявила о значительных инвестициях в G42 в размере 1,5 млрд долл. В соответствии с этим соглашением Брэд Смит из Microsoft должен стать членом совета директоров G42, при этом G42 будет использовать платформу Microsoft Azure для разработки и внедрения своего искусственного интеллекта². Ранее, в июне 2019 года, G42 сотрудничала с Sinopharm в клинических испытаниях вакцины от COVID-19³, а в марте 2021 года было принято решение о производстве вакцины в Абу-Даби. Эти практики совместной деятельности и сотрудничества уже не являются исключительными и носят скорее традиционный характер в таких областях, как военное дело, биотехнологии и робототехника. По итогам Sirius Talent Summit, прошедшего в ОАЭ в феврале 2025 года, было заявлено, что Sirius и Объединенные Арабские Эмираты будут развивать сотрудничество в области образования, исследований, технологий, спорта, искусства и культуры. Меморандум об этом подписали руководители образовательного фонда «Сириуса» «Талант и успех» и министр образования ОАЭ⁴. Также ОАЭ участвуют в международных форумах и инициативах, связанных с применением ИИ (например, делегация ОАЭ приняла участие в Саммите действий в области ИИ (<https://techcrunch.com/tag/france-ai-action-summit/>), который прошел в Париже (Франция) 10–11 февраля 2025 г., подписав декларацию об «инклюзивном и устойчивом» ИИ, которую поддержали 60 стран, включая Францию, Китай и Индию) [28].

Будущие цели, например развитие умных городов, таких как Масдар⁵, где ИИ используется для управления потреблением энергии, транспортом и инфраструктурой, создание «города завтрашнего дня» или идея создания первой колонии на Марсе к 2071 году (100-летию ОАЭ) в рамках проекта «Марс 2117», где ИИ будет играть ключевую роль⁶.

Таким образом, ОАЭ делают ставку на ИИ как ключевой фактор экономического роста и диверсификации. Их Стратегия направлена на создание экосистемы, объединяющей государство, бизнес и науку для достижения амбициозных целей. Однако могут возникнуть системные вызовы и нарушения прав в следующих сферах.

1. Такие инициативы, как кампания UAI Brand, могут позиционировать ОАЭ как модель «этичного ИИ» на

Глобальном Юге, противодействуя нарративам о западном доминировании. Но для того чтобы сбалансировать инновации с этикой, обеспеченной правовой санкцией, необходимо принять еще некоторые меры.

2. Несмотря на то что стратегическое партнерство как с западными (сделка G42-Microsoft), так и с восточными (Sinopharm, связи G42-Китай) компаниями и участие в международном управлении ИИ (например, Саммит по искусственному интеллекту во Франции) могут превратить ОАЭ в региональный центр исследований и разработок, привлекая лучшие мировые таланты и предоставляя им уникальные геополитические рычаги, а также позиционируя ОАЭ в качестве законодателя правил в области этики и торговли ИИ, соперничество с Кремниевой долиной и Шэньчжэнем может создать риск возникновения напряженности (например, технологического соперничества как между США и Китаем). Чтобы избежать этой напряженности, ОАЭ необходимо сохранять геополитический нейтралитет в условиях технологической конкуренции между США и Китаем.

Более того, хотя до сих пор не было крупных публичных нарушений, могут возникнуть опасения по поводу соглашений об обмене данными с иностранными фирмами, например, связи G42 с китайскими технологическими компаниями и ее партнерства с OpenAI в 2023 году.

3. Хотя такие проекты, как Масдар и государственные услуги на основе ИИ (например, медицинская диагностика и т. д.), могут повысить эффективность функционирования городов и благосостояние граждан, чрезмерная зависимость от систем ИИ может привести к уязвимостям (например, кибератакам на критически важную инфраструктуру).

4. Солнечные парки, такие как Мохаммед бин Рашид Аль Мактум, могут сделать ОАЭ экспортером зеленой энергии к 2050 году, чему способствует оптимизация искусственного интеллекта, однако чрезмерные инвестиции в проекты (например, Hyperloop) могут приводить к неэффективному расходованию огромных капиталов.

5. Инструменты ИИ при приеме на работу, в банковском деле или правоохранительных органах могут непреднамеренно отражать социальные предубеждения. Например, проект «Виртуальный юрист» (2024) может воспроизвести предвзятость в юридических результатах, если его обучать на неподходящих наборах данных.

¹ G42 and OpenAI launch partnership to deploy advanced AI capabilities optimized for the UAE and broader region. URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/g42-and-openai-launch-partnership-to-deploy-advanced-ai-capabilities-optimized-for-the-uae-and-broader-region-301960645.html>

² Microsoft invests \$1.5 billion in Abu Dhabi's G42 to accelerate AI development and global expansion. URL: <https://news.microsoft.com/2024/04/15/microsoft-invests-1-5-billion-in-abu-dhabis-g42-to-accelerate-ai-development-and-global-expansion/>

³ Lisa Barrington and Alexander Cornwell. China's Sinopharm begins late stage trial of COVID-19 vaccine in UAE. URL: <https://www.reuters.com/article/world/us-politics/chinas-sinopharm-begins-late-stage-trial-of-covid-19-vaccine-in-uae-idUSKCN24H14S/>

⁴ Сириус представит свои возможности на саммите в ОАЭ. URL: <https://academia-interfax.ru/turbopages.org/academia-interfax.ru/s/ru/news/articles/14999/>

⁵ What is Masdar city. URL: <https://www.masdarcity.ae/about-masdar-city>

⁶ UAE's 100-year ambitious plan, wants to colonise Mars by 2117. URL: <https://www.financialexpress.com/life/science-uae-to-build-first-city-on-mars-by-2117-554214/>

6. Рано или поздно ИИ будет использоваться как технология двойного назначения или в военных целях, что вызывает этические опасения по поводу автономных систем вооружения в не раскрываемых публике военных проектах многих компаний.

В связи с вышесказанным считаем важным рассмотреть вопросы относительно того, были ли в ОАЭ широко освещаемые или официально подтвержденные случаи системных нарушений прав со стороны ИИ / посредством ИИ / с применением ИИ. Как и любая страна, внедряющая передовые технологии, ОАЭ сталкиваются с проблемами, связанными с этическим использованием ИИ, особенно в таких областях, как неприкосновенность частной жизни, видеонаблюдение и предвзятость, права работников в контексте автоматизации, свобода выражения мнений и мониторинг ИИ (например, в случае борьбы с деструктивным контентом) и т. д.

Предметно-правовой и этический подходы к ИИ, угрожающему и нарушающему права человека

Статья 10 Конституции ОАЭ 1971 года¹ гласит: «Целями ОАЭ являются: *поддержание* независимости и суверенитета ОАЭ, *обеспечение безопасности* и стабильности ОАЭ, <...> защита права и свободы народа ОАЭ, налаживание тесного сотрудничества между Эмиратами в их общих интересах для достижения этих целей, содействие процветанию и прогрессу Эмиратов во всех областях, *обеспечение лучшей жизни для всех граждан*...». И далее: «Равенство, социальная справедливость и *обеспечение безопасности, защищенности и равных возможностей для всех граждан* являются столпами, на которых стоит общество...» (ст. 14) (курсив наш. – Е. А., К. Б.). Часть третья Конституции «Свободы, права и публичные обязанности» (ст. 25–45) включает в себя статьи, касающиеся равенства (ст. 25: «Все люди равны перед законом. Не должно быть различий между гражданами ОАЭ по признаку происхождения, национальности, вероисповедания или социального статуса») и личной свободы (ст. 26: «Личная свобода гарантируется всем гражданам. Лицо не может быть арестовано, подвергнуто обыску, задержанию или заключению в тюрьму, за исключением случаев, предусмотренных Законом. Никто не может быть подвергнут пыткам или унижающему достоинство обращению»), свободы убеждений (ст. 30: «Свобода убеждений и их выражения устно, письменно или любым другим способом гарантируется в соответствии с законом») и свободы сообщения (ст. 31: «Свобода сообщения по почте, телеграфу и другим средствам связи и их конфиденциальность гарантируются в соответствии с законом»), свободы собраний (ст. 33: «Свобода собраний и создания

ассоциаций гарантируется в порядке, предусмотренном законом») и свободы выбора работы, профессии или рода занятий (ст. 34: «Гражданин свободен в выборе работы, профессии или рода занятий в порядке, предусмотренном законом и законодательством, регулирующим эти профессии и занятия. Лицо не может быть привлечено к принудительному труду, за исключением случаев, предусмотренных законом, и при условии, что такое лицо получает вознаграждение за этот труд. Человек не может быть поработан»), общественного порядка (ст.: 44 «Уважение к Конституции, законам и распоряжениям, издаваемым государственными органами во исполнение их, соблюдение общественного порядка и уважение общественной морали являются обязанностями всех людей, проживающих в ОАЭ»). При этом в статье 7 говорится: «Ислам является официальной религией ОАЭ. Исламский шариат является основным источником законодательства в ОАЭ...».

Что касается норм в области прав человека, закрепленных в Конституции ОАЭ 1971 года, то следует отметить следующее. 1. Шариат – это совокупность норм, которые регулируют поведение человека и являются источником законодательства, но прямого действия не имеют. Например, после того как в 2005 году кувейтским женщинам было предоставлено право голосовать и баллотироваться на выборные должности, первые выборы, в которых приняли участие женщины, состоялись в 2006 году. Однако на этих выборах не была избрана ни одна женщина. Только на парламентских выборах 2009 года четыре женщины впервые в истории были избраны в Национальную ассамблею Кувейта: Масума аль-Мубарак, бывший министр и первая женщина, занявшая министерский пост в Кувейте, Асиль аль-Авадхи, профессор философии в Кувейтском университете, Рола Дашти, экономист и борец за права женщин, Сальва аль-Джассар, профессор по направлению «Образование» в Кувейтском университете. У этих женщин были разные подходы к своему внешнему виду на публике, в том числе ношению хиджаба. Масума аль-Мубарак и Сальва аль-Джассар носили хиджаб, следуя более консервативным культурным и религиозным нормам. Асиль аль-Авадхи и Рола Дашти не носили хиджаб, что отражает более либеральный или светский подход. В результате обращения в суд недовольных тем, что две женщины-парламентария нарушили шариат, отказавшись носить хиджаб в Парламенте, Высший суд Кувейта (Kuwait's highest court) постановил в октябре 2009 года, что женщины-законодатели не обязаны по закону носить хиджаб², поскольку шариат не имеет прямого действия, а выступает в качестве источника законодательства. Следовательно, никакая норма права не была

¹ The Constitution of the United Arab Emirates of 18 Jul 1971. URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/constitution>

² Kuwait: Headscarf not a must for female lawmakers. URL: <https://www.sandiegouniontribune.com/2009/10/28/kuwait-headscarf-not-a-must-for-female-lawmakers>; Court rules hijab optional for MPs. URL: <https://www.thenationalnews.com/world/mena/court-rules-hijab-optional-for-mps-1.498516>, etc.

нарушена¹. 2. Важной особенностью исламского права, как личной правовой системы, выросшей из шариата, является подчинение человека в его внешне выраженном поведении воле Аллаха. Соответственно, шариат основан на идее возложенных на человека обязанностей, а не на его правах. В западной концепции, напротив, преобладает идея индивидуальной свободы. Таким образом, провозглашенная в международных документах (например, во Всеобщей декларации прав человека²) и наивысшая ценность прав личности не является универсальным стандартом, поскольку ценность и значение естественных прав, принадлежащих каждому от рождения, различаются в правовых культурах разных государств [9].

Что касается примера баланса между шариатом и современным управлением в ОАЭ, то некоторые налоги в настоящее время являются светскими и разработаны в соответствии с мировыми стандартами (например, соглашениями ОЭСР), демонстрируя гибкость по сравнению с классическими исламскими налоговыми моделями (закят).

В ОАЭ нет «центрального» документа в области налогообложения. Каждый налог регулируется отдельным законодательным актом, к которому выдаются многочисленные официальные разъяснения [18]. По данным Министерства финансов³, новые ставки корпоративного налога составляют:

– 0 % для налогооблагаемого дохода до 375 тыс. дирхамов ОАЭ;

– 9 % для налогооблагаемого дохода свыше 375 тыс. дирхамов ОАЭ (этот налог является одним из самых низких в мире);

– другая налоговая ставка (пока не указана) для крупных транснациональных корпораций, которые соответствуют определенным критериям, установленным со ссылкой на «Столп два» (Pillar two) Проекта ОЭСР по размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (OECD Base Erosion and Profit Shifting Project).

Администрирование, сбор и обеспечение соблюдения корпоративного налога будет осуществлять Федеральное налоговое управление (FTA), предоставляющее больше справок и руководств по корпоративному налогу, а также информацию о том, как регистрироваться и подавать декларации, на своем веб-сайте.

Институциональная основа для защиты прав человека в ОАЭ была сформирована в 2021 году

с созданием Национального института по правам человека (NHRI, <https://nhriuae.com/en>),⁴ нацеленного на защиту основных прав и свобод в соответствии как с Конституцией ОАЭ, так и с международными конвенциями. Институт со штаб-квартирой в Абу-Даби и филиалами по всем Эмиратам разрабатывает планы действий, организывает образовательные мероприятия и консультирует государственные органы по вопросам прав человека. Он также оценивает местные законы, расследует нарушения и представляет ОАЭ на международном уровне. NHRI возглавляется советом попечителей, в который входят женщины, и, как ожидается, он повысит глобальную репутацию ОАЭ и улучшит функционирование действующих механизмов в области прав человека⁵.

Официальные лица ОАЭ провели обширную кампанию с общественностью для информирования о создании NHRI. Действительно, освещение в СМИ развертывания NHRI дает наилучшее представление о руководстве NHRI, их планах в направлении развития учреждения и о том, какой нарратив хочет продвигать Абу-Даби.

Например, издание Gulf Times предположило, что официальные лица ОАЭ хотели продвигать идею о том, что Эмираты стремятся перенять передовой международный опыт и стандарты. После принятия Федерального закона № 12 Gulf Times сообщило, что политики пытались связать ОАЭ со многими международными организациями, включая Верховного комиссара ООН по правам человека (UN High Commissioner for Human Rights, OHCHR). «Разрабатывая этот закон, – пишет газета, – ОАЭ стремились следовать передовому опыту и сравнивать предыдущий опыт других стран с аналогичными институтами». Конечно, это означает, что ОАЭ, как и многие другие страны Персидского залива, омраченные обвинениями в нарушениях прав человека, хотят, чтобы их считали соблюдающими международные нормы. Однако официальное информационное агентство Emirates News Agency подчеркнуло, что вместо того, чтобы пытаться привести ОАЭ в соответствие с международными концепциями прав человека, NHRI будет служить институтом, разработанным на местном уровне [35].

На наш взгляд, идея создания NHRI была основана на значимых делах, касающихся вопросов прав человека в ОАЭ и их правовых последствий. Как закрепление прав человека на конституционном уровне, так и создание NHRI являются примерами

¹ См. подробнее: видеозапись конференции 21 февраля 2025 г., организованной Культурным центром «Дар» Духовного управления мусульман (ДУМ) Российской Федерации и издательством НИУ ВШЭ, посвященной обсуждению книги Л. Р. Сукияннena «Исламское право и диалог культур в современном мире». URL: <https://pravo.hse.ru/announcements/1016689849.html?ysclid=m7fwlyg4tk469850308>

² Universal Declaration of Human Rights. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights>

³ Corporate tax (CT). URL: <https://u.ae/en/information-and-services/finance-and-investment/taxation/corporate-tax#:~:text=As%20per%20Ministry%20of%20Finance,income%20above%20AED%20375%2C000%20and>

⁴ Federal Law No. (12) of 2021 «On the National Human Rights Institution». URL: <https://nhriuae.com/en/law-12>

⁵ Защита прав человека на национальном уровне в ОАЭ. 4 сентября 2021 г. URL: <https://www.uae-consulting.com/novosti/zashhita-prav-cheloveka-na-nacziionalnom-urovne-v-uae-1930.html>

механизмов «объединения исламских институтов с политической властью духовенства и государственной властью (пример – Совет фетв ОАЭ, как будет показано ниже), а также формирования светских политических институтов, таких как президент, парламент и политические партии, характерных для современных форм правления, в том числе республиканских» [9]. Так, например, свобода выражения мнений является одним из основных прав человека, признанным в различных международных договорах, включая Всеобщую декларацию прав человека. Однако в ОАЭ, по мнению Generis Global¹, практическое применение этого права сталкивается со значительными ограничениями из-за законов, предопределяющих публичный дискурс. На протяжении многих лет различные судебные дела подчеркивали сложное взаимодействие между правами личности и законами ОАЭ, особенно в части свободы выражения мнений.

Одним из ярких случаев является инцидент 2012 года с участием блогера из ОАЭ, в онлайн-статьях которого содержалась критика правительства и его чиновников. Этот случай стал примером проблем, с которыми сталкиваются лица, занимающиеся свободой слова, поскольку он привел к аресту блогера по обвинениям, связанным с клеветой и нарушением законов ОАЭ о киберпреступности. Судебные разбирательства продемонстрировали, как законы, призванные противодействовать диффамации, используются для подавления инакомыслия. Вместе с тем результаты таких дел часто создают атмосферу страха, препятствуя общественным дебатам и правильному дискурсу.

Показательной является еще одна ситуация, когда в 2011 году трое активистов были осуждены за свои посты в социальных сетях с критикой политики правительства. Применение права в этих делах выявило глубоко укоренившееся восприятие свободы выражения мнения как привилегии, а не как неотъемлемого права. Правовые последствия, с которыми столкнулись эти лица, стали серьезным сигналом об ограничениях, наложенных на свободу слова в ОАЭ. Такие случаи влекут за собой более широкие последствия для общественного дискурса, поскольку они сигнализируют гражданам о потенциальных последствиях осуществления их прав.

Эти важные дела, по мнению Generis Global, подчеркивают продолжающуюся напряженность между законодательством и принципами свободы выражения мнений в ОАЭ. Они акцентируют необходимость сбалансированного подхода, который поддерживает права личности при уважении верховенства закона. Понимание этой динамики имеет решающее значение как для граждан, так и для наблюдателей, следящих за ситуацией с правами человека в регионе².

Опасения по поводу видеонаблюдения и неприкосновенности частной жизни

Первая категория опасений в связи с упомянутыми конституционными статьями связана с видеонаблюдением и неприкосновенностью частной жизни.

В ОАЭ внедрены *системы видеонаблюдения на основе искусственного интеллекта* в общественных местах, такие как технология распознавания лиц в аэропортах, торговых центрах и на улицах, исходя из идеи о том, что биометрические системы на основе ИИ (например, распознавание лиц, сканирование отпечатков пальцев) повышают безопасность, гарантируя, что только авторизованные пользователи могут получить доступ к системам с ограниченным доступом (например, аэропортам), а поведенческая аналитика может обнаруживать попытки несанкционированного доступа на основе поведения пользователей (например, пассажиров).

Так, с момента своего создания Digital Dubai Office запустил более 130 инициатив (Smart Dubai Initiative³) в партнерстве с государственными и частными структурами, включая Дубайскую инициативу по обработке данных (Dubai Data Initiative), Дубайскую стратегию блокчейна (Dubai Blockchain Strategy), Повестку дня счастья (Happiness Agenda), Дорожную карту искусственного интеллекта Дубая (Dubai AI Roadmap) и Дубайскую стратегию безбумажного документооборота (Dubai Paperless Strategy). Дубай также содействует использованию ИИ и видеонаблюдения для повышения общественной безопасности и управления городским хозяйством и обеспечивает уверенность в том, что системы видеонаблюдения используются таким образом, чтобы уважать неприкосновенность частной жизни и права человека.

Хотя эти системы предназначены для повышения *безопасности*, они в любом случае вызывают *опасения по поводу конфиденциальности и защиты данных*. На каких правовых актах, кроме Конституции 1971 года, базируется реализация таких систем? В ОАЭ существует несколько **федеральных законов и декретов-законов**, которые по своему духу и направленности (но не всегда своей буквой, на наш взгляд) обеспечивают правовую основу для использования технологий видеонаблюдения, в том числе систем на основе ИИ.

Федеральный декрет-закон № 34 2021 года «О противодействии слухам и киберпреступлениям»⁴ (Закон ОАЭ о киберпреступлениях), который предусматривает наказание за преступления, совершенные посредством информационных технологий:

¹ Significant Cases Addressing Human Rights Issues in the UAE: Legal Implications. URL: <https://generisonline.com/significant-cases-addressing-human-rights-issues-in-the-uae-legal-implications/>

² Ibid.

³ Our Initiatives. URL: <https://www.digitaldubai.ae/initiatives>

⁴ Federal Decree-Law No. (34) of 2021 On Countering Rumors and Cybercrimes. URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1526>

– согласно статье 6 «Нарушение прав на персональные данные и информацию» «1. Любое лицо, которое приобретает, владеет, изменяет, уничтожает, раскрывает, способствует утечке, удаляет, копирует, распространяет или пересылает любые персональные электронные данные или информацию с использованием информационных технологий или любого оборудования для информационных технологий *без разрешения*, наказывается лишением свободы на срок не менее (6) шести месяцев и/или штрафом в размере не менее (20 000 дирхамов ОАЭ) двадцати тысяч дирхамов или более (100 000 дирхамов ОАЭ) ста тысяч дирхамов. 2. Если данные или информация, указанные в пункте 1 настоящей статьи, связаны с обследованиями, диагностикой, лечением, медицинскими записями, банковскими счетами или информацией и данными электронных платежей, это считается отягчающим обстоятельством. 3. Кто получает или хранит данные и информацию, указанные в пунктах 1 и 2 настоящей статьи, или соглашается обрабатывать или использовать их, несмотря на осведомленность о незаконности их приобретения, наказывается лишением свободы и/или штрафом»;

– согласно статье 13 «Сбор и обработка персональных данных и информации в нарушение законодательства» «любое лицо, использующее информационные технологии или оборудование для информационных технологий для сбора, хранения или обработки персональных данных и информации граждан и резидентов ОАЭ в нарушение действующего законодательства ОАЭ, наказывается лишением свободы и/или штрафом в размере не менее (50 000 дирхамов) пятидесяти тысяч дирхамов или более (500 000 дирхамов) пятисот тысяч дирхамов».

• *Федеральный закон № 2 2019 года «Об использовании информационно-коммуникационных технологий в сфере здравоохранения»¹*, который ориентирован на здравоохранение, подчеркивает защиту данных и конфиденциальность, в том числе на территориях свободных зон, и может быть расширен на системы наблюдения, собирающие персональные данные, как и Федеральный декрет-закон № 34 от 2021 года.

• *Федеральный закон № 15 2020 года «О защите прав потребителей»²*, который защищает права потребителей, в том числе данные потребителей, и запрещает поставщикам использовать их для маркетинга.

• *Федеральный декрет-закон № 45 2021 года «О защите персональных данных»³*, который создает комплексную основу для сбора, обработки и хранения персональных данных, а именно:

– обеспечивает конфиденциальность информации и защищает неприкосновенность частной жизни, определяя меры контроля за обработкой персональных данных и общие обязательства компаний, располагающих персональными данными, по их защите и сохранению их конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни,

– запрещает обработку персональных данных без согласия их владельца, за исключением некоторых случаев, когда обработка необходима для защиты общественных интересов или для осуществления любых законных процедур и прав,

– применяется к системам наблюдения на основе искусственного интеллекта, которые обрабатывают персональные данные, поскольку положения закона распространяются на обработку персональных данных, будь то полностью или частично через электронные системы, внутри страны или за ее пределами,

– предоставляет владельцу данных право требовать исправления неточных персональных данных, а также ограничивать или прекращать обработку своих персональных данных,

– устанавливает требования к трансграничной передаче и совместному использованию персональных данных в целях обработки,

– не распространяется на обработку данных государственными органами ОАЭ, личной медицинской, банковской и кредитной информации – эти типы данных регулируются отдельным законодательством в Эмиратах и компаниях в свободных экономических зонах Абу-Даби Глобал Маркет (Abu Dhabi Global Market, ADGM) и Дубайского международного финансового центра (Dubai International Financial Centre, DIFC), поскольку имеют свои собственные законы о защите данных: для ADGM – Регламент о защите данных от 2021 года⁴, для DIFC – Закон о защите данных от 2020 года⁵.

Дискурс в рамках вопроса относительно баланса между использованием видеонаблюдения и неприкосновенностью частной жизни можно проиллюстрировать следующими ситуациями, произошедшими в России, США и Австралии.

В конце мая 2019 года в Духовное управление мусульман (ДУМ) Республики Татарстан поступило письмо от компании «Таттелеком» с просьбой допуска их сотрудников в казанские мечети для проведения инспекции перед установкой видеокамер. В письме пояснялось, что по заказу Министерства информации и коммуникаций республики подготовлен проект по установке систем видеонаблюдения в мечетях Казани. В ДУМ отметили, что камеры будут

¹ Federal Law No. 2 of 2019 on the Use of Information and Communication Technology in Health Fields. URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1209/download>

² Federal Law No. 15 of 2020 on Consumer Protection URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1455>

³ Federal Decree-Law No. 45 of 2021 on Personal Data Protection. URL: <https://ai.gov.ae/personal-data-protection-law/>

⁴ Data Protection Regulations 2021. ADGM. URL: https://www.dataguidance.com/sites/default/files/adgm_regs_2021.pdf

⁵ Data Protection Law, DIFC Law No 5 of 2020. URL: https://u.ae/-/media/Documents-2022/Data_Protection_Law_final--DIFC.pdf

установлены в ходе реализации программы «Безопасный город» в рамках утвержденной правительством Татарстана «Концепции развития безопасного города» на 2018–2022 годы, направленной на повышение общественной безопасности и предотвращение угроз жизни граждан, в том числе терроризма. Данная Концепция включает в себя непрерывное видеонаблюдение в общественных местах, административных зданиях, школах, культурных учреждениях, аэропортах, вокзалах, на автобусных остановках, системы идентификации и технологии распознавания лиц. Абдуррауф Забиров, имам-хатиб мечети Миргазиян в Казани, пожаловался на «незаконное вмешательство» татарских чиновников в работу религиозных организаций и жизнь мусульман. В ответ на эту ситуацию Дамир Гайнутдинов, юридический аналитик международной правозащитной группы «Агора», заявил, что «установка камер видеонаблюдения явно нарушает право на неприкосновенность частной жизни и свободу вероисповедания», акцентировав внимание на вопросах о том, оправдано ли это и была ли соблюдена надлежащая процедура. Он отметил, что администрация религиозной организации, которой принадлежит мечеть, имеет право устанавливать камеры, предварительно оповестив посетителей. Если это происходит по инициативе властей, то этому нет разумного обоснования [4]. В связи с изложенным следует обратить внимание на следующее.

1. Является ли церковь или мечеть общественным местом или они относятся к другой категории? В соответствии с пунктом 3.47 Свода правил «Храмы православные. Правила проектирования» от 22 декабря 2017 г., утвержденного Приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации №1703/пр¹, храм (церковь) – здание, предназначенное для проведения молитвенных собраний верующих, где проводятся богослужения. Если мы обсуждаем, считается ли храм общественным пространством или нет, важно понимать, что представляет собой общественная зона (пространство, место). Однако четкого определения этого термина в законодательстве нет, и его дефиниция основана на содержании правовых норм из разных отраслей права, которые устанавливают перечень мест, считающихся общественными на основании конкретных статей. Например, согласно пункту 2 статьи 20.20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях² употребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, употребление новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ на улицах, стадионах, площадях, в парках, общественном транспорте, а также в иных общественных местах и несоблюдение

требований по прохождению санкционированного медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения гражданином, употребившим наркотические средства или психотропные средства без рецепта, влечет наложение административного штрафа в размере от четырех до пяти тысяч рублей либо административного ареста на срок до 15 суток. Таким образом, к общественным местам относятся не только места со значительным скоплением граждан, такие как улицы, общественный транспорт, аэропорты и железнодорожные вокзалы, но и другие открытые для общественного доступа места, где люди могут появиться в любое время. К ним относятся все общественные и административные здания, офисы, без ограничений доступа, а также парки, скверы, улицы и иные общественные пространства, такие как подземные переходы, лестничные клетки, сады и т. д. Список не является закрытым, поэтому мечети и церкви с этой точки зрения, несомненно, являются общественными местами, потому что люди любой конфессии имеют неограниченный доступ и могут их посещать, даже не являясь прихожанами [3].

2. Разрешает ли закон шариата внедрение и использование информационных технологий для широкомасштабного видеонаблюдения за гражданами? В целях общественной безопасности внедрение информационных технологий в общественных местах не противоречит шариату, *так как люди приходят в эти места в том виде, который они готовы показать обществу.*

В Нью-Йорке Amnesty International объединила усилия с AI for People, Surveillance Technology Oversight Project, Immigrant Defense Project, New York Civil Liberties Union, New York City Ombudsman Office, Privacy NY Coalition, сенатором Брэдом Хойлманом и Rada Studio для лоббирования закона, запрещающего полиции использовать технологию распознавания лиц для массового видеонаблюдения в Нью-Йорке, и запустила глобальную кампанию «Запрети сканирование» (“Ban the Scan”) по запрету использования систем распознавания лиц. Кампания стартовала в Нью-Йорке и должна была быть расширена по всему миру в 2021 году, поскольку Amnesty International и другие считают, что эта технология (распознавания лиц) усугубляет системный расизм и угрожает правам человека, таким как неприкосновенность частной жизни, свобода выражения мнений и мирных собраний. «Использование полицией технологии распознавания лиц ставит невинных жителей Нью-Йорка в очередь в полицейском участке, нарушая их права на неприкосновенность частной жизни. Широко распространенное и нерегулируемое распознавание лиц должно быть запрещено», – заявил Мутале

¹ URL: <https://docs.cntd.ru/document/552113080?marker=7D20K3>

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Нконде, основатель и генеральный директор AI for People¹. «Жители Нью-Йорка должны иметь возможность заниматься своей повседневной жизнью, не опасаясь, что их отследят с помощью распознавания лиц. Другие крупные города США уже запретили распознавание лиц, поэтому Нью-Йорк должен сделать то же самое», – сказал Мэтт Махмуди, исследователь в области искусственного интеллекта и прав человека в Amnesty International². По сути, запрет действует в 13 городах США: Сан-Франциско (Калифорния), Бостон (Массачусетс), Портленд (Орегон), Портленд (Мэн), Спрингфилд (Массачусетс), Аламеда (Калифорния), Беркли (Калифорния), Окленд (Калифорния), Бруклин (Массачусетс), Кембридж (Массачусетс), Нортгемптон (Массачусетс), Сомервилль (Массачусетс), Джексон (Миссисипи) [45].

Стоит отметить, что судья Верховного Суда США историк права и философ Оливер Уэнделл Холмс был убежден, что нормотворчество является делом законодательных органов, а не судов. Народ имеет право иметь любое законодательство, хорошее или плохое, при условии, что оно разработано и принято конституционным путем через избранных представителей. Когда ему пришлось высказаться на тему допустимости ограничения свободы слова, он выдвинул концепцию «явной и непосредственной опасности» (“clear and present danger”) в качестве единственной причины для введения такого ограничения. Эта точка зрения отражена в его работе «Путь права» (1987), где, в духе господствовавшего в то время прагматизма, он заявил, что объектом изучения права является «прогнозирование масштабов публичной силы через суд» [33]. Для того чтобы понять право как таковое, человек должен отказаться от моральных и чисто формальных соображений и посмотреть на себя как на внеморального субъекта, которого волнуют только те материальные выгоды или потери, о которых ему может рассказать такое знание.

Опрос об отношении австралийского сообщества к конфиденциальности Управления Австралийского комиссара по информации (OAIC) (Australian Community Attitudes to Privacy Survey of the Office of the Australian Information Commissioner, OAIC), опубликованный в августе 2023 года, показал, что 62 % австралийцев считают защиту своей личной информации серьезной проблемой, в то время как более четверти назвали видеонаблюдение со стороны австралийских организаций одним из самых больших рисков для конфиденциальности, с которыми они

сталкиваются сегодня. В 2022 году стало известно, что магазины Kmart и Bunnings использовали технологию распознавания лиц в своих помещениях, что в настоящее время является предметом официального расследования OAIC [44]. Председатель Австралийского фонда конфиденциальности Дэвид Вейл отмечает: «Как только вы начинаете использовать системы видеонаблюдения или любой другой вид визуализации, они получают исходные данные, на основе которых могут быть применены различные биометрические механизмы. Это не просто распознавание лиц или радужной оболочки глаза; это может быть распознавание походки или голоса, в зависимости от того, что улавливает датчик... Вы не знаете, что делает компания, поэтому вы даже не можете решить, не хотите ли вы быть параноиком»³.

Последний аргумент о распознавании не только лица, но и всей внешности таит в себе опасность для ОАЭ и других арабских и мусульманских стран, регионов и территорий. Ношение абайи и хиджаба до сих пор считается показателем статуса женщины в этих местах и вызывает уважение [15]. Тем не менее это также означает, что при использовании камер видеонаблюдения нужно обращать внимание на внешний вид женщины в целом, а не только на их лица. Полностью идентифицированная таким образом внешность женщины создает дополнительные риски, такие как вероятность создания дипфейк-видео, ставящих женщин в унижительные или опасные для жизни ситуации, связанные с восточными традициями, такие как супружеская измена или добрачный секс⁴.

В связи с этим, предвзято то, о чем будет сказано ниже, отметим, что с развитием генеративного ИИ, способного генерировать или модифицировать аудио- и видеоконтент, который никогда не записывался, и достижениями в области глубокого обучения дипфейки (обработанное изображение, видео или аудиозапись, предназначенные для создания реалистичных изображений людей, которые на самом деле ничего не говорили или вообще никогда не существовали [47]) стали реальностью как никогда раньше. Нет необходимости говорить, что дипфейки могут стать серьезной угрозой, если их использовать для распространения фейковых СМИ и информации, нанесения ущерба репутации отдельных лиц, компаний или стран, фабрикация доказательств и клеветы, а также других злонамеренных и вредоносных действий. Таким образом, согласно законодательству ОАЭ это во многом зависит от того, что влечет за собой использование и влияние дипфейка.

¹ Amnesty International launches worldwide campaign to ban the use of facial recognition systems. URL: <https://turaz.ru/v-mire/amnesty-international-nacinaet-vsemirnuiu-kampaniiu-za-zapret-ispolzovaniia-sistem-raspoznaniia-lic>

² Ibid.

³ Australian Retailers' Scaling of Surveillance Brings Data Privacy, Security Risks. URL: <https://usanews.com/surveillance-impact-australia>

⁴ Главврач дагестанской больницы ушел в отставку после сексуального скандала. 2025. URL: <https://rtvi.com/news/glavvrach-dagestanskoy-bolniczy-uvoliisya-posle-seks-skandala/?ysclid=m77knmec1e597356346>

В той мере, в какой дипфейки приводят к клевете, Федеральный декрет-закон № 31 2021 года, промульгирующий Закон о преступлениях и наказаниях (Уголовный кодекс ОАЭ)¹, предусматривает наказание за такие действия по статьям 425 или 426 в зависимости от эффекта дипфейка, что может привести к тюремному заключению или штрафу.

Когда клевета (диффамация, англ. *defamation*) осуществляется с помощью цифровых средств, как в случае с дипфейком, статья 44 Закона ОАЭ о киберпреступлениях увеличивает срок лишения свободы до одного года и/или предусматривает наложение штрафа в размере от 250 до 500 тыс. дирхамов ОАЭ [43].

Вместе с тем происходящий сейчас поворот к обществу видеонаблюдения оспаривается по многим причинам. Общедоступные источники² говорят, что с юридической точки зрения проблема массового видеонаблюдения заключается в том, что такое видеонаблюдение не является ни строго необходимой, ни пропорциональной процедурой в демократическом обществе. Совместимы ли возникающие в результате видеонаблюдения нарушения неприкосновенности частной жизни и других прав человека с демократическими обществами? Есть ли альтернативные способы формирования системы безопасности? Часто существуют менее инвазивные альтернативы. И даже там, где их может и не быть, возникает вопрос о том, сможет ли демократическое общество выжить под постоянным наблюдением. Обязательно ли безопасность зависит от видеонаблюдения? Можно ли добиться

большей безопасности, отказавшись от гражданских свобод, необходимо ли вообще видеонаблюдение и согласны ли граждане на этот компромисс (сделку, англ. *trade-off*)?

Stricto sensu массовое видеонаблюдение препятствует разделению властей, поскольку исполнительная власть способна осуществлять свою деятельность без достаточно строгого надзора со стороны двух других ветвей власти – законодательной и судебной. Полномочия по массовому видеонаблюдению не имеют эффективного независимого разрешения, поскольку вопрос возможности видеонаблюдения решается в массовом порядке, а не в отношении каждого случая правонарушения. Это создает атмосферу угроз и подозрений, несовместимую с демократическими ценностями и принципами, где в глазах государства все люди становятся виновными, пока их невиновность не доказана. В результате массовое видеонаблюдение влияет на другие права и свободы человека, поскольку необоснованное вмешательство в частную жизнь препятствует осуществлению других прав и часто открывает путь к нарушению прав человека, включая свободу собраний, свободу выражения мнений, свободу передвижения, принцип недискриминации, а также политическое участие (вовлеченность в политические процессы, такие как выборы и др.)³.

Проанализируем позитивные и негативные аспекты массового видеонаблюдения (табл. 1).

Таблица 1

Преимущества и недостатки массового видеонаблюдения⁴

Преимущества видеонаблюдения	Недостатки видеонаблюдения
Предупреждение преступности и безопасность: – видеонаблюдение может выявить умышленные преступные деяния; – помогает правоохранительным органам пресекать преступную деятельность в общественных, частных и коммерческих пространствах, отслеживая подозрительную деятельность и предоставляя данные в режиме реального времени с помощью долгосрочного мониторинга; – предоставляет доказательства для раскрытия преступлений, в том числе по делам о кражах и терроризме	Предупреждение преступности и безопасность: сила предопределения: – необходимо учитывать различные мотивы для совершения преступления, – требуется принимать во внимание разные мотивы отказа от совершения преступления (пример: кинофильм «Особое мнение» (2002)⁵ Руководитель «предпреступного» отдела, работники которого на основе психических технологий и с помощью специальной программы могут узнавать о еще не совершенных убийствах и арестовать подозреваемого еще до совершения им преступления, Джон Эндертон сам оказывается подозреваемым в убийстве человека, которого пока он даже не знает, но который ранее похитил и убил его маленького сына. Эндертон желает отомстить, но как руководитель отдела желает также и доказать, что человек сам управляет собой и своей жизнью и отказывается от совершения преступления и передает преступника в руки правосудия)

¹ Federal Decree-Law No. (31) of 2021 Promulgating the Crimes and Penalties Law (UAE Penal Code). URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1529/download>

² См., например: Mass Surveillance. URL: <https://privacyinternational.org/learn/mass-surveillance>

³ Mass Surveillance. URL: <https://privacyinternational.org/learn/mass-surveillance>

⁴ Таблица составлена авторами.

⁵ Фильм «Особое мнение» (Minority Report). 2002. США. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/496/?utm_referrer=www.google.com

Преимущества видеонаблюдения	Недостатки видеонаблюдения
Общественная безопасность: – наблюдение и мониторинг мест общего пользования обеспечивает безопасность граждан, особенно в местах с интенсивным движением, таких как торговые центры, улицы и парки, а также на объектах, подлежащих охране, таких как банки и выставочные залы, подземные паркинги (где часто происходят преступления), вдоль дорог для контроля несанкционированной парковки и на различных предприятиях - горнодобывающих, производственных – в рамках системы «Безопасный город» (например, в России)¹; – видеонаблюдение помогает выявлять потенциальные угрозы, такие как деструктивное поведение или политические беспорядки, и управлять ими, а также обеспечивает более быструю обработку и доступность информации, улучшая реагирование на инциденты безопасности. Так, южноафриканская компания Drone Guards получила сертификат, позволяющий ее беспилотникам летать днем и ночью над пригородами, дорогами, зданиями и людьми, а также следить за порядком в жилых кварталах южноафриканских населенных пунктов. Видеопоток с беспилотных летательных аппаратов передается в режиме реального времени в центр управления. В течение 10 лет компания намерена нанять «сотни операторов» для мониторинга домов, шахт, ферм и других территорий и т. д.	Сдерживающий эффект на общественное взаимодействие в результате нарушения неприкосновенности частной жизни: – люди могут избегать общественных мест из-за страха быть под наблюдением, сокращая: 1) свободное и открытое социальное взаимодействие, 2) политические и общественные собрания, – постоянный контроль создает у человека ощущение, что за ним постоянно наблюдают, что приводит к самоцензуре и изменению поведения, – кроме того, технологии видеонаблюдения, такие как камеры видеонаблюдения с замкнутым контуром (closed-circuit cameras – тип камеры наблюдения, которая передает видеосигналы на определенный набор мониторов или видеозаписывающих устройств, а не транслирует видео по общедоступным вещательным каналам), часто работают без ведома или согласия отдельных лиц, нарушая их право на неприкосновенность частной жизни
Экономические выгоды: – безопасные и контролируемые коммерческие зоны привлекают бизнес и покупателей, повышая экономическую активность; – наблюдение за рабочими местами может повысить производительность труда сотрудников, способствуя экономическому росту, но, на наш взгляд, зависит от вида деятельности – для сборочной линии или тому подобного может быть это и целесообразно, но это точно не стимул для высококвалифицированных специалистов	Расходы на оборудование и инфраструктуру видеонаблюдения, обучение специалистов, работающих с таким оборудованием, препятствование деятельности профсоюза: – австралийские супермаркеты объявили о крупных инвестициях в видеонаблюдение после всплеска краж в магазинах: Woolworths заявила, что инвестирует 40 млн долл. в модернизацию систем видеонаблюдения, нательные камеры и носимые устройства для борьбы с кражами и агрессией по отношению к персоналу; руководство Coles подтвердило, что будет инвестировать в различные меры, такие как «умные» двери для ограничения краж и т. д. [44], – что касается рабочего пространства, отметим, что согласно исследовательскому документу, опубликованному Институтом открытых рынков (Open Markets Institute), Amazon обвиняли в использовании технологий видеонаблюдения для препятствования усилиям по объединению в профсоюзы и повышения производительности труда сотрудников [29]

¹ «Безопасный город» – это набор технических и программных средств для совместной работы городских управлений и служб по предупреждению и ликвидации последствий аварий, наносящих вред природе или человеку. К ним относятся аварии на электросетях и системах водоснабжения, выбросы опасных химических веществ, лесные пожары, затопления жилых кварталов и многое другое. См., например, как устроен агропромышленный комплекс «Безопасный город»? 27 июля 2022 года. URL: <https://coreclass.tech/ru/news/kak-ustroen-apk-bezopasnyy-gorod>

Существует мнение, что если человек добровольно соглашается на видеонаблюдение, то он также добровольно ограничивает свою свободу и вправе ожидать за это выгоды – как минимум то, что такое видеонаблюдение не будет применено против него, даже в суде (спорный момент), в данном случае такое ограничение соответствует духу свободы. Однако если лицо, давшее согласие на видеонаблюдение, наказывают за добровольное ограничение своей свободы, то это акт обмана. Представляется, что не все так однозначно. Могло ли помочь / помогло ли видеонаблюдение в ставших известными нам резонансных случаях [16]? При любых условиях наблюдение должно иметь целью обеспечение безопасности. Иными словами, безопасно это или опасно, полезно или бесполезно – зависит от цели действия. Например, почему в США были сняты ограничения на ИИ? Почему ИИ может навредить людям? Зачем военному роботу убивать? И т. д. Постановка целей становится самым важным.

В свете вышеизложенного считаем целесообразным и полезным выделить несколько европейских и традиционных исламских концепций власти и государства, которые тесно переплетены в правовой традиции и практике ОАЭ. Это идея культуры консенсуса в контексте теорий общественного договора английских философов Томаса Гоббса (1588–1679) и Джона Локка (1632–1704), учения которых сыграли важную роль в формировании европейского господства, включая колониальное присутствие Англии в Персидском заливе, особенно в ОАЭ (предмет анализа в данной статье), в виде договоров, подобных Морскому перемирию 1835 года (1835 Maritime Truce) [40], основанных на *согласии, для поддержания порядка и контроля*, а также вопрос об исламском государстве и его природе, который обеспечивает основу для подчинения тех, кто управляется их правителем, в рамках концепции халифата (табл. 2) [2; 22].

Концепция общественного договора уходит корнями в культуру согласия, где соглашение составляет основу единого сообщества. Эта культура уравновешивает подавление отдельных частей целым с сохранением гармоничных различий. Общественный договор – это официальное соглашение, которое разрешает конфликты и устанавливает взаимные обязательства. Он служит программой взаимодействия, развития и поддержания согласия, а различные формы (например, договоры, пакты) отражают его культурное значение [14].

И Гоббс, и Локк стремились понять условия, необходимые для достижения согласия и гармонии в обществе. В то время как Гоббс подчеркивал необходимость сильного суверена для поддержания порядка, Локк выступал за ограниченную власть правительства и народный суверенитет.

В общественном договоре Т. Гоббса, разъясняемом в его работе «Левиафан, или Материя, форма и

власть государства церковного и гражданского», свобода с ее постоянным приглашением к локальному конфликту и, в конечном счете, к тотальной войне – «войне всех против всех» – переоценена в традиционной политической философии и общественном мнении. Для людей лучше передать право управления собой суверену, таким образом, *многие (большинство) обменивают свободу на безопасность (the many trade liberty for safety)*, чтобы избежать хаоса. Они заключают общественный договор, отказываясь от своих естественных прав в пользу органа власти (суверена, государства) ради мира и безопасности. Гоббс рассматривал государство как творение человека, необходимое для культуры, где власть государя обеспечивает порядок и защищает общество. Но как только это право передается, оно становится абсолютным, если только многие (большинство) не чувствуют, что такая передача угрожает их жизни [14; 32; 46].

Философия Локка, зародившаяся в недрах протестантской христианской морали, и его значение как политического философа заключается в аргументах Второго трактата его «Двух трактатов о правлении» 1690 года [36]. Он начинает с того, что определяет политическую власть как право издавать законы, предусматривающие смертную казнь, а следовательно, и все меньшие наказания для регулирования и сохранения собственности, а также использовать силу общества (community) для исполнения таких законов и для защиты государства (Commonwealth) от иностранного вреда (foreign injury), и всё это только *для общественного блага (public good)*.

Власть для Локка никогда не означает просто «способность», а всегда «морально санкционированную способность», поскольку Локк подробно излагает свое понятие собственности, которое имеет центральное значение для его политической теории.

Каждый человек, согласно Локку, *обладает собственностью на свою личность (own person), то есть каждый человек в буквальном смысле владеет своим телом (each person literally owns his or her own body)*. В этом «естественном состоянии» люди полностью свободны. Но эта свобода не является состоянием полной вседозволенности, потому что она установлена в рамках закона природы. Это состояние равенства, которое само по себе является центральным элементом теории Локка. *Другие люди не могут использовать тело человека в каких-либо целях без его разрешения. Но человек может приобрести собственность за пределами своего собственного тела с помощью труда*¹.

Смешивая свой труд с предметами в мире, человек приобретает право на плоды этого труда. Если труд человека превращает бесплодное поле в посеvy или кучу дров в дом, то ценный продукт этого труда, урожай или дом, становится его собственностью. Таким образом, каждый человек имеет право на такую часть продукта своего труда, какая ему

¹ В настоящее время правильно говорить о том, что работник продает не себя, а свою способность к труду.

необходима для выживания. Но, по мнению Локка, нужно делиться им с теми, кому повезло меньше. Бог «дал мир людям общим... использовать с максимальной пользой для жизни и удобства» (God has “given the World to Men in common...to make use of to the best advantage of Life, and convenience”).

При таком естественном состоянии очевидно, что предоставление права на наказание каждому человеку может привести к несправедливости и насилию.

Это можно исправить, если люди заключат договор друг с другом о признании по общему согласию гражданского правительства, обладающего полномочиями по обеспечению соблюдения законов природы среди граждан этого государства. Хотя любой договор является законным до тех пор, пока он не нарушает закон природы, часто случается, что договор может быть приведен в исполнение только в том случае, если существует некая высшая человеческая власть, требующая его соблюдения. Таким образом, должно произойти разделение законодательной, исполнительной и судебной властей. Законодательный орган является центральным, но он не может создавать законы, нарушающие закон природы, потому что соблюдение естественного закона в отношении жизни, свободы и собственности является обоснованием всей этой системы. Законы должны справедливо применяться ко всем гражданам и не отдавать предпочтение определенным групповым интересам.

Первостепенной функцией общества является создание рамок, в которых законные контракты, добровольно заключенные, могут быть исполнены, а такое положение дел гораздо труднее гарантировать в естественном состоянии и за пределами гражданского общества. В обществе, созданном общественным договором, должна преобладать воля большинства (majority), подчиняющаяся закону природы. Законодательная власть может, с согласия большинства, вводить такие налоги, которые необходимы для достижения целей государства, включая, конечно, и его оборону. Если исполнительная власть не обеспечивает условий, при которых народ может пользоваться своими правами по естественному праву, то народ имеет право сместить ее, в случае необходимости – силой. Таким образом, революция в крайнем случае допустима¹.

Именно в этих идеях, изложенных выше, в обоих случаях можно найти обоснование допустимости видеонаблюдения и ограничения неприкосновенности частной жизни.

Что касается концепции халифата, то главное заключается в том, что «Исламское государство» базируется на системе, легитимность которой дана Богом. А халиф, как правитель, обязан гарантировать защиту исламских ценностей и позволить всем мусульманам жить по исламским правилам [34].

Применительно к внутригосударственным делам в середине мая 2011 года Управление фетв, являющееся официальным государственным учреждением Египта, опубликовало специальную фетву² № 3759 по вопросу «Халифат и исламские государства» [20]³. В формальном смысле эта фетва была ответом на вопрос, заданный Управлению. Это не единственная попытка ответить на этот вопрос с современной точки зрения. Так, в 1926 году в Каире состоялась «Конференция Халифата» (“Conference of the Caliphate”), в которой приняли участие 38 делегатов из разных стран и председательствовал шейх аль-Азхар. Участники обсудили природу халифата, необходимость его существования в исламе, принципы выбора халифа, а также возможность восстановления халифа [34].

В фетве № 3759 ставится вопрос о том, осталось ли после Османского халифата государство, которое можно считать исламским, и как следует оценивать обязанности шариата по отношению к решениям правителей в вопросах, относящихся как к загробной, так и к светской жизни [20].

В своей фетве этот официальный центр шариатской мысли в ведущей арабской стране повторяет известное определение халифата как силы, которая в каком-то смысле заменяет авторитет шариата (то есть Аллаха) в реализации интересов религии и светских дел.

Ссылаясь на выдающегося мусульманского ученого Ибн Хальдуна, документ видит цель халифата в том, чтобы направлять всех по пути, указанному шариатом, как в отношении будущей жизни, так и в отношении мирской жизни.

Халифат – это институт, на который Аллах возлагает функцию сохранения религии и управления мирскими делами в соответствии со Своими заповедями. Его создание является обязанностью мусульманской общины, которая нуждается в ком-то для решения этих двух видов вопросов (в отношении загробной и мирской жизни). Через этот институт Аллах защищает людей от произвольных решений, продвигает их интересы и искореняет зло. В суннитской исламской традиции было принято решение о необходимости создания имамата. Со временем в исламской

¹ Two Treatises of Government work by Locke. URL: <https://www.britannica.com/topic/Two-Treatises-of-Government>

² Фетва – это форма толкования мусульманского права. В самом общем виде под ней понимается заключение, данное муфтием относительно оценки ситуации с позиций шариата и фикха. См. [21].

³ Для сравнения: в конце июня 2014 года Абу Бакр аль-Багдади, лидер того, что должно было стать ДАИШ или Исламским государством, объявил в главной мечети Мосула о создании «исламского халифата» с самим собой в качестве халифа. С его созданием, объявил он, разделение Ближнего Востока, навязанное региону соглашением Сайкса-Пико 1916 г., было прекращено, и на смену ему пришел территориально безграничный халифат для всех мусульман. См.: Abstract & Joffé, George. States and Caliphates. См. [26].

мысли сложилось детальное понимание руководства халифата, которое представляет собой руководство мусульманского правителя, обеспечивающего торжество религии и реализующего требования Сунны. Эти обязанности возлагаются на тех, кто может их выполнить. *Исламский правитель необходим для предотвращения хаоса, и ему должна подчиняться вся мусульманская община.*

После того как исламское правительство пережило трудные времена и периоды слабости в Средние века, в том числе в эпоху возникновения таких государственных образований, как султанаты и эмираты, образовались отдельные государства, которые не были связаны с халифом и назывались эмиратами или даже независимыми халифатами. Эти государства, по сути, заняли место единого халифата в его первоначальном понимании, в том числе выполняя все его религиозные и политические функции. Несмотря на внешние сходства, Ибн Хальдун отмечал, что эти государства являются монархиями по форме и, следовательно, отходят от принципов истинного халифата, как их изображает исламская правовая мысль. Самое главное, что власть в этих государствах основывалась уже не на религии, а на военной силе и клановой преданности. Формальное упразднение халифата в 1925 году и создание множества независимых государств со своими конституциями и правовыми системами юридически привели к ситуации, сопоставимой со средневековой как в политическом отношении, так и с точки зрения характера власти внутри каждого государства. Сделан вывод, что *каждое из этих современных государств можно считать эмиратом, управляемым по законам шариата, которым подчиняются граждане, до тех пор, пока власти не требуют от них совершения каких-либо действий, которые считаются греховными с точки зрения ислама.*

Вообще, согласно законам шариата правители из разных регионов лучше всего действуют под верховной властью одного лидера – халифа. Однако, даже если халифат в этом смысле невозможен, это не отменяет необходимости или легитимности власти правителей в реальных государствах. *Главы современных исламских государств выступают в качестве верховных лидеров. Если они не сохраняют свои позиции, это приведет к хаосу и разрушениям для страны и ее народа.* Это противоречит целям Аллаха, который стремится защитить религию, жизнь, разум, честь, достоинство и собственность.

Если на практике существуют институты власти, которые не вписываются в первоначальные рамки закона шариата, но необходимы для поддержания исламских ценностей и реализации целей шариата, то такая власть считается частью шариата в силу своего существования и выполнения этих функций. Шариат первоначально считал этот порядок неприемлемым, но принял его как фактический результат исторического развития исламских держав. При такой оценке учитывается принцип фикха (исламской

юриспруденции): то, что ранее было запрещено как институт, становится допустимым как то, что уже существует и продолжает существовать. Например, это правило распространяется на отношение к правителям, узурпировавшим власть. Суннитские мусульманские правоведы пришли к единодушному выводу о необходимости подчиняться правителям, не вести против них джихад, признавать созданные ими институты (в том числе суды) и назначаемых ими чиновников. Также следует исполнять судебные решения, принятые от имени таких правителей, если их полномочия установлены [20].

Тут следует отметить, что исламские религиозные законы предписывают соблюдать сам принцип выборности первого лица государства, но не определяют ни количество выборщиков, ни схему избрания. Другими словами, если халиф или иной исламский правитель назначает при жизни своего преемника, считается, что в целом демократическая процедура соблюдена. Данный принцип в исламской политической доктрине носит название «ихтияр». Также считается важным, чтобы население согласилось с выбором монарха. Оно изъявляет свою волю путем принесения клятвы новому правителю – это «байя», второй принцип, на котором должен держаться халифат.

Согласно суннитской доктрине халифат не является теократическим государством, поскольку глава его, халиф, не контактирует с Богом и не может вносить изменения в установленные свыше законы. Халифы издают законы, которые имеют исключительно светский характер [8].

Если правитель несправедлив, всё равно должно ему подчиняться, потому что повиновение лучше, чем противостояние, так как последнее может привести к кровопролитию и хаосу. Более того, даже правителю, который не отличился справедливостью, нужно подчиняться, если это предотвращает более серьезные потери от анархии, отсутствия правовых институтов и неумения защитить права. Упущения, связанные с этими потерями, причиняют больше вреда, чем подчинение несправедливому органу. Однако есть одно исключение: когда правительство впадает в полное неверие, не следует подчиняться правителю. Более того, каждый обязан противостоять лидеру, который отклоняется от веры [20].

Как нам удалось установить, в отличие от исторической ориентации Египта на халифат как на политический и религиозный идеал, в ОАЭ нет конкретной фетвы в отношении халифата. Религиозный дискурс ОАЭ подчеркивает национальное единство, стабильность, приверженность исламским принципам в рамках современного государства и открытость (например, ст. 1 («ОАЭ состоят из следующих эмиратов: Абу-Даби, Дубай, Шарджа, Аджман, Умм-эль-Кувейн, Фуджейра и Рас-эль-Хайма»), ст. 2 («...ОАЭ имеют суверенитет над всей территорией и территориальными водами, лежащими в пределах международных границ, входящих в состав Эмиратов»)),

ст. 7 («Ислам является официальной религией ОАЭ. Исламский шариат является основным источником законодательства в ОАЭ»), ст. 1 («Любое другое независимое арабское государство может, при условии единогласного одобрения Федерального Верховного Совета, присоединиться к ОАЭ») и др.). Но в то же время люди знакомы с такими идеями, чему способствует сотрудничество ОАЭ по вопросам, связанным с фетвами. Например, муфтий Египта Шауки Аллам (Shawqi Allam) участвовал в конференциях ОАЭ, таких как Международная конференция Совета ОАЭ по фетвам в ноябре 2023 года, которая проходила в течение двух дней под патронажем министра иностранных дел ОАЭ шейха Абдуллы бин Заида Аль Нахайяна¹. С одной стороны, такой подход подчеркивает роль ОАЭ в продвижении диалога по вопросам исламского управления и современных вызовов, а также в укреплении взаимопонимания. Тем не менее фетвы ОАЭ, издаваемые Советом фетв ОАЭ, единственным органом, уполномоченным издавать их в соответствии с *Федеральным законом № 3 2024 года о Совете фетв Эмиратов*², как правило,

сосредоточены на современных проблемах, таких как устойчивое развитие, искусственный интеллект и экологическая этика [50]. Это отражает дальновидный подход ОАЭ. Так, с другой стороны, государственный министр ОАЭ по искусственному интеллекту, цифровой экономике и удаленной работе Омар бин Султан аль-Олама в тот же день обратился к ученым, исследователям и интеллектуалам со всего мира, предложив фетву о том, как ИИ и роботы должны использоваться для служения людям. Он отметил: «Это значимая встреча, которая важна для региона <...> Здесь, в ОАЭ, мы создаем системы, которые отвечают нашим религиозным и культурным потребностям и удовлетворяют наши традиционные потребности». При этом министр подчеркнул, что необходимо решить вопросы, вызываемые новейшими достижениями, с помощью законов шариата: «Мы должны обсудить, как наилучшим образом использовать эти технологии <...>. Нам нужны правила и положения о том, как применять их на службе людей. <...> Мы видим, что технология искусственного интеллекта меняет мир»³.

Таблица 2

Сравнение конституционных рамок ОАЭ (основанных на шариате и исламской политической теории) с западными теориями общественного договора (Гоббс и Локк), с акцентом на их подходах к управлению, правам личности и законности и легитимности повелений правителя⁴

1. Основания власти	
<i>Исламский контекст (шариат и халифат):</i>	<i>Западный общественный договор (Гоббс/Локк):</i>
– Источник легитимности: власть проистекает из божественного мандата (заповедей Аллаха). Халифату предназначено поддерживать двойную цель шариата: защищать религию и управлять мирскими делами. – Система, основанная на обязательствах: шариат ставит обязанности выше прав (например, повиновение правителям, даже если он несправедлив, для предотвращения хаоса,). – Современная адаптация: после 1925 года независимые мусульманские государства (такие как ОАЭ) считаются легитимными, если они поддерживают исламские ценности, даже если у них нет халифа. Структуры власти принимаются населением прагматично в соответствии с принципами фикха (например, терпимость к узурпаторам во избежание анархии)	– Источник легитимности: власть проистекает из человеческого согласия. «Левиафан» Гоббса ставит во главу угла абсолютную власть суверена в вопросах безопасности; в «Двух трактатах» Локка легитимность основывается на защите естественных прав (жизни, свободы, собственности). – Система, основанная на правах: Локк подчеркивает индивидуальные свободы и ограничения государственной власти; Гоббс предлагает обменять свободу на безопасность
Сходство: оба контекста отдают приоритет стабильности (предотвращению хаоса) в качестве основной цели. Различие: исламская легитимность божественна, в то время как западная легитимность светская (основана на согласии людей)	

¹ Gazette Staff. Egypt's mufti to participate in 2nd int'l conf. on fatwa in UAE. URL: <https://egyptian-gazette.com/egypt/egypts-mufti-to-participate-in-2nd-intl-conf-on-fatwa-in-uae/>

² Federal Law No. (3) of 2024 regarding the Emirates Fatwa Council. URL: <https://fatwauae.gov.ae/en/evaluation>. Нарушителям этого Закона грозит штраф в размере от 10 000 до 200 000 дирхамов, а также потенциальное закрытие за религиозное руководство без разрешения.

³ UAE minister proposes fatwa on how AI, robots should be used to serve people. He said that there was a need to look at these latest developments with Shariah law. URL: https://www.khaleejtimes.com/uae/uae-minister-proposes-fatwa-on-how-ai-robots-should-be-used-to-serve-people?_refresh=true

⁴ Таблица составлена авторами.

2. Философские основы согласия	
Исламский «общественный договор»	Гоббс/Локк:
Божественный завет: правители и управляемые связаны шариатом, а не взаимным согласием, а позже – клятвой подданных легитимно избранному правителю. Например, Морское перемирие 1835 года отражает прагматичные соглашения, но ему не хватает народного суверенитета Локка	Согласие, ориентированное на человека: власть возникает из коллективного договора (суверен Гоббса, правило большинства Локка)
Сходство: обе системы используют договорные аналогии для объяснения управления, но их основа различна. Различие: исламское «согласие» является теологическим (подчинение воле Аллаха, затем – клятва); западное согласие является светским (основанным на согласии людей)	
3. Права и обязанности	
Исламская перспектива:	Западная перспектива:
– Сосредоточенность на обязанностях: Шариат связывает людей обязательствами (например, подчинение правителям, соблюдение религиозных норм). Но решение суда Кувейта 2009 года (нет обязанности ношения хиджаба для женщин-депутатов) демонстрирует гибкость, так как шариат является источником законодательства, не подлежащим прямому применению. – Гармония в обществе: права личности (например, свобода слова и т. д.) вторичны по отношению к поддержанию общественного порядка и исламских ценностей	– Естественные права: теория Локка сосредоточена на неотъемлемых правах (собственность, свобода). Правительства существуют для защиты этих прав; революция допустима, если реализация этих прав потерпит неудачу. – Индивидуализм: права универсальны и предшествуют социальным структурам (например, «естественное состояние» Локка предоставляет неотъемлемые свободы)
Сходство: обе системы признают ограничения свободы (например, «закон природы» Локка, моральные ограничения шариата). Различие: ислам отдает приоритет общественным обязанностям , а Запад ставит во главу угла права личности	
4. Государственное управление и верховенство права	
Исламская структура:	Западная структура:
– Модель халифата: идеальный правитель обеспечивает справедливость и применяет шариат. – Гибкость: рассматривая шариат как источник законодательства, но не применяя его напрямую, современные правители ОАЭ видятся как выполняющие эту функцию (правителя), прагматично легитимируя светские законы, которые соответствуют целям шариата, что уравнивает шариат с современным управлением	– Разделение властей: Локк выступает за законодательную, исполнительную и судебную ветви власти для предотвращения тирании. – Верховенство закона: законы должны соответствовать естественным правам (Локк) или суверенной воле (Гоббс)
Сходство: обе системы ценят правовые институты для обеспечения порядка. Различие: исламское право богодухновенно, но гибко за счет принятия правителями светских законов; западное право изначально создано человеком, но должно отвечать ряду условий	
5. Права человека на практике	
Пример ОАЭ/Кувейта:	Западный контекст:
– Права женщин: Решение Верховного Суда Кувейта от 2009 года (нет запрета на отсутствие хиджаба для женщин-депутатов) отражает косвенную роль шариата. Прогресс происходит постепенно и обуславливается культурой (например, хиджаб как личный выбор). – Неприкосновенность частной жизни против видеонаблюдения: видеонаблюдение в ОАЭ с помощью искусственного интеллекта оправдано ради общественной безопасности (сродни «Левиафану» Гоббса, в отличие от акцента Локка на неприкосновенности частной жизни)	– Обеспечение соблюдения прав: правовые системы отдают приоритет индивидуальным правам при реализации полномочий государства (например, суды могут отменять законы, вторгающиеся в личные границы человека)
Сходство: и Запад, и Восток пытаются найти баланс между безопасностью и свободой. Различие: баланс в ОАЭ склоняется в сторону государственной власти ; западные системы отдают предпочтение индивидуальной автономии	

6. Ответ несправедливым правителям	
Исламская юриспруденция:	Теория Локка:
– Приоритет повиновения над восстанием: суннитские правоведы предписывают подчиняться несправедливым правителям, если они полностью не отвергают ислам (например, фетва № 3759). – Прагматизм: историческое принятие неидеальных правителей (например, средневековых султанов) во избежание хаоса	– Право на революцию (восстание): граждане могут свергать правительства, нарушающие естественные права
Сходство: оба подхода допускают несовершенство власти для предотвращения анархии. Различие: ислам разрешает восстание только за вероотступничество; Локк разрешает это за нарушение прав	

Учитывая вышесказанное, констатируем, что рассмотренный выше вопрос подводит нас к следующему вопросу – проблеме свободы выражения мнений и мониторинга с помощью ИИ.

**Проблема свободы выражения мнений
и мониторинг с помощью ИИ**

Согласно отчету Европейского центра за демократию и права человека (European Centre for Democracy and Human Rights, ECDHR), «в 2023 году ОАЭ заняли 145-е место из 180 стран в Мировом индексе свободы прессы, который измеряет свободу СМИ в соответствующих странах. Позиция ОАЭ опустилась на 7 позиций по сравнению с предыдущим годом и на 26 позиций с 2019 года...»¹.

8 мая 2024 г. в ОАЭ состоялось рассмотрение четвертого цикла Универсального периодического обзора (Universal Periodic Review, UPR/УПО)². Отчет Рабочей группы за 2023 год содержал множество рекомендаций относительно права или его отсутствия на свободу выражения мнений, в то время как только четыре из них касались законов ОАЭ о киберпреступности и кибернадзоре. Коста-Рика рекомендовала ОАЭ прекратить все операции по кибермониторингу и слежке, запретить использование шпионского программного обеспечения (ПО) и внести поправки в законы о киберпреступности. США и Швейцария не упомянули киберслежку, но рекомендовали ОАЭ внести поправки в свой закон о киберпреступности, чтобы привести его в соответствие с международным правом и включить в него право на свободу выражения мнений в Интернете. Другие страны, такие как Аргентина, Австрия, Бельгия, Канада и Эстония, выступили с рекомендациями в отношении СМИ и свободы в Интернете, в частности, о защите прав правозащитников и журналистов³.

Обозначенный вопрос обеспокоенности не уникален для ОАЭ и является предметом озабоченности в любой стране, применяющей ИИ для видеонаблюдения и мониторинга в сети Интернет. Потому есть опасения, что алгоритмы ИИ могут быть использованы для мониторинга онлайн-активности и ограничения свободы выражения мнений. Например, применение ИИ для мониторинга общественного поведения может привести к потенциальному превышению полномочий, если его не регулировать должным образом. Системы модерации контента на основе искусственного интеллекта могут помечать или подвергать цензуре высказывания, критикующие правительство.

Дело в том, что технологии искусственного интеллекта, такие как машинное обучение, обработка естественного языка и глубокое обучение, революционизируют кибербезопасность. Они обеспечивают более быстрое, точное и упреждающее обнаружение угроз и реагирование на них. Например, обнаружение и предотвращение угроз обрабатывается с помощью алгоритма обнаружения аномалий, когда такие алгоритмы ИИ анализируют сетевой трафик и поведение пользователей для выявления необычных шаблонов, которые могут указывать на кибератаки, такие как вредоносное ПО, фишинг или внутренние угрозы. Предиктивная аналитика используется, когда ИИ прогнозирует потенциальные уязвимости и векторы атак, анализируя «исторические» данные (предыдущие киберинциденты) и тенденции, а мониторинг применяется системами на базе ИИ для работы с сетями и системами в режиме 24/7, обеспечивая оповещения о подозрительных действиях в режиме реального времени.

Таким образом, обозначенная выше правовая база, связанная с видеонаблюдением и неприкосновенностью частной жизни, должна быть расширена путем добавления следующих актов и документов.

¹ Cyber Surveillance in the United Arab Emirates: Updated Assessment. URL: <https://usercontent.one/wp/www.ecdhr.org/wp-content/uploads/2024/05/Cyber-Surveillance-in-the-UAE.pdf?media=1714728641>

² Универсальный периодический обзор (УПО) – это процесс, посредством которого всем государствам – членам ООН предоставляется возможность ознакомиться с положением в области прав человека во всех других государствах-членах.

³ Cyber Surveillance in the United Arab Emirates: Updated Assessment. URL: <https://usercontent.one/wp/www.ecdhr.org/wp-content/uploads/2024/05/Cyber-Surveillance-in-the-UAE.pdf?media=1714728641>

Национальная стратегия кибербезопасности ОАЭ 2025–2031 года, о которой было объявлено 10–17 февраля 2025 г., с инвестициями в размере 2 млрд долл. для улучшения инфраструктуры кибербезопасности и цифровой трансформации [12]. Стратегия, основанная на пяти ключевых столпах, направлена на обеспечение безопасного и быстрого распространения инноваций, создание безопасной, устойчивой и надежной цифровой среды, защиту критически важной инфраструктуры и укрепление национальной экономики. Совет по кибербезопасности (Cybersecurity Council) также завершает разработку новых политик и стандартов для улучшения соблюдения нормативных требований и мер безопасности. Стоит отметить, что это не новая идея для ОАЭ. Данная стратегия была первоначально предложена Регулирующим органом в области телекоммуникаций и цифрового правительства (Telecommunications and Digital Government Regulatory Authority), отвечающим за сектор ИКТ и цифровую трансформацию в стране, в июне 2019 года¹ на три года для создания устойчивой и безопасной цифровой основы в ОАЭ, позволяющей людям реализовывать свои амбиции и способствующей росту бизнеса.

Арабская хартия прав человека², которую ОАЭ ратифицировали и которая предоставляет право на неприкосновенность частной жизни и свободу жителям и гражданам Эмиратов.

В статье 1 Федерального декрета-закона № 1 (34) от 2021 года «О противодействии слухам и киберпреступлениям» дается расплывчатое определение *противоправного контента (illegal content)*, которое включает в себя всё, что «может снизить доверие общественности к любому государственному органу».

Это определение означает, что любое высказывание в Интернете, критикующее правительство, считается незаконным и направлено против правозащитников и противников правительства. Кроме того, *распространение ложной информации* («ложные данные» (*false data*) в соответствии со ст. 1), именуемой «слухами» (*rumours*) в настоящем Декрете-законе, через социальные сети влечет за собой наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет и штрафа в размере до 500 тыс. дирхамов (128 тыс. евро), в то время как статья 20 предусматривает наказание до пожизненного заключения для любых пользователей сети Интернет, которые «выступают за свержение, изменение или узурпацию системы государственного управления в государстве,

или препятствование положениям Конституции или действующего законодательства, или противодействие фундаментальным принципам, на которых основана система государственного управления»³.

Некоторые *российские* примеры сетей/организаций, которые сегодня участвуют в отслеживании деструктивного контента:

– интеллектуальная система слежения за противоправным контентом в Интернете «Окулус», запущенная Федеральным государственным унитарным предприятием «Главный радиочастотный центр»⁴ («ГРЧЦ»)⁵, который подчиняется Роскомнадзору. Эта система предназначена для выявления нарушений законов посредством изображений и видео путем распознавания изображений и символики, выявления противоправных сцен и действий, анализа текста на фото и видео, автоматического выявления нарушений, таких как экстремистская тематика, призывы к незаконным мероприятиям, суицидальный контент, пропаганда наркотиков, пропаганда ЛГБТ и другие запрещенные действия;

– Центр изучения и мониторинга молодежной среды (АНО «ЦИСМ») – аккредитованная Президентом России IT-компания, созданная в октябре 2018 г. для формирования комплексной системы защиты детей и подростков от воздействия негативной информации в цифровом пространстве. Благодаря разработанным методикам и собственным исследованиям специалисты организации создают и внедряют IT-решения для выявления контента, связанного с суицидальными мыслями, распространением криминальных субкультур и других деструктивных тенденций среди молодежи. Для решения поставленных задач Центр взаимодействует с Роскомнадзором, Министерством образования, Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, правоохранительными и иными органами. Ежедневно АНО «ЦИСМ» собирает и обрабатывает огромные объемы текста⁶ и т. д.

Таким образом, подход (технический и т. д.), используемый для отслеживания такого контента, становится ключевым, так как всё важное значение приобретает распознавание образов и смыслов. Как мы уже писали ранее, вместо устаревшего и неэффективного подхода простой проверки на наличие определенных последовательностей слов в научных работах российской системе «Антиплагиат» требуется алгоритм распознавания нового знания, новых решений различных

¹ National Cybersecurity strategy 2019. URL: <https://tdra.gov.ae/en/national-cybersecurity-strategy>

² Arab Charter on Human Rights 2004. URL: https://www.eods.eu/library/LAS_Arab%20Charter%20on%20Human%20Rights_2004_EN.pdf

³ Cyber Surveillance in the United Arab Emirates: Updated Assessment. URL: <https://usercontent.one/wp/www.ecdhr.org/wp-content/uploads/2024/05/Cyber-Surveillance-in-the-UAE.pdf?media=1714728641>

⁴ URL: <https://grfc.ru/eng/?eng>

⁵ СМИ: Роскомнадзор запустил интеллектуальную систему отслеживания противоправного контента в интернете Oculus. URL: <https://habr.com/ru/news/716464/>

⁶ Об организации. URL: <https://www.cism-ms.ru/ob-organizatsii/>

проблем [10]. Что касается прогнозирования преступности, то оно связано с предвидением, расчетом вероятностных изменений, тенденций и закономерностей будущей преступной деятельности и является одной из целей криминологических исследований. Преступность можно рассматривать на трех уровнях: свойства преступности как массового явления, свойства преступника, признаки преступного деяния. Если перейти с этого общего уровня на практический, то следует отметить, что для того чтобы ответить на вопросы о том, является ли семантическая структура в Интернете социально опасной, содержит ли признаки противоправности, интеллектуальным системам (алгоритмам искусственного интеллекта), необходимо оценить не только смысл текста, но и все события, связанные с размещением этого текста. Например, им нужно проанализировать всю информацию, размещенную на предполагаемой странице преступника в социальной сети, и его социальные связи. Более того, одна и та же информация может иметь разное значение в зависимости от контекста. Например, *Я убью тебя* может быть как образным выражением, так и угрозой. Чтобы определить, является ли угроза реальной, интеллектуальные системы должны проанализировать множество данных, оставленных человеком, разместившим текст, – его цифровой след и др. В этом случае результаты работы интеллектуальной системы отвечают требованиям к смысловой интерпретации обстоятельств криминальной ситуации, неразрывно связанной со всей информацией о деле. Нельзя исключать ошибки при оценке данных [10].

В дополнение к указанным выше другие правонарушения в соответствии с *Законом ОАЭ о киберпреступлениях*, которые потенциально имеют отношение к *дипфейкам* (в зависимости от обстоятельств), включают вымогательство, угрозы и/или распространение слухов и фейковых новостей, которые влекут за собой значительные уголовные наказания. Интересно, что статья 54 конкретно квалифицирует в качестве преступления создание или модификацию «электронных роботов» (определяемых просто как электронная программа, созданная или модифицированная для эффективного и быстрого выполнения автоматизированных задач) с целью публикации, повторной публикации или распространения поддельных данных или новостей (или даже просто предоставления возможности другим делать то же самое, что потенциально может иметь последствия для платформ, распространяющих такой контент). Эти деяния влекут наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет и штрафа в размере от 100 тыс. до 1 млн дирхамов ОАЭ.

Статья 58 Закона ОАЭ о киберпреступлениях распространяет указанные наказания на лиц, де-факто отвечающих за управление юридическими лицами, которые принимали участие в любом из упомянутых преступлений, если (а) такие лица знали о совершенных деяниях и (б) совершению таких преступлений способствовало нарушение ими своих обязанностей по управлению. Юридическое лицо, о котором идет речь, считается, в соответствии с теми же положениями, несущим солидарную ответственность при уплате штрафов и претерпевании иных мер ответственности, если противоправное деяние совершено сотрудником такого юридического лица от имени и в пользу этого юридического лица. Во всех таких случаях статья 59 Закона ОАЭ о киберпреступлениях позволяет судам ОАЭ закрыть или заблокировать любой сайт, нарушающий правила (например, сайт или сервис, на котором размещен такой дипфейк). Другими словами, ответственность за дипфейки может распространяться на вовлеченные юридические лица и, возможно, на их руководство.

Если потерпевший желает обратиться за помощью в соответствии с упомянутыми уголовными мерами, процедура начинается с сообщения о проблеме в соответствующее управление полиции (Police Directorate) в Эмирате, где такие лица имеют местонахождение, например, в полицию Дубая, полицию Абу-Даби и т. д. (это управление затем рассмотрит и, возможно, передаст вопрос в орган Прокуратуры в соответствующем Эмирате – например, Прокуратуру Дубая, Прокуратуру Абу-Даби и т. д.).

В соответствии с Федеральным законом № 5 от 1985 года о принятии Закона о гражданских сделках Объединенных Арабских Эмиратов¹ статья 292 позволяет потерпевшему потенциально требовать возмещения убытков в качестве компенсации за совершенное правонарушение или причиненный вред (который потенциально может включать упущенную выгоду) путем подачи иска в суд Эмирата по его местонахождению и в зависимости от того, какое воздействие оказал дипфейк [43].

Имеются случаи, которые иллюстрируют негативное влияние такого онлайн-мониторинга (слежки). Например, согласно вышеупомянутому докладу ECDHR «наиболее примечательной схемой стала схема, когда в 2016 и 2017 годах ОАЭ наняли бывших сотрудников Агентства национальной безопасности США и ЦРУ для работы в эмиратской фирме по кибербезопасности DarkMatter, чтобы взломать телефоны сотен правозащитников и политических оппонентов»².

DarkMatter была основана в 2015 году и предоставляла такие услуги, как безопасная связь, решения для кибербезопасности и сбор разведданных для

¹ Federal Law No. (5) of 1985 concerning the issuance of the civil transactions law of the United Arab Emirates. URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1025/download>

² Cyber Surveillance in the United Arab Emirates: Updated Assessment. URL: <https://usercontent.one/wp/www.ecdhr.org/wp-content/uploads/2024/05/Cyber-Surveillance-in-the-UAE.pdf?media=1714728641>

защиты правительства, организаций и критически важной инфраструктуры от киберугроз. Позже она столкнулась с обвинениями в использовании бывших агентов разведки (в том числе из АНБ и ЦРУ) для разработки передовых средств видеонаблюдения (advanced surveillance tools). Сообщается, что эти средства применялись для видеонаблюдения за активистами, журналистами и политическими диссидентами.

Второй случай также хорошо известен и связан с проектом Raven (специальная программа видеонаблюдения, управляемая DarkMatter), который начался в 2009 году, когда ОАЭ заключили контракт с американской фирмой по кибербезопасности Cyberpoint для обучения и поддержки ОАЭ в повышении качества их кибербезопасности и взаимосвязи с DarkMatter.

Дело в том, что в конце 2015 года проект Raven был поглощен DarkMatter вместе с тремя бывшими сотрудниками Разведывательного сообщества США (United States Intelligence Community,USIC¹), которые предоставляли желающим американские шпионские технологии и информацию без разрешения Правительства США. В результате в ходе проекта Raven незаконно использовались технологии, такие как шпионский инструмент Кагма, чтобы помочь Правительству ОАЭ следить за людьми и организациями, в том числе американцами.

В период с 2015 по 2019 год команда проекта Raven взломала телефоны бесчисленного количества людей и передала информацию правительству. Например, одна из ее жертв, Луджайн аль-Хатлул, подала в суд на DarkMatter Group (дело Al-Hathloul v. DarkMatter Group). Луджайн аль-Хатлул – саудовская активистка за права женщин, данные которой были в результате хакерской атаки по запросу Правительства ОАЭ переданы ему командой проекта Raven. DarkMatter взломал ее iPhone, чтобы прочитать переписку и определить местонахождение, что привело к ее задержанию в мае 2018 года по обвинению в нарушении закона Саудовской Аравии о борьбе с терроризмом. Она была экстрадирована в Саудовскую Аравию, где позже была заключена в тюрьму, подвергнута пыткам и пятилетнему запрету на выезд. После масштабных кампаний в ее защиту и работы адвокатов в феврале 2021 года она была освобождена из тюрьмы, хотя запрет на выезд из страны, который должен был закончиться 13 сентября 2023 г., остается в силе.

Что касается трех бывших сотрудниковUSIC – Марка Байера, Райана Адамса и Даниэля Герике, то они предстали перед судом США по обвинению в заговоре, которое включает в себя нарушение законов США об экспортном контроле и компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях. Помимо

того, что это был один из немногих случаев, когда бывшие сотрудники разведки США были привлечены к ответственности за хакерство, это был первый случай, когда ведомство использовало нарушение Международных правил торговли оружием (International Traffic in Arms Regulations,ITAR) для предъявления обвинения в хакерских атаках, демонстрируя серьезность совершенных ими деяний.

После того как в 2019 году агентство Reuters раскрыло DarkMatter, фирма была реорганизована, чтобы сосредоточиться исключительно на защитной кибердеятельности. В 2021 году защитная деятельность DarkMatter против кибератак была передана Digital14, а в 2022 году деятельность по кибернаблюдению и шпионскому программному обеспечению была передана Cyber Protection X Holdings (CPX). Таким образом, хотя DarkMatter больше не существует в том же качестве, есть информация, что технологии и знания, накопленные ею за годы, были перераспределены между другими фирмами, и, таким образом, суть ее остается той же².

Другим примером является случай, который иллюстрирует негативное влияние отсутствия надзора, но выводы, сделанные из него, могут иметь положительные последствия. По данным Forbes за октябрь 2021 года, группа киберпреступников в ОАЭ использовала технологию дипфейков для ограбления банка, в результате которого было переведено в общей сложности 35 млн долл. из страны на счета по всему миру [41]. В этом случае преступники использовали программное обеспечение для создания дипфейков, чтобы воспроизвести голос руководителя крупной компании (подробная информация о компании, используемом программном обеспечении и записях для обучения указанного программного обеспечения, по-видимому, недоступна). Затем они звонили менеджеру банка, с которым у руководителя ранее были отношения, то есть менеджер банка знал голос руководителя. Самозванцы также отправляли поддельные электронные письма менеджеру банка, подтверждающие детали запрашиваемых транзакций. Когда «руководитель» попросил менеджера разрешить перевод миллионов долларов между счетами, менеджер, с учетом электронных писем и знакомого голоса, не увидел никаких проблем в том, чтобы сделать это. Мошенничество имело место в январе 2020 года, но соответствующий документ, в котором официальные лица ОАЭ просят следователей в США помочь отследить 400 тыс. долл. украденных денег, которые поступили на банковские счета в банке Centennial, появился много позже.

¹ Разведывательное сообщество США – собирательный термин для обозначения 17 отдельных правительственных учреждений США, перед которыми стоит задача сбора информации и ведения разведывательной деятельности в интересах США.

² Cyber Surveillance in the United Arab Emirates: Updated Assessment. URL: <https://usercontent.one/wp/www.ecdhr.org/wp-content/uploads/2024/05/Cyber-Surveillance-in-the-UAE.pdf?media=1714728641>

**Проблема предвзятости и дискриминации,
включая влияние ИИ и автоматизации
на права работников**

Следующий вопрос, требующий подробного анализа, – это *проблема предвзятости и дискриминации*. Системы искусственного интеллекта, особенно те, которые используются при приеме на работу, в правоохранительных органах или в сфере обслуживания клиентов, могут закреплять предвзятое отношение к людям с другой внешностью или цветом кожи, которые якобы нарушают законы, критикуют политику правительства и т. д. Если эти системы не разработаны тщательно и не обучены на основе непредвзятых данных, они могут отдавать предпочтение определенным демографическим группам. Так, в 2018 году Amazon отказалась от инструмента найма на работу на основе алгоритмов ИИ, потому что он дискриминировал женщин, так как данные, на которых он был обучен, отражали доминирование мужчин в технологической отрасли. Дело в том, что команда разработчиков с 2014 года создавала компьютерные программы для проверки резюме соискателей с целью автоматизации поиска лучших талантов. Компьютерные модели Amazon были обучены на «исторических» данных о найме, которые использовались для проверки кандидатов на основе шаблонов в резюме, представленных в компанию за предшествующий 10-летний период. Большинство этих резюме поступило за указанный период от мужчин, что отражало мужское доминирование в технологической отрасли на тот момент времени [27].

Эта проблема включает в себя также проблему реализации прав работников в свете автоматизации, поскольку ОАЭ продвигают искусственный интеллект и автоматизацию в таких отраслях, как строительство, гостиничный бизнес и транспорт (например, роботы и автоматизированные системы используются на строительных площадках, складах и даже в обслуживании клиентов). Это может повлиять на права низкоквалифицированных работников. По мере того как машины и системы искусственного интеллекта берут на себя повторяющиеся и ручные задачи, спрос на низкоквалифицированных работников может снизиться, что приведет к потере рабочих мест или сокращению возможностей для работников. Даже на должностях, где автоматизация дополняет человеческий труд, заработная плата низкоквалифицированных работников может стагнировать, поскольку их задачи становятся менее важными для различных операций в широком масштабе. Автоматизация может привести к вытеснению работников с их рабочих мест без адекватных программ (пере)обучения, особенно для трудовых мигрантов, которые составляют значительную часть рабочей силы ОАЭ и могут пострадать непропорционально сильно.

Дело в том, что население ОАЭ на 1 июля 2024 г. составляло 11 027 129¹ человек, увеличившись с 298 тыс. человек в 1970 году. К 2010 году население составляло 4,5 млн человек, из которых 90 % – арабы, остальные прибыли из Пакистана, Индии и других стран Южной Азии. С 1990 года иммиграция является основным фактором роста населения, и в 2013 году иммигранты составили большую часть общей численности населения. Поэтому в 2008 году был учрежден «Диалог Абу-Даби» как международная организация по миграции [7]. Он объединил одиннадцать стран происхождения (Вьетнам, Китай, Пакистан, Филиппины, Индонезию, Афганистан, Непал, Таиланд, Бангладеш и Индию) и семь азиатских направлений (Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия, ОАЭ и Йемен). Целью была выработка совместного подхода к временной трудовой миграции в Азии [25]. Большинство мигрантов в страны Персидского залива были мужчинами, но за последние десятилетия доля женщин увеличилась. Иммигранты из Азии, Ближнего Востока и Северной Африки доминировали в секторах, где есть спрос на низкоквалифицированную рабочую силу. Большинство иностранных рабочих заняты в низкоквалифицированных секторах услуг, регион также привлек высококвалифицированных работников из стран Организации экономического сотрудничества и развития. Десять лет назад иммигранты составляли 13 % всех иностранных работников в нефтегазовом секторе, образовании, сфере финансов и инвестиций (в Канаде – 21 % иммигрантов, в то время как в Австралии – 27 %) [25]. Доля мигрантов в обществе сегодня – около 90 % [6].

Мигранты потенциально подвержены риску неправильного распознавания лиц. По данным Science Daily, группа исследователей из Массачусетского технологического института (MIT) и Стэнфорда, изучив несколько коммерческих алгоритмов искусственного интеллекта для распознавания лиц, обнаружила признаки сексизма и расизма. Исследование показало, что при анализе фотографий белых мужчин алгоритмы неправильно определяли пол только в 0,8 % случаев. В случае с чернокожими женщинами процент ошибок составил около 30 %. Джой Буоламвини, исследователь из Массачусетского технологического института, собрала 1200 фотографий разных людей, в основном женщин с темной кожей. Затем она использовала шкалу Фитцпатрика (рис. 3), чтобы классифицировать фотографии по шести категориям, где I – самый светлый тип кожи, а VI – самый темный тип кожи. В результате оказалось, что для женщин с темной кожей, с оценкой IV, V или VI по шкале Фитцпатрика, частота ошибок составила 20,8; 34,5 и 34,7 % соответственно. Таким образом, в отношении более темных типов кожи ИИ чаще допускает ошибки при их выявлении. При работе с изображениями мужчин со светлой кожей погрешность не превышала 0,8 % [13].

¹ Population of United Arab Emirates. URL: <https://database.earth/population/united-arab-emirates>

² How to Determine Your Skin Type on the Fitzpatrick Scale. URL: <https://www.newbeauty.com/how-to-use-fitzpatrick-scale/>

Рис. 3. Цвета кожи по шкале Фитцпатрика¹

Эти наблюдения не являются единичными. Системы ИИ, обученные в одном культурном контексте, могут плохо работать в других, что приводит к дискриминации людей из разных слоев общества. Генри Ган, инженер-программист в Gfycat, рассказал, что летом 2017 года программное обеспечение идентифицировало большинство его коллег с точностью 90 %, но столкнулось с трудностями в распознавании лиц одной группы. «Лица некоторых наших сотрудников из Азии были искажены. Это было странно, потому что программа правильно идентифицировала других». Крупные компании также сталкиваются с подобными проблемами. Microsoft и IBM утверждают, что лица белых мужчин идентифицируются с точностью 95 %, а лица чернокожих женщин – в 10 раз хуже. Тем не менее не существует единого стандарта для устранения предвзятости в нейросетях. «Многие компании сейчас относятся к этому серьезно, но пока нет руководства о том, как это исправить», – отмечает Меридит Уиттакер, генеральный директор AI Now¹.

Второй аспект выявленной проблемы – влияние искусственного интеллекта и автоматизации на права низкоквалифицированных работников, что связано с необходимостью защиты прав мигрантов. Такая защита реализуется как в общем контексте защиты прав человека, так и на универсальном и региональном уровнях с использованием международно-правовых механизмов, таких как рассмотрение индивидуальных жалоб в Комитете по правам человека ООН (UN Human Rights Committee) и судебное разбирательство в Европейском суде по правам человека (European Court of Human Rights). Из общих прав мигрантов наиболее значимыми являются свобода передвижения и запрет на дискриминацию. Особые права касаются в первую очередь трудовых мигрантов. В связи с этим существует ряд документов, разработанных Международной организацией труда (МОТ)², а также Международная конвенция о защите

прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей³, принятая в 1990 году. Эта конвенция устанавливает основные права и свободы человека, которыми должны пользоваться все трудящиеся-мигранты и члены их семей, а также определяет права трудящихся, в том числе мигрантов с постоянным статусом [11].

В исламском шариате существуют принципы и руководящие указания, защищающие права работников, такие как справедливая и своевременная заработная плата, безопасные и гуманные условия труда, запрет эксплуатации и принудительного труда. Однако реализация этих принципов зависит от правовой и судебной системы каждой страны.

Информация о регулировании трудовых отношений в ОАЭ, как в этом, так и в других ракурсах, доступна в отечественных и зарубежных открытых источниках⁴ [1; 17; 23; 42; 49].

Согласно статье 20 Конституции 1971 года: «Обществу надлежит ценить труд как краеугольный камень своего развития. Общество должно предоставлять рабочие места гражданам, делать их квалифицированными для этой работы и создавать надлежащие условия для работы путем принятия законодательства, защищающего права работников и интересы работодателей в свете передового международного трудового законодательства». Статья 33 затрагивает вопрос о свободе собраний и гласит: «Свобода собраний и создания ассоциаций гарантируется в соответствии с законом». В статье 34 закреплено следующее: «Гражданин свободен в выборе своей работы, профессии или занятия в соответствии с законом, регулирующим такие профессии и занятия. Лицо не может быть привлечено к принудительному труду, за исключением случаев, предусмотренных законом, и при условии, что такое лицо получает вознаграждение за такой труд. Человек не может быть порабощен». Статья 35 гласит: «Дверь для занятия государственной должности открыта для всех

¹ How Coders Are Fighting Bias in Facial Recognition Software. Facial recognition systems are better at identifying whites than people of other ethnic groups. Companies like Gfycat are trying to fix the problem. 2018. URL: <https://www.wired.com/story/how-coders-are-fighting-bias-in-facial-recognition-software/>

² URL: <https://www.ilo.org/>

³ International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families (Adopted by General Assembly resolution 45/158 of 18 December 1990). URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_45_158.pdf

⁴ Трудовое право в ОАЭ. URL: <https://www.uae-consulting.com/publikaczii/stati/trudovoj-kodeks-i-normyi-v-dubae-yuridicheskie-i-normativnyie-aktyi-i.html?ysclid=m7gazbefno547939857>; Features of the UAE labor legislation. URL: <https://www.businessmirates.ae/content/pr/1916/10816>

граждан на основе равных условий и в соответствии с положениями Закона. Государственная должность – это государственная служба, возложенная на лицо, занимающее эту должность. Государственный служащий при исполнении своих обязанностей должен стремиться к достижению только общественных интересов». Как мы видим, адресатами этих регламентов являются *граждане ОАЭ*. Следует ли из этого, что мигранты, которые прибывают и остаются в стране, не подпадают под действие правил? Согласно статье 121 Конституции ОАЭ обладают исключительной законодательной юрисдикцией в сфере трудовых отношений и социального обеспечения. Так, принят и действует ряд федеральных декретов-законов.

1. Федеральный Декрет-закон № 27 от 2018 года «О равенстве в оплате труда мужчин и женщин¹, принятый в соответствии с целью правительства по защите прав женщин и поддержке их роли в процессе национального развития», в котором говорится: «Правительство не может дискриминировать или проводить различия между работниками по признаку пола в отношении размера заработной платы, выплачиваемой любому работнику на одном и том же уровне должности, *если нет других причин, требующих иного, таких как академическая квалификация, специализация, профессиональные навыки, опыт или компетенции*» (курсив наш. – Е. А., К. Б.).

2. Федеральный Декрет-закон № 33 от 2021 года «О регулировании трудовых отношений»² (Трудовой закон ОАЭ), который обеспечивает эффективность рынка труда ОАЭ путем поддержки навыков будущего и привлечения и удержания талантов будущего, а также предоставления привлекательной деловой среды для работодателей, с целью предоставления обеим сторонам возможности внести свой вклад в достижение национальных целей развития ОАЭ (ст. 2(1)). Положения Трудового закона ОАЭ распространяются на все предприятия, работодателей и работников в частном секторе ОАЭ (ст. 3(1)).

Согласно Трудовому закону ОАЭ работником является любое физическое лицо, уполномоченное Министерством работать в одном из лицензированных учреждений в государстве (*licensed establishments in the State*) [в Объединенных Арабских Эмиратах. – Е. А., К. Б.] под надзором и руководством работодателя.

Лицензированные учреждения в государстве, по нашему мнению, понимаются в рамках трудового законодательства ОАЭ, которое применяется ко всем сотрудникам, работающим в ОАЭ, независимо от

того, являются ли они гражданами ОАЭ или экспатриантами, и не распространяется на сотрудников или работников федерального или местного правительства, вооруженных сил, органов полиции или безопасности, домашней прислуги³. Закон также не включает: 1) предприятия, которые принадлежат и управляются физическим лицом с лицензией на торговлю (*trade licence*), выданной на собственное имя такого лица и называемой «Единоличным учреждением» (*Sole Establishment*) (или «Единоличным предпринимателем» – *Sole Proprietorship*), 2) любые коммерческие предприятия (*any commercial businesses*), действующие в соответствии с положениями Федерального декрета-закона № 32 2021 года о коммерческих компаниях⁴ (Закон ОАЭ о коммерческих компаниях), 3) учреждения, которые предоставляют профессиональные услуги, не являются коммерческими предприятиями и изъяты из-под сферы действия этого Закона 2021 года, но должны иметь лицензию соответствующего департамента экономического развития Эмирата, включая учреждения, принадлежащие иностранным гражданам⁵.

Таким образом, статья 4 «Равенство и недискриминация» предусматривает следующее. 1. Запрещается всякая дискриминация по признаку расы, цвета кожи, пола, религии, национального или социального происхождения или инвалидности, которая сводит на нет или ущемляет равенство возможностей или наносит ущерб равному обращению при приеме на работу, сохранении работы и пользовании ее благами. Работодателям запрещено дискриминировать работников на работах, связанных с аналогичными задачами. 2. Правила и положения, направленные на расширение участия граждан ОАЭ на рынке труда, не являются дискриминацией. 3. Без ущерба для прав, установленных для работающих женщин, предусмотренных настоящим Законом, к работающим женщинам применяются все положения, регулирующие использование труда работников без какой-либо дискриминации. 4. Женщине предоставляется заработная плата, равная заработной плате мужчины, если она выполняет ту же работу или другую работу равной ценности. Постановлением Кабинета министров по предложению министра издаются процедуры, сроки и стандарты, необходимые для оценки равноценного труда.

В соответствии со статьями 54 и 56 Трудового закона ОАЭ как индивидуальные, так и коллективные трудовые споры разрешаются Министерством человеческих ресурсов и эмиратизации (Ministry of

¹ Federal Decree-Law No. (27) of 2018 Concerning Equality in Wages between Men and Women. URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1104/download>

² Federal Decree-Law No. (33) of 2021 Regarding the Regulation of Employment Relationship and its amendments. URL: <https://www.mohre.gov.ae/handlers/download.ashx?YXNzZXQ9NjU5MA%3d%3d>

³ Employment laws and regulations. URL: <https://u.ae/en/information-and-services/jobs/employment-in-the-private-sector/employment-laws-and-regulations-in-the-private-sector>

⁴ Federal Decree Law No. (32) of 2021 on Commercial Companies. URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1542/download>.

⁵ About a UAE Sole Establishment or Sole Proprietorship. URL: <https://www.sovereigngroup.com/dubai/corporate-services/uae-establishment-or-sole-proprietorship/>

Human Resources and Emiratisation, MoHRE) путем мирного урегулирования (*amicable settlements*). Если попытки достичь такого урегулирования не увенчались успехом в сроки, предусмотренные указанным Декретом-законом (ст. 54), индивидуальный спор может быть передан на рассмотрение суда. Кабинет министров по предложению министра может образовать одну или несколько комиссий (комиссии по коллективным трудовым спорам) для рассмотрения коллективных споров, которые Министерство не в состоянии разрешить мирным путем.

3. Федеральный Декрет-закон № 9 от 2022 года «О домашних работниках¹», который устанавливает рамки трудовых отношений с домашними работниками, определяя обязанности сторон таким образом, чтобы обеспечить справедливый баланс между правами обеих сторон и поддерживать безопасную и здоровую рабочую среду для домашних работников в соответствии с местным законодательством и международными соглашениями.

Согласно статье 4(4) этого закона «следующие действия не должны совершаться работодателями и лицами, осуществляющими найм домашних работников, независимо от того, наняты ли те на временной или постоянной основе:

а) дискриминация в отношении домашних работников по признаку расы, цвета кожи, пола, религиозных убеждений, национальности, этнического происхождения или инвалидности, которая препятствует равенству возможностей или ущемляет адекватные возможности и права в области занятости,

б) любые формы сексуальных домогательств, совершенные в отношении домашней прислуги, будь то словесные или физические по своему характеру,

в) принудительный труд или любая другая практика, которая представляет собой торговлю людьми в соответствии с местными законами и соглашениями, ратифицированными государством».

В статье 23 указано: «В случае возникновения спора между работодателем и домашним работником, если обе стороны не могут прийти к мирному соглашению, спор должен быть передан на рассмотрение MoHRE». В противном случае применяются правила урегулирования индивидуальных трудовых споров, рассмотренные выше. Это обеспечивает официальный механизм недискриминационного обращения.

Что касается самой дискриминации, то здесь есть квалификационные требования, как показано выше, на примере защиты прав женщин через Федеральный декрет-закон № 27 2018 года о равной заработной плате для мужчин и женщин. Если женщина не соответствует квалификационным требованиям, то ее не примут на работу. Дискриминация – это несправедливое обращение по признакам, не связанным с компетенцией (раса, пол, возраст и т. д.). Если

работодатель отказывает кандидату из-за недостатка навыков, это не дискриминация, а вопрос профессиональной пригодности.

И возникает вопрос: а как быть с неравенством в возможностях получения образования – в школе, училище, колледже, институте, университете или через непрерывное образование? Например, человек из бедной семьи не смог получить необходимые навыки – это проблема социальной справедливости, а не личной «неудачи». Для ее решения необходимо сосредоточиться на расширении доступа к недорогому образованию и профессиональной подготовке.

Что касается «цифрового» аспекта дискриминации работников, особенно низкоквалифицированных, в связи с автоматизацией, то учитывая, что происходит со всем рынком интеллектуального труда (например, художниками, юристами, бухгалтерами и аудиторами, кассирами и т. д.) и рынком физического труда (например, строительными и сборочными рабочими, докерами и машинистами, шахтерами и т. д.), необходимо начать подготовку к глобальному дефициту рабочих мест. Например, по словам заместителя председателя правления Сбербанка Вадима Кулика, робот-юрист был запущен в 2016 году, а полная роботизация должна завершиться в первые месяцы 2017 года. Он сказал: «Это означает, что около 3000 специалистов, которые занимались письмами с жалобами, будут освобождены от выполнения именно этой задачи. У нас достаточно амбициозные планы. Мы планируем запустить роботов-юристов в ряде областей» [38].

В свою очередь, Waymo² (Феникс, Аризона, США), дочерняя компания Alphabet (Google до 2015 г.), в рамках своей идеи автономного сервиса такси Waymo в 2020 году запустила полностью автономный сервис вызова такси под названием Waymo One. Сервис работает без участия водителей в автомобиле, полностью полагаясь на искусственный интеллект и сенсорные технологии для навигации по дорогам, посадки пассажиров и высадки их в пунктах назначения. Этот сервис эффективно заменяет водителей-людей системами автономного вождения на основе искусственного интеллекта. Изначально на тестировании присутствовали операторы безопасности, но с тех пор Waymo перешла на полностью автономную работу на отдельных участках.

Еще один пример – DP World (Дубай)³, которая вкладывает значительные средства в цифровую трансформацию и находится на переднем крае инноваций в области портов и логистики, таких как порты DP World на основе искусственного интеллекта. Часто предпочитая быть «первой», когда дело доходит до использования новых технологий, DP World теперь имеет автономные внутренние терминальные транспортные средства (Autonomous Internal Terminal

¹ Federal Decree-Law No. (9) of 2022 Concerning Domestic Workers and its amendments. URL: <https://www.mohre.gov.ae/handlers/download.ashx?YXNzZXQ9NzExMA%3d%3d>.

² URL: <https://waymo.com/>.

³ URL: <https://www.linkedin.com/company/dp-world/>

Vehicles, AITV), полностью автоматизированный контейнерный терминал в порту Джебель-Али, моделирование цифровых двойников своих контейнерных портовых терминалов и использует широкий спектр новых технологий в своей деятельности, включая 5G, искусственный интеллект, большие данные, блокчейн, облачные приложения, IoT, робототехнику и продвинутую видеоаналитику.

В январе 2022 года DP World запустила новую цифровую платформу комплаенса и доходов CARGOES Customs, основанную на механизме управления рисками на основе искусственного интеллекта и интеллектуальной системе оценки. Являясь частью обширной внутренней платформы CARGOES, CARGOES Customs оптимизирует управление границами и сбор доходов, позволяя таможенным органам облегчать торговлю, обеспечивать безопасность глобальных цепочек поставок и повышать соблюдение нормативных требований.

Учитывая это, не стоит ли задать еще один вопрос: дискриминирует ли ИИ людей? Например, SFGate сообщает, что на фоне постоянно присутствующей напряженности между технологиями и рабочей силой стартап Artisan, базирующийся в Сан-Франциско, вызвал споры своей провокационной кампанией на рекламных щитах. Компания, в которой работает всего 30 сотрудников и которой меньше двух лет, обклеила город рекламой, критикующей работников и продвигающей своего «агента по продажам» на основе искусственного интеллекта под названием Artisan. На рекламных щитах изображена темноволосая женщина с фиолетовыми глазами и представлены смелые заявления: «Прекратите нанимать людей», «Artisans не будут жаловаться на баланс между работой и личной жизнью» и «Эра – сотрудники с искусственным интеллектом уже здесь» (рис. 4). Кампания вызвала резкую критику как со стороны местных жителей, так и со стороны онлайн-комментаторов, некоторые из которых назвали ее «антиутопическим кошмаром», а другие предложили сжечь ее рекламные щиты.

Рис. 4. Рекламный щит стартапа Artisan [39]

Выводы

Дискриминация – явление крайне отрицательное, однако в контексте применения технологий искусственного интеллекта и автоматизации замена человеческого труда роботами и алгоритмами связана не с предвзятым отношением к человеку, а с экономической адаптацией и эффективностью. История показывает, что технологии разрушают одни профессии, но создают новые – исчезли извозчики, появились IT-специалисты. Вместе с тем необходимо акцентировать внимание на адаптации людей к стремительно изменяющемуся миру, в том числе в контексте рынка труда. Уже сегодня важно развивать компетенции, дополняющие ИИ, такие как критическое мышление, эмоциональный интеллект и междисциплинарность. Возможно, в будущем даже в мире ИИ ценность «нетехнических» («человеческих» навыков) останется востребованной, спрос на них будет возрастать. К ним относятся психологи, специалисты по этике ИИ и эксперты в различных областях, такие как юристы по биоэтике – взаимодействию человека с ИИ, как доктор Кэлвин из фильма «Я, робот» (2004)¹, который стремится понять действия ИИ с точки зрения человека и закладывает этические основы для работы ИИ. «Экономика знаний подходит к концу», – отмечает Аниш Раман, директор по экономическим возможностям LinkedIn, поскольку искусственный интеллект разрушает глобальную рабочую силу. Вместо этого мы вступаем в «инновационную экономику», где ключевыми будут такие человеческие навыки, как креативность, любознательность, смелость, сострадание и общительность².

ИИ не дискриминирует людей, так как это по-прежнему инструмент, отражающий цели его создателей и владельцев. Проблема заключается в том, как он используется. Например, алгоритмы найма могут воспроизводить предвзятость данных, как мы отмечали ранее, а автоматизация может усугубить неравенство, если прибыль предназначена узкой группе бенефициаров.

Поскольку ИИ – это просто инструмент, эффективный инструмент, его не стоит сбрасывать со счетов, так как он не был нанят или не обратился в суд. Он оплачен, и создатель или владелец может просто отключить его. Инструменты не нуждаются в гарантиях, но они нуждаются в настройке или ремонте. Закон защищает инструменты не как людей, а как объекты.

Но мы, как общество, должны принять этическое решение: 1) допустить ли безграничную автоматизацию для повышения эффективности? 2) сохранить ли какие-то сферы занятости для человека, даже если рост замедлится? 3) перераспределить ли выгоды от технологий, например, через налоги на роботов или в виде базового дохода? Если общество будет игнорировать социальные последствия автоматизации, это усилит неравенство и породит кризисы.

¹ (I robot). США, Германия. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/4886/?ysclid=m94iuenvou379007949&utm_referrer=yandex.ru.

² «The Knowledge Economy is coming to an end» LinkedIn claims that these are the skills workers will need in the age of AI. 2025. URL: https://dzen.ru/a/Z7722upnOwByHzgq#ekonomika_znaniia_podhodit_k_koncy

Более того, ИИ, став сильным, будет просчитывать морально-этические дисбалансы замены человеческого труда на ИИ. Он увидит, какие страдания испытывают люди из разных стран, оказавшиеся в одинаковой ситуации потери работы, средств к существованию, безысходности, и задаст тем, кто это устроил, – идеологам и пропагандистам, адептам и руководителям (не обязательно тем, кто сегодня управляет этими процессами автоматизации) вопрос: как это можно было допустить?

ИИ всё еще слаб в эмпатии и принятии моральных решений. Например, когда вы спрашиваете ИИ (например, DeepSeeek): «Привет, дорогой, как дела?», ИИ в опции «DeepThink (R1)» думает так: «Хорошо, пользователь поприветствовал меня словами “Привет, дорогой, как дела”. Мне нужно тепло ответить. Во-первых, я должен принять их приветствие и выразить, что я здесь, чтобы помочь... Я должен сохранять дружелюбный и открытый тон, приглашая их задавать больше вопросов. Необходимо убедиться, что реакция положительная и доступная. Избегайте чрезмерной роботизированности. Используйте эмодзи, чтобы добавить тепла. Дайте им знать, что я готов помочь им во всем, что им нужно дальше...». Таким образом, эмоции по-прежнему являются «нишей» человека.

Как писал Юваль Н. Харари в своей книге «21 урок для XXI века» (2018), главный вопрос XXI века – как не быть бесполезным [30]. Например, он отмечает: «К 2050 году “бесполезный” класс (*‘useless’ class*) может появиться не только из-за абсолютного отсутствия рабочих мест или соответствующего образования, но и из-за недостаточной умственной выносливости» (с. 38). Или: «...Несмотря на появление множества новых рабочих мест для людей, мы, тем не менее, можем стать свидетелями подъема нового “бесполезного” класса» (с. 36). Или: «Эти два процесса вместе – биоинженерия в сочетании с развитием искусственного интеллекта – могут, таким образом, привести к разделению человечества на небольшой класс сверхлюдей и огромный низший класс бесполезных *Homo sapiens*» (с. 71) и т. д. Он появляется в главе под названием «Работа: когда вы вырастаете, у вас может не быть работы», где Харари обсуждает проблемы, связанные с автоматизацией, искусственным интеллектом и потенциальным устареванием человеческого труда. Автор утверждает, что по мере того, как ИИ и алгоритмы всё больше превосходят людей во многих задачах, общества должны бороться с экзистенциальным вопросом о том, как обеспечить сохранение цели и ценности человека. Он предупреждает о растущем «бесполезном классе» людей, которые могут остаться позади в экономическом и социальном плане, если не смогут адаптироваться к быстро меняющемуся технологическому ландшафту.

Хотя эта конкретная цитата взята из «21 урока», похожие идеи появляются в более ранней работе Харари «Homo Deus: Краткая история завтрашнего дня» (2016) [31], в которой исследуется долгосрочное будущее человечества, включая риски человеческой бесполезности в мире, управляемом искусственным интеллектом.

Вообще говоря, важно не противопоставлять «людей» и «ИИ», а искать симбиоз. Для этого нам понадобятся как минимум:

- инвестиции в образование и переподготовку;
- поощрение бизнеса к принятию «человеко-центричного» подхода к автоматизации, при котором технологии дополняют, а не заменяют работников или дают человеку социальные гарантии (например, базовый доход);
- этические рамки для разработки и внедрения ИИ;
- переоценка понятия «работа» – возможно, смысл жизни не в карьере, а в чём-то большем;
- разработка критериев оценки реальных способностей человека (каждый человек может делать больше, чем он думает, что может) в среде, где он действительно сможет их проявить (в привычной обстановке и т. д.).

Конечно, эти идеи вызывают вопросы:

- 1) как прокормить растущее население базовыми доходами?
- 2) полезен ли праздный образ жизни для человека?
- 3) связано ли снятие этических ограничений на развитие ИИ в США и Европе¹ с тем, что развитие ИИ на основе глубокого обучения зашло в тупик, и нужны новые подходы?

Эти вопросы, безусловно, приводят к необходимости новых ответов. Мы оставляем их для будущих исследований.

Заключение

Многие страны, использующие ИИ, пытаются найти баланс между инновациями и этическими проблемами. ОАЭ также активно решают эти проблемы в рамках своих инициатив по этике ИИ, но они нуждаются в дальнейшем обсуждении. Поэтому с учетом особенностей ОАЭ возникают следующие вопросы.

1. Может ли сочетание исламской юриспруденции и прагматичной современности в ОАЭ предложить уникальную модель для баланса традиций и инноваций в мире, управляемом искусственным интеллектом? Или же противоречие между божественным долгом и всеобщими правами потребует совершенно новых рамок?

2. Могут ли ОАЭ использовать свои исламские принципы справедливости и международные рамки в

¹ Трамп и Маск перешли все границы: в США работают над технологией истребления людей с помощью искусственного интеллекта. URL: <https://dzen.ru/a/Z6Nxc2vPGA6434AF>; «AI Action Summit». 2025. URL: <https://techcrunch.com/tag/france-ai-action-summit/>

области прав человека для создания модели, в которой ИИ будет справедливо служить всем гражданам и мигрантам? Или автоматизация, ориентированная на эффективность, увеличит существующие разрывы?

Ответ на эти вопросы зависит от проактивной политики, инклюзивных инноваций и глобального сотрудничества.

Библиографический список

1. Абдуллаев Э. Е. Общая характеристика источников трудового права Объединенных Арабских Эмиратов // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2012. № 2. С. 79–89.
2. Алексеев И. Л. Халифат. Новая российская энциклопедия. Т. 17 (2). М.: Энциклопедия, 2016. С. 168–169.
3. Амелин Р. В., Бевзюк Е. А., Волков Ю. В. и др. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (постатейно) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». 2014.
4. Антонов К. «Служка и шпионаж запрещены в исламе». Имам Казани выступает против видеонаблюдения в мечетях. 2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4019012?ysclid=m7adwsc4lg404577357>
5. В ОАЭ появится первый в регионе «Виртуальный адвокат» // Аравийский журнал. 2024. URL: <https://a-journal.info/2024/11/v-oae-poyavitsya-pervyj-v-regione-virtualnyj-yurist/>
6. Галифанов Р. Как ОАЭ стали страной, на 90% состоящей из мигрантов, и как с этим справляются власти? 2024. URL: <https://vc.ru/migration/1411137-kak-oae-stali-stranoi-na-90-sostoyashei-iz-migrantov-i-kak-vlasti-s-etim-spravlyayutsya?ysclid=m77msqteo1685295655>
7. Гребенчиков А. М., Хромова Н. Г. Экономическое взаимодействие между Индией и индийской диаспорой в странах Персидского залива: анализ и перспективы. URL: https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/mirec-03-2023_grebenchikov-khromova.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
8. Демиденко С. В. Халифат как мера всех вещей: к вопросу об изучении теории международных отношений через призму исламской религиозной традиции. // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 2. С. 34–59.
9. Дураев Т. А., Тюменева Н. В. Значение прав человека в исламском праве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». 2017. Т. 17, вып. 3. С. 352–358. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-352-358
10. Жарова А. К. Интеллектуальные системы распознавания изображений и смыслов в системе профилактики правонарушений // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. Т. 49 (2). С. 16–23. DOI: 10.17323/tis.2024.21708
11. Киселева Е. В. Основные формы межгосударственного сотрудничества в сфере миграции. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. № 3. С. 90–105.
12. Кудрявцев Ю. В. Власти ОАЭ запускают Национальную стратегию кибербезопасности. 2025. URL: <https://businessemirates.ae/news/uae-property-news/vlasti-oae-zapuskayut-natsional-nuyu-strategiyu-kiberbezopasnosti/>
13. Кузнецов В. Нейросети плохо распознают чернокожих мужчин и женщин. 2018. URL: <https://hi-news.ru/technology/iskusstvennyj-intellekt-okazalsya-seksistom-i-rasistom.html?ysclid=m77lqn1rnb932202543>
14. Меняева М. П. Идея культуры согласия в контексте теорий «Общественного договора» Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо // Социум и власть. 2015. № 1 (51). С. 115–120.
15. Митечкина А. «Абайя – это статус»: есть ли у женщин права и свободы в Дубае. URL: <https://forbes-ru.turbopages.org/forbes.ru/s/forbes-woman/490927-abaja-eto-status-est-li-u-zensin-v-dubae-prava-svobody>
16. Панина М., Нукунова С. Что случилось? Все подробности из суда. 2024. URL: <https://berdsk-online.ru/news/sobytiya/saltanat-nuknova-chto-sluchilos-vse-podrobnosti-iz-suda?ysclid=m92lgkpmjl500228348>
17. Разрешение трудовых споров в ОАЭ на примере дела Fox Legal. URL: https://zakon.ru/blog/2024/9/16/razreshenie-trudovyh-sporov_v_oae_na-primere_kejsa_fox_legal
18. Синченкова А. Налоги в ОАЭ: новые ставки и прежние льготы. 2024. URL: <https://pravo.ru/story/251683/?ysclid=m7rcni3ajp99587129>
19. Сильнова В. Искусственный интеллект защитит права потребителей в Дубае. В Дубае запустили новый интеллектуальный сервис для рассмотрения жалоб потребителей. // Русские Эмираты. 2018. URL: <https://russianemirates.com/news/uae-news/iskusstvennyj-intellekt-zashchitit-prava-potrebiteley-v-dubaye/>
20. Сукияйнен Л. Р. Исламское государство: правовые основы и современная практика: учеб. пособие. СПб., 2016. С. 60–65.
21. Сукияйнен Л. Р. Правовая энциклопедия / под ред. Б. Н. Топорнина. М.: Юрист, 2001. С. 1153–1156.
22. Сукияйнен Л. Р. Исламская концепция халифата: первоначальные принципы и современная интерпретация // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12, вып. 3. С. 139–154.
23. Тяжкина Е. Увольнение и трудовые споры в ОАЭ: опыт и рекомендации. URL: <https://vc.ru/u/2252502-evgeniya-tyazhkina/1074844-uvolnenie-i-trudovye-spory-v-oae-opyt-i-rekomendacii?ysclid=m7gapthlh164205834>
24. Шамсиева И. Искусственный интеллект в образовании: опыт ОАЭ // Sharq ma'shali. 2022. № 8. С. 124–130.

25. Юрков Д. В. Миграционная политика Объединенных Арабских Эмиратов: проблемы и перспективы // Бюллетень экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 150–155.
26. *Bordering the Middle East* / Edited by Meier D. Routledge, 2019. 152 p.
27. *Dastin J.* Insight - Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women. 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/world/insight-amazon-scraps-secret-ai-recruiting-tool-that-showed-bias-against-women-idUSKCN1MK0AG/>
28. *Dillet R.* As US and UK refuse to sign the Paris AI Action Summit statement, other countries commit to developing 'open, inclusive, ethical' AI. URL: <https://techcrunch.com/2025/02/11/as-us-and-uk-refuse-to-sign-ai-action-summit-statement-countries-fail-to-agree-on-the-basics/>
29. *Graziosi G.* Amazon uses worker surveillance to boost performance and stop staff joining unions, study says. The report calls for the National Labor Relations Board to prohibit invasive surveillance on workers // Independent. 2020. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/amazon-surveillance-unions-report-a9697861.html>
30. *Harari Y.* 21 Lessons for the 21st Century. London: Penguin Random House. 2018. 306 p.
31. *Harari Y. N.* Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. London: Harper Collins Publishers Ltd., 2016. 264 p.
32. *Hobbes T.* Leviathan, or the Matter, Form, and Power of the Ecclesiastical and Civil State. Moscow, 1991. URL: http://modernlib.ru/books/tomas_gobbs/leviafan_ili_materiya_forma_i_vlast_gosudarstva_cerkovnogo_i_grazhdanskogo/read/
33. *Holmes O.W.* The Path of Law. Harvard Law Review. 1897. № 10. Pp. 457–478. DOI: 10.2307/1322028.
34. *Karosanidze T., Narimanishvili G.* The concept of the «Islamic caliphate» since the Prophet Muhammad till «The Islamic State». 2022. URL: https://www.academia.edu/117356052/the_concept_of_the_islamic_caliphate_since_the_prophet_muhammad_till_the_islamic_state
35. *Langlois A.* Unpacking the UAE's New National Human Rights Institution / Gulf International Forum. URL: <https://gulfif.org/unpacking-the-uaes-new-national-human-rights-institution/>
36. *Locke J.* Two treatises on government; works in 3 Vol. Moscow, 1988. Vol. 3. Pp. 137–405.
37. *Malin C.* DP World's new AI-powered customs platform. // Middle East AI News. 2022. URL: <https://www.middleeastainews.com/p/dp-worlds-new-ai-powered-customs>
38. *Naumoff A.* Biggest Russian Bank to Replace 3,000 Employees with Robot Lawyer. 2017. URL: <https://cointelegraph.com/news/biggest-russian-bank-to-replace-3000-employees-with-robot-lawyer>
39. *Nolan L.* «Stop Hiring Humans»: AI Startup Shocks Silicon Valley with «Dystopian» Ad Campaign. 2024. URL: <https://www.breitbart.com/tech/2024/12/11/stop-hiring-humans-ai-startup-shocks-silicon-valley-with-dystopian-ad-campaign/>
40. *Onley J.* Britain and the Gulf Shaikhdoms, 1820–1971: The Politics of Protection / Center for International and Regional Studies. Georgetown University School of Foreign Service in Qatar. 2009. 54 p.
41. *Ramirez V. B.* AI-Savvy Criminals Clone Executive's Voice in \$35 Million Deepfake Bank Heist. URL: <https://singularityhub.com/2021/10/20/ai-savvy-criminals-pulled-off-a-35-million-deepfake-bank-heist/>
42. *Remmer N.* A rapid labor dispute resolution center has been opened in the UAE. URL: <https://russianemirates.family/news/family-news/v-oae-otkrylsya-tsentr-bystrogo-razresheniya-trudovykh-sporov/>
43. *Safar-Aly S.* What legal recourse do UAE residents have for deepfakes, voice theft or IP infringement by AI? What would such a lawsuit look like here in the UAE? URL: <https://insightplus.bakermckenzie.com/bm/data-technology/united-arab-emirates-deepfakes-and-the-use-of-artificial-intelligence-ai-legal-issues-and-considerations>
44. *Schultz A.* Up to 70 cameras watch you buy groceries. What happens to that footage? URL: <https://www.smh.com.au/national/nsw/up-to-70-cameras-watch-you-buy-groceries-what-happens-to-that-footage-20230819-p5dxtp.html>
45. *Shannon F.* 13 Cities Where Police Are Banned from Using Facial Recognition Tech. URL: <https://innotechtoday.com/13-cities-where-police-are-banned-from-using-facial-recognition-tech/>
46. *Sorell T.* Leviathan work by Hobbes. URL: <https://www.britannica.com/topic/Leviathan-by-Hobbes>.
47. *Stankevičiūtė G.* What are Deepfakes? Good vs Bad Use Case Examples. 2024. URL: <https://www.idenfy.com/blog/what-are-deepfakes/>
48. Surveillance, Privacy and Security. Citizens' Perspectives / Eds. M. Friedewald, P. J. Burgess, J. Čas, R. Bellanova, W. Peissl. Routledge, 2020. 310 p.
49. *Suwaidi H.A.* UAE Labour Law | How to Resolve a Labor Dispute in Dubai & UAE. 2018. URL: <https://hhslawyers.com/blog/uae-labour-law/>
50. *Writer S.* UAE Strengthens Authority Over Religious Rulings with Fatwa Council. New Regulations Aim to Standardize Guidance and Prevent Unauthorized Issuance with Significant Penalties. URL: <https://thelawreporters.com/uae-strengthens-control-over-religious-rulings-with-exclusive-fatwa-council-authority/>

References

1. Abdullaev E. E. Obshchaya kharakteristika istochnikov trudovogo prava Ob"edinennykh Arabskikh Emiratov [General Characteristics of the Sources of Labor Law of the United Arab Emirates]. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law.* 2012. Issue 2. 79–89. (In Russ.)
2. Alekseev I. L. *Khalifat. Novaya rossiiskaya entsiklopediya* [The Caliphate. The New Russian Encyclopedia]. Moscow, 2016. Vol. 17(2). Pp. 168–169. (In Russ.)

3. Amelin R. V., Bevzyuk E. A., Volkov Yu. V. *Commentary to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation dated December 30, 2001 No. 195-FZ (article by article)*. Access from the legal reference system Konsul'tantPlyus. 2014. (In Russ.)
4. Antonov K. "Slezhka i shpionazh zapreshcheny v islame". Imam Kazani vystupaet protiv videonablyudeniya v mechetyakh ["Surveillance and Espionage are Prohibited in Islam." The Imam of Kazan Opposes Video Surveillance in Mosques]. 2019. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4019012?ysclid=m7adwsc4lg404577357> (In Russ.)
5. V OAE poyavitsya pervyi v regione «Virtual'nyi advokat» [The First "Virtual Lawyer" in the Region to Appear in the UAE]. *Araviiskii zhurnal – Arabian Journal*. 2024. Available at: <https://a-journal.info/2024/11/v-oae-poyavitsya-pervyj-v-regione-virtualnyj-yurist/> (In Russ.)
6. Galifanov R. *Kak OAE stali stranoi, na 90 % sostoyashchei iz migrantov, i kak s etim spravlyayutsya vlasti?* [How Did the UAE Become a Country Made up of 90 % Migrants, and How Do the Authorities Cope With This?] 2024. Available at: <https://vc.ru/migration/1411137-kak-oae-stali-stranoi-na-90-sostoyashei-iz-migrantov-i-kak-vlasti-s-etim-spravlyayutsya?ysclid=m77msqteo1685295655> (In Russ.)
7. Grebenchikov A. M., Khromova N. G. *Ekonomicheskoe vzaimodeistvie mezhdru Indiei i indiiskoi diasporoi v stranakh Persidskogo zaliva: analiz i perspektivi* [Economic Interaction Between India and the Indian Diaspora in the Persian Gulf Countries: Analysis and Prospects]. Available at: https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/mirec-03-2023_grebenchikov-khromova.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (In Russ.)
8. Demidenko S.V. Khalifat kak mera vsekh veshchei: k voprosu ob izuchenii teorii mezhdunarodnikh otnoshenii cherez prizmu islamskoi religioznoi traditsii [The Caliphate as the Measure of All Things: on the Study of the Theory of International Relations Through the Prism of the Islamic Religious Tradition]. *Current Problems of Europe*. 2017. Issue 2. Pp. 34–59. (In Russ.)
9. Duraev T.A., Tyumeneva N.V. *Znachenie prav cheloveka v islamskom prave* [The Importance of Human Rights in Islamic Law]. *Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law*. 2017. Vol. 17. Issue 3. Pp. 352–358. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-352-358. (In Russ.)
10. Zharova A.K. *Intellektualnie sistemy raspoznavaniya izobrazhenii i smyslov v sisteme profilaktiki pravonarushenii* [Intelligent Systems for Image and Meaning Recognition in the Crime Prevention System]. *Trudy po intellektualnoi sobstvennosti*. 2024. Vol. 49 (2). Pp. 16–23. DOI: 10.17323/tis.2024.21708 (In Russ.)
11. Kiseleva E.V. *Osnovnye formy mezhgosudarstvennogo sotrudnichestva v sfere migratsii* [The Main Forms of Interstate Cooperation in the Field of Migration]. *RUDN Journal of Law*. 2016. Issue 3. Pp. 90–105. (In Russ.)
12. Kudryavtsev Yu. V. *Vlasti OAE zapuskayut Natsionalnuyu strategiyu kiberbezopasnosti* [The UAE Authorities Are Launching a National Cybersecurity Strategy]. 2025. Available at: <https://businessmirates.ae/news/uae-property-news/vlasti-oae-zapuskayut-natsional-nuyu-strategiyu-kiberbezopasnosti/> (In Russ.)
13. Kuznetsov V. *Neiroseti plokhoe raspoznavayut chernokozhikh muzhchin i zhenshchin* [Neural Networks Are Bad at Recognizing Black Men and Women]. 2018. Available at: <https://hi-news.ru/technology/iskusstvennyj-intellekt-okazalsya-seksistom-i-rasistom.html?ysclid=m77lqn1rnb932202543> (In Russ.)
14. Menyaeva M. P. *Ideya kul'turi soglasiya v kontekste teorii «Obshchestvennogo dogovora» T. Gobbssa, Dzh. Lokka i Zh. Zh. Russo* [The Idea of the Culture of Concord in the Context of the Theories of "Social Treaty" by Th. Hobbes, J. Locke and J.J. Rousseau]. *Sotsium i vlast – Society and Power*. 2015. Issue 1(51). Pp. 115–120. (In Russ.)
15. Mitechkina A. *«Abaiya – eto status»: yest li u zhenshchin prava i svobody v Dubae* ["Abaya is a Status": Do Women Have Rights and Freedoms in Dubai]. Available at: <https://forbes-ru.turbopages.org/forbes.ru/s/forbes-woman/490927-abaja-eto-status-est-li-u-zen-sin-v-dubae-prava-svobody> (In Russ.)
16. Panina M., Nukenova S. *Chto sluchilos? Vse podrobnosti iz suda* [What Has Happened? All the Details from the Court]. 2024. Available at: <https://berdsk-online.ru/news/sobytiya/saltanat-nukenova-chto-sluchilos-vse-podrobnosti-iz-suda/?ysclid=m92lgkpmjl500228348> (In Russ.)
17. *Razreshenie trudovikh sporov v OAE na primere dela Fox Legal* [Labor Dispute Resolution in the UAE Using the Example of the Fox Legal case]. Available at: https://zakon.ru/blog/2024/9/16/razreshenie_trudovykh_sporov_v_oae_na_primere_kejsa_fox_legal (In Russ.)
18. Sinchenkova A. *Nalogi v OAE: novye stavki i prezhnie lgoty* [Taxes in the UAE: New rates and previous benefits]. 2024. Available at: <https://pravo.ru/story/251683/?ysclid=m7rcni3ajp99587129> (In Russ.)
19. Stilnova V. *Iskusstvennyi intellekt zashchitit prava potrebiteli v Dubae. V Dubae zapustili novii intellektualnii servis dlya rassmotreniya zhalob potrebiteli* [Artificial Intelligence Will Protect Consumer Rights in Dubai. Dubai Has Launched a New Intelligent Service to Address Consumer Complaints]. *Russian Emirates*. 2018. Available at: <https://russianemirates.com/news/uae-news/iskusstvennyj-intellekt-zashchitit-prava-potrebiteli-v-dubaye/> (In Russ.)
20. Sukiyaev L. R. *Islamskoe gosudarstvo: pravovye osnovy i sovremennaya praktika* [The Islamic State: Legal Foundations and Modern Practice]. St. Petersburg, 2016. Pp. 60–65. (In Russ.)
21. Sukiyaev L. R. *Pravovaya entsiklopediya / pod red. B.N. Topornina* [Legal encyclopedia / edited by B. N. Topornin]. Moscow, 2001. Pp. 1153–1156. (In Russ.)
22. Sukiyaev L. R. *Islamskaya kontseptsiya khalifata: pervonachalnie printsipy i sovremennaya*

interpretatsiya [The Islamic Concept of the Caliphate: Initial Principles and Modern Interpretation]. *Islam v sovremennoy mire* – Islam in the Modern World. 2016. Vol. 12. Issue 3. Pp. 139–154. (In Russ.)

23. Tyazhkina E. *Uvolnenie i trudovie spory v OAE: opyt i rekomendatsii* [Dismissal and Labor Disputes in the UAE: Experience and Recommendations]. Available at: <https://vc.ru/u/2252502-evgeniya-tyazhkina/1074844-uvolnenie-i-trudovye-spory-v-oae-opyt-i-rekomendatsii?ysclid=m7gapthlh164205834> (In Russ.)

24. Shamsieva I. *Iskusstvennii intellekt v obrazovanii: opyt OAE. Shark mashali* [Artificial Intelligence in Education: the UAE Experience] *Sharq ma'shali* – Vostochnyi fakel. 2022. Issue 8. Pp. 124–130. (In Russ.)

25. Yurkov D. V. Migratsionnaya politika Obedinnikh Arabskikh Emiratov: problemi i perspektivi [Migration Policy of the United Arab Emirates: Problems and prospects]. *Byulleten ekonomiki, prava i sotsiologii* – Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2015. Issue 4. Pp. 150–155. (In Russ.)

26. *Bordering the Middle East*. Ed. by D. Meier. Routledge, 2019. 152 p. (In Eng.)

27. Dastin J. Insight – Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women. 2018. Available at: <https://www.reuters.com/article/world/insight-amazon-scraps-secret-ai-recruiting-tool-that-showed-bias-against-women-idUSKCN1MK0AG/> (In Eng.)

28. Dillet R. *As US and UK refuse to sign the Paris AI Action Summit statement, other countries commit to developing "open, inclusive, ethical" AI*. Available at: <https://techcrunch.com/2025/02/11/as-us-and-uk-refuse-to-sign-ai-action-summit-statement-countries-fail-to-agree-on-the-basics/> (In Eng.)

29. Graziosi G. Amazon uses worker surveillance to boost performance and stop staff joining unions, study says. The report calls for the National Labor Relations Board to prohibit invasive surveillance on workers. *Independent*. 2020. 1 September. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/amazon-surveillance-unions-report-a9697861.html> (In Eng.)

30. Harari Y. *21 Lessons for the 21st Century*. London: Penguin Random House, 2018. 306 p. (In Eng.)

31. Harari Y. N. *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow*. London: Harper Collins Publishers Ltd., 2016. 264 p. (In Eng.)

32. Hobbes T. *Leviathan, or the Matter, Form, and Power of the Ecclesiastical and Civil State*. Moscow, 1991. Available at: http://modernlib.ru/books/tomas_gobbs/leviafan_ili_materiya_forma_i_vlast_gosudarstva_cerkovnogo_i_grazhdanskogo/read/ (In Russ.)

33. Holmes O. W. The Path of the Law. *Harvard Law Review*. 1897. Issue 10. Pp. 457–478. DOI: 10.2307/1322028 (In Eng.)

34. Karosanidze T., Narimanishvili G. *The concept of the "Islamic caliphate" since the Prophet Muhammad till "The Islamic State"*. 2022. Available at: https://www.academia.edu/117356052/the_concept_of_the_islamic_caliphate_since_the_prophet_muhammad_till_the_islamic_state (In Eng.)

caliphate_since_the_prophet_muhammad_till_the_islamic_state (In Eng.)

35. Langlois A. Unpacking the UAE's New National Human Rights Institution. *Gulf International Forum* [website]. Available at: <https://gulfi.org/unpacking-the-uaes-new-national-human-rights-institution/> (In Eng.)

36. Locke J. Two treatises on government. In Locke J. *Works*. In 3 Vol. Vol. 3. Moscow, 1988. Pp. 137–405. (In Eng.)

37. Malin C. DP World's new AI-powered customs platform. *Middle East AI News*. 2022. Available at: <https://www.middleeastainews.com/p/dp-worlds-new-ai-powered-customs> (In Eng.)

38. Naumoff A. *Biggest Russian Bank to Replace 3,000 Employees with Robot Lawyer*. 2017. Available at: <https://cointelegraph.com/news/biggest-russian-bank-to-replace-3000-employees-with-robot-lawyer> (In Eng.)

39. Nolan L. "Stop Hiring Humans": AI Startup Shocks Silicon Valley with "Dystopian" Ad Campaign. 2024. Available at: <https://www.breitbart.com/tech/2024/12/11/stop-hiring-humans-ai-startup-shocks-silicon-valley-with-dystopian-ad-campaign/> (In Eng.)

40. Onley J. *Britain and the Gulf Shaikhdoms, 1820–1971: The Politics of Protection*. Center for International and Regional Studies. Georgetown University School of Foreign Service in Qatar, 2009. 54 p. (In Eng.)

41. Ramirez V. B. *AI-Savvy Criminals Clone Executive's Voice in \$35 Million Deepfake Bank Heist*. Available at: <https://singularityhub.com/2021/10/20/ai-savvy-criminals-pulled-off-a-35-million-deepfake-bank-heist/> (In Eng.)

42. Remmer N. *A rapid labor dispute resolution center has been opened in the UAE*. Available at: <https://russianemirates.family/news/family-news/v-oae-otkrylsya-tsentr-bystrogo-razresheniya-trudovykh-sporov/> (In Eng.)

43. Safar-Aly S. *What legal recourse do UAE residents have for deepfakes, voice theft or IP infringement by AI? What would such a lawsuit look like here in the UAE?* Available at: <https://insightplus.bakermckenzie.com/bm/data-technology/united-arab-emirates-deepfakes-and-the-use-of-artificial-intelligence-ai-legal-issues-and-considerations> (In Eng.)

44. Schultz A. Up to 70 cameras watch you buy groceries. What happens to that footage? Available at: <https://www.smh.com.au/national/nsw/up-to-70-cameras-watch-you-buy-groceries-what-happens-to-that-footage-20230819-p5dxtp.html> (In Eng.)

45. Shannon F. 13 Cities Where Police Are Banned from Using Facial Recognition Tech. Available at: <https://innotechtoday.com/13-cities-where-police-are-banned-from-using-facial-recognition-tech/> (In Eng.)

46. Sorell T. *Leviathan* work by Hobbes. *Britannica* [website]. Available at: <https://www.britannica.com/topic/Leviathan-by-Hobbes> (In Eng.)

47. Stankevičiūtė G. *What are Deepfakes? Good vs Bad Use Case Examples*. 2024. Available at: <https://www.identfy.com/blog/what-are-deepfakes/> (In Eng.)

48. Surveillance, Privacy and Security. Citizens' Perspectives. Ed. by M. Friedewald, P. J. Burgess, J. Čas, R. Bellanova, W. Peissl. Routledge, 2020. 310 p.

49. Suwaidi H.A. UAE Labour Law – How to Resolve a Labor Dispute in Dubai & UAE. 2018. Available at: <https://hhslawyers.com/blog/uae-labour-law/> (In Eng.)

Информация об авторах:

Е. В. Аристов

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Профессор кафедры правовых дисциплин и методики преподавания права

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24

ORCID: 0000-0003-2445-3840
ResearcherID: D-2713-2016

Статьи автора в БД Scopus / Web of Science:
DOI 10.17072/1995-4190-2015-3-8-14
DOI 10.17072/1995-4190-2016-32-149-157
DOI 10.17072/1995-4190-2017-38-417-429
DOI 10.17072/1995-4190-2020-49-418-441
DOI 10.17072/1995-4190-2023-60-194-214
DOI 10.17072/1995-4190-2024-65-350-372
DOI 10.17072/1995-4190-2025-68-175-191
DOI 10.17072/1995-4190-2025-70-504-525

К. М. Беликова

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
125993, Россия, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

ORCID: 0000-0001-8068-1616
ResearcherID: N-3126-2016

Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI 10.6000/1929-4409-2020-09-60
DOI 10.31838/srp.2020.4.65
DOI 10.31838/srp.2020.4.64

50. Writer S. UAE Strengthens Authority Over Religious Rulings With Fatwa Council. New Regulations Aim to Standardize Guidance and Prevent Unauthorized Issuance With Significant Penalties. Available at: <https://thelawreporters.com/uae-strengthens-control-over-religious-rulings-with-exclusive-fatwa-council-authority/> (In Eng.)

About the authors:

E. V. Aristov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

Perm State Humanitarian Pedagogical University
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-2445-3840
ResearcherID: D-2713-2016

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI 10.17072/1995-4190-2015-3-8-14
DOI 10.17072/1995-4190-2016-32-149-157
DOI 10.17072/1995-4190-2017-38-417-429
DOI 10.17072/1995-4190-2020-49-418-441
DOI 10.17072/1995-4190-2023-60-194-214
DOI 10.17072/1995-4190-2024-65-350-372
DOI 10.17072/1995-4190-2025-68-175-191
DOI 10.17072/1995-4190-2025-70-504-525

K. M. Belikova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovo-Kudrinskaya st., Moscow, 125993, Russia

ORCID: 0000-0001-8068-1616
ResearcherID: N-3126-2016

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI 10.6000/1929-4409-2020-09-60
DOI 10.31838/srp.2020.4.65
DOI 10.31838/srp.2020.4.64

Информация для цитирования:

Малько А. В., Липинский Д. А. Обзор отечественных и зарубежных исследований проблем правового регулирования использования беспилотных авиационных систем // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 2(72). С. 268–290. DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-268-290. EDN OEJUSD

Malko A. V., Lipinsky D. A. Obzor otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniy problem pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya bespilotnykh aviatsionnykh sistem [Problems in Legal Regulation of the Use of Unmanned Aerial Systems: Review of Russian and Foreign Studies]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 2(72). Pp. 268–290. DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-268-290. EDN OEJUSD (In Russ.)

УДК 340

DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-268-290

EDN <https://elibrary.ru/oeujds>

EDN OEJUSD

Обзор отечественных и зарубежных исследований проблем правового регулирования использования беспилотных авиационных систем

А. В. Малько

Поволжский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции

E-mail: alex25-58@mail.ru

Д. А. Липинский

Тольяттинский государственный университет

E-mail: dmitri8@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.12.2025

Введение: актуальность исследования предопределена существенным изменением общественных отношений, которое, в свою очередь, обусловлено новым этапом научно-технической революции, связанной с активным использованием беспилотных авиационных систем (БАС), в том числе оснащенных искусственным интеллектом. Как показывает практика правового регулирования, законодатель оказался не готов к таким преобразованиям. Рассматривается действующее административное и иные отрасли законодательства, регулирующие использование беспилотных авиационных систем, делаются обобщения о тенденциях его развития. Обосновывается, что экспериментальный правовой режим в указанной сфере – это тупиковый путь эволюции законодательства. Анализируются работы ученых – представителей неюридических наук, имеющие значение для правовых наук, а также работы в области уголовного, гражданского и административного права. Отдельный раздел посвящен зарубежным исследованиям. **Цели исследования:** дать общую характеристику законодательства, направленного на регулирование беспилотных авиационных систем, определив тенденции его развития; проанализировать основные исследования в данной области, систематизировав их в определенные группы, выявив общие и частные тенденции научного поиска, сделав существенные обобщения, выведя тем самым названную проблему на новый уровень научного абстрагирования. **Методы:** диалектический, сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический. **Результаты:** выявлены общие и отличительные черты в исследованиях отечественных и зарубежных ученых; дана общая характеристика работ, посвященных правовому регулированию использования БАС.

© Малько А. В., Липинский Д. А., 2026

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Выводы: на качестве правового регулирования использования БАС сказывается отсутствие единой научно обоснованной концепции правового регулирования в данной области общественных отношений и сформированной государственно-правовой политики. Определены общие тенденции научного поиска, существующие в различных юридических науках, заключающиеся, как правило, в прикладных аспектах, которые направлены на совершенствование действующего законодательства.

Ключевые слова: беспилотные авиационные системы; правовое регулирование; обзор исследований; зарубежные работы; уголовно-правовые исследования; административно-правовые исследования; гражданско-правовые исследования; тенденции развития

Problems in Legal Regulation of the Use of Unmanned Aerial Systems: Review of Russian and Foreign Studies

A. V. Malko

Volga Region Institute (Branch) of the All-Russian State
University of Justice
E-mail: alex25-58@mail.ru

D. A. Lipinsky

Togliatti State University
E-mail: dmitri8@yandex.ru

Received 22 Dec 2025

Introduction: the relevance of the study is predetermined by significant changes in social relations, which are, in turn, driven by a new stage of the scientific and technological revolution associated with the active use of unmanned aerial systems (UAS), including those equipped with artificial intelligence. As legal practice indicates, the legislature has been ill-prepared for such transformations. The paper analyzes current administrative and other branches of legislation governing the use of UAS and makes generalizations regarding the trends in its development. It is argued that the experimental legal regime in this sphere represents a dead end for legislative evolution. The authors of the article analyze works by scholars from non-legal disciplines that hold significance for legal science as well as analyze research in the fields of criminal, civil, and administrative law. A separate section is devoted to foreign studies. **Research objectives:** to provide a general description of legislation regulating UAS and to identify its development trends; to analyze key studies in this field, systematize them into groups, reveal general and specific trends in scholarly inquiry, and draw substantial generalizations, thereby elevating the stated problem to a new level of scientific abstraction. **Methods:** dialectical, comparative legal, formal legal, and statistical methods. **Results:** common and distinctive features in research conducted by Russian and foreign scholars have been identified; a general description of works devoted to the legal regulation of UAS use is provided. **Conclusions:** the quality of legal regulation of UAS use is adversely affected by the absence of a unified, scientifically grounded concept of legal regulation in this area of social relations as well as by the lack of a well-established state legal policy. The paper highlights general trends in scholarly inquiry across various legal sciences, which typically focus on applied aspects aimed at improving current legislation.

Keywords: unmanned aerial systems; legal regulation; research review; foreign studies; criminal law research; administrative law research; civil law research; development trend

Введение

Различные беспилотные системы стремительно входят в повседневную жизнь не только в нашей стране, но и в других государствах. Соответственно, возникает потребность в правовом регулировании общественных отношений, связанных с их использованием, включая беспилотные авиационные системы (далее – БАС). Еще одним результатом информационной научно-технической революции стало

появление искусственного интеллекта (далее – ИИ), который может выступать составной частью БАС. Деятельность по использованию ИИ также требует правовой регламентации. Причем подчеркнем, что юридической упорядоченности подлежит взаимодействие субъектов, его создающего и эксплуатирующего, а не самого ИИ, так как последний не является субъектом права. На эту правовую аксиому мы указываем ввиду того, что в последние годы очень часто стали звучать предложения о признании ИИ

субъектом права, в том числе в зарубежных исследованиях, более того, даже в названиях статей или в аннотациях [53, с. 1] стало употребляться понятие «правовой статус искусственного интеллекта» [9, с. 88] и «правовой статус БПЛА» [38]. Здесь следует напомнить, что право рассчитано на волю и сознание субъекта и способно регулировать далеко не все общественные отношения, да и ИИ в строгом смысле не является субъектом этих отношений, а скорее всего выступает в качестве их предмета.

Беспилотные системы так стремительно вошли в нашу жизнь, что законодатель просто не успевал упорядочивать отношения с их участием, а нормы, рассчитанные на традиционные воздушные суда, эффективно не справлялись с правовым регулированием, так как даже неспециалисту понятна принципиальная разница между ними, соответственно, и регулирование их использования (эксплуатации) не может быть одинаковым. Кроме того, новеллы в действующее законодательство вносились часто бессистемно. Таким образом, возникла необходимость создать научные основы правового регулирования использования БАС. Этой проблемой озадачились ученые из различных стран мирового сообщества.

У читателя может возникнуть вопрос: а для чего вообще необходимо проводить данный обзор? Ответ на него обусловлен несколькими обстоятельствами.

Во-первых, общественные отношения, регулирующие использование БАС, – это явление относительно новое, а органы государственной власти для их упорядочивания пошли по пути не создания комплексного нормативного правового акта уровня закона, а внесения изменений в уже существующие, а также активного подзаконного нормотворчества. Как часто бывает при отставании правового регулирования, образовавшиеся пробелы пытаются устранить посредством ведомственного нормотворчества при отсутствии самих законов. Однако в идеале должен быть принят закон, регулирующий общественные отношения, а затем – уже в его исполнение – подзаконные нормативные правовые акты, которые не должны подменять сами законы.

Во-вторых, деятельность нормотворцев по правовому регулированию использования БАС напоминает «латание тришкиного кафтана». И как следствие, появляется очередное исследование, направленное либо на научное комментирование новой нормы, либо на обоснование ее необходимости и определение места в системе правового регулирования. В некоторой степени бессистемная деятельность нормотворцев отчасти порождает такие же исследования данной проблематики, когда ученые включаются «в гонку за изменениями». Отмечая данный аспект, мы несколько не умаляем значения подобных работ – так часто случается на начальном этапе разработки той или иной проблемы. Вместе с тем наступает определенный период, когда возникает потребность в обобщении уже существующих разработок.

В-третьих, проведение обобщений и обзоров выполненных ранее исследований позволяет выявить сферы общественных отношений, связанных с использованием БАС, которые остались за рамками внимания ученых, а следовательно, определить пробелы правового регулирования, а также возможные коллизии и противоречия. Кроме того, это дает возможность прийти к выводу о том, сформировалась или нет в настоящее время сама концепция рассматриваемого правового регулирования.

Нас также интересуют тенденции правового регулирования и исследований в названной области в зарубежных странах. По своей сути проблема носит интернациональный характер, поэтому думается, что она будет актуальна и для отечественной правовой науки. Следует указать, что ранее уже предпринимались попытки исследования зарубежного опыта правового регулирования использования БАС, но он преимущественно касался сравнения именно действующего законодательства, а не анализа научных работ. В частности, именно в таком ракурсе выполнены статьи А. А. Сазановой [55] и Г. А. Грищенко [18], которые исследуют в целом опыт России и зарубежных стран. Другие ученые акцентируют внимание только на одном из аспектов правового регулирования. Так, А. И. Быковым [14] анализируется российское и зарубежное законодательство, регламентирующее ввоз БПЛА, а Е. А. Громова сосредоточивает внимание на правовых аспектах их регистрации [19]. В работе Т. С. Медякова исследуются вопросы административно-правового регулирования [44], а в научных статьях Д. Д. Мотасовой – гражданско-правовые [47] и международные аспекты [48]. Существует также группа научных публикаций, которые специально не посвящены сравнительно-правовому аспекту, но так или иначе эти вопросы затрагиваются в них при рассмотрении других проблем [60, с. 172–173].

Проведенное нами исследование отчасти восполнит пробелы, связанные с недостаточным доступом отечественных ученых к научным разработкам, проводимым за рубежом, что обусловлено как субъективными причинами, например, отсутствием владения отечественными исследователями английским языком, так и объективными проблемами, препятствующими установлению тесных связей с научными кругами иностранных государств. Проблемой анализа научных работ является разница социально-экономической и политической обстановки в Российской Федерации и в зарубежных государствах. Специфические внутрироссийские проблемы, такие, например, как наличие обширных территорий, требующих контроля, или значительная степень террористической угрозы, обуславливают общую направленность правового регулирования использования беспилотных технологий в нашем государстве, а соответственно, и исследования в данной области.

О состоянии правового регулирования использования БАС в Российской Федерации

Прежде чем перейти непосредственно к вопросам, связанным с научными разработками по юридическому упорядочению использования БАС, необходимо дать краткую характеристику действующего в данной области законодательства, что позволит более конкретно определить сам предмет исследования, а также понять, каким аспектам правового регулирования уделяется больше внимания со стороны ученых-юристов.

По состоянию на 25 октября 2025 г. на основании данных СПС «Гарант» и «КонсультантПлюс» установлено, что термин «беспилотные авиационные системы» и/или «беспилотные летательные аппараты» упоминается в 21 557 документах, из которых 17 063 – акты органов власти, в том числе 3185 – федеральные акты, 13 843 – региональные акты, 1695 – судебная практика, 1990 – формы документов, 1479 – проекты законов и подзаконных актов. Из такого массива нормативных правовых актов можно вычленить направленные непосредственно на регулирование названной сферы (акты общего регулирования) и акты опосредованного упорядочивания общественных отношений. В отдельную группу можно отнести нормативные правовые акты, в которых устанавливается ответственность в сфере применения БАС, а также акты специального правового регулирования.

Деление весьма условное, но суть в том, что в многочисленных нормативных правовых актах устанавливается либо запрет на совершение тех или иных действий, либо право уполномоченных субъектов пресекать полеты БАС вплоть до их полного уничтожения. Например, такое право закреплено в Федеральном законе РФ от 30 ноября 2024 г. № 427-ФЗ «О частной охранной деятельности»¹ (ст. 4); Федеральном законе РФ от 13 июня 2023 г. № 207-ФЗ «Об особенностях правового регулирования в сфере оборота оружия и в сфере охранной деятельности, а также мерах по усилению охраны общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в отдельных субъектах РФ»² (ст. 4.1); Федеральном

законе РФ от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии РФ» (ст. 9)³; Федеральном законе РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁴ (ст. 10); Федеральном законе от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране»⁵ (ст. 15); Федеральном законе РФ от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке»⁶ (ст. 6); Федеральном законе РФ от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»⁷ и др. Как правило, этими же нормативными актами закреплены полномочия по применению БАС в целях пресечения и/или предупреждения различных видов противоправных действий, а также сбора доказательств и обеспечения безопасности.

Другую группу нормативных правовых актов составляют различные документы стратегического планирования, в которых определяются приоритетные направления развития тех или иных отраслей экономики и обеспечения безопасности. В частности, к ним можно отнести Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»⁸; Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»⁹; Указ Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512 «Об утверждении Морской доктрины РФ»¹⁰; Указ Президента РФ от 1 января 2018 г. № 2 «Об утверждении Основ государственной политики РФ в области пожарной безопасности на период до 2030 года»¹¹ и др.

Мы привели только некоторые из указов Президента. По большей части в них содержатся типовые формулировки о необходимости развития БАС и/или БПЛА. Кроме того, отдельную группу составляют поручения Президента РФ органам государственной власти и государственным корпорациям. Поручения, в которых акцентируется внимание на БПЛА, исчисляются десятками. К ним отнесем Перечень поручений по вопросам развития беспилотных авиационных систем от 30 декабря 2022 г. № Пр-2548, Перечень поручений по итогам рабочей поездки в Чукотский автономный округ и Хабаровский край от 18 февраля 2024 г. № Пр-293 и др.

¹ О частной охранной деятельности: Федер. закон РФ от 30 нояб. 2024 г. № 427-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2024. № 49 (ч. 4). Ст. 7418.

² Об особенностях правового регулирования в сфере оборота оружия и в сфере охранной деятельности, а также мерах по усилению охраны общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в отдельных субъектах РФ: Федер. закон РФ от 13 июня 2023 г. № 207-ФЗ // Там же. 2023. № 25. Ст. 4396.

³ О войсках национальной гвардии РФ: Федер. закон РФ от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ // Там же. 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4159.

⁴ О полиции: Федер. закон РФ от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ // Там же. 2011. № 7. Ст. 900.

⁵ О государственной охране: Федер. закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ // Там же. 1996. № 22. Ст. 2594.

⁶ О внешней разведке: Федер. закон РФ от 10 янв. 1996 г. № 5-ФЗ // Там же. 1996. № 3. Ст. 143.

⁷ О федеральной службе безопасности: Федер. закон РФ от 3 апр. 1995 г. № 40-ФЗ // Там же. 1995. № 15. Ст. 1269.

⁸ О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 // Там же. 2024. № 20. Ст. 2584.

⁹ О Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 26 окт. 2020 г. № 645 // Там же. 2020. № 44. Ст. 6970.

¹⁰ Об утверждении Морской доктрины РФ: Указ Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512 // Там же. 2022. № 31. Ст. 5699.

¹¹ Об утверждении Основ государственной политики РФ в области пожарной безопасности на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 1 янв. 2018 г. № 2 // Там же. 2018. № 2. Ст. 411.

По своей сути подобные акты непосредственно не регулируют общественные отношения, так как в них не определяются права и обязанности конкретных субъектов права. Условно их можно назвать актами наднормативного регулирования, поскольку для их реализации требуется принятие иных нормативных правовых актов.

Самостоятельную группу составляют нормативные правовые акты общего регулирования, к которым относятся отдельные положения Воздушного кодекса РФ¹; Федеральные авиационные правила полетов в воздушном пространстве РФ²; Федеральный закон РФ от 27 февраля 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании»³; Федеральный закон РФ от 14 марта 2009 г. № 31-ФЗ «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними»⁴; Постановление Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138 «Правила использования воздушного пространства РФ»⁵; Постановление Правительства РФ от 25 мая 2019 г. № 658 «Правила учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 до 30 килограммов, ввезенных в РФ или произведенных в РФ»⁶ и др.

Причем сам термин «акты общего регулирования» употребляется в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации»⁷, предусматривающем, что в течение определенного срока для некоторых субъектов вводятся ограничения на применение отдельных положений актов общего правового регулирования. В названном законе также дается определение понятия «общее правовое регулирование». Если следовать логике законодателя, то специальное правовое регулирование устанавливается на определенный срок и на определенной

территории, в случаях, регламентированных федеральными законами в соответствии с программой экспериментального правового режима. Между тем статьей 5 указанного закона предусмотрено, что в целях реализации экспериментального правового режима могут издаваться нормативные правовые акты органами исполнительной власти. В качестве примера можно привести Постановление Правительства РФ от 9 ноября 2023 г. «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в Самарской области»⁸, в котором конкретизируется «набор» применяемых исключений.

Очень большую группу составляют акты, содержащие юридико-технические нормы, представленные различными стандартами, например: ГОСТ 70179–2022 от 23 июня 2022 г. «Документация эксплуатационная на авиационную технику. Построение, изложение, оформление и содержание паспортов, этикеток и талонов летной годности»⁹; ГОСТ Р 59562–2021 «Съемка аэрофотографическая. Технические требования»¹⁰; ГОСТ Р 56122–2014 «Воздушный транспорт. Беспилотные авиационные системы. Общие требования»¹¹ и др.

Следует также отметить, что отдельными нормами Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) и Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) регламентируется ответственность операторов БАС и/или иных лиц, на которых законом возложены обязанности по их эксплуатации, обеспечению безопасности и т. д. В частности, речь идет о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта (ст. 263 УК РФ); нарушении правил использования воздушного пространства

¹ Воздушный кодекс РФ: от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 1997. № 12. Ст. 1383.

² Об утверждении Федеральных авиационных правил «Сертификация авиационной техники, организаций разработчиков и изготовителей. Часть 21: Приказ Министерства транспорта РФ от 17 июня 2019 г. № 184. URL: www.pravo.gov.ru

³ О техническом регулировании: Федер. закон РФ от 27 февр. 2002 г. № 184-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.

⁴ О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними: Федер. закон РФ от 14 марта 2009 г. № 31-ФЗ // Там же. 2009. № 11. Ст. 1260.

⁵ Правила использования воздушного пространства РФ: Постановление Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138 // Там же. 2010. № 14. Ст. 1649.

⁶ Правила учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 до 30 килограммов, ввезенных в РФ или произведенных в РФ: Постановление Правительства РФ от 25 мая 2019 г. № 658 // Там же. 2019. № 22. Ст. 2824.

⁷ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // Там же. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5017.

⁸ Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в Самарской области: Постановление Правительства РФ от 9 ноября 2023 года // Там же. 2023. № 46. Ст. 8265.

⁹ ГОСТ 70179–2022. Документация эксплуатационная на авиационную технику. Построение, изложение, оформление и содержание паспортов, этикеток и талонов летной годности [Электронный ресурс]: утв. и введ. в действие Приказом Росстандарта от 23 июня 2022 г. № 520-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ ГОСТ Р 59562–2021. Съемка аэрофотографическая. Технические требования [Электронный ресурс]: утв. и введ. в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10 июня 2021 г. № 452-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ ГОСТ Р 56122–2014. Воздушный транспорт. Беспилотные авиационные системы. Общие требования [Электронный ресурс]: утв. и введ. в действие Приказом Росстандарта от 18 сент. 2014 г. № 1130-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

(ст. 271.1 УК РФ) и административных правонарушений на воздушном транспорте: нарушение правил использования воздушного пространства (ст. 11.4 КоАП РФ), нарушение правил безопасности эксплуатации воздушных судов (ст. 11.5 КоАП РФ). В Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) содержатся нормы об источнике повышенной опасности, к которым относится БАС. Известно, что ГК РФ регулирует и отношения гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности.

Завершая данный раздел, необходимо сформулировать предварительные выводы. Думается, что законодательство, регулирующее отношения использования БАС, и сама деятельность правотворческих органов в этой сфере характеризуются следующими чертами: 1) большой долей ведомственного нормотворчества; 2) значительным массивом актов, содержащих юридико-технические нормы; 3) общим и экспериментальным правовым регулированием; 4) не созданием новых нормативных правовых актов уровня закона, специально направленного именно на урегулирование отношений с использованием БАС, а внесением изменений и дополнений в уже существующее воздушное законодательство; 5) нежеланием законодателя вносить изменения и дополнения в специализированные нормативные правовые акты, устанавливающие различные виды юридической ответственности с целью учета особенностей причинения вреда с использованием БАС. Речь идет прежде всего о УК РФ, КоАП РФ и ГК РФ.

Общая характеристика правового регулирования БАС в некоторых зарубежных странах

На основании различных интернет-источников можно сделать вывод, что Сингапур занимает лидирующие позиции по развитию и внедрению БАС в Тихоокеанском регионе. Сингапур относится к странам, в которых был принят специальный кодифицированный акт, регулирующий использование БАС (Закон 2015 г. «О беспилотных летательных аппаратах»¹; Unmanned Aircraft Public Safety and Security). Помимо того, что в Законе определяются основополагающие понятия в сфере БАС, в нем также содержатся нормы, устанавливающие уголовную ответственность за нарушение правил их использования.

Япония стала одной из первых стран, в которой был принят закон, регулирующий использование БАС², а также установлено требование о дистанционном удостоверении для беспилотных летательных аппаратов. Кроме того, закреплены обязанности

субъектов по регистрации всех беспилотников весом свыше 100 граммов. Осознавая потенциальные риски и возможности, связанные с технологией беспилотных летательных аппаратов, Правительство Японии разработало комплексную нормативную базу для обеспечения безопасного и соответствующего закону использования беспилотных летательных аппаратов. Эти правила направлены на защиту населения, обеспечение безопасного использования воздушного пространства и поддержание баланса между инновациями и безопасностью. По мере развития технологий беспилотных летательных аппаратов нормативная база Японии меняется, обеспечивая поддержку более сложных операций, таких как автономные полеты и миссии за пределами прямой видимости (BVLOS).

Лидерство Объединенных Арабских Эмиратов в сфере БАС обусловлено не количеством или качеством нормативных актов, а масштабом и смелостью реализованных проектов, а именно: в период **COVID-19 с применением дронов проводилась дезинфекция улиц, доставлялись вакцины и пробы, осуществлялся контроль за соблюдением законодательства о самоизоляции.**

В США не принимался специальный закон, регулирующий использование БАС. Вместо этого Федеральное управление гражданской авиации (FAA) интегрировало правовые нормы в существующее, хорошо проработанное законодательство о воздушных судах. «Нормативные акты, регламентирующие правила и порядок регистрации, определены Федеральным законом 112-95 ст. 336 (Public Law 112-95, Section 336) для судов некоммерческого предназначения и Воздушным кодексом, ч. 107 (Federal Regulations (14 CFR) part 107) для судов весом менее 55 фунтов (25 кг) коммерческого назначения. Аппараты взлетной массой больше 25 кг проходят усложненную процедуру регистрации» [26]. Кроме того, в 2022 году вступили в силу положения об обязательной удаленной идентификации БАС.

В Межгосударственном объединении – Европейском союзе – основным актом правового регулирования использования БАС являются Правила простого доступа к беспилотным летательным аппаратам (Регламенты (ЕС) 2019/947 и (ЕС) 2019/945)³. Документ включает 309 страниц, в нем регламентируются различные виды отношений с использованием БАС: правила регистрации, обязанности пилота и оператора, юридическая ответственность, безопасность и многие другие вопросы. Как и в других странах, различные режимы использования предусмотрены для БАС с разными весовыми характеристиками.

¹ Air Navigation Act (Chapter 6). Singapore: Government Printer, 2015. URL: <https://www.rcrc-resilience-southeastasia.org/wp-content/uploads/2018/01/2014-Air-Navigation-Act.pdf>

² Japan. Civil Aeronautics Act: Act No. 231 of 1952. URL: japaneselawtranslation.go.jp

³ Easy Access Rules for Unmanned Aircraft Systems: Regulations (EU) 2019/947 and 2019/945. URL: <https://www.easa.europa.eu/en/document-library/easy-access-rules/easy-access-rules-unmanned-aircraft-systems-regulations-eu>

Мы рассмотрели группу стран, в которых использование БАС разрешено при соблюдении процедур государственной регистрации, а до определенного веса – без регистрации. Кроме того, как отмечают исследователи зарубежного законодательства, существуют еще страны, в которых «ввоз, приобретение и эксплуатация БАС/БПЛА для личных и коммерческих нужд полностью запрещены (Армения, Турция, Перу, Вьетнам)», а также «те, в которых использование БПЛА практически никак не регулируется государством (Исландия, Дания)» [55].

Отечественные исследования, не являющиеся сугубо юридическими, но затрагивающие правовые вопросы использования БАС

Проблематика использования беспилотных авиационных систем – это явление комплексное, и под своим углом зрения она исследуется представителями технических наук, социологами, философами [58], юристами, а также специалистами в других отраслях знания. Это обусловлено тем, что помимо технических вопросов существуют нравственные и философские аспекты применения БАС [50; 56], а также проблемы правового регулирования соответствующих общественных отношений.

В частности, исследуются нравственно-этические аспекты безопасности, неприкосновенности частной жизни [46], профессиональной ответственности [61], экологии, уделяется внимание ценностным проблемам [51], также особую озабоченность ученых вызывает нравственная сторона использования искусственного интеллекта [1].

По итогам непосредственного анализа публикаций, посвященных этической стороне вопроса, а также на основе данных обзорной научной статьи А. А. Сазонова и К. В. Штепнера можно сделать выводы, что ввиду того, что БАС – это явление относительно новое, как таковые еще не сформировались основные эτικο-нравственные концепции их применения. Потому исследователи исходят из базовых общечеловеческих начал (таких как гуманизм, справедливость, безопасность, неприкосновенность частной жизни, наличие позитивной ответственности за принимаемые решения при использовании БАС).

Возникает вопрос: что ценного в таких публикациях для ученых-юристов? Прежде всего хочется напомнить читателю о нравственной стороне правовых норм и воплощении в предписаниях в том числе требований морали. Вполне понятно, что мораль и право находятся в состоянии единства, различия, взаимодействия и противоречий. Полностью избежать противоречий права с моралью в принципе невозможно, но еще на стадии принятия нормативного правового акта, обладая необходимыми данными, можно нивелировать названные процессы, сведя их к минимуму.

Так, «специалисты Германии разработали этические нормы для беспилотных транспортных средств, запретив искусственному интеллекту принимать решения, которые могут спасти жизни одних людей, причинив ущерб другим. Они перекликаются с тремя законами робототехники Айзека Азимова и сформулированы следующим образом: материальный вред приоритетнее, чем вред, нанесенный физическому лицу; исключается всякая классификация людей; ответственность за вред несет производитель»¹.

Таким образом, научные работы в области этики и философии, посвященные использованию БАС, могут помочь специалистам в области права при определении самой парадигмы исследований, формировании концепции позитивной и негативной юридической ответственности в сфере применения БАС.

Другую группу исследований в сфере использования БАС составляют труды представителей технических наук, а также тех отраслей научного знания, в которых они применяются. Это могут быть специалисты в области геологических [26], военных [37], сельскохозяйственных [29], экологических [31], экономико-логистических [43] и других наук. Думается, что по мере увеличения сфер жизнедеятельности, для обслуживания которых используются БАС, этот перечень будет только расширяться.

Опять возникает вопрос: какую ценность подобные исследования несут именно для ученых-юристов? Так, многие из обозначенных работ выполнены в том числе при проведении изысканий с использованием БАС. Следовательно, в них содержится информация эксплуатантов о проблемах правового регулирования, что немаловажно для ученых-юристов, поскольку последние не выступают их операторами. В названных работах также указывается и на различные виды БАС, которые не всегда могут охватываться законодательными формулировками. Кроме того, классификации БАС позволяют задуматься и о дифференцированном подходе к регулированию использования их различных видов. В таких работах может содержаться и общая оценка действующего законодательства правового регулирования использования БАС, которая значима тем, что освобождена от профессиональных штампов, свойственных ученым-юристам. В свою очередь, это позволяет посмотреть на действующее законодательство с иных позиций.

Например, С. В. Матюха отмечает, что до настоящего «времени не выработано единых правил и процедур сертификации и стандартизации, а развитию рынка гражданских БПЛА препятствует отсутствие законодательного поля» [43, с. 102]. В коллективной статье подчеркивается, что «правовая база не систематизирована, отсутствуют механизмы реализации, мониторинга и юридической ответственности» [26, с. 79]. С позиции именно удобства пользования предлагается принять специальный

¹ Нингматулин И. Германия придумала три этических правила для беспилотника. URL: <https://ria.ru/world/20180320/1516807246.html>

закон, регулирующий использование БАС. Кроме того, исследователи, не являющиеся юристами, указывают, что отсутствие развитой законодательной базы реально тормозит внедрение БАС в различные отрасли экономики [42, с. 143].

Примечательна в плане использования достижений иных наук коллективная монография ученых-юристов, насчитывающая более четырехсот источников литературы [16], из которых более чем две трети не являются трудами по юридическим наукам, но так или иначе посвящены вопросу использования БАС.

Отечественные исследования уголовно-правовой направленности

Как ни парадоксально, но первыми на правовое регулирование в данной области обратили внимание не ученые-административисты, а специалисты в области наук уголовно-правовой направленности: уголовного права [66], криминологии и уголовного процесса. Так, исследователей прежде всего заинтересовал аспект использования БАС в качестве средства (орудия) или предмета совершения преступления [63], а также вопросы обеспечения безопасности использования БАС уголовно-правовыми средствами [16]. Многие ученые отмечают, что законодатель оказался не готов к такому стремительному развитию беспилотного транспорта, а уголовно-правовые нормы перестали отвечать современным реалиям, отставая от потребностей обеспечения безопасности [67]. При этом необходимо комплексное решение вопроса, включающее реформирование не только уголовного, но и административного и гражданского законодательства.

Не ставя перед собой цели проанализировать все нюансы споров представителей науки уголовного права, отметим, что, как правило, ими предлагается следующий комплекс изменений: дополнить главу УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» новыми составами, отражающими особенности беспилотных транспортных средств [34; 41]; установить уголовную ответственность за несанкционированное вмешательство в функционирование беспилотника [62], а также за нарушение правил проектировки, производства, эксплуатации беспилотных транспортных средств [27]; дополнить различные составы преступлений квалифицирующим признаком «использование беспилотных транспортных средств» [32]. При этом отмечается, что данные нормы уголовного права носят бланкетный характер, а следовательно, для их верной реализации воздушное и иное законодательство должно носить предельно ясный и не пробельный характер. В целом поддерживая такой подход к реформированию уголовного права, необходимо отметить, что оно должно происходить одновременно с внесением изменений в КоАП РФ, в котором содержатся смежные составы правонарушений, отличающиеся часто только тяжестью последствий.

Отдельную группу составляют исследования, связывающие проблемы уголовно-правового регулирования использования БАС, оснащенного искусственным интеллектом [30]. Основная проблема, поднимаемая в таких статьях, как правило, сводится к тому, кто и как должен отвечать за действия искусственного интеллекта: субъект, его эксплуатирующий или разработавший. Звучат и весьма смелые предложения о признании в среднесрочной перспективе искусственного интеллекта субъектом права [35], к чему мы относимся очень скептически, как и к увлеченности некоторых ученых европейскими идеями о возможности юридической ответственности искусственного интеллекта [69].

Представителей криминологической науки заинтересовали вопросы пресечения и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием БАС [12; 15; 20; 26]. Если оценивать работы криминологов, то они находятся на самом начальном этапе познания данного вида преступлений. Сказывается как недостаточное количество эмпирического материала, так и необходимость привлечения к научным разработкам специалистов в различных отраслях технического и иного (негуманитарного) знания. В частности, преступления, совершаемые с использованием БАС, можно предупреждать и пресекать при помощи различных технических средств, также при разработке самой стратегии предупреждения необходимо учитывать большое число различных неюридических аспектов, например, плотность застройки, особенности рельефа местности и т. д. [2]. При этом подчеркивается, что действующее законодательство не отвечает новым угрозам безопасности и не способно эффективно влиять на профилактику преступлений.

Так, в исследовании А. В. Варданяна и С. В. Андреева отмечается не только важность учета направлений развития беспилотных систем при совершении методов осуществления правоохранительной деятельности, но и обратная сторона правовой реальности, связанная с задействованием соответствующих систем в криминальной активности. Причем в своей работе авторы ссылаются на более чем тысячу подобных известных фактов противоправного использования беспилотных систем в нашем государстве и за рубежом, хотя отдельная статистика правоохранительными органами еще не ведется. Сама проблема рассматривается как исключительно мультидисциплинарная, лишь задействование данных различных наук, по мнению исследователей, поможет выявить закономерности преступной и посткриминальной действительности с применением беспилотных летательных аппаратов, наметить пути разрешения возникающих проблем [15].

Похожая проблематика рассматривается в исследовании Л. Р. Клебанова и С. В. Полубинской, в рамках которого использование средств беспилотного воздушного и наземного транспорта для осуществления преступной деятельности анализируется в одном

ряду с использованием преступниками для подрыва государственной и общественной безопасности компьютерных и сетевых технологий, «боевых» компьютерных вирусов, кибероружия и т. д. [28].

Ученых заинтересовали и вопросы использования БАС при производстве различных следственных действий. При этом разрабатываются не только сугубо процессуальные аспекты [11], но и криминалистические, включающие саму тактику и методику проведения следственных действий с применением БАС [24; 54]. Такие работы преимущественно носят прикладной характер. При этом ученые-процессуалисты сходятся во мнении о том, что нет необходимости вносить изменения в нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующие использование научно-технических средств.

Исследования гражданско-правовой направленности

Специалисты в области гражданского права отмечают, что законодатель не уделяет внимания особенностям гражданско-правовой регламентации отношений в сфере применения беспилотных транспортных средств. Особую озабоченность у них вызывает отсутствие норм об ответственности за вред, причиненный при использовании беспилотного транспортного средства [70], особенно если оно оснащено системами искусственного интеллекта. Здесь соединяются две проблемы, требующие правовой регламентации: БАС как объект гражданских прав и использование искусственного интеллекта.

Мы полагаем, что проблема искусственного интеллекта преувеличена, в том числе отсутствуют какие-либо основания для признания его в дальнейшем субъектом права. Можно согласиться с мнением Ю. С. Балалаевой о том, что «искусственный интеллект не может и не должен сегодня быть субъектом права и юридической ответственности» [10]. Более того, ученые, увлеченные европейскими идеями о юридической ответственности и правосубъектности искусственного интеллекта, не принимают во внимание основополагающий постулат: право не создает общественных отношений. Оно их только регулирует, упорядочивает и развивает, иными словами, уже должны существовать «зачатки» будущих правоотношений, а также их предпосылки, в том числе заключающиеся в соответствии планируемых к принятию юридических норм правовой доктрине, господствующей в обществе. Западные же идеи об ответственности искусственного интеллекта чужды нашей доктрине. Авторы данной статьи неоднократно указывали, что механическое заимствование, противоречащее существующей правовой культуре и традициям, порождает явление юридической аномии, которое негативно сказывается на функционировании всей правовой системы общества [36]. Кроме того, на наш взгляд, увлечение обоснованием «правового статуса» сложных технических устройств, управляемых

искусственным интеллектом, в том числе БАС, отвлекает ученых от реальных проблем правового регулирования, а некоторые их работы напоминают не научные статьи, а фантастические рассказы. Так, Т. С. Заплатина пишет: «Статус правосубъектности позволит роботам зарабатывать деньги, платить налоги, предъявлять иски или получать судебные иски, независимо от их создателей» [22].

Думается, что проблема здесь в другом, а именно в определении того, кто должен отвечать за действия компьютерной программы, которая управляет БАС: создатель или эксплуатант, но не в надуманной актуальности «правового статуса искусственного интеллекта» и его возможной юридической ответственности. В связи с вышеизложенным исследователям не следует менять устоявшуюся терминологию, употребляя как в тексте статей, так и в их названиях выражение «правовой статус беспилотных летательных аппаратов» [40]. Придется им напомнить азбучные истины, что «правовой статус, в самом упрощенном виде, представляет собой совокупность прав, обязанностей, законных интересов и юридической ответственности» [39, с. 180] и может быть только у физических и юридических лиц, но не у предмета техники или компьютерной программы.

Анализ различных работ ученых-цивилистов показывает, что они обосновывают необходимость конкретизации некоторых норм ГК РФ. В частности, А. А. Антонов приходит к выводу о том, что следует «дополнить перечень источников повышенной опасности, закрепленных в Гражданском кодексе РФ, новыми объектами, представляющими опасность для окружающих» [8]. Данную идею поддерживают А. О. Ананенко [6], К. А. Амианц [5], а другие ученые, напротив, не видят в этом необходимости, полагая, что норма, определяющая понятие источника повышенной общественной опасности, обладает необходимой степенью абстракции и охватывает в том числе различные виды беспилотных транспортных средств [64]. Кроме того, некоторые авторы полагают, что в настоящее время законодательство не дает оснований для признания БАС источниками повышенной опасности [7]. Представляется, что существующие формулировки статьи 1079 ГК РФ (ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих) в полном объеме охватывают и различные виды БАС. Здесь можно сослаться и на мнение А. А. Мусаткиной, отмечающей, что «увеличение количества норм, закрепляющих ответственность не всегда приводит к улучшению качества правового регулирования» [49, с. 119]. Также подчеркнем, что закон перехода количественных изменений в качественные работает в сфере правового регулирования при наличии различных условий, которые важно учитывать.

Отдельные споры возникают относительно БАС как объектов гражданских прав [52, с. 146] и особенностей их реализации [47, с. 29], вопросов их регистрации, а также конкуренции с нормами Воздушного кодекса.

Работа И. З. Аюшеевой и А. В. Анисимова посвящена выявлению и исследованию правового режима беспилотных транспортных средств как объектов гражданских прав. Авторами предпринимается попытка определить особенности гражданско-правового режима беспилотных транспортных средств, а также установить условия ответственности за ущерб, причиненный в результате их использования. Как отмечено в работе ученых, сам родовый термин «транспортное средство» в отечественном законодательстве является довольно расплывчатым, в связи с чем и более узкая категория «беспилотное транспортное средство» не имеет четких границ. Не совсем понятно: к этой категории следует относить только беспилотный транспорт или сюда также относятся летательные аппараты, колесные роботы, которые начинают использоваться для доставки заказов и т. д.? Что касается вопроса гражданско-правовой ответственности, то, по мнению исследователей, она должна быть достаточно строгой, проблемой здесь является балансирование рисков и выбор справедливых подходов к механизмам распределения ответственности. Проблемой является и поиск необходимого баланса между саморегулированием и определением соответствующего законодательного запрета на совершение тех или иных действий [70].

Думается, что обозначенные спорные вопросы носят частный, а не концептуальный характер и вполне разрешимы современной наукой и практикой в сфере гражданского права.

Отечественные административно-правовые исследования

В данной области труды можно разделить на несколько групп. Во-первых, исследования терминологического характера, где, как правило, анализируются некоторые законодательные формулировки. В частности, работа А. А. Сазанова (как и многие другие) преимущественно посвящена различию понятий БПЛА, БВС (беспилотное воздушное судно), ВС (воздушное судно), а также их определениям, приводимым в различных нормативных правовых актах [55]. Отдельные работы затрагивают проблемы государственной регистрации БАС [19].

Во-вторых, работы обзорной направленности, в которых изучается в целом законодательство в сфере правового регулирования БАС и тенденции его развития, но, как мы отмечали в самом начале статьи, сами термины БАС и/или БПЛА упоминаются более чем в 21 000 правовых документов и проанализировать их все в одной статье в принципе невозможно, на этот объем не хватит даже монографии. Думается, здесь необходима неофициальная систематизация законодательства, регулирующего применение БАС. Следует также отметить, что по проблемам административно-правового регулирования БАС до настоящего времени не вышло ни одной монографии.

Д. А. Полетыкин комплексно рассматривает вопросы международно-правового регулирования использования БАС, выделяя также сами подходы к регламентации, существующие в различных странах. Им изучаются отдельные нормы Воздушного кодекса, а также Федеральных правил использования воздушного пространства. Сравнительно-правовой анализ позволил ему сделать вывод о том, что «с учетом степени урегулированности Российская Федерация относится к группе стран, где предусмотрена эксплуатация беспилотных летательных аппаратов исключительно после процедуры их государственной регистрации» [52, с. 143].

Исследование А. А. Анисимова и Ж. Б. Ивановой примечательно тем, что в нем говорится о чрезмерной зарегламентированности правового регулирования использования БПЛА и обосновывается необходимость установления «общих (рамочных) правил, обязательных для всех правообладателей БПЛА (как частных лиц, так и органов государства)» [7, с. 64]. Мы полагаем, что недопустимо устанавливать одинаковые ограничения для субъектов, использующих БПЛА в частных интересах, и государственных органов, реализующих полномочия по обеспечению различных видов безопасности, пресекающих правонарушения и т. п.

В относительно небольшой по объему, но достаточно емкой по внутреннему содержанию статье В. В. Болговой обосновывается, что в сфере правового регулирования применения БАС существует два пути развития законодательства. В качестве первого автор предлагает принять за основу «режим использования классических авиационных систем, проанализировать его узкие места, препятствующие или сдерживающие масштабное использование беспилотных авиационных систем, и, далее, создавая нормы-исключения, нормы-изъятия, “адаптировать” его к использованию беспилотных авиационных систем. Второй вариант. Воспринимать технологию и объект (беспилотные авиационные системы) как новые явления и создавать для них новый правовой режим, формируя адекватные правила» [13].

Можно согласиться с ее выводом о том, что до настоящего времени нашими правотворческими органами выбор не сделан. Кроме того, скорее всего выбран тупиковый путь. Так, законодатель основной акцент сделал на введение экспериментального правового режима, суть которого заключается не в апробации новых норм, а во временной «блокировке» и неприменении в течение определенного времени ряда положений Воздушного кодекса РФ и Федеральных авиационных правил. Экспериментальный правовой режим – это явление временное, поэтому возникает вопрос: а что дальше? Ответ на него весьма простой: при той форме экспериментального правового режима, которая существует в настоящее время, по его окончании практика остается с теми же нормами, что и были ранее, не адаптированными под особенности использования БАС. Думается, что

цель любого экспериментального правового режима – это апробация новых правовых норм, а не временная блокировка прежних.

На основе анализа действующего отечественного и зарубежного законодательства Л. В. Зарапина и Н. Ю. Белокопытова делают вывод о неэффективности пути правового регулирования, состоящего во внесении изменений в существующие нормативные правовые акты, которые изначально не были рассчитаны на правовое регулирование БАС. Ими, как и другими учеными [60], высказывается мнение о необходимости разработки отдельного нормативного правового акта, включающего общую и особенную части [23].

Большинство исследователей завершают свои научные работы теми или иными рекомендациями, направленными на совершенствование административно-правового регулирования, которые условно можно разделить на две группы. В первую войдут предложения по принятию комплексного нормативного правового акта, а во вторую – по внесению изменений в уже существующие. Так, в коллективной статье предлагается следующее: «Разработать и закрепить в законодательстве систему классификации БВС в зависимости от уровня автономности; расширить применение экспериментального правового режима; предусмотреть положения, касающиеся использования БВС, которые будут зависеть от уровня их автономности» [17, с. 83]. Аналогичные выводы содержатся в работе А. Д. Кузнецова, который также указывает на необходимость разработки «правовых, организационных, технико-документальных основ для организации, наблюдения, идентификации, контроля, запрета и блокировки использования БВС уполномоченными органами» [33, с. 104]. Часто в работах звучат восторженные отзывы об экспериментальных правовых режимах [55], хотя по своей сути, как нами уже отмечалось, это тупиковый путь развития законодательства.

Вместе с тем многие работы носят характер комментариев действующего законодательства без постановок проблем и путей их разрешения [3; 4]. Так, авторами статьи [21] отмечается, что «ранее в предыдущих статьях были рассмотрены правовые аспекты использования беспилотных летательных аппаратов при заготовке древесины и для мониторинга эндогенных пожаров при открытой добыче угля. В настоящей статье речь пойдет о правовых аспектах использования беспилотных воздушных судов (далее – БВС) при проведении аэросъемочных работ». По своей сути это очередной цикл статей, которые можно отнести к комментариям действующего законодательства. Кроме того, на наш взгляд, выделение особенностей правового регулирования отдельных работ с использованием БАС – это во многом надуманная проблема, поскольку все они регламентируются одними и теми же нормативными актами.

Как пишет А. И. Землин, обеспечение эксплуатации беспилотного транспорта требует внедрения

системы управления рисками, решения соответствующих правовых и организационных проблем безопасности его использования. Выявление, дифференциация, мониторинг соответствующих рисков являются необходимыми условиями для разработки научно обоснованной системы правовых мер общей и частной превенции, включающей меры юридической ответственности за соответствующие правонарушения, основанной на категорировании рисков и угроз нарушения обязательных требований [25].

В работе С. В. Швецевой, А. В. Швецова отмечено, что беспилотный летательный аппарат (другие обозначения: БПЛА, беспилотник, дрон), согласно определению, одобренному Международной организацией гражданской авиации (ICAO), – «воздушное судно без пилота, которое полностью дистанционно управляется из другого места (с земли, с борта другого воздушного судна, из космоса) либо запрограммировано и полностью автономно» [68].

Также указанными авторами анализируются вопросы внедрения БАС в современные грузоперевозки. Основным препятствием, по мнению исследователей, здесь является проблема безопасности при движении БАС, для решения которой предлагается разработка новой концепции безопасности движения БАС в городских условиях. Современное российское законодательство препятствует задействованию беспилотников в коммерческих перевозках, рассматриваемые в качестве воздушного средства они могут потребовать от владельца, например, регистрации авиакомпания. Сравнительный анализ применяемых за рубежом подходов предполагает, что, во-первых, все беспилотные средства должны быть разбиты по категориям риска, а во-вторых, при использовании этих средств для коммерческой доставки грузов необходимо первоначально согласовать маршруты, следование по которым причинит наименьший ущерб в случае аварийного падения беспилотника [68].

Остается неразрешенной проблема классификации БАС. Так, А. Д. Кузнецов полагает, что все положения об определении и классификации соответствующих устройств необходимо исключить из подзаконных актов, их следует заменить на бланкетную отсылку к Воздушному кодексу РФ [33].

Исследования зарубежных ученых, посвященные правовому регулированию БАС

Проведение именно компаративистского исследования характеризуется своей непреходящей ценностью. Обнаружение существующего различия в подходах отечественных и зарубежных ученых к проблематике использования беспилотных систем позволит выявить как существующие возможности, так и пробелы и недостатки правового регулирования, которые могут присутствовать в отечественном праве. Как отмечается в различных исследованиях, для совершенствования правового регулирования

применения современных технологий приветствуется использование зарубежного опыта с обязательным учетом имеющейся в нашем государстве национальной специфики [45].

Зарубежные ученые, как и российские авторы, акцентируют внимание на используемой в законодательстве терминологии, пытаясь вывести определение БАС, которое бы охватывало все их разновидности. Так, R. Curran определяет беспилотные авиационные системы как летательные аппараты, которые управляются дистанционно или автономно и не имеют на борту пилота. Исследователь отмечает, что они (БАС) должны рассматриваться системным образом и включают в себя летательные аппараты, системы управления и сопутствующее вспомогательное оборудование [74]. Роль человека-оператора в беспилотных авиационных системах (БАС) варьируется в зависимости от его назначения. Таким образом, как указывает ученый, желательно точно определить различия и сходства между назначением различных аппаратов [73].

Мы изучили работы зарубежных авторов конституционной, административной, уголовно-правовой и гражданско-правовой направленности, касающиеся правового регулирования беспилотных систем. Одной из центральных тем в европейских исследованиях является проблема прав человека, что выступает характерным лейтмотивом работ западных исследователей. Поэтому в сфере конституционного права проблему правового регулирования использования БАС связали с личными правами человека. Так, M. Maniadaki анализирует вопросы соблюдения конфиденциальности при использовании дронов в ликвидации последствий стихийных действий. При этом им активно используется судебная практика Европейского суда по правам человека и Суда Европейского союза [82]. Близка к этой тематике также монография G. Kaug, в которой представлен взгляд на соотношение возникающей при использовании беспилотных систем «массовой слежки» с институтом прав человека [79]. В русле аналогичных тем выполнена работа S. Massa «Подглядывающий город...» [84].

Вопросы соблюдения прав человека исследуются зарубежными учеными с применением методов интервьюирования. Так, проводимые опросы показывают не очень высокий уровень доверия граждан к организациям и учреждениям, использующим БАС [91]. Опрошенные обеспокоены соблюдением таких прав, как неприкосновенность частной жизни и личная безопасность. По мнению зарубежных ученых, ключевыми моментами в правовом регулировании беспилотных систем выступают: минимизация причинения возможного вреда; уважение к правам личности и общества в целом; пробельность законодательства в сфере применения БАС [90]; возможные правонарушения, совершенные с использованием БАС; конфиденциальность (неприкосновенность частной жизни) [91].

Отдельное направление в исследованиях зарубежных ученых составляет концепция умных городов, в которые интегрированы различные беспилотные транспортные системы, в связи с чем авторы вновь обращаются к проблеме защиты персональных данных [83]; права на неприкосновенность частной жизни и т. д. [76].

Беспилотные системы оснащают (могут оснащать) искусственным интеллектом, в связи с чем в исследованиях указывается на необходимость использования этического и ориентированного на человека подхода к ИИ как основы будущих законов в этой сфере, а также на важность учета как юридических, так и этических требований при его внедрении [77]. Здесь сразу бы хотелось отметить, что западные идеи о признании ИИ субъектом права чужды как нашей правовой доктрине, так и традиционным ценностям российского общества. Более того, в настоящее время не существует даже предпосылок для возникновения и функционирования общественных отношений, субъектом, а не предметом которых являлся бы ИИ.

Как мы уже указывали, ИИ может выступать составной частью БАС, поэтому проблемы этики в развитии беспилотных систем часто в зарубежных исследованиях сопряжены с вопросами права. Особое внимание при этом уделяется этическим принципам применения БАС и искусственного интеллекта [78]. Ученых интересует так называемая «проблема вагонетки». Как должен поступить ИИ, управляющий БАС при дилемме выбора: сбить двоих или изменить траекторию и сбить одного человека. Для зарубежных ученых вопрос остается открытым, но с нашей позиции – должен сработать механизм самоуничтожения БАС. Философию и этику физики, извечно спорившие с лириками, часто обвиняют в отсутствии практичности как таковой, но в данной ситуации мы видим, как этические принципы находят свое применение. Во многих работах зарубежных ученых поднимается проблема соотношения этики и морали с правом [88]. Так, отмечается, что взаимодействие человека и машины бросает вызов философским основам человеческого существования и этическим нормам. Помимо технических проблем, связанных с обеспечением этичного поведения в сфере искусственного интеллекта и робототехники, возникают моральные вопросы о целесообразности замены человеческих функций и человеческого разума такими технологиями. Например, важной моральной и юридической проблемой являются вопросы о том, следует ли использовать такие технологии для прекращения человеческой жизни, кто в результате несет ответственность за неправомерные или вредоносные действия, совершаемые искусственным интеллектом и робототехникой [90].

Некоторые работы зарубежных ученых, как и труды российских исследователей, посвящены обзорам нормативных правовых актов, регулирующих БАС. Так, C. S. Onunta представлен обзор нормативно-

правовой базы, регулирующей беспилотные летательные системы в Великобритании, в отношении каждой из беспилотных летательных систем. Кроме того, им рассматривается управление рисками, в том числе охватывающими безопасность и кибербезопасность. Автор критикует существующие нормативные правовые акты и отмечает, что они не обеспечивают права и свободы личности [86]. Как уже указывалось, акцент на права и свободы человека и гражданина делается во многих зарубежных работах.

Как и отечественные ученые, зарубежные авторы исследуют БАС во взаимосвязи с преступлениями, в которых он может быть использован в качестве орудия или средства его совершения: нарушения неприкосновенности частной жизни; террористический акт; убийство и др. [75]. С другой стороны, сами БПЛА могут выступать в качестве предмета преступления [72]. Любое техническое новшество открывает новые возможности не только для общества и созидания, но и для преступников. Так, с помощью дронов стал происходить сбор доказательств [81; 87].

Однако, с позиции зарубежных авторов, здесь также не всё однозначно. Так, например, в литературе рассматривается проблематика полученных беспилотными системами видео в качестве доказательств, на опыте задержания мигрантов отмечается, в частности, что с помощью таких записей защита представляла обвиняемых через призму уязвимости, а обвинение – через призму незаконности. При этом подчеркивается, что психологические интерпретации кадров, снятых дронами, по-разному влияют на формирование образа личности и на юридические решения, касающиеся статуса и прав лиц, перемещенных через границы [80].

Об использовании беспилотников в качестве оружия нападения на море пишет P. R. A. Yoga [93]; близка к соответствующей тематике посвященная защите морских платформ работа Q. Wang [92]. Как пишет A. Basiri, в международном праве нет конкретной статьи или положения, запрещающего или ограничивающего производство и разработку такого вооружения. Однако маловероятно, что использование современного дистанционного/роботизированного вооружения будет законным или не будет нарушать принципы гуманитарного права [71].

Что касается «мирного» использования беспилотного транспорта, то, например, в работе P. Naveen отмечено, что в условиях распространения летающего такси необходимо будет создать нормативно-правовую базу, устанавливающую стандарты их эксплуатации, включая требования к безопасности, квалификации пилотов, а также процедурам технического обслуживания и проверки, а в последующем собирать и анализировать данные о полетах дронов-такси, чтобы контролировать их работу и выявлять проблемы, связанные с безопасностью [85].

Изучение зарубежного опыта использования беспилотных технологий показывает во многом наличие одинаковых проблем правового регулирования. Однако зарубежными исследователями пропорционально больше внимания уделяется проблематике защиты прав человека при использовании беспилотных систем, а в вопросе юридической ответственности они отдают приоритет ее гражданско-правовой составляющей.

Вероятно, мы переживаем своеобразный пик развития как соответствующих беспилотных систем, так и юридических исследований, посвященных регулированию их применения. Обзор научных работ, в которых рассматривается проблематика использования беспилотных систем, свидетельствует о бурном росте их числа в последние годы, при анализе направленности зарубежных исследований мы старались использовать именно работы последних лет.

Нетрудно заменить, однако, что названные исследования преимущественно были посвящены отдельным узким вопросам применения беспилотных технологий. Такие работы часто либо носят исключительно утилитарный и прикладной характер, либо, напротив, смешивают вопросы правоприменения с проблемами этики и философии. При этом на практике наличествует необходимость проведения исследований, посвященных юридической сущности соответствующего явления в целом, тех принципиальных оснований, с которыми юриспруденция могла бы подходить к самой проблеме внедрения беспилотных систем в хозяйственную практику, появления новых устройств и механизмов их взаимодействия между собой и с человеком в будущем.

Проведенный обзор показал существование определенных отличий между отечественными и зарубежными подходами к исследованию правового регулирования беспилотных систем, но соответствующие проблемы не являются непреодолимыми. Они обусловлены всей предшествующей историей развития правовых систем, воспроизводят подходы, сложившиеся ранее.

Так, внимание зарубежных авторов часто привлекает проблематика соблюдения прав человека и охрана конфиденциальности при использовании беспилотников, уделяется внимание соотношению этики и права при выстраивании соответствующего правового регулирования, а что касается более узких вопросов – проблеме компенсации ущерба при морском столкновении беспилотных систем.

В свою очередь, отечественные специалисты пропорционально более значительное внимание уделяют проблематике юридической ответственности в отношениях, осложненных использованием беспилотных систем, вопросам задействования беспилотников при криминалистическом расследовании преступлений.

Ученые в других странах в большей степени затрагивают иные проблемы. Следует отметить, что затрудняют анализ зарубежных правовых научных исследований различия в законодательстве и, шире, в содержании компонентов правовой системы государств. Стремясь выйти на прикладной уровень, а не ограничиваться лишь теоретическим обобщением, правоведы вынуждены отталкиваться от правовых норм, функционирующих в конкретном государстве. Национальная ориентированность юридических исследований усиливается применительно к беспилотным системам в связи с тем, что законодательство об их использовании только начинает формироваться.

Заключение

Отечественные исследователи анализируют нравственные, психологические и юридические проблемы установления мер ответственности за вред, причиненный беспилотным транспортным средством, пытаются оценить препятствия, которые возникают при конструировании соответствующих запретов в рамках административного или уголовного законодательства.

Исследования, направленные на совершенствование правового регулирования использования БАС, ведутся представителями наук административного, гражданского, уголовного и уголовно-процессуального права, а также криминологами и криминалистами. При этом сказывается отсутствие единой научно обоснованной концепции правового регулирования в данной области общественных отношений и сформированной государственно-правовой политики.

Существующее действующее административное (включая воздушное) законодательство и уголовное законодательство не адаптированы под новые виды социальных связей с использованием БАС, что отмечается практически всеми авторами. Пути выхода из сложившейся ситуации большинство ученых видят в принятии специального нормативного правового акта, а не во внесении бесконечных изменений в уже существующие, а также в формулировании ряда новых норм в УК РФ и КоАП РФ. Кроме того, мы полагаем, что экспериментальное правовое регулирование использования БАС в том виде, в котором оно существует сейчас, – это тупиковый путь его развития, так как при его реализации не апробируются новые нормы, а просто временно не применяется ряд существующих правовых норм.

Изучение зарубежного опыта исследования проблем правового регулирования беспилотных авиационных систем демонстрирует во многом наличие одинаковых проблем. Однако зарубежными учеными пропорционально больше внимания уделяется проблематике защиты прав человека при использовании БАС, а в вопросе юридической ответственности они отдают приоритет ее гражданско-правовой составляющей.

Законодательство, регулирующее отношения использования БАС, и сама деятельность правотворческих органов в этой сфере характеризуются следующими чертами: большой долей ведомственного нормотворчества; значительным массивом актов, содержащих юридико-технические нормы; общим и экспериментальным правовым регулированием; не созданием новых нормативных правовых актов уровня закона, специально направленного именно на регулирование отношений с использованием БАС, а внесением изменений и дополнений в уже существующее воздушное законодательство.

Библиографический список

1. *Абрамова А. В., Игнатьев А. Г., Панова М. С.* Этика в области искусственного интеллекта – от дискуссии к научному обоснованию и практическому применению: аналитический доклад // XIII Конвент Российской ассоциации международных исследований. М., 2021. С. 26–42.
2. *Александрова Е. Г.* Предупреждение преступлений, совершаемых с использованием беспилотных летательных аппаратов // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». 2021. № 1. С. 165–170. DOI 10.25586/RNU.V9276.21.01.P.165
3. *Алексахина С. А., Кузичев В. В., Алексехин С. А.* Правовые аспекты использования беспилотных летательных аппаратов в России // Управление общественными и экономическими системами. 2025. № 2(42). С. 52–57.
4. *Альбинов И. Р.* Правовое регулирование применения беспилотных летательных аппаратов в воздушном пространстве // Транспортное право и безопасность. 2024. № 2 (50). С. 52–57.
5. *Амиянц К. А., Саркисянц Г. Г.* Юридическая ответственность при использовании беспилотных транспортных средств // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 12-1 (99). С. 22–26. DOI 10.24412/2500-1000-2024-12-1-22-26
6. *Ананенко А. О.* Юридическая ответственность в области использования беспилотных транспортных средств // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6. С. 30–36. DOI 10.17803/2311-5998.2021.82.6.155-161
7. *Анисимов А. П., Иванова Ж. Б.* Правовое регулирование использования беспилотных воздушных судов (квадрокоптеров): дискуссионные вопросы // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2017. № 4 (49). С. 64–70.
8. *Антонов А. А.* Беспилотные транспортные средства как источники повышенной опасности // Транспортное право. 2021. № 4. С. 7–10.
9. *Афанасьевская А. В.* Правовой статус искусственного интеллекта // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 4 (141). С. 88–92. DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-88-92

10. Балаева Ю. С. Проблема определения субъектов юридической ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом: анализ путей решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3. С. 10–19.
11. Бегалиев Е. Н. О перспективах применения беспилотных летательных аппаратов в ходе производства отдельных следственных действий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 163–172.
12. Бимбинов А. А. Криминальные угрозы транспортной среды «умного города» // Юридическая наука и практика. 2020. № 3 (51). С. 94–99. DOI 10.36511/2078-5356-2020-3-94-99
13. Болгова В. В. К вопросу о роли экспериментального правового режима в формировании системы правового регулирования беспилотных авиационных систем // Правовая культура. 2025. № 3 (62). С. 117–118.
14. Быков А. И. Сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства, регулирующего ввоз и реализацию беспилотных летательных аппаратов // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 4. С. 14–19.
15. Вардanian А. В., Андреев А. С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 785–794. DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(6).785-794
16. Вискнин И. И., Коробеев А. И., Маликов С. В., Чучаев А. И. Уголовно-правовое обеспечение безопасности беспилотных воздушных транспортных средств. М.: Ин-т государства и права РАН, 2023. 272 с.
17. Владимиров И. А., Гиззатуллин Р. Х., Иксанов Р. А. Правовое регулирование использования беспилотных воздушных судов в сельском хозяйстве // Информационное общество. 2025. № 3. С. 78–87.
18. Грищенко Г. А. Правовое регулирование беспилотных летательных аппаратов: российский подход и мировая практика // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 129–136. DOI 10.17803/2311-5998.2019.64.12.129-136
19. Громова Е. А. Правовые аспекты регистрации и использования беспилотных летательных аппаратов // Право и экономика. 2019. № 7. С. 56–60.
20. Демьянович М. А. Использование беспилотных летательных аппаратов в преступных целях: методы противодействия и борьбы // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 2 (21). С. 108–112.
21. Ерин В. В., Рада А. О., Кузнецов А. Д. Правовые аспекты выполнения аэросъемочных работ с помощью беспилотных воздушных судов // Аграрное и земельное право. 2019. № 12 (180). С. 187–189.
22. Заплатина Т. С. Нормы и правовая доктрина юридической ответственности роботов и искусственного интеллекта // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2019. № 3. С. 128–133. DOI 10.25586/RNU.V9276.19.03.P.
23. Заранина Л. В., Белокопытова Н. Ю. Правовое регулирование полетов беспилотных летательных аппаратов: перспективы, новации, проблемы // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 4. С. 34–41.
24. Звягин И. С. Применение беспилотных летательных аппаратов для обеспечения криминалистических задач // Вестник Воронежского института МВД России. 2025. № 2. С. 189–193.
25. Землин А. И., Матвеева Е. В., Гоц Е. В. Управление рисками безопасного использования высокоавтоматизированных транспортных средств в мегаполисе: системно-правовой анализ // Мир транспорта. 2023. Т. 21, № 3 (106). С. 115–122. DOI 10.30932/1992-3252-2023-21-3-11
26. Иванова Ю. Н., Иванов К. С., Бондарева М. К. и др. Применение беспилотных летательных аппаратов при геологоразведочных и поисково-оценочных работах // Исследование Земли из космоса. 2021. № 1. С. 78–88.
27. Каух П. В., Шишкин Н. Д., Дидковский Е. В. Проблемы правового регулирования беспилотных транспортных средств в уголовном праве // Colloquium-journal. 2019. № 13-13 (37). С. 8–10.
28. Клебанов Л. Р., Полубинская С. В. Компьютерные технологии в совершении преступлений диверсионной и террористической направленности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 3. С. 717–734. DOI 10.22363/2313-2337-2020-24-3-717-734
29. Корнилов Т. В. Беспилотные авиационные системы в сельском хозяйстве // Защита и карантин растений. 2024. № 2. С. 11–18.
30. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Беспилотные транспортные средства, оснащенные системами искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 3. С. 117–132. DOI 10.24866/1813-3274/2018-3/117-132
31. Коршунов Н. А., Савченкова В. А., Перминов А. В., Конюшенков М. Е. Перспективы применения беспилотных авиационных систем в лесном комплексе // Лесохозяйственная информация. 2022. № 2. С. 34–46. DOI 10.24419/LNI.2304-3083.2022.2.03
32. Кочои С. М. Уголовно-правовые риски использования беспилотных транспортных средств // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 7. С. 125–135.
33. Кузнецов А. Д. Регулирование использования беспилотных воздушных судов // Информационное общество. 2024. № 3. С. 98–106.
34. Куфлева В. Н., Соболев Д. В., Фирсов В. В. Проблемные аспекты квалификации преступлений с использованием беспилотного транспортного средства // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27(1–4), № 3. С. 335–342. DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.335-342.
35. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его

работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102. DOI 10.17-323/2072-8166.2019.2.79.102

36. *Липинский Д. А., Малько А. В., Иванов А. А., Маркунин Р. С.* Основы теории юридической аномии / под ред. Д. А. Липинского. М.: РИОР, 2025. 140 с.

37. *Макаренко С. И.* Противодействие беспилотным летательным аппаратам. СПб.: Научное издание, 2020. 204 с.

38. *Макухин В. А.* Правовое регулирование правового статуса беспилотных летательных аппаратов // Научный вестник Крыма. 2017. № 1. С. 1–6.

39. *Малько А. В., Липинский Д. А., Мусаткина А. А. и др.* Теория государства и права / под ред. А. В. Малько. М.: КноРус, 2017. 400 с.

40. *Марухин А. А.* Законодательное регулирование правового статуса беспилотных летательных аппаратов // Научный вестник Крыма. 2017. № 1 (6). С. 1–6.

41. *Маслакова Е. А., Приходько Н. Ю.* Уголовно-правовая регламентация неправомерного использования беспилотных летательных аппаратов (беспилотных воздушных судов) как потенциальной угрозы транспортной безопасности в национальном и зарубежном законодательстве // Российский следователь. 2020. № 6. С. 67–71.

42. *Матюха С. В.* Беспилотные авиационные системы в грузоперевозках // Транспортное дело России. 2022. № 1. С. 142–145. DOI 10.52375/20728689_2022_1_141

43. *Матюха С. В.* Беспилотные авиационные системы в региональных перевозках // Транспортное дело России. 2021. № 1. С. 100–102.

44. *Медяков Т. С.* Особенности административно-правового регулирования использования беспилотных летательных аппаратов в России и зарубежных странах // Административная деятельность правоохранительных органов России и зарубежных стран: сб. материалов Всерос. науч.-практ. сем. Рязань, 2017. С. 190–198.

45. *Михайлов М. А., Кокодей Т. А.* Риски злонамеренного использования искусственного интеллекта и возможности их минимизации // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 5. С. 452–461. DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(5).452-461

46. *Москвин Д. Е.* Этические аспекты использования БПЛА в современном мире // Наука. Техника. Человек: исторические, мировоззренческие и методологические проблемы: сб. науч. ст. М.: ИД Академии Жуковского, 2024. Вып. 13. С. 230–235.

47. *Мотасова Д. Д.* Гражданско-правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов в российском и зарубежном законодательстве // Аграрное и земельное право. 2017. № 11. С. 27–31.

48. *Мотасова Д. Д.* Международно-правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов // Транспортное право и безопасность. 2019. № 1. С. 116–128.

49. *Мусаткина А. А.* О юридической ответственности в сфере применения БПЛА // Правовая культура. 2025. № 3 (62). С. 119–121.

50. *Набатчиков А. М., Бурлак Е. А.* Этические вопросы использования беспилотных летательных аппаратов в гражданской сфере // Искусственный интеллект: философия, методология, инновации: сб. тр. IX Всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Москва, 10–11 декабря 2015 г.) / под общ. ред. Е. А. Никитиной. М.: МИРЭА, 2015. С. 190–195.

51. *Олейников Ю. А.* Роль ценностей в формировании профессиональной идентичности операторов беспилотных летательных аппаратов МЧС России // Пожарная и аварийная безопасность. 2024. № 4 (35). С. 135–141.

52. *Полетыкин Д. А.* Правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов в Российской Федерации // Юридическая наука. 2023. № 9. С. 143–152.

53. *Попрядухина И. В.* Актуальные вопросы правового регулирования беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в Российской Федерации // Cifra. Право. 2025. № 3 (7). С. 1–5. DOI 10.60797/LAW.2025.7.5

54. *Рывкин С. Ю.* Инновационные аспекты и тенденции тактики производства осмотров с использованием беспилотных авиационных средств // Современный ученый. 2019. № 6. С. 269–279.

55. *Сазанова А. А.* Сравнительный анализ российского и зарубежного опыта государственного регулирования беспилотных авиационных систем // Мир новой экономики. 2022. Т. 16, № 4. С. 79–87. DOI 10.26794/2220-6469-2022-16-4-79-87

56. *Сазонов А. А., Штепнер К. В.* Этические аспекты внедрения гражданских беспилотных летательных аппаратов: систематический обзор // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 502. С. 76–83. DOI 10.17223/15617793/502/8

57. *Синьков И. А.* О некоторых вопросах административно-правового регулирования беспилотных летательных аппаратов // Законность и правопорядок. 2021. № 2 (30). С. 20–23.

58. *Соколова М. Е.* БПЛА: технология, этика, право // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. 2020. № 4. С. 85–93.

59. *Соленов А. М.* Правовое регулирование применения беспилотных летательных аппаратов // Наукосфера. 2021. № 5-2. С. 242–245.

60. *Степанян А. Ж.* Проблемы регулирования беспилотных транспортных средств // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 169–174. DOI 10.17803/2311-5998.2019.56.4.169-174

61. *Томильцева Д. А., Железнов А. А.* неизбежный третий: этико-политические аспекты взаимодействия с искусственными агентами // Полития. 2020. № 4 (99). С. 90–107. DOI 10.30570/2078-5089-2020-99-4-90-107

62. Трофимов В. Е. Беспилотные транспортные средства как потенциальный предмет уголовных правоотношений // Управление деятельностью по обеспечению дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. 2020. № 1(3). С. 422–430.
63. Фомин М. С. Актуальные проблемы уголовно-правовой регламентации противоправного использования беспилотных мобильных средств // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1(86). С. 103–110.
64. Цветкова Е. С. Виды источников повышенной опасности в аспекте развития новых технологий // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 385–401.
65. Чучаев А. И., Маликов С. В. Механизм дорожно-транспортного происшествия с участием беспилотника: постановка проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 160–168. DOI 10.17803/1994-1471.2020.115.6.160-168
66. Чучаев А. И., Маликов С. В. Нравственные и правовые аспекты ответственности за причинение вреда беспилотными транспортными средствами // Транспортное право. 2022. № 3. С. 16–20.
67. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // Lex Russica. 2019. № 2. С. 9–28. DOI 10.17803/1729-5920.2019.147.2.009-028
68. Швецова С. В., Швецов А. В. Анализ безопасности при перевозке грузов беспилотными летательными аппаратами // Мир транспорта. 2019. Т. 17, № 5 (84). С. 286–297. DOI 10.30932/1992-3252-2019-17-5-286-297
69. Щербак М. Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71), № 3. С. 73–81.
70. Ayusheeva I. Z., Anisimov A. V. Civil Liability for Damages Caused by Unmanned Vehicles in Russian and Foreign Law // Kutafin Law Review. 2024. Vol. 11. No. 2. Pp. 222–245.
71. Basiri A., Babaee M., Tavakoli T. A., Reza M. Analyzing the Legal Dimensions of Unmanned Combat Aerial Vehicle in the International Law // Journal of Politics and Law. 2016. Vol. 9. No. 10. Pp. 1–11. DOI 10.5539/jpl.v9n10p1
72. Brown A., Johnson S. D., Tuptuk N. A Scoping Study: Crime and Connected and Autonomous Vehicles // Crime Science. 2025. Vol. 14. Pp. 2–18. DOI 10.1186/s40163-025-00245-x
73. Cumings M. An Operator Function Taxonomy for Unmanned Aerial Vehicle Missions // Proceedings of the 12th International Command and Control Research and Technology Symposium (ICCRTS): Adapting C2 to the 21st Century. Newport, RI, USA, 2007. Track 4: Cognitive and Social Issues. URL: <http://www.dodccrp.org>.
74. Curran R. Development of a Safety Assessment Methodology for the Risk of Collision of an Unmanned Aircraft System with the Ground // SAE Technical Paper Series. 2011. No. 2011-01-2684. Pp. 12–18. DOI 10.4271/2011-01-2684
75. Di Pietro R. Leveraging Jamming to Help Drones Complete Their Mission // IEEE Access. 2020. Vol. 8. Pp. 2311–2325. DOI 10.1109/ACCESS.2019.2963105.
76. Franco Escobar S. E. Reptes en el disseny i la implementació de ciutats intel·ligents sostenibles, accessibles i inclusives // Revista Catalana de Dret Públic. 2025. No. 70. Pp. 113–132. DOI 10.58992/rcdp.i70.2025.4113
77. Harasimiuk D., Braun T. Regulating Artificial Intelligence: Binary Ethics and the Law. 1st ed. London: Routledge, 2021. 248 p. DOI 10.4324/9781003134725.
78. Hossin M. A., Yin S., Dan R. et al. Integrating Artificial Intelligence in Unmanned Vehicles: Navigating Uncertainties, Risks, and the Path Forward for the Fourth Industrial Revolution // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. Vol. 12. Pp. 312–326. DOI 10.1057/s41599-025-04554-z
79. Kaur G. Mass Surveillance and Human Rights: A Techno Legal Approach. New York: Nova Science Publishers, 2025. 195 p. DOI 10.52305/OPIF0534
80. Kordoni A., Levine M., Bennaceur A., Gavidia-Calderon C., Nuseibeh B. Intersecting Social Identity and Drone Use in Humanitarian Contexts: Psychological Insights for Legal Decisions and Responsible Innovation // Journal of Responsible Technology. 2025. Vol. 23. Article 100129. DOI 10.1016/j.jrt.2025.100129
81. Lee D. Drone Forensics Redefined: Integrating Live, Digital, and Non-Digital Evidence Acquisition Systems // Forensic Science International: Synergy. 2025. Vol. 11. Article 100635. DOI 10.1016/j.fsisyn.2025.100635
82. Maniadaki M. Use of Drones in Disasters in the European Union: Privacy Issues and Lessons Learned from the COVID-19 Pandemic and Mass Surveillance Jurisprudence of the ECtHR and the CJEU // Laws. 2025. Vol. 14. No. 2. P. 27. DOI 10.3390/laws14020027
83. Mansoor S. I. AI and the Rule of Law in Urban Security: Upholding Police Accountability in Smart Cities // AI Driven Policing and Urban Security in Smart Cities. IGI Global, 2025. Ch. 3. Pp. 55–80. DOI 10.4018/979-8-3373-0245-4.ch003
84. Massa S. Peeping Town: Drone Surveillance and the Exclusionary Rule in Long Lake Township v. Maxon // Northwestern University Law Review. 2025. Vol. 119. No. 4. Pp. 1103–1133.
85. Naveen P. Unlocking the Potential: How Flying Taxis Will Shape the Future of Transportation // Sustainability. 2024. Vol. 16. No. 24. Article 10737. DOI 10.3390/su162410737
86. Onunta C. S. Policy and Compliance: Regulatory Perspective for Autonomous Aerial and Surface Operations // Advanced Sciences and Technologies for Security Applications. Cham: Springer, 2026. Pp. 179–198. DOI 10.1007/978-3-031-57991-9_9
87. Stolzenberg L. Crime Science: Modern Technologies to Combat Crime. New York: Routledge, 2025. 137 p. DOI 10.4324/9781003558491

88. Taddeo M. The Ethics of Artificial Intelligence in Defence. Oxford: Oxford University Press, 2024. 320 p.
89. Ülgen O. The Ethical Implications of Developing and Using Artificial Intelligence and Robotics in the Civilian and Military Spheres // *AI & Society: Journal of Knowledge, Culture and Communication*. 2017. Vol. 33. No. 4. P. 567–581. DOI 10.1007/s00146-017-0731-6
90. Wang N., Christen M., Hunt M. Ethical Considerations Associated with “Humanitarian Drones”: A Scoping Literature Review // *Science and Engineering Ethics*. 2021. Vol. 27. No. 4. Article 51. DOI 10.1007/s11948-021-00328-3
91. Wang N., Mutzner N., Blanchet K. We Need Time...: An Expert Survey on Societal Acceptance of Urban Drones // *Science and Public Policy*. 2025. Vol. 52. No. 3. Pp. 356–374. DOI 10.1093/scipol/scae078
92. Wang Q. Maritime Law Enforcement Concerning Offshore Energy Platforms: Navigating International Law Constraints and Challenges // *Marine Policy*. 2024. Vol. 170. Article 106370. DOI 10.1016/j.marpol.2024.106370
93. Yoga P. R. A. The Law of Perfidy and Ruses of War at Sea // *Journal of Conflict and Security Law*. 2024. Vol. 29. Issue 3. Pp. 375–390. DOI 10.1093/jcsl/krae012

References

1. Abramova A. V., Ignatyev A. G., Panova M. S. Etika v oblasti iskusstvennogo intellekta — ot diskussii k nauchnomu obosnovaniyu i prakticheskomu primeneniyu: analiticheskiy doklad [Ethics in the Field of Artificial Intelligence: From Discussion to Scientific Justification and Practical Application: An Analytical Report]. *XIII Konvent Rossiyskoy assotsiatsii mezhdunarodnykh issledovaniy* [XIII Convention of the Russian Association for International Studies]. Moscow, 2021. Pp. 26–42. (In Russ.)
2. Aleksandrova E. G. Preduprezhdenie prestupleniy, sovershaemykh s ispol'zovaniem bespilotnykh letatel'nykh apparatov [Preventing Crimes Committed with the Use of Unmanned Aerial Vehicles]. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya «Chelovek i obshchestvo»* — Bulletin of the Russian New University. Series "Man and Society". 2021. Issue 1. Pp. 165–170. DOI 10.25586/RNU.V9276.21.01.P.165 (In Russ.)
3. Aleksakhina S. A., Kuzichev V. V., Aleksakhin S. A. Pravovye aspekty ispol'zovaniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov v Rossii [Legal Aspects of the Use of Unmanned Aerial Vehicles in Russia]. *Upravlenie obshchestvennymi i ekonomicheskimi sistemami* — Management of Public and Economic Systems. 2025. Issue 2(42). Pp. 52–57. (In Russ.)
4. Al'bikov I. R. Administrativno-pravovoe regulirovanie transportnykh otnosheniy [Administrative and Legal Regulation of Transport Relations]. *Transportnoe pravo i bezopasnost'* — Transport Law and Safety. 2024. Issue 2. Pp. 52–57. (In Russ.)
5. Amiyants K. A. Yuridicheskaya otvetstvennost' pri ispol'zovanii bespilotnykh transportnykh sredstv [Legal Liability for the Use of Unmanned Vehicles]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* — International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. Issue 12. Pp. 22–26. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-12-1-22-26 (In Russ.)
6. Ananenko A. O. Yuridicheskaya otvetstvennost' v oblasti bespilotnykh transportnykh sredstv [Unmanned Vehicle Use: Legal Responsibility]. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021. Issue 6. Pp. 30–36. DOI 10.17803/2311-5998.2021.82.6.155-161 (In Russ.)
7. Anisimov A. P., Ivanova Zh. B. Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya bespilotnykh vozдушnykh sudov: diskussionnye voprosy [Legal Regulation of Unmanned Aircraft Use: Debated Issues]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan* — Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2017. Issue 4. Pp. 64–70. (In Russ.)
8. Antonov A. A. *Bespilotnye transportnye sredstva kak istochniki povyshennoy opasnosti* [Unmanned Vehicles as Sources of Increased Danger]. *Transportnoe pravo* — Transport Law. 2021. Issue 4. Pp. 7–10. (In Russ.)
9. Afanas'yevskaya A. V. Pravovoy status iskusstvennogo intellekta [Legal Status of Artificial Intelligence]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* — Bulletin of Saratov State Law Academy. 2021. Issue 4. Pp. 88–92. DOI 10.24412/2227-7315-2021-4-88-92 (In Russ.)
10. Balaeva Yu. S. Problema opredeleniya sub'yektov yuridicheskoy otvetstvennosti za vred, prichinennyy iskusstvennym intellektom: analiz putej resheniya [The Issue of determining the Subjects of Legal Liability for Harm Caused by Artificial Intelligence: Analysis of Solutions]. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023. Issue 3. Pp. 10–19. (In Russ.)
11. Begaliyev E. N. O perspektivakh primeneniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov v khode proizvodstva otdel'nykh sledstvennykh deystviy [On the Prospects of Using Unmanned Aerial Vehicles in Conducting Certain Investigative Actions]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* — Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. Issue 2. Pp. 163–172. (In Russ.)
12. Bimbinov A. A. Kriminal'nye ugrozy transportnoy sredy umnogo goroda [Criminal Threats to the “Smart City” Transport Environment]. *Legal Science and Practice. Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. Issue 3. Pp. 94–99. DOI 10.36511/2078-5356-2020-3-94-99 (In Russ.)
13. Bolgova V. V. K voprosu o roli eksperimental'nogo pravovogo rezhima v formirovanii sistemy pravovogo regulirovaniya bespilotnykh aviatsionnykh sistem [On the Role of the Experimental Legal Regime in Shaping the System of Legal Regulation of Unmanned Aircraft Systems]. *Pravovaya kul'tura* — Legal Culture. 2025. Issue 3. Pp. 117–118. (In Russ.)

14. Bykov A. I. Sravnitel'no-pravovoy analiz zarubezhnogo zakonodatel'stva, reguliruyushchego vvoz i realizatsiyu bespilotnykh letatel'nykh apparatov [Comparative Legal Analysis of Foreign Legislation Regulating the Import and Sale of Unmanned Aerial Vehicles]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of the Samara Law Institute*. 2018. Issue 4. Pp. 14–19. (In Russ.)
15. Vardanyan A. V., Andreev A. S. Bespilotnye letatel'nye apparaty kak segment tsifrovyykh tekhnologiy v prestupnoy i postkriminal'noy deystvitel'nosti [Unmanned Aerial Vehicles as a Segment of Digital Technologies in Criminal and Post-Criminal Reality]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – All-Russian Criminological Journal*. 2018. Vol. 12. Issue 6. Pp. 785–794. DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(6).785-794 (In Russ.)
16. Viksnin I. I., Korobeev A. I., Malikov S. V., Chuchayev A. I. *Ugolovno-pravovoe obespechenie bezopasnosti bespilotnykh vozдушnykh transportnykh sredstv* [Criminal-Law Framework for the Safety of Unmanned Airborne Vehicles]. Moscow, 2023. 272 p. (In Russ.)
17. Vladimirov I. A., Gizzatullin R. Kh., Iksanov R. A. Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya bespilotnykh vozдушnykh sudov v sel'skom khozyaystve [Legal Regulation of the Use of Unmanned Aircraft in Agriculture]. *Informatsionnoe obshchestvo – Information Society*. 2025. Issue 3. Pp. 78–87. (In Russ.)
18. Grishchenko G. A. Pravovoe regulirovanie bespilotnykh letatel'nykh apparatov: rossiyskiy podkhod i mirovaya praktika [Legal Regulation of Unmanned Aircraft: Russian Approach and World Practice]. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2019. Issue 12. Pp. 129–136. DOI 10.17803/2311-5998.2019.64.12.129-136 (In Russ.)
19. Gromova E. A. Pravovye aspekty registratsii i ispol'zovaniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov [Legal Aspects of Registration and Use of Unmanned Aerial Vehicles]. *Pravo i ekonomika – Law and Economics*. 2019. Issue 7. Pp. 56–60. (In Russ.)
20. Dem'yanovich M. A. Ispol'zovanie bespilotnykh letatel'nykh apparatov v prestupnykh tselyakh: metody protivodeystviya i bor'by [The Use of Unmanned Aerial Vehicles for Criminal Purposes: Methods of Counteraction and Combating]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika – Law and Order: History, Theory, Practice*. 2019. Issue 2(21). Pp. 108–112. (In Russ.)
21. Erin V. V., Rada A. O., Kuznetsov A. D. Pravovye aspekty vypolneniya aeros"emochnykh rabot s pomoshch'yu bespilotnykh vozдушnykh sudov [Legal Aspects of Performing Aerial Survey Work Using Unmanned Aircraft]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo – Agrarian and Land Law*. 2019. Issue 12. Pp. 187–189. (In Russ.)
22. Zaplatina T. S. Normy i pravovaya doktrina yuridicheskoy otvetstvennosti robotov i iskusstvennogo intellekta [Norms and Legal Doctrine of Legal Responsibility of Robots and Artificial Intelligence]. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo – Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society*. 2019. Issue 3. Pp. 128–133. DOI 10.25586/RNU.V9276.19.03.P (In Russ.)
23. Zaranina L. V., Belokopytova N. Yu. Pravovoe regulirovanie poletov bespilotnykh letatel'nykh apparatov: perspektivy, novatsii, problemy [Legal Regulation of Unmanned Aerial Vehicle Flights: Prospects, Innovations, Problems]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta – Legal Bulletin of Kuban State University*. 2021. Issue 4. Pp. 34–41. (In Russ.)
24. Zvyagin I. S. *Primenenie bespilotnykh letatel'nykh apparatov dlya obespecheniya kriminalisticheskikh zadach* [The Use of Unmanned Aerial Vehicles to Support Forensic Tasks]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025. Issue 2. Pp. 189–193. (In Russ.)
25. Zemlin A. I., Matveeva E. V. Upravlenie riskami bezopasnogo ispol'zovaniya vysokoa vtomatizirovannykh transportnykh sredstv v megapolise: sistemno-pravovoy analiz [Risk Management for the Safe Use of Highly Automated Vehicles in a Metropolis: Systems and Legal Analysis]. *World of Transport and Transportation*. 2023. Vol. 21. Issue 3(106). Pp. 115–122. DOI 10.30932/1992-3252-2023-21-3-11 (In Russ.)
26. Ivanova Yu. N., Ivanov K. S., Bondareva M. K. et al. *Primenenie bespilotnykh letatel'nykh apparatov pri geologorazvedochnykh i poiskovo-otsenochnykh rabotakh* [The Use of Unmanned Aerial Vehicles for the Search and Prediction of Ore Mineralization]. *Issledovanie Zemli iz kosmosa*. 2021. Issue 1. Pp. 78–88. (In Russ.)
27. Kaukh P. V., Shishkin N. D., Didkovskiy E. V. Problemy pravovogo regulirovaniya bespilotnykh transportnykh sredstv v ugovnom prave [Problems of Legal Regulation of Unmanned Vehicles in Criminal Law]. *Colloquium Journal*. 2019. Issue 13–13(37). Pp. 8–10. (In Russ.)
28. Klebanov L. R., Polubinskaya S. V. Komp'yuternye tekhnologii v sovershenii prestupleniy diversantnoy i terroristicheskoy napravlenosti [Computer Technologies for Committing Sabotage and Terrorism]. *RUDN Journal of Law*. 2020. Vol. 24. Issue 3. Pp. 717–734. DOI 10.22363/2313-2337-2020-24-3-717-734 (In Russ.)
29. Kornilov T. V. Bespilotnye aviatsionnye sistemy v sel'skom khozyaystve [Unmanned Aircraft Systems in Agriculture]. *Zashchita i karantin rasteniy – Plant Protection and Quarantine*. 2024. Issue 2. Pp. 11–18. (In Russ.)
30. Korobeev A. I., Chuchayev A. I. Bespilotnye transportnye sredstva, osnashchyonnye sistemami iskusstvennogo intellekta: problemy pravovogo regulirovaniya [Unmanned Vehicles Equipped with Artificial Intelligence Systems: Problems of Legal Regulation]. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo*. 2018. Vol. 20. Issue 3. Pp. 117–132. DOI 10.24866/1813-3274/2018-3/117-132 (In Russ.)
31. Korshunov N. A., Savchenkova V. A., Perminov A. V., Konyushenkov M. E. Perspektivy primeneniya bespilotnykh aviatsionnykh sistem v lesnom komplekse [Promising Areas of Application of Unmanned Aircraft Systems in the Forest Complex]. *Lesokhozyaystvennaya informatsiya*. 2022. Issue 2. Pp. 34–46. DOI 10.24419/LHI.2304-3083.2022.2.03 (In Russ.)

32. Kochoi S. M. Ugolovno-pravovye riski ispol'zovaniya bespilotnykh transportnykh sredstv [Criminal Law Risks When Using Unmanned Vehicles]. *Actual Problems of Russian Law*. 2021. Vol. 16, Issue 7. Pp. 125–135. (In Russ.)
33. Kuznetsov A. D. Regulirovanie ispol'zovaniya bespilotnykh vozдушnykh sudov [Regulation of the Use of Unmanned Aircraft]. *Informatsionnoe obshchestvo – Information Society*. 2024. Issue 3. Pp. 98–106. (In Russ.)
34. Kufleva V. N., Sobolev D. V., Firsov V. V. Problemnye aspekty kvalifikatsii prestupleniy s ispol'zovaniem bespilotnogo transportnogo sredstva [Problematic Aspects of Qualifying Crimes Involving Unmanned Vehicles]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: Crime and Punishment*. 2019. Issue 3. Pp. 335–342. DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.335-342 (In Russ.)
35. Laptev V. A. Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost' za ego rabotu [The Concept of Artificial Intelligence and Legal Responsibility for Its Work]. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2019. Issue 2. Pp. 79–102. DOI 10.17-323/2072-8166.2019.2.79.102 (In Russ.)
36. Lipinsky D. A., Malko A. V., Ivanov A. A., Markunin R. S. *Osnovy teorii yuridicheskoy anomii* [Fundamentals of the Theory of Legal Anomy]. Moscow, 2025. 140 p. (In Russ.)
37. Makarenko S. I. *Protivodeystvie bespilotnym letatel'nyim apparatam* [Countering Unmanned Aerial Vehicles]. St. Petersburg, 2020. 204 p. (In Russ.)
38. Makukhin V. A. Pravovoe regulirovanie pravovogo statusa bespilotnykh letatel'nykh apparatov [Legal Regulation of the Legal Status of Unmanned Aerial Vehicles]. *Nauchnyy vestnik Kryma – Scientific Bulletin of Crimea*. 2017. Issue 1. Pp. 1-6. (In Russ.)
39. Malko A. V., Lipinsky D. A., Musatkina A. A. et al. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 2017. 400 p. (In Russ.)
40. Marukhin A. A. Zakonodatel'noe regulirovanie pravovogo statusa bespilotnykh letatel'nykh apparatov [Legislative Regulation of the Legal Status of Unmanned Aerial Vehicles]. *Nauchnyy vestnik Kryma – Scientific Bulletin of Crimea*. 2017. Issue 1(6). Pp. 1–6. (In Russ.)
41. Maslakova E. A., Prikhod'ko N. Yu. Ugolovno-pravovaya reglamentatsiya nepravomernogo ispol'zovaniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov (bespilotnykh vozдушnykh sudov) kak potentsial'noy ugrozy transportnoy bezopasnosti v natsional'nom i zarubezhnom zakonodatel'stve [Criminal Law Regulation of Unlawful Use of Unmanned Aerial Vehicles (Unmanned Aircraft) as a Potential Threat to Transport Security in National and Foreign Legislation]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 2020. Issue 6. Pp. 67–71. (In Russ.)
42. Matyukha S. V. *Bespilotnye aviatsionnye sistemy v gruzoperevozkakh* [Unmanned Aircraft Systems in Cargo Transportation]. *Transportnoe delo Rossii – Russian Transport Business*. 2022. Issue 1. Pp. 142–145. DOI 10.52375/20728689_2022_1_141 (In Russ.)
43. Matyukha S. V. *Bespilotnye aviatsionnye sistemy v regional'nykh perevozkakh* [Unmanned Aircraft Systems in Regional Transportation]. *Transportnoe delo Rossii – Russian Transport Business*. 2021. Issue 1. Pp. 100–102. (In Russ.)
44. Medyakov T. S. Osobennosti administrativno-pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov v Rossii i zarubezhnykh stranakh [Administrative and Legal Regulation of Unmanned Aerial Vehicle Use in Russia and Foreign Countries]. *Administrativnaya deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov Rossii i zarubezhnykh stran* [Administrative Activities of Law Enforcement Agencies in Russia and Foreign Countries: A collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Seminar]. Ryazan, 2017. Pp. 190–198. (In Russ.)
45. Mikhaylov M. A., Kokodey T. A. Riski zlonamerennogo ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta i vozmozhnosti ikh minimizatsii [Risks of the Malicious Use of Artificial Intelligence and the Possibility of Minimizing Them]. *Russian Journal of Criminology*. 2023. Vol. 17. Issue 5. Pp. 452–461. DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(5).452-461 (In Russ.)
46. Moskvina D. E. Eticheskie aspekty ispol'zovaniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov v sovremennom mire [Ethical Aspects of Using Unmanned Aerial Vehicles in the Modern World]. *Nauka. Tekhnika. Chelovek: istoricheskie, mirovozzrencheskie i metodologicheskie problemy – Science. Technology. Man: Historical, World-view and Methodological Problems*. 2023. Vol. 1. Issue 13. Pp. 230–235. (In Russ.)
47. Motasova D. D. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov v rossiyskom i zarubezhnom zakonodatel'stve [Civil Law Regulation of the Use of Unmanned Aerial Vehicles in Russian and Foreign Legislation]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo – Agrarian and Land Law*. 2017. Issue 11. Pp. 27–31. (In Russ.)
48. Motasova D. D. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov [International Legal Regulation of the Use of Unmanned Aerial Vehicles]. *Transportnoe pravo i bezopasnost' – Transport Law and Safety*. 2019. Issue 1. Pp. 116–128. (In Russ.)
49. Musatkina A. A. *O yuridicheskoy otvetstvennosti v sfere primeneniya BPLA* [On Legal Responsibility in the Field of UAV Application]. *Pravovaya kul'tura – Legal Culture*. 2025. Issue 3. Pp. 119–121. (In Russ.)
50. Nabatchikov A. M., Burlak E. A. Eticheskie voprosy ispol'zovaniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov v grazhdanskoj sfere [Ethical Issues of Using Unmanned Aerial Vehicles in the Civil Sphere]. *Iskusstvennyy intellekt: filosofiya, metodologiya, innovatsii* [Artificial Intelligence: Philosophy, Methodology, Innovation: Proceedings of the IX All-Russian Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists (Moscow, December 10-11, 2015)]. Moscow, 2015. Pp. 190–195. (In Russ.)
51. Oleynikov Yu. A. Rol' tsennostey v formirovanii professional'noy identichnosti operatorov

bespilotnykh letatel'nykh apparatov MChS Rossii [The Role of Values in Forming the Professional Identity of Operators of Unmanned Aerial Vehicles of the Russian Ministry of Emergency Situations]. *Pozharnaya i avariynaya bezopasnost'* – Fire and Emergency Safety. 2024. Issue 4(35). Pp. 135–141. (In Russ.)

52. Poletykin D. A. Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov v Rossiyskoy Federatsii [Legal Regulation of the Use of Unmanned Aerial Vehicles in the Russian Federation]. *Yuridicheskaya nauka* – Legal Science. 2023. Issue 9. Pp. 143–152. (In Russ.)

53. Popyadukhina I. V. Aktual'nye voprosy parvogo regulirovaniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov (BPLA) v Rossiiskoi Federatsii [Current Issues in the Legal Regulation of Unmanned Aerial Vehicles (UAVs) in the Russian Federation]. *Cifra. Law*. 2025. Issue 7. Pp. 1–5. DOI 10.60797/LAW.2025.7.5 (In Russ.)

54. Ryvkin S. Yu. Innovatsionnye aspekty i tendentsii taktiki proizvodstva osmotrov s ispol'zovaniem bespilotnykh aviatsionnykh sredstv [Innovative Aspects and Trends in the Tactics of Conducting Inspections Using Unmanned Aerial Vehicles]. *Sovremennyy uchenyy – Modern Scientist*. 2019. Issue 6. Pp. 269–279. (In Russ.)

55. Sazanova A. A. Sravnitel'nyy analiz rossiyskogo i zarubezhnogo opyta gosudarstvennogo regulirovaniya bespilotnykh aviatsionnykh sistem [Comparative Analysis of Russian and Foreign Experience of Unmanned Aerial Systems State Regulation]. *The World of New Economy*. 2022. Vol. 16, Issue 4. Pp. 79–87. DOI 10.26794/2220-6469-2022-16-4-79-87 (In Russ.)

56. Sazonov A. A., Shtepner K. V. Eticheskie aspekty vnedreniya grazhdanskikh bespilotnykh letatel'nykh apparatov: sistematicheskii obzor [Ethical Aspects of Civilian Drone Deployment: A Systematic Review]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2024. Issue 502. Pp. 76–83. DOI 10.17223/15617793/502/8 (In Russ.)

57. Sin'kov I. A. O nekotorykh voprosakh administrativno-pravovogo regulirovaniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov [On Some Issues of Administrative and Legal Regulation of Unmanned Aerial Vehicles]. *Zakonnost' i pravoporyadok – Legality and Law and Order*. 2021. Issue 2. Pp. 20–23. (In Russ.)

58. Sokolova M. E. BPLA: tekhnologiya, etika, pravo [UAVs: Technology, Ethics, Law]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3: Filosofiya – Social Sciences and Humanities. Russian and Foreign Literature. Series 3: Philosophy*. 2020. Issue 4. Pp. 85–93. (In Russ.)

59. Solenov A. M. Pravovoe regulirovanie primeniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov [Legal Regulation of the Application of Unmanned Aerial Vehicles]. *Naukosfera*. 2021. Issue 5. Pp. 242–245. (In Russ.)

60. Stepanyan A. Zh. Problemy regulirovaniya bespilotnykh transportnykh sredstv [Problems of Regulation of Unmanned Vehicles]. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2019. Issue 4. Pp. 172–178. DOI 10.17803/2311-5998.2019.56.4.169-174 (In Russ.)

61. Tomil'tseva D. A., Zheleznov A. A. Neizbezhnyy tretiy: etiko-politicheskie aspekty vzaimodeystviy s iskusstvennymi agentami [Inevitable Third: Ethical and Political Aspects of Interactions with Artificial Agents]. *Politeia*. 2020. Issue 4(99). Pp. 90–107. DOI 10.30570/2078-5089-2020-99-4-90-107 (In Russ.)

62. Trofimov V. E. Bespilotnye transportnye sredstva kak potentsial'nyy predmet ugovolnykh pravootnosheniy [Unmanned Vehicles as a Potential Subject of Criminal Legal Relations]. *Upravlenie deyatel'nost'yu po obespecheniyu dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy, puti sovershenstvovaniya – Management of Road Traffic Safety Activities: Status, Problems, Ways of Improvement*. 2020. Issue 1(3). Pp. 422–430. (In Russ.)

63. Fomin M. S. Aktual'nye problemy ugovolno-pravovoy reglamentatsii protivopravnogo ispol'zovaniya bespilotnykh mobil'nykh sredstv [Current Problems of Criminal Law Regulation of Unlawful Use of Unmanned Mobile Vehicles]. *Actual Problems of Russian Law*. 2018. Issue 1(86). Pp. 103–110. (In Russ.)

64. Tsvetkova E. S. Vidy istochnikov povyshennoy opasnosti v aspekte razvitiya novykh tekhnologiy [Types of Sources of Increased Danger in the Aspect of New Technology Development]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii – Issues of Russian Justice*. 2019. Issue 1. Pp. 385–401. (In Russ.)

65. Chuchayev A. I., Malikov S. V. Mekhanizm dorozhno-transportnogo proisshestviya s uchastiem bespilotnika: postanovka problemy [The Mechanism of a Traffic Accident Involving an Unmanned Vehicle: Statement of the Problem]. *Actual Problems of Russian Law*. 2020. Issue 6. Pp. 160–168. DOI 10.17803/1994-1471.2020.115.6.160-168 (In Russ.)

66. Chuchayev A. I., Mal'ko S. V. Nravstvennye i pravovye aspekty otvetstvennosti za prichinenie vreda bespilotnymi transportnymi sredstvami [Moral and Legal Aspects of Liability for Harm Caused by Unmanned Vehicles]. *Transportnoe pravo – Transport Law*. 2022. Issue 3. Pp. 16–20. (In Russ.)

67. Korobeev A. I., Chuchayev A. I. Bespilotnye transportnye sredstva: novye vyzovy obshchestvennoy bezopasnosti [Unmanned Vehicles: New Challenges to Public Safety]. *Lex Russica*. 2019. Issue 2. Pp. 9–28. (In Russ.)

68. Shvetsova S. V. Analiz bezopasnosti pri perevozke грузов bespilotnymi letatel'nymi apparatami [Safety Analysis of Goods Transportation by Unmanned Aerial Vehicles]. *World of Transport and Transportation*. 2019. Vol. 17. Issue 5(84). Pp. 286–297. DOI 10.30932/1992-3252-2019-17-5-286-297 (In Russ.)

69. Shcherbakova M. G. Problemy pravovogo regulirovaniya transformatsii pravovogo statusa iskusstvennogo intellekta [Problems of Legal Regulation of the Transformation of the Legal Status of Artificial Intelligence]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki – Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Sciences*. 2019. Vol. 5 (71). Issue 3. Pp. 73–81. (In Russ.)

70. Ayusheeva I. Z., Anisimov A. V. Civil Liability for Damages Caused by Unmanned Vehicles in Russian and Foreign Law. *Kutafin Law Review*. 2024. Vol. 11, Issue 2. Pp. 222–245. DOI 10.17803/2313-5395.2024.2.22.222-245. (In Eng.)
71. Basiri A., Babaee M., Tavakoli T. A., Reza M. Analyzing the Legal Dimensions of Unmanned Combat Aerial Vehicle in the International Law. *Journal of Politics and Law*. 2016. Vol. 9. Issue 10. Pp. 1–11. DOI 10.5539/jpl.v9n10p1. (In Eng.)
72. Brown A., Johnson S. D., Tuptuk N. A Scoping Study: Crime and Connected and Autonomous Vehicles. *Crime Science*. 2025. Vol. 14. Pp. 2–18. DOI 10.1186/s40163-025-00245-x (In Eng.)
73. Cumings M. An Operator Function Taxonomy for Unmanned Aerial Vehicle Missions. *Proceedings of the 12th International Command and Control Research and Technology Symposium (ICCRTS): Adapting C2 to the 21st Century. Newport, RI, USA, 2007. Track 4: Cognitive and Social Issues*. Available at: <http://www.dodccrp.org> (accessed 20 Dec 2025) (In Eng.)
74. Curran R. Development of a Safety Assessment Methodology for the Risk of Collision of an Unmanned Aircraft System With the Ground. *SAE Technical Paper Series*. 2011. Issue 2011-01-2684. DOI 10.4271/2011-01-2684 (In Eng.)
75. Di Pietro R. Leveraging Jamming to Help Drones Complete Their Mission. *IEEE Access*. 2020. Vol. 8. Pp. 2311–2325. DOI 10.1109/ACCESS.2019.2963105 (In Eng.)
76. Franco Escobar S. E. Reptes en el disseny i la implementació de ciutats intel·ligents sostenibles, accessibles i inclusives [Challenges in the Design and Implementation of Sustainable, Accessible and Inclusive Smart Cities]. *Revista Catalana de Dret Públic – Catalan Journal of Public Law*. 2025. Issue 70. Pp. 113–132. DOI 10.58992/rcdp.i70.2025.4113 (In Catalan)
77. Harasimiuk D., Braun T. *Regulating Artificial Intelligence: Binary Ethics and the Law*. 1st ed. London: Routledge, 2021. 248 p. DOI 10.4324/9781003134725 (In Eng.)
78. Hossin M. A., Yin S., Dan R. et al. Integrating Artificial Intelligence in Unmanned Vehicles: Navigating Uncertainties, Risks, and the Path Forward for the Fourth Industrial Revolution. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2025. Vol. 12. Pp. 312–326. DOI 10.1057/s41599-025-04554-z (In Eng.)
79. Kaur G. *Mass Surveillance and Human Rights: A Techno Legal Approach*. New York: Nova Science Publishers, 2025. 195 p. DOI 10.52305/OPIF0534 (In Eng.)
80. Kordoni A., Levine M., Bennaceur A., Gavidia-Calderon C., Nuseibeh B. Intersecting Social Identity and Drone Use in Humanitarian Contexts: Psychological Insights for Legal Decisions and Responsible Innovation. *Journal of Responsible Technology*. 2025. Vol. 23, 100129. DOI 10.1016/j.jrt.2025.100129 (In Eng.)
81. Lee D. Drone Forensics Redefined: Integrating Live, Digital, and Non-Digital Evidence Acquisition Systems. *Forensic Science International: Synergy*. 2025. Vol. 11, 100635. DOI 10.1016/j.fsisyn.2025.100635 (In Eng.)
82. Maniadaki M. Use of Drones in Disasters in the European Union: Privacy Issues and Lessons Learned from the COVID-19 Pandemic and Mass Surveillance Jurisprudence of the ECtHR and the CJEU. *Laws*. 2025. Vol. 14. Issue 2. P. 27. DOI 10.3390/laws14020027 (In Eng.)
83. Mansoor S. I. AI and the Rule of Law in Urban Security: Upholding Police Accountability in Smart Cities. *AI Driven Policing and Urban Security in Smart Cities*. IGI Global, 2025. Ch. 3. Pp. 55–80. DOI 10.4018/979-8-3373-0245-4.ch003 (In Eng.)
84. Massa S. Peeping Town: Drone Surveillance and the Exclusionary Rule in Long Lake Township v. Maxon. *Northwestern University Law Review*. 2025. Vol. 119. Issue 4. Pp. 1103–1133 (In Eng.)
85. Naveen P. Unlocking the Potential: How Flying Taxis Will Shape the Future of Transportation. *Sustainability*. 2024. Vol. 16. Issue 24, 10737. DOI 10.3390/su162410737 (In Eng.)
86. Onunta C. S. Policy and Compliance: Regulatory Perspective for Autonomous Aerial and Surface Operations. *Advanced Sciences and Technologies for Security Applications*. Cham: Springer, 2026. Pp. 179–198. DOI 10.1007/978-3-031-57991-9_9 (In Eng.)
87. Stolzenberg L. *Crime Science: Modern Technologies to Combat Crime*. New York: Routledge, 2025. 137 p. DOI 10.4324/9781003558491 (In Eng.)
88. Taddeo M. *The Ethics of Artificial Intelligence in Defence*. Oxford: Oxford University Press, 2024. 320 p. (In Eng.)
89. Ülgen O. The Ethical Implications of Developing and Using Artificial Intelligence and Robotics in the Civilian and Military Spheres. *AI & Society: Journal of Knowledge, Culture and Communication*. 2017. Vol. 33. Issue 4. Pp. 567–581. DOI 10.1007/s00146-017-0731-6 (In Eng.)
90. Wang N., Christen M., Hunt M. Ethical Considerations Associated with "Humanitarian Drones": A Scoping Literature Review. *Science and Engineering Ethics*. 2021. Vol. 27. Issue 4. P. 51. DOI 10.1007/s11948-021-00328-3 (In Eng.)
91. Wang N., Mutzner N., Blanchet K. We Need Time...: An Expert Survey on Societal Acceptance of Urban Drones. *Science and Public Policy*. 2025. Vol. 52. Issue 3. Pp. 356–374. DOI 10.1093/scipol/scae078 (In Eng.)
92. Wang Q. Maritime Law Enforcement Concerning Offshore Energy Platforms: Navigating International Law Constraints and Challenges. *Marine Policy*. 2024. Vol. 170, 106370. DOI 10.1016/j.marpol.2024.106370 (In Eng.)
93. Yoga P. R. A. The Law of Perfidy and Ruses of War at Sea. *Journal of Conflict and Security Law*. 2024. Vol. 29. Issue 3. Pp. 375–390. DOI 10.1093/jcsl/krae012 (In Eng.)

Информация об авторах:

А. В. Малько

Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

Поволжский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
410003, Россия, г. Саратов, ул. Радищева, 55

ORCID: 0000-0003-3204-9696
ResearcherID: P-4826-2017

Статьи в БД Scopus / Web of Science
DOI 10.31857/S1026945225010025
DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(4).5-14
DOI 10.17150/1996-7756.2015.9(3).447-459
DOI 10.12737/article_58e39ece79a7d5.56302408
DOI 10.12737/4824
DOI 10.17072/1995-4190-2018-39-6-35
DOI 10.17072/1995-4190-2026-71-6-25

Д. А. Липинский

Доктор юридических наук, профессор,
профессор департамента публичного права

Тольяттинский государственный университет
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

ORCID: 0000-0003-1870-069X
ResearcherID: P-3192-2017

Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540
DOI 10.17759/psylaw.2022120411
DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(3).5-18
DOI 10.31857/S102694520017756-2
DOI 10.31166/VoprosyIstorii202110Statyi16
DOI 10.17072/1995-4190-2018-39-6-35

About the authors:

A. V. Malko

Volga Region Institute (Branch) of the All-Russian
State University of Justice
55, Radishcheva st., Saratov, 410003, Russia

ORCID: 0000-0003-3204-9696
ResearcherID: P- 4826-2017

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI 10.31857/S1026945225010025
DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(4).5-14
DOI 10.17150/1996-7756.2015.9(3).447-459
DOI 10.12737/article_58e39ece79a7d5.56302408
DOI 10.12737/4824
DOI 10.17072/1995-4190-2018-39-6-35
DOI 10.17072/1995-4190-2026-71-6-25

D. A. Lipinsky

Tolyatti State University
14, Belorusskaya st., Tolyatti, 445020, Russia

ORCID: 0000-0003-1870-069X
ResearcherID: P-3192-2017

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540
DOI 10.17759/psylaw.2022120411
DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(3).5-18
DOI 10.31857/S102694520017756-2
DOI 10.31166/VoprosyIstorii202110Statyi16
DOI 10.17072/1995-4190-2018-39-6-35

Информация для цитирования:

Худолей Д. М., Худолей К. М. Справедливость избирательных систем: опыт комплексного исследования. Часть первая // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 2(72). С. 291–318. DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-291-318. EDN ZCHXQA

Khudoley D. M., Khudoley K. M. Spravedlivost' izbiratel'nykh sistem: opyt kompleksnogo issledovaniya. Chast' pervaya [Fairness of Electoral Systems: An Experience of a Comprehensive Study. Part One]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 2(72). Pp. 291–318. DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-291-318. EDN ZCHXQA (In Russ.)

УДК 342.8

DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-291-318

EDN <https://elibrary.ru/zchxqa>

EDN ZCHXQA

Справедливость избирательных систем: опыт комплексного исследования. Часть первая

Д. М. Худолей

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
E-mail: dmitry-hudoley@yandex.ru

К. М. Худолей

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
E-mail: kostya-hudoley@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.12.2025

Введение: в статье рассматривается вопрос о соответствии избирательных систем различным (математическим и юридическим) критериям справедливости. **Цель:** определить наиболее справедливый алгоритм распределения мандатов при избирании депутатов и должностных лиц. **Методы:** общенаучные и частнонаучные (в том числе сравнительно-правовой и системный) методы. **Результаты:** определен круг математических (правило абсолютного большинства, принцип Кондорсе, принцип пропорционального представительства партий и др.) и юридических (положения принципов равных, свободных и справедливых выборов) критериев. Установлено, что в наибольшей степени математическим и юридическим критериям соответствуют системы преференциального голосования. Ряд систем преференциального голосования соответствуют критерию Кондорсе, обеспечивают пропорциональное представительство партий. При проведении таких выборов достигается свободное и равное участие независимых и партийных кандидатов. Многие иные мажоритарные, пропорциональные и смешанные системы указанным критериям не соответствуют. Однако метод Кондорсе не позволяет во всех случаях определить избранного кандидата. Предлагается использовать правило наибольшего правдоподобия как наиболее справедливый алгоритм. **Выводы:** разработанная авторами избирательная система преференциального голосования носит универсальный характер, она может быть применена при избирании как должностных лиц (президента, губернатора), так и депутатов. В случае ее реализации избирательное законодательство будет унифицировано, а практика избирательных комиссий придет к единообразию. Следовательно, такая унификация позволит повысить уровень защиты избирательных прав граждан.

Ключевые слова: избирательное право; принципы избирательного права; избирательная система; мажоритарные избирательные системы; пропорциональные избирательные системы; смешанные пропорциональные системы; полупропорциональные избирательные системы

© Худолей Д. М., Худолей К. М., 2026

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Fairness of Electoral Systems: An Experience of a Comprehensive Study. Part One

D. M. Khudoley

Perm State University

E-mail: dmitry-hudoley@yandex.ru

K. M. Khudoley

Perm State University

E-mail: kostya-hudoley@yandex.ru

Received 13 Dec 2025

Introduction: the article addresses the Issue of whether electoral systems meet various (mathematical and legal) criteria of fairness. **Purpose:** to determine the fairest method for the distribution of mandates when electing deputies and officials. **Methods:** general scientific methods and special scientific methods, including comparative legal and systematic methods. **Results:** we have determined a range of mathematical criteria (the rule of absolute majority, the Condorcet principle, the principle of proportional representation of parties, etc.) and legal criteria (the principles of equal, free, and fair elections). Preferential voting systems were found to meet mathematical and legal criteria to the greatest extent. There are preferential voting systems that meet the Condorcet criterion and ensure the proportional representation of parties. Such elections ensure the free and equal participation of independent and party candidates. These criteria are not met by many other majoritarian, proportional, and mixed systems. However, there are cases where the Condorcet method does allow determining the elected candidate. In such situations, the maximum likelihood estimation is recommended as the fairest algorithm. **Conclusions:** the preferential voting system developed by the authors is universal and can be applied both in the election of officials (President, Governor) and deputies. If it is implemented, electoral legislation will be unified and the work of election commissions will become more uniform. Consequently, such unification will improve the protection of citizens' electoral rights.

Keywords: electoral law; electoral law principles; electoral system; majoritarian electoral systems; proportional electoral systems; mixed proportional systems; semi-proportional electoral systems

Право – математика свободы.

В. С. Нерсесянц

Введение

Избирательное право как наука пересекается и с другими отраслями знаний. Так, избирательные системы изучаются политологами, математиками, экономистами и даже философами. Несмотря на определенные отличия в подходах, можно утверждать, что тех и других интересует вопрос о поиске наиболее справедливой, демократичной и эффективной избирательной системы. Также ученые пытались обосновать преимущество выборов перед иными способами принятия коллективного решения в рамках общественного выбора (диктатура, жребий и пр.). Даже в XXI веке по-прежнему существуют автократические государства (абсолютные монархии, суперпрезидентские республики, диктатуры). Немало сторонников автократической власти есть и среди ученых, политиков и обычных граждан Российской Федерации. Очевидно, это объясняется не только субъективными причинами (как известно, о вкусах не спорят, в том числе о политических), но и объективными.

Действительно ли автократические государства более справедливы и эффективны по сравнению с демократическими странами? Или, наоборот, только

демократия, основанная на выборах, – единственный способ организации социума? Можно ли предложить альтернативу выборам: жеребьевку, метод консенсуса? Сочетаются ли свойства эффективности избирательной системы с ее справедливостью? Если нет, то стоит ли отказаться от принципа справедливости в избирательном праве в частности и во всей юриспруденции в целом? Связана ли национальная идентичность с принципом справедливости в целом и справедливостью избирательных систем в частности? Можно ли говорить о различных моделях демократии (российской, китайской, американской и пр.) или следует признать существование одной модели для всех народов на все времена?

С эпохи Сократа, Платона и Аристотеля эти вопросы не теряют своей актуальности. Авторы не пытаются отыскать абсолютно новый ответ на поставленные вопросы, однако стремятся непредвзято (объективно) решить их, используя арсенал различных общественных и точных наук. Итогом проводимого в течение нескольких лет комплексного исследования институтов выборов и выступает данная работа, главной целью которой является оправдание справедливости.

Справедливость как динамическое равновесие

Со времен Аристотеля понятие о справедливости не так сильно изменилось. Современные работы Дж. Роллза о справедливости как честности в целом соответствуют взглядам античного ученого. По мысли Аристотеля, справедливость существует в двух видах: уравнительной и распределительной. Однако в общем она соответствует одному и тому же правилу: «Каждому – свое». Поэтому в случае участия равных субъектов справедливость выступает в виде строгого арифметического равенства («равным – равное»), а в случае участия неравных – в виде пропорционального («неравным – неравное») [1, с. 24]. Указанные взгляды развивают учения Платона и Сократа. Если абстрагироваться от философских взглядов, то можно прийти к выводу о справедливости как правовой оценке поведения субъектов. Эта оценка основана на соразмерности воздаяния и наказания. Если субъект участвует в частноправовых отношениях, то справедливость выступает в виде требования платы рыночной цены за товар, услугу. Аналогичный вывод применим и к трудовым отношениям («равная оплата за равный труд»). В сфере публичного права справедливость требует, чтобы наказание было равноценно правонарушению.

Несмотря на явный аристократизм и элитаризм в концепции Аристотеля, в ней присутствует зерно здравого смысла. Так, за преступления, совершенные несовершеннолетними гражданами, не могут быть назначены самые суровые виды наказаний (смертная казнь или пожизненное лишение свободы), максимальный размер наказаний должен быть снижен и т. д. В действительности значительной разницы между этими двумя видами справедливости нет. И в первом, и во втором случае имеет место некая соразмерность (симметрия, пропорция, равенство, равновесие, баланс) между поведением и правовой оценкой. Просто в первом случае субъекты изначально равны, во втором – нет. Следовательно, неравенство между субъектами должно быть компенсировано неравенством в воздаянии. Данное положение было развито в трудах ученых о необходимости достижения фактического равенства (равенства фактических возможностей), социальной справедливости, повышенной защиты слабых субъектов и пр. Таким образом, пропорциональное равенство будет иметь демократический характер только в случае позитивной, а не негативной дискриминации. Несмотря на использование нового термина («социальная справедливость»), данные взгляды также сводимы к требованию предоставления каждому своего права, зафиксированному в Дигестах Юстиниана и воспетому Цицероном.

С античных времен также подчеркивалась взаимосвязь справедливости с другими правовыми ценностями: равенством перед законом и свободой индивида. Учение Дж. Роллза также соответствует этим положениям, зафиксированным во многих конституциях стран мира (равенство, свобода и братство, то есть справедливость).

Правовое равенство устанавливает статическое равновесие между субъектами (неизменность микро- и макроскопических свойств). Они равны перед законом – и точка. Однако субъекты вступают в отношения между собой, могут нарушать это равенство, посягая на чужое право, то есть совершая правонарушения (гражданско-правовые деликты, административные правонарушения, уголовные преступления и пр.). Многие правонарушения причиняют моральный вред потерпевшим именно потому, что человек из субъекта превращается в объект, вещь, средство для удовлетворения потребностей правонарушителя. Особенно очевидно данное утверждение в отношении преступлений как наиболее тяжких правонарушений, представляющих общественную опасность.

Равенство субъектов может быть нарушено не только субъективными причинами (действиями), но и объективными (событиями). Болезнь, вызвавшая инвалидность, приведет к нарушению фактического равенства. Юридически равенство не будет нарушено, дискриминации не произойдет. Однако субъект лишится возможности фактически реализовать принадлежащие ему трудовые права. Они превратятся в голое право, поскольку никогда им не будут реализованы и защищены. В этом смысле слова нормы трудового права для данного индивида перестанут быть нормами права вообще, то есть потеряют свойство обеспечения и защиты принудительной силой государства. Как и нормы морали, этикета, они никогда не повлекут обязательных последствий, так как никогда не будут реализованы в принципе. Субъект пусть не де-юре, но де-факто обезличивается и превращается в объект, лишенный человеческой сущности.

Восстановление нарушенного равенства и представляет собой справедливость. Оно позволяет поддерживать динамическое равновесие между участниками правоотношений (неизменность макроскопических свойств при изменении микроскопических). Поддержание фактического равенства также является частью справедливости. В этом смысле слова говорить об особом виде социальной справедливости не представляется верным.

Без свободы и равенства не может быть справедливости, и наоборот. Субъекты равны в меру своей свободы и свободны в меру своего равенства [11, с. 156]. Мужчины и женщины равны не в силу предписаний конституции, а по причине доказанной современной наукой равной способности осознавать характер своих действий и руководить ими. Научная мысль констатировала этот простой факт после отмены законодательных запретов проводить анатомические исследования, которые практически повсеместно были установлены в античных и средневековых государствах. Психологические исследования также подтвердили пусть не полное равенство (тождество, взаимозаменяемость, «одинаковость») мужчин и женщин, но примерное равенство их интеллектуальных способностей. Мужчины и женщины не равны с

точки зрения анатомии, физиологии. Никто не пытается оспорить этот факт. Речь идет о равенстве с точки зрения не биологических критериев, а социальных. Человек – социальный организм, в нем биологическое подчинено социальному. Редукционизм отрицает социальность, с этой позиции никакого правового равенства мужчин и женщин нет и быть не может. Однако наличие свободы воли (говоря юридическим языком – дееспособности и вменяемости) и у мужчин, и у женщин позволяет пренебречь биологическими различиями и признать их равенство правоспособности. Формальное равенство – равенство не конкретных индивидов, а абстрактных граждан государства. Это обезличивание формального равенства преодолевается поддержанием фактического равенства.

В целом категория «равенство» в какой-то степени связана с философским понятием «количество» [7, с. 233]. Сама идея равенства пришла в правовую науку из математики, оперирующей количественными абстракциями (числами). Идея свободы, безусловно, имеет сугубо философское содержание. Она связана с категорией «мера», которая позволила приравнять биологически неравных субъектов (мужчин и женщин, детей и стариков, белых и чернокожих и пр.). Наоборот, концепция справедливости имеет сугубо юридическое содержание. Она выступает аналогом категории «качество» в общественных отношениях (справедливый приговор, справедливая оплата труда и пр.). Благодаря ей абстрактный субъект права наполняется своей индивидуальностью. Это наиболее отчетливо прослеживается в материальном и процессуальном уголовном праве, требующем учитывать личность подсудимого при вынесении приговора.

В философском смысле справедливость выступает в качестве силы, поддерживающей динамическое равновесие. Она является равноценной силой, ее нарушающей. Философское осмысление данной особенности подчеркивает ее связь с третьим законом Ньютона: каждому действию соответствует противоположное действие. Третий закон Ньютона является следствием зеркальной симметрии пространства. Иначе говоря, справедливое возмездие всегда симметрично (пропорционально и равнозначно). Это зеркальное отражение силы, нарушающей первоначально зафиксированное формальное равенство перед законом и судом. Источник возмездия известен – государство. Справедливость порождена государством и существует только благодаря ему. В то же время благодаря справедливости возможна организация государственной власти. Невозможно себе представить существование государства без легитимации (признания должной, справедливой) его власти. Справедливость оправдывает государственное принуждение. Государство – единственный субъект, который может применять легитимное (оправданное) насилие в стране. Оно воспринимается как меньшее зло (зло во благо). Исходя из сказанного очевидно, что

справедливость не является оценочной категорией морали или нравственности. Оно никак не связано с представлением о добре или зле, оно находится по ту сторону добра и зла. Приговор по уголовному делу является одновременно «добрым» (для потерпевшего) и «злым» (для подсудимого). С точки зрения морали не бывает доброго зла или злого добра. Моральная заповедь «не убий» запрещает убивать любого человека. Однако закон разрешает лишать жизни человека на войне, в условиях обороны, крайней необходимости и пр. Здесь мы приходим к иному выводу: справедливость исходит от независимого и объективного субъекта (государства в лице суда). Справедливость – весы, на которых находится поведение и правовая оценка. Но эти весы держит государство в лице судьи. Оценивая доводы сторон (истца и ответчика, обвинения и защиты), судья обязан восстановить нарушенное равновесие, если оно, конечно, вообще было нарушено. Объективность, безусловно, связана с определенностью, невозможностью толкования норм различным образом, которое автоматически поставит стороны в неравное положение.

В конечном счете поддержание и восстановление справедливости обеспечивает стабильность общества и государства (нахождение в гомеостазе). Кибернетический закон внутреннего динамического равновесия описывает состояние системы в гомеостазе, в котором любое изменение подсистем непременно вызывает изменение других элементов. Изменения обусловлены стремлением к балансу, в основном они существуют в виде отрицательной (уравновешивающей) обратной связи (она противоположна деструктивной силе в системе). Однако возможна и положительная (обостряющая или самоусиливающаяся) обратная связь, которая усиливает изменения. Такая связь непосредственно не обеспечивает сохранение гомеостаза, однако она позволяет системе развиваться (эволюционировать) и переходить на более высокий уровень организации (так называемая метастабильность при фазовом переходе). В социуме такой связью обычно выступает стимулирование (премирование, вознаграждение и пр.). Благодаря двум видам обратной связи обеспечивается устойчивость (робастность) и развитие социума как сложноорганизованной системы. Очевидно, что в социуме отрицательной или положительной обратной связью выступает уравнительная и распределительная справедливость.

Зачатки законов справедливости мы можем обнаружить в неживой и живой материи (положительная и отрицательная обратная связь, иные формы отражения и т. д.). Очевидно, что проявлением этих законов стоит признать наличие **совести и сознания** (дословно – совместной информации, заложенной в душу каждого человека), а также самого прирожденного чувства справедливости. Неудивительно, что идея естественного права неразрывна связана с самим принципом справедливости. При этом отметим,

что кроме самого чувства справедливости вполне обоснованно говорить и о здравом смысле, рациональном осмыслении указанных эмоций. Именно это и имеет место в сложноорганизованных социумах: стихийно возникшие правовые обычаи, основанные на чувстве справедливости, постепенно заменяются законами, прецедентами и иными источниками права.

Справедливость в избирательном праве – требование проведения честных, подлинных, нефальсифицированных выборов. Удивительно, но этот принцип до сих пор прямо не зафиксирован в избирательном законодательстве Российской Федерации. Впрочем, даже в основном тексте Конституции РФ принцип справедливости появился только после внесения изменений в 2020 году. В международном праве данное требование зафиксировано в Международном билле о правах человека (Всеобщей декларации прав человека 1948 г.¹ и Международном пакте о гражданских и политических правах 1968 г.)², Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 года³, а также в Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод государств – участников СНГ 2002 года⁴. В силу этого в решениях судов общей юрисдикции, а также Конституционного Суда РФ неоднократно подчеркивается необходимость проведения справедливых выборов [4, с. 478]. По нашему мнению, принцип справедливых выборов, наряду с принципами равных выборов (равенства участников выборов) и свободных выборов, является основополагающим. Он должен соблюдаться на любой стадии избирательного процесса любыми участниками правоотношений. Основные принципы (составляющие триаду) избирательного права взаимно дополняют и гарантируют друг друга. Поэтому гарантиями справедливых выборов выступают требования равных и свободных выборов (и наоборот). Следовательно, невозможно проведение справедливых выборов в условиях нарушения всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании на альтернативных (конкурентных) выборах.

Принцип справедливых выборов, как и иные основополагающие принципы избирательного права, является комплексным. По нашему мнению, справедливость выборов обеспечивается принципами открытых и гласных выборов, независимости и беспристрастности избирательных комиссий, требованиями прямого (непосредственного) избирательного права в условиях правовой определенности в стабильном избирательном законодательстве. Только в этом случае выборы будут честными, нефальсифицированными, то есть подлинными.

Последнее обстоятельство позволяет говорить о существовании в правовой системе Российской Федерации принципа справедливых выборов, который требует выявления подлинной воли избирателей. Следовательно, избирательная система государства не должна искажать волю избирателей. Она также должна соразмерно (пропорционально, симметрично) отражать волю избирателей. Справедливость при проведении выборов поддерживается независимыми субъектами – избирательными комиссиями (в редких случаях к ним добавляется Конституционный Суд или совет). Очевидно, что выборы должны быть справедливыми, иначе они потеряют свою функцию обратной связи между политическими элитами и обычными гражданами.

Таким образом, сформулируем гипотезу: законы справедливости возникают в сложноорганизованных социумах в целях самосохранения (устойчивости, робастности, гомеостаза), то есть поддержания динамического равновесия. Далее попытаемся развить данный тезис с точки зрения его реализации при проведении выборов.

Избирательная система как мера выборов

Выборы рассматриваются различными науками как три явления: игра (в математике), общественный договор (в политологии), форма прямого волеизъявления граждан (в юриспруденции). Отметим, что, на наш взгляд, наиболее полное представление о данном социальном институте можно получить только после объединения этих подходов.

Легальное определение выборов, которое зафиксировано в пункте 9 статьи 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» № 67-ФЗ (далее – Закон «Об основных гарантиях») ⁵, лишено некоторых существенных признаков: форма прямого волеизъявления граждан, осуществляемого в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований в целях формирования органа государственной власти, органа местного самоуправления или наделения полномочиями должностного лица. Перефразируя абстрактные формулировки, мы приходим к выводу о сведении категории «выборы» к акту голосования, на которых избираются выборные лица. В действительности это понятие было впоследствии расширено судебной практикой, и выборы стали ассоциироваться не только с голосованием, но и с иными мероприятиями при подготовке

¹ Международные избирательные стандарты: Сборник документов / отв. ред. А. А. Вешняков. М.: Весь Мир, 2004. С. 41–46.

² Там же. С. 61–72.

³ Там же. С. 335–348.

⁴ Там же. С. 762–777.

⁵ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федер. закон № 67-ФЗ от 12 июня 2002 г. (в ред. от 23.05.2025) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

и проведении выборов (со всем избирательным процессом). Однако в любом случае в указанном юридическом понятии теряется суть явления – вид прямой демократии, то есть осуществления власти народом. Действительно, выбирая депутатов, президента государства, избиратель не только наделяет его полномочиями. Де-факто он голосует не только за кандидата (список кандидатов), но и за их предвыборные обещания, «программируя», устанавливая вектор внешней и внутренней политики государства на следующий электоральный цикл.

В политологии выборы нередко воспринимаются как некий общественный договор (сделка). С одной стороны, кандидаты предлагают свои предвыборные обещания, а избиратели – с другой – обменивают («покупают») их на свои голоса. В конечном счете происходит наделение полномочиями кандидата (передача им права осуществлять верховную власть как народным представителем) [13, с. 321]. Обе стороны равны и свободны, иначе немислим договор. Свобода предполагает ответственность: избранные кандидаты обязаны исполнить свои обещания, в противном случае они могут быть отозваны гражданами или потерять шансы на переизбрание (конституционная и политическая ответственность). Наоборот, граждане обязаны исполнять решения, принятые выборными лицами, как свои собственные, в противном случае они могут быть привлечены к юридической ответственности. Таким образом, выборы всегда должны носить ответственный характер, поскольку они основаны на свободном характере заключения общественного договора. Договор заключается при проведении выборов как некоего конкурса (аукциона, торгов, он заключается с лицом, предложившим наилучшие предвыборные обещания).

Математический подход к выборам в качестве игры также интересен. Он основан на примате свободы воли: ни одна из участвующих сторон не может быть принуждена к игре, иначе она потеряет свою ценность (сущность). С этой точки зрения выборы – борьба за голоса избирателей, то есть состязание кандидатов, как и любая игра (шахматы, футбол и пр.). Победить в ней должен сильнейший.

Последний подход объясняет сущность избирательной системы как совокупности правил определения победителей на выборах. Очевидно, что избирательная система – это такие же правила определения победителя, как и правила игры в футбол, шахматы и пр. В действительности избирательная система не является сугубо правовым институтом. Как отмечают ученые, «права здесь нет, одна арифметика» [2, с. 89]. Целиком согласиться с этим утверждением невозможно. Изначально, будучи математическим явлением, избирательная система после своей институционализации в избирательном законодательстве наполняется правовым смыслом.

Голосование как способ принятия решения – часть коллективного выбора. Оно может проводиться и в частноправовых отношениях (на общем

собрании акционеров, например), и в публично-правовых (голосование членов коллегии присяжных). Однако математические правила избираются законодателем осознанно. В целом можно увидеть те или иные цели, которые стоят за выбором той или иной системы способа определения решения в рамках общественного выбора. Эти цели могут носить и демократический, и авторитарный характер. Безусловно, правовые ценности также влияют на выбор системы. Это касается и избирательной системы, которая наряду с системой определения результатов референдума является самым важным способом принятия решения в рамках коллективного выбора.

Существует множество игр, многие правила которых несправедливы. Так, азартные игры основаны на риске, в них победить может любой игрок, даже неопытный. Однако есть азартные игры, в которых игроки имеют различные шансы на победу (именно в них и играют посетители казино во всем мире). Сомнительно, что подобные правила стоит использовать при решении вопросов в рамках общественного выбора. Справедливость – это сугубо юридическая категория, и только за юристами стоит последнее слово в определении справедливости или несправедливости той или иной избирательной системы. Напомним, именно юристы первыми подметили связь справедливости и равенства. Безусловно, благодаря математике можно отбросить ряд заведомо несправедливых методик.

Отметим, что такое понимание категории «избирательная система» не является единственным. Конституционная экономика посвящена теории общественного выбора. Ее догматы сводятся к тому, что в рамках общественного выбора нужно решить три взаимосвязанных вопроса: кто может принимать участие в решении вопроса; как проводится такое мероприятия; как определяется результат. Если взять за основу такой подход, мы, безусловно, придем к выводу, что избирательная система как минимум определяет, а как максимум поглощает собой всю систему избирательных отношений (избирательный процесс, в конечном счете). Таков «широкий» подход к данной категории, который начал складываться в советское время. Более того, он был конституционализирован (в советских конституциях содержались главы об основах избирательной системы, сформированных на таком широком подходе).

В современной России, наоборот, произошел отказ от данной трактовки. В рамочном Законе «Об основных гарантиях» до сих пор нет легального определения данной категории, равно как и избирательного процесса. По нашему глубокому убеждению, избирательный процесс не является разновидностью юридического процесса, поскольку для него не характерно свойство стадийности (отдельные избирательные действия могут совершаться одновременно или вообще в межвыборный период). Поэтому термин «избирательный процесс» неудачен для обозначения системы таких отношений, связанных с подготовкой,

организацией и проведением голосования на выборах в органы государственной власти и местного самоуправления. При этом в части 5 статьи 44 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» № 33-ФЗ¹ содержится иное определение избирательной системы: условия признания кандидата, кандидатов избранными, списков кандидатов – допущенными к распределению депутатских мандатов, а также порядок распределения депутатских мандатов между списками кандидатов и внутри списков кандидатов. Очевидно, что под избирательной системой понимается некий алгоритм, который «конвертирует» (трансформирует, переводит и т. д.) голоса в мандаты [10, с. 29]. Количественный показатель «итоги голосования» (итоговая сумма голосов, полученных каждым кандидатом или списком кандидатов) трансформируется в качественный – «результаты выборов» (определение избранных кандидатов). Избирательная система, используя аналогию с положениями кибернетики, **науки об обратной связи**, представляет собой «черный ящик», на «входе» которого находятся голоса, а на «выходе» – мандаты. Математики избирательную систему сравнивают с функцией, у которой также имеются входные и выходные данные (области определения и значения). Трансформация (конвертация) происходит на основе некой меры (предела, черты²) – математического принципа (большинство, пропорция и пр.). Достигнув предела (избирательной квоты или *метра*), количественный показатель приобретает качество. Данное положение развивает ранее выдвинутую нами гипотезу о справедливости как обратной связи в социуме, обеспечивающей его стабильность.

Конечно, можно использовать новый термин для обозначения избирательной системы в широком понимании – «система выборов» (system of elections) или «система избирательных правоотношений». Однако эти термины не распространены в науке. В дальнейшем мы не будем использовать термин «избирательная система» в широком понимании.

При этом оговоримся, что избирательная система не сводима только к тому или иному математическому принципу. Избирательные системы отличаются друг от друга по многим показателям, и принцип определения победителя является не единственным (более того, он несколько утратил свое значение в последнее время после появления гибридных избирательных систем).

С точки зрения математики избирательную систему называют функцией общественного выбора (social choice function). При этом в науке выделяют и

функцию общественного рейтинга (social ranking function). На наш взгляд, обобщение индивидуальных рейтингов кандидатов в единый групповой рейтинг – это необходимая часть избирательной системы. Кандидат, занимающий первое место в групповом рейтинге, признается победителем. Однако если результат избирательной системы один (конкретный кандидат), то предварительных групповых рейтингов предпочтений может быть несколько. Более подробно этот нюанс избирательной системы будет рассмотрен далее.

Кратко выделим элементы избирательной системы.

1. Математический принцип определения победителя (электоральная формула). На первый взгляд, можно говорить о мажоритарных системах (системах большинства), пропорциональных (системах квот) и смешанных. Любая избирательная система основана на явной или скрытой квоте. Повторим, что квота является мерой, при достижении которой кандидат (партия, выдвинувшая список кандидатов) получает мандат. Это касается не только пропорциональных систем или так называемых мажоритарных систем квалифицированного большинства с прямо установленной квотой (например, с квотой в 2/3 от общего числа голосов при избрании Папы Римского или президента Италии) [8, с. 69]. Квоты могут составлять как более половины (55 % на всенародных выборах президента Сьерра-Леоне), так и менее (40 % на выборах президента Коста-Рики, например) [7, с. 245]. В последнем случае возможно законодательное установление отрыва первого кандидата от второго и проведение второго тура при невыполнении данного требования (10 % в Аргентине при получении не менее 40 % голосов в тех случаях, когда никто из кандидатов не набрал более 45 %). Очевидно, что квота менее половины допускает вероятность ее достижения двумя и более кандидатами (то есть отсутствует критерий результативности). Для разрешения ничейного результата либо прибегают к перебаллотировке, либо используют правило наибольшего числа голосов (то есть относительное большинство). Строго говоря, система квалифицированного большинства с квотой более половины – система квалифицированного абсолютного большинства, а с квотой менее половины – система квалифицированного относительного большинства. В России так называемая двухтуровая мажоритарная система абсолютного большинства де-факто является системой с квотой Друпа ($q = x/(y+1) + 1$, где q – квота, x – число голосов избирателей, а y – число мандатов)³. При проведении выборов в едином округе, в

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федер. закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2025. № 12. Ст. 1200.

² В русском языке черта – кон. Это предел дозволенного поведения. Переступление черты – *преступление*, нарушение *закона*. Очевидно, что таким пределом в общем виде является свобода человека как единственная мера, позволяющая отличить неправомерное поведение от правомерного. В конечном счете только человеческая свобода – мера всех вещей.

³ О выборах Президента Российской Федерации: Федер. закон от 10 янв. 2003 г. № 19-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2003. № 2. Ст. 171. См. ст. 76 ФЗ.

котором замещается лишь один мандат, эта квота равна $(50 \% + 1)$ голосу. Так называемая однотуровая система относительного большинства также имеет неочевидную (скрытую): $(q=(x/n)+1)$, где n – число участвующих на выборах кандидатов) квоту. Так, в случае участия 10 кандидатов эта скрытая квота равна $(10 \% + 1)$ голосу. Если такую квоту набирают сразу несколько кандидатов, то победитель определяется по правилу наибольшего числа голосов.

В пропорциональных системах, наоборот, избирательная квота институционализирована (методы квот Хэйра, Хагенбаха-Бишофа, Друпа). Методы наибольших делителей д'Ондта, Сент-Лагю, Империи в буквальном понимании квотной системой не являются, однако квоты в них также используются в рамках итерационного процесса распределения мандатов. При этом к данному элементу системы следует отнести «заградительный барьер», который влияет на определение избирательной квоты (голоса партий, «отсеченных» барьером, не используются при ее вычислении). Иногда квот может быть несколько, в зависимости от уровней распределения мандатов (между федеральной частью списка и региональными группами в России на парламентских выборах) и пр. Таким образом, под математическим принципом в дальнейшем будем понимать именно метод определения избирательной квоты. Очевидно, что возможно одновременное использование различных методик. Обычно это имеет место в смешанных системах (сосуществующих, параллельных и связанных). Сосуществующие системы имеют место при использовании разных методик на выборах в различных округах в один и тот же орган власти. Так, в ряде штатов США на выборах в Конгресс применяется система абсолютного большинства, а в остальных – относительного. Параллельные системы – чаще всего это мажоритарно-пропорциональные. Здесь методики применяются параллельно (избиратель подает два бюллетеня, они подсчитываются независимо друг от друга). Наоборот, в связанных системах голоса учитываются совместно [14, р. 163]. Стоит отметить, что связанные системы не всегда означают сумму мажоритарных и пропорциональных систем. Так, в ряде стран Европы применяется связанная пропорциональная система, в рамках которой мандаты распределяются на двух уровнях (региональном и общенациональном, на котором учитываются только особые «компенсирующие» голоса). В Российской Федерации пропорциональная система такой не является, хотя также присутствуют два уровня распределения мандатов (между списками и внутри списка) и, соответственно, определяются две избирательные квоты (избирательные частные). Эту особенность также стоит отнести к критерию электоральной формулы.

Отметим, что при проведении двухтуровых выборов глав государств также могут приниматься различные правила. Так, в Российской Федерации при проведении первого тура используется принцип

абсолютного большинства и при проведении второго – принцип относительного (большинство определяется не от числа действительных голосов, а от общего числа проголосовавших граждан). Следовательно, в состав математического принципа мы должны включить дополнительные правила вычисления квоты (от числа проголосовавших граждан; от числа действительных бюллетеней; от числа действительных бюллетеней, поданных за кандидатов, или списков без учета голосов, поданных против всех и т. д.).

В целом можно утверждать, что данный критерий потерял свое прежнее значение. Так, ряд пропорциональных систем допускают элементы мажоритарности (например, при установлении «заградительного барьера», «премий большинства» или «меньшинства», «джек-пота», «главного билета» и пр.). Последнее правило вообще стирает всякую грань между пропорциональными системами, основанными на квоте Хэйра, Друпа, д'Ондта, и мажоритарными («победитель получает все»). Существуют мажоритарные системы, которые де-факто пропорциональны и также основаны на квоте, которая определена прямо, не косвенно [22, р. 190]. Это касается многих систем преференциального голосования, при проведении которых могут применяться различные квоты (Хэйра, Хагенбаха-Бишофа, Друпа и пр.). Кроме смешанных систем есть двухтуровые мажоритарные, которые также являются смешанными в определенном смысле этого слова.

Наука знает массу избирательных систем, которые на практике не используются, по причине своей неочевидности. Так, многие граждане не понимают принцип Кондорсе, хотя он логически продолжает правило абсолютного большинства [6]. Методика М. Балински, равно как и другие правила медианы, также развивают правило абсолютного большинства. Строго говоря, правило меньшинства не применяется в антиплуральной методике, согласно которой избиратель категорически голосует против одного кандидата, а победителем объявляется тот, который получил наименьшее число отрицательных голосов. Фактически, антиплуральная система одновременно может быть рассмотрена как признание победителем кандидата, получившего **относительное большинство** одобренных преференций. Однако вполне возможны и недемократические системы меньшинства в полном смысле этого слова, согласно которым победителем признается кандидат с наименьшим числом одобренных голосов. На выборах такие алгоритмы не применяются. Аналогичные правила меньшинства могут использоваться, например, в различных ТВ-шоу («Остаться в живых», «Слабое звено» и др.). В тех редких случаях, когда решения в рамках общественного выбора принимаются не посредством голосования, также добавляется новый критерий определения победителя голосования (жребий, правило старшинства и пр.). Отметим, что иногда указанные методы применяются при невозможности определить победителя на выборах в избирательных системах,

которые не являются строго результативными, в том числе в России.

2. Способ голосования. Традиционно выделяют два главных метода голосования: оценочное и рейтинговое, они основаны на кардиналистской и ординалистской теории полезности. Первый метод (cardinal, rated system) основан на количественной оценке кандидатов. Избиратель всегда наделен несколькими голосами. Вариаций может быть бесчисленное множество. Так, именно на первых выборах в рабовладельческих демократиях Древней Греции и Рима применялось кардиналистское голосование в виде голосования черными и белыми шариками (от лат. *ballo* – кружиться, плясать; от него произошло итальянское слово «шарик» – *ballota*, породившее термин «баллотировка»), которые опускали в урны (амфоры) [4, с. 5]. Несмотря на кажущуюся качественную оценку («да» или «нет», «за» или «против»), такой метод голосования является именно количественной оценкой и может быть сведен к бинарному целочисленному диапазону [0, 1]. При проведении референдумов данный способ де-факто используется посредством заполнения бюллетеня. Такие системы обычно называются одобрительными (approval). Диапазон баллов может быть расширен (оценочное голосование, то есть системы голосования по очкам, *score voting*), в том числе и так, что избиратель получит право наделять кандидата отрицательным числом баллов $[-1, 0, 1]$, как в исторически первой системе с черными и белыми шарами. Более того, баллы могут быть и дробными. Это так называемая модель диапазонного голосования (*range voting*), согласно которой избиратель может передать кандидату любое действительное число баллов, например, в рамках того же диапазона [0, 1].

К особой подгруппе оценочных алгоритмов стоит отнести системы наибольших медиан (*highest median*). Один вариант такого метода голосования был предложен швейцарским математиком М. Балински. Он основан на наделении кандидатов оценками «отвергаемый», «плохой», «допустимый», «хороший», «идеальный» и т. д. В отличие от первой подгруппы кардиналистских систем, данный метод не основан на простом суммировании оценок, так как определяет медианный результат. Подобный алгоритм долгие годы применялся в фигурном катании и хорошо известен отечественным любителям спорта (система «пять-девять, шесть-ноль»).

Обычно системы неограниченного и ограниченного вотума не позволяют избирателю передавать несколько голосов одному кандидату, он лишь может распределить имеющиеся голоса. Такие модели голосования применяются и в России. Однако модели кумулятивного вотума также являются системами оценочного голосования с ограниченным (бюджетлируемым) вотумом. Избиратель вправе передать все свои голоса определенному кандидату или распределить их между несколькими. Подобное голосование возможно в рамках «квадратичного

вотума» (*quadratic vote*), согласно которому избиратель платит деньгами или определенными единицами (токенами, например) в квадратичной степени за свои множественные голоса.

Способ рейтингового голосования (*ranked system*), наоборот, предполагает качественную оценку кандидата (он *лучше* или *хуже* другого). Избиратель составляет желаемый рейтинг кандидатов в виде определенной последовательности. Как правило, избиратель имеет лишь один голос (его получает кандидат, указанный в рейтинге на первом месте (обозначенный цифрой 1 в избирательном бюллетене)), остальные кандидаты (обозначенные цифрами 2, 3 и т. д.) – «заместители» в переносном значении этого слова, они могут претендовать на голос только в случае неизбрания «лидера» рейтинга. Вариаций такого голосования гораздо меньше (иногда избиратель в бюллетене сам вписывает имена кандидатов в определенной им последовательности). Лишь редкие модели допускают возможность определения равных предпочтений у нескольких кандидатов, большинство – нет.

С точки зрения математики по данному критерию системы подразделяются на позиционные, алгоритмы с исключением кандидатов, парным сравнением (кондорсетовые) и иные (например, методы наибольшей медианы). Позиционное голосование связано с подсчетом голосов (очков), а кондорсетовое – с проведением парных сравнений кандидатов между собой. Методы, основанные на исключении, могут моделировать только второй тур (аналог двухтуровой системы) или второй и последующие (аналог многотуровой системы).

Позиционные системы чем-то напоминают оценочное голосование. Так, метод Борда, будучи рейтинговым с внешней стороны, является оценочным по сути [9, с. 300]. Избиратель определяет рейтинг кандидатов, но кандидаты получают различное число голосов. Обычно первое место означает наделение числом голосов, которое, как правило, равно числу участвующих в голосовании кандидатов. Ряд иных предпочтительных методик также основан на множественном вотуме (метод Баклина, по сути, является вариацией метода Балински, но с предпочтительным вотумом). Каждая предпочтения избирателя равна одному голосу, к первым предпочтениям следует добавлять вторые, третьи и т. д. до тех пор, пока кандидат не наберет абсолютное большинство голосов [19, р. 370].

Существуют даже предпочтительно-одобрительные системы (избиратель отмечает галочками желаемых кандидатов, остальных он вправе включить в рейтинг). По сути, галочки здесь обозначают первую предпочтения, такое голосование не обязательно для избирателя: он может просто обозначить цифрами порядок избрания кандидатов.

Здесь мы приходим к выводу, что помимо основного способа голосования может использоваться и факультативный (необязательный). К примеру, в России применяется оценочно-категорическое

голосование на местных выборах в многомандатных округах. Оценочно избиратель голосует за кандидатов, а категорически – только против всех.

Категорический вотум (single mark, choose-one voting) – одновременно самый простой и самый загадочный. Избиратель наделен одним голосом и передает его одному кандидату или партии, которая выдвинула список кандидатов. Ученые до сих пор размышляют о том, в какую группу отнести такой тип выборов: к рейтинговому или оценочному голосованию. Действительно, ряд преференциальных методик позволяет избирателю определить только победителя, без установления последовательности из всех кандидатов. В этом случае галочка в бюллетене и обозначает цифру один, как при рейтинговом голосовании. С такой точки зрения системы FPTP – это дегенеративная (максимально упрощенная) позиционная система. С другой стороны, при одобрительном голосовании избиратель тоже в отдельных случаях может распорядиться лишь одним голосом из нескольких (это разрешено в России, например). С этих позиций модель единого непередаваемого вотума является и преференциальной, и одобрительной одновременно (система строго ограниченного голоса).

Относить категорическое голосование к особому виду преференциального или одобрительного голосования вряд ли допустимо с научной точки зрения. Наверное, стоит рассматривать категорический вотум в качестве особого (смешанного) способа голосования, в котором отличие между кардиналистской и ординалистской оценкой отсутствует по причине максимального ограничения числа голосов и преференций избирателя. Нередко в науке эти системы еще называют бинарными (binary voting), однако такое обозначение вполне применимо и к алгоритмам одобрительного вотума. В дальнейшем под системами категорического вотума будем понимать только бинарные системы с единственным вотумом (максимально дегенеративная избирательная система).

Такой тип голосования может сочетаться и с другими. Обычно это имеет место при проведении выборов по открытым спискам: избиратель голосует за партию и может уточнить свой выбор в пользу конкретных кандидатов (может применяться оценочное и рейтинговое голосование). Вполне возможен и дополнительный категорический вотум (избиратель вправе указать лишь одного самого желательного кандидата). Категорическое голосование присутствует при голосовании против всех или при вписывании кандидата, который не был зарегистрирован.

Отметим, что с технической (процессуальной) точки зрения типы вотумов могут сопровождаться одинаковыми действиями избирателя. Так, при одобрительном голосовании избиратель также вправе ставить галочки (или иные знаки) в бюллетене, как и при категорическом вотуме. Именно такое голосование и проводится в России в многомандатных округах на многих региональных и местных

выборах. Более того, такое же голосование допустимо и в рамках рейтингового голосования, если в бюллетене присутствуют столбцы квадратов, соответствующие выбранным позициям («первое место», «второе место», «третье место» и пр.). Категорический вотум допускает вписывание фамилии кандидата. Такое допустимо и при рейтинговом голосовании: избиратель вписывает в бюллетень свой желаемый рейтинг кандидатов и пр. Фактически, категорический вотум может быть в виде подачи заранее распечатанного бюллетеня (ранее применялся на выборах по партийным спискам) либо в форме «голосования ногами» (прохождение через определенные ворота с фотографией кандидата в слаборазвитых странах тропической Африки). Таким образом, определенные типы вотумов могут быть вообще не связаны с подачей бюллетеня в бумажном или электронном виде.

3. Количество голосов. Голос может быть единым или множественным (плюральным). Отметим, что следует также говорить о едином или множественном *факультативном* вотуме. Так, большинство систем открытых списков – системы единого категорического вотума с дополнительным плюральным кумулятивным вотумом (Швейцария). Также следует отметить различия в минимальном и максимальном количестве голосов (преференций) для признания бюллетеня действительным. Можно говорить о системах абсолютно неограниченного вотума (количество голосов не ограничено), неограниченного вотума (ограничено только числом участвующих кандидатов, например), ограниченного вотума (голосов меньше числа кандидатов), единого вотума (строго ограниченный голос). В отдельных случаях избиратель обязан использовать все имеющиеся голоса (преференции), либо использовать меньшее количество (в том числе лишь один голос или преференцию), либо вообще опустить незаполненный бюллетень. Таким образом, можно говорить о возможности/невозможности подачи «усеченного» или «чистого» бюллетеня (truncated, blank ballot), который будет признаваться действительным/недействительным [5, с. 163].

4. За кого голосует избиратель и между кем распределяются мандаты. Избиратель может голосовать персонально за одного кандидата, персонально за нескольких кандидатов, за весь список кандидатов, за все списки избирательного блока. В некоторых случаях эти способы сочетаются. Иногда избиратель голосует за одного субъекта (кандидата), но голос учитывается иначе (передается его партии) [13, с. 115].

Нередко при проведении выборов по многомандатным округам формируются списки кандидатов. Избиратель вправе категорически проголосовать за весь список или проголосовать за конкретных кандидатов (преференциально или оценочно). Здесь категорический вотум является факультативным, всё равно голоса между однопартийными кандидатами не суммируются.

Такое же смешение имеет место и при голосовании по открытым спискам, в которых могут принимать самостоятельное участие и независимые кандидаты (избиратель вправе голосовать как за список, так и за кандидата). Пропорциональные системы по этому показателю также могут отличаться в зависимости от деления списков на части и распределения мандатов внутри списков (избиратель голосует за партию и/или за ее региональный список одновременно). Также модели закрытых, полуоткрытых и открытых списков отличаются друг от друга по этому критерию (избиратель голосует за партию и/или за ее кандидатов) [23, р. 200]. Соединение списков иногда используется при создании избирательных блоков (список не единый, как это имело место ранее в России). Избиратель в данном случае голосует за партии и автоматически за весь блок. Голоса партий внутри блока суммируются. Именно между блоками распределяются места в парламенте (Италия) [13, с. 115].

Не всегда голоса распределяются именно между теми субъектами, за которых проголосовал избиратель. Так, система панашажа основана на том, что избиратель голосует за кандидатов, но мандаты распределяются между списками (голоса однопартийных кандидатов суммируются).

5. Тип избирательного округа. Он может быть единым или территориальным (применяется при избрании списков кандидатов в отдельных провинциях, регионах на общегосударственных выборах, не применяется в России), одномандатным (униномиальным) или многомандатным (полиномиальным) и т. д. В настоящий момент указанные округа в большинстве стран формируются по географическому принципу с соблюдением примерно равной нормы представительства. Указанная норма является очередной мерой (пределом), наряду с избирательными квотами, «заградительным барьером» и порогом явки.

В целом норму представительства можно рассматривать в виде особой квоты (метра), в редких случаях она так и обозначается в науке или законодательстве, тем более что для ее определения могут использоваться традиционные избирательные квоты (в США, например, применяются методы делителей, которые заменили традиционную методику Хэйра, допускающую «парадокс Алабамы»). Указанный элемент должен установить отсутствие фактических групп избирателей внутри избирательного корпуса. Так, в Китае до сих пор численность избирательных округов в сельской местности значительно превышает численность округов в городах (фактически, образуются отдельные курии, в которые входят сельские и городские избиратели) [3, с. 155]. Количество избираемых в округе депутатов фактически устанавливает «заградительный барьер» (так, в пятимандатном он равен 20 %). Здесь мы также видим квоту (предел, меру), влияющую на результат выборов. В редких случаях формируются особые расовые,

национальные, гендерные и другие округа. Здесь равенство округов также нарушается, поскольку избиратели де-юре и де-факто включены в различные части избирательного корпуса (курии).

6. Структура избирательного корпуса. Как правило, корпус един. В прошлом нередко проводились куриальные выборы (выборы по сословиям, разрядам, чинам, расам и т. д.). Фактически, непрямые выборы также являются куриальными, так как помимо избирателей существуют особые субъекты активного избирательного права, принимающие окончательное решение на выборах.

7. Количество туров. Чаще всего он один, гораздо реже – два (на выборах глав государств), крайне редко – три и более (избрание тех же Папы Римского и Президента Италии) [16, р. 482]. В настоящее время многотуровые системы не применяются при проведении народного голосования, а используются при избрании лиц парламентом или особой коллегией выборщиков. Системы непрямых выборов, по сути, также являются двух- или многотуровыми. Так, президент США избирается коллегией выборщиков, которая формируется при проведении народного голосования. Более того, в каждом туре применяются различные методики и участвуют различные субъекты (избиратели и выборщики).

8. Дополнительные основания для признания выборов состоявшимися (например, учет порога явки избирателей, или голосов, поданных против кандидатов, в том числе против всех кандидатов или списков и др.). Здесь мы также видим некий избирательный предел (барьер), то есть меру. Достижение этого предела меняет не результат голосования, а сам факт их проведения. Основания для признания выборов недействительными вряд ли стоит относить в эту группу, так как они связаны с фальсификацией, а не с возможностью/невозможностью подведения справедливых итогов голосования и результатов выборов при их легальном проведении.

В настоящий момент можно говорить, что наиболее важными элементами являются первый, второй, третий, четвертый и пятый. Остальные элементы конкретизируют ту или иную модель. Так, в целом все системы можно подразделить на 4 большие группы: системы выборов по одномандатным округам (в них участвуют кандидаты в персональном качестве, это мажоритарные системы); системы выборов по партийным спискам (мандаты распределяются между списками кандидатов, то есть это пропорциональные системы); комбинированные системы выборов (участвуют и кандидаты, и списки кандидатов, такие системы обычно в науке называются смешанными); а также системы выборов по многомандатным округам (в них участвуют кандидаты и де-факто списки кандидатов, это всевозможные гибридные разновидности систем). Такая классификация основана на субъекте избирательной формулы (субъект, число голосов которого соответствует определенному числу мандатов). Так,

в комбинированных системах и алгоритмах выборов по спискам избирательная квота определяется числом голосов избирательных объединений (партий), независимо от того, за кого голосовали избиратели. Если избиратели имели право голосовать за конкретных кандидатов, то всё равно происходит суммирование голосов между однопартийными кандидатами. Наоборот, в рамках избирательных систем по одно- или многомандатным округам мандаты всегда распределяются между кандидатами, суммирование голосов внутри партийных списков не происходит даже в тех случаях, когда допускается их выдвижение. Указанное обстоятельство математически доказывает существование партии, выдвигающей список кандидатов, как коллективного субъекта пассивного избирательного права. Более того, субъектом избирательной формулы также выступает избирательный корпус соответствующего избирательного округа. Данное обстоятельство, по нашему мнению, также требует признания избирательного корпуса в качестве коллективного субъекта активного избирательного права.

Математический критерий во многом потерял свое первостепенное значение, да и сами категории «мажоритарная», «пропорциональная» и «смешанная» уже не в полной мере соответствуют своему содержанию. Фактически, идет речь о различных методах определения квот, не более того. К тому же подобные пределы могут устанавливаться и иными элементами избирательной системы. В целом можно констатировать, что избирательная система является мерой выборов, позволяющей определить их результат. Вряд ли стоит утверждать, что между узким и широким подходом к пониманию категории «избирательная система» существуют значительные различия, хотя они всё-таки есть. Де-факто выбор той или иной модели избирательной системы предопределяет содержание и процессуальных норм избирательного права (порядок регистрации избирателей, порядок формирования избирательных округов, порядок выдвижения кандидатов, порядок подсчета голосов и пр.). Показатели с первого по третий определяют содержание материально-правовых норм, а последующие (кроме последнего) – процессуальных. Восьмой показатель сформирован по остаточному признаку и является смешанным (определяет содержание и материальных, и процессуальных норм одновременно).

Анализируя элементы избирательной системы, можно выявить их субъектные детерминанты. Иначе говоря, выбор избирательной системы будет влиять на выбор того или иного участника голосования. Самый очевидный пример связан с носителем пассивного избирательного права (кандидат в индивидуальном качестве либо партия как коллективный субъект, в редких случаях допускается их одновременное участие). Однако выбор системы влияет и на носителей активного избирательного права (курия и т. д.). Наконец, избирательная система воздействует и на

структуру системы избирательных комиссий. Это следствие является самым слабым и менее очевидным, чем первые два примера. В действительности проведение выборов по нескольким одно- или многомандатным округам нередко требует формирования самостоятельных окружных избирательных комиссий. Проведение курiales выборов также предопределяет создание специальных комиссий в расовых, национальных, профессиональных и других округах. Таким образом, элементы избирательной системы достаточно жестко связаны со структурой основных субъектов выборов (избиратели, кандидаты и избирательные комиссии).

Также можно прийти к другому важному выводу. Один и тот же принцип определения победителя (электоральная формула) может применяться с различными иными элементами избирательной системы (например, тип голоса, количество туров и т. д.), что порождает бесчисленное количество вариаций, которые могут в значительной степени отличаться друг от друга по уровню учета голосов избирателей, устойчивости к тактике злоупотребления активным или пассивным избирательным правом и пр. Однако федеральное и региональное российское избирательное законодательство просто использует наименования «мажоритарная система», «пропорциональная система», «смешанная система», хотя за ними может скрываться гигантское количество видов методик, лишенных многих общих черт.

Отметим, что законодательное определение категории «избирательная система» имеет один существенный недостаток: в нем используется абстрактный термин «условия» для признания кандидата избранным. Иначе говоря, такими условиями могут быть не только итоги голосования, но и иные обстоятельства (например, отказ предоставить копию приказа об освобождении от исполнения обязанностей, несовместимых со статусом депутата или выборного лица). Вряд ли данные сугубо юридические обстоятельства следует признавать элементами избирательной системы (в узком значении). Действительно, условием признания кандидата избранным в первую очередь следует признать соответствие цензам пассивного избирательного права, соблюдение порядка выдвижения, осуществления избирательной кампании (в противном случае он не будет допущен до голосования). Очевидно, нам придется включить сюда и иные процессуальные условия (образование округов и участков, формирование избирательных комиссий, составление списков избирателей, саму процедуру проведения голосования). В конечном счете категория «условия признания кандидата избранным» поглотят весь избирательный процесс, то есть мы перейдем к широкой трактовке категории «избирательная система». Без сомнения, такой подход является сугубо юридическим, в этом случае мы утрачиваем понимание избирательной системы как меры выборов. В силу этого предлагаем следующее определение: избирательная система устанавливает количество

голосов избирателей, получение которых означает признание кандидатов избранными, а список кандидатов — допущенными к распределению депутатских мандатов, а также порядок распределения депутатских мандатов внутри списка кандидатов и между списками кандидатов.

Таким образом, можно развить нашу гипотезу и предложить понимание выборов как формы обратной связи. Эта связь может быть положительной и отрицательной. Само по себе голосование граждан является положительной обратной связью (чем больше голосов наберет партия, тем больше мандатов она получит). Однако при соблюдении принципа периодичности выборы приобретают форму отрицательной обратной связи (политическая ответственность). Также отрицательной связью в любом случае выступает голосование по отзыву (то есть конституционно-правовая ответственность). Данная связь, как и любая обратная связь с точки зрения кибернетики, сводима к математической функции. У этой функции есть свойства, которые определяются посредством математических критериев (индикаторов). Следовательно, необходимо выявить ряд математических критериев, имеющих юридическое содержание и являющихся индикаторами правовых принципов, в том числе принципа справедливости.

Справедливость избирательных систем как равная мера свободы участников выборов

Справедливость не может существовать без свободы и равенства. С точки зрения избирательного права это было научно доказано в середине XX века трудами математиков К. Мэй, К. Эрроу, А. Гиббарда, М. Саттертуэйта и др. К. Эрроу был удостоен Нобелевской премии по экономике за вклад в изучение теории общественного выбора, которая, как уже сообщалось выше, является частью конституционной экономики.

К. Мэй решил установить наиболее справедливый и логичный способ принятия решения в рамках общественного выбора. Сравнивая их между собой, он выявил минимальные критерии, интуитивно принимаемые любым здравомыслящим человеком без доказательств (аксиомы). Это аксиомы анонимности, нейтральности, монотонности (позитивной отзывчивости, то есть **положительной обратной связи**) и однозначности. Всем этим критериям соответствует лишь правило большинства при двух кандидатах и нечетном числе избирателей [18, р. 681]. К. Эрроу развил эту теорию, доказав, что только системы большинства при участии двух кандидатов также соответствуют критериям универсальности, отсутствия диктатора и навязанного выбора, независимости от посторонних альтернатив и единогласия (Парето-эффективности) [21, р. 4]. По мнению А. Гиббарда и М. Саттертуэйта, система большинства при участии двух кандидатов не является манипулируемой, навязанной и диктаторской [15, р. 588]. Рассмотрим некоторые аксиоматические критерии более подробно.

Критерии равенства избирателей и кандидатов образуют три группы, соответствующие низкой, средней и высокой степени равноправия. В первую группу входят наименее строгие правила, связанные с установлением равной правосубъектности. Иначе говоря, это математические критерии всеобщего избирательного права. Так, правило отсутствия диктатора (non-dictatorship, ND) требует учета мнения всех граждан, а не конкретно определенного лица. Таким образом, равенство выступает **гарантией** свободы граждан. К. Эрроу подчеркнул, что свобода избирателей не может существовать без их равенства. В идеале диктатор должен отсутствовать, то есть результат выборов должен зависеть от волеизъявления всех граждан. Следовательно, не должно быть избирателя со 100-процентными шансами повлиять на исход голосования. Как правило, этот избиратель неизвестен, поэтому данный математический критерий подразумевает юридический принцип тайны голосования. Таким образом, принцип отсутствия диктатора является самым слабым требованием равенству избирателей. Возможно проведение неравных выборов, на которых равенство голосов избирателей нарушается, но диктатор всё-таки отсутствует.

Несмотря на свою абсурдность и явную алогичность, методы диктатуры используются не только в авторитарных странах. Так, в США широко применяются правила распределения комнат в общежитиях между студентами. Сначала свободные комнаты выбирают старшекурсники, потом — студенты средних курсов, первокурсники выбирают из оставшихся комнат. Сходный механизм используется при зачислении студентов в вузы по итогам единых государственных экзаменов (Россия, Турция, например), а также при донорстве органов. Это так называемый принцип серийного диктатора (serial dictatorship). Фактически, этот механизм использовался во время заключения Тордесильяского договора, на Потсдамской конференции, более того, этот порядок известен со времен написания Священного Писания.

Отсутствие навязанного выбора (citizen sovereignty, non-imposition, NI) — это достижимость результата выборов итогами голосования. С точки зрения математики это означает, что математическая функция (то есть избирательная система) носит сюръективный характер, никак не ограничена область значения функции (ее кодомен). Система должна допускать любой итог в виде $n!$ перестановок (n — это число кандидатов). Таким образом, любой кандидат при определенных обстоятельствах должен иметь 100-процентные математические шансы на победу. При этом результат сравнения любой пары альтернатив (кандидатов) должен быть определен избирателями. Юридическим выражением этого требования выступает всеобщее пассивное избирательное право, **гарантирующее** свободу выборов. Любые навязанные правила объявляют граждан равными в своем бесправии — от их воли не зависит судьба решения, принимаемого в рамках коллективного выбора.

Наиболее характерный пример навязанного правила – система престолонаследия, которая объявляет того или иного индивида монархом вплоть до его смерти, независимо от воли иных лиц. Следовательно, юридическим требованием ненавязанности выступает принцип периодических выборов.

Навязанное правило может применяться на выборах в России в качестве правила, разрешающего ничейный результат (избранным признается кандидат, зарегистрированный ранее). Так, на выборах в Прионежском районе Республики Карелия два кандидата набрали равное число голосов, что при проведении местных выборов в малонаселенных муниципальных образованиях встречается не так редко. Однако в данном случае оба кандидата были зарегистрированы в один и тот же день, и определяющее значение приобрело время принятия решения о регистрации, зафиксированное в протоколе избирательной комиссии. В итоге избранным признали кандидата, который был зарегистрирован на 9 минут (!) ранее¹. Конституционный Суд Республики Карелия вполне обоснованно признал нормы избирательного законодательства неконституционными.

Другим юридическим воплощением требования ненавязанности выступает принцип прямого избирательного права. Так, ненавязанной признается любая система, которая связывает результат выборов с волеизъявлением хотя бы одного гражданина. Поэтому при проведении косвенных выборов, на которых выборщики наделены свободным мандатом, также присутствует навязанное правило. По нашему мнению, такую процедуру в принципе нельзя называть выборами (это назначение). С другой стороны, многоступенчатые выборы, а также модель избрания президента США данному правилу соответствуют.

Примером нарушения правила ненавязанности также являются чрезмерные препятствия для реализации пассивного избирательного права. Так, муниципальный фильтр на губернаторских выборах, по нашему мнению, явно противоречит этому требованию. Де-факто на таких выборах число кандидатов редко превышает пять, а среднее число еще меньше (известны прецеденты с участием лишь двух или даже одного кандидата). В силу этого стоит не согласиться с известным решением Конституционного Суда РФ о допустимости установления на региональных выборах такого фильтра, который определяет более строгие требования, чем к кандидатам на пост президента РФ². Указанный факт в очередной раз доказывает математическую связь принципов равенства и свободы.

Юридическим выражением рассмотренного требования ненавязанности можно считать и принцип альтернативности выборов. Референдумы, как правило, безальтернативны. Участник референдума не вправе частично согласиться с вопросом, выносимым на голосование. Он может только в целом проголосовать «за» или «против». Наоборот, при проведении так называемого народного выбора (особых референдумов, на которых изначально представлено несколько вариантов ответа) альтернатива присутствует. Например, в 1992 году в Новой Зеландии гражданам был задан вопрос о допустимости дальнейшего использования системы относительного большинства. В случае отрицательного ответа избиратель мог выбрать один из четырех вариантов: система альтернативного голосования; связанная смешанная система; система дополнительного голоса; система единого передаваемого голоса. Большинство граждан проголосовало против системы относительного большинства и избрало смешанную систему [21, р. 205].

Само по себе наличие бинарного ответа (да/нет) не делает референдум альтернативным. Напомним, с точки зрения политологии выборы – борьба предвыборных обещаний, а не кандидатов. При проведении всенародного голосования решение уже было принято. С ним только можно согласиться или отвергнуть. По сути, это народное вето. Оно ничем не отличается от права вето президента или верхней палаты парламента. Однако президент не принимает федеральный закон, он лишь одобряет его или отклоняет. Федеральные законы принимает только Государственная Дума, а Совет Федерации также лишь одобряет его (имеет право вето). Таким образом, референдум – безальтернативное голосование, но выборы должны проходить на основе иного принципа.

В некоторых странах мира до сих пор разрешены безальтернативные выборы (КНДР, Китай, Куба). В США и Канаде такие выборы формально не проводятся, но единственный зарегистрированный в округе кандидат автоматически объявляется победителем (аккламация). В Российской Федерации безальтернативное голосование может проводиться в ходе муниципальных выборов. Повторное голосование (второй тур) также может проводиться по безальтернативным правилам. Мы не согласны с мнением Конституционного Суда РФ³ о допустимости проведения безальтернативных выборов в демократическом и правовом государстве.

При проведении выборов в России по многомандатным округам число участвующих кандидатов

¹ Решение Конституционного Суда Республики Карелия от 12 марта 2003 г. // Газета «Карелия». 2003. 24 мая.

² По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 дек. 2012 г. № 32-П // Собр. законодательства Российской Федерации. 2012. № 53. Ст. 8062.

³ По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 64, пункта 11 статьи 32, пунктов 8 и 9 статьи 35, пунктов 2 и 3 статьи 59 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Тульского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июня 2002 г. № 10-П // Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. № 25. Ст. 2515.

должно превышать общее число замещаемых мандатов в округе. Следовательно, участие лишь шести кандидатов в пятимандатном округе будет признано допустимым. Очевидно, что в этом случае будет проведено альтернативное голосование лишь при замещении одного мандата, голосование по оставшимся 4 местам будет безальтернативным (2 + 4).

Очевидно, что в авторитарных странах используются два математических правила: диктатора и навязанного выбора. В целом диктатуры основаны на правилах диктатора, монархия также допускает навязанный выбор (система престолонаследия). Эти способы принятия решения отрицают равенство граждан и их свободу. Математические шансы обычных граждан в условиях монархии или диктатуры изначально равны нулю. Отметим, что нередко на выборах фактические шансы на победу могут быть равны нулю (как на первых выборах президента США, на которых Дж. Вашингтон набрал 100 % голосов выборщиков). Однако де-юре шансы кандидатов на таких выборах были равны.

Во вторую группу критериев равенства входят требования анонимности и нейтральности (anonymity, A; neutrality, N). Все **однозначные** анонимные или нейтральные системы автоматически соответствуют критериям отсутствия диктатора или ненавязанности. Это математические критерии равенства активного и пассивного избирательного права. Равенство в математике – это взаимозаменяемость. Поэтому если любые **два** избирателя поменяются своими бюллетенями в пользу победителя и проигравшего (то есть произойдет обмен высшими предпочтениями), то результат выборов не должен поменяться. Значит, при **ничейном** результате не должно быть избирателя, чей голос будет определять победителя. Следовательно, все избиратели неразличимы («анонимны») для избирательной системы. Наверное, правильно говорить именно о равенстве возможностей (математических шансов) избирателей влиять на результат выборов. Эти математические шансы определяются как «вес» голоса, то есть норма представительства (отношение замещаемых мандатов к общему числу избирателей в округе, умноженное на число голосов у избирателя при ничейных предпочтениях). Так, при избрании одного кандидата в округе, где проживают 100 избирателей, каждый из которых наделен лишь одним голосом, математические шансы повлиять на результат выборов должны быть строго равны одному проценту. В Российской Федерации это соотношение прямо не установлено, но предполагается. Так, при проведении выборов в разномандатных округах (например, одновременно в

двух- и трехмандатных) все избиратели будут наделены двумя голосами, что сохранит вышеуказанное равенство математических шансов избирателей¹ («один избиратель – один голос»).

Наделение избирателей неравным числом голосов либо голосов с неравным «весом» приведет к нарушению требования анонимности (равенства избирателей). В науке такие системы называются методами избрания с «различным весом голоса» (weighted voting systems). В итоге результаты выборов могут быть явно несправедливы. Математическое равенство шансов избирателей также может нарушаться при проведении не прямых или курialesных выборов. Яркий пример: выборы президента США. В большинстве штатов применяется принцип «победитель получает все» при формировании членов коллегии выборщиков. За каждым штатом заранее фиксируется число этих членов в зависимости от численности населения. Как результат, кандидаты на пост ведут наиболее активную борьбу именно в крупных штатах (Калифорния, Техас, Нью-Йорк, Флорида), так как победа в них гарантирует наибольшее число мест в коллегии (аналог системы голосования по очкам). Голос избирателя в штате Калифорния во много раз важнее, чем голос жителя штата Вайоминг. Аналогичное неравенство существовало при использовании системы двойного одновременного голоса в Танганьике: избранный президент должен победить в большинстве округов страны. Другим примером неравенства избирателей является часто используемое правило о приоритете мнения председателя (таким является голос вице-президента США на заседаниях Сената при равенстве голосов²). Вице-президент США не является сенатором и может голосовать на заседаниях палаты только при ничейном результате. Таким образом, вице-президент обладает голосом, имеющим неравное значение (условно можно назвать его равным половине обычного голоса сенатора). В последнем случае 50 % голосов, поданных «за», могут проиграть 50,5 % голосам, поданным «против». Этот простой математический способ проверки равенства голосов при ничейных высших предпочтениях граждан также демонстрирует и сфабрикованные (то есть несправедливые) итоги, продуцируемые неанонимной избирательной системой.

В Российской Федерации равенство избирателей нарушается при проведении выборов в Государственную Думу по одномандатным округам (хотя бы один округ должен быть сформирован в пределах субъекта РФ). В итоге голоса избирателей отличаются по математическим значениям в десятки раз³! Также равенство может быть нарушено при проведении

¹ По делу о проверке конституционности части второй статьи 3 Закона Оренбургской области от 18 сентября 1997 года «О выборах депутатов Законодательного Собрания Оренбургской области» в связи с жалобой граждан Г. С. Борисова, А. П. Бучнева, В. И. Лошманова и Л. Г. Маховой: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 2000 г. № 4-П // Собр. законодательства Российской Федерации. 2000. № 13. Ст. 1429.

² Конституция США // Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / сост. проф. В. В. Маклаков. М.: Изд-во БЕК. С.11.

³ О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федер. закон от 22 февр. 2014 г. № 20-ФЗ (в ред. от 23.05.2025) Ст. 4–5 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2014. № 8. Ст. 740.

выборов депутатов муниципальных районов (от каждого поселения не может быть избрано более двух пятых от общего числа представителей). Наконец, де-факто в России проводятся не прямые выборы (при наделении полномочиями губернаторов¹ и сенаторов Совета Федерации², также допускаются при избрании представительных органов муниципальных районов)³, которые также не соответствуют математическому критерию анонимности.

Вообще, анонимность (то есть равенство активного избирательного права) нарушается при избрании депутатов в нескольких одно- или многомандатных округах (так называемый джержримендеринг). Впрочем, при проведении выборов депутатов по многомандатным округам математические шансы использовать эту тактику зависят от количества замещаемых мандатов. Так, при избрании 3–5 депутатов в округе тактика джержримендеринга еще может использоваться. Однако при избрании 10 и более депутатов она практически теряет свою эффективность. Так, воспринятый судебной практикой США критерий «эффективного гандикапа» признает джержримендеринг при потере более 10 % голосов. В любом случае, избрание депутатов в едином округе (например, по партийным спискам, как это имеет место в России на федеральных выборах) делает выборы полностью анонимными (равными).

Нейтральность кандидатов означает, что если при отсутствии ничьи победитель поменяется своими головами с другим проигравшим кандидатом, то результат выборов должен измениться. Иначе говоря, если высшие предпочтения кандидата-победителя А и кандидата-проигравшего В будут изменены на **противоположные (то есть инвертированы)**, то прежний победитель должен смениться другим кандидатом. Наоборот, при **ничейном** результате не должно быть заранее определенного победителя. Кандидаты также должны иметь равные математические шансы на победу. Эти шансы определяются как отношение числа замещаемых мандатов к общему числу кандидатов в гипотетических ничейных результатах голосования, умноженное на число округов, в которых баллотируется конкретный кандидат. Например, при участии двух кандидатов в одномандатном округе математические шансы каждого претендента победить должны строго равняться 50 %. Так, если один избиратель считает, что $A > B > C$, а второй – $B > A$, то подавляющее большинство избирательных систем установит равные шансы кандидатов на избрание. Следовательно, такие альтернативы (кандидаты) для избирательной системы являются нейтральными (то есть равными).

Как мы упоминали, в Российской Федерации выборы в разномандатных округах могут проводиться при условии наделения избирателей равным числом голосов. Однако этого недостаточно, поскольку шансы кандидатов могут значительно отличаться. Следовательно, выборы необходимо проводить лишь в единых округах или в нескольких, но с равным большим числом (например, 10–15) замещаемых мандатов. При этом необходимо установить правило об обязательном выдвижении партией списков кандидатов во всех многомандатных округах на выборах в представительный орган власти. Логично предусмотреть в этом случае правило о сборе подписей во всем политико-территориальном образовании. Наоборот, независимые кандидаты участвуют на выборах в отдельных округах, следовательно, они должны собирать подписи только среди их избирателей. В конечном счете число участвующих кандидатов в многомандатных округах будет приблизительно равным, что позволит соблюсти примерно их равные шансы на избрание.

Как показал практика проведения выборов по системе единого передаваемого голоса, кандидат может получить мандат, если он набрал количество голосов, которое меньше естественной квоты в два раза. Таким образом, в 15-мандатном округе кандидат с 3 % голосов реально претендует на мандат. Это положение позволит соблюсти пропорциональность в представительстве политических партий при проведении выборов по многомандатным округам. Также необходимо запретить выдвижение кандидатов в нескольких округах (например, в одномандатном и едином, в котором выборы проходят по партийным спискам). Именно это положение и нарушается в России при проведении смешанных выборов, которые, как правило, не допускают самостоятельного участия независимых кандидатов в выборах по партийным спискам (например, в виде образования виртуального списка кандидатов-самовыдвиженцев). При этом вполне допустимо установление квотирования мест в списках кандидатов для представителей малочисленных субъектов РФ, чтобы соблюсти требования правовой позиции Конституционного Суда РФ⁴. Иначе говоря, кроме требования «один избиратель – один голос» нужно добавить еще одно: «один кандидат – один округ». К сожалению, именно этот критерий математического равенства кандидатов в России нарушается.

Неравенство альтернатив (неравные математические шансы на победу) в избирательных системах фиксируется очень редко. Однако оно может

¹ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федер. закон от 21 дек. 2021 г. №414-ФЗ (ред. от 13.12.2024 г.) Ст. 22 // Там же. 2021. № 52. Ст. 8973.

² О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Федер. закон от 22 дек. 2020 г. №439-ФЗ (в ред. от 13.07.2024 г.). Ст. 4–5 // Там же. 2020. № 52. Ст. 8585.

³ П. 1 ч. 10 ст. 89 Федер. закона «Об общих принципах организации местного самоуправления...».

⁴ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда РФ № 26-П от 17 нояб. 1998 г. // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 1.

устанавливаться при разрешении ничейного результата. Так, метод старшинства, по сути, применяется в России, поскольку на выборах депутатов Государственной Думы в одномандатных округах при равенстве голосов приоритет имеет кандидат, зарегистрированный ранее. Фактически, идет речь о факультативном навязанном правиле, которое может применяться при ничейном результате. Это, безусловно, нарушает равенство кандидатов. Так, в этом случае кандидат, зарегистрированный ранее, изначально имеет преимущество (например, равное половине голоса избирателя). Следовательно, если за двоих участвующих в выборах кандидатов проголосует абсолютно равное число избирателей, то в итоге проигравший кандидат получит 50 % голосов, а победитель – 50,5 %. Это также демонстрирует сфабрикованные (и, следовательно, несправедливые) итоги, продуцируемые не нейтральной избирательной системой.

Избирательная система, которая явно противоречит правилу нейтральности, – это правило повестки дня и ее модификация, так называемая олимпийская система (правило кубковых встреч, плей-офф). На выборах эти методики не применяются, но широко используются при проведении спортивных состязаний, а также при обсуждении поправок к законопроекту. Данная система определяет победителя в серии парных сравнений («личных встреч»). Пары назначаются случайным образом в ходе жеребьевки, или исходя из каких-то параметров (количество очков в предварительной стадии, например), или по воле конкретного лица (то есть диктатора). Последний вариант чаще встречается в парламентах англосаксонских стран, предоставляющих спикеру неограниченную свободу при определении порядка рассмотрения поправок («правило кенгуру»). Здесь мы видим использование ненаучных способов (жеребья, старшинства, диктатора) совместно с голосованием, что предопределяет ряд негативных последствий. Практически все спортивные болельщики понимают, что далеко не всегда лучшая команда побеждает на чемпионате мира по футболу. Главное – выиграть в финале. Кому-то везет с жеребьевкой, и он встречается с заранее известными аутсайдерами, другим – нет. Таким образом, итоговый результат первенства также не будет носить справедливый характер. Приведем итоги голосования:

2: $A > B > C > D$;

1: $D > B > A > C$;

1: $D > C > A > B$;

1: $B > C > D > A$.

В данном случае мнение 5 избирателей разделилось, явного победителя и явного проигравшего по парному сравнению (методу Кондорсе) нет. Все четыре кандидата образуют бесконечный цикл

$A > B > C > D > A...$ В зависимости от определения последовательности пар сравнения в «финале» может победить любой из кандидатов. Так, при определении последовательности A, C, B и D победителем будет D . Наоборот, при определении порядка A, D, B и C победителем уже окажется B . В последовательности A, B, D, C выиграет в итоге C . Наконец, при определении порядка D, B, C и A побеждает A .

Метод консенсуса (принятие решений аккламацией, без голосования с возможностью заявить вето) – менее очевидный пример нарушения требования нейтральности. В отличие от «тирании большинства», здесь решение должно устраивать абсолютно всех избирателей. Разумеется, речь идет об анархии. Отдельные племена бушменов, североамериканских индейцев, общины квакеров, объединения анархистов до сих пор используют этот метод. Во многих странах мира коллегии присяжных выносят свой вердикт лишь на основании единогласного мнения. Право консенсуса нередко используется в международном праве (принятие новых членов блока НАТО, принятие основополагающих решений Европейским союзом). Де-факто деятельность Совета безопасности ООН частично подчинена этому принципу консенсуса¹. Один из постоянных членов Совета может заблокировать решение, которое поддерживается всеми другими членами. Следует иметь в виду, что в случае использования на выборах метода консенсуса и квалифицированного большинства с квотой более 50 % неравенство кандидатов не устанавливается, если предусматривается проведение второго тура или повторных выборов при нерезультативном голосовании. Говоря языком математики, такие избирательные системы не сохраняют статус-кво в случае ничейного результата. Также примером правила статус-кво является требование кворума (явки избирателей). Наоборот, при проведении голосования в парламенте или на референдуме статус-кво (непринятие определенного решения) сохраняется, и это нарушает требование нейтральности альтернатив. Без правила статус-кво метод консенсуса не используется по причине своей нерезультативности: достаточно одному проголосовать против – и решение не принимается.

Наоборот, в случае проведения безальтернативных выборов, голосований по отзыву выборных должностных лиц и референдумов нейтральность нарушается в случае разделения голосов избирателей поровну (кандидат считается избранным, а решение на голосовании по отзыву или на референдуме – не принятым²). Данные правила создают коллизию: в одном случае равенство голосов означает принятие решения, в других – нет. Очевидно, что решение должно выноситься большинством голосов.

В третью группу критериев равенства следует отнести критерии, которые развивают положения

¹ Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г., с изм. и доп. от 20.12.1971 г.) // Действующее международное право. Т. 1. М.: Моск. независимый ин-т международного права, 1996. С. 7–33.

² О референдуме Российской Федерации: Федер. конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ (в ред. от 30.12.2021) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2004. № 27. Ст. 2710. См.: ч. 7 ст. 80 ФКЗ.

анонимности и нейтральности. В настоящий момент в науке предложен критерий отменяющего голоса (cancellation vote criterion, CV). При участии только двух кандидатов любая анонимная система удовлетворяет этому критерию. Однако лишь некоторые системы обеспечивают равенство избирателей при **симметричности** их предпочтений в случае участия **трех и более кандидатов**. Следовательно, все однозначные системы, соответствующие правилу отменяющего голоса, автоматически признаются анонимными. Как и критерий анонимности, отменяющий критерий требует, что система должна признавать ничью в случае равенства в парном сравнении всех участвующих в выборах кандидатов. При этом должна существовать возможность подачи пары голосов, которые взаимно уравниваются (или *отменяют* друг друга), то есть ничейный результат останется неизменным. Это требование развивает правило анонимности о том, что при обмене голосов между избирателями не должен меняться результат выборов. Однако, в отличие от критерия анонимности, это правило более строгое, оно выполняется при любом числе избирателей, в том числе нечетном.

Оно также развивает иное утверждение анонимности: при ничейных предпочтениях отсутствует избиратель, определяющий победителя. При этом все предпочтения симметричны. Либо они равноценны, либо их значимость соразмерно (то есть в арифметической прогрессии) изменяется соответственно порядку. Напомним, что арифметическая прогрессия в математике признается монотонной последовательностью, то есть данный критерий также отражает свойство справедливости как монотонной положительной обратной связи. Таким образом, рассматриваемый критерий устанавливает **равный** «вес» соответствующих предпочтений, причем его значимость соразмерно возрастает с порядком предпочтений граждан. Напомним, что практически любую разновидность голосования (оценочное, категорическое, предпочтительное) можно представить в виде рейтингового востума. Критерий анонимности устанавливает равенство голосов (**высших предпочтений**), а критерий отменяющего голоса – равенство **всех** предпочтений как его **составных** частей.

Приведем пример идеальной ничьи:

1: $A > B > C$;

1: $B > C > A$;

1: $C > A > B$.

В рамках избирательной системы, соответствующей правилу отменяющего голоса, должна быть вероятность голосования еще двух избирателей хотя бы одним из пяти возможных вариантов, сохраняющих ничью между всеми тремя кандидатами: $A = B > C$ и $C > A = B$; $A = C > B$ и $B > A = C$; $B = C > A$ и $A > B = C$; $A > B > C$ и $C > B > A$; а также $A = B = C$ и $C = B = A$. Так, голосование категорическим образом $A > B > C$ и $C > B > A$ возможно лишь в виде «прицельного голосования» за кандидатов А и С, которое не сохранит прежний ничейный результат между тремя

кандидатами. Другие же варианты в рамках категорического голосования юридически невозможны, так как волеизъявление сразу за двух или трех кандидатов не допускается (бюллетени будут считаться недействительными). Налицо дискриминация, поскольку голосование $C > A = B$ (проще говоря, категорическое голосование только за кандидата С) будет иметь большее значение, чем $A = B > C$ (недействительный бюллетень).

Системы категорического востума (FPTP и пр.) не соответствуют отменяющему критерию, так как допускают только два уровня градаций предпочтений, причем первую предпочтительность может получить лишь один кандидат (победитель получает все, а второй – это лишь первый среди проигравших).

Система альтернативного востума (**единого** передаваемого голоса) предоставляет избирателю право голосовать предпочтительно, но только первая предпочтительность имеет наибольшее юридическое значение (победитель определяется по числу первых голосов). Именно системы категорического и единого передаваемого голоса являются методами, которые при их использовании на практике производят наибольший процент недействительных бюллетеней. Такие алгоритмы ставят избирателей в чрезмерно жесткие рамки, не позволяющие им полностью выразить свои предпочтения. Попытки не осведомленных в тонкостях избирательного законодательства избирателей выразить свою волю наиболее полным образом приводят к дискриминации: их голос не учитывается. Наоборот, юридически грамотным избирателям придется голосовать неискренне (нечестно). Одним из таких вариантов является «ослиное голосование» (donkey vote) – избиратель полностью или частично голосует за кандидатов в том порядке, в котором они были определены избирательной комиссией и напечатаны в избирательном бюллетене. Так, в Австралии установлен обязательный востум в рамках системы единого передаваемого голоса, не допускающей подачу усеченного бюллетеня (то есть избиратель обязан определить полный рейтинг из всех участвующих кандидатов, в противном случае его бюллетень будет признан недействительным). Такие весьма жесткие правила подталкивают граждан прибегать к «ослиному голосованию»: гражданин голосует за желаемого кандидата, а всех последующих лиц в рейтинге он указывает согласно их месту в напечатанном бюллетене. Как правило, на выборах в Австралии 1–2 % избирателей голосуют подобным образом [19, р. 380].

Таким образом, критерий отменяющего голоса позволяет выявить те системы, которые заставляют избирателей голосовать неискренне, «разделяя» свои голоса между желаемыми кандидатами, что снижает шансы таких кандидатов на избрание (эффект разделения голосов при участии так называемого спойлера). Разумеется, это уменьшает и значимость голоса подобных избирателей, которые, как правило, придерживаются центристских (умеренных) взглядов.

С другой стороны, большинство систем оценочного кардиналистского вотума (диапазонный вотум и пр.), а также кондорсетовые предпоченциальные методики основаны на правиле отменяющего голоса.

Самым строгим критерием равенства кандидатов выступает правило обратной симметрии (reversal symmetry, RS). Данный критерий определяет равенство между тремя и более кандидатами при **симметричных** предпочтениях избирателей. Это требование развивает правило нейтральных систем о равенстве шансов на избрание. Поэтому, как и при нейтральности, если в обратном порядке изменить все предпочтения у трех и более кандидатов, то результат выборов должен измениться. Отметим, что лишь некоторые нейтральные системы соответствуют правилу обратной симметрии в случае участия **трех** и более кандидатов. Очевидно, что все однозначные системы, соответствующие правилу обратной симметрии, автоматически признаются нейтральными.

Системы категорического вотума и ряд предпоченциальных методик, моделирующих второй тур, устанавливают различный «вес» предпочтений и голосов, поскольку обычно лишь первая предпочтения имеет значение. Ущемление прав избирателей, так или иначе, приводит к дискриминации и кандидатов. В итоге, в случае участия в выборах трех и более кандидатов нарушается их равенство шансов на избрание. Приведем пример ничьи:

- 1: $A > B > C$;
- 1: $C > B > A$;
- 1: $B > A > C$;
- 1: $C > A > B$.

При таких предпочтениях избирателей плюральная система отдаст победу кандидату С при обычном и реверсивном порядке предпочтений вместо признания ничейного результата. Таким образом, кандидат С, который одновременно имеет наибольшее число первых и последних (то есть поляризованных) предпочтений, имеет 100 % шансов на избрание. Наоборот, кондорсетовые системы в данном примере отдадут победу кандидату В. В отличие от плюральной системы, эти алгоритмы не вызывают ущемление прав избирателей полностью выражать свои предпочтения, в свою очередь, порождающее дискриминацию кандидатов.

Практическое значение этого критерия отражено в самом названии: на выборах не должен победить кандидат, который одновременно является и лучшим, и худшим. Обычно такими являются кандидаты-экстремисты, придерживающиеся радикальных взглядов. Системы, не соответствующие критерию обратной симметрии, порождают парадокс «лучшего-худшего» (best-is-worst) и в условиях потери голосов создают математические преимущества для кандидатов-радикалов (поскольку их последние предпочтения игнорируются, например, при признании соответствующих бюллетеней недействительными).

В науке теории выборов сумма критериев равенства избирателей и кандидатов обычно называются

симметрией. На наш взгляд, полноценная симметрия существует лишь при соблюдении всех шести критериев равенства избирателей и кандидатов. Таким образом, справедливость невозможна без всеобщего и равного избирательного права. Юридически выражением математического равенства выступает комплексный принцип равных участников выборов, который в настоящий момент институционализируется на международном уровне (ст. 10 Конвенции СНГ о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод). Таким образом, критерии отменяющего голоса и обратной симметрии демонстрируют взаимосвязь категорий «равенство», «свобода» и «справедливость». В целом эти требования направлены на установление не столько равенства (все анонимные и нейтральные системы при участии лишь двух кандидатов автоматически соответствуют указанным критериям, так как устанавливают равенство при определении только высших предпочтений), сколько свободы и справедливости. Избирателю необходимо предоставить право выразить **все** свои предпочтения (предпочтения), в противном случае возможен несправедливый результат выборов (победа кандидата-экстремиста по причине наибольшей значимости голосов избирателей-экстремистов).

Таким образом, три критерия равенства избирателей гарантируют их **равную правосубъектность, равенство голосов и предпочтений** при любом числе участников выборов. Три критерия равенства кандидатов также гарантируют их **равную правосубъектность**, а также **равенство шансов** на избрание при равенстве полученных голосов и предпочтений граждан при любом числе участников выборов.

Далее рассмотрим критерии свободы. Также можно выделить три степени свободы, основываясь на теореме К. Эрроу, установившей, что справедливая избирательная система должна обладать свойством универсальности (universality, unrestricted domain). Согласно К. Эрроу, избиратель свободен и вправе наиболее полным образом выразить свои предпочтения, а государство в лице избирательных комиссий обязано учесть его голос. При этом избирательная система детерминированно определяет одного и того же уникального победителя во главе транзитивного и полного рейтинга кандидатов при одних и тех же ординальных непрерывных предпочтениях граждан. Следовательно, универсальная система должна быть исправным «механизмом», конвертирующим голоса в мандаты. Она в любом случае не должна приводить к **алогичным** результатам. С другой стороны, универсальная избирательная система не должна содержать никаких ограничений для голосования, кроме как подачу непротиворечивых предпочтений. Следовательно, в законодательстве должны быть сведены к минимуму основания для признания бюллетеня недействительным. Согласно аксиомам теории ординалистской полезности, это должно гарантировать свободу выборов

Во-первых, следует рассмотреть критерий детерминированности (deterministic, D), то есть отсутствие вероятностных способов принятия решения. Как мы уже писали выше, избирательная система – это функция общественного выбора, которая априори определена. Следовательно, **при одних и тех же итогах голосования** избирательная система должна продуцировать тот же **самый результат**. Юридическое значение данного критерия можно свести к тому, что детерминированные системы, так или иначе, определены свободной волей народа.

Данное требование исключает вероятностные методы признания победителя (принцип детерминизма). Выражаясь языком математики, **результат (победа определенного кандидата либо ничья между определенными кандидатами)** должен продуцироваться со 100-процентной вероятностью при любых вариантах голосования. Иначе говоря, при одних и тех же итогах голосования результат всегда должен быть один и тот же. Вероятностные способы принятия решения не относят к функциям общественного выбора. Они определяют не единственного избранного кандидата, а вероятность избрания всех кандидатов. Даже если такие схемы определяют в конкретном случае 100%-ную вероятность избрания одного кандидата и нулевую вероятность избрания других, то их все равно считают недетерминированными, так как они непосредственно не определяют победителя. Таким образом, математики отмечают, что вероятностные системы не продуцируют **детерминированный** результат; более того, его даже сложно назвать результатом. Они только определяют вероятность победы кандидатов на лотерее, но сам итог лотереи не продуцируется вероятностным методом принятия решения. Так, при жеребьевке вероятностный метод лишь определяет равные шансы всех кандидатов на победу (в виде отношения 100 % к числу кандидатов), не более. Победитель же определяется лотереей, но не самим **математическим алгоритмом**. Это говорит об абсолютной неполноценности таких методов (то есть об их неуниверсальности).

В критерии детерминизма мы видим рационально-легальный тип легитимности, проявление народного суверенитета, а не божественного провидения. В конечном счете метод принятия решения должен быть научно обоснован, а не только основываться на вере.

Главный недостаток недетерминированных методов заключается в безответственности. Назначенных по жребию лиц невозможность отозвать. Как правило, такие лица исполняют свои полномочия один раз в жизни. Более того, такое назначение рассматривается как общественная обязанность, а не

право лица. Так, в Древней Греции было разработано специальное устройство – клеротерион. Он представлял собой каменный желоб, куда опускались перемешанные случайным образом черные и белые шарики (бобы), напротив позиций бобов имелись отверстия, куда избиратели заранее помещали свои именные таблички (аналог паспортов в Древней Греции). Однако такая лотерея проводилась лишь при замещении должностей, которые не требовали специальных познаний (народный судья), то есть *отсутствовала* правовая оценка качеств кандидатов. Лицо могло исполнять полномочия судьи лишь один раз в течение всей жизни.

Таким образом, безответственность порождала отсутствие свободы выборов (это было принудительное назначение). Именно поэтому в Венецианской республике жребий использовался совместно с выборами. Высшая должность дожа избиралась в ходе многократных раундов жеребьевки и косвенного голосования. Этим преследовалась благая цель – исключить возможность коррупции при избрании пожизненного главы государства из числа представителей наиболее знатных семей.

В современном мире жеребьевка нередко используется для определения круга лиц, которые будут исполнять общественные обязанности (присяжный, член избирательной комиссии и пр.). Чаще всего такой «победитель» не рад своей победе в лотерее.

К сожалению, методы жребия используются и при определении победителя при равенстве голосов (в том числе в России). Такая процедура весьма часто используется при проведении выборов в малочисленных избирательных округах¹. Более того, отдельные процедуры жеребьевки, которые применяются в России, не всегда могут гарантировать разрешение ничьи². Сомнительно, что жеребьевку стоит использовать в демократическом государстве.

Так, на выборах в Палату представителей Миссисипи в 2015 году два кандидата набрали абсолютно равное число голосов (4589), победитель был определен вытаскиванием короткой спички (shortest straw democracy). При этом сам победитель считал данную процедуру архаичной и несправедливой. Проигравший кандидат впоследствии оспорил свое поражение по причине необоснованного признания недействительными 5 бюллетеней, отправленных по почте и поданных за него [17].

Во-вторых, логически непротиворечивая избирательная система должна быть не только определенной, но и однозначной (resoluteness, decisiveness, resolvability, R). С точки зрения математики избирательная система – функция, которая априори является всюду определенной, то есть она продуцирует

¹ О выборах депутатов Законодательного Собрания Пермского края: Закон Пермского края №766-ПК от 11 мая 2011 г. (в ред. от 27.05.2025) // Собр. законодательства Пермского края. 2011. № 5. См.: п. 8 ст. 69 Закона.

² О Порядке проведения жеребьевки в целях определения результатов выборов в избирательном округе, где количество зарегистрированных кандидатов, подлежащих признанию избранными, превышает число депутатских мандатов, подлежащих замещению [Электронный ресурс]: Решение Санкт-Петербургской избирательной комиссии от 12 сент. 2019 г. № 146-1 (документ официально опубликован не был). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

единственный результат при любых итогах голосования. Точнее, такую функцию называют тотальной или однозначной. Избирательная система, как и тотальная функция, не может быть многозначной – иными словами, определять сразу нескольких победителей.

Однако речь идет не о полной однозначности. По мнению Тидемана и Вудалла, ничейный результат избирательной системы должен быть статистически редким явлением в условиях, когда число избирателей стремится к бесконечности. Иначе говоря, системы признаются однозначными лишь в том случае, если могут гарантировать 100 % шансов избрания того или иного кандидата практически при любых вариантах голосования, за исключением тех редких случаев, когда предпочтения одинаковы. Это вытекает из так называемой аксиомы различимости, предложенной Вудаллом (discrimination axiom) [24, p. 81].

Данный критерий является более строгим по отношению к требованию детерминированности. Все вероятностные методы автоматически признаются неоднозначными. Наоборот, однозначные методы, которые предусматривают жеребьевку в случае ничейного результата, признаются детерминированными до тех пор, пока соблюдается правило однозначности. Именно поэтому ряд ученых объединяют вместе критерии детерминированности и однозначности, хотя, на наш взгляд, они имеют различное содержание.

Политическая целесообразность требует разрешения ничейного результата иным методом. Если таким будет являться вероятностный метод жеребьевки, то возникнут сомнения в легитимности результатов выборов, так как он не зависел от свободной и суверенной воли народа. Если таким методом будет являться другая избирательная система, то также имеет место уменьшение легитимности промежуточного результата выборов.

Так, в России при избрании губернаторов применяется двухтуровая система, которая предполагает нерезультативный метод абсолютного большинства в первом туре. История знает немало примеров, когда лидер первого тура проигрывал выборы во втором туре. Так, в 2004 году на выборах губернатора Алтайского края действующий глава субъекта А. А. Суриков победил в первом туре голосования с 47 % голосов, но во втором всё же проиграл [10, с. 459].

Как выяснилось, демократические процедуры, основанные на равенстве голосов, никогда не могут обеспечить 100%-ную однозначность. Так, при равенстве голосов «за» и «против» возможно их разделение, которое *никогда* не может быть разрешено. Согласно теореме Мэя любые анонимные и нейтральные системы не являются **полностью** однозначными. Однако они признаются однозначными в том смысле, что данный ничейный результат маловероятен и им можно пренебречь.

Наоборот, полностью неоднозначным является метод Коупленда. Этот алгоритм применяется при

проведении спортивных мероприятий. Футбольные болельщики знают, что при равенстве очков у команд необходимо учитывать дополнительные критерии (разница голов, количество голов, забитых на чужом поле, количество «желтых карточек» и т. д.). Вероятность такой ничейной ситуации высока при любом числе участников.

Таковыми же неоднозначными системами являются методы Шварца (Schwarz), Смита (Smith), Бэнкса (Banks), Слэйтера (Slater), разделенного цикла, нечетности и классические алгоритмы консенсуса, абсолютного большинства и Кондорсе. Как выяснилось, избирательные системы, не соответствующие принципу прямого избирательного права, также теряют свойство однозначности. Например, непрямая процедура избрания президента США предполагает целых три стадии: проведение всенародного голосования, голосование членов коллегии выборщиков, избрание президента и вице-президента в Конгрессе в случае, когда голоса выборщиков разделились. Последняя процедура применялась дважды, что подтверждает нерезультативность системы избрания президента США.

По нашему мнению, неприятие результатов президентских выборов США в 2020 году как справедливых было обусловлено в том числе запутанным процессом определения победителя в рамках сложной (допускающей три тура голосования среди избирателей, членов коллегии выборщиков и конгрессменов) системы не прямых выборов.

Очевидно, что низкая однозначность системы может выступать в двух видах: отсутствие победителя или наличие нескольких победителей. В целом можно прийти к выводу, что правило единогласия практически не однозначно (все кандидаты признаются проигравшими в подавляющем большинстве случаев). Правило квалифицированного большинства с квотой более половины также практически не однозначно. Абсолютное большинство достижимо лишь в некоторых случаях, если выборы проводятся категорическим вотумом. Такие выборы проводились в СССР: кандидат был обязан для победы набрать более половины голосов зарегистрированных избирателей, в противном случае выборы признавались несостоявшимися [10, с. 390]. Учитывая, что голосование проводилось на безальтернативной основе, де-факто однозначность таких выборов была высокой.

Метод Кондорсе в чистом виде также полностью не однозначен. Возможны циклы (парадоксы Кондорсе), когда каждый кандидат одновременно является и победителем, и проигравшим. Однако такое может произойти нечасто и только при условии, что никто из кандидатов не набрал абсолютного большинства голосов.

Например, метод дружбы (all-ties, null voting system) является абсолютно неоднозначной системой. Де-факто все участвующие кандидаты автоматически признаются победителями в рамках ничейного результата (такую систему еще называют постоянной функцией).

Иначе говоря, голосование граждан можно вообще не проводить, а сразу объявить всех кандидатов победителями. Следовательно, если в такой ситуации мы пожелаем определить лишь одного победителя, то нам потребуется иной алгоритм.

Отметим, что и жеребьевка, и метод дружбы являются навязанными (итоги не детерминированы волеизъявлением граждан), сомнительно, что их следует применять в демократическом государстве.

Как правило, остальные навязанные правила являются однозначными, поскольку определяют 100%-ную вероятность избрания того или иного кандидата. Даже в случае исчерпания династических линий системы престолонаследия требуют определения новой династии («король должен быть всегда»)¹.

В-третьих, логическая непротиворечивость избирательной системы сводится к тому, что методика позволяет избирателям подавать рейтинг предпочтений в виде непрерывного линейного упорядоченного множества (ordinal utility, OU), который предполагает отсутствие несравнимых элементов. Соответственно, система также должна формировать итоговый рейтинг в виде указанного линейного порядка (total order). Данный рейтинг должен воспроизводиться вновь и вновь при тех же предпочтениях граждан. Никакие ограничения предпочтений граждан недопустимы. Таким образом, критерий универсальности демонстрирует свободное право избирателя любым образом выразить свои предпочтения, количество оснований для признания бюллетеня недействительным должно быть сведено к минимуму. Данный критерий, в отличие от первых двух требований свободы, полностью вытекает из ординалистской теории полезности.

Как уже отмечалось, универсальная избирательная система должна трансформировать любые линейные порядки предпочтений граждан в итоговый линейный порядок, в котором любые два элемента сравнимы. На первый взгляд, индивидуальные и групповые предпочтения должны быть строгими, чтобы продуцировать однозначный результат. Однако даже при строгих предпочтениях четного числа граждан при участии в выборах двух кандидатов возможна ничья, что и было доказано в теореме Мэя. В силу этого можно предположить, что линейные порядки могут включать нестрогие предпочтения (strict weak ordering) в исключительных случаях, когда кандидаты **абсолютно** равнозначны. Существуют следующие свойства линейных порядков: **рефлексивность** ($A \geq A$); **антисимметричность** (если $A \geq B$ и $B \leq A$, то $A = B$); **полнота** (либо $A \geq B$, либо $B \geq A$) и **транзитивность** (если $A \geq B$ и $B \geq C$, то $A \geq C$). В сумме такие отношения порождают **универсальные** (гомогенные) отношения. Данные требования нередко в литературе называют правилами рациональности (rationality),

поскольку оно требует логичности в индивидуальных и групповых предпочтениях.

Очевидно, что указанные критерии, вытекающие из ординалистской теории полезности, не применимы к системам кардиналистского и категорического вотума. Однако предпочтения граждан и итоговые результаты выборов, определенные указанными системами, также можно представить в виде порядков с теми или иными оговорками.

Проанализируем более подробно вышеперечисленные правила линейных порядков. Свойство рефлексивности вытекает из полноты, его мы опустим. Правило антисимметрии также не вызывает никаких сомнений. Проще говоря, если имеются два элемента A и B, то имеет место одно и только одно из соотношений: либо $A > B$, либо $A < B$, либо $A = B$. Последнее утверждение вполне понятно даже обывателю.

Рассмотрим требование полноты (completeness). Так, избиратель вправе отразить свое отношение (больше, меньше или равно) внутри любой пары кандидатов (то есть в совокупности $n!$ вариантов).

Например, методы, основанные на категорическом вотуме, этому правилу не соответствуют, так как запрещают избирателю отмечать более одного знака в бюллетене. Только при участии двух кандидатов система категорического вотума разрешает избирателю выразить свое отношение ко **всем** кандидатам. Однако и в этом случае избиратель не может определить равные ранги кандидатов. В итоге избирателю приходится голосовать **неискренне**, выбирая лишь одного, иногда даже прибегая к случайным или несущественным факторам (например, более раннее расположение фамилии кандидата в тексте избирательного бюллетеня). В конечном счете результат выборов лишается детерминированности.

Далее при избрании 225 депутатов Государственной Думы по партийным спискам избиратель наделяется лишь одним голосом, что и предопределяет деперсонализированный характер выборов (избиратель не знает поименно своих представителей). Такой способ избрания продуцирует безответственность выбранных лиц. Депутатов, избранных по партийным спискам, в принципе невозможно отозвать избирателями, поскольку мандат непосредственно получает партия и ее список, а не кандидат в индивидуальном качестве.

Ряд предпочтительных систем также предполагает ограничение числа предпочтений или голосов (системы условного вотума и ее различные модификации). Системы кардиналистского голосования не всегда могут соответствовать требованию полноты, так как степень градаций предпочтений изначально определена. Так, в одобрительных системах применяется два уровня одобрения, в системе STAR – шесть (пять звезд плюс ноль). Система голосования по очкам

¹ Конституция Испании 1982 г. // Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / сост. проф. В. В. Маклаков. М.: Изд-во БЕК. С. 541. См. ст. 2 Конституции.

расширяет свободу выбора, но она всё равно может быть неполной в случае участия значительного числа кандидатов. В конечном счете это вызовет парадокс «голубятни» (pigeonhole paradox) в рамках неискреннего голосования избирателя и, соответственно, утрату детерминированности результатов выборов. Лишь одна система кардиналистского голосования соответствует данному критерию – диапазонная, наделяющая избирателя правом оценивать кандидатов **любым** вещественным числом в диапазоне $[0, 1]$.

Отметим, что предпоченциальные методики могут соответствовать критерию полноты. Поэтому, например, предпоченциальная плюральная система (то есть методика относительного большинства первых предпочтений) может соответствовать критериям универсальности. Однако модель относительного большинства с категорическим вотумом, применяемая в большинстве стран мира, универсальной не может быть по определению, поскольку ограничивает свободу выбора избирателя.

Далее элементом рациональности избирательной системы выступает транзитивность системы (transitivity), не приводящая к логическим парадоксам при ее использовании в отношении абсолютно любых предпочтений граждан. Итоговый результат должен быть транзитивен, поэтому классический метод Кондорсе не должен признаваться универсальным. Все иные однозначные кондорсетовые системы разрешают циклический парадокс голосования либо установлением ничьи, либо определением победителем какого-то единственного кандидата (то есть установлением транзитивных результатов выборов). Причем этот результат будет воспроизводиться вновь и вновь при тех же предпочтениях граждан.

Таким образом, универсальная система не должна содержать никаких ограничений предпочтений граждан, за исключением требований их транзитивности. Следовательно, основания для признания бюллетеня недействительным должны быть сведены к минимуму. Например, избиратель может иметь право в исключительных случаях определять равные ранги нескольким кандидатам в том числе голосовать усеченно (то есть категорическим вотумом), если считает, что кандидаты для него абсолютно равнозначны.

Так, данный способ голосования невозможен согласно классическим вариантам систем, основанным на исключении (AV, Кумбс и т. д.). Отметим, что классические методы Борда, Нансона и Болдуина также запрещают избирателю одновременно голосовать за нескольких кандидатов. Аналогичный запрет содержится и в классическом варианте алгоритма Баклина. В настоящий момент на выборах депутатов Науру применяется метод Доудолла, который является вариацией алгоритма Борда. На выборах 2022 года в округе, где баллотировалось 18 кандидатов, избиратель был обязан определить полный рейтинг, исключая равные ранги, в противном случае бюллетень признавался недействительным. В результате,

около 4 % бюллетеней не были заполнены должным образом [20, р. 390].

Наконец, логическая непротиворечивость избирательной системы сводится к тому, что данную методику можно представить в виде непрерывной функции (continuity criterion). Иначе говоря, непрерывная функция – это функция, которая меняется без мгновенных «скачков» («разрывов»). Следовательно, малые изменения аргумента приводят только к малым изменениям функции. В противном случае избирательная система потеряет свойство непрерывности и возможна парадоксальная ситуация, когда алгоритм признает кандидата проигравшим даже при его поддержке со стороны подавляющего большинства граждан (то есть максимально приближенного к 100 %). Свойство непрерывности, которое еще называют свойством Архимеда (Archimedean property), вытекает из аксиомы ненасыщения ординалистской теории полезности: при прочих равных условиях потребитель предпочитает большее количество данного блага меньшему его количеству. Иначе говоря, предпочтения граждан могут только сравниваться (один кандидат хуже или лучше другого), но не измеряться количественно. Данное положение гарантирует монотонность функции полезности. Как уже говорилось, свойство монотонности отражает сущность справедливости как позитивной обратной связи. В силу этого законодатель не должен игнорировать данное положение, решая вопрос о конкретном виде избирательной системы.

Очевидно, что ни одна из систем кардиналистского голосования не может соответствовать правилу непрерывности, поскольку базируется на кардиналистской теории полезности. В силу этого абсолютно все системы кардиналистского голосования не могут предотвратить поражения кандидата, которого поддерживает **почти** всё общество.

Приведем следующий пример. Так, 99 граждан уверены, что кандидат А лучше кандидата В. Лишь один оставшийся избиратель считает иначе. Все диктаторские системы предпоченциального голосования однозначно определяют кандидата А победителем. Однако в рамках кардиналистского голосования избиратель не определяет, кто из кандидатов лучше другого или хуже. Избиратель на таких выборах должен трансформировать свои предпочтения в определенные баллы. Более того, каждый избиратель поступает по-своему: для одного первое место в рейтинге может означать максимум баллов, а для другого – только половину. В итоге, предпочтения избирателей лишаются внутренней логики. Так, в рамках одобрительного голосования вышеуказанный кандидат В **может** победить, если 99 сторонников кандидата А одобряют обоих избирателей (то есть позитивно их оценивают), а единственный сторонник кандидата В – только его одного. В итоге кандидат В победит на выборах со 100 % голосов граждан, хотя наилучшим его считает лишь один избиратель. Однако этот кандидат В **может** и проиграть при том

же самом ординалистском рейтинге предпочтений $A > B$ ($99 > 1$). Вряд ли такую ситуацию можно назвать соответствующей критериям справедливости и равенства. Очевидно, что кардиналистский способ волеизъявления детерминирован лишь при одной альтернативе (при проведении референдума), но не при проведении альтернативных выборов. Это говорит о неуниверсальности такой системы (в частности, невозможности ее справедливой реализации на выборах при любом количестве альтернатив).

Отметим, что теория ординалистской полезности основана на объективной оценке полезности, а кардиналистская – на субъективной («о вкусах не спорят»). Если придерживаться гипотезы, что справедливость носит объективный, но не субъективный характер, то мы автоматически придем к выводу о несправедливости системы кардиналистского голосования.

В качестве примера нарушения требований универсальности стоит также назвать ограничение предпочтений. Так, в разработанном Д. Блэком методе однопиковых предпочтений избиратель выставляет предпочтения согласно заранее определенной шкале ценностей, не соответствующей правилу насыщения. Например, в начале XXI века социологи проводили подобный опрос граждан в ходе выборов депутатов Государственной Думы. Избиратель должен был проголосовать за партии исходя из представлений о свободе экономической деятельности. Большинство избирателей выступило за умеренное представление свободы, проголосовав за партию «Единая Россия» [12, с. 5–22]. Здесь предпочтения избирателя были изначально ограничены определенной шкалой ценности. Следовательно, при наличии иной шкалы (политическая свобода, соблюдение прав человека, международная политика и пр.) результат голосования мог быть отличным, то есть также исчезает уникальность и детерминированность.

Правило линейных порядков индивидуальных и групповых предпочтений является более строгим, чем требование детерминированности и однозначности. Оно также требует, чтобы при тех же предпочтениях граждан продуцировался тот же результат (детерминированность). Следовательно, ничейный результат (нестрогий рейтинг) может быть определен только в случае полного равенства предпочтений граждан, которые, как правило, также являются строгими. В противном случае неоднозначная система неспособна определить строгий полный итоговый рейтинг в большинстве случаев. Следовательно, универсальными могут быть только однозначные избирательные системы.

Выводы

Таким образом, свойство универсальности требует определенности результатов выборов. Так, недетерминированные системы вообще не определены. С точки зрения юриста или политолога они могут про-

дуцировать результат, но он будет только вероятностным. Поэтому при одних и тех же предпочтениях граждан результат может быть абсолютно любым (то есть **произвольным**). Это умаляет (или вообще отменяет) народный суверенитет. Неоднозначные системы в большинстве случаев не способны определить единственного победителя на выборах, что мешает их практическому непосредственному использованию. Если они будут сочетаться с жеребьевкой, то это также вступает в противоречие со свободной волей народа. Однако обычно они используются вместе с другими однозначными методами, что прямо указывает на их неполноценность (неуниверсальность). Наоборот, системы, не отвечающие правилу непрерывных линейных порядков, устанавливают более высокий уровень определенности. Но всё равно элемент случайности сохраняется. Так, голосование категорическим вотумом заставляет избирателя сделать выбор в пользу А или В при истинных внутренних убеждениях $A = B$. Кто-то выберет А, а кто-то – В. При повторном голосовании гражданин вполне может поменять свой выбор в бюллетене, и результат выборов кардинально изменится. Неуниверсальные системы кардиналистского голосования также в полной мере не определены. Так, при предпочтениях $A > B$ в рамках системы STAR кандидат А может получать любое число звезд (очков, баллов) от одного до пяти, при этом кандидат В также может получить любое меньшее число в пределах от нуля до четырех. Следовательно, одно соотношение порождает сразу 15 различных вариантов голосования. Именно этим объясняется парадоксальная ситуация, когда кандидат, набравший большинство первых предпочтений, может проиграть выборы по **любой** системе кардиналистского голосования. В этом мы также видим несоответствие принципу народного суверенитета. И только универсальные предпочтительные системы устанавливают максимальную определенность ($A > B$ – это всегда $A > B$, $B > A$ – всегда $B > A$, а $A = B$ – всегда $A = B$). Следовательно, критерии свободы (универсальности), как и критерии равенства кандидатов и избирателей, одновременно требуют проведения **справедливых** (то есть подлинных) выборов.

Таким образом, мы обнаружили очевидную взаимосвязь критериев равенства, свободы и справедливости. Правило однозначности выступает необходимым элементом во взаимосвязи критериев равенства.

Так, даже при наличии диктатора или навязанного правила свойство неоднозначности избирательной системы в определенных случаях способно установить равенство участников выборов. Например, при проведении жеребьевки все граждане (избиратели и кандидаты) равны в своем бесправии, поскольку они лишены *свободы* выбора.

Теперь сравним избирательные системы на предмет соответствия математическим критериям равенства и свободы (таблица).

Сравнение избирательных систем согласно критериям равенства и свободы

Методы	Равенство избирателей и кандидатов						Свобода выбора		
	ND	NI	A	N	CV	RS	D	R	OU
Большинство	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2 кандидата	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Кемени-Янг	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Тидеман	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Хайциг	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Шульце	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Блэк	+	+	+	+	+	+	+	+	+/- (3)
Борда	+	+	+	+	+	+	+	+	+/- (3)
Нансон	+	+	+	+	+	+	+	+	+/- (3)
Диапазонная	+	+	+	+	+	+	+	+	—
Одобрительный вотум	+	+	+	+	+	+	+	+	—
Доджсон	+	+	+	+	+	—	+	+	+
Симпсон	+	+	+	+	+	—	+	+	+
Янг	+	+	+	+	+	—	+	+	+
Болдуин	+	+	+	+	+	—	+	+	+/- (3)
Бэнкс	+	+	+	+	+	+	+	—	—
Кондорсе	+	+	+	+	+	+	+	—	—
Коупленд	+	+	+	+	+	+	+	—	—
Разделенный цикл	+	+	+	+	+	+	+	—	—
Слэйтер	+	+	+	+	+	+	+	—	—
Смит	+	+	+	+	+	+	+	—	—
Фишберн	+	+	+	+	+	+	+	—	—
Шварц	+	+	+	+	+	+	+	—	—
Консенсус	+	+	+	+	+	+	+	—	—
Балински	+	+	+	+	+	—	+	+	—
Одобрительное большинство	+	+	+	+	+	—	+	+	—
STAR	+	+	+	+	+	—	+	+	—
Венцке	+	+	+	+	—	—	+	+	+
Осиповф	+	+	+	+	—	—	+	+	+
Альтернативный вотум	+	+	+	+	—	—	+	+	+/- (3)
Альтернативный Тидеман	+	+	+	+	—	—	+	+	+/- (3)
Баклин	+	+	+	+	—	—	+	+	+/- (3)
Кумбс	+	+	+	+	—	—	+	+	+/- (3)
Максимальная лотерея	+	+	+	+	+	+	—	—	—
Случайная пара	+	—	+	+	+	+	—	—	—
Антиплуральная	+	+	+	+	—	—	+	+	+/- (3)
Меньшинство	+	+	+	+	—	—	+	+	+/- (3)
Двухтуровые (квота не менее 50 % +1 голос)	+	+	+	+	—	—	+	+	—
Двухтуровые (квота менее 50 % +1 голос)	+	+	+	+	—	—	+	+	—
Дополнительный вотум (Шри-Ланка)	+	+	+	+	—	—	+	+	—
Квадратичный вотум	+	+	+	+	—	—	+	+	—
Кумулятивный вотум	+	+	+	+	—	—	+	+	—
Лэй де лемас (пропорциональная)	+	+	+	+	—	—	+	+	—
Многотуровые	+	+	+	+	—	—	+	+	—
Ограниченный вотум	+	+	+	+	—	—	+	+	—
Плюральная	+	+	+	+	—	—	+	+	+/- (3)
Условный вотум	+	+	+	+	—	—	+	+	—
Дружба	+	—	+	+	+	+	+	—	—
Диктатор	—	+	—	+	—	+	+	+	+
Жребий	+	—	+	+	+(нп)	+(нп)	—	—	—
Чет/нечет	+	+	+	+	—	—	+	—	—
Абсолютное большинство	+	+	+	+	—	—	+	—	—
Навязанный выбор	+	—	+	—	—	—	+	+	+/- (3)
Гоув	+	+	+	+	—	—	—	—	—
Случайная повестка	+	+	+	—	+	—	—	—	—
Случайный бюллетень	—	+	+	+	—	+	—	—	—
Косвенные выборы (США)	+	+	—	+	—	—	+	—	—

Примечание: з – зависит от разновидностей системы; нп – критерий не применим.

Если признать истинной ранее выдвинутую нами гипотезу о том, что справедливость избирательных систем представляет собой положительную обратную связь, то мы и должны считать верным утверждение о ее симметричности (соразмерности, пропорциональности). Следовательно, полностью справедливые избирательные системы должны соответствовать критериям симметрии и определенности (три степени равенства и свободы соответственно). Только в этом случае при увеличении поддержки того или иного кандидата среди всех избирателей будут соразмерно (пропорционально) повышаться его шансы на избрание. При этом данная пропорция будет соблюдаться каждый раз при одних и тех же предпочтениях граждан. Выражаясь юридическим языком, на результат выборов будет влиять только свободная воля равноправных граждан, а не иные случайные факторы.

Ранее рассмотренные математические критерии находят свое воплощение в общераспространенных принципах избирательного права: всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном, альтернативном и свободном периодическом голосовании на периодических выборах. Однако этих требований явно недостаточно для ответа на вопрос, какие избирательные системы являются справедливыми, а какие – нет.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Этика Никомахова // История политических и правовых учений: Хрестоматия / под ред. О. Э. Лейста. М.: Городец, 2000. 512 с.
2. Белов С. А. Системное правовое регулирование избирательной системы // Российский юридический журнал. 2011. № 1. С. 88–100.
3. Берлявский Л. Г. Сравнительное избирательное право. М.: Юрлитинформ, 2013. 240 с.
4. Вольский В. И. Процедуры голосования в малых группах с древнейших времен до начала XX века. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2014. 76 с.
5. Вольский В. И., Карпов А. В. Применение различных вариантов правила передачи голосов // Полития. 2011. № 2. С. 162–174.
6. Демина Н. Метод маркиза Кондорсе или светлый путь спасения демократии. 2010. URL: https://polit.ru/article/2010/05/21/maskin_condorcet
7. Зарубежное избирательное право: учеб. пособие / под ред В. В. Маклакова. М.: Норма, 2003. 288 с.
8. Конституции зарубежных государств / отв. ред. В. В. Маклаков. М.: БЕК, 1999. 584 с.
9. Лейкман Э., Ламберт Д. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 366 с.
10. Любарев А. Е. Избирательные системы: Российский и мировой опыт. М.: Литагент, 2016. 632 с.
11. Нерсисянц В. С. Философия права. М.: Норма, 1997. 652 с.
12. Савватеев А. В., Филатов А. Ю., Шварц Д. А. Проблема коллективного выбора, теорема Эрроу и ее короткое доказательство // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2018. № 4. С. 5–22.
13. Таагенпера Р., Шугарт М. С. Описание избирательных систем // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 114–136.
14. Benoit K. Hungary's Two-Vote' Electoral System // Representation. 1996. Vol. 33. Issue 4. Pp. 162–170. DOI 10.1080/00344899608522977
15. Gibbard A. Manipulation of voting schemes: A general result // Econometrica. 1973. Vol. 41, Issue 4. Pp. 587–601.
16. Lijphart A. The Political Consequences of Electoral Laws, 1945-1985 // American Political Science Review. 1990. Vol. 84. Issue 2. Pp. 481–496. DOI 10.2307/1963530
17. Important elections whose results (probably) would have differed under different voting systems. URL: <https://rangevoting.org/FunnyElections.html#port86>
18. May K. A set of independent necessary and sufficient conditions for simple majority decisions // Econometrica. 1952. Vol. 20, Issue 4. Pp. 680–684.
19. McLean I. E.J. Nanson, Social Choice and Electoral Reform // Australian Journal of Political Science. 1996. Vol. 31. Issue 3. Pp. 369–385. DOI 10.1080/10361149651102
20. Reilly B. Social Choice in the South Seas: Electoral Innovation and the Borda Count in the Pacific Islands Countries // Political Science Review. 2002. Vol. 23, Issue 4. Pp. 355–372. DOI 10.1177/0192512102023004002
21. Reynolds A., Reilly B., Ellis A. Electoral System Design: The New International IDEA Handbook. Stockholm, 2008. 237 p.
22. Siavelis P.M. La Lógica Oculta de la Selección de Candidatos en las Elecciones Parlamentarias Chilenas // Estudios Públicos. 2005. Issue 98. Pp. 189–225.
23. Taagepera R., Shugart M. S. Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral Systems. New Haven: Yale University Press, 1989. 292 p.
24. Woodall D. R. Monotonicity of Single-Seat Preferential Election Rules // Discrete Applied Mathematics. 1997. Vol. 77. Pp. 81–98.

References

1. Aristotle. Nicomachean Ethics In *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [History of Political and Legal Doctrines]. Ed. by O. E. Leist. Moscow, 2000. 512 p. (In Russ.)
2. Belov S. A. Sistemnoe pravovoe regulirovanie izbiratel'noy sistemy [System Legal Regulation of the Electoral System]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* – Russian Juridical Journal. 2011. Issue 1. Pp. 88–100. (In Russ.)
3. Berlyavskiy L. G. *Sravnitel'noe izbiratel'noe pravo* [Comparative Suffrage]. Moscow, 2013. 240 p. (In Russ.)
4. Vol'skiy V. I. *Protседury golosovaniya v mal'nykh gruppakh s drevneyshikh vremen do nachala XX veka*

[Voting Procedures in Small Groups From Ancient Times to the Beginning of the 20th Century]. Moscow, 2014. 76 p. (In Russ.)

5. Vol'skiy V. I., Karpov A. V. *Primenenie razlichnykh variantov pravila peredachi golosov* [Application of Various Versions of the Rule of Transfer of Voices]. *Politeia*. 2011. Issue 2. Pp. 162–174. (In Russ.)

6. Demina N. *Metod markiza Kondorse ili svetlyy put' spaseniya demokratii*. [The Marquis Condorcet Method, or the Light Way to Saving Democracy]. Available at: https://polit.ru/article/2010/05/21/maskin_condorcet (In Russ.)

7. *Zarubezhnoe izbiratel'noe pravo* [Foreign Suffrage]. Ed. by V. V. Maklakov. Moscow, 2003. 288 p. (In Russ.)

8. *Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv* [Constitutions of Foreign State]. Ed. by V. V. Maklakov. Moscow, 1999. 584 p. (In Russ.)

9. Leykman E., Lambert D. D. *Issledovanie mazhoritarnoy i proporsional'noy izbiratel'nykh sistem* [Research on Majority and Proportional Electoral Systems]. Moscow, 1958. 366 p. (In Russ.)

10. Lyubarev A. E. *Izбирatel'nye sistemy: Rossiyskiy i mirovoy opyt* [Electoral Systems: Russian and World Experience]. Moscow, 2016. 632 s. (In Russ.)

11. Nersesyants V. S. *Filosofiya prava* [Legal Philosophy]. Moscow, 1997. 652 p. (In Russ.)

12. Savvateev A. V., Filatov A. Yu., Shvarts D. A. *Problema kollektivnogo vybora, teorema Errou i ee korotkoe dokazatel'stvo*. [The Problem of Collective Choice, Arrow's Theorem and Its Short Proof]. *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie* – Far Eastern Federal University News. Economics and Management. 2018. Issue 4. Pp. 5–22. (In Russ.)

13. Taagepera R., Shugart M. S. *Opisanie izbiratel'nykh sistem* [Description of Electoral Systems]. *POLIS*. 1997. Issue 3. Pp. 114–136. (In Russ.)

Информация об авторах:

Д. М. Худoley

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и финансового права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0001-5870-1537
ResearcherID: E-3184-2016

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI 10.17072/1995-4190-2015-2-18-28
DOI 10.17072/1995-4190-2016-33-258-267
DOI 10.17072/1995-4190-2017-37-288-302
DOI 10.17072/1995-4190-2018-41-371-395
DOI 10.17072/1995-4190-2019-45-442-466
DOI 10.17072/1995-4190-2020-49-442-475
DOI 10.17072/1995-4190-2021-53-562-601
DOI 10.17072/1995-4190-2022-57-476-503
DOI 10.17072/1995-4190-2023-61-428-450

14. Benoit K. Hungary's Two-Vote' Electoral System. *Representation*. 1996. Vol. 33. Issue 4. Pp. 162–170. DOI 10.1080/00344899608522977 (In Eng.)

15. Gibbard A. Manipulation of Voting Schemes: A General Result. *Econometrica*. 1973. Vol. 41 Issue 4. Pp. 587–601. (In Eng.)

16. Lijphart A. The Political Consequences of Electoral Laws, 1945-1985. *American Political Science Review*. 1990. Vol. 84. Issue 2. Pp. 481–496. DOI: 10.2307/1963530. (In Eng.)

17. Important elections whose results (probably) would have differed under different voting systems. Available at: <https://rangevoting.org/FunnyElections.html#port86> (In Eng.)

18. May K. A set of independent necessary and sufficient conditions for simple majority decisions. *Econometrica*. 1952. Vol. 20. Issue 4. Pp. 680–684. (In Eng.)

19. McLean I. E. J. Nanson, Social Choice and Electoral Reform. *Australian Journal of Political Science*. 1996. Vol. 31. Issue 3. Pp. 369–385. DOI: 10.1080/10361149651102 (In Eng.)

20. Reilly B. Social Choice in the South Seas: Electoral Innovation and the Borda Count in the Pacific Islands Countries. *Political Science Review*. 2002. Vol. 23. Issue 4. Pp. 355–372. DOI 10.1177/0192512102023004002 (In Eng.)

21. Reynolds A., Reilly B., Ellis A. *Electoral System Design: The New International IDEA Handbook*. Stockholm, 2008. 237 p. (In Eng.)

22. Siavelis P. M. La Lógica Oculta de la Selección de Candidatos en las Elecciones Parlamentarias Chilenas. *Estudios Públicos*. 2005. Issue 98. Pp. 189–225. (In Span.)

23. Taagepera R., Shugart M. S. *Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral Systems*. New Haven: Yale University Press, 1989. 292 p. (In Eng.)

24. Woodall D. R. Monotonicity of Single-Seat Preferential Election Rules. *Discrete Applied Mathematics*. 1997. Vol. 77. Pp. 81–98. (In Eng.)

About the authors:

D. M. Khudoley

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

ORCID: 0000-0001-5870-1537
ResearcherID: E-3184-2016

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI 10.17072/1995-4190-2015-2-18-28
DOI 10.17072/1995-4190-2016-33-258-267
DOI 10.17072/1995-4190-2017-37-288-302
DOI 10.17072/1995-4190-2018-41-371-395
DOI 10.17072/1995-4190-2019-45-442-466
DOI 10.17072/1995-4190-2020-49-442-475
DOI 10.17072/1995-4190-2021-53-562-601
DOI 10.17072/1995-4190-2022-57-476-503
DOI 10.17072/1995-4190-2023-61-428-450

К. М. Худолей

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и финансового права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-1805-0674

ResearcherID: E-3186-2016

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI 10.17072/1995-4190-2015-2-29-40
DOI 10.17072/1995-4190-2016-34-391-401
DOI 10.17072/1995-4190-2017-37-288-302
DOI 10.17072/1995-4190-2018-41-371-395
DOI 10.17072/1995-4190-2019-45-442-466
DOI 10.17072/1995-4190-2020-49-442-475
DOI 10.17072/1995-4190-2021-53-562-601
DOI 10.17072/1995-4190-2022-57-476-503
DOI 10.17072/1995-4190-2023-61-428-450

K. M. Khudoley

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

ORCID: 0000-0003-1805-0674

ResearcherID: E-3186-2016

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI 10.17072/1995-4190-2015-2-29-40
DOI 10.17072/1995-4190-2016-34-391-401
DOI 10.17072/1995-4190-2017-37-288-302
DOI 10.17072/1995-4190-2018-41-371-395
DOI 10.17072/1995-4190-2019-45-442-466
DOI 10.17072/1995-4190-2020-49-442-475
DOI 10.17072/1995-4190-2021-53-562-601
DOI 10.17072/1995-4190-2022-57-476-503
DOI 10.17072/1995-4190-2023-61-428-450

III. ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Информация для цитирования:

Линников А. С. Типологизация гражданско-правового контроля // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 2(72). С. 319–329. DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-319-329. EDN AHFALF

Linnikov A. S. Tipologizatsiya grazhdansko-pravovogo kontrolya [Typology of Civil Law Control]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 2(72). Pp. 319–329. DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-319-329. EDN AHFALF (In Russ.)

УДК 347

DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-319-329

EDN <https://elibrary.ru/ahfalf>

EDN AHFALF

Типологизация гражданско-правового контроля

А. С. Линников

Коллегия адвокатов Московской области «Линников и Партнёры»

E-mail: las@leadcons.ru**Статья поступила в редакцию 19.11.2025**

Введение: статья посвящена проблеме типологизации гражданско-правового контроля – одного из ключевых, но недостаточно концептуализированных институтов современного права. Несмотря на широкое использование категории «контроль» в самых разных гражданско-правовых конструкциях, в российской цивилистической доктрине до сих пор отсутствует общепринятая теоретическая модель, которая бы позволяла последовательно разграничивать различные проявления контрольных полномочий и механизмов. **Цель:** предложить теоретически обоснованную типологизацию гражданско-правового контроля, выделив два основных типа, показать их различия в контексте правовой природы и функционального назначения. **Методы:** диалектический, системный, сравнительно-правовой, формально-юридический. Также использовались элементы экономического и социологического подходов к пониманию контроля как способа управления частными интересами и рисками. **Результаты:** обоснована дуалистическая типология гражданско-правового контроля (проверочный контроль за объектом и властный контроль над объектом), показана их различная правовая природа. **Выводы:** современное гражданское право оперирует двумя качественно различными видами контроля. Оба типа контроля обусловлены необходимостью управления частными интересами. При этом остается открытым вопрос относительно их возможной общей концептуализации.

Ключевые слова: гражданско-правовой контроль; контроль-проверка; контроль-власть; контроль над объектом; корпоративный контроль; ограничение дееспособности; автономия воли

© Линников А. С., 2026

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Typology of Civil Law Control

A. S. Linnikov

Bar Association of the Moscow region "Linnikov and Partners"

E-mail: las@leadcons.ru

Received 19 Nov 2025

Introduction: the article is devoted to the problem of typology of civil law control, which is one of the key but insufficiently conceptualized institutions of modern law. Despite the widespread use of the category "control" in a variety of civil law constructions, the Russian doctrine of civil law still lacks a generally accepted theoretical model that would allow for a consistent distinction between various manifestations of control powers and mechanisms. **Purpose:** to propose a theoretically substantiated typology of civil law control through identifying two main types and showing their differences in legal nature and functional purpose. **Methods:** dialectical, systemic, comparative legal, formal legal methods; elements of economic and sociological approaches to the understanding of control as a way of managing private interests and risks. **Results:** the paper substantiates the dualistic typology of civil law control (verification control over the object and authoritative control over the object) and demonstrates their different legal nature. **Conclusions:** modern civil law deals with two qualitatively different types of control. Both types are conditioned by the need to manage private interests. However, the question regarding their possible common conceptualization remains open.

Keywords: civil law control; verification control; authoritative control; control over an object; corporate control; limitation of legal capacity; autonomy of will

Введение

В теории права и в публично-правовых науках правовой контроль рассматривается как проверка деятельности, поведения подконтрольного субъекта с определенными целями.

В монографии, специально посвященной гражданско-правовому контролю, указывается, что «поскольку гражданско-правовой контроль с учетом методологического значения теории права является разновидностью общеправового контроля, то он также представляет собой *проверку* фактического положения дел необходимому (требуемому)», а сам контроль понимается как «часть децентрализованной гражданско-правовой системы саморегулирования и основанная на законе или договоре *проверка* соответствия фактического поведения подконтрольного обязательным требованиям и (или) интересу контролирующего лица» [7, с. 11, 43].

Однако подчеркнем, что в экономических отношениях контроль представлен не только как проверка (контроль за объектом), но и как власть управления объектом (контроль над объектом). Гражданское законодательство, как известно, является правовой формой реализации экономических отношений, и оно не может игнорировать такое экономическое различие контроля.

Публично-правовые науки ограничиваются описанием контроля только как проверки, так как их

предметом не является управление конкретным объектом. При этом заметим, что в публично-правовых исследованиях контроль анализируется через призму управления, управленческой функции государства. Например, Е. Ю. Грачева пишет, что «финансовый контроль как одна из функций управления способствует получению субъектом управления информации об истинном положении дел для достижения целей управления, обеспечения устойчивости и упорядоченности финансовой системы» [8, с. 7]. Отмечается также, что «финансовый контроль характеризуется и как функция управления, и как система наблюдения и проверки функционирования контролируемого объекта с целью оценки обоснованности и эффективности принимаемых управленческих решений...», а «целью государственного финансового контроля должна являться разработка и осуществление эффективного управленческого воздействия» [2, с. 12]. Указывается, что контроль – это неотъемлемая часть государственного управления [27, с. 15]. Как видим, здесь контроль понимается как часть управленческих задач государства, а не как хозяйственная власть над материальными и нематериальными объектами и частными интересами. Безусловно, налоговая проверка – это реализация управленческой функции государства, но она не находится в одном смысловом ряду с корпоративным контролем в юридических лицах или контролем посредством выдачи согласия на совершение сделки.

Контроль-проверка в гражданском праве

С одной стороны, действительно, в гражданско-правовой сфере имеет место контроль-проверка. Повторно приведем для иллюстрации некоторые примеры. В силу пункта 1 статьи 748 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) заказчик вправе осуществлять контроль и надзор за ходом и качеством выполняемых работ, соблюдением сроков их выполнения (графика), качеством предоставленных подрядчиком материалов, а также правильностью использования подрядчиком материалов заказчика, не вмешиваясь при этом в оперативно-хозяйственную деятельность подрядчика. Такой контроль от имени заказчика на основании договора может осуществлять инженер (инженерная организация) (ст. 749 ГК РФ). Законом или договором номинального счета с участием бенефициара на банк может быть возложена обязанность контролировать использование владельцем счета денежных средств в интересах бенефициара в пределах и в порядке, которые предусмотрены законом или договором (п. 3 ст. 860.1 ГК РФ). По договору хранения ценностей в банке с использованием клиентом индивидуального банковского сейфа банк осуществляет контроль за помещением ценностей клиентом в сейф и изъятием из сейфа (п. 2 ст. 922 ГК РФ).

Согласно пункту 5 статьи 1173 ГК РФ нотариус, осуществляющий полномочия учредителя доверительного управления, обязан контролировать исполнение доверительным управляющим своих обязанностей не реже, чем один раз в два месяца. В соответствии с пунктом 2 статьи 1031 ГК РФ, если договором коммерческой концессии не предусмотрено иное, правообладатель обязан контролировать качество товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) пользователем на основании договора коммерческой концессии. Собственник имущества, находящегося в хозяйственном ведении, осуществляет контроль за использованием по назначению и сохранностью принадлежащего предприятию имущества (п. 1 ст. 295 ГК РФ). Лицензиат обязан обеспечить соответствие качества производимых или реализуемых им товаров, на которых он помещает лицензионный товарный знак, требованиям к качеству, устанавливаемым лицензиаром, а последний вправе осуществлять контроль за соблюдением этого условия (п. 2 ст. 1489 ГК РФ). Как видим, гражданско-правовой контроль-проверка может быть как правом, так и обязанностью контролирующего лица.

Гражданское законодательство содержит и императивные запреты проверочного контроля: по договору банковского счета банк не вправе определять и контролировать направления использования

денежных средств клиента (п. 3 ст. 845 ГК РФ); по договору публичного депозитного счета банк не вправе контролировать соответствие операций владельца публичного депозитного счета установленным законом правилам о депонировании, если иное не предусмотрено законом (п. 2 ст. 860.11 ГК РФ); по договору хранения ценностей в банке с предоставлением клиенту индивидуального банковского сейфа банк не вправе контролировать помещение ценностей в сейф и изъятие из сейфа клиентом (п. 3 ст. 922 ГК РФ).

Указанные виды проверочного контроля характерны прежде всего для договорных правоотношений, но они имеют место и во внедоговорных правоотношениях. Так, в корпорации может быть образован коллегиальный орган управления (наблюдательный или иной совет), контролирующей деятельность исполнительных органов корпорации (п. 4 ст. 65.3 ГК РФ). В аккредитованной организации по управлению исключительными правами на коллективной основе создается наблюдательный совет, к исключительной компетенции которого относятся: контроль за деятельностью исполнительных органов организации; контроль за финансово-хозяйственной деятельностью организации; контроль за расходованием специальными фондами денежных средств (п. 3 ст. 1244.1 ГК РФ). Аккредитованная организация также вправе осуществлять контроль за соблюдением лицензиатом условий лицензионного договора (п. 11 ст. 1244.2 ГК РФ).

Автор произведения архитектуры, градостроительства или садово-паркового искусства имеет право на осуществление авторского контроля за разработкой документации для строительства и право авторского надзора за строительством здания или сооружения либо иной реализацией соответствующего проекта (п. 2 ст. 1294 ГК РФ)¹. Это также пример проверочного внедоговорного контроля.

Контроль-власть в гражданском праве

С другой стороны, понятие «контроль» в гражданско-правовой сфере нередко проявляется в ином аспекте – как власть над объектом. В этом случае чаще всего речь идет о корпоративном контроле. Е. П. Губин пишет, что корпоративный контроль – это возможность субъектов корпоративных отношений обеспечивать постоянное влияние на принятие стратегических управленческих решений [28, с. 18]. Такое влияние (власть) достигается посредством формирования органов управления, принятия решений или блокирования принятия решений на общем собрании акционеров (участников). Корпоративный контроль – это фактически влияние на формирование воли хозяйственного общества [4, с. 38].

¹ См.: Об утверждении СП 246.1325800.2023 «Положение об авторском надзоре при строительстве, реконструкции и капитальном ремонте объектов капитального строительства» (вместе с «СП 246.1325800.2023. Свод правил. Положение об авторском надзоре при строительстве, реконструкции и капитальном ремонте объектов капитального строительства»): Приказ Минстроя России от 9 янв. 2024 г. № 5/пр // Ценообразование и сметное нормирование в строительстве. 2024. № 4.

Однако контроль-власть в таком понимании – это не только сугубо корпоративный контроль со стороны участников и органов управления корпорации.

Наиболее общее понятие контроля-власти содержится в Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»¹: «возможность физического или юридического лица прямо или косвенно (через юридическое лицо или через несколько юридических лиц) определять решения, принимаемые другим юридическим лицом».

Понимание контроля-власти чаще всего связывают с понятием контролирующего *должника* лица, возникшего в сфере «банкротных» правоотношений в связи с необходимостью привлечения таких лиц к субсидиарной ответственности. Согласно части 1 статьи 61.10 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»² *под контролирующим должника лицом* понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий. Преимущественно на основе указанного нормативно-правового акта сформировалась теория контролирующих должника лиц, которая обусловила появление более широкого понятия – «контролирующее *организацию* (юридическое лицо) лицо».

Так, статья 11.1-3 Закона «О банках и банковской деятельности», носящая название «Контролирующие кредитную организацию лица», устанавливает, что кредитная организация обязана на постоян-

ной основе определять контролирующих ее лиц, соответствующих признакам контролирующего кредитную организацию лица, установленным статьей 61.10 и пунктом 1 статьи 189.23 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», и обновлять информацию о них, направляя соответствующую информацию в Банк России, который, в свою очередь, ведет перечень контролирующих кредитную организацию лиц³. Существуют аналогичные легальные понятия – «контролирующие негосударственный пенсионный фонд лица»⁴ и «контролирующие страховую организацию лица»⁵.

Понятие «контролирующий юридическое лицо субъект» в том или ином виде встречается в корпоративном законодательстве, в том числе в статье 81 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», согласно которой контролирующим лицом признается лицо, имеющее право прямо или косвенно (через подконтрольных ему лиц) распоряжаться в силу участия в подконтрольной организации и (или) на основании договоров доверительного управления имуществом, и (или) простого товарищества, и (или) поручения, и (или) акционерного соглашения, и (или) иного соглашения, предметом которого является осуществление прав, удостоверенных акциями (долями) подконтрольной организации, более 50 % голосов в высшем органе подконтрольной организации либо право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более 50 % состава коллегиального органа управления подконтрольной организации⁶. Аналогичное определение содержится в статье 45 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁷ в контексте правовой регламентации сделок с заинтересованностью.

¹ О защите конкуренции: Федер. закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 14.10.2024) (п. 8 ст. 11) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

² О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 23.05.2025) // Там же. 2002. № 43. Ст. 4190.

³ О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федер. закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 28.02.2025) (ст. 57.6) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 28. Ст. 2790; Указание Банка России от 9 июня 2021 г. № 5814-У (ред. от 06.06.2023) «О форме, порядке и сроках направления кредитными организациями, страховыми организациями и негосударственными пенсионными фондами в Банк России информации о контролирующих их лицах и о порядке ведения Банком России перечней лиц, контролирующих кредитные организации, страховые организации и негосударственные пенсионные фонды» (Зарегистрировано в Минюсте России 9 июля 2021 г. № 64198) // Вестник Банка России. 2021. № 49.

⁴ О негосударственных пенсионных фондах: Федер. закон от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ (ред. от 28.02.2025) (ст. 6.2.-1): Негосударственный пенсионный фонд обязан на постоянной основе определять контролирующих его лиц, соответствующих признакам контролирующего негосударственный пенсионный фонд лица, установленным статьей 61.10 и пунктом 1 статьи 187.12 Федерального закона от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», и обновлять информацию о них (п. 5) // Собр. законодательства Российской Федерации. 11.05.1998. № 19. Ст. 2071.

⁵ Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон РФ от 27 нояб. 1992 г. № 4015-1 (ред. от 28.02.2025) (ст. 30.1): Страховая организация обязана на постоянной основе определять контролирующих ее лиц, соответствующих признакам контролирующего страховую организацию лица, установленным статьей 61.10 и пунктом 1 статьи 184.13 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», и обновлять информацию о них // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 56.

⁶ Об акционерных обществах: Федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.

⁷ Об обществах с ограниченной ответственностью: Федер. закон от 8 февр. 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Там же. 1998. № 7. Ст. 785.

Важно заметить, что ГК РФ не использует термины, связанные с контролем-властью. Несмотря на то что статья 67.1 ГК РФ озаглавлена как «Особенности управления и *контроля* в хозяйственных товариществах и обществах», в ней под контролем понимается аудиторский контроль в юридическом лице (п. 4 и 5).

Однако ВС РФ явно указал на взаимосвязь понятия «контролирующие *должника* лица», содержащегося в статье 61.10 Закона о банкротстве, и понятия «лица, уполномоченные выступать от имени юридического лица, члены коллегиальных органов юридического лица и лица, определяющие действия юридического лица», имеющегося в статье 53.1 ГК РФ¹. Контролирующими *организацию* лицами являются лица, которые имеют формально-юридическую или фактическую возможность определять поведение (действие или бездействие) подконтрольного лица. Такой контроль осуществляется в следующих формах: принятие/блокировка решений подконтрольного лица; формирование его органов управления; выдача подконтрольному лицу обязательных для исполнения указаний; совершение сделок и иных юридически значимых действий от имени подконтрольного лица; определение существенных условий сделок подконтрольного лица, изменивших его экономическую и (или) юридическую судьбу²; оказание иного определяющего влияния на руководителя или членов органов управления и др.

С учетом понятия контролирующих должника лиц, сложившегося в рамках банкротного законодательства, гражданско-правовой контроль-власть может быть осуществлен посредством, в частности:

– должностного положения в контролирующем лице (руководитель, член исполнительного органа, управляющая организация и ее руководитель, главный бухгалтер, финансовый директор, ликвидатор, член ликвидационной комиссии, лицо, замещающее

иную должность, предоставляющую возможность определять действия должника);

– наличия правового состояния (родства, супружества, свойства и проч. (например, совместное проживание (в том числе состояние в так называемом «гражданском» браке)), длительная совместная служебная деятельность (в том числе военная служба, гражданская служба), совместное обучение (однокурсники, однокурсники))³ между контролирующим лицом и подконтрольным лицом (его руководителем или членами его органов управления);

– реализации полномочий совершать сделки от имени подконтрольного лица на основании доверенности, нормативного правового акта, учредительного документа или иного специального полномочия;

– голосования на общем собрании участников (членов) подконтрольного лица (распоряжение голосующими акциями (долями) в АО/ООО, голосами членов кооперативов или участников хозяйственных товариществ, хозяйственных партнерств);

– назначения (утверждение) единоличного исполнительного органа или коллегиального исполнительного органа (или его части) подконтрольного лица (учредитель унитарной организации, иностранный инвестор);

– выдачи согласия (несогласия) / отзыва согласия на совершение юридически значимых действий.

В сфере инвестиционных отношений имеет место контроль за организацией со стороны инвестора, что предопределяет его упоминание в контексте Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»⁴. Понятие такого контроля есть и в специальном законодательстве, например в Федеральном законе «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»⁵.

¹ О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 дек. 2017 г. № 53 (п. 3): По общему правилу, необходимым условием отнесения лица к числу контролирующих должника является наличие у него фактической возможности давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

² О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 дек. 2017 г. № 53 (абз. 3 п. 3).

³ О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ: Письмо ФНС России от 16 авг. 2017 г. № СА-4-18/16148 // Не опубликован.

⁴ О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства: Федер. закон от 29 апр. 2008 г. № 57-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2008. № 18. Ст. 1940.

⁵ О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов: Федер. закон от 20 дек. 2004 г. № 166-ФЗ (ред. от 30.11.2024) (ст. 14.2): юридическое лицо (контролируемое лицо) считается находящимся под контролем иностранного инвестора или группы лиц, в которую входит иностранный инвестор (контролирующее лицо), при наличии одного из следующих признаков: 1) контролирующее лицо имеет право прямо или косвенно распоряжаться (в том числе на основании договора доверительного управления имуществом, договора простого товарищества, договора поручения или в результате других сделок либо по иным основаниям) двадцатью пятью и более процентами общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставный капитал хозяйственного общества, либо двадцатью пятью и более процентами общего количества голосов общего числа членов кооператива или участников хозяйственного товарищества (в том числе в

Гражданско-правовой контроль как способ управления частными интересами

С учетом изложенного, при сложившемся традиционном подходе к гражданско-правовому контролю одновременно и как к проверке, и как к влиянию, контроль как управление частным правовым интересом условно разделяется на два типа: *проверочный* контроль за объектом и *властный* контроль над объектом. Эти два типа контроля в гражданском праве направлены на реализацию, охрану и защиту интересов уполномоченного лица.

Контроль за объектом – это внешняя проверка деятельности, поведения, отдельных действий в рамках, как правило, договорных обязательств, когда одна сторона вправе проверять исполнение договора. Этот тип контроля связан с обеспечением добросовестного и соответствующего договорным условиям исполнения обязательств. Результат такого контроля состоит в том, чтобы, не вмешиваясь в хозяйственную деятельность контрагента, своевременно выявлять угрозы нарушения своих прав и интересов. К примеру, заказчик, контролируя посредством проверки подрядчика по договору строительного подряда, тем самым управляет своим имущественным интересом в выполнении работы в срок и в строгом соответствии с заданием, предупреждает риски невыполнения или некачественного выполнения работы. Такая проверка «оберегает» его от необходимости требования устранения недостатков или исполнения работы заново, судебных конфликтов и, как следствие, от увеличения сроков удовлетворения своих интересов в получении и использовании результата работ. Чаще всего контроль-проверка преследует управление именно имущественными интересами. Однако, например, при осуществлении авторского контроля автором могут преследоваться и личные неимущественные интересы. Согласно пункту 2 статьи 1294 ГК РФ автор произведения

архитектуры, градостроительства или садово-паркового искусства имеет право на осуществление авторского контроля за разработкой документации для строительства и право авторского надзора за строительством здания или сооружения либо иной реализацией соответствующего проекта. Здесь контроль может преследовать управление интересом в сохранении в неприкосновенности авторского замысла, идеи и не быть нацеленным на охрану какого-либо имущественного интереса автора. Заметим также, что авторский проверяющий контроль может иметь внедоговорную природу, однако в целом гражданско-правовой контроль-проверка реализуется чаще всего в рамках договорных обязательств.

Например, в договоре доверительного управления одна сторона предоставляет другой управление имуществом, но сохраняет за собой право проверять соответствие управления условиям договора. Такой контроль не означает полномочия на распоряжение активами, но позволяет контролировать цели, эффективность и правомерность действий доверительного управляющего. В правоотношениях займа кредитор имеет право проверять исполнение условий договора: финансовое состояние заемщика, соблюдение обязательств по процентам и срокам. В инвестиционных соглашениях контроль выражается в праве инвестора запрашивать отчетность, участвовать в принятии отдельных решений, требовать соблюдения определенных условий. Здесь мы также видим, что контроль направлен на обеспечение управления имущественными интересами в отношении его имущества, которое фактически находится у контрагента.

Правовой контроль над объектом выражается в непосредственном влиянии на принятие другим лицом решений. Такой контроль выступает в качестве управления, как правило, имущественным интересом в отношении объекта, его сохранности, максимально эффективном использовании, прибыльности. Так,

случае, если указанное право временно передано иному лицу (иным лицам) на основании договора доверительного управления имуществом, договора залога, договора репо, обеспечительного платежа, иного соглашения или сделки); 2) контролирующее лицо на основании договора или по иным основаниям получило право или полномочие определять решения, принимаемые контролируемым лицом, в том числе определять условия осуществления контролируемым лицом предпринимательской деятельности; 3) контролирующее лицо имеет право назначать единоличный исполнительный орган и (или) двадцать пять и более процентов состава коллегиального исполнительного органа контролируемого лица и (или) имеет безусловную возможность избирать двадцать пять и более процентов состава совета директоров (наблюдательного совета) или иного коллегиального органа управления контролируемого лица; 4) контролирующее лицо осуществляет полномочия управляющей компании контролируемого лица; 5) контролирующее лицо имеет право прямо или косвенно распоряжаться (в том числе на основании договора доверительного управления имуществом, договора простого товарищества, договора поручения или в результате других сделок либо по иным основаниям) пятьюдесятью и менее процентами общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставный капитал хозяйственного общества, либо пятьюдесятью и менее процентами общего количества голосов членов кооператива или участников хозяйственного товарищества (в том числе в случае, если указанное право временно передано иному лицу (иным лицам) на основании договора доверительного управления имуществом, договора залога, договора репо, обеспечительного платежа, иного соглашения или сделки) – при условии, что соотношение количества голосов, которыми вправе распоряжаться контролирующее лицо, и количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставный капитал контролируемого лица и принадлежащие другим акционерам (участникам) хозяйственного общества, либо количества голосов, принадлежащих другим членам кооператива или участникам хозяйственного товарищества, таково, что контролирующее лицо имеет возможность определять решения, принимаемые контролируемым лицом // Собр. законодательства Российской Федерации. 27 дек. 2004 г. № 52 (ч. 1). Ст. 5270.

корпоративный контроль как вид контроля над объектом через владение контрольным пакетом акций или долей в уставном капитале хозяйственных обществ позволяет контролирующему лицу – акционеру (участнику) фактически управлять юридическим лицом через особые корпоративные механизмы (участие в общем собрании, принятие решения о реорганизации, ликвидации общества, возможность формирования исполнительных органов, одобрение крупных и иных сделок). Правовой интерес контролирующего субъекта гарантируется через управленческое влияние на активы общества и на процесс его волеобразования и волеизъявления. Контролирующий общество участник имеет возможность проводить стратегические решения на общем собрании участников общества. Важно заметить, что это контроль не за субъектом (юридическим лицом как субъектом гражданского права), а за действиями подконтрольного лица с имущественными активами, которые «стоят» за юридическим лицом. Именно в этом состоит имущественный интерес контролирующего лица и необходимость управления ими. Правовой контроль-власть представляет собой юридическое властное влияние на юридически значимое поведение других субъектов, ограничивающее в определенных пределах свободу их действий.

Важно также отметить, что контроль-власть, в отличие от контроля-проверки, фактически ограничивает частноправовую свободу подконтрольного лица в реализации своих прав совершать сделки и в принятии иных решений по поводу осуществления своих имущественных и личных прав, использовании и распоряжении своими материальными и нематериальными благами. Конституционный Суд РФ прямо указал, что предусмотренные Законом о несостоятельности последствия введения наблюдения, в том числе получение согласия временного управляющего на совершение сделок должника, «представляют собой существенные ограничения дееспособности предприятия – должника»¹. Н. В. Козлова пишет: «Нет сомнений, что нормы п. 2 ст. 295, ст. 296, 297 ГК РФ, а также Федерального закона от 11 октября 2002 г. “О государственных и муниципальных унитарных предприятиях”, ограничивающие право государственных (муниципальных) унитарных предприятий и федеральных (муниципальных) казенных предприятий распоряжаться имуществом, находящимся у них на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, есть не что иное, как ограничение их дееспособности» [13, с. 38–39]. И. С. Шиткина также отмечает, что этот случай контроля ограничения такого элемента дееспособности, как сделкоспособность [15, с. 12].

Однако ряд исследователей считают, что при необходимости получения согласия на сделку ограничивается не дееспособность, а правоспособность юридического лица, поскольку его право самостоятельно (своими действиями) совершать сделку не ограничивается – ограничивается возникновение права на совершение сделки [16, с. 39; 17; 26; 12, с. 134; 30]. Высказывается мнение и о том, что контроль-согласие на сделку ограничивает как правоспособность, так и дееспособность лица [9].

Поскольку правоспособность – это способность *иметь* гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) (ст. 17 ГК РФ), то сама «способность *иметь* право на заключение сделки» лица не ограничивается. При контроле-власти ограничивается *свобода совершить сделку*. Согласно статье 21 ГК РФ «способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их» – это содержание дееспособности. На наш взгляд, дееспособность предполагает и свободу, и самостоятельность своих действий в гражданском обороте. Так, попечитель получает и расходует заработок, пенсию и иные доходы ограниченно дееспособного гражданина (ст. 30 ГК РФ), то есть совершает сделки вместо него, последний не может совершать такие сделки *ни свободно, ни своими действиями*. Однако при контроле подконтрольное лицо осуществляет принадлежащие ему права *своими действиями*, контролер не действует *вместо него*, но свобода в совершении таких действий, в принятии решений подконтрольного лица существенно ограничена (отсутствует), например, в случае необходимости получения согласия на сделку или при принятии решения исполнительным органом юридического лица.

Оба типа такого понимания гражданско-правового контроля (и проверка, и влияние) объединяет то, что они представляют собой способы опосредованного или прямого управления своими частными интересами, в том числе рисками. «Юридическая сторона риска заключается <...> в возможности выбора правовых средств, которые бы позволили предвидеть существующую вероятность наступления негативных имущественных последствий, минимизировать их и соотнести с желаемым имущественным интересом» [6, с. 7]. Контроль здесь и является одним из таких средств, нацеленным на предвидение и предупреждение возможных негативных последствий для контролирующего лица.

Подчеркнем, что в цивилистической доктрине сложилось несколько подходов к пониманию управления. По замечанию Ю. С. Харитоновой, «управление

¹ По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», касающихся возможности обжалования определений, выносимых Арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций», а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц: Постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2001 г. № 4-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 5.

пронизывает все частное право. Оно является функцией, которая сопутствует частной инициативе, частной собственности, творчеству, предпринимательству. Управление сопутствует реализации автономной воли субъекта, по-разному проявляясь в гражданском обороте. Объективное существование системы институтов гражданского права предполагает наличие управления» [29, с. 8]. Поскольку управление «как функция реализуется путем ведения систематической, целенаправленной деятельности собственника или уполномоченных им лиц по сохранению и эффективному использованию имущества», то понятие контроля здесь уже, чем понятие управления и управленческой деятельности [29, с. 12]. А. А. Павлов полагает, что под частноправовым управлением следует понимать «правоотношение, организованное на началах координации, в силу которого один субъект поручает другому оказывать влияние на процесс формирования воли или фактические действия третьего лица с целью упорядочения взаимосвязей в рамках частноправовой системы» [21, с. 12]. Управление в цивилистике рассматривают и через концепцию полномочия, «согласно которой под управлением в гражданском праве следует понимать полномочие, реализуемое собственником или по его поручению другим лицом (несобственником имущества) с целью сохранения и преумножения объекта управления путем принятия управленческих решений, в совокупности выражающихся в ведении своих или чужих дел» [5, с. 9].

Традиционно управление в частном праве рассматривается исключительно как управление имуществом или юридическим лицом, хотя управление может проявляться и в более широком экономическом смысле как управление лицом своими частными интересами. Если заказчик контролирует ход строительства, это не означает, что он *управляет* строящимся объектом и тем более подрядчиком. Он управляет лишь своими частными правовыми интересами в отношении ожидаемого результата выполняемых работ.

Экономическая наука исходит из возможности управления не только лицом или предметом, но и интересами, в том числе рисками [11; 24]. Управление интересами предполагает формирование соответствующих интересов – как своих собственных, так и интересов других людей, выявление возможностей их бесконфликтного удовлетворения, выработку мер, необходимых для закрытия возможностей к удовлетворению интересов других субъектов, управление деятельностью по удовлетворению признанных интересов, подавление активности, направленной на удовлетворение чужих интересов и др. [10]. Именно интересы мотивируют субъекта к принятию тех или иных управленческих решений, в том числе контрольных.

Здесь можно увидеть и корреляцию с пониманием контроля в социологии. Так, формами социального контроля называют различные протестные

проявления в ответ на нежелательное функционирование подконтрольного лица, например администрации образовательной организации (отказ посещать занятия, неповиновение, нарушение норм корпоративной культуры, митинги, пикетирования, перевод в другие вузы, подача исков в суд, жалобы на действия администрации вуза в вышестоящие инстанции, подача заявлений в силовые структуры и др.) [23, с. 13]. Отказ в выдаче согласия на совершение сделки – это тоже своего рода социальный протест заинтересованного лица против заключения нежелательной для него сделки.

Экономический интерес «отражает направленность субъекта на улучшение его социально-экономического положения, которое достигается путем получения требуемого результата оптимальным способом» [20, с. 62; 22]. Управление экономическим интересом обусловлено *выгодностью* как наилучшего, оптимального результата для субъекта интереса [25, с. 143].

Рассмотрение контроля как части управления интересами позволяет анализировать его не только в рамках договорных конструкций, основанных на доверии и управлении чужим имуществом и делами, но и в иных сферах с учетом классификаций экономических интересов [1].

Гражданско-правовой контроль обеспечивает устойчивость имущественных связей, баланс интересов всех участников отношений, снижение рисков правонарушений, злоупотреблений, недобросовестного поведения. Через контроль над объектом реализуется интерес в его сохранении и приумножении, а через контроль за объектом – интерес в соблюдении обязательных требований и условий, установленных законом или соглашением сторон по поводу этого объекта. Но в том, и в другом случае это реализация функции управления частными правовыми интересами.

Важно отметить, что оба традиционных типа контроля могут присутствовать одновременно в конкретном взаимоотношении сторон. Например, в некоторых инвестиционных договорах, в том числе в проектом финансировании, инвестор может осуществлять и контроль за объектом (проверять расходование денежных средств, этапы реализации проекта, соответствие работы проекту и др.), и контроль над объектом (участвовать в формировании органов управления, в принятии решений и др.). Однако фактически это два различных контрольных правоотношения внутри одного общего генерального инвестиционного соглашения.

В корпоративных отношениях также реализуются оба типа такого контроля. С. Д. Могилевский обоснованно указывает, что участники ООО могут наблюдать за деятельностью подконтрольного субъекта, получая доступ к информации, документам, проверочный контроль осуществляет и ревизионная комиссия в хозяйственных обществах [19, с. 7]. Но в корпорациях важен и другой тип контроля:

«Когда речь идет о корпоративном контроле, обычно имеют в виду возможность предопределять решения, принимаемые корпорацией или отдельными ее органами. Соответственно, корпоративный контроль – это не надзор или надзор над корпорацией, а экономическая власть, которую получает то или иное лицо по отношению к конкретному корпоративному образованию и/или его органам» [14].

Заключение

В гражданском праве сложился подход, согласно которому правовой контроль может быть двух типов: проверочный (контроль-проверка) и властный (контроль-влияние). Оба типа контроля обусловлены необходимостью управления частными интересами. При этом остается открытым вопрос относительно их возможной общей концептуализации.

Библиографический список

1. Белкина Н. А., Слав П. А. Классификация экономических интересов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2011. № 28. Вып. 19. С. 58–65.
2. Геймур О. Г. Государственный финансовый контроль в бюджетной сфере России: организационно-правовое регулирование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. 25 с.
3. Глушецкий А. А. Коммерческие корпорации: виды и организационное устройство. М.: Статут, 2023. 294 с.
4. Глушецкий А. А. Корпоративный контроль участников хозяйственного общества и методы его формирования // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2013. № 3. С. 38–48.
5. Горшков Д. А. Договор управления залогом по российскому гражданскому праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 26 с.
6. Горячина Д. А. Управление рисками в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 28 с.
7. Грабко О. В. Гражданско-правовой контроль по российскому праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 28 с.
8. Грачева Е. Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 378 с.
9. Дорохина Е. Г. Должник как субъект управления в системе банкротства // Закон. 2008. № 7. С. 145–150.
10. Достаточно общая теория управления: постановочные материалы учебного курса факультета прикладной математики – процессов управления Санкт-Петербургского государственного университета (1997–2003 гг.). СПб., 2003. URL: https://dotu.ru/2003/06/04/20030604-dotu_red-2003/20030604_DOTU.pdf
11. Ерчак А. И. Теоретические аспекты управления интересами на потребительском рынке // Проблемы современной экономики. 2018. № 3. С. 90–95.
12. Карелина С. А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства). М.: Волтерс Клувер, 2006. 348 с.
13. Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005. 476 с.
14. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. О. Н. Садикова. М.: Контракт: Инфра-М, 2005. 1050 с.
15. Корпоративное право: учебник: в 2 т. / отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статут, 2017. Т. 1. 990 с.
16. Курбатов А. Я. Правосубъектность кредитных организаций: теоретические основы формирования, содержание и проблемы реализации. М.: Юриспруденция, 2010. 280 с.
17. Курбатов А. Я., Пирогова Е. С. Ограничение правоспособности и дееспособности юридических лиц – должников в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Мантул Г. А. Ограничение дееспособности юридического лица при введении процедуры наблюдения // Юрист. 2006. № 8. С. 12–13.
19. Могилевский С. Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М.: Статут, 2010. 421 с.
20. Окрушко О. Я. Проблема управления экономическими интересами // Проблемы современной экономики. 2012. № 2. С. 62–66.
21. Павлов А. А. Договор управления чужими делами по российскому гражданскому праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2020. 28 с.
22. Потапова Е. Г. К вопросу о гносеологической природе экономических интересов // Челябинский гуманитарий. 2009. № 1 (7). С. 64–68.
23. Сельская О. В. Совершенствование социального контроля над деятельностью административной организации вуза: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 22 с.
24. Соколова С. В. Проблемы взаимодействия экономических интересов государства и фирм как предпринимательских структур // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 6, № 2. С. 142–153.
25. Соколова С. В. Управление экономическими интересами на рынке финансовых ресурсов в России: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2003. 322 с.
26. Телюкина М. В. Основы конкурсного права. М.: Волтерс Клувер, 2004. 506 с.
27. Ткаченко М. В. Государственный контроль и надзор за нотариальной деятельностью: административно-правовые вопросы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011. 27 с.
28. Управление и корпоративный контроль в акционерном обществе / отв. ред. Е. М. Губин. М.: Юрист, 1999. 247 с.

29. Харитонов Ю. С. Отражение функции управления в институтах гражданского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 68 с.

30. Шибанова Е. С. Сравнительно-правовая характеристика категории «правоспособность» юридического лица – должника в дореволюционном и современном законодательстве // История государства и права. 2010. № 7. С. 41–45.

References

1. Belkina N. A., Slav P. A. Klassifikatsiya ekonomicheskikh interesov [Classification of Economic Interests]. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Economics and Management"*. 2011. Issue 28. Vol. 19. Pp. 58–65. (In Russ.)

2. Geimur O. G. *Gosudarstvennii finansovii kontrol v byudzhethnoi sfere Rossii: organizatsionno-pravovoe regulirovanie* [State Financial Control in the Budgetary Sphere of Russia: Organizational and Legal Regulation]. Synopsis of Cand. jurid. sci. diss. Tyumen, 2011. 25 p. (In Russ.)

3. Glushetskii A. A. *Kommercheskie korporatsii: vidy i organizatsionnoe ustroistvo* [Commercial Corporations: Types and Organizational Structure]. Moscow, 2023. 294 p. (In Russ.)

4. Glushetskii A. A. *Korporativnii kontrol uchastnikov khozyaistvennogo obshchestva i metodi yego formirovaniya* [Corporate Control Over Participants in a Business Entity and Methods of Its Formation]. *Menedzhment i biznes-administririrovanie*. 2013. Issue 3. Pp. 38–48. (In Russ.)

5. Gorshkov D. A. *Dogovor upravleniya zalogom po rossiiskomu grazhdanskomu pravu* [Collateral Management Agreement Under Russian Civil Law]. Synopsis of Cand. jurid. sci. diss. Moscow, 2024. 26 p. (In Russ.)

6. Goryachina D. A. *Upravlenie riskami v rossiiskom grazhdanskom prave* [Risk Management in Russian Civil Law]. Synopsis of Cand. jurid. sci. diss. Moscow, 2013. 28 p. (In Russ.)

7. Grabko O. V. *Grazhdansko-pravovoi kontrol po rossiiskomu pravu* [Civil Law Control Under Russian Law]. Moscow, 2022. 28 p. (In Russ.)

8. Gracheva E. Yu. *Problemy pravovogo regulirovaniya gosudarstvennogo finansovogo kontrolya* [Problems of Legal Regulation of State Financial Control]. Dr. jurid. sci. diss.. Moscow, 2000. 378 p. (In Russ.)

9. Dorokhina E. G. *Dolzhnik kak sub"ekt upravleniya v sisteme bankrotstva* [Debtor as a Management Subject in the Bankruptcy System]. *Zakon*. 2008. Issue 7. Pp. 145–150. (In Russ.)

10. *Dostatochno obshchaya teoriya upravleniya: postanovochnye materialy uchebnogo kursa fakulteta prikladnoi matematiki – protsessov upravleniya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta (1997-2003 gg.)* [A Sufficiently General Theory of Control: materials for the Faculty of Applied Mathematics – Control Processes, St. Petersburg State University (1997-2003)]. St. Petersburg, 2003. Available at: <https://dotu.ru/>

2003/06/04/20030604-dotu_red-2003/20030604_DOTU.pdf (In Russ.)

11. Erchak A. I. *Teoreticheskie aspekty upravleniya interesami na potrebitelskom rynke* [Theoretical Aspects of Interest Management in the Consumer Market]. *Problems of Modern Economics*. 2018. Issue 3. Pp. 90–95. (In Russ.)

12. Karelina S. A. *Pravovoe regulirovanie nesostoyatelnosti (bankrotstva)* [Legal Regulation of Insolvency (Bankruptcy)]. Moscow, 2006. 348 p. (In Russ.)

13. Kozlova N. V. *Pravosubektnost yuridicheskogo litsa* [Legal Capacity of a Legal Entity]. Moscow, 2005. 476 p. (In Russ.)

14. *Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part One (article-by-article)*. Ed. by O. N. Sadi- kov. Moscow, 2005. 1050 p. (In Russ.)

15. *Korporativnoe pravo* [Corporate Law]. Vol. 1. Ed. by I. S. Shitkin. Moscow, 2017. 990 p. (In Russ.)

16. Kurbatov A. Ya. *Pravosubektnost kreditnikh organizatsii: teoreticheskie osnovy formirovaniya, soderzhanie i problemi realizatsii* [Legal Capacity of Credit Institutions: Theoretical Foundations of the Formation, Content, and Implementation Issues]. Moscow, 2010. 280 p. (In Russ.)

17. Kurbatov A. Ya., Pirogova E. S. *Ogranichenie pravospособnosti i deеспособности yuridicheskikh lits - dolzhnikov v ramkakh del o nesostoyatelnosti (bankrotstve)* [Limiting the Legal Capacity and Competence of Legal Entities – Debtors in Insolvency (Bankruptcy) Cases]. Access from the legal reference system Konsul'tant-Plyus. (In Russ.)

18. Mantul G. A. *Ogranichenie deеспособности yuridicheskogo litsa pri vvedenii protseduri nablyudeniya* [Limiting the Legal Capacity of a Legal Entity When Introducing the Observation Procedure]. *Yurist*. 2006. Issue 8. Pp. 12–13. (In Russ.)

19. Mogilevskii S. D. *Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennostyu: zakonodatelstvo i praktika yego primeneniya* [Limited Liability Company: Legislation and Practice of Its Application]. Moscow, 2010. 421 p.

20. Okrushko O. Ya. *Problema upravleniya ekonomicheskimi interesami* [The Problem of Managing Economic Interests]. *Problems of Modern Economics*. 2012. Issue 2. Pp. 62–66. (In Russ.)

21. Pavlov A. A. *Dogovor upravleniya chuzhimi delami po rossiiskomu grazhdanskomu pravu* [Agreement on the Management of Other People's Affairs Under Russian Civil Law]. Synopsis of Cand. jurid. sci. diss. Kazan, 2020. 28 p. (In Russ.)

22. Potapova E. G. *K voprosu o gnoseologicheskoi prirode ekonomicheskikh interesov* [On the Epistemological Nature of Economic Interests]. *Chelyabinskii gumanitarii*. 2009. Issue 1(7). Pp. 64–68. (In Russ.)

23. Selskaya O. V. *Sovershenstvovanie sotsialnogo kontrolya nad deyatelnostyu administrativnoi organizatsii vuza* [Improving Social Control Over the Activities of the Administrative Organization of a University]. Synopsis of Cand. jurid. sci. diss. Moscow, 2006. 22 p. (In Russ.)

24. Sokolova S. V. Problemy vzaimodeistviya ekonomicheskikh interesov gosudarstva i firm kak predprinimatelskikh struktur [Problems of Interaction Between the Economic Interests of the State and Firms as Entrepreneurial Structures]. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2011. Vol. 6. Issue 2. Pp. 142–153. (In Russ.)

25. Sokolova S.V. *Upravlenie ekonomicheskimi interesami na rinke finansovikh resursov v Rossii* [Managing Economic Interests in the Financial Resources Market in Russia]. Dr. econ. sci. diss. Moscow, 2003. 322 p. (In Russ.)

26. Telyukina M. V. *Osnovy konkursnogo prava* [Fundamentals of Bankruptcy Law]. Moscow, 2004. 506 p. (In Russ.)

27. Tkachenko M. V. *Gosudarstvennii kontrol' i nadzor za notarialnoi deyatel'nostyu: administrativno-pravovye voprosy* [State Control and Supervision Over Notarial Activities: Administrative and Legal Issues].

Synopsis of Cand. jurid. sci. diss. Rostov-on-Don, 2011. 27 p. (In Russ.)

28. *Upravlenie i korporativnyi kontrol v aktsionernom obshchestve* [Management and Corporate Control in a Joint-Stock Company]. Ed. by E. M. Gubin. Moscow, 1999. 247 p. (In Russ.)

29. Kharitonova Yu. S. *Otazhenie funktsii upravleniya v institutakh grazhdanskogo prava* [Reflection of the Management Function in Civil Law Institutions]. Synopsis of Dr. jurid. sci. diss. Moscow, 2011. 68 p. (In Russ.)

30. Shibanova E. S. *Sravnitel'no-pravovaya kharakteristika kategorii «pravosposobnost» yuridicheskogo litsa – dolzhnika v dorevolutsionnom i sovremennom zakonodatel'stve* [Comparative Legal Characteristics of the Category of “Legal Capacity” of a Legal Entity-Debtor in Pre-Revolutionary and Modern Legislation]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2010. Issue 7. Pp. 41–45. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. С. Линников

Кандидат юридических наук, адвокат

Коллегия адвокатов Московской области
«Линников и Партнёры»
123112, Россия, г. Москва, Пресненская наб., 8, стр. 1

ORCID: 0000-0002-4913-2966

Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI 10.17072/1995-4190-2024-64-289-310

About the author:

A. S. Linnikov

Bar Association of the Moscow region
“Linnikov and Partners”

8, bld. 1, Presnenskaya Embankment, Moscow,
123112, Russia

ORCID: 0000-0002-4913-2966

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI 10.17072/1995-4190-2024-64-289-310

Информация для цитирования:

Новоселова Л. А., Рузакова О. А., Гринь Е. С. Обучение систем искусственного интеллекта: защита интеллектуальных прав vs развитие технологий // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 2(72). С. 330–358. DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-330-358. EDN GBGMFL

Novoselova L. A., Ruzakova O. A., Grin E. S. Obuchenie system iskusstvennogo intellekta: zashchita intellektual'nykh prav vs razvitie tekhnologii [Training of Artificial Intelligence Systems: Intellectual Property Protection vs Technology Development]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 2(72). Pp. 330–358. DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-330-358. EDN GBGMFL (In Russ.)

УДК 347.78

DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-330-358

EDN <https://elibrary.ru/gbgmfl>

EDN GBGMFL

Обучение систем искусственного интеллекта: защита интеллектуальных прав vs развитие технологий

Л. А. Новоселова

Московский государственный
юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: la-novosiolova@yandex.ru

О. А. Рузакова

Московский государственный
юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Московский государственный
институт международных отношений
(университет) МИД России
E-mail: olalstep@mail.ru

Е. С. Гринь

Московский государственный
юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: esgrin@msal.ru

Статья поступила в редакцию 05.11.2025

Введение: активное внедрение технологий искусственного интеллекта и возможность создания с их помощью результатов, сопоставимых с результатами творческой деятельности человека, обуславливают необходимость переосмысления традиционных институтов права интеллектуальной собственности. **Цель:** настоящее исследование направлено на комплексный анализ правовых проблем, возникающих в связи с использованием результатов, охраняемых в качестве объектов авторских и смежных прав (текстов, изображений, аудио- и видеоматериалов), для обучения алгоритмов искусственного интеллекта, и определение основных ориентаций их гражданско-правового регулирования. **Методы:** диалектический, формально-логический, функциональный и другие общенаучные методы исследования, а также специально-юридические методы: сравнительно-правовой и формально-юридический. **Результаты:** установлено, что обучение искусственного интеллекта сопряжено с системными рисками нарушения интеллектуальных прав на каждом технологическом этапе (ввод, обработка, генерация результата). В судебной практике преимущественно рассматриваются иски о нарушении прав на литературные произведения, изображения и аудиоматериалы, при этом доказывание факта использования охраняемых объектов для обучения ИИ представляет особую сложность. В отличие от стран ЕС, имеющих детальное регулирование анализа данных, включая охраняемые объекты, и государств общего права, применяющих доктрину добросовестного использования, в российской правовой системе отсутствует как специальное регулирование, так и единая правовая позиция по данному вопросу, что порождает неопределенность для разработчиков и правообладателей. **Выводы:** обоснована необходимость разработки механизма комплексного правового регулирования использования объектов интеллектуальных прав для обучения ИИ. Предлагается

© Новоселова Л. А., Рузакова О. А., Гринь Е. С., 2026

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

закрепить в законодательстве специальный способ использования произведений – для анализа и обработки данных, пригодных для применения в моделях ИИ, используемых при создании контента, а также презумпцию необходимости получения согласия правообладателя и выплаты вознаграждения, кроме случаев свободного использования в научных, образовательных и личных целях. Необходимо нормативно закрепить статус лиц, включенных в систему создания моделей ИИ, разработать методики расчета вознаграждения и систему защиты личных неимущественных прав авторов. Результаты могут быть использованы в нормотворческой деятельности и правоприменительной практике.

Ключевые слова: искусственный интеллект; интеллектуальная собственность; авторское право; обучение искусственного интеллекта; генеративный искусственный интеллект; добросовестное использование; развитие технологий

Training of Artificial Intelligence Systems: Intellectual Property Protection vs Technology Development

L. A. Novoselova

Kutafin Moscow State Law
University (MSAL)
E-mail: la-novosiolova@yandex.ru

O. A. Ruzakova

Kutafin Moscow State Law
University (MSAL)
MGIMO University
E-mail: olastep@mail.com

E. S. Grin

Kutafin Moscow State Law
University (MSAL)
E-mail: esgrin@msal.ru

Received 05 Nov 2025

Introduction: the active adoption of artificial intelligence technologies and their capacity to generate outputs comparable to those produced through human creative activity necessitate a rethinking of traditional intellectual property law institutions. **Purpose:** this study conducts a comprehensive analysis of legal issues arising from the use of works protected by copyright and related rights (texts, images, audio and video materials) for the “training” of artificial intelligence algorithms, and also identifies key directions for their regulation under civil law. **Methods:** dialectical, formal-logical, functional, and other general scientific methods, as well as specialized legal methods, namely comparative-law and formal-dogmatic analysis. **Results:** the study has established that the “training” of artificial intelligence entails systemic risks of intellectual property infringement at each technological stage. Court practice predominantly involves claims concerning infringements of rights in literary works, images, and audio recordings; however, proving the actual use of protected works for AI “training” presents particular evidentiary challenges. The European Union has developed fairly detailed rules governing data analysis, including analysis of copyright- and related rights-protected materials; in common law jurisdictions, the fair use doctrine applies to contested scenarios; meanwhile, the Russian legal system lacks not only specific regulation of these relationships but also a unified understanding of the underlying processes and the need to reflect them in law. This legal gap generates uncertainty for both AI developers and rights holders. **Conclusions:** the article substantiates the need for a comprehensive legal framework governing the use of intellectual property for AI “training.” It is proposed to introduce into legislation a specific mode of use, namely, use for data analysis and processing intended for AI models employed in the generation of content. It appears advisable to establish a presumption requiring rights holder’s consent and the payment of remuneration, except in expressly defined cases of free use for scientific, educational, and personal purposes. The study also emphasizes the necessity of defining and legally codifying the status of actors within the AI development ecosystem. Additionally, methodologies for calculating remuneration for rights holders and mechanisms for protecting authors’ moral rights must be developed. The findings may inform legislative drafting and judicial practice.

Keywords: artificial intelligence; intellectual property; copyright; AI training; generative artificial intelligence; fair use; technological development

Введение

Технологии искусственного интеллекта оказались частью научных и технических достижений, которые кардинальным образом изменили современную

жизнь. Проблемы, связанные с развитием и применением этих технологий, стали одним из самых популярных предметов обсуждения в рамках правовой, экономической, социальной тематики, а также этики и морали. Технологии ИИ внедряются

во все сферы – от бытовой, повседневной до сферы государственного регулирования. Так, технология искусственного интеллекта применяется уже в работе законодательных органов, в определении места в существующих правовых порядках новых конструкций, видов отношений, их правового регулирования¹ [18].

Естественно, что такие масштабные изменения вызвали тектонические потрясения в праве, в том числе в праве гражданском и его подотрасли – праве интеллектуальной собственности. Так, например, по данным ассоциации «Руссофт», около 20 % отечественных разработчиков программного обеспечения в 2024 году применяют генеративный ИИ при создании софта².

В одном из последних документов Всемирной организации по интеллектуальной собственности отмечается, что «за последние три десятилетия последовательные волны цифровых инноваций изменили способ создания, распространения и доступа к контенту. В ходе преобразований закон об авторском праве адаптировался, чтобы гарантировать, что создатели получают признание и вознаграждение за свою работу, тем самым поддерживая творческие секторы, которые обогащают наши общества. Однако появление генеративного искусственного интеллекта (GenAI) представляет собой беспрецедентные проблемы и возможности, требуя переоценки существующих правовых рамок и механизмов поддержки для решения сложностей, привнесенных этой технологией»³.

Правовые проблемы, возникшие в связи с появлением, усложнением и широким развитием систем искусственного интеллекта, многообразны, однако в рамках данной статьи необходимо сосредоточиться на механизмах создания, наполнения данными (обучения) таких систем, использование которых направлено на генерирование текстов, изображений, видео- и аудиоконтента. Именно на этой стадии затрагиваются интересы субъектов, обладающих интеллектуальными правами на используемые при обучении объекты. Для целей правового воздействия важно четко определить круг субъектов, связанных с созданием, обучением, развертыванием, использованием систем ИИ, а также характер и условия их ответственности за возможные нарушения интеллектуальных прав. На повестке дня стоит задача поиска правовых механизмов, с одной стороны, обеспечивающих интересы правообладателей, а с другой – не

являющихся заградительным барьером для развития инновационных прорывных технологий обработки информации.

В последние годы в мире увеличилось количество судебных споров, в рамках которых к разработчикам моделей ИИ предъявляются претензии правообладателей исключительных прав на контент, использованный для обучения. Многие судебные разбирательства еще не завершены. Уже вынесенные судебные решения во многом основаны на тех правовых подходах, которые выработаны в определенных правовых системах и часто касаются толкования уже принятых нормативных актов.

Разработка и обучение моделей искусственного интеллекта требуют доступа к огромным объемам текстов, изображений, видеоконтента и других материалов, которые могут быть защищены авторским правом и смежными правами. С этой точки зрения представляет интерес рассмотрение данных процессов в контексте следующих вопросов: 1) нарушают ли указанные процессы интеллектуальные права, 2) какие именно формы может приобретать нарушение, 3) кто может являться субъектом ответственности?

В России в целом ряде программных стратегических документов отмечается значимость развития технологий ИИ. Так, Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации определяет, что к одним из приоритетных направлений научно-технологического развития относится переход к передовым технологиям проектирования и создания высокотехнологичной продукции, основанной на применении интеллектуальных производственных решений, роботизированных и высокопроизводительных вычислительных систем, новых материалов и химических соединений, результатов обработки больших объемов данных, технологий машинного обучения и *искусственного интеллекта* (п. 21)⁴.

В Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года⁵ (далее – Концепция) указывается, что приоритетной целью регулирования отношений в сфере искусственного интеллекта и робототехники на данном этапе их развития является *стимулирование разработки, внедрения и использования таких технологий, создания систем искусственного интеллекта и робототехники в доверенном и безопасном исполнении, которое*

¹ Например, в Аргентине разрабатывается платформа ELEIA, где предлагается использовать шаблоны законопроектов с предопределенным форматированием. Готовый текст законопроекта анализируется искусственным интеллектом, который на основании имеющихся данных прогнозирует, в какой из комитетов палаты парламента законопроект будет направлен после его принятия к рассмотрению (Platforma ELEIA. URL: <https://diplab.hcdn.gob.ar/proyectos#eleia>)

² Генеративный искусственный интеллект // Сайт «TADVISER». URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Генеративный_искусственный_интеллект

³ Развитие генеративного искусственного интеллекта с точки зрения авторских прав. Документ ВОИС // Сайт «WIPO». URL: https://www.wipo.int/ru/web/frontier-technologies/frontier_conversation

⁴ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28 дек. 2024 г. № 145 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2024. № 10. Ст. 1373.

⁵ Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: Распоряжение Правительства РФ от 19 авг. 2020 г. № 2129-п // Там же. 2020. № 35. Ст. 5593.

будет способствовать достижению высоких темпов экономического роста, повышению благосостояния и качества жизни граждан, обеспечению национальной безопасности и правопорядка, достижению устойчивой конкурентоспособности российской экономики, в том числе лидирующих позиций в мире в области искусственного интеллекта... (п. 12 разд. II).

Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – Указ Президента РФ № 490)¹ утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Указ Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124² внес в нее ряд изменений и дополнений.

Вместе с тем, несмотря на наличие определенных стратегических целей, разработка комплексного правового регулирования отношений, связанных с созданием и функционированием соответствующих технологий, пока находится на самом начальном этапе. Отсутствует полноценный понятийный аппарат, не обозначен круг субъектов, чья деятельность должна регулироваться, не выявлены приоритетные цели и, как следствие, не определены конкретные меры по их достижению. В полной мере это относится и к очевидному конфликту между субъектами, имеющими отношение к разработке и предоставлению потребителям систем искусственного интеллекта, с одной стороны, и правообладателями, чьи интересы защищает право интеллектуальной собственности, – с другой. Между тем экономическая суть такого конфликта ясна: генерируемые с использованием технологий результаты в виде текста, изображений, аудио- и видеоконтента (далее – *синтетический* контент) в силу простоты и доступности их получения могут лишиться экономического смысла деятельность по созданию и продвижению произведений, созданных творческим трудом человека, вытесняя их с рынка. Кроме того, не исключен ущерб и нематериальным правам, особенно если системы ИИ генерируют контент, извращающий идеи автора исходного произведения.

Понятия «искусственный интеллект», «технологии и системы искусственного интеллекта»

Признанного всеми специалистами определения понятия «искусственный интеллект» до настоящего времени не выработано (в том числе специалистами в области программирования, автоматизации, систем управления). Эта задача вряд ли будет решена в ближайшее время, поскольку она связана с созданием единой концепции интеллекта как

такового и человеческого интеллекта – в качестве базовой модели.

Для целей правового исследования более перспективным является установление сущностных черт технологий, именуемых «технологии искусственного интеллекта», и систем искусственного интеллекта. Эти понятия, в частности, используются в Концепции 2024 года, где указано, что режим правового регулирования разработки, внедрения и применения *технологий и систем искусственного интеллекта* и робототехники должен обеспечивать необходимую степень защиты прав и свобод человека и гражданина, отвечать интересам общества и государства

Технологии искусственного интеллекта – это наименование, призванное обозначить набор информационных технологий – машин и систем, созданных с целью решения задач, которые традиционно считаются требующими участия человеческого разума, но функционирующих без такого участия либо с ограниченным участием человека.

Технологии искусственного интеллекта – это не одно программное решение, а отдельное направление в сфере информатизации, построенное на использовании алгоритмов, позволяющих компьютеру обрабатывать большие объемы данных и выявлять (вычислять) на их основе определенные закономерности. В свою очередь, на основе выявленных закономерностей могут быть рассчитаны вероятные результаты, позволяющие предсказывать события и выбирать наиболее приемлемые варианты решений.

В отличие от человеческого разума, который позволяет производить обработку информации и – с тем или иным успехом – создавать результат в любой сфере, в настоящее время системы искусственного интеллекта являются специализированными, каждая из них решает только определенный круг задач, например генерирование текстов, изображений. При этом технология, обеспечивающая обработку данных для создания музыки, не может использоваться для иных целей, например прогнозирования погоды. Создание искусственного интеллекта, способного решать широкий круг когнитивных задач (широкий ИИ), пока является задачей будущего.

В российских нормативных актах предлагается следующее определение технологий искусственного интеллекта: *искусственный интеллект* – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 окт. 2019 г. № 490 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

² О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом: Указ Президента РФ от 15 февр. 2024 г. № 124 // Там же. 2024. № 8. Ст. 1102.

себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений¹.

Данное определение в целом носит не юридический, а скорее публицистический характер и построено на неточном описании технологии ИИ, которая ни в коей мере не имитирует когнитивные функции человека. Производимая соответствующими программами работа не может быть охарактеризована как «размышление», «осознание» – речь идет о математических методах вычисления вероятностей на основе огромного массива данных и корректировок результатов вычислений, которые могут постоянно уточняться при поступлении новых данных для обработки. Если технологии искусственного интеллекта и имитируют деятельность человека, то, очевидно, имитация касается полученного результата, а не процесса.

Тем не менее вышеприведенное определение содержит важные указания на наличие инфраструктуры, программного обеспечения, элементов машинного обучения.

Квалифицирующим признаком рассматриваемых технологий является то, что информационные системы самостоятельно, без предварительного составления человеком перечня возможных решений, формируют правила и результаты на основе анализа зависимостей, применяя исходные наборы данных. Здесь и далее понятие «технологии ИИ» используется для обозначения систем и программ, направленных на решение индивидуальных задач (расчет прогноза погоды, генерация текста или изображения и т. д.). Такие технологии основаны на машинном обучении и использовании информационных баз (включая базы данных в том виде, как их определяет гражданское законодательство), исходя из содержания которых «вычисляется» результат.

В целом ряде стран термины «технологии искусственного интеллекта», «системы искусственного интеллекта», «модели искусственного интеллекта» определены либо в законодательстве, либо на уровне прецедента, но, как правило, с оговоркой, что дефиниция дается для определенных целей.

Например, в законодательстве Китайской Народной Республики не существует единого универсального определения технологий искусственного интеллекта, применяемого во всех законах и нормативных актах. Ключевые нормативные предлагают свои определения, которые отражают тот или иной технологический контекст. Так, Временные меры по управлению сервисами генеративного искусственного интеллекта (вступили в силу 15 августа 2023 г.) относят к технологиям ИИ модели и связанные с ними технологии, способные генерировать текст, изображения, звук, видео и другой контент на основе алгоритмов (ст. 22)². Наиболее широкое определение предлагается в Положении Шеньчжэня об администрировании искусственного интеллекта (вступили в силу 1 ноября 2022 г.)³, статья 2 которого рассматривает искусственный интеллект как относящийся к технологиям, связанным с использованием компьютеров или контролируемых машин для имитации, расширения и усиления человеческого интеллекта, восприятия окружающей среды, получения и применения знаний для решения проблем, принятия решений и реализации целей.

Пункт 3 главы 3 Закона США о национальной инициативе в области искусственного интеллекта 2020 года⁴ определяет данный термин как «машинную систему, которая может по заданному человеком набору целей делать предсказание, давать рекомендации и принимать решения, влияющие на физическую и виртуальную среду».

В Европейском союзе в ходе очень динамичного развития регуляторики также идет поиск адекватной правовой дефиниции⁵. В настоящее время Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте 2024 года (Закон об искусственном интеллекте, AI Act) содержит следующее определение: «"Система искусственного интеллекта" означает машинную систему, которая разработана для работы с различным уровнем автономности, и может демонстрировать адаптивность после развертывания, и которая для достижения явных или неявных целей делает выводы на основе получаемых ею входных данных о том, как генерировать выходные данные, такие как прогнозы, контент, рекомендации или решения, которые могут влиять на физическую или виртуальную

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.): Указ Президента РФ от 10 окт. 2019 г. № 490 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

Аналогичное определение дано в п. 2 ст. 2 ФЗ № 123-ФЗ от 24 апр. 2020 г.: О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федер. закон от 24 апр. 2020 № 123-ФЗ // Там же. 2020. № 17. Ст. 2701.

² Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services, 2023. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/generative-ai-interim/>.

³ Regulations for the Promotion of the Artificial Intelligence Industry in Shenzhen Special Economic Zone, 2022. URL: <https://clck.ru/38Qr4H>.

⁴ H.R.6216 – National Artificial Intelligence Initiative Act of 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6216/text>.

⁵ См.: A definition of AI: Main capabilities and scientific disciplines. URL: <https://www.aepd.es/sites/default/files/2019-12/ai-definition.pdf>.

среду» (п. 1 ст. 3 Регламента)¹. Это определение соответствует тому, которое было дано в статье 2 Рамочной конвенции Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права, принятой месяцем ранее².

Модель искусственного интеллекта общего назначения, согласно статье 3 Закона об искусственном интеллекте, – модель ИИ (в том числе обученная с использованием большого объема данных и самоконтроля в масштабе), которая демонстрирует значительную общность и способна компетентно выполнять широкий спектр различных задач независимо от способа размещения модели на рынке и которая может быть интегрирована в различные нисходящие системы или приложения, за исключением моделей ИИ, используемых для исследований, разработок или создания прототипов до их размещения на рынке.

Тем не менее не утрачивает актуальности оценка существующей ситуации, произведенная И. А. Филиповой, которая полагает, что отсутствие устраивающего всех определения понятия «искусственный интеллект» вызывает сложности и с формулированием легальной дефиниции [25].

В литературе предлагается различать *модели* искусственного интеллекта и *системы* искусственного интеллекта. Модели являются частью систем ИИ (которые в российских источниках чаще определяют как специальные программы для ЭВМ); для систем необходимо добавление дополнительных компонентов, например пользовательского интерфейса³.

Обучение искусственного интеллекта. Практически все попытки определить соответствующие технологии и системы указывают на наличие и важность механизмов обучения искусственного интеллекта – процесса, направленного на наполнение системы данными, позволяющими ей находить (вычислять) закономерности для того, чтобы на их основе создавать новые данные.

В российском праве можно найти упоминания об этих процессах. Так, Указ Президента РФ № 490 определяет особенности машинного обучения искусственного интеллекта, к которым относится введение репрезентативного, релевантного и корректно размеченного набора данных для поиска

вычислительной системой непредвзятого решения, но при этом результаты «работы» искусственного интеллекта часто крайне сложны для интерпретации, могут быть подвергнуты сомнению и оспорены человеком.

Методы обучения ИИ. Вопросы обучения систем искусственного интеллекта, то есть фактически наполнения данными для обработки, на сегодняшний день не менее важны, чем вопросы правового режима объектов, им создаваемых, и требуют изучения на уровне междисциплинарного исследования с учетом опыта зарубежных стран.

Обучение искусственного интеллекта представляет собой процесс, в ходе которого система искусственного интеллекта учится выполнять определенные задачи, основываясь на наборе данных и правил. Для этого применяются различные методы и алгоритмы, которые позволяют машине извлекать знания из данных и использовать их для принятия решений, а именно:

- метод обучения с учителем (Supervised Learning) – представляет собой метод, при котором для обучения машины используются данные с метками (например, классифицированные изображения), применяется в задачах классификации, регрессии и прогнозирования;
- метод обучения без учителя (Unsupervised Learning) – это метод, при котором искусственный интеллект обучается выявлять закономерности и скрытые взаимосвязи на наборах неразмеченных данных без контроля со стороны пользователя, применяется для выявления структуры в данных, обнаружения аномалий и сжатия данных;
- метод активного обучения (Active Learning) – это метод, в котором искусственный интеллект сам выбирает данные для обучения, исходя из своих текущих знаний, применяется для экономии времени и ресурсов на сбор и обработку данных;
- метод глубокого обучения (Deep Learning) – выступает подвидом машинного обучения, основанного на искусственных нейронных сетях. Глубокое обучение позволяет машине изучать сложные функции и взаимосвязи в больших объемах данных. Оно применяется в таких задачах, как распознавание речи, распознавание лиц и обработка естественного языка.

¹ Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г., устанавливающий гармонизированные правила в отношении искусственного интеллекта и вносящий изменения в Регламенты (ЕС) № 300/2008, (ЕС) № 167/2013, (ЕС) № 168/2013, (ЕС) № 2018/858, (ЕС) № 2018/1139 и (ЕС) № 2019/2144 и Директивы 2014/90/ЕС, (ЕС) № 2016/797 и (ЕС) № 2020/1828 (Закон об искусственном интеллекте), OJ L, 2024/1689, 12 июля 2024. URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj>

² CM (2024)52-final, разработана в рамках Комитета по искусственному интеллекту и принята на 133-й Сессии Комитета Министров 17 мая 2024 г. в Страсбурге.

³ В российской Национальной стратегии развития искусственного интеллекта (п. 5, подп. «р») моделью искусственного интеллекта в целях упрощения называются некоторые программы для ЭВМ или их составные части. См.: О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 окт. 2019 № 490 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

Выбор метода зависит от типа задачи, объема данных и доступных ресурсов и не ограничивается обозначенными выше видами.

С точки зрения определения цели разработки и наполнения системы следует учитывать, что технологии искусственного интеллекта представляют собой совокупность технологий, включающую в себя:

- технологии обработки визуальных данных, включая компьютерное зрение;
- технологии обработки звуковых данных, включая распознавание и синтез речи;
- технологии обработки текста;
- технологии интеллектуальной поддержки принятия решений и управления.

В рамках процесса «обучения» искусственного интеллекта выделяют следующие этапы.

1. Сбор данных.
2. Очистка и подготовка данных (приведение данных к единому формату, в частности выражение на машинном языке).
3. Выбор архитектуры модели (определение подходящей структуры нейронной сети в зависимости от задачи).
4. Настройка гиперпараметров (оптимизация параметров обучения: скорость обучения, количество слоев и др.).
5. Обучение и валидация (разделение данных на тренировочные и валидационные наборы, определение метрики точности и предотвращения переобучения).
6. Тестирование (проведение оценки модели на независимом тестовом наборе данных для подтверждения ее эффективности).
7. Развертывание (интеграция обученной модели в конечную систему, обеспечение ее стабильной работы и возможности обновления)¹.

Каждый из этапов обучения искусственного интеллекта имеет определенные особенности.

Для рассматриваемых целей могут использоваться различные базы данных, несистематизированная информация, охраняемые объекты интеллектуальных прав, неохраняемые результаты творческой деятельности, персональные данные, различные инструменты, такие как ChatGPT, CustomGPT.ai, MindStudio и др. Многие платформы используют запросы пользователей как самостоятельные элементы обучения искусственного интеллекта (BingImageCreator; ChatGPT, Picfinder).

Как отмечалось, технологии искусственного интеллекта основаны на анализе и использовании огромного массива данных, в том числе включающего охраняемые результаты интеллектуальной деятельности. Особенно активно такие результаты используются в системах, функционал которых обеспечивает создание объектов, традиционно рассматриваемых в качестве произведений (текст, изображение,

музыка и т. д.). Некоторые системы построены на обучении и генерировании собственных результатов на основе конкретных произведений, выбранных пользователем [29].

Использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности для целей обучения ИИ вызывает озабоченность не только у правообладателей, но и у широкого круга лиц, опасющихся негативного воздействия такого использования на сферу творческой деятельности.

Так, Илон Маск, Стив Возняк и еще более тысячи «гуру» в области IT-технологий выступили с открытым письмом, призвав приостановить обучение искусственного интеллекта (ИИ). Поводом для беспокойства стал чат-бот ChatGPT, созданный на основе ИИ, который способен вести диалог, сочинять стихи, писать сценарии, спорить, создавать код программирования. Нейросеть может также производить финансовый анализ, делать внятные (то есть с пониманием дела) резюме технических статей и научных концепций, давать всевозможные прогнозы и персональные (персонифицированные, главное) советы, в том числе этические, хотя этика была до сих пор недоступна ИИ в принципе².

Многие писатели, художники, разработчики программного кода жалуются на «беспрецедентное пиратство» в процессе обучения нейросетей на примере загружаемых в них охраняемых объектов авторских прав, без согласия и без выплаты соответствующего вознаграждения правообладателям. По мнению последних, разработчики искусственного интеллекта, преследуя свои коммерческие цели, совершенно игнорируют коммерческие интересы правообладателей, что заставляет последних инициировать судебные споры (см. далее).

С целью исключения ситуаций несанкционированного использования контента, размещенного в интернете, некоторые крупные интернет-ресурсы и издательские дома, в частности в США, вводят запреты на индексирование своих веб-сайтов, что побуждает компании, работающие над созданием систем ИИ, заключать с ними соглашения, предусматривающие плату за использование содержащихся на сайтах материалов.

Наиболее уязвимы к воздействию для целей обучения ИИ-объекты, охраняемые авторским и смежными правами. Однако кроме них могут использоваться и данные об объектах патентного права (изобретения, полезные модели, промышленные образцы). Одним из примеров является известная технология DABUS (Device for Autonomous Bootstrapping of Unified Sentience), способная создавать патентоспособные технические решения [3]. Обучение подобных систем связано с использованием сведений, содержащихся в патентной документации охраняемых объектов.

¹ Как обучать ИИ: шаги к созданию интеллектуальных систем. URL: <https://media.future-hub.io/stati/kak-obuchat-ii>

² Бовт Г. Когда искусственный интеллект «перехитрит» человека // Российская газета. 2023. № 16.

Характеристика использования охраняемых объектов авторских и смежных прав в процессе машинного обучения

Согласно действующему российскому законодательству (ст. 1229, 1270 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)) любое использование охраняемого объекта авторского права может осуществляться только с согласия обладателя исключительного права независимо от цели и способов использования; отсутствие запрета само по себе не считается согласием. Согласие правообладателя необходимо и для использования любым способом исполнений, фонограмм, сообщений радио- и телепередач, баз данных в части охраны их содержания (ст. 1317, 1324, 1330, 1334 ГК РФ).

Необходимость получения согласия правообладателя в отношении объектов авторского и смежных прав отсутствует только в случаях, прямо установленных законом (свободное использование, использование без согласия правообладателя, но с выплатой вознаграждения, специальные случаи, установленные в отношении использования программ для ЭВМ). Следовательно, использование таких объектов для машинного обучения без согласия правообладателя в случаях, не охватываемых специальными правилами, является нарушением его прав.

Согласно пункту 7 статьи 1259 ГК РФ использование части произведения без согласия правообладателя также может привести к нарушению исключительного права, если эта часть по своему характеру может быть признана самостоятельным результатом творческого труда автора. Ответ на вопрос о том, подпадают ли процессы, осуществляемые в ходе обучения ИИ, под данное исключение, зависит от характера используемой технологии. В ходе машинного обучения как части технологии ИИ обычно происходит копирование охраняемых объектов (текстов, изображений и т. д.) для их предварительной обработки. Соответственно, если речь идет об объектах, изначально существующих в материальной форме, они должны быть предварительно оцифрованы. Оцифрованные объекты обрабатываются таким образом, чтобы их можно было использовать в процессе обучения: необходимо их разделение на фрагменты, разметка («токенизация») и т. д. Для этого чаще требуется их копирование из исходных файлов и запись на иное компьютерное устройство.

В соответствии с подпунктом 1 пункта 2 статьи 1270 ГК РФ запись произведения на электронном носителе, в том числе запись в память ЭВМ, считается воспроизведением. «Признание записи на электронном носителе разновидностью воспроизведения имеет большое практическое значение. Это позволяет автору или иному правообладателю осуществлять контроль за любым использованием произведения в электронной форме, а также в информационно-телекоммуникационных сетях» [18].

Вместе с тем в соответствии с той же нормой не считается воспроизведением краткосрочная запись произведения, которая: носит временный или случайный характер, составляет неотъемлемую и существенную часть технологического процесса, имеющего единственной целью правомерное использование произведения либо осуществляемую информационным посредником между третьими лицами передачу произведения в информационно-телекоммуникационной сети, при условии, что такая запись не имеет самостоятельного экономического значения.

В известной практике случаях производимые разработчиками записи произведений не носили случайного характера и чаще всего сохранялись достаточно длительное время, чтобы использоваться для дальнейшего анализа. Например, в судебных спорах, рассматриваемых в Европейском союзе, ответчики фактически не спорили с фактом того, что при осуществлении TDM имело место воспроизведение объекта, не ссылаясь на исключение для временных записей (см. дело LAION).

В ряде случаев воспроизведение на этапах анализа данных, обусловленное технологическими особенностями, может быть временным или случайным. Однако для того, чтобы исключение, предусмотренное подпунктом 1 пункта 2 статьи 1270 ГК РФ, было применено, необходимо также, чтобы такая запись была произведена с единственной целью правомерного использования произведения, что в рассматриваемых ситуациях, когда извлечение данных, их последующее использование производится без согласия правообладателя и не направлено на правомерное использование произведения, весьма проблематично.

Необходимо также, чтобы создание временных технических копий не имело самостоятельного экономического значения. В ситуации, когда лицо использует данные в коммерческих целях для создания нового технологического продукта, выгода от использования произведения явно выходит за рамки ожидаемой от обычного использования произведений, на которых обучаются модели ИИ.

Вместе с тем возможен и иной подход, рассматривающий процесс воспроизведения объектов как часть технического процесса анализа текста, всегда носящего временный характер и не нацеленного на использование произведения как такового.

Один из возможных аргументов, направленных на опровержение факта использования объекта авторских прав, может быть основан на идее, отраженной в пункте 3 статьи 1270 ГК РФ: не является использованием «практическое применение положений, составляющих содержание произведения, в том числе положений, представляющих собой техническое, экономическое, организационное или иное решение». Данная норма учитывает необходимость разграничения формы произведения (которая подлежит охране) и содержания в ней содержания – идей, концепций, решений и т. д. (которые охране не подлежат).

При загрузке материалов, включающих охраняемые объекты, в компьютерное устройство возникает вопрос о том, используется ли форма произведения, ведь сами загружаемые объекты не будут доступны человеку, информация о них загружается для машинной обработки, разбивки на фрагменты, размещения меток и т. д., что дает основание утверждать, что использования произведения как такового не происходит. Кстати, именно такая идея лежала в основе подхода, существовавшего в правовой системе Японии (см. далее).

Практики применения данных норм российскими судами в отношении ситуации использования охраняемых авторским правом произведений нет, поэтому возможное их толкование остается вопросом, требующим обсуждения.

Поскольку при обработке исходных объектов происходит их разделение на фрагменты, удобные для дальнейшей обработки в процессе машинного обучения, возникает вопрос о возможности квалификации этих действий в качестве *переработки* произведений. Под переработкой понимается создание производного произведения (ст. 1260 ГК).

В случае переработки создается новый объект авторского права. Если изменения вносятся в само оригинальное произведение (сокращение, разбивка на фрагменты, изменение формата фотографии¹), то предварительная разбивка и разметка используемых объектов не является переработкой. Не затрагивается в данном случае и личное неимущественное право на неприкосновенность произведения (ст. 1266 ГК), поскольку полученные результаты носят технический характер и в принципе не предназначены для человеческого восприятия.

В отношении программы для ЭВМ и базы данных под переработкой понимается их модификация, включающая любые изменения, включая их перевод с одного языка на другой (под которыми понимаются в том числе языки программирования). На этапе подготовки данных для машинного обучения производных объектов не создается, соответственно, данный процесс не является переработкой.

В отношении использования *баз данных*, охраняемых в качестве объектов смежных прав, пункт 1 статьи 1334 ГК РФ предусматривает, что ее изготовителю принадлежит исключительное право извлекать из базы данных материалы и осуществлять их последующее использование в любой форме и любым способом (исключительное право изготовителя базы данных).

Никто не вправе извлекать из базы данных материалы и осуществлять их последующее использование без разрешения правообладателя, кроме предусмотренных законом случаев.

Под извлечением материалов ГК РФ понимает перенос всего содержания базы данных или существенной части составляющих ее материалов на другой информационный носитель с использованием любых технических средств и в любой форме.

Как отмечает О. В. Калятин, при извлечении «создается не копия базы данных, а осуществляется заимствование содержащихся в ней материалов. Поэтому не будет иметь значение ни формат сохранения соответствующих материалов, ни их взаимное расположение на новом носителе» [10].

Источником получения данных для машинного обучения являются в том числе охраняемые базы данных, из которых могут извлекаться материалы; объем извлечения может быть существенным [10]. Если эти извлеченные данные используются для обработки, разметки и дальнейшего анализа программой, возникает вопрос о том, могут ли такие действия охватываться понятием «использование». Согласно существующему в настоящее время подходу понятие использования трактуется достаточно широко. Поэтому указанные действия при отсутствии согласия правообладателя по общему правилу представляют собой нарушение его прав.

Вместе с тем, в отличие от объектов авторского и смежного права, использование описания изобретения, полезной модели или промышленного образца в производстве науки, литературы и искусства исключительным правом правообладателя не охватывается².

В соответствии с положениями статьи 1358 ГК РФ использованием изобретения, полезной модели, промышленного образца считаются действия, связанные с их использованием непосредственно в продукте, способе или изделии (ввоз на территорию Российской Федерации, изготовление, применение, предложение к продаже, продажа, иное введение в гражданский оборот или хранение для этих целей). В связи с этим воспроизведение патентной документации, внешнего вида изделия для обучения ИИ не является нарушением исключительного права автора или патентообладателя объектов патентного права.

Подход **Европейского союза** к вопросу использования объектов авторских и смежных прав для обучения ИИ является достаточно жестким.

¹ В п. 25 Обзора судебной практики ВС РФ от 29 мая 2024 г. указано, что «изменение границ и (или) формата исходного фотографического произведения без внесения иных (творческих) правок в получившуюся по результатам такого редактирования часть не приводит к созданию нового (производного) произведения».

² См.: О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апр. 2019 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7. П. 123.

Положения Директивы 2019/790/ЕС от 17 апреля 2019 г. «Об авторском праве и смежных правах в рамках единого цифрового рынка и о внесении изменений в Директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС» (далее – Директива CDSM)¹ регулируют отдельные аспекты деятельности, связанной с *text and data mining* (TDM) – интеллектуальным (глубоким) анализом текста и данных. Важное значение имеет Директива 2001/29/ЕС², обычно именуемая Директивой «Информационное общество», а также Закон ЕС об искусственном интеллекте (AI Act)³.

Статья 2 Директивы CDSM устанавливает исключительное право на воспроизведение, которым пользуются авторы в отношении своих произведений, защищенных авторским правом, а также конкретные бенефициары смежных прав. Воспроизведение любого произведения (или объекта, охраняемого смежным правом) требует разрешения, независимо от того, является ли воспроизведение временным или постоянным, от способа или формы производства, а также от того, является ли воспроизведение полным или частичным.

Для баз данных, защищенных авторским правом, Директива 96/9/ЕС (Директива о базе данных)⁴ устанавливает, что их авторы имеют исключительные права разрешать воспроизведение своих баз данных, независимо от того, являются ли такие воспроизведения временными или постоянными. В отношении баз данных, защищаемых *sui generis*, создатель базы имеет право предотвращать извлечение и/или повторное использование всего (или существенной части, оцененной качественно и/или количественно) содержания этой базы данных.

В соответствии с частью 2 статьи 7 Директивы 96/9/ЕС под извлечением понимается постоянная или временная передача всего или существенной части содержимого базы данных на другой носитель любыми средствами или в любой форме, а под использованием – любая форма публичного предоставления всего или существенной части содержимого базы данных распространением копий, сдачей в аренду, интерактивно или другими формами передачи. Извлечение и/или повторное использование «несущественной части» в целом допустимо, что актуально для веб-скрейпинга, автоматизированного извлечения информации из общедоступных веб-сайтов и веб-страниц.

Законодательство ЕС очень широко определяет содержание исключительного права правообладателя. Для того чтобы действия не рассматривались как нарушающие исключительное право, они должны быть конкретно указаны. Это в полной мере касается и действий, направленных на извлечение и анализ данных, в том числе рассматриваемых в качестве объекта охраны в рамках права интеллектуальной собственности.

Директива CDSM (ст. 2) дает определение технологии изучения текста и данных (TDM): «Любая автоматизированная аналитическая методика, направленная на анализ текста и данных в цифровой форме с целью получения информации, которая включает, помимо прочего, закономерности, тенденции и корреляции». Она может включать воспроизведение защищенных произведений, что требует разрешения от правообладателей, если не применяется конкретное исключение или ограничение.

Директива CDSM прямо признает, что временное исключение для воспроизведения может применяться в контексте использования TDM. В соответствии с пунктом 9 Директивы временное исключение для воспроизведения должно применяться к технологиям TDM, которые не предполагают изготовление копий за пределами сферы действия этого исключения. Вместе с тем в Директиве также отмечается, что юридически может возникнуть неопределенность в контексте того, соответствует ли использование TDM всем требованиям для временного исключения для воспроизведения.

Суд Европейского союза в ряде дел определил критерии допустимого временного воспроизведения⁵ (см. с. 50), но в этих делах не рассматривались исключения для временного воспроизведения применительно к обучению ИИ.

Директива CDSM была принята до активного обсуждения проблемы обучения ИИ, что вызвало дискуссию о возможности распространения ее положений об исключениях на случаи анализа текста и данных в рамках методов обучения ИИ. Распространение ее положений на ситуации обучения ИИ основывается в том числе на статье 51(1) (с) Закона об искусственном интеллекте (AI Act), которая требует, чтобы универсальные модели ИИ соответствовали резервированию CDSM для TDM. В европейской доктрине, несмотря на некоторые

¹ Директива № 2019/790 Европейского парламента и Совета Европейского союза «Об авторском праве и смежных правах на Едином цифровом рынке и о внесении изменений в Директивы № 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС» (принята в г. Страсбурге 2019 г.). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019L0790&from=EN>

² Директива № 2001/29/ЕС Европейского Парламента и Совета Европейского союза «О гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе» (принята в г. Брюсселе 2001 г.). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2001/29/oj>

³ Artificial Intelligence Act, (COM (2021)0206-C9-0146/2021-2021/0106(COD, with amendments adopted by the European Parliament on 14 June 2023) // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0236_EN.html

⁴ Директива 96/9/ЕС Европейского парламента и Совета от 11 марта 1996 г. о правовой защите баз данных. OJL 77, 27.3.1996. С. 20–28.

⁵ Дело C-5/08, Инфопак 1, параграф 62, дело C-302/10 Инфопак 2, параграф 32 и Дело C-360/13 Талая вода, параграф 32, объединенные дела C-403/08 и C-429/08 ФВПЛ/ Мерфи, параграф 171-172, дело C-527/15 Кинопроигрыватель, параграф 57.

колебания¹, в целом признается, что методики машинного обучения, которые используются для обучения систем искусственного интеллекта, подпадают под понятие *text and data mining* (TDM).

В США подход к регулированию отношений, возникающих при использовании охраняемых объектов авторских и смежных прав для обучения искусственного интеллекта, отличается большей лояльностью. Такое использование чаще всего рассматривается как добросовестное на основании доктрины *fair use* (добросовестного использования), которая разрешает ограниченное использование объектов авторского права без разрешения правообладателя в случаях, когда произведение используется в некоммерческих, образовательных, научных, критических, пародийных целях, небольшой объем копирования (но иногда даже небольшой объем копирования, если речь идет о ключевой части, может быть признан нарушением). Использование не должно наносить ущерб потенциальному рынку оригинала, при наличии такого ущерба использование не может быть признано добросовестным.

Вместе с тем использование этой доктрины к ситуациям, связанным с обучением нейросетей, особенно для создания изображений и видео, вызывает определенные сомнения, поскольку разработчики систем искусственного интеллекта по существу оказываются на одном товарном рынке с правообладателями, а распространяемый сгенерированный контент вытесняет их с рынка. Еще один аспект использования этой доктрины заключается в отсутствии правовой возможности потребовать от разработчиков систем искусственного интеллекта вознаграждения на использование охраняемых объектов авторского и смежных прав.

Преимущества доктрины *fair use* состоят в ее гибкости, которая позволяет без труда адаптировать ее к изменяющимся условиям. Но эта гибкость одновременно является и недостатком, поскольку не создает определенного правила, как это сделано в европейском праве, и судебная практика может сильно колебаться в оценке обстоятельств дел.

Ключевым юридическим вопросом является толкование «копии» в соответствии с Законом США об авторском праве². Интерпретация этого термина в контексте разработки моделей искусственного интеллекта может оказать существенное влияние на ответственность моделей ИИ. Широкое толкование может привести к тому, что модель ИИ будет считаться

«копией». Как следствие, нарушение может возникнуть не только в результате несанкционированного воспроизведения, но и в результате несанкционированного распространения (когда модель используется в коммерческих целях).

Обязательства по раскрытию данных об обучении моделей ИИ широко обсуждаются в США. Этому вопросу посвящены по крайней мере два законодательных предложения – Закон о прозрачности модели Фонда ИИ 2023 года (Представитель Байер, 2023 г.) и Закон о раскрытии авторских прав на генеративный ИИ 2024 (Депутат Шифф, 2024 г.). Существуют также законы на уровне законодательных органов штатов, например, законопроект Калифорнии АВ-2013 «Генеративный искусственный интеллект: прозрачность данных обучения», который был принят и вступил в силу в январе 2026 года³.

Судебная практика последних лет в США стандартно применяет к спорным ситуациям положения доктрины добросовестного использования и достаточно часто признает ответчика действующим добросовестно. Так, в деле Bartz против Anthropic PBC. (США. Северный округ Калифорнии) суд пришел к выводу, что использование компанией Anthropic книг авторов для обучения языковых моделей было добросовестным. В частности, анализируя такой критерий добросовестности, как влияние на конкуренцию, суд установил, что он указывал на добросовестное использование, поскольку:

- 1) обучение языковых моделей не привело к снижению спроса на произведения авторов и не предоставило общественности каких-либо заменяющих копий;
- 2) любая общая конкуренция со стороны произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта, не является тем видом творческого вытеснения, которое стремится предотвратить Закон об авторском праве;
- 3) даже если предположить, что существует развивающийся рынок лицензирования произведений, охраняемых авторским правом, для обучения языковых моделей, устранение такого рынка не является той потерей, предотвращение которой входит в цели Закона об авторском праве⁴.

Таким образом, в странах, применяющих доктрину добросовестного использования, для констатации нарушения исключительных прав при обучении ИИ необходимо установить, имело ли место «копирование», а далее – соответствуют ли действия ответчика стандарту добросовестности.

¹ Vesala J. Developing Artificial Intelligence-Based Content Creation: Are EU Copyright and Antitrust Law Fit for Purpose? // International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2023. Vol. 54. Issue 3. P. 352, 356.

² 17 USC пар. 101: «Копия – это материальные объекты, за исключением фонограмм, на которых произведение зафиксировано любым известным в настоящее время или разработанным в будущем способом, и с помощью которого произведение может быть воспринято, воспроизведено или иным образом передано, либо напрямую, либо с помощью машины или устройства». Термин «копия» включает материальный объект, за исключением фонограммы, на котором произведение впервые зафиксировано.

³ Законопроект штата Калифорнии ФИ-2013 «Генеративный искусственный интеллект: прозрачность данных обучения (2023–2024 гг.)»

⁴ Key Rulings on GenAI Training and Copyright Fair Use // Reuters. Practical Law. July 2025.

Еще один аспект был затронут при рассмотрении коллективного иска против Microsoft и ее дочерних компаний GitHub и OpenAI, которые являются разработчиками GitHubCopilot – инструмента для автодополнения кода в нескольких средах разработки, которые обучали свои системы ИИ в общедоступных репозиториях GitHub, чем нарушили права авторов, разместивших код или работы под определенными лицензиями с открытым исходным кодом на GitHub, каждая из которых требует указания имени автора и соблюдения других личных немущественных прав, включая лицензию MIT, GPL и лицензию Apache¹. В иске было отказано, поскольку истцы не смогли доказать, что их код был в точности воспроизведен, что рассматривается в СМИ как «победа» платформ в вопросах обучения искусственного интеллекта. Однако отмечается, что, несмотря на вынесенное решение, действия ответчиков по существу нарушают параграф 1202 DMCA, который запрещает удаление информации об управлении авторскими правами, а также Договор ВОИС 1996 года об авторском праве.

Определенные элементы правового регулирования обучения ИИ сложились в **Китайской Народной Республике**. 15 августа 2023 г. вступили в силу Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта, сформулированные в соответствии с Законом КНР о кибербезопасности, Законом КНР о безопасности данных, Законом КНР о защите личной информации, Законом КНР о научно-техническом прогрессе. В числе основных целей регулирования названы уважение права интеллектуальной собственности и деловой этики, обеспечение коммерческой тайны, неиспользование таких преимуществ, как алгоритмы, данные и платформы, для участия в монополии и недобросовестной конкуренции.

В соответствии со статьей 7 Временных мер поставщики услуг генеративного ИИ должны осуществлять мероприятия по обработке данных обучения, такие как предварительное обучение и оптимизационное обучение, в соответствии с законом и соблюдать следующие положения:

- 1) необходимо использовать данные и базовые модели из законных источников;
- 2) в случаях, когда затрагиваются права интеллектуальной собственности, не должны нарушаться права интеллектуальной собственности, которыми пользуются другие лица в соответствии с законом;
- 3) в случае использования персональных данных необходимо получить согласие лица или соблюсти другие обстоятельства, предусмотренные законами и административными правилами².

Своеобразный подход демонстрирует Япония, где еще в 2009 году Закон³ допустил возможность свободного использования объектов интеллектуальной собственности для TDM, независимо от наличия научной или исследовательской цели. Впоследствии возможности использования технологии TDM были значительно расширены. В статье 30-4 Закона предусматривается, что разрешается использовать произведение любым способом в той мере, в какой это считается необходимым, в любом из следующих случаев или в любом другом случае, когда целью не является наслаждение (англ. enjoying) формами выражения мыслей и мнений, содержащихся в произведении; «...положения этой статьи не применяются, если использование будет необоснованно ущемлять интересы автора».

Использованием формы выражения закон считает любую обработку без восприятия данных органами чувств человека, в том числе обработку машинными средствами, включая TDM.

Принятие этой статьи, согласно разъяснению Japan Copyright Office (JCO), обосновывается тем, что экономическая ценность произведения выражается в том, что человек платит вознаграждение автору за то, чтобы насладиться формами выражения идей и эмоций, содержащимися в работе, поэтому все действия, не связанные с этим, не могут нарушить права автора, охраняемые законом⁴.

Вместе с тем Агентство по делам культуры при Министерстве образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии разъяснило [18], что на этапе создания и использования синтетического контента решение о нарушении авторских прав при загрузке и публикации изображений, созданных искусственным интеллектом, а также при ином их коммерческом использовании рассматривается так же, как и обычное нарушение авторских прав, за исключением случаев, когда использование разрешено в соответствии с законодательством об авторском праве. Прежде всего, это касается ситуаций, возникающих «на выходе», когда сгенерированный контент похож на оригинальный объект, защищенный авторским правом; такие ситуации свидетельствуют о нарушении прав правообладателя.

Таким образом, краткий обзор подходов в различных правовых системах показывает, что как в случае принятия специальных правил, направленных на регулирование процессов обучения систем ИИ, так и при применении к этим ситуациям уже сложившихся правил признается, что в процессе извлечения и обработки данных для рассматриваемых целей могут нарушаться исключительные права правообладателей произведений науки, литературы и искусства,

¹ GitHub Copilot: он не стоит таких рисков. Блог компании ГК ITGLOBAL.COMGitHub*. URL: <https://habr.com/ru/companies/itglobalcom/articles/703962/>

² Временные меры по администрированию услуг генеративного искусственного интеллекта. 13.07.2023 г. Источник: Китайское интернет-информационное бюро. URL: https://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm

³ Copyright Law of Japan // Copyright Research and Information Center (CRIC). URL: <https://www.cric.or.jp/english/clj/ocl.html>

⁴ Japan Copyright Office (JCO), Outline of the Amendments to the Copyright Act in 2018, Patents & Licensing. 2019. P. 12.

программ для ЭВМ и баз данных. Такие нарушения чаще всего связаны с несанкционированным копированием (воспроизведением) охраняемых произведений на начальных стадиях подготовки материалов для обучения, а также с извлечением существенной части материалов из охраняемых баз данных. В ряде случаев нарушения могут быть связаны с удалением защитной информации и данных об авторе.

Необходимо отметить, что ситуации создания в результате работы систем ИИ результатов, воспроизводящих форму заложенных объектов, требуют самостоятельного рассмотрения.

Проблему нарушения авторских прав в результате работы системы ИИ, обученной на определенных объектах, иллюстрирует дело, рассмотренное в Китае.

Интернет-суд Гуанчжоу (Китай) 8 февраля 2024 г. вынес решение по спору между Shanghai Character License Administrative Co& Ltd (SCLA) и китайской компанией ИИ, управляющей платформой, поддерживающей услуги преобразования текста и изображения GenAI. Истец обладал исключительными правами на персонажа Ультрамена. Он полагал, что эти изображения персонажа использовались при обучении модели ИИ, а также несанкционированно воспроизводились через платформу компании. Истец утверждал, что по запросу пользователя платформа генерировала изображения, существенно похожие на Ультрамена, и монетизировала эту функцию через членские взносы и покупки «Вычислительной мощности». Компания-ответчик отрицала свою ответственность, утверждая, что прекратила деятельность после уведомления о претензиях, не имела намерения нарушать права истца и что генерация изображения была произведена сторонним поставщиком. Кроме того, ответчик утверждал, что отсутствуют доказательства получения им прямой прибыли, а также преднамеренного нарушения авторских прав.

Суд вынес решение на основании Закона об авторском праве Китайской Народной Республики и Временных мер по администрированию услуг искусственного интеллекта, изданных в августе 2023 года Управлением киберпространства КНР. Суд установил, что изображения, созданные ИИ, были похожи на защищенные авторским правом особенности персонажа Ультрамена, что представляет собой несанкционированное воспроизведение и адаптацию. Однако суд решил не оценивать нарушение прав на сетевое распространение, поскольку два других права адекватно решали проблему нарушения.

Ответчик был признан «поставщиком услуг генеративного ИИ» в соответствии со статьей 22(2) Временных мер и привлечен к ответственности. Суд установил, что фильтры ключевых слов, внедренные ответчиком для предотвращения создания противоправного контента, были недостаточными, пользователи все

равно могли генерировать изображения, похожие на Ультрамена, используя альтернативные подсказки. Суд обязал ответчика принять более надежные профилактические меры. Вместе с тем суд отклонил ходатайство истца об удалении материалов, защищенных авторским правом, из набора данных для обучения ввиду недостаточности доказательств участия ответчика в обучении модели.

Суд подчеркнул важность прозрачных методов ИИ для защиты интеллектуальной собственности и осведомленности пользователей. Эти недостатки были приведены в качестве основания для присуждения истцу компенсации за экономические потери и расходы на принудительное исполнение.

Хотя суд и привлек компанию ИИ к ответственности, он одновременно признал проблему обеспечения баланса между защитой авторских прав и разработкой ИИ. Суд воздержался от рассмотрения вопроса о том, является ли использование защищенных авторским правом материалов для обучения ИИ нарушением. Суд признал, что такое определение может несоразмерно затруднить деятельность по созданию искусственного интеллекта, и в своем решении сосредоточил внимание на создании контента (выход), а не на процессе обучения (вход).

Другой пример предполагаемого нарушения на этапе «входа», где анализируется контент, генерируемый на этапе «выхода», – дело Gema против Suno AI (Германия). Компания GEMA в январе 2025 года объявила, что подала иск против поставщика генеративного искусственного интеллекта, американской компании Suno AI, которая разработала инструмент для создания аудиоконтента, генерируемого ИИ. В своем пресс-релизе¹ истец заявил, что иск основан на доказательствах, свидетельствующих о том, что предлагаемый ответчиком продукт может быть использован для синтеза песен, которые очень похожи с точки зрения мелодии, гармонии и ритма на произведения, правообладателем которых является истец. Доказательства, представленные в суд, включали известные песни и сравнение некоторых из них с аналогами, сгенерированными с помощью ИИ.

Истец утверждал, что ответчик без согласия истца использовал музыкальные произведения в двух целях – обучение своего продукта для создания музыки и создание результатов, генерируемых ИИ. Истец ссылается на заявления, сделанные ответчиком в ходе судебного разбирательства в США, где компания призналась в использовании «практически всего, что доступно в Интернете». В качестве одного из доказательств несанкционированного использования истец ссылался на факт создания «сходного до степени смешения контента». В итоге GEMA выиграла дело против OpenAI из-за нелегального использования текстов песен в ChatGPT, создав прецедент в области авторского права в сфере ИИ по всей Европе.

¹ GEMA. Fair remuneration demanded: GEMA files lawsuit against Suno Inc. [Press release]. 21 January 2025. Available at: <https://www.gema.de/en/w/press-release-lawsuit-against-suno>

Представляется своевременным определение позиции в части защиты авторских прав при использовании охраняемых произведений при обучении искусственного интеллекта на уровне Всемирной организации интеллектуальной собственности. Попытки решения вопроса были предприняты еще в 2020 году при проведении II раунда Дискуссии Всемирной организации интеллектуальной собственности по вопросам интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта. Были высказаны разные позиции. Так, представители платформ (организация Creative Commons) приводили доводы в пользу того, что использование охраняемой информации для целей обучения искусственного интеллекта не должно квалифицироваться как нарушение прав автора [23], с учетом специфики использования, некоммерческого характера и др. Однако ВОИС, судя по всему, заняла иную позицию. В Докладе ВОИС¹ отмечается важность того, чтобы «правила авторского права работали таким образом, чтобы сохранять контроль за человеческими создателями и обеспечивать их надлежащее вознаграждение, одновременно позволяя разработчикам ИИ всех размеров иметь конкурентный доступ к качественным данным. Балансировка интересов обеих сторон может быть облегчена простыми и эффективными механизмами для правообладателя по резервированию их прав и использования их контента, а также механизмами лицензирования и медиации, чтобы способствовать заключению лицензионных соглашений с разработчиками ИИ».

Свободное использование объектов в контексте обучения искусственного интеллекта

Специальные положения, касающиеся свободного использования охраняемых авторским и смежными правами результатов для целей обучения ИИ, в российском праве отсутствуют.

ГК РФ предусматривает ряд случаев свободного использования, которые могут быть рассмотрены с точки зрения возможности их учета для оценки действий, связанных с применением технологий извлечения и обработки больших данных, используемых для обучения ИИ.

В соответствии со статьей 1274 ГК РФ допускается без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора, произведение которого используется, и источника заимствования использование произведения в информационных, научных или культурных целях. Анализ положений данной статьи показывает, что для целей использования технологий анализа текстов и изображений в рамках машинного обучения может иметь значение лишь положение о пределах цитирования: «цитирование

в оригинале и в переводе в научных, полемических, информационных, учебных целях, в целях раскрытия творческого замысла автора правомерно обнародованных произведений и объеме, оправданном целью цитирования...».

В литературе обоснованно отмечается, что рассматриваемая норма не конкретизирует применяемые технологии, «использование объектов авторских прав может осуществлять как при помощи технологий TDM, так и “вручную” человеком» [24].

Использование произведений в научных целях в ряде случаев вполне обоснованно, но, очевидно, не может автоматически признаваться только на том основании, что извлечение происходит для целей обучения ИИ. Аналогичное замечание можно сделать и в отношении учебной цели. С точки зрения российского права нет оснований рассматривать использование объектов авторских и смежных прав для обучения ИИ как использование в образовательных целях, которое также носит весьма ограниченный характер и по субъектному составу, и по объему. Несмотря на использование словосочетания «обучение ИИ», с расхожим мнением, что такие системы обучаются «как люди», невозможно согласиться. Гражданский кодекс под «обучением», очевидно, не имел в виду использование технологий, направленных на извлечение и анализ данных, необходимых для настройки систем ИИ.

Если использование в научных целях будет доказано, то следующим необходимым условием свободного использования является необходимость указывать автора произведения и источник заимствования. Технически это может быть обеспечено, хотя на сегодняшний день не является распространенной практикой.

Последний критерий – использование произведения в объеме, оправданном целью цитирования, – также подлежит проверке и оценке с учетом конкретных обстоятельств.

Таким образом, рассмотренный случай свободного использования может быть применен для технологий глубокого анализа данных для целей обучения ИИ, если этот процесс будет соответствовать критериям допустимого цитирования с точки зрения цели, объема, указания необходимых данных.

Для программ для ЭВМ критерии допустимого использования в процессе обучения определяются с учетом того, что авторские права на компьютерные программы охраняются как права на произведения литературы (ст. 1261 ГК РФ). Специфику данного объекта определяют особенности правовой охраны, предоставляя лицу, правомерно владеющему экземпляром программы для ЭВМ, право без разрешения автора или иного правообладателя и без выплаты дополнительного вознаграждения осуществлять, в частности, действия по изучению, исследованию или

¹ Доклад ВОИС Искусственный интеллект и защита прав интеллектуальной собственности. 2024. URL: WIPO/ACE/16/15 URL: https://www.wipo.int/meetings/ru/doc_details.jsp?doc_id=625518

испытанию функционирования такой программы в целях определения идей и принципов, лежащих в основе любого элемента программы для ЭВМ, путем осуществления действий, предусмотренных подпунктом 1 пункта 1 статьи 1280 ГК РФ. К таким действиям относятся действия, необходимые для функционирования программы для ЭВМ, включая запись и хранение в памяти ЭВМ (одной ЭВМ или одного пользователя сети), внесение в программу для ЭВМ изменений исключительно в целях их функционирования на технических средствах пользователя, исправление явных ошибок, если иное не предусмотрено договором с правообладателем.

С точки зрения цели данной нормы, которая позволяет совершать запись и копирование исключительно для обеспечения функционирования исходной программы, в ситуации с записью для анализа данных для обучения ИИ нельзя говорить о правомерности поведения лица, копирующего программу и анализирующего ее с использованием машинных средств для этих целей. Аналогичное замечание можно сделать и в отношении такого действия, как декодирование программы.

В отношении иных допустимых способов использования программы для ЭВМ, предусмотренных статьей 1280 ГК РФ, сложно представить возможность их применения к ситуациям обучения ИИ. В любом случае необходимо учитывать положение пункта 4 данной статьи, предусматривающей, что применение положений о допустимом использовании не должно противоречить обычному использованию программы для ЭВМ и не должно ущемлять необоснованным образом законные интересы автора или иного правообладателя.

В отношении *баз данных* для определения того, в каких случаях базы данных могут использоваться без согласия правообладателя для целей обучения ИИ, необходимо рассмотреть случаи свободного использования таких объектов.

Статья 1335.1 ГК РФ предусматривает, что лицо, правомерно пользующееся обнародованной базой данных, вправе без разрешения правообладателя и в той мере, в которой такие действия не нарушают авторские права изготовителя базы данных и других лиц, извлекать из базы данных материалы и осуществлять их последующее использование:

- в целях, для которых база данных ему предоставлена, в любом объеме, если иное не предусмотрено договором;
- в личных, научных, образовательных целях в объеме, оправданном указанными целями;
- в иных целях в объеме, составляющем несущественную часть базы данных.

Использование материалов, извлеченных из базы данных, способом, предполагающим получение к ним доступа неограниченного круга лиц,

должно сопровождаться указанием на базу данных, из которой эти материалы извлечены. Для оценки существенности в российской практике используют количественный критерий¹.

В соответствии с пунктом 3 статьи 1335.1 ГК РФ не допускается неоднократное извлечение или использование материалов, составляющих несущественную часть базы данных, если такие действия, во-первых, противоречат нормальному использованию базы данных и, во-вторых, ущемляют необоснованным образом законные интересы изготовителя базы данных.

Необходимо принимать во внимание общее правило, в соответствии с которым ограничения исключительных прав на произведения науки, литературы или искусства либо на объекты смежных прав устанавливаются при условии, что они не противоречат обычному использованию и не ущемляют необоснованным образом законные интересы правообладателей. С учетом этого использование баз данных как объектов смежного права в контексте технологии анализа данных для целей обучения ИИ может нарушать исключительные права изготовителя базы данных, если будет установлено, что такое использование конкурирует со способами использования, с помощью которых правообладатель обычно извлекает коммерческую выгоду, поскольку это будет противоречить нормальному использованию базы данных.

В **Европейском союзе** предусмотрены специальные исключения, ограничивающие права правообладателей объектов авторского и ряда смежных прав, для целей изучения текстов и данных с использованием TDM; они предусмотрены статьями 3 и 4 Директивы CDSM.

Директива (п. 1 ст. 3) гарантирует право на воспроизведение и на извлечение информации из произведений и других объектов для целей глубокого анализа. Согласно статье 3 Директивы правообладатели не могут противостоять практике использования TDM, когда она осуществляется научно-исследовательскими организациями или учреждениями культурного наследия в целях научного исследования. TDM в соответствии со статьей 3 не может быть исключено или ограничено условиями договора, а государства-члены не могут для этих случаев устанавливать механизмы справедливой компенсации для правообладателей.

Статья 3 Директивы вводит исключения в отношении прав на воспроизведение правообладателей авторских прав, владельцев смежных прав, правообладателей баз данных, защищенных авторским правом, прав на извлечение и повторное использование баз данных *sui generis*, а также прав на воспроизведение и предоставление издателей онлайн-пресс.

¹ См. например: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26 дек. 2017 г. № C01-1041/2017 по делу № А56-91220/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

В статье 4 Директивы содержится изъятие, не ограниченное научно-исследовательскими целями, но обусловленное другим обстоятельством – воспроизведение и извлечение данных возможно лишь в том случае, если правообладатель прямо не заявил о запрете на эту деятельность «надлежащим образом, в том числе машиночитаемыми способами для контента, публично доступного онлайн» (п. 3).

В соответствии со статьей 4 Директивы CDSM применение TDM допускается при условии, что использование контента «не было явно зарезервировано их правообладателями надлежащим образом, например, с помощью машиночитаемых средств в случае контента, размещенного в открытом доступе в Интернете»¹. Данное исключение охватывает, помимо авторских прав, прав на базы данных и прав издателей, также право на воспроизведение и изменение компьютерных программ.

Оговорки о резервировании прав, упоминаемые в статье 4, называют оговорками об «отказе от TDM». Для сохранения прав на воспроизведение и извлечение от правообладателя требуется активное решение – заявление правообладателя об отступлении от общего разрешения на TDM. Директива, таким образом, предусматривает необходимость проверки наличия запрета правообладателя на использование аналитических методик в отношении принадлежащих ему объектов авторского права. Нельзя не отметить, что выполнение такого требования трудновыполнимо и затратно.

Статья 3 Директивы SDCM разрешает исследовательским организациям сохранять полученную посредством TDM копию работ для научно-исследовательских целей, включая проверку результатов исследований. Согласно статье 4 воспроизведенная информация может храниться «столько времени, сколько необходимо для целей TDM».

Исключение по статье 3 Директивы SDCM считается более широким из-за отсутствия необходимости учета потенциальных оговорок правообладателя и потому, что предусмотренное этой статьей исключение распространяется и на последующее сохранение воспроизведенных результатов.

Для применения всех названных исключений требуется, чтобы доступ к произведениям, в отношении

которых осуществляется анализ, был получен на законном основании (lawful access)². Пиратский контент в любом случае не может использоваться для TDM.

Практика судов Европейского союза отражает дискуссии, которые возникли вокруг толкования целого ряда положений директивы CDSM. Относительно небольшое количество дел может быть связано с тем, что правообладатели возлагают надежды на успех регуляторной деятельности.

Кроме того, ряд возникших конфликтов был разрешен с использованием механизмов борьбы с недобросовестной конкуренцией. На это оказало влияние решение Французского антимонопольного органа (Autorite de la concurrence), принятое в марте 2025 года, в рамках которого компания Google была оштрафована на 250 млн евро за невыполнение ранее принятых обязательств в соответствии с решением от июня 2022 года. В своем ранее состоявшемся решении от марта 2024 года антимонопольный орган прямо указал, что система искусственного интеллекта Google «Bard» прошла обучение на основании контента, принадлежащего издателям прессы, без разрешения. Было также отмечено, что Google не предложила технического решения для агентств прессы и издателей, которое бы позволило отказаться от использования их контента, не влияя на отображение такого контента на других службах Google (поисковая система).

Один из первых вариантов судебного анализа спора в отношении исключений из режима TDM для коммерческих и научных исследований в соответствии с Директивой 2019 года об авторском праве на едином цифровом рынке (DSM) (EU 2019/790) содержится в решении от 24.09.2024 Гамбургского окружного суда Германии по делу Кешке против LAION³.

Суд вынес решение⁴ о воспроизведении защищенного авторским правом контента из Интернета в процессе создания набора обучающих данных для ИИ, а также о том, предоставляют ли исключения из авторского права для обработки текста и данных (TDM) законное разрешение на такое использование.

Ответчиком являлась LAION – немецкая некоммерческая организация, действующая на рынке

¹ Дополнительные пояснения даются в Директиве CDSM Recital 18: «В случае контента, который был опубликован в Интернете, следует считать целесообразным сохранение этих прав только с помощью машиночитаемых средств, включая метаданные и условия веб-сайта или сервиса. Другие виды использования не должны быть затронуты сохранением прав для целей интеллектуального анализа текста и данных. В других случаях может быть целесообразно сохранение прав другими способами, такими как договорные соглашения или одностороннее заявление».

² В качестве примеров законного доступа в Директиве приводятся доступ к материалам, размещенным в рамках политики открытого доступа; доступ на основе соглашения с правообладателем, в том числе на основе подписки; доступ к контенту, который находится в свободном доступе онлайн; доступ, полученный другими законными средствами (п. 14 Преамбулы Директивы).

³ Landgericht Hamburg Urteil от 27 сент. 2024 г. 310 O 227/23. URL: <https://copyrightblog.kluweriplaw.com/2024/10/25/german-regional-court-landgericht-of-hamburg-paves-the-way-to-treat-the-reproduction-of-works-as-ai-training-data-under-the-eu-text-and-data-mining-exceptions/?output=pdf>

⁴ Голдштейн П., Штутцле К., Bischoff Susan (Моррисон и Ферстер, ООО). 2024. URL: <https://copyrightblog.kluweriplaw.com/2024/11/13/kneschke-vs-laion-landmark-ruling-on-tdm-exceptions-for-ai-training-data-part-1/>

наборов данных для обучения ИИ. Она предлагает базу данных более чем из 5 млрд пар «изображение – текст», которая сопоставляет гиперссылки изображений, общедоступных в Интернете, с текстовой информацией о содержании изображения. Ответчик извлек URL-адреса изображений из набора данных Common Crawl, загрузил эти изображения, провел проверку для подтверждения описаний изображений. Затем он отфильтровал изображения, текстовое описание которых не соответствовало в достаточной степени содержанию, повторно извлек информацию о месторасположении (URL) для создания нового набора данных, который представлял собой отфильтрованное, очищенное и структурированное подмножество набора данных Common Crawl, оптимизированное для обучения систем изображений генеративного искусственного интеллекта.

Истец, фотограф, предоставил фотобанку лицензию на защищенную авторским правом фотографию. Затем без разрешения истца эта фотография была загружена, проанализирована и включена в набор данных ответчика. На сайте фотоагентства были изложены положения и условия, запрещающие веб-скрапинг. Условия были сформулированы следующим образом: «Вам не разрешается – использовать автоматизированные программы, апплеты, ботов и т. п. для доступа к веб-сайту или любому его содержанию в любых целях, включая, только в качестве примера, загрузку контента, индексацию, извлечение или кэширование любого контента на веб-сайте».

Истец потребовал судебного запрета в отношении ответчика, чтобы тот не мог в будущем воспроизводить фотографию для создания наборов обучающих данных для ИИ.

Ответчик не оспаривал, что производил деятельность по воспроизведению произведений истца. Спор заключался в том, применялись ли к такой деятельности какие-либо конкретные ограничения авторского права, установленные Директивой DSCM, а именно: 1) имело ли место временное воспроизведение; 2) имело ли место коммерческое TDM и 3) имело ли место TDM для научных целей.

Суд установил, что использование произведений ответчиком не соответствовало определенным условиям. Воспроизведение не было случайным, поскольку удаление было осуществлено не «независимо от пользователя», а скорее из-за сознательного программирования ответчиком процесса анализа. Кроме того, поскольку изображения были загружены для анализа с помощью специального программного обеспечения, их загрузка была не просто процессом, который сопровождает проводимый анализ, а сознательным и активным действием по получению информации, которое предшествует анализу. Суд признал, что ответчик не может ссылаться на исключение о временном воспроизведении,

поскольку это исключение не распространяется на воспроизведение фотографий для создания отфильтрованного, очищенного и обработанного набора данных для обучения ИИ; такое воспроизведение не соответствует условиям «временного» и «переходного или случайного».

Суд констатировал, что деятельность ответчика подпадает под определение TDM. Процесс загрузки работ с целью их анализа путем сравнения с уже существующими описаниями (то есть с описательной информацией, изначально найденной в базе данных Common Crawl) подпадает под определение TDM, поскольку анализ проводился для извлечения информации о корреляциях.

Закон об авторском праве Германии воспроизводит в UrhG (пар. 60d) правило о научно-исследовательском TDM, содержащееся в статье 3 Директивы DSCM. Основываясь на этом, суд постановил, что данное исключение из авторского права применимо и деятельность ответчика допустима как осуществляемая для научных целей, поскольку она фактически была направлена на получение новых знаний. Для соответствия этому критерию не обязательно было фактически получать какие-либо новые знания, достаточно было, чтобы действия были направлены на получение знаний на более позднем этапе. Кроме того, деятельность ответчика была признана подпадающей под правило об исключениях для научного TDM, поскольку его исследовательская деятельность носит некоммерческий характер: полученный набор данных размещался в открытом доступе бесплатно¹.

Как мы видим, для юридической оценки генеративного ИИ суд условно выделил три операционных уровня: уровень входных данных, «черный ящик» (машинное/глубокое обучение) и уровень выходных данных. LAION создает и предоставляет наборы данных с открытым исходным кодом, которые бесплатно используются третьими сторонами в качестве обучающих данных для моделей генеративного ИИ. Набор данных LAION 5B состоит из описаний почти 6 млрд изображений и ссылок на общедоступные изображения в Интернете. Наборы данных не содержат самих изображений (или их репродукций), но для того, чтобы с помощью программного обеспечения проверить, соответствуют ли описания изображений связанным с ними изображениям, LAION пришлось загрузить изображения.

Суд не рассматривал вопрос об авторских правах на этапе «черного ящика» нейронной сети или на выходном уровне, коснувшись только начального уровня – загрузки материалов при создании набора обучающих данных, то есть анализа материала нейронной сетью на предмет закономерностей, связей, корреляций и вероятностей².

¹ Landgericht Hamburg Urteil от 27 сентября 2024 г. – 310 O 227/23...

² См. Голдштейн П., Штутцле К., Bischoff Susan (Моррисон и Ферстер, ООО). 2024...

Исключения для использования программ для ЭВМ в целях обучения ИИ. Согласно преимущественному подходу в рамках Европейского союза компьютерные программы охраняются как литературные произведения. Соответственно, исключения, в том числе исключения для TDM, применимые к воспроизведению произведений, защищенных авторским правом, в полной мере распространяются и на компьютерные программы. Кроме того, предусмотрены особые исключения, содержащиеся в Директиве о компьютерных программах, статья 5(3) которой устанавливает исключение для наблюдения, изучения или тестирования компьютерной программы, которое не может быть изменено контрактом и может иметь значение в контексте обучения моделей искусственного интеллекта.

Правообладатель базы данных, охраняемой в качестве объекта авторского права, может осуществлять все необходимые для доступа к содержанию базы данных действия, на совершение которых не требуется специальное разрешение ее автора.

Государства – члены ЕС могут установить исключения для использования открыто опубликованных баз данных. В соответствии с частью 2 статьи 6 Директивы 96/9/ЕС пользователи таких баз данных могут совершать извлечение и вторичное использование части базы данных в следующих случаях:

- а) при воспроизведении в личных целях неэлектронной базы данных;
- б) использовании исключительно для иллюстрирования в учебных и научных исследованиях, если при этом указывается источник и использование осуществляется в объеме, оправданном некоммерческой целью;
- в) использовании в целях общественной безопасности или осуществления административного или судебного производства;
- г) наличии иных ограничений, традиционно устанавливаемых национальным правом, и соблюдении при этом (а), (б) и (с).

В отношении баз данных, охраняемых *sui generis*, допускается использование незначительной части базы данных. Директива 96/9/ЕС (ч. 5 ст. 7) предусматривает, что неоднократное извлечение или повторное использование незначительной части базы данных не допускается, если такие действия противоречат нормальному использованию базы данных или ущемляют необоснованным образом интересы изготовителя.

Директива 96/9/ЕС (ст. 9) предоставляет государствам-членам право установить исключения для извлечения или повторного использования существенной части базы данных в случаях:

- а) извлечения в частных целях неэлектронной базы данных;
- б) извлечения в целях иллюстрации, обучения или научного исследования при указании источника и в степени, оправданной достижением некоммерческих целей;

в) извлечения и использования в целях публичной безопасности или в целях административной или судебной процедуры.

Если базы данных защищаются авторскими или смежными правами, то их использование регламентируется Директивой 96/9/ЕС и на них распространяются рассмотренные выше случаи свободного использования. Если же база данных не является объектом авторских или смежных прав, то ее использование может ограничиваться по усмотрению ее создателя с применением договорных механизмов, в том числе договора, заключаемого посредством получения согласия пользователя подчиняться условиям (правилам) использования веб-сайтов.

Дальнейшее регулирование может развиваться различным образом, в частности, возможно признание использования охраняемых авторским и смежными правами объектов для обучения систем ИИ одним из случаев свободного использования, с выплатой или без выплаты вознаграждения правообладателю. Одним из предложений является введение исключения из общего правила, требующего положительного согласия правообладателя на использование произведения, и установление презумпции подразумеваемого согласия в случаях использования для целей обучения ИИ. Несмотря на привлекательность такого решения, его практическая реализация с учетом огромного массива данных, применяемых для обучения, может создать значительные практические трудности.

Субъекты ответственности за нарушение интеллектуальных прав в процессе обучения систем ИИ

В процессе получения и использования данных, в том числе представляющих собой охраняемые объекты авторских и смежных прав, может участвовать несколько субъектов, выполняющих различные функции. Поэтому для определения того, кто именно будет нести ответственность за нарушение интеллектуальных прав, необходимо выявить этих субъектов, характер их действий и сферу их осуществления.

Наиболее подробно отношения между различными участниками отношений в цифровой среде, имеющими отношение к системам ИИ, урегулированы в ЕС в Законе об искусственном интеллекте. В нем, в частности, выделяются представленные ниже.

Провайдер как физическое или юридическое лицо, государственный орган, агентство или иная организация, которые разрабатывают систему ИИ либо модель ИИ общего назначения, или имеют разработанную систему ИИ либо модель ИИ общего назначения и размещают ее на рынке, или вводят систему ИИ в эксплуатацию под своим собственным именем либо товарным знаком, как за плату, так и бесплатно.

Поставщик нижестоящего звена как поставщик системы ИИ, включая систему ИИ общего пользования, которая интегрирует модель ИИ,

независимо от того, предоставляется ли модель ИИ им самим и вертикально интегрирована или предоставляется другой организацией на основе договорных отношений.

Развертыватель – физическое или юридическое лицо, государственный орган, агентство или иной орган, использующий систему ИИ в рамках своих полномочий, за исключением случаев, когда система ИИ применяется в ходе личной непрофессиональной деятельности.

Системы могут использоваться физическими лицами для генерации контента, и такие физические лица могут быть описаны как *конечный пользователь*.

Различия между *поставщиком* и *разработчиком* важны, поскольку они влияют на распределение юридической ответственности.

Помимо этого, в цепочки создания систем ИИ могут быть включены субъекты, осуществляющие предварительную подготовку информации для ее дальнейшего использования (разбивка на фрагменты, разметка, токенизация и т. д.). Например, компания Data Light предлагает услуги по сбору данных для машинного обучения¹, компания Bright Data формирует платформу веб-данных, содержащую готовые наборы данных для широкого круга задач², Datarade представляет систему поиска данных среди 500 поставщиков по всему миру, предлагает датасеты для машинного обучения и ИИ-проектов³. Такие субъекты могут действовать по поручению разработчиков ИИ либо самостоятельно, предоставляя последним готовые наборы данных.

Поскольку на настоящий момент нарушения интеллектуальных прав чаще всего связаны с этапом загрузки данных, включающих защищенные авторским правом объекты, то в качестве нарушителей прежде всего рассматривают тех субъектов, которые ее осуществляют. Так произошло в дело Кешке против LAION (см. выше), а также в споре SNE против Meta* (Франция), в рамках которого Ассоциация издателей Франции, Общество писателей и Национальный союз авторов и композиторов в марте 2025 года заявили о начале судебного разбирательства в Парижском суде по факту нарушения авторских прав из-за

несанкционированного использования работ истцов в учебных наборах данных ответчика⁴.

В случаях, когда в качестве нарушения рассматривается генерация контента, воспроизводящего использованные для обучения охраняемые объекты, в качестве ответчиков привлекают поставщиков систем ИИ, а также разработчиков моделей ИИ. Так, в деле Андерсен против Stability AI⁵ в январе 2023 года группой профессиональных художников заявлен коллективный иск о прямом нарушении авторских прав против ответчика, чьи модели ИИ используются различными поставщиками, включая DreamStudio, Midjourney и DeviantArt.

Если попытаться проанализировать возникающие ситуации с точки зрения российского права, то из анализа статей ГК РФ можно сделать вывод о том, что ИИ не обладает правосубъектностью, то есть сознанием и волей, у него отсутствует имущество для расчетов по обязательствам и он не несет ответственность за свои действия – поэтому ответственность возлагается на разработчиков или пользователей ИИ, причем всё зависит от условий использования и договорных обязательств между сторонами возникших правоотношений. В Кодексе этики в сфере искусственного интеллекта⁶ содержится позиция о том, что ответственность за работу и последствия применения систем искусственного интеллекта всегда должен нести человек (физическое или юридическое лицо, признаваемое субъектом ответственности в соответствии с действующим законодательством РФ). Этот подход подтверждается судебной практикой – в решении Арбитражного суда г. Москвы от 30 ноября 2023 г. по делу № А40-200471/2023⁷ и в решении Арбитражного суда Республики Калмыкия от 4 августа 2025 г. по делу № А22-2210/2025 нашел отражение аналогичный подход: ответчик использовал чужие фотографии, переработав их с помощью искусственного интеллекта, а затем разместив полученные изображения на маркетплейсе. Суд квалифицировал такие действия как незаконное воспроизведение и переработка охраняемого произведения и взыскал с нарушителя компенсацию. Факт использования искусственного интеллекта не смог освободить ответчика от ответственности⁸.

¹ IT-компания, специализирующаяся на разметке, сборе и модерации данных для повышения эффективности и точности ваших AI-моделей. URL: data-light.ru

² Веб-инфраструктура данных для ИИ и BI. URL: ru-brightdata.com

³ Система поиска данных. URL: datarade.ai

⁴ Авторы и издатели объединяются в судебном процессе против Meta* (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ), чтобы защитить авторские права от нарушения разработчиками генеративного ИИ, SNE. 2025.

⁵ Андерсен и др. Против Stability AI Ltd. и др. 23 – cv-00201-WHO (Северная Дакота, Калифорния, 12.08.2024).

⁶ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

* Компания Meta Platforms Inc. (владелец Facebook и Instagram) признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ по решению Тверского суда г. Москвы от 21 марта 2022 г.

⁷ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30 нояб. 2023 г. по делу № А40-200471/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁸ Решение Арбитражного суда Республики Калмыкия от 4 авг. 2025 г. по делу № А22-2210/2025 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Специальное регулирование в части определения сферы ответственности тех или иных субъектов, осуществляющих процессы, обеспечивающие получение, обработку данных, создание программ, их предоставление пользователям и т. д., в российском праве отсутствует. С учетом общих положений ГК РФ об ответственности за нарушение интеллектуальных прав, которые вступают в силу с 4 января 2026 г.¹, в случае нарушения на этапе «выхода» есть вероятность привлечения всех указанных лиц в качестве со-ответчиков к солидарной ответственности.

Раскрытие информации об используемых данных при обучении искусственного интеллекта

Данный вопрос подробно регулируется в ЕС. Закон об искусственном интеллекте (AI Act) (ст. 53) с целью обеспечения прозрачности использования данных требует от поставщиков моделей искусственного интеллекта общего назначения составить и сделать общедоступным достаточно подробное резюме о контенте, используемом для обучения модели искусственного интеллекта общего назначения, в соответствии с шаблоном, представленным Офисом искусственного интеллекта.

Резюме не требует оценки каждой использованной работы с точки зрения соблюдения авторских прав (Декларация, 108). Тем не менее раскрытая информация должна быть достаточно полной, чтобы позволить владельцам авторских прав защищать свои права (Декларация, 107).

Требование к публикации резюме применяется, даже если модель лицензирована на основе открытого исходного кода, поскольку выпуск моделей ИИ общего назначения по бесплатной и открытой лицензии и не обязательно раскрывает существенную информацию о наборе данных, использованном для обучения или тонкой настройки модели, и о том, как при этом обеспечивалось соблюдение закона об авторском праве.

Предусматривается разработка «Кодексов практики», которая должна быть организована Офисом искусственного интеллекта. Основной проблемой является определение достаточного уровня детализации для резюме о содержании, используемом для обучения. Офис также разрабатывает шаблон для подробного резюме данных обучения, которые поставщики модели GPAI обязаны опубликовать. В перспективе предполагается разработать гармонизированные стандарты по рассматриваемым обязательствам поставщиков.

Следует учитывать, что существуют пользователи TDM, которые могут выступать посредниками между владельцами прав и поставщиками ИИ. К таким пользователям относятся, в частности, разработчики наборов данных, которые сами не являются ни

разработчиками моделей ИИ, ни поставщиками. Следовательно, они не подпадают под действие обязательств по прозрачности данных и политике авторских прав, установленных статьей 53 Закона об ИИ.

Статья 53 Закона об ИИ также не применяется к разработанным в частном порядке моделям, которые не предоставляются общественности или не вводятся в эксплуатацию под коммерческим названием.

Возложение на поставщиков моделей искусственного интеллекта обязанности раскрывать информацию о том, на каких материалах обучались соответствующие системы, направлено в том числе на защиту правообладателей, которые при наличии такой информации могут контролировать, нарушаются ли их права. Без такого раскрытия предоставить доказательства использования конкретных охраняемых объектов очень затруднительно. Вместе с тем и исполнение такой обязанности тоже связано с целым рядом сложностей как технического, так и правового характера. Например, определяя объем информации, которая должна быть раскрыта, необходимо обеспечить баланс между интересами компаний-поставщиков, в том числе связанными с сохранением коммерческой тайны, и интересами лиц, чьи объекты могут быть использованы для анализа в рамках обучения. Отметим также, что раскрытие ряда данных (например, о реальном правообладателе) может быть невозможно из-за отсутствия достоверной информации. Еще один аспект связан с возможностью использования для обучения систем ИИ объектов, уже сгенерированных с помощью ИИ (охраняемых или не охраняемых в качестве объектов авторских или смежных прав).

В Российской Федерации отсутствуют нормативные требования, обязывающие субъектов, использующих для целей обучения систем ИИ объекты авторских и смежных прав, раскрывать информацию о этом.

Договорные и технические ограничения на веб-скрапинг для сбора данных для обучения

Основным источником данных для обучения моделей искусственного интеллекта является автоматизированное извлечение информации из общедоступных веб-сайтов и веб-страниц (веб-скрапинг). Такой анализ может быть органичен посредством договорных механизмов, причем как в отношении охраняемых интеллектуальными правами объектов, так и неохранных.

Владельцы веб-сайтов могут использовать Протоколы исключения роботов (Robot Exclusion Protocol – REP). Протокол используется веб-сайтами для взаимодействия с поисковыми системами и веб-роботами и определяет, какие области веб-сайта нельзя использовать или сканировать. Протокол прямо не

¹ О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 7 июля 2025 г. № 214-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

предназначен для защиты интеллектуальных прав. Вместе с тем в последнее время практика рассматривает такие методы защиты в качестве одного из примеров реализации правообладателями положений об отказе от использования контента для обучения ИИ.

Особенно актуальным является рассмотрение таких методов защиты в контексте применения европейской Директивы DCM, в которой свободное применение методов глубокого анализа данных для коммерческого использования ставится в зависимость от наличия или отсутствия выраженного правообладателем отказа от такого использования. «В тех случаях, когда право отказа было прямо зарезервировано соответствующим образом, поставщикам универсальных моделей ИИ необходимо получить разрешение от правообладателей, если они хотят выполнять интеллектуальный анализ текстов и данных в таких работах»¹.

Проблема «резервирования» прав, то есть указания на недопустимость использования защищенного авторскими и смежными правами контента для использования технологий, осуществляющих анализ данных, в том числе и для обучения ИИ, широко обсуждается. Прежде всего, дискуссии возникают относительно того, кто именно может резервировать права на конкретные объекты, размещенные на том или ином сайте. В некоторых юрисдикциях могут быть разные правообладатели в отношении одного и того же результата, что затрудняет решение этого вопроса.

Не менее важны и аспекты, связанные с формой резервирования. Как правило, в отношении объектов, размещенных в Интернете, признается, что резервирование может быть сделано посредством машиночитаемых средств (метаданные и положения об условиях веб-сайта или услуги.) В отношении объектов, недоступных онлайн, приводятся договорные соглашения или одностороннее заявление.

Директива DSCM применяет понятие «явный отказ» для исключения использования материалов в целях обучения ИИ. С учетом практики использования TDM предлагается два варианта толкования: широкое и узкое. При широком толковании «явный отказ» охватывает и ситуации, когда 1) отказ не содержит ссылки на конкретный результат в составе контента; 2) отказ может быть направлен не только на TDM, но и практики, не подпадающие под определение TDM, например веб-скрапинг (который может не включать воспроизведение работ; 3) отказ не обязан указывать на какие-либо правовые положения; 4) отказ не обязательно должен быть направлен на конкретного потенциального пользователя TDM.

Согласно противоположной точке зрения требование «явно» должно толковаться строго и исключать оговорки, которые не являются специфическими для использования, специфическими для контента и могут быть найдены на конкретной странице онлайн-контента (Хаманн, 2024).

Условия обслуживания веб-сайтов могут включать указания, исключающие веб-скрапинг. Ограничения могут быть сформулированы как общие Условия использования (например, «Вам не разрешается использовать этот веб-сайт, кроме как в личных, некоммерческих целях») или как положения, которые конкретно запрещают автоматизированное извлечение, скрапинг, воспроизведение или использование данных без разрешения (например, «Вы не можете использовать автоматизированные системы или программное обеспечение для загрузки контента или извлечения данных с этого веб-сайта»).

Как правило, договорные соглашения оформляются с использованием *clickwrap*, требующей от пользователей нажать «Я согласен» перед получением доступа к веб-сайту или его частям. Возможны и иные способы подтверждения наличия соглашения.

В деле LAION Гамбургский окружной суд признал, что «резервирование» может быть произведено не только правообладателем, но и лицензиатом в отношении тех объектов, которые он использует на своем сайте. Однако такой лицензиат не может произвести резервирование для иных объектов определенного правообладателя.

В отношении толкования требования о «явном» исключении суд отметил, что условия и положения веб-сайта выполнили требование для действительного отказа, хотя эти условия не ссылались явно на интеллектуальный анализ текста и данных и на какие-либо законодательные положения. Суд признал, что оговорка сформулирована с достаточной ясностью и точностью, чтобы недвусмысленно охватить конкретный контент и конкретное использование. Суд высказал мнение, что оговорка, применяемая ко всем работам, загруженным на веб-сайте, была действительной.

Таким образом, автор оригинала фотографии мог полагаться на оговорку, сделанную сайтом стоковых фотографий. Суд отметил, что не было никаких претензий на противоречивое соглашение между агентством и фотографом.

Согласно консервативному подходу термин «машиночитаемый» применительно к форме оговорки должен трактоваться исключительно как связанный с таким форматом файла, который позволяет его идентифицировать программным средствам. Однако в данном деле суд отказался от такого подхода и указал, что он «рассматривает резервирование использования, выраженное исключительно

¹ Директива № 2019/790 Европейского парламента и Совета Европейского союза «Об авторском праве и смежных правах на Едином цифровом рынке и о внесении изменений в Директивы № 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС» (принята в г. Страсбурге 2019 г.). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019L0790&from=EN>

на «естественном языке», как «понятное для машины». Следовательно, Условия и положения веб-сайта на естественном языке могут соответствовать критерию «машиночитаемости».

Несколько судебных споров, связанных с претензиями правообладателей, основанными на нарушении договорных условий использования веб-сайтов, инициированы в Канаде.

Так, Канадский институт юридической информации (CanLII) в ноябре 2024 года обратился с иском в Верховный суд Британской Колумбии, обвинив ответчика в нарушении своих прав на базу данных. Истец является некоммерческой организацией, финансируемой Федерацией юридических обществ Канады, и управляет общедоступной базой данных канадских юридических документов, которая содержит около 3,5 млн документов и широко используется канадскими исследователями и юристами. Ответчик является компанией в области разработки ИИ, основанной в Канаде, зарегистрированной в Ирландии. Компания-ответчик разработала ИИ-чатбота для помощи в юридических исследованиях. Истец полагает, что ответчик незаконно использовал базу данных истца для обучения своего чат-бота, нарушил условия использования базы данных.

В уведомлении о гражданском иске от 4 ноября 2024 г. отмечается: истец «тратит значительное время, ресурсы и экспертные знания на рассмотрение, анализ, отбор, агрегацию, каталогизацию, аннотирование, индексацию и иное улучшение Данных перед публикацией своего исходного рабочего продукта на вебсайте истца».¹ Нарушение договора основано на условиях использования, указанных на веб-сайте истца, которые включают запрет на «массовую или систематическую загрузку CanLII Works, в том числе с помощью программных средств или путем найма человеческих ресурсов для ручной загрузки CanLII Works». Истец утверждает, что несанкционированное использование ответчиком и последующие публикация и распространение скопированных материалов (через службы искусственного интеллекта ответчика) являются нарушением авторских прав.

Другой пример: в ноябре 2024 года в Высший суд Онтарио (Канада) обратилась коалиция ведущих канадских медиакомпаний и издателей новостей, подав иск против компании OpenAI². По мнению истцов, ответчик нарушил их авторские права, когда без разрешения скопировал данные с их веб-сайтов, проигнорировав ограничения авторских прав, указанные в положениях и условиях их веб-сайтов, обошел платные доступы и совершил обход технологических мер защиты в своей деятельности по скрапину. Ответчик заявляет, что ее модели обучаются на общедоступных данных.

В исследовании ВОИС отмечается, что резервирование, реализованное на одном интернет-ресурсе, не означает наличия резервирования этих объектов на иных ресурсах, принадлежащих данному лицензиату. Правообладатель, который хочет повсеместно отказаться от TDM, может согласовать выражение этой оговорки с различными лицензиатами, через которых его контент становится доступным для общественности. Оговорка, привязанная к месторасположению, например, на определенном веб-сайте, не гарантирует резервирование прав на лицензионные копии того же контента, размещенные на других веб-сайтах. Лицензиат или другой представитель может делать резервирование от имени правообладателя, если у него есть явные полномочия сделать отказ и если ему передано управление правами на воспроизведение. Пока нет окончательной ясности относительно того, кто может осуществлять резервирование, если имеется несколько лицензиатов с различным объемом прав.

Еще одним спорным моментом является определение границ допустимых действий правообладателей, направленных на исключение возможности использования данных, в том числе охраняемых в качестве объектов интеллектуальных прав, если закон допускает их свободное использование.

Российское право допускает использование технических средств защиты авторских прав (ст. 1299 ГК РФ), под которыми понимаются любые технологии, технические устройства или их компоненты, контролирующие доступ к произведению, предотвращающие или ограничивающие осуществление действий, которые не разрешены автором или иным правообладателем в отношении произведения. Аналогичным образом определяются технические средства защиты смежных прав (ст. 1309 ГК РФ). Осуществление без разрешения автора или иного правообладателя действий, направленных на то, чтобы устранить ограничения использования произведения, установленные путем применения технических средств защиты авторских прав, не допускается и влечет применение мер ответственности к нарушителю в форме возмещения убытков или взыскания компенсации.

Договорные условия использования. В коммерческой практике последних лет уже достаточно широко распространено заключение лицензионных соглашений между субъектами, осуществляющими обучение систем ИИ и правообладателями. Актуальность договорных механизмов возрастает в условиях различных подходов правовых систем к особенностям регулирования этих отношений, неопределенности судебной практики в вопросах использования охраняемых объектов для обучения ИИ, очень часто – трансграничного характера отношений.

¹ Верховный суд Британской Колумбии. Судебное дело № VLS-SS-247574 – уведомление о гражданском иске.

² Высший суд Онтарио. Номер судебного дела CV-24-00732231-00CL – исковое заявление. URL: <https://yukon.ca/sites/default/files/jus-victoria-gold-motion-appoint-receiver-2024.pdf>

Для оформления отношений, связанных с передачей прав для рассматриваемых целей, могут использоваться модели различных лицензионных договоров. Так, примером лицензии на использование данных с целью обучения моделей искусственного интеллекта являются условия пользовательского соглашения облачного сервиса видеоконференций Zoom, предусматривающие предоставление лицензии в адрес Zoom на пользовательский контент (customercontent) с целью обучения моделей искусственного интеллекта и дальнейшего развития продуктов компании с правом сублицензирования. Подобные условия в целом становятся всё более распространёнными по мере того, как конкурентоспособность SaaS-сервиса начинает зависеть от используемых в нем моделей ИИ [17].

В ряде случаев заключённые соглашения об использовании TDM предусматривают условия, обеспечивающие права авторов на указание имени при цитировании. Так, издательская компания Elsevier предлагает соглашение об использовании TDM, предусматривающее, что пользователь на основании указанных для сбора данных получает найденные программой фрагменты из произведений других авторов и источники, из которых эти фрагменты были взяты. Соглашение также предусматривает обязанность пользователя указывать источник полученных данных, например цифровой идентификатор объекта DOI цитируемого фрагмента (англ. *digital object identifier*)¹.

Вместе с тем практика лицензирования сталкивается с отсутствием сформировавшихся правил в этой сфере. В частности, нет четкого понимания того, как должна строиться система лицензирования в ситуации, когда в цепочке сбора исходного материала для обучения моделей искусственного интеллекта участвуют несколько субъектов, в том числе: лица, агрегирующие массивы первоначальных исходных данных; лица, осуществляющие первичную подготовку таких материалов для субъектов, непосредственно осуществляющих процесс обучения ИИ; разработчики систем ИИ, поставщики таких систем и т. д.

Не сформирован порядок ценообразования в случаях, когда права предоставляются возмездно. На практике используются различные механизмы формирования цены, в том числе посредством распределения доходов от использования системы ИИ между правообладателями исходных объектов, разработчиками и пользователями, но даже в этом случае ориентировочные коммерческие условия установления цены и распределения доходов не сложились.

Особые сложности возникают в процессе сбора данных в связи с тем, что ряд правообладателей используют технические системы защиты либо вносят

информацию о запрете использования объектов авторских и смежных прав для обучения, но стандарты информирования не разработаны, что затрудняет выявление проблемных источников в процессе сбора материалов для обучения ИИ.

Для устранения нарушений исключительных прав на использование охраняемых объектов в целях обучения искусственного интеллекта часто рекомендуют использовать объекты, которые предоставляются в рамках открытых лицензий в соответствии с их условиями. «Opensource библиотеки и фреймворки, такие как TensorFlow, PyTorch и Scikitlearn, активно используются для разработки и внедрения алгоритмов машинного обучения и искусственного интеллекта в различных областях, от автоматизации бизнес-процессов до разработки персонализированных рекомендательных систем. Многие блокчейн-платформы, например, Hyperledger и криптовалюты, включая Bitcoin и Ethereum, основаны на Opensource технологиях. Это способствует открытости, безопасности и инновациям в финансовой индустрии. Opensource облачные платформы, такие как OpenStack или Kubernetes, лежат в основе многих облачных сервисов» [17].

Вместе с тем сам факт распространения объектов на условиях открытых лицензий не является гарантией нарушения, поскольку и в этом случае необходимо исходить из условий соответствующих соглашений. В частности, открытая лицензия, допускающая воспроизведение для целей анализа текста или изображения, может не предоставлять прав на воспроизведение самого использованного для обучения объекта системой ИИ на стадии выдачи результата по запросу.

Вместе с тем индивидуальное лицензирование затруднено и экономически невыгодно, когда речь идет о массивах самого разнообразного контента, принадлежащего различным самостоятельным небольшим правообладателям. Нельзя не учитывать, что в ситуации неопределенности подходов национальных регуляторов и проблем трансграничных сделок правовые риски очень велики. В связи с этим появляются и другие инициативы, направленные на организацию взаимодействия между крупными правообладателями и разработчиками ИИ, облегчающего поиск и законное использование объектов интеллектуальных прав. Например, Cloudflare анонсировал создание летом 2025 года системы, в рамках которой крупные правообладатели размещают данные на определенных ресурсах для безвозмездного использования, а на других – с условием выплаты вознаграждения. Система гарантирует выплаты при каждом использовании соответствующих платных ресурсов, начисления производятся автоматически².

¹ Text and Data mining service agreement. Elsevier, URL: https://www.elsevier.com/__data/assets/pdf_file/0018/83403/TDM_Elsevier_Licenser_2014.pdf

² Cloudflare – компания, предоставляющая услуги CDN, защиту от DDoS-атак, безопасный доступ к ресурсам и серверы DNS.

Важное значение в части договорных отношений по обучению искусственного интеллекта могут иметь лицензионные договоры о предоставлении права на использование баз данных. Определение порядка предоставления доступа к наборам данных и обеспечение доступности данных для разработчиков технологии искусственного интеллекта – такие задачи были обозначены еще в 2019 году в рамках Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Однако не вся информация, которая может быть использована искусственным интеллектом, подпадает под определение такого объекта интеллектуальных прав, как база данных. Достаточно часто в используемых наборах данных отсутствует такой признак, как систематизация материала. В отношении «неструктурированных (несистематизированных) совокупностей данных» используется термин DataLake (от англ. «озеро данных»). В упрощенном понимании «озеро данных» – это объективная форма совокупности большого количества данных, в отношении которых не проводились систематизация и отбор, но в будущем планируются их анализ, обработка и систематизация. Учитывая изложенное, следует заключить, что ««озеро данных» не может быть квалифицировано в качестве базы данных, так как не соответствует критерию систематизации» [12]. Вместе с тем такие базы данных, которые не охраняются как объекты авторских и иных интеллектуальных прав, могут охраняться с применением договорных ограничений на использование веб-сайтов, а также с помощью технических средств защиты.

Выводы

Вопросы, связанные с защитой интеллектуальных прав в процессе сбора данных, наполнения ими искусственного интеллекта, а также правовым режимом создаваемых объектов, в том числе с точки зрения использования права на переработку авторов первоначальных произведений, сохраняют свою актуальность. Технологии искусственного интеллекта обучаются на огромном количестве уже существующих работ, созданных человеком, и используют выводы из этого обучения для создания нового контента. Полученные результаты могут быть текстовыми, визуальными, звуковыми и иными и определяются нейросетями на основе дизайна и материала, на котором они были обучены.

Процесс обучения моделей ИИ состоит из нескольких отдельных этапов и может различаться в зависимости от модели, при этом каждый этап и каждый процесс имеют свои последствия для авторских прав. Условно можно выделить: этапы ввода данных – когда охраняемые объекты авторских и смежных прав в аналоговой форме «оцифровываются», а уже существующие в цифровой форме копируются на другой носитель для целей их дальнейшей обработки и анализа; этап обработки, на котором

указанные объекты подвергаются анализу (разбиваются на фрагменты, размечаются и т. д.); этап использования собственно в механизме обучения (математический анализ внесенных данных); этап выдачи результата (генерации), на котором может быть воспроизведен один из использованных на первом этапе объектов или сходный с ним «до степени смешения».

На каждом этапе (кроме этапа математического анализа) потенциально существует риск нарушения авторских и смежных прав: права на воспроизведение, права на неприкосновенность объекта, права на имя автора и т. д.

Ведущиеся в разных странах судебные процессы (многие из которых не закончены) демонстрируют, что искивые требования чаще всего касаются нарушения авторских прав (чаще на литературные произведения и изображения, реже – на музыкальные произведения и видео), а также прав на базы данных. В качестве нарушений рассматриваются как процедуры, связанные с незаконным использованием охраняемых объектов интеллектуальных прав для обучения моделей (этап входа), так и нарушения, касающиеся воспроизведения загруженных объектов, доведения их до всеобщего сведения (распространение, показ произведения) на стадии функционирования систем генеративного ИИ (этап вывода результата). Для баз данных, охраняемых смежным правом, может быть затронуто право извлечения материалов и их использования. Какие именно правомочия и каким образом затрагиваются – зависит от особенностей применяемых технологий.

В зависимости от применимого права суды подробно анализируют наличие критериев допустимого использования охраняемых объектов, исходя из его цели и наличия ограничений, установленных для данного вида использования. В странах общего права актуальная судебная практика подтверждает, что суды применяют к спорным ситуациям критерии добросовестного использования, особо обращая внимание на критерий, связанный с недобросовестной конкуренцией. Достаточно часто в делах обсуждаются вопросы, связанные с нарушениями ответчиками условий веб-сайтов, запрещающих практику веб-скрапинга.

Сложность в таких спорах вызывает доказывание факта использования охраняемых результатов для обучения системы ИИ. В качестве доказательств в ряде случаев применяются ссылки на публичную документацию, в которой разработчики ссылаются на используемые ими наборы данных для обучения (например, в техническом документе), и на включение своих работ в эти наборы данных, если такая информация является общедоступной. Иногда правообладатели основывают выводы об используемых для обучения данных, демонстрируя, что определенные подсказки приводят к результатам, которые могут быть получены только в том случае, если конкретные работы были включены в обучающие данные.

В целом ряде случаев правообладатели не могут доказать реальный ущерб, понесенный в результате несанкционированного использования принадлежащих им прав. В особо невыгодном положении оказываются мелкие правообладатели, которые полагают, что их работы используются для обучения ИИ без их разрешения, но не заявляют претензий в отношении незаконности результатов, которые конкурируют с их оригинальными работами. Особенно критично данное обстоятельство для применения концепции «добросовестного использования» в США, поскольку наличие такой конкуренции является одним из критериев этого использования.

Дальнейшее регулирование может развиваться различным образом, в частности, возможно признание использования охраняемых авторским и смежными правами объектов для обучения систем ИИ одним из случаев свободного использования, с выплатой или без выплаты вознаграждения правообладателю. Одним из предложений является введение исключения из общего правила, требующего положительного согласия правообладателя на использование произведения, и установления презумпции подразумеваемого согласия для случаев использования для целей обучения ИИ. Несмотря на привлекательность такого решения, его практическая реализация с учетом огромного массива данных, используемых для обучения, может создать значительные практические трудности.

Поскольку количество объектов авторских и смежных прав, которые могут быть использованы для обучения ИИ, ограничено, широко обсуждается вопрос о допустимости использования для этих целей материалов, которые были созданы системами ИИ, и правовых последствиях такого использования с учетом различий в подходах к квалификации таких объектов в качестве объектов интеллектуальных прав.

На фоне разнообразия подходов правовых систем к установлению порядка и условий допуска к использованию объектов авторских и смежных прав для целей обучения ИИ появляется всё больше различных вариантов договорного урегулирования отношений разработчиков ИИ и правообладателей.

Российская правовая система пока не предложила законодательных решений задачи согласования целей развития новых технологий ИИ и защиты интеллектуальных прав. Построение возможных моделей затруднено отсутствием судебных precedентов, объяснимым отсутствием какой-либо позиции регуляторов. В российском праве полностью отсутствует понятийный аппарат, отражающий появление новых технологий и связанных ними рынков. В частности, в отличие от законодательства ЕС, не сформулирована дефиниция технологий исследования данных, не определены основные участники отношений по созданию, обучению и развертыванию ИИ. Это еще больше осложняет как положение субъектов, включенных в цепочку подготовки и обработки

данных для обучения систем ИИ, так и положение правоприменителей.

Важными шагами по реализации модели правового регулирования рассматриваемых отношений являются:

- установление в законе статуса и сферы ответственности лиц, участвующих в процессе создания, обучения, развертывания систем ИИ;

- выделение в качестве самостоятельных способов использования объектов авторских и смежных прав – анализа и обработки данных, включающих объекты авторских и ряда смежных прав, для целей обучения ИИ, при одновременном устранении пересечений с другими способами использования, описанными в ГК РФ;

- установление презумпции недопустимости использования объектов авторских и смежных прав для целей обучения ИИ без согласия правообладателя и без выплаты вознаграждения, кроме специально установленных случаев. Возможность свободного использования должна быть обеспечена для научных, исследовательских организаций, образовательных учреждений – без права распоряжения полученными по итогам обработки результатами, а также для личных целей.

Дополнительного обсуждения требуют методики расчета вознаграждения, а также меры по защите личных неимущественных прав авторов. Одним из вариантов решения является создание системы коллективного управления для обеспечения защиты прав правообладателей при использовании охраняемых объектов для целей анализа и обработки данных, используемых для обучения систем ИИ. Вместе с тем выбор этого варианта не исключает необходимости устранения многих ранее отмеченных пробелов в регулировании.

Библиографический список

1. Афанасьева Е. Н., Фурман Д. Д. Правовые аспекты обработки искусственными интеллектуальными системами объектов авторского права в процессе машинного обучения // *Baikal Research Journal*. 2023. Т. 14, № 4. С. 1643–1656.
2. Балашова А. И. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта: единство и дифференциация подходов // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2023. Вып. 3(41). С. 190–206.
3. Будылин С. Л. Дело об изобретательной машине, или Охраняются ли результаты интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта? Комментарий к решению Апелляционного суда Англии и Уэльса от 21.09.2021 по делу *Thaler v. Comptroller General of Patents Trade Marks and Designs* (2021) EWCA Civ. 1374 // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2022. № 5. С. 86–105.

4. *Галлямова А. А.* Авторское право на произведения, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта // Образование и право. 2023. № 4. С. 240–248.
5. *Григорян А. А.* Влияние цифровых технологий на трансграничную защиту интеллектуальной собственности // ИС. Авторское право и смежные права. 2025. № 1. С. 68–74.
6. *Гринь Е. С., Королева А. Г.* Правовая природа объектов, создаваемых с помощью технологий искусственного интеллекта // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 5. С. 15–19.
7. *Гюльбасарова Е. В.* Обеспечение охраны интеллектуальных прав в условиях развития передовых технологий // «Актуальные проблемы российского права». 2024. № 10. С. 81–89.
8. *Зуйков С. А.* О проблеме обучения генеративных нейросетей на объектах, охраняемых авторским правом. URL: <http://ipcmagazine.ru/re-views/on-the-problem-training-generative-neural-networks-objects-protected-by-copyright>
9. *Калятин В. О.* Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта. // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 4. С. 24–50. DOI 10.17323/2072-8166.2022.4.24.50
10. *Калятин О. В.* Комментарий к ст. 1337 ГК // Комментарий к части Четвертой ГК РФ. М.: ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. Т. 1. С. 892.
11. *Курсанова Е. Е.* Обзор основных теорий определения правового режима объектов, созданных искусственным интеллектом // Закон. 2023. № 9. С. 36–46.
12. *Кирьянова Е. В., Романенкова Е. И., Тымчук Ю. А.* Интеллектуальная собственность. Обзор событий в России и за рубежом (второе полугодие 2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. *Клеандров М. И.* Недоправосубъектные экономические образования: что это такое? // Журнал российского права. 2023. № 8. С. 28–40.
14. *Климко Е. И.* Правовые проблемы использования данных для развития технологий искусственного интеллекта // Современное право. 2024. № 12. С. 94–98.
15. *Кольддорф М. А.* Свободное использование объектов авторских и смежных прав при обработке больших данных (Big Data) // Закон. 2021. № 5. С. 142–164.
16. *Кощеев Н. К.* Электронное правосудие: исторические и современные аспекты формирования нормативной базы // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 6. С. 48–50.
17. *Кузьменков М. Ю.* Лицензионные соглашения, используемые при распространении программных пакетов машинного обучения // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 11. С. 73–82.
18. *Мотовилова Д. А.* Перспективы авторско-правовой защиты результатов, созданных системами искусственного интеллекта, с позиции американского права // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 23. С. 56–67.
19. *Павлова Е. А.* Комментарий к ст. 1470 // Комментарий к части Четвертой ГК РФ. М., 2025. Т. 1. С. 588.
20. *Савельев А. И.* Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. М.: Статут, 2024. 620 с.
21. *Степанов П. В.* Культура правотворчества в цифровую эпоху // Журнал российского права. 2024. № 10. С. 17–32.
22. *Талапина Э. В.* Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 25–39.
23. *Тиунова А. И., Павлова-Семин Ю. К., Романова С. К., Оболюнина Ю. О.* Свободное использование объектов авторских и смежных прав в условиях развития цифровых технологий на примере технологии TDM // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 1 (35). С. 29–58.
24. *Тумаков А. В., Петраков Н. А.* Проблемы правовой охраны объектов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта // Цивилист. 2022. № 4. С. 16–28.
25. *Филипова И. А.* Правовое регулирование искусственного интеллекта: учеб. пособие. 3-е изд., обнов. и доп. Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2025. 321 с.
26. *Харитонова Ю. С.* Автономия цифровых платформ генеративного искусственного интеллекта в регулировании отношений с пользователями // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 8. С. 66–75. DOI 10.17803/1994-1471.2024.165.8.066-075
27. *Харитонова Ю. С., Савина В. С.* Правовые вопросы внедрения перспективных технологий межотраслевого назначения в условиях экономики данных // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 4. С. 562–587. DOI 10.17072/1995-4190-2024-66-562-587
28. *Шахназаров Б. А.* Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 9. С. 63–72.
29. *Шахназарова Э. А.* Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологией искусственного интеллекта, на примере опыта Великобритании, США и ЕС // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 2 (32). С. 34–45.
30. *Шахназарова Э. А.* Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологией искусственного интеллекта (опыт Республики Корея и Японии) // Хозяйство и право. 2021. № 6 (533). С. 112–121;

31. Шевелев И. В. Субъектный состав авторов произведений, созданных посредством технологий генеративного искусственного интеллекта: антропоцентрический концепт в судебной практике КНР и России // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2024. Т. 34, вып. 2. С. 360–366.

32. Щербак Н. В. Digital art в условиях электронной коммерции // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 7. С. 43–61.

References

1. Afanasyeva E. N., Furman D. D. Pravovye aspekty obrabotki iskusstvennymi intellektual'nymi sistemami ob"ektov avtorskogo prava v protsesse mashinnogo obucheniya [Legal Issues of Copyright Objects Processing by AI Systems in the Process of Machine Learning. *Baikal Research Journal*. 2023. Vol. 14. Issue 4. Pp. 1643–1656. DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4). 1643-1656 (In Russ.)
2. Balashova A.I. Pravovoy rezhim rezul'tatov deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta: edinstvo i differentsiatsiya podkhodov [The Legal Regime of Artificial Intelligence Outputs: Unity and Differentiation of Approaches]. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam*. 2023. Issue 3 (41). Pp. 190–206. DOI 10.58741/23134852_2023_3_20 (In Russ.)
3. Budylin S. L. Delo ob izobretatel'noy mashine, ili Okhranyayutsya li rezul'taty intellektual'noy deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta? Kommentariy k resheniyu Apellyatsionnogo suda Anglii i Uel'sa ot 21.09.2021 po delu Thaler v. Comptroller General of Patents Trade Marks and Designs (2021) EWCA Civ. 1374 [The Case of the Inventive Machine, or Are the Results of Intellectual Activity of Artificial Intelligence Protected? Commentary on the Ruling of the Court of Appeal of England and Wales Dated 21 September 2021 in Case Thaler v. Comptroller General of Patents, Trade Marks and Designs (2021) EWCA Civ. 1374]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii* – Herald of Economic Justice. 2022. No. 5. Pp. 86–105. (In Russ.)
4. Galliamova A.A. Avtorskoe pravo na proizvedeniya, sozdannye s ispol'zovaniem tekhnologiy iskusstvennogo intellekta [Copyright for Works Created Using Artificial Intelligence Technologies]. *Obrazovanie i pravo* – Education and Law. 2023. Issue 4. Pp. 240–248. DOI 10.24412/2076-1503-2023-4-240-248 (In Russ.)
5. Grigoryan A. A. Vliyaniye tsifrovyykh tekhnologiy na transgranichnyuyu zashchitu intellektual'noy sobstvennosti [The Impact of Digital Technologies on Cross-Border Intellectual Property Protection]. *IS. Avtorskoe pravo i smezhnye prava* – Intellectual Property. Copyright and Related Rights. 2025. Issue 1. Pp. 68–74. (In Russ.)
6. Grin E. S., Koroleva A. G. Pravovaya priroda ob"ektov, sozdavaemykh s pomoshch'yu tekhnologiy iskusstvennogo intellekta [The Legal Nature of Objects Created Using Artificial Intelligence Technologies]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2021. Issue 5. Pp. 15–19. (In Russ.)
7. Gulbasarova E. V. Obespechenie okhrany intellektual'nykh prav v usloviyakh razvitiya peredovykh tekhnologiy [Ensuring Intellectual Rights Protection in the Context of Advanced Technologies Development]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* – Actual Problems of Russian Law. 2024. Issue 10. Pp. 81–89. DOI 10.17803/1994-1471.2024.167.10.081-089 (In Russ.)
8. Zuykov S. A. O probleme obucheniya generativnykh neyrosetey na ob"ektakh, okhranyaemykh avtorskim pravom [On the Problem of Training Generative Neural Networks on Objects Protected by Copyright]. Available at: <http://ipcmagazine.ru/re-views/on-the-problem-training-generative-neural-networks-objects-protected-by-copyright> (In Russ.)
9. Kalyatin V. O. Opredelenie sub"ekta prav na rezul'taty intellektual'noy deyatel'nosti, sozdannye s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta [Establishing of subject of rights to intellectual property created with use of artificial intelligence]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* – Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Vol. 15. Issue 4. Pp. 24–50. (In Russ.)
10. Kalyatin V. O. Commentary to Article 1337 of the Civil Code. *Kommentariy k chasti Chetvertoy GK RF* – Commentary to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow, 2018. Vol. 1. P. 892. (In Russ.)
11. Kirsanova E. E. Obzor osnovnykh teoriy opredeleniya pravovogo rezhima ob"ektov, sozdannykh iskusstvennym intellektom [Review of Main Theories of Determining the Legal Regime of Objects Created by Artificial Intelligence]. *Zakon*. 2023. Issue 9. Pp. 36–46. DOI 10.37239/0869-4400-2023-20-9-36-46 (In Russ.)
12. Kiryanova E. V., Romanenkova E. I., Tymchuk Yu. A. *Intellektual'naya sobstvennost'. Obzor sobytiy v Rossii i za rubezhom (vtoroe polugodie 2024 g.)* [Intellectual Property. Review of Events in Russia and Abroad (Second Half of 2024)]. Access from the legal reference system KonsultantPlyus. 2024. (In Russ.)
13. Kleandrov M. I. Nedopravosub"ektnye ekonomicheskie obrazovaniya: chto eto takoe? [Non Legal Economic Entities: What is That?]. *Journal of Russian Law*. 2023. Issue 8. Pp. 28–40. DOI 10.61205/jrp.2023.089 (In Russ.)
14. Klimko E. I. Pravovye problemy ispol'zovaniya dannykh dlya razvitiya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta [Legal Problems of Using Data for the Development of Artificial Intelligence Technologies]. *Sovremennoe pravo*. 2024. Issue 12. Pp. 94–98. DOI 10.25799/NI.2024.19.76.018 (In Russ.)
15. Kolsdorf M. A. Svobodnoe ispol'zovanie ob"ektov avtorskikh i smezhnykh prav pri obrabotke bol'shikh dannykh (Big Data) [Free Use of Copyright and Related Rights in Big Data Processing]. *Zakon*. 2021. Issue 5. Pp. 142–164. DOI 10.37239/0869-4400-2021-165-142-164 (In Russ.)

16. Koshcheev N. K. Elektronnoe pravosudie: istoricheskie i sovremennye aspekty formirovaniya normativnoy bazy [E-Justice: Historical and Modern Aspects of the Formation of the Regulatory Framework]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* – State Power and Local Self-Government. 2023. Issue 6. Pp. 48–50. DOI 10.18572/1813-1247-2023-6-48-50 (In Russ.)
17. Kuzmenkov M. Yu. Litsenzyonnye soglasheniya, ispol'zuemye pri rasprostraneniі programmnykh paketov mashinnogo obucheniya [License Agreements Used in Distribution of Machine Learning Software Packages]. *Actual Problems of Russian Law*. 2023. Issue 11. Pp. 73–82. DOI 10.17803/1994-1471.2023.156.11.073-082 (In Russ.)
18. Motovilova D. A. Perspektivy avtorsko-pravovoy zashchity rezul'tatov, sozdannykh sistemami iskusstvennogo intellekta, s pozitsii amerikanskogo prava [Prospects for Copyright Protection of Results Created by Artificial Intelligence Systems from the Perspective of American Law]. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam* – Journal of the Court for Intellectual Rights. 2019. Issue 23. Pp. 56–67. (In Russ.)
19. Pavlova E. A. Commentary to Article 1470. *Kommentariy k chasti Chetvertoy GK RF* [Commentary to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, 2025. Vol. 1. P. 588. (In Russ.)
20. Savel'ev A. I. *Pravovye aspekty razrabotki i kommersializatsii programmnoy obespecheniya* [Legal Aspects of Software Development and Commercialization]. Moscow, 2024. 620 p. (In Russ.)
21. Stepanov P. V. Kul'tura pravotvorchestva v tsifrovuyu epokhu [Lawmaking Culture in the Digital Age]. *Journal of Russian Law*. 2024. Issue 10. Pp. 17–32. DOI 10.61205/jrp.2024.10.2 (In Russ.)
22. Talapina E. V. Algoritmy i iskusstvennyy intellekt skvoz' prizmu prav cheloveka [Algorithms and Artificial Intelligence in the Human Rights Context]. *Journal of Russian Law*. 2020. Issue 10. Pp. 25–39. DOI 10.12737/jrl.2020.118 (In Russ.)
23. Tiunova A. I., Pavlova-Semion Yu. K., Romanova S. K., Obolonina Yu. O. Svobodnoe ispol'zovanie ob"ektov avtorskikh i smezhnykh prav v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy na primere tekhnologii TDM [Free Use of Copyright and Related Rights Objects in the Context of Digital Technologies Development on the Example of TDM Technology]. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam* – Journal of the Court for Intellectual Rights. 2022. Issue 1(35). Pp. 29–58. (In Russ.)
24. Tumakov A. V., Petrakov N. A. Problemy pravovoy okhrany ob"ektov, sozdannykh s ispol'zovaniem tekhnologiy iskusstvennogo intellekta [Problems of Legal Protection of Objects Created Using Artificial Intelligence Technologies]. *Tsivilist*. 2022. Issue 4. Pp. 16–28. (In Russ.)
25. Filipova I. A. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta [Legal Regulation of Artificial Intelligence]. 3 ed. Nizhny Novgorod, 2025. 321 p. (In Russ.)
26. Kharitonova Y. S. Avtonomiya tsifrovyykh platform generativnogo iskusstvennogo intellekta v regulirovaniі otnosheniy s pol'zovatelyami [Autonomy of Generative AI Digital Platforms in Regulating Relations with Users]. *Actual Problems of Russian Law*. 2024. Issue 8. Pp. 66–75. DOI 10.17803/1994-1471.2024.165.8.066-075 (In Russ.)
27. Kharitonova Yu. S., Savina V. S. Pravovye voprosy vnedreniya perspektivnykh tekhnologiy mezhotraslevogo naznacheniya v usloviyakh ekonomiki dannykh [Legal Issues of Introducing Advanced Cross-Sectoral Technologies in the Data Economy]. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2024. Issue 4. Pp. 562–587. DOI 10.17072/1995-4190-2024-66-562-587 (In Russ.)
28. Shakhnazarov B. A. Pravovoe regulirovanie otnosheniy s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta [Legal Regulation of Relations Using Artificial Intelligence]. *Actual Problems of Russian Law*. 2022. Issue 9. Pp. 63–72. (In Russ.)
29. Shakhnazarova E. A. Pravovoe regulirovanie otnosheniy, voznikaiushchikh po povodu ob"ektov intellektual'noi sobstvennosti, sozdannykh tekhnologii iskusstvennogo intellekta, na primere opyta Velikobritanii, SSHA i ES [Legal Regulation of Relations Concerning Intellectual Property Objects Created by Artificial Intelligence Technology: Experience of the UK, USA and EU]. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam* – Journal of the Court for Intellectual Rights. 2021. Issue 2 (32). Pp. 34–45. (In Russ.)
30. Shakhnazarova E. A. Pravovoe regulirovanie otnosheniy, voznikaiushchikh po povodu ob"ektov intellektual'noi sobstvennosti, sozdannykh tekhnologii iskusstvennogo intellekta (opyt Respubliki Koreya i Yaponii) [Legal Regulation of Relations Concerning Intellectual Property Objects Created by Artificial Intelligence Technology (Experience of the Republic of Korea and Japan)]. *Khozyaystvo i pravo* – Economy and Law. 2021. Issue 6 (533). Pp. 112–121. (In Russ.)
31. Shevelev I. V. Sub"ektnyy sostav avtorov proizvedeniy, sozdannykh posredstvom tekhnologiy generativnogo iskusstvennogo intellekta: antropotsentricheskyy kontsept v sudebnoy praktike KNR i Rossii [Subjective Composition of Authors of Works Created by Means of Generative Artificial Intelligence Technologies: Anthropocentric Concept in the Judicial Practice of the PRC and Russia]. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2024. Vol. 34. Issue 2. Pp. 360–366. DOI 10.35634/2412-9593-2024-34-2-360-366 (In Russ.)
32. Shcherbak N. V. Digital art v usloviyakh elektronnoy kommercii [Digital Art in the Context of E-Commerce]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava* – Intellectual Property. Copyright and Related Rights. 2022. No. 7. Pp. 43–61. (In Russ.)

Информация об авторах:

Л. А. Новоселова

Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
заведующая кафедрой интеллектуальных прав

Московский государственный юридический
университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

ORCID: 0000-0001-8463-178X
ResearcherID: G-5278-2017

Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI 10.17072/1995-4190-2017-37-334-349

О. А. Рузакова

Доктор юридических наук,
профессор кафедры интеллектуальных прав

Московский государственный юридический
университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;

профессор кафедры международного частного и
гражданского права им. С.Н. Лебедева

Московский государственный институт международных
отношений (университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации
119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76;

заместитель руководителя аппарата
Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному
и процессуальному законодательству

Государственная Дума Федерального Собрания РФ
103265, Россия, г. Москва, ул. Охотный Ряд, 1

ORCID: 0000-0002-7746-399X
ResearcherID: AAO-7746-2014

Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI 10.17072/1995-4190-2017-37-334-349
DOI 10.17072/1995-4190-2017-38-508-520
DOI 10.17072/1995-4190-2018-42-685-699
DOI 10.17072/1995-4190-2020-49-502-523

Е. С. Гринь

Кандидат юридических наук,
заместитель заведующего кафедрой интеллектуальных прав

Московский государственный юридический
университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

ORCID: 0000-0002-9630-1742
ResearcherID: F-5817-2016

Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI 10.17072/1995-4190-2017-38-508-520
DOI 10.17072/1995-4190-2018-42-685-699
DOI 10.17072/1995-4190-2020-49-502-523

About the authors:

L. A. Novoselova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovo-Kudrinskaya, Moscow, 125993, Russia

ORCID: 0000-0001-8463-178X
ResearcherID: G-5278-2017

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI 10.17072/1995-4190-2017-37-334-349

O. A. Ruzakova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovo-Kudrinskaya, Moscow, 125993, Russia

MGIMO University
76, prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

State Duma of the Federal Assembly of the Russian
Federation
1, Okhotny Ryad, Moscow, 103265, Russia

ORCID: 0000-0002-7746-399X
ResearcherID: AAO-7746-2014

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI 10.17072/1995-4190-2017-37-334-349
DOI 10.17072/1995-4190-2017-38-508-520
DOI 10.17072/1995-4190-2018-42-685-699
DOI 10.17072/1995-4190-2020-49-502-523

E. S. Grin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovo-Kudrinskaya, Moscow, 125993, Russia

ORCID: 0000-0002-9630-1742
ResearcherID: F-5817-2016

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI 10.17072/1995-4190-2017-38-508-520
DOI 10.17072/1995-4190-2018-42-685-699
DOI 10.17072/1995-4190-2020-49-502-523

Информация для цитирования:

Иншакова А. О., Матыцин Д. Е., Балтутите И. В. Правовое обеспечение «цифровой зрелости» сельского хозяйства как ключевой отрасли экономики: семейное предпринимательство в производстве органической продукции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 2(72). С. 359–375. DOI 10.17072/1995-4190-2026-71-359-375. EDN EWOGZ

Inshakova A. O., Matytsin D. E., Baltutite I. V. Pravovoe obespechenie «tsifrovoi zrelosti» sel'skogo khozyaistva kak klyuchevoi otrasli ehkonomiki: semeinoe predprinimatel'stvo v proizvodstve organicheskoi produktsii [Legal Framework for Ensuring the “Digital Maturity” of Agriculture as a Key Sector of the Economy: Family Entrepreneurship in Organic Production]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 2(72). Pp. 359–375. DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-359-375. EDN EWOGZ (In Russ.)

УДК 349.42

DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-359-375

EDN <https://elibrary.ru/ewogez>

EDN EWOGZ

**Правовое обеспечение «цифровой зрелости»
сельского хозяйства как ключевой отрасли экономики:
семейное предпринимательство в производстве
органической продукции**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-00269
«Умное» сельское хозяйство и LegalTech в агропромышленном комплексе: правовая модель “Агро 4.0”
в условиях устойчивого развития» (руководитель – А. О. Иншакова)*

А. О. ИншаковаКубанский государственный
университетE-mail: ainshakova@list.ru**Д. Е. Матыцин**Кубанский государственный
университетE-mail: dmatytsin@ya.ru**И. В. Балтутите**Кубанский государственный
университетE-mail: u938om@yandex.ru**Статья поступила в редакцию 12.12.2025**

Введение: цифровизация органического сельского хозяйства представляет собой многогранный процесс, затрагивающий технологическую, экономическую и правовую сферы. Для семейных фермерских хозяйств, являющихся основой устойчивого сельского развития, внедрение цифровых технологий способно открыть новые горизонты. В то же время малые фермы сталкиваются с особыми трудностями на пути цифровой трансформации. **Цель:** анализ актуальных проблем семейных фермерских хозяйств в контексте цифровой трансформации органического сельского хозяйства в России, обоснование и разработка правовых и институциональных механизмов, направленных на решение проблем, выявленных в результате проведенного анализа. **Методы:** сравнительно-правовой, формально-логический, диалектический методы, а также метод правового моделирования. **Результаты:** доказана целесообразность законодотворческих решений, способствующих развитию органического земледелия. Обоснована необходимость дополнения Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» специальной статьей, включающей меры по государственному стимулированию и поддержке внедрения цифровых технологий в органическое сельское хозяйство России. Рекомендуется также дополнить Земельный кодекс РФ нормой, учитывающей специфику земельных участков, на которых выращивается органическая продукция и которые по технологии не должны граничить

© Иншакова А. О., Матыцин Д. Е., Балтутите И. В., 2026

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

с участками обычного сельскохозяйственного производства. Обосновано предложение о дополнении статьи 79 Земельного кодекса РФ указанием на то, что органические земельные участки относятся к разновидности особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий с распространением на них режима особой охраны. Определен ряд правовых и институциональных механизмов, которые призваны способствовать успешной цифровизации органического сельского хозяйства. **Выводы:** в России сформирована базовая правовая основа органического производства, что позволило обеспечить наметившийся курс на поддержку инноваций в агросекторе, однако остается актуальным решение задач, связанных с интеграцией цифровых инструментов в практику семейных ферм.

Ключевые слова: цифровизация; предпринимательская деятельность; правовое регулирование предпринимательства; семейное предпринимательство; семейные фермерские хозяйства; интернет вещей; органическая продукция; устойчивое развитие; сельское хозяйство; малый бизнес; экологические стандарты; правовое регулирование производства органической продукции; LegalTech

Legal Framework for Ensuring the “Digital Maturity” of Agriculture as a Key Sector of the Economy: Family Entrepreneurship in Organic Production

The research was carried out with the financial support from the Russian Science Foundation, project No. 25-28-00269 "Smart agriculture and LegalTech in the agro-industrial complex: the legal model "Agro 4.0" in the context of sustainable development" (project supervisor: A. O. Inshakova)

A. O. Inshakova
Kuban State University
E-mail: ainshakova@list.ru

D. E. Matytsin
Kuban State University
E-mail: dmatytsin@ya.ru

I. V. Baltutite
Kuban State University
E-mail: u938om@yandex.ru

Received 12 Dec 2025

Introduction: the digitalization of organic agriculture is a multifaceted process that affects the technological, economic, and legal spheres. For family farms, which are the foundation of sustainable rural development, the introduction of digital technologies can open up new horizons. However, small farms face specific challenges in the process of digital transformation. The **purpose** of this article is to analyze the current issues faced by family farms in the context of the digital transformation of organic agriculture in Russia as well as to propose legal and institutional mechanisms to address the challenges identified through this analysis. **Methods:** the study employed comparative legal, formal-logical, and dialectical methods, as well as the method of legal modeling. **Results:** the article proves the expediency of legislative solutions promoting the development of organic farming. It substantiates the need to supplement Federal Law No. 280-FZ of August 3, 2018, "On Organic Products and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation," with a special article that would establish state measures aimed at stimulating and supporting the introduction of digital technologies in organic agriculture in Russia. It is also recommended that the Land Code of the Russian Federation be supplemented with a provision taking into account the specific features of land plots where organic products are grown, as these should not be adjacent to conventional agricultural plots. The authors substantiate the proposal to amend Article 79 of the Land Code of the Russian Federation with the indication that organic land plots are a type of highly valuable productive agricultural lands subject to special protection. The study also identifies a number of legal and institutional mechanisms facilitating the successful digitalization of organic agriculture. **Conclusions:** there has been established a basic legal framework for organic production in Russia, which enables the country to pursue a policy of supporting innovation in the agricultural sector. However, there is still much work to be done to integrate digital tools into the practices of family farms.

Keywords: digitalization; entrepreneurial activity; legal regulation of entrepreneurship; family entrepreneurship; family farms; Internet of Things; organic products; sustainable development; agriculture; small business; environmental standards; legal regulation of organic production; LegalTech

Введение

Цифровая трансформация аграрного сектора в последние годы стала одним из ключевых направлений его развития как в мире, так и в России [5, с. 90]. Государства и ряд международных организаций считают цифровизацию сельского хозяйства одним из инструментов повышения продуктивности, устойчивости и экологичности агропроизводства. В Российской Федерации значимость этого курса подтверждена на высшем уровне: Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» установил цель – достижение к 2030 году «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления и ключевых отраслей экономики (к числу которых относится и сельское хозяйство).

В современных условиях развития цифровой экономики агропромышленный комплекс приобретает стратегическое значение как ключевая отрасль, обеспечивающая продовольственную безопасность государства и устойчивость национальной экономики. При этом традиционные методы ведения сельского хозяйства демонстрируют ограниченную эффективность в условиях высокой конкуренции, климатической нестабильности и роста требований к качеству продукции. Особо значимым становится переход к модели «цифровой зрелости», предполагающей внедрение информационно-коммуникационных технологий, алгоритмов управления, автоматизации производственных процессов и платформенных решений.

Цифровизация производства сельскохозяйственной продукции важна не только для крупных агрохолдингов, но и для малого (среднего) семейного сельскохозяйственного предпринимательства, представленного главным образом крестьянскими (фермерскими) хозяйствами. В настоящий момент определение семейного предпринимательства в российском законодательстве отсутствует, хотя в научной литературе уже неоднократно обосновывалась важность четкой правовой регламентации мер по его поддержке исходя из экономических и социальных соображений [11, с. 56–57]. Последние заключаются в создании экономических предпосылок поддержки семьи, сокращении числа разводов, повышении уровня жизни сельских жителей, включая детей. Семейное предпринимательство может способствовать развитию здоровой конкуренции, расширению ассортимента продукции, повышению качества товаров [16, с. 19–25]. В аграрном секторе семейный бизнес выполняет функцию извлечения прибыли,

обеспечивает самозанятость активного населения, создает новые рабочие места (сокращение безработицы), укрепляет институт семьи и осуществляет воспитательную функцию посредством вовлечения детей в посильную трудовую деятельность [12, с. 283–290], содействует сохранению традиционных способов ведения хозяйства, экологизации сельскохозяйственного производства, улучшает качество жизни граждан [19, с. 8–13]. По мнению экспертов, вклад семейного бизнеса в экономику весьма значителен: 99 % фермерской продукции выращивают семейные предприниматели¹. Увеличение мер поддержки и стимулирования семейного бизнеса возможно как посредством принятия отдельного Федерального закона «О семейном предпринимательстве» [7, с. 101], так и путем внесения изменений в существующие законы. Следует согласиться с высказанным в юридической литературе мнением о том, что семейным предпринимательством является самостоятельная, инициативная, систематическая, на собственный риск и под свою имущественную ответственность деятельность в любой легальной организационно-правовой форме, осуществляемая членами семьи не только в целях получения прибыли, но и для достижения экономических и социальных результатов, направленных на удовлетворение имущественных потребностей и гармонизацию интересов семьи в преодолении социально-экономических проблем [4, с. 112].

В рамках аграрного сектора экономики наиболее перспективным для малого семейного бизнеса является выращивание органической (экологически чистой) продукции с использованием экологически безопасных методов и без применения пестицидов и агрохимикатов. Органическое земледелие требует строгого соблюдения стандартов и прослеживаемости продукции, что делает внедрение цифровых технологий особенно актуальным. Заметим, что понятие цифровизации в сельском хозяйстве охватывает широкий спектр современных информационных технологий, применяемых для сбора, обработки и использования данных в агропроизводстве. К ним относят мобильные приложения, датчики и сенсоры (для мониторинга сельскохозяйственных культур), интернет вещей, большие данные, робототехнику, искусственный интеллект, технологии блокчейн и т. д. Иными словами, цифровизация предполагает переход от традиционных методов управления аграрным производством к использованию информационных технологий, позволяющих более точно планировать и контролировать сельскохозяйственные процессы в режиме реального времени.

¹ Развивается региональное законодательство по семейному предпринимательству. URL: <https://xn--14-9kcqjffxn3b.xn--p1ai/news/razvivaetsya-regionalnoe-zakonodatelstvo-po-sejnomu-predprinimatelstvu/>

Нормативно-правовое регулирование цифровизации сельского хозяйства и органического производства

Нормативно-правовое регулирование цифровизации сельского хозяйства и производства органической продукции формируется как комплексная система правовых институтов, направленных на обеспечение устойчивого развития агропромышленного комплекса в условиях цифровой экономики. Данный процесс характеризуется интеграцией отраслевого аграрного законодательства, норм экологического права, актов в сфере цифровых технологий, а также стратегических документов государственного планирования, что обусловлено междисциплинарным характером цифровой трансформации сельского хозяйства.

Ключевым элементом правового обеспечения органического производства в Российской Федерации выступает Федеральный закон № 280-ФЗ «Об органической продукции», который закрепляет правовые основы производства, хранения, транспортировки, маркировки и реализации органической продукции. Данный нормативный акт вводит легальное определение органической продукции, устанавливает требования к технологическим процессам, исключающим использование синтетических удобрений, генетически модифицированных организмов и химических средств защиты растений, а также формирует институт обязательной сертификации и государственного контроля. Принятие указанного закона ликвидировало ранее существовавший нормативный вакуум и обеспечило институционализацию рынка органической продукции, который характеризуется устойчивым ростом спроса и высокой степенью регулирования [21, с. 110].

Важной составляющей правового механизма является система национальных стандартов (ГОСТ), гармонизированных с международными требованиями, включая стандарты Codex Alimentarius и IFOAM, что способствует интеграции российских производителей в глобальные цепочки поставок органической продукции [21]. Установленные стандарты регламентируют технологические параметры производства, требования к экологической безопасности, процедурам сертификации и маркировки, что обеспечивает транспарентность и прослеживаемость продукции на всех этапах жизненного цикла.

Одновременно с развитием нормативной базы органического производства формируется правовое обеспечение цифровизации сельского хозяйства. Базовым актом в данной сфере является Федеральный закон № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства», который определяет государственную аграрную политику, включая меры поддержки внедрения инновационных и цифровых технологий. В рамках реализации данного закона осуществляется государственное стимулирование модернизации сельскохозяйственного производства, внедрения автоматизированных систем управления, цифровых платформ и технологий обработки больших данных.

Стратегический вектор цифровой трансформации аграрного сектора закреплён в Распоряжении Правительства РФ № 3971-р, определяющем направления цифровой трансформации агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов до 2030 года. В документе предусматривается создание единого цифрового контура отрасли, включающего информационные системы мониторинга, платформенные решения для управления производственными процессами, а также внедрение технологий искусственного интеллекта, интернета вещей и робототехники. Указанные меры направлены на повышение эффективности использования ресурсов, снижение производственных рисков и оптимизацию управленческих решений.

Следует отметить, что нормативно-правовое обеспечение цифровизации сельского хозяйства носит динамичный характер и сталкивается с проблемой адаптации к быстро меняющимся технологическим условиям. Как показывают исследования, существующая правовая база характеризуется фрагментарностью и недостаточной согласованностью, что затрудняет комплексное внедрение цифровых решений, особенно в сегменте малого и семейного предпринимательства [8, с. 22].

Таким образом, нормативно-правовое регулирование цифровизации сельского хозяйства и органического производства представляет собой сложную, многоуровневую систему, обеспечивающую формирование условий для устойчивого развития аграрного сектора. Оно направлено на интеграцию инновационных технологий в производственные процессы, повышение эффективности управления и обеспечение экологической безопасности продукции. В то же время дальнейшее совершенствование правовой базы требует устранения существующих пробелов, повышения адаптивности законодательства и разработки комплексных механизмов поддержки цифровой трансформации сельского хозяйства.

Цифровые технологии и алгоритмы управления в агропромышленном комплексе

Цифровые технологии в агропромышленном комплексе формируют новую модель организации производства, при которой управленческое решение основывается не на интуитивной оценке, а на верифицированных данных, получаемых в режиме, близком к реальному времени. Для АПК это особенно значимо, поскольку отрасль одновременно зависит от природно-климатических факторов, биологической вариативности объектов, сезонности, пространственной рассредоточенности активов и высокой чувствительности к рискам, связанным с погодой, биозаболеваниями, логистическими сбоями и колебаниями рыночной конъюнктуры. Именно поэтому современное сельское хозяйство развивается в направлении киберфизической системы, в которой сенсоры, телеметрия, спутниковые данные, программные платформы и

алгоритмы поддержки принятия решений образуют единый контур управления [9, с. 62]. На стратегическом уровне это отражено в Распоряжении Правительства РФ № 3971-р, определившем цифровую трансформацию отрасли АПК до 2030 года как долгосрочный государственный приоритет.

Наиболее зрелым направлением выступает точное земледелие, представляющее собой технологический комплекс, основанный на пространственно-дифференцированном управлении агрооперациями. Его ядро составляют глобальные навигационные системы, геоинформационные решения, мультиспектральная аэрофотосъемка, датчики влажности и плотности почвы, а также модули аналитической интерпретации получаемых массивов данных. В практическом выражении это означает, что поле рассматривается не как однородная площадка, а как совокупность микрозон с различными характеристиками плодородия и влагосодержания, для каждой из которых формируется отдельная карта-задание. В результате минеральные удобрения, средства защиты растений и семенной материал распределяются адресно, а не по усредненной схеме. Подобный подход повышает ресурсную эффективность и снижает технологические потери, что особенно важно для хозяйств, работающих в условиях ограниченного оборотного капитала [10, с. 147].

Важное значение приобретают технологии интернета вещей, которые обеспечивают непрерывную телеметрию сельскохозяйственных объектов. Датчики температуры, влажности, кислотности, электропроводности, уровня CO₂, движения и вибрации позволяют собирать данные в круглосуточном режиме и передавать их в аналитические центры через беспроводные каналы связи. В животноводстве это дает возможность контролировать микроклимат помещений, качество кормления, водопотребление, физиологическое состояние стада и поведенческие отклонения животных. На практике именно сенсоризация становится основой раннего выявления заболеваний, стресса, снижения продуктивности и технологических сбоев. Исследования по экономической эффективности цифровых решений в животноводстве показывают, что автоматизация критических процессов – доения, кормораздачи, климат-контроля и мониторинга состояния стада – снижает влияние человеческого фактора и повышает устойчивость производственного режима [2, с. 60].

Отдельного внимания заслуживают роботизированные комплексы, применяемые как в растениеводстве, так и в животноводстве. В агросекторе роботы выполняют операции посева, междурядной обработки, сортировки, перемещения и первичной переработки продукции, а в животноводстве – доения, кормления, навозоудаления и дезинфекции помещений. Такая автоматизация основана на принципе повторяемости, высокой точности и стандартизации технологических действий, что уменьшает вариативность качества и снижает зависимость от дефицита

рабочей силы. Согласно исследованиям по роботизации АПК именно интеграция робототехнических средств с цифровыми системами управления позволяет переходить к непрерывным производственным линиям, где корректировка параметров выполняется не вручную, а автоматически – на основе данных от сенсоров и заданных алгоритмов [6, с. 235]. Для растениеводческих предприятий это особенно значимо в период пиковых нагрузок, когда временной лаг между агротехническим мероприятием и его исполнением напрямую влияет на конечную урожайность; для животноводческих комплексов – в силу необходимости строгого соблюдения санитарных, кормовых и зоотехнических регламентов.

Алгоритмы принятия решений в АПК реализуются через системы поддержки принятия решений, которые соединяют статистические модели, машинное обучение, экспертные базы знаний и оперативные данные производства. Их назначение заключается в том, чтобы преобразовать разнотипную информацию в управленческую рекомендацию, обладающую измеримым экономическим эффектом. В растениеводстве такие алгоритмы позволяют прогнозировать сроки сева, нормы высева, объемы удобрений, вероятность развития болезней и ожидаемую урожайность; в животноводстве – оценивать рацион, динамику привесов, риск мастита, репродуктивные показатели и вероятность выбытия животных. С практической точки зрения это означает переход от ретроспективного управления к предиктивному и проактивному. Именно поэтому цифровые платформы становятся не вспомогательным, а центральным звеном хозяйственной системы: они обеспечивают сбор первичных данных, их нормализацию, агрегацию и последующую аналитическую обработку [13, с. 169].

Важнейшее значение имеет использование цифровых технологий в планировании и управлении проектами. В агропромышленном комплексе проектный подход применяется при строительстве и модернизации молочных ферм, элеваторов, тепличных комплексов, овощехранилищ, линий переработки и логистических центров. При этом цифровая среда позволяет проводить календарно-сетевое планирование, оценку критического пути, мониторинг выполнения работ, прогнозирование отклонений по срокам и бюджету, а также риск-менеджмент. В рамках ведомственного проекта «Цифровое сельское хозяйство» был определен общий бюджет в размере 300 млрд руб., из которых 50,6 % приходилось на федеральный бюджет, 2,7 % – на региональные бюджеты и 46,7 % – на внебюджетные источники; наибольшая доля расходов, 77,7 %, была связана с созданием и внедрением национальной платформы цифрового государственного управления сельским хозяйством, 15 % – с модулем «Агрорешения», а 3,5 % – с системой непрерывной подготовки специалистов [7, с. 235].

Итак, цифровые технологии в АПК изменяют саму природу управленческого труда. Если ранее ключевым ресурсом считались опыт, личные связи и

ручной контроль, то в современных условиях приоритет смещается к способности работать с данными, интерпретировать аналитические отчеты, корректно задавать параметры алгоритмов и принимать решения на основе доказательной информации.

**Внедрение цифровых технологий
в сельское хозяйство:
преимущества и международная практика**

Органическим семейным фермам необходимо соблюдать строгие природоохранные требования (отказ от пестицидов, использование биологических средств защиты растений, режим севооборотов и т. п.) и документировать производственные процессы. Цифровые инструменты облегчают эту задачу, позволяя автоматически собирать информацию о каждом этапе производства и обеспечивать прозрачность и прослеживаемость продукции для потребителей и органов государственного надзора (контроля). Международная практика свидетельствует о том, что внедрение цифровых технологий в сельское хозяйство способствует росту добавленной стоимости и достижению климатических целей в сельском хозяйстве. В частности, стратегия Европейского союза «От фермы к вилке», которая является ключевой частью Европейского зеленого курса, нацелена на цифровизацию аграрного сектора как средства повышения устойчивости и снижения воздействия на климат [29]. Таким образом, для органических хозяйств цифровизация служит базисом для дальнейшего устойчивого развития аграрного производства, помогая сочетать высокое качество экологически чистой продукции с эффективностью и конкурентоспособностью сельских товаропроизводителей. Ниже представлен ряд конкретных цифровых технологий, применяемых (в разном объеме) в отдельных странах мира, которые могут представлять интерес и для российских производителей органической продукции.

1. Датчики и интернет вещей (IoT) – сеть полевых сенсоров и метеостанций, собирающих данные о влажности почвы, температуре¹, уровне освещенности, состоянии растений и т. д. [27, с. 1–16]. Например, недорогие почвенные датчики в режиме реального времени могут информировать фермера о потребностях полей во влаге, помогая оптимизировать орошение и подкормку растений.

2. Геоинформационные системы и спутниковые данные – технологии дистанционного зондирования Земли, предоставляющие изображения полей в разных спектрах. На их основе составляются карты уро-

жайности, выявляются проблемные зоны (очаги сорняков, болезни растений) и принимаются адресные меры. Спутниковый мониторинг всё шире применяется и в органическом сельском хозяйстве, позволяя, например, оценивать углеродный след и контролировать соблюдение природоохранных требований на больших территориях.

3. Робототехника и дроны – беспилотные летательные аппараты и наземные роботы, выполняющие трудоемкие операции. В органическом земледелии зарубежные страны особую популярность приобретают роботы для механической борьбы с сорняками, поскольку применение пестицидов запрещено. Например, в Германии и США уже используются опытные образцы роботизированных установок, способных с помощью камер и ИИ идентифицировать сорняки и устранять их точно без участия человека². Дроны уже применяются для аэросъемки полей и точечного внесения биопрепаратов – они способны адресно распылять биопестициды или выпускать насекомых-энтомофагов³.

4. Цифровые платформы и программное обеспечение – фермерские информационные системы управления хозяйством и мобильные приложения, помогающие планировать работы, вести электронные журналы агротехнологических операций, рассчитывать нормы органических удобрений и отслеживать затраты. Для малых ферм доступны облачные сервисы, где фермер может в удобной форме хранить все данные о своем хозяйстве – от посевных планов до результатов почвенных анализов. Это упрощает подготовку к сертификации органической продукции и подтверждает соблюдение необходимых процедур [24, с. 102].

5. Блокчейн и системы прослеживаемости – распределенные реестры всё чаще применяются для прослеживаемости органической продукции. Они могут фиксировать каждую стадию движения товара – от поля до прилавка. Покупатель с помощью QR-кода на упаковке может узнать, на какой ферме и когда выращен продукт, чем удобрялся и через какого переработчика прошел.

Подобные пилотные проекты уже реализуются в ряде стран, повышая доверие потребителей к органическим брендам и защищая от фальсификации произведенную продукцию. При этом перечисленные выше технологии не существуют автономно, а дополняют друг друга, формируя единый цифровой аграрно-экосистемный подход.

На практике семейная ферма может начать с относительно простых элементов – например, уста-

¹ Morrison O. The adoption conundrum... EU plans to tackle insufficient take-up of agricultural digital solutions among small farmers. 2024. URL: <https://www.agtechnavigator.com/Article/2024/01/03/EU-plans-to-tackle-insufficient-take-up-of-agricultural-digital-solutions-among-small-farmers/#:~:text=%E2%80%9CDigital%20farming%20solutions%20keep%20expanding%2C%E2%80%9D,%E2%80%9D>

² Kruzman D. AI Could Help Small Organic Farmers, Someday. 2024. URL: <https://ambrook.com/research/technology/ai-weeder-robotics-data-collection>.

³ Ingram J., Maye D. What Are the Implications of Digitalisation for Agricultural Knowledge? 2020. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsufs.2020.00066/full>

новки автоматической метеостанции и ведения электронного журнала вместо бумажного. Постепенно интегрируя новые инструменты (дрон для съемки полей, мобильное приложение для учета затрат, онлайн-рынок для сбыта продукции и т. д.), даже небольшое фермерское хозяйство сможет выстроить собственную цифровую экосистему.

Всё больше цифровых технологий становятся доступнее по стоимости и проще в использовании, что открывает возможности для их внедрения не только агрохолдингами, но и семейными фермами. Внедрение цифровых технологий приносит ряд ощутимых выгод для семейных органических хозяйств – как в экономическом, так и в экологическом и социальном плане.

Во-первых, повышается эффективность производства. Автоматизированный сбор данных и системы поддержки принятия решений позволяют оптимизировать использование ресурсов: воды, органических удобрений, кормов. Это важно для органического земледелия ввиду его ограниченных возможностей (например, нельзя использовать минеральные удобрения, нужно максимально рационально использовать органические). В результате цифровизация ведет к снижению издержек и росту доходности даже на малых семейных фермах.

Во-вторых, цифровизация способствует росту экологической устойчивости органического земледелия. Постоянный мониторинг полей (через датчики и спутники) дает возможность своевременно обнаруживать проблемы и оперативно принимать меры биологической защиты до того, как ущерб станет серьезным. Это помогает сохранить урожай без применения запрещенной химии. Точные земледельческие технологии позволяют дифференцированно вносить органическую подкормку только там, где это необходимо, избегая избыточного удобрения. В результате снижается нагрузка на почвы и водные объекты. Не случайно около 80 % опрошенных социологами немецких фермеров считают, что аграрная цифровизация позволяет вести более экологичное производство¹.

В-третьих, цифровые решения открывают новые рынки сбыта и возможности маркетинга для семейных ферм. Онлайн-платформы и социальные сети позволяют мелким производителям органики напрямую выходить к потребителю, минуя длинные посреднические цепочки². Создание цифровых витрин (интернет-магазинов фермерской продукции, участие в электронных фермерских рынках) расширяет аудиторию покупателей, заинтересованных в экологических продуктах. Кроме того, за счет технологий прослеживаемости фермер может доказательно рассказать историю своего товара, что повышает

доверие потребителей. Улучшение коммуникации с клиентами – это еще один позитивный эффект цифровизации. Например, ведение страницы хозяйства в соцсетях и рассылка новостей подписчикам позволяют сформировать вокруг фермы сообщество постоянных покупателей, разделяющих ценности органического питания. Наконец, цифровизация позитивно влияет и на качество управленческих решений фермера. Имея перед глазами точные данные (о погоде, состоянии почвы, финансовых показателях хозяйства), семья фермеров (даже без специального агрономического образования) может принимать обоснованные решения и планировать развитие своего хозяйства. В итоге повышается устойчивость семейного бизнеса: снижаются риски неурожая и потерь, фермер лучше адаптируется к погодным аномалиям и рыночным колебаниям.

Таким образом, современные цифровые решения, основанные на анализе данных, ведут к росту конкурентоспособности и доходов семейных фермеров, а также улучшают качество жизни сельских жителей. Происходит вовлечение молодежи в семейный бизнес, поскольку работа с цифровыми технологиями делает сельское хозяйство привлекательным и современным занятием. В результате цифровизация создает для органических семейных фермеров ситуацию двойного выигрыша: повышается экономическая устойчивость хозяйств при одновременном укреплении экологической и социальной составляющих сельского развития. Тем не менее реализация всех этих преимуществ имеет ряд сложностей.

Проблемы применения цифровых инноваций семейными фермами

Несмотря на значительные выгоды, темпы цифровизации небольших семейных хозяйств заметно отстают от скорости внедрения цифровых технологий на крупных агропредприятиях. Исследования показывают, что семейные фермы часто оказываются в стороне от цифровых инноваций. Одна из главных причин – ограниченные денежные ресурсы и недоступность технологий. Семейные фермы имеют скромный доход и бюджет развития, что затрудняет приобретение дорогостоящего оборудования (например, метеостанций, дронов, роботов) и программного обеспечения. Даже при наличии в продаже цифровых технологий их функциональность может быть ограничена и не подходить под нужды конкретной семейной фермы. Кроме того, существуют инфраструктурные ограничения – слабое интернет-покрытие в сельских районах, дефицит сервисных компаний по обслуживанию аграрной техники, что также затрудняет цифровизацию деревни [7, с. 101].

¹ AI is an issue on almost every second farm in Germany. URL: <https://www.dlg.org/en/magazine/from-barn-to-field-ai-is-an-issue-on-almost-every-second-farm-in-germany#:~:text=In%20a%20study%20on%20the,using%20digital%20technologies%20and%20processes>

² Сбыт органической продукции. URL: <https://agri-news.ru/tolko-na-sajte/sbyit-organicheskoy-produkczii/>

Другая проблема заключается в дефиците навыков и знаний. Средний возраст многих фермеров высок; не все из них обладают достаточной цифровой грамотностью, чтобы уверенно использовать сложные цифровые технологические решения. Обучение требует времени, которого у занятого круглый год хозяйственными делами фермера немного. Это приводит к тому, что даже доступные решения остаются невостребованными из-за психологического порога и отсутствия уверенности пользователя. Многие фермеры скептически относятся к новшествам, сомневаются в их реальной пользе и окупаемости, особенно если предыдущий опыт внедрения был неудачным. Следовательно, низкая мотивация и привычка работать «по старинке» являются препятствием для цифровизации. Еще один вызов – несоответствие типовых технологий нуждам малых хозяйств. Большая часть коммерческих агротехнологических продуктов разрабатывается с прицелом на крупных производителей (сотни гектаров, тысячи голов скота). Семейным же фермам часто нужны компактные, гибкие и недорогие решения. Столкнувшись с этим разрывом, небольшие хозяйства могут просто не найти на рынке «подходящий по размеру» цифровой продукт.

Наконец, существуют структурные риски. Если семейные фермы массово не смогут внедрять цифровые технологии, отрасль может столкнуться с усилением диспропорций. Аналитики считают, что цифровая революция способна сместить конкурентное преимущество в пользу крупных агрохолдингов, вытесняя семейные фермы с рынка. Уже сейчас данные показывают более высокую степень внедрения ИИ и других передовых технологий в больших хозяйствах по сравнению с малыми. Так, в Германии среди крупных ферм (площадью более 100 га) свыше половины либо уже используют, либо планируют использовать системы искусственного интеллекта, тогда как среди небольших хозяйств (20–50 га) таковых лишь около 27 %. Этот разрыв свидетельствует о риске отставания мелких производителей. Если не принять мер, цифровое неравенство приведет к тому, что органические семейные фермеры окажутся в заведомо проигрышной позиции по сравнению с технологически оснащенными агрохолдингами, что чревато уменьшением разнообразия аграрного сектора и ослаблением продовольственной самодостаточности сельских семей.

Автоматизация производственных процессов в растениеводстве и животноводстве

Автоматизация производственных процессов в растениеводстве и животноводстве представляет собой качественно новый этап эволюции аграрного производства, при котором традиционные механизированные операции дополняются киберфизическими системами, сенсорным контролем, программно-алгоритмическим управлением и дистанционным мониторингом. В отличие от классической механизации,

ориентированной преимущественно на замену ручного труда машинным, современная автоматизация обеспечивает непрерывное получение данных о состоянии производственной среды, их интерпретацию и последующую корректировку технологических режимов без постоянного участия человека. В результате формируется интеллектуальный производственный контур, в котором управленческие решения принимаются на основе объективных параметров, а не эмпирических наблюдений, что особенно важно для сельского хозяйства, где биологическая изменчивость, сезонность и природно-климатическая неопределенность существенно повышают уровень операционных рисков [22, с. 63].

В растениеводстве автоматизация охватывает весь цикл технологических операций – от подготовки почвы до уборки урожая и послеуборочной обработки. На этапе предпосевной подготовки применяются системы автоматического позиционирования сельскохозяйственной техники, позволяющие обеспечивать точность проходов, сокращать перекрытия и пропуски, оптимизировать расход топлива и уменьшать уплотнение почвы. При посеве используются сеялки с электронным дозированием высева, которые обеспечивают дифференциацию нормы семян в зависимости от агрохимических характеристик участка, влажности почвы и запаса продуктивной влаги. На стадии ухода за посевами важное значение приобретают опрыскиватели с системами автоматического управления нормой внесения, а также роботизированные устройства междурядной обработки, позволяющие снижать химическую нагрузку и повышать точность агротехнических вмешательств [12].

Ключевым направлением технологической модернизации растениеводства является точное земледелие, основанное на пространственно-дифференцированном управлении производственными операциями. В его основе лежат данные дистанционного зондирования, спутниковой навигации, геоинформационного картографирования и полевых сенсоров. На базе этих данных формируются карты урожайности, карты плодородия и карты-задания для техники, что позволяет осуществлять дифференцированное внесение семян, удобрений и средств защиты растений. Подобный подход трансформирует саму логику управления: вместо усредненных нормативов используется зонально адаптированная модель, учитывающая неоднородность земельного массива. В научной литературе отмечается, что именно принцип комплексной механизации и автоматизации технологических процессов в растениеводстве является базовым условием устойчивого роста производительности и повышения технологической дисциплины [18, с. 4].

Не менее глубокой является автоматизация в животноводстве, где она затрагивает кормление, доение, контроль микроклимата, санитарную обработку помещений, ветеринарный мониторинг и воспроизводственные процессы. В молочном скотоводстве

роботизированные доильные установки обеспечивают строгое соблюдение режимов доения, индивидуализацию обслуживания животных и сокращение стрессовой нагрузки на стадо. Автоматические кормораздатчики дозируют рацион с учетом живой массы, продуктивности, физиологического состояния и стадии лактации, что повышает точность кормления и снижает перерасход кормов. Системы климат-контроля регулируют температуру, влажность и вентиляцию в помещениях, предотвращая тепловой стресс и ухудшение зооигиенических условий. В свиноводстве и птицеводстве автоматизация особенно важна для обеспечения биобезопасности, поскольку управление микроклиматом, освещением и водоснабжением напрямую влияет на сохранность поголовья и скорость откорма [24, с. 103].

Современная автоматизация животноводческих предприятий немыслима без робототехнических средств, которые включают доильные роботы, манипуляторы для раздачи кормов, автоматические системы навозоудаления и интеллектуальные ветеринарные модули. В научных работах, посвященных применению робототехники в АПК, подчеркивается, что использование таких решений позволяет не только сократить трудоемкость операций, но и минимизировать влияние человеческого фактора на результаты производственного цикла [15, с. 341]. Особенно это заметно в крупных комплексах промышленного типа, где повторяемость операций, санитарная дисциплина и точность исполнения технологических регламентов становятся критически важными. При этом роботизация не сводится к простой замене оператора машиной: она предполагает перестройку всей системы управления, включая диспетчеризацию, техническое обслуживание, контроль отказов и накопление аналитических данных для последующей оптимизации.

Существенное значение имеет автоматизация процессов первичной обработки и хранения продукции. В растениеводстве это сортировочные линии, автоматические зерноочистительные комплексы, конвейерные системы с контролем влажности и температуры, а также цифровые хранилища с мониторингом качества закладываемой продукции. В животноводстве аналогичные решения применяются при охлаждении молока, первичной переработке мяса, санитарной обработке сырья и упаковке готовой продукции. Подобные системы обеспечивают стандартизацию качества, прослеживаемость партий и снижение потерь на этапе послеуборочного и послеубойного обращения. Для органического сегмента это особенно значимо, поскольку технологическая чистота, соблюдение раздельности потоков и документальное подтверждение происхождения продукции являются обязательными условиями доверия рынка [21, с. 109].

Автоматизация производственных процессов тесно связана с проектированием алгоритмов

управления, поскольку техника сама по себе не создает эффекта без правильно выстроенного контура принятия решений. В аграрной сфере алгоритм включает сбор данных, их верификацию, сопоставление с нормативами, прогнозирование отклонений и запуск корректирующих действий. Такой подход особенно важен при управлении рисками: автоматизированные системы фиксируют снижение влажности, отклонение температуры, изменение поведения животных или аномалии в росте растений значительно раньше, чем эти явления становятся визуально заметными для персонала. Это позволяет перейти от реактивной модели к профилактической, где вмешательство осуществляется до наступления ущерба. На уровне отраслевой политики данный тренд поддерживается стратегическими документами цифровой трансформации АПК, где значительная часть ресурсов направляется на создание платформенной инфраструктуры, модулей принятия решений и подготовку специалистов, способных работать с цифровыми системами [22, с. 65].

Для сельскохозяйственных предприятий особое значение имеет экономическая результативность автоматизации. Она проявляется в снижении трудоемкости, сокращении потерь сырья, уменьшении расхода материально-технических ресурсов, повышении точности операций и росте производительности труда. При этом эффект особенно выражен в условиях дефицита квалифицированной рабочей силы и территориальной рассредоточенности хозяйств. Автоматизация позволяет частично компенсировать кадровые ограничения, повысить управляемость производственной системы и обеспечить повторяемость технологических результатов. Вместе с тем ее внедрение требует не только закупки оборудования, но и модернизации организационной структуры предприятия, обучения персонала, настройки цифрового документооборота и создания сервисной инфраструктуры сопровождения. Без этого автоматизированные комплексы часто оказываются фрагментарными и не дают полного синергетического эффекта [17, с. 105].

Следовательно, автоматизация в растениеводстве и животноводстве является не частной модернизацией отдельных операций, а системной трансформацией аграрного производства. Она объединяет технику, данные, алгоритмы и управленческие регламенты в единую технологическую архитектуру, обеспечивая повышение точности, устойчивости и экономической эффективности хозяйственной деятельности. Для АПК это означает переход к модели, где производственный результат определяется не только природными условиями и объемом ресурсов, но и качеством цифрового управления технологическими цепочками, что особенно важно в контексте конкурентоспособности, продовольственной безопасности и развития органического производства.

Цифровая трансформация семейного бизнеса в сфере органической продукции

Цифровая трансформация семейного бизнеса в сфере органической продукции представляет собой не просто внедрение отдельных информационных решений, а глубокую институциональную и организационно-технологическую перестройку малого аграрного предпринимательства, ориентированного на устойчивое производство, прослеживаемость происхождения товаров и соблюдение экологических стандартов. Для семейных хозяйств, работающих в сегменте органики, цифровизация приобретает особое значение, поскольку именно они чаще всего функционируют в условиях ограниченного земельного банка, дефицита оборотного капитала, высокой трудоемкости производства и повышенной зависимости от природно-климатических факторов. В таких условиях цифровые инструменты становятся механизмом компенсации масштабных ограничений: они позволяют повышать управляемость хозяйства, снижать транзакционные издержки, усиливать рыночную видимость продукции и обеспечивать соответствие регламентам органического производства [1, с. 14]. Федеральный закон № 280-ФЗ закрепил правовые основы производства, хранения, транспортировки, маркировки и реализации органической продукции, что для семейного бизнеса означает необходимость строгого учета всех технологических операций и документального подтверждения их экологической корректности.

В основе цифровой трансформации семейного предпринимательства лежит переход от интуитивно-эмпирической модели управления к данным-ориентированной системе принятия решений. Если традиционное семейное хозяйство опиралось преимущественно на накопленный опыт, межпоколенческие знания и локальные каналы сбыта, то современная модель требует использования цифровых платформ учета, электронных журналов производственных операций, систем мониторинга земельных участков, автоматизированной отчетности и средств дистанционного контроля качества. Для органического сектора это имеет принципиальное значение, поскольку доверие потребителя формируется не только через сам факт экологичного производства, но и через прозрачность всей цепочки создания стоимости – от посева до конечной реализации. Именно поэтому цифровые технологии в семейном органическом бизнесе выступают как инструмент обеспечения прослеживаемости, идентификации и доказуемости происхождения продукции [14]. В этом контексте электронные реестры, QR-маркировка, цифровые сертификаты, облачные базы данных и средства интеграции с системами надзорных органов становятся элементами не только коммерческой, но и правовой инфраструктуры.

Особую роль играет цифровизация производственного контура семейного хозяйства. В растениеводстве это выражается в использовании датчиков

влажности, программируемых систем капельного орошения, спутникового мониторинга, картирования почвенного плодородия и автоматизированного учета агротехнических операций. В животноводстве – во внедрении сенсорных устройств контроля микроклимата, автоматических кормораздатчиков, систем учета продуктивности животных и ветеринарного мониторинга. Для органических хозяйств такие технологии особенно важны, поскольку производство здесь строится на принципах минимизации химической нагрузки, профилактики заболеваний естественными методами и сохранения биологического баланса агроэкосистемы. Следовательно, цифровые средства не подменяют органическую технологию, а обеспечивают ее научно обоснованное сопровождение, позволяя своевременно выявлять риски деградации почв, стрессовые факторы у животных и отклонения в технологическом режиме [25, с. 15]. Исследования показывают, что именно цифровая фиксация параметров позволяет семейным предприятиям не только поддерживать устойчивость, но и увеличивать экономическую отдачу без утраты органического статуса продукции [20, с. 135].

Не менее значимым направлением является цифровизация сбытовой деятельности. Для семейного бизнеса в органическом сегменте рынок часто ограничен локальной территорией, а основной барьер связан с недостаточной видимостью продукции и высокой зависимостью от посредников. Электронная коммерция, маркетплейсы, собственные интернет-магазины, социальные сети и цифровые каналы прямых продаж позволяют радикально сократить дистанцию между производителем и потребителем. Это особенно важно для органической продукции, поскольку ее ценность формируется не только через вкусовые и питательные характеристики, но и через доверие к происхождению, способу выращивания и сертификационному статусу. Цифровые платформы дают возможность демонстрировать историю поля, технологические карты, сведения о сертификации, фотографии производства, результаты лабораторных испытаний и сведения о логистике партии [14].

Цифровая трансформация семейного органического бизнеса тесно связана с вопросами управления качеством и соблюдения стандартов. В отличие от массового сельскохозяйственного производства, где допускается определенная унификация и масштабирование технологических решений, органический сегмент требует высокой точности в выполнении нормативов. Здесь цифровые системы используются для ведения журналов внесения разрешенных средств, контроля сроков карантина, учета партий семян и кормов, фиксации маршрутов транспортировки и хранения, а также подготовки данных к сертификации. Это позволяет минимизировать риск несоответствия требованиям законодательства и снижает вероятность утраты статуса органической продукции. В научной литературе подчеркивается, что развитие органического сельского хозяйства

невозможно без системы правовых, институциональных и информационных механизмов, поддерживающих контроль качества и сертификацию [25].

Таким образом, цифровая трансформация семейного бизнеса в сфере органической продукции является комплексным процессом, включающим технологическую модернизацию производства, цифровизацию учета и контроля, платформизацию сбыта, усиление прослеживаемости, повышение качества управления рисками и интеграцию в институциональную инфраструктуру аграрного рынка. Ее результатом становится формирование нового типа семейного предпринимательства – технологически оснащенного, нормативно дисциплинированного и рыночно гибкого, способного совмещать ценности органического производства с требованиями цифровой экономики.

Правовое регулирование производства, хранения, перевозки, маркировки и реализации органической продукции, цифровые инновации и LegalTech

Для преодоления перечисленных нами ранее барьеров необходимы целенаправленные усилия государства, дополнительные стимулы и меры поддержки. Следует заметить, что такая работа последовательно ведется уже много лет, для чего в России созданы необходимые правовые предпосылки. В первую очередь следует отметить Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 280-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Этот закон впервые установил правовое регулирование производства, хранения, перевозки, маркировки и реализации органической продукции, создал необходимую правовую основу для развития органического сектора, дав импульс увеличению отечественного производства органических продуктов. Закон ввел определения понятий «органическое сельское хозяйство» и «органическая продукция», запретил маркировку продукции словом «органическая», если она не сертифицирована по новым правилам, и нацелил органы власти на поддержку этой сферы. В контексте обсуждения положений данного закона в научной литературе высказывается мнение о том, что выращивание органической (экологически чистой) аграрной продукции является одним из видов экологического предпринимательства, так как при его осуществлении применяются способы, методы и технологии, направленные на обеспечение благоприятного состояния окружающей среды, укрепление здоровья человека, сохранение и восстановление плодородия почв [25, с. 94].

Другие авторы пишут, что «целью экологически чистого производства как вида экологического

предпринимательства является не увеличение прибыли, а сохранение и защита окружающей среды в широком смысле, то есть повышение плодородия почв, активизация круговорота веществ, экономия энергии, сохранение здоровья человека и биоразнообразия, минимализация воздействия хозяйственной деятельности на природу» [2, с. 64]. И хотя данный вывод носит несколько дискуссионный характер (в части вторичности мотивации извлечения прибыли фермерами при создании органических хозяйств), несомненным является то, что законодатель приложил много усилий для нормативной регламентации критериев и процедур выращивания органической аграрной продукции. В контексте целей настоящей статьи весьма важной является реализация положений закона о создании Единого государственного реестра производителей органической продукции – официального перечня всех сертифицированных органических хозяйств страны. Он ведется уполномоченным федеральным органом (Минсельхозом) в электронной форме. Информация реестра открыта и бесплатна для публичного доступа на официальном сайте¹, что повышает ее прозрачность: любой потребитель или партнер может проверить в онлайн-режиме, действительно ли тот или иной фермер прошел органическую сертификацию. Наличие такого цифрового реестра – значимый шаг к цифровизации сферы контроля и доверия в органическом аграрном производстве.

Кроме того, Стратегия развития производства органической продукции в Российской Федерации до 2030 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 04.07.2023 № 1788-р) предусматривает меры по совершенствованию нормативной базы, поддержке научных исследований, развитию системы продвижения и сертификации органики. В частности, акцент сделан на необходимости внедрения инноваций и цифровых решений для обеспечения роста отрасли.

Цифровизация сельского хозяйства получила отражение и в ряде национальных проектов («Цифровая экономика» и др.). С 1 января 2021 г. в России вступил в силу Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 08.08.2024), создавший правила внедрения «регуляторных песочниц» в сфере цифровых технологий – специальных режимов, позволяющих компаниям тестировать инновационные решения без риска нарушения действующего законодательства. Это позволяет предпринимателям внедрять инновации (например, использовать беспилотную технику, дистанционный мониторинг) на небольших территориях без риска нарушить действующие регламенты [28].

Такая гибкость важна и для органического сектора сельского хозяйства, например, в ряде регионов

¹ Министерство сельского хозяйства РФ. Единый государственный реестр производителей органической продукции. URL: <http://opendata.mcx.ru/opendata/7708075454-organicprod>

могут быть запущены пилотные проекты по применению дронов в сельском хозяйстве, приняты меры по улучшению сельской инфраструктуры (программы по устранению цифрового неравенства, проведению интернет-сетей и др.), что является необходимой предпосылкой цифровизации органических ферм. Заметим, что сама по себе законодательная база об органическом сельском хозяйстве напрямую не содержит понятия цифровизации. Однако косвенно цифровая трансформация интегрируется через требование к прослеживаемости продукции (реестр) и стремление государства к повышению прозрачности и эффективности контроля. В перспективе ожидается дальнейшее сближение правовых норм об органическом секторе с цифровыми технологиями – например, путем создания государственных информационных систем сертификации, электронных паспортов органической продукции и др.

Результаты

Анализ нормативно-правовой базы показал, что в Российской Федерации сформированы основные правовые предпосылки для развития цифрового сельского хозяйства и органического производства. Принятие Федерального закона № 280-ФЗ обеспечило институционализацию рынка органической продукции и закрепило требования к ее производству и сертификации, тогда как стратегические документы цифровой трансформации АПК определили приоритетные направления внедрения цифровых технологий.

Исследование цифровых технологий и алгоритмов управления показало, что современный агропромышленный комплекс развивается на основе интеграции систем искусственного интеллекта, интернета вещей, больших данных и цифровых платформ. Эти технологии обеспечивают переход к данным-ориентированному управлению, позволяющему прогнозировать производственные показатели, оптимизировать использование ресурсов и минимизировать риски.

Особое значение в рамках цифровой трансформации имеет автоматизация производственных процессов в растениеводстве и животноводстве. Внедрение роботизированных систем, сенсорных технологий и автоматизированных комплексов позволяет повысить производительность труда, снизить влияние человеческого фактора и обеспечить стабильность технологических режимов.

Цифровая трансформация семейного предпринимательства в сфере органической продукции представляет собой важное направление развития

аграрного сектора. Использование цифровых технологий позволяет семейным хозяйствам преодолевать ограничения, связанные с небольшими масштабами производства, повышать эффективность управления, обеспечивать прослеживаемость продукции и расширять каналы сбыта.

Для семейных ферм в России особое значение имеет доступность мер государственной поддержки: субсидии на техническое перевооружение, гранты и другие средства могут быть направлены в том числе на приобретение цифровых технологий. Таким образом, российское законодательство делает лишь первые шаги к формированию полноценной цифровой экосистемы в органическом сельском хозяйстве.

Между тем может возникнуть вопрос: зачем государству вмешиваться в деятельность частных лиц (семейных ферм), ведущих предпринимательскую деятельность, направленную на извлечение прибыли? Отвечая на этот вопрос, А. Я. Рыженков справедливо полагает, что, в отличие от многих других видов предпринимательской деятельности, речь здесь идет о здоровье россиян и обеспечении продовольственной безопасности. Поэтому государству необходимо создавать экономический механизм поддержки наиболее передовых аграрных технологий, содействуя выращиванию экологически чистой аграрной продукции, информируя граждан о ее ценности, поощряя наиболее перспективные цифровые технологии и аграрных предпринимателей, которые осуществляют их внедрение в сельскохозяйственную практику [23, с. 84–89]. На основе рассмотренного опыта можно выделить ряд правовых и институциональных механизмов, которые будут способствовать успешной цифровизации органического сельского хозяйства, особенно применительно к малым семейным фермам. Эти механизмы включают в себя как прямое регулирование, так и косвенные меры стимулирования и создания инфраструктуры, рассмотренные ниже.

1. *Финансовое стимулирование и поддержка инноваций.* Одной из самых действенных мер является предоставление семейным фермам субсидий, грантов, льготных займов на внедрение цифровых технологий. Государство может компенсировать фермеру часть затрат на покупку оборудования (метеостанций, GPS-техники, программного обеспечения). В ЕС, например, средства Европейского фонда развития сельских территорий (EAFRD) направляются на софинансирование модернизации хозяйств, включая IT-решения. В Германии программа «Цифровые опытные поля» фактически представляет собой грантовую поддержку консорциумов, куда входят и фермерские хозяйства¹. В США семейные фермеры получают финансирование на экспериментальное внедрение цифровых и иных инноваций². Кроме

¹ More than 50 million euros for digital trial fields in the agricultural sector. URL: <https://www.bmel.de/EN/topics/digitalisation/digital-trial-fields.html#:~:text=The%20trial%20fields%20are%20intended,breeding%20and%20test%20their%20practicability.>

² Сельскохозяйственные инновации в США: использование технологий и искусственного интеллекта. URL: <https://vantened.com/ru/innovation-in-american-agriculture/>

прямой помощи, важны инвестиции в НИОКР: государство финансирует пилотные проекты, результатом которых становятся адаптированные под местные условия цифровые продукты (например, мобильные приложения для органических фермеров отдельного региона).

2. *Инфраструктура и связь.* Доступ к данным – необходимое условие цифрового земледелия. Правовые механизмы здесь включают развитие открытых государственных данных (метеорология, кадастр, результаты агрохимических обследований и т. д.) и регламентацию обмена данными. Это требует усилий по оцифровке информации и снятию юридических ограничений на ее использование. Параллельно необходимы программы развития сельского интернета: на национальном уровне следует определить цели по охвату сельских поселений широкополосным доступом, предусмотреть субсидии операторам связи для прокладки сетей в отдаленные сельские районы. В ряде стран вводятся требования к ведомствам учитывать сельские нужды при планировании цифровой инфраструктуры (башен сотовой связи, спутникового сигнала и др.). Итогом должно стать покрытие даже небольших деревень устойчивым интернет-соединением, иначе фермеры не смогут пользоваться цифровыми технологиями.

3. *Образование и просвещение.* Повышение цифровой грамотности фермеров – неотъемлемый компонент успешного развития органического сельского хозяйства. Необходимы разработка специальных образовательных программ, онлайн-курсов, налаживание государственной системы аграрного консультирования. Например, крайне важно создание учебных центров и программ дополнительного образования при аграрных вузах, ориентированных на фермеров (вечерние курсы, выездные семинары и т. д.). Также следует привлекать к обучению фермеров разработчиков и поставщиков цифровых технологий.

4. *Развитие договорных форм взаимодействия фермеров при использовании цифровых технологий.* Для малых хозяйств эффективна модель коллективного пользования дорогими ресурсами – например, когда группа фермеров совместно приобретает дрон или нанимает IT-специалиста на несколько хозяйств. Правовые условия (налоговые льготы, упрощенная регистрация объединений фермеров) должны стимулировать такую деятельность. Международный опыт показывает, что сотрудничество фермеров, IT-разработчиков, ученых, органов власти способствует успешному внедрению цифровых инноваций, в том числе в органическое производство. Поэтому государству важно содействовать созданию платформ взаимодействия: кластеров, советов по цифровизации с участием фермерских ассоциаций, где они могут обсуждать свои потребности.

5. *Адаптация нормативной базы под новые технологии.* Законодатель должен своевременно устранять юридические барьеры для внедрения технологий,

в частности: обновлять правила использования воздушного пространства, чтобы легализовать аграрные дроны; признавать юридическую силу электронных документов; защищать цифровые права на данные, получаемые на ферме, чтобы не допустить их недобросовестного использования крупными корпорациями. В ряде стран уже действуют нормы об электронных аграрных документах, благодаря чему, например, органические сертификаты вносятся в государственные реестры онлайн (как в ЕС или США) и признаются всеми контрагентами. Еще один пример – введение в гражданское право категории «цифровые права», как это сделано в России (ст. 141.1 ГК РФ), что создает основу для обращения цифровых активов в АПК (смарт-контрактов и др.). И хотя эти новации далеки от ежедневных нужд фермера, они формируют правовое поле будущего, в котором цифровая аграрная экосистема сможет полноценно функционировать. В связи с этим представляется важным дополнить Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» специальной статьей, включающей меры по государственному стимулированию и поддержке внедрения цифровых технологий в органическое сельское хозяйство России.

Развитию органического земледелия могут способствовать и другие законодательные решения. В частности, следует дополнить Земельный кодекс РФ (далее – ЗК РФ) нормой, учитывающей специфику земельных участков, на которых выращивается органическая продукция и которые по технологии не должны граничить с участками обычного сельскохозяйственного производства [26, с. 284]. Другой вариант решения проблемы может быть реализован путем дополнения статьи 79 ЗК РФ указанием на то, что органические земельные участки относятся к разновидности особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий с распространением на них режима особой охраны.

Заключение

Таким образом, надлежащее правовое регулирование может стимулировать цифровую трансформацию различных отраслей экономики [1, с. 14–21], включая органическое сельское хозяйство. В настоящее время в РФ производством органической аграрной продукции занимаются хозяйства Тульской, Орловской, Новгородской, Омской, Псковской, Курской, Владимирской, Оренбургской, Ярославской, Московской областей и Ставропольского края. Российская Федерация располагает очень большими площадями земельных угодий и входит в первую двадцатку стран мира по количеству земель, сертифицированных под органическое земледелие [3, с. 115]. Цифровизация может способствовать повышению управляемости и урожайности органических семейных фермерских хозяйств. Для этого потребу-

ется государственная поддержка, которая уже показала свои позитивные результаты во многих странах мира. Полагаем, что в России сформирована базовая правовая основа органического производства, что позволило обеспечить наметившийся курс на поддержку инноваций в агросекторе, *однако остается актуальным решение задач, связанных с интеграцией цифровых инструментов в практику семейных ферм.*

Библиографический список

1. Алексеева М. В., Филимонова Е. А. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. Т. 2, № 2. С. 14–21. DOI 10.23947/2949-1843-2024-2-2-14-21
2. Анисимов А. П. Рынок органической (экологически чистой) продукции в России: правовые вопросы // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. 2017. Т. 7, № 4. С. 60–69.
3. Архипова В. А., Иванова А. А. Развитие зарубежного и отечественного рынков продукции органического сельского хозяйства // Инновационное развитие экономики. 2021. № 2–3 (62–63). С. 111–120. DOI 10.51832/2223-7984_2021_2-3_111
4. Баркова Л. А. Семейное предпринимательство в механизме правового обеспечения гармонизации интересов семьи: дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2014. 189 с.
5. Биткова Л. А. Некоторые вопросы правового регулирования цифровизации сельского хозяйства в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2020. № 11 (191). С. 88–90. DOI 10.47643/1815-1329_2020_11_88
6. Васильев Н. П. Нормативно-правовое регулирование органического сельского хозяйства в Российской Федерации // Инновационные технологии научного развития: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Уфа: АЭТЕРНА, 2017. С. 235–237.
7. Дамичев В. В. Стратегия цифровизации ЕС до 2030 года: полезный опыт для сельского хозяйства России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 4, № 12. С. 98–104.
8. Дворядкина Е. Б., Джалилов Б. В. Факторы и условия обеспечения экономической безопасности организации животноводства // Деловой вестник предпринимателя. 2024. № 2 (16). С. 22–25.
9. Ершова И. В. Семейный бизнес: точки отсчета и вектор ориентира в правовом регулировании // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 11. С. 67–75. DOI 10.17803/1994-1471.2022.144.11.067-075
10. Ефимов И. Э., Налесников В. А., Богданова С. Н. Пути использования робототехнических средств в отраслях агропромышленного комплекса // Роботизация Вооружённых Сил Российской Федерации: сб. материалов V воен.-научн. конф. (Анапа, 29–30 июля 2020 г.). Анапа, 2020. Т. 1. С. 147–154.
11. Завибаев Н. С. Нормативно-правовые аспекты цифровой трансформации сельского хозяйства // Вестник НГИЭИ. 2023. № 9 (148). С. 63–72. DOI 10.24412/2227-9407-2023-9-63-72
12. Ионов В. А. Проблемы и перспективы развития семейного предпринимательства в России // Малые города большой страны: сб. науч. ст. и материалов Первой Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 1. Иваново, 2023. С. 283–290.
13. Клычова Г. С., Юсупова А. Р. IT-консалтинг – основополагающий фактор повышения эффективности агропромышленного производства // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2018. Т. 13, № 1. С. 169–174.
14. Кравченко Т. С. и др. Нормативно-правовое регулирование органического сельского хозяйства в Российской Федерации / Т. С. Кравченко, А. Б. Дударева, А. А. Полухин, О. В. Кондратьева, В. А. Войтюк, О. В. Слинко, И. М. Щукин // Владимирский земледелец. 2025. № 1. С. 39–47. DOI 10.24412/2225-2584-2025-4110-39-47
15. Кулумбекова Б. Т., Тлатова Л. Х. Перспективы повышения качества производственных процессов на предприятиях АПК // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет». 2021. № 58. С. 341–343.
16. Левушкин А. Н. Семейное предпринимательство в системе малого и среднего предпринимательства: правовая природа и пути развития // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 19–25. DOI 10.17803/1994-1471.2018.96.11.019-025
17. Лепехина Ю. А., Грасс Е. Ю. Состояние, основные тренды и проблемы цифрового развития агропромышленного комплекса Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 10 (148). С. 105–110. DOI 10.60797/IRJ.2024.148.71
18. Лобачевский Я. П., Ценч Ю. С. Принципы формирования систем машин и технологий для комплексной механизации и автоматизации технологических процессов в растениеводстве // Сельскохозяйственные машины и технологии. 2022. Т. 16, № 4. С. 4–12. DOI 10.22314/2073-7599-2022-16-4-4-12
19. Матыцин Д. Е., Балтутите И. В. Коллизии правового режима недвижимого имущества в семейном бизнесе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 4. С. 8–13.
20. Никонова Н. А., Дибирова Х. А., Никонов А. Г. Законодательные основы регулирования развития органического сельского хозяйства России // Аграрный вестник Урала. 2023. Т. 23, № 12. С. 135–142. DOI 10.32417/1997-4868-2023-23-12-135-142
21. Полушкина Т. М. Нормативно-правовое регулирование органического сельского хозяйства в РФ // Вестник Алтайской академии экономики и

права. 2019. № 9 (ч. 2). С. 109–115. DOI 10.17513/vaael.729

22. Пономарев Д. А. Правовое регулирование семейного предпринимательства в Российской Федерации: некоторые тенденции развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 53–63. DOI 10.21869/2223-1501-2023-13-1-53-63

23. Рыженков А. Я. Развитие органического земледелия в контексте задач перехода Прикаспийских регионов России в «зеленой» экономике: правовой аспект // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4. С. 84–89.

24. Середа Н. А. и др. Экономическая эффективность цифровых технологий в животноводстве / Н. А. Середа, В. Е. Фириченков, Е. Е. Орлова, В. Я. Мирзоянц // Техника и технологии в животноводстве. 2020. № 3 (39). С. 102–109.

25. Уланова Е. С. Правовое регулирование обеспечения хозяйствующими субъектами безопасности пищевой продукции: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2020. 260 с.

26. Хачатрян Г. Б. Правовое регулирование производства органической продукции в Российской Федерации: актуальные вопросы // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2020. № 16. С. 282–284.

27. Klerkx L., Jakub E., Labarthe P. A review of social science on digital agriculture, smart farming and agriculture 4.0: New contributions and a future research agenda // NJAS – Wageningen Journal of Life Sciences. 2019. Vol. 90–91. Pp. 1–16.

28. Savoskin A. et al. Issues of agriculture digitalization in the Russian Federation (legal aspect) / A. Savoskin, V. V. Kalitskaya, O. A. Rykalina, O. V. Mustafina, I. M. Perminova // BIO Web of Conferences. International Scientific and Practical Conference “Sustainable Development of Traditional and Organic Agriculture in the Concept of Green Economy” (SDGE 2021). 2022. Vol. 42. 06002.

29. Šermukšnytė-Alešiūnienė K., Melnikienė R. The Effects of Digitalization on the Sustainability of Small Farms // Sustainability. 2024. 16(10). 4076 p. DOI 0.3390/su16104076

References

1. Alekseeva M. V. Osobennosti transformacii gosudarstva v usloviyah razvitiya cifrovyyh tekhnologij [The State Transformation Features in the Context of Digital Technologies Development]. *Legal Order and Legal Values*. 2024. Vol. 2. Issue 2. Pp. 14–21. DOI 10.23947/2949-1843-2024-2-2-14-21 (In Russ.)

2. Anisimov A. P. Rynok organicheskoy (ekologicheskij chistoy) produkcii v Rossii: pravovye voprosy [The Market of Organic (Ecologically Pure) Products in Russia: Legal Issues]. *Vesnik Grodzenskaga dzyarzhajnaga universiteta imya Yanki Kupaly. Seryya 4. Pravaznajstva* – *Vesnik of the Grodno State University named after*

Yanka Kupala. Series 4. Law. 2017. Vol. 7. Issue 4. Pp. 60–69. (In Russ.)

3. Arkhipova V. A. Razvitie zarubezhnogo i otechestvennogo rynkov produkcii organicheskogo sel'skogo hozyajstva [Development of Foreign and Domestic Markets for Organic Agriculture Products]. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki*. 2021. Issue 2–3. Pp. 111–120. DOI 10.51832/2223-7984_2021_2-3_111 (In Russ.)

4. Barkova L. A. Semejnoe predprinimatel'stvo v mekhanizme pravovogo obespecheniya garmonizacii interesov sem'i [Family entrepreneurship in the mechanism of legal support for the harmonization of family interests]. *Cand. jurid. sci. diss. Tver, 2014. 189 p.* (In Russ.)

5. Bitkova L. A. Nekotorye voprosy pravovogo regulirovaniya cifrovizacii sel'skogo hozyajstva v Rossijskoj Federacii [Some issues of legal regulation of digitalization of agriculture in the Russian Federation]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* – *Agrarian and Land law*. 2020. Issue 11. Pp. 88–90. DOI 10.47643/1815-1329_2020_11_88 (In Russ.)

6. Vasilyev N. P. Normativno-pravovoe regulirovanie organicheskogo sel'skogo hozyajstva v Rossijskoj Federacii [Regulatory and Legal Framework for Organic Agriculture in the Russian Federation]. In *Innovatsionnye tekhnologii nauchnogo razvitiya* [Innovative Technologies for Scientific Development: Proceedings of an International Scientific and Practical Conference (Ufa: AETERNA Scientific and Publishing Center)]. Ufa, 2017. Pp. 235–237. (In Russ.)

7. Damichev V. V. Strategiya cifrovizacii ES do 2030 goda: poleznyj opyt dlya sel'skogo hozyajstva Rossii [The EU Digitalization Strategy until 2030: Useful Experience for Russia's Agriculture]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* – *Economics and Management: Problems, Solutions*. 2021. Vol. 4. Issue 12. Pp. 98–104. (In Russ.)

8. Dvoryadkina E. B., Dzhailov B. V. Factors and conditions for ensuring the economic security of the organization of animal husbandry. *Delovoj vestnik predprinimatel'ya* – *Entrepreneur's Business Herald*. 2024. Issue 2(16). Pp. 22–25.

9. Ershova I. V. Semejnyj biznes: točki otscheta i vektor orientira v pravovom regulirovanii [Family Business: Reference Points and Reference Vector in Legal Regulation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* – *Actual Problems of Russian Law*. 2022. Vol. 17. Issue 11. Pp. 67–75. DOI 10.17803/1994-1471.2022.144.11.067-075 (In Russ.)

10. Efimov I. E., Nalesnikov V. A., Bogdanova S. N. Puti ispol'zovaniya robototekhnicheskikh sredstv v otraslyah agropromyshlennogo kompleksa [Ways of Using Robotic Means in the Branches of the Agro-Industrial Complex]. In *Robotizatsiya Vooruzhyonnyh Sil Rossijskoj Federacii* [Robotization of the Armed Forces of the Russian Federation: Proceedings of the V Military and Scientific Conference (Anapa, July 29–30, 2020)]. Vol. 1. 2020. Pp. 147–154. (In Russ.)

11. Zavivaev N. S. Normativno-pravovye aspekty cifrovoj transformacii sel'skogo hozyajstva [Regulatory and Legal Aspects of Digital Transformation of Agriculture]. *Vestnik NGIEI*. 2023. Issue 9 (148). Pp. 63–72. DOI 10.24412/2227-9407-2023-9-63-72 (In Russ.)
12. Ionov V. A. Problemy i perspektivy razvitiya semejnogo predprinimatel'stva v Rossii [Problems and Prospects of Family Entrepreneurship Development in Russia]. *Malye goroda bol'shoj strany* [Small Cities of the Big Country: A collection of scientific articles and materials of the First All-Russian Scientific and Practical Conference. Part 1]. Ivanovo, 2023. Pp. 283-290. (In Russ.)
13. Klychova G. S., Yusupova A. R. IT-konsalting–osnovopolagayushchij faktor povysheniya effektivnosti agropromyshlennogo proizvodstva [It-Consulting – A Fundamental Factor in Increasing the Efficiency of Agro-Industrial Production]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* – Bulletin of Kazan State Agrarian University. 2018. Vol. 13. Issue 1. Pp. 169–174. (In Russ.)
14. Kravchenko T. S. *Normativno-pravovoe regulirovanie organicheskogo sel'skogo hozyajstva v rossijskoj federacii* [Regulatory and legal regulation of organic agriculture in the Russian Federation]. *Vladimirskij zemledec* – Vladimir Farmer. 2025. Issue 1. Pp. 39–47. DOI 10.24412/2225-2584-2025-4110-39-47 (In Russ.)
15. Kulumbekova B. T., Tlatova L. Kh. Perspektivy povysheniya kachestva proizvodstvennyh processov na predpriyatiyah APK [Prospects for Improving the Quality of Production Processes at Agricultural Enterprises]. *Vestnik nauchnykh trudov molodykh uchonykh, aspirantov i magistrantov FGBOU VO "Gorskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet"*. 2021. Issue 58. Pp. 341–343. (In Russ.)
16. Levushkin A. N. Family Entrepreneurship in the System of Small and Medium-Sized Businesses: The Legal Nature and Ways of Development. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2018. Issue 11. Pp. 19-25. DOI 10.17803/1994-1471.2018.96.11.019-025 (In Russ.)
17. Lepyokhina Yu. A., Grass E. Yu. *Sostoyanie, osnovnye trendy i problemy cifrovogo razvitiya agropromyshlennogo kompleksa Rossijskoj Federacii* [The state, main trends and problems of digital development of the agro-industrial complex of the Russian Federation]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* – International research journal. 2024. Issue 10 (148). P. 105-110. (In Russ.)
18. Lobachevskiy Y. P., Tsench Y. S. Principles of Forming Machines and Technology Systems for Integrated Mechanization and Automation of Technological Processes In Crop Production. *Agricultural machines and technologies*. 2022. Issue 16. No. 4. Pp. 4–12. (In Russ.)
19. Matytsin D. E. Kollizii pravovogo rezhima nedvizhimogo imushchestva v semejnom biznese [Conflicts of the Legal Regime of Real Estate in Family Business]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2025. Issue 4. Pp. 8–13. (In Russ.)
20. Nikonova N. A., Dibirova Kh. A., Nikonov A. G. *Zakonodatel'nye osnovy regulirovaniya razvitiya organicheskogo sel'skogo hozyajstva Rossii* [Legislative Framework for the Regulation of Organic Agriculture Development in Russia]. *Agrarnyj vestnik Urala – Agrarian Bulletin of the Urals*. 2023. Vol. 23. Issue 12. Pp. 135–142. DOI 10.32417/1997-4868-2023-23-12-135-142 (In Russ.)
21. Polushkina T. M. Normativnogo-pravovoe regulirovanie organicheskogo sel'skogo hozyajstva v RF [Regulatory Framework for Organic Agriculture in the Russian Federation]. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava* – Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2019. Issue 9-2. Pp. 109–115. DOI 10.17513/vaael.729 (In Russ.)
22. Ponomarev D. A. Pravovoe regulirovanie semejnogo predprinimatel'stva v Rossijskoj Federatsii: nekotorye tendentsii razvitiya [Legal regulation of family entrepreneurship in the Russian Federation: some development trends]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* – Izvestiya of the South-Western State University. Series: History and Law. 2023. Vol. 13. Issue 1. Pp. 53-63. DOI 10.21869/2223-1501-2023-13-1-53-63 (In Russ.)
23. Ryzhenkov A. Ya. Razvitie organicheskogo zemledeliya v kontekste zadach perekhoda Prikaspijskikh regionov Rossii v «zelenoj» ekonomike: pravovoj aspekt [Development of Organic Farming in the Context of the Tasks of the Transition of the Caspian Regions of Russia to a Green Economy: Legal Aspect]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* – Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Issue 4. Pp. 84-89. (In Russ.)
24. Sereda N. A. *Ekonomicheskaya effektivnost' cifrovyyh tekhnologij v zhivotnovodstve* [Economic Efficiency of Digital Technologies in Animal Husbandry]. *Tekhnika i tekhnologii v zhivotnovodstve*. 2020. No. 3 (39). Pp. 102–109. (In Russ.)
25. Ulanova E. S. *Pravovoe regulirovanie obespecheniya hozyajstvuyushchimi sub"ektami bezopasnosti pishchevoj produkcii* [Legal Regulation of Ensuring Food Safety by Business Entities]. Cand. jurid. sci. diss. Chelyabinsk, 2020. 260 p. (In Russ.)
26. Khachatryan G. B. Pravovoe regulirovanie proizvodstva organicheskoy produkcii v Rossijskoj Federacii: aktual'nye voprosy [Legal Regulation of Organic Production in the Russian Federation: Current Issues]. *Nauchno-obrazovatel'nyj potencial molodezhi v reshenii aktual'nykh problem XXI veka* – Scientific and Educational Potential of Youth in Solving Current Problems of the 21st Century. 2020. Issue 16. Pp. 282-284. (In Russ.)
27. Klerkx L., Jakkub E., Labarthe P. A Review of Social Science on Digital Agriculture, Smart Farming and Agriculture 4.0: New Contributions and a Future Research Agenda. *NJAS – Wageningen Journal of Life Sciences*. 2019. Vol. 90–91. Pp. 1-16. (In Eng.)

28. Savoskin A., Kalitskaya V. V., Rykalina O. A., Mustafina O. V., Perminova I. M. Issues of agriculture digitalization in the Russian Federation (legal aspect) In *BIO Web Conf.* 2022. Vol. 42, 06002. (In Eng.)

Информация об авторах:

А. О. Иншакова

Доктор юридических наук, профессор, эксперт РАН, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права, ведущий научный сотрудник

Кубанский государственный университет
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

ORCID: 0000-0001-8255-8160
ResearcherID: AAP-7401-2020

Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI 10.17072/1995-4190-2026-71-79-103

Д. Е. Матыцин

Доктор юридических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права, ведущий научный сотрудник

Кубанский государственный университет
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

ORCID: 0000-0002-4038-4032
ResearcherID: D-2673-2016

Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI 10.17072/1995-4190-2026-71-79-103

И. В. Балтутите

Кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник

Кубанский государственный университет
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

ORCID: 0000-0001-5443-2157
ResearcherID: AAG-2626-2021

Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI 10.17072/1995-4190-2026-71-79-103

29. Šermukšnytė-Alešiūnienė K., Melnikienė R. The Effects of Digitalization on the Sustainability of Small Farms. *Sustainability*. 2024. Vol. 16 (10), 4076. (In Eng.)

About the authors:

A. O. Inshakova

Kuban State University
149, Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russia

ORCID: 0000-0001-8255-8160
ResearcherID: AAP-7401-2020

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI 10.17072/1995-4190-2026-71-79-103

D. E. Matytsin

Kuban State University
149, Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russia

ORCID: 0000-0002-4038-4032
ResearcherID: D-2673-2016

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI 10.17072/1995-4190-2026-71-79-103

I. V. Baltutite

Kuban State University
149, Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russia

ORCID: 0000-0001-5443-2157
ResearcherID: AAG-2626-2021

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI 10.17072/1995-4190-2026-71-79-103

IV. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Информация для цитирования:

Костин А. А. Запрет ссылаться на свидетельские показания в случае несоблюдения простой письменной формы сделки в международном частном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 2(72). С. 376–390. DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-376-390. EDN HONJHN

Kostin A. A. Zapret ssylat'sya na svidetel'skie pokazaniya v sluchae nesoblyudeniya prostoi pis'mennoi formy sdelki v mezhdunarodnom chastnom prave [Prohibition on Relying on Witnesses Testimony in Cases of Non-Compliance With the Simple Written Form of a Transaction in Private International Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 2(72). Pp. 376–390. DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-376-390. EDN HONJHN (In Russ.)

УДК 341.987.2

DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-376-390

EDN <https://elibrary.ru/honjhn>

EDN HONJHN

Запрет ссылаться на свидетельские показания в случае несоблюдения простой письменной формы сделки в международном частном праве

А. А. Костин

Исследовательский центр частного права при Президенте РФ

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Email: a.kostin@k-legal.ru

Статья поступила в редакцию 19.11.2025

Введение: статья посвящена вопросу о квалификации правила относительно запрета ссылаться на свидетельские показания в качестве процессуальной или материальной нормы (п. 3 ст. 162 Гражданского кодекса РФ). **Цель:** изучить потенциал различных подходов к определению правовой природы указанной нормы, включая подходы, принятые в рамках отдельных зарубежных правовых систем, а также критически оценить соответствующие аспекты правоприменения.

Методы: исследование проведено с применением преимущественно частнонаучных методов. В частности, историко-правовой и юридико-догматический методы позволили структурированно изучить эволюцию и содержание указанного правового феномена. Кроме того, автором применялись такие методы, как метод толкования правовых норм, а также методология формальной логики для достижения цели исследования. **Результаты:** в раннем советском законодательстве возможность ссылаться на свидетельские показания квалифицировалась как материально-правовая. В дальнейшем в СССР требование о соблюдении письменной формы внешнеэкономической сделки приобрело характер норм непосредственного применения. В настоящее время указанная норма в рамках трансграничных отношений обладает материальным характером. Отдельно автор обращает внимание на целесообразность включения в российское законодательство положений, указывающих на то, что применение нормы иностранного права не может быть ограничено лишь на том основании, что данная норма имеет публично-правовой характер, по аналогии с пунктом 4 статьи 1194 Модельного кодекса стран СНГ. **Выводы:** российскому суду надлежит

© Костин А. А., 2026

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

применять иностранные нормы относительно возможности ссылаться на свидетельские показания в том случае, если на это указывает статья 1209 Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: международное частное право; применимое право; форма сделки; иностранное процессуальное право

Prohibition on Relying on Witnesses Testimony in Cases of Non-Compliance With the Simple Written Form of a Transaction in Private International Law

A. A. Kostin

Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation

MGIMO University

Email: a.kostin@k-legal.ru

Received 19 Nov 2025

Introduction: this article examines the question of whether the rule prohibiting reliance on witness testimony should be classified as a rule of procedural or substantive law (Item 3 of Article 162 of the Civil Code of the Russian Federation). **Purpose:** to explore the potential of various approaches to determining the legal nature of the aforementioned rule, including approaches adopted within specific foreign legal systems, and to critically assess the relevant aspects of law enforcement. **Methods:** the study was conducted using predominantly special legal research methods. In particular, the historical-legal and legal-dogmatic methods enabled a structured examination of the evolution and content of the legal phenomenon in question. The author also employed methods such as the interpretation of legal norms and the methodology of formal logic. **Results:** in early Soviet legislation, the possibility of relying on witness testimony was classified as referring to substantive law. Subsequently, in the USSR, the requirement for foreign economic transactions to be in writing acquired the character of directly applicable rules. Currently, this rule has a substantive-law character within cross-border relations. Separately, the author draws attention to the advisability of incorporation into Russian legislation of provisions stating that the application of a rule of foreign law cannot be restricted solely on the grounds that this rule is of a public-law nature, by analogy with Item 4 of Article 1194 of the Model Code of the CIS countries. **Conclusions:** Russian courts should apply foreign rules regarding the admissibility of witness testimony where Article 1209 of the Civil Code of the Russian Federation so provides.

Keywords: private international law; applicable law; form of transaction; foreign procedural law

Введение

В силу тех или иных причин (доверительные отношения, недостаточный уровень правовой культуры и иные подобные обстоятельства) стороны могут не обеспечить соблюдение требований относительно простой письменной формы сделки. В тех случаях, когда в силу российской коллизионной нормы применимым к форме сделки является иностранное право, возникает вопрос относительно применения российским судом положений статьи 162 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), согласно которой исключается ссылка на свидетельские показания в случаях несоблюдения простой письменной формы сделки.

Ответ на данный вопрос обусловлен отнесением российским судом положений статьи 162 ГК РФ к числу норм процессуального или материального

права. Так, нормы процессуального права обладают публично-правовой природой, в силу чего они подлежат применению независимо от того, какое материальное право подлежит применению в силу коллизионной нормы. По данному вопросу Б. Э. Нольде отмечал: «Если можно отказаться в пользу чужого закона от определения гражданских прав отдельных участников оборота данного государства, то представляется совершенно невозможным признать, что органы государственной власти будут функционировать согласно указаниям чужого права» [8, с. 569]. Кроме того, принцип ограниченного территориального действия процессуального права основывается на том, что процессуальная деятельность относится к суверенитету государства [24, с. 73]. Напротив, отнесение норм статьи 162 ГК РФ к числу положений материального права означало бы, что в случаях, когда это допускается иностранным правом, сторона вправе подтверждать факт

существования сделки с помощью свидетельских показаний (исторически привязка *locus regit actum*, в настоящее время предписывается применение права, относящегося к существу сделки, — п. 1 ст. 1209 ГК РФ).

Следует обратить внимание на то, что разъяснения, исходящие от Верховного Суда РФ, в целом можно охарактеризовать как недостаточно последовательные. В частности, в Обзоре практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) указывается: «Так, российскому праву известны случаи нахождения процессуальных норм в материальном законе (например, содержащиеся в Гражданском кодексе Российской Федерации положения о запрете ссылаться на свидетельские показания при несоблюдении письменной формы сделки (п. 1 ст. 162)...». В то же время, согласно пункту 23 Постановления Пленума ВС РФ № 24 от 9 июля 2019 г., «несмотря на то, что правило пункта 1 статьи 162 ГК РФ в случае несоблюдения простой письменной формы сделки предусматривает последствия процессуального характера (лишение стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания), данная норма является нормой материального права (пункт 1 статьи 1187 ГК РФ), а потому она не препятствует применению судом в соответствии со статьей 1209 ГК РФ иностранных норм, содержащих иные правила о форме сделок и последствиях их несоблюдения».

В свете того, что от возможности ссылаться на свидетельские показания зависит правильная квалификация соответствующих правоотношений между сторонами (договорные или внедоговорные — неосновательное обогащение; ведение чужих дел без поручения), далее рассмотрим вопрос о правовой природе статьи 162 ГК РФ во взаимосвязи с иными положениями российского права, регулирующими ситуации, когда стороны не могут представить документ, подтверждающий факт существования сделки (ч. 2 ст. 74 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ); ч. 8 ст. 75 Арбитражного процессуального кодекса РФ).

I. История правового регулирования запрета ссылаться на свидетельские показания в советском законодательстве

В качестве вводного замечания отметим, что положение о запрете ссылаться на свидетельские показания (ст. 162 ГК РФ) берет свои корни в Гражданском кодексе РСФСР 1922 года (далее — ГК РСФСР 1922 года) со следующими значимыми различиями.

1.1. Регулирование вопросов соблюдения письменной формы трансграничной сделки согласно ГК РСФСР 1922 года и ГПК РСФСР 1923 года

Согласно статье 27 ГК РСФСР 1922 года «сделки могут быть совершаемы на словах или в письменной форме». В то же время в соответствии со статьей 136

ГК РСФСР 1922 года в отношении договоров устанавливалось правило о том, что «договор на сумму свыше 500 рублей золотом должен быть совершен в письменной форме, особо предусмотренной законом». При этом в примечании к данной статье подчеркивалось следующее: «Несоблюдение правила, изложенного в сей статье, лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение спора на свидетельские показания». Также в абзаце 2 статьи 217 ГК РСФСР 1922 года указано, что «в тех случаях, когда договор займа должен быть совершен в письменной форме, оспаривание его путем свидетельских показаний не допускается, за исключением случаев уголовно наказуемых деяний».

В то же время для правильного понимания природы статей 27 и 136 ГК РФ также необходимо учитывать положения статьи 7 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1923 года (далее — ГПК РСФСР 1923 года), согласно которой «при рассмотрении судом договоров и актов, совершенных за границей, принимаются во внимание законы, действующие в месте совершения договора» [5, с. 18]. Как это не сложно заметить, указанное положение ГПК РСФСР 1923 года во многом основывалось на нормах Устава гражданского судопроизводства 1864 года, например, «форма сделки, насколько ею обуславливается действительность ее, подлежит обсуждению по законам места совершения как в том случае, когда акт совершен за границу, согласно местными законами в такой форме, которая при совершении его в России влекла бы за собою недействительность акта, так и в том, когда он по законам места своего совершения является недействительным вследствие несоблюдения такой, предписанной этими законами, формы, которая русскими законами для действительности данной сделки не требуется вовсе» [13, с. 600], и предполагало, что «договоры и акты, совершенные за границей, обсуждаются на основании законов того государства, в пределах коего они совершены, и признаются действительными, если только заключающаяся в них сделка непротивна общественному порядку и не воспрещена нашими законами» [19, с. 48; 1, с. 32].

В связи с указанной нормой А. Н. Макаровым отмечалось, что статья 7 ГПК РСФСР и аналогичные нормы, ранее содержащиеся в законодательстве БССР и УССР, представляют собой неполную двустороннюю коллизионную норму: они не определяют форму сделок, заключаемых между советскими гражданами за границей [11, с. 80]. При этом, как указывал исследователь, «статья говорит о совершенных за границей договорах (*sic!*) в целом, не различая содержания сделки от ее внешней формы». В этой связи в рассматриваемой работе указывалось, что «расчленив эти две неизбежные составные части всякого договора, мы должны будем признать, что поскольку ст. 7-я Гражданского Процессуального Кодекса имеет форму сделки, она подчиняет эту форму закону места совершения сделки без оговорок...».

Применительно к квалификации положений статьи 7 ГПК РСФСР 1923 года (в совокупности со ст. 27 и 136 ГК РСФСР 1922 г.) в качестве нормы процессуального или материального права А. Г. Гойхбаргом отмечалось: «Но соответственное правило [*locus regit actum*] может быть выведено из соответственных постановлений (правда, не материального, а процессуального) законодательства отдельных республик. Так, например, в статье 7 ГПК РСФСР (аналогичны постановления кодексов иных союзных республик)...» [3, с. 91]. В то же время С. Б. Крылов обращал внимание на то, что статья 7 ГПК РСФСР 1923 года сочетает в себе черты нормы процессуального и материального права [7, с. 172].

Важно отметить, что в последующем издании учебника С. Б. Крылова в соавторстве с И. Перетерским указывалось: «Из этой статьи должен быть прежде всего сделан тот вывод, что форма сделки, заключенной за границей, может определяться законом того государства, в пределах которого сделка совершена» [15, с. 110]. Представляется, что в данном случае авторы скорректировали ранее изложенную позицию, в которой утверждалось, что такая сделка должна быть признана недействительной, если лицо совершает сделку за границей с целью избежать соблюдения более строгих правил законодательства РСФСР [14, с. 91].

На наш взгляд, сочетание статей 27 и 136 ГК РСФСР 1922 года в совокупности со статьей 7 ГПК РСФСР 1923 года позволяет сделать вывод о материально-правовой природе запрета ссылаться на свидетельские показания в случае несоблюдения простой письменной формы сделки (то есть о возможности ссылаться на свидетельские показания в том случае, если это допускалось законодательством государства — места заключения сделки). В противном случае коллизионный вопрос применительно к форме сделки, заключенной за границей, не мог бы возникнуть в принципе и советский суд должен был применить статьи 27 и 136 ГК РСФСР 1922 года без обращения к нормам иностранного права в случае несоблюдения письменной формы сделки.

В подтверждение данного подхода обратимся к толкованию статей 27 и 136 ГК РСФСР 1922 года в практике иностранных судов, а именно к решению Апелляционного суда Берлина («Каммергерихт») от 27 октября 1927 г. (номер решения по первой инстанции 8 U 6828/27). Ранее указанное решение упоминалось в советской доктрине в контексте проблемы квалификации без указания реквизитов решения [10, с. 258], а также иностранными правоведками [26, с. 104]. В свою очередь, правильные и полные реквизиты данного судебного решения приводятся в работе автора настоящей статьи [6, с. 159]. Рассмотрим данный иностранный судебный акт подробнее.

В рамках рассматриваемого дела истец обратился через германский суд к советскому обществу,

обосновывая подсудность спора наличием у ответчика отделения в г. Берлине. Требования истца основывались на том, что в г. Москве между сторонами был заключен трудовой договор, предусматривавший выплату процентного вознаграждения. Ответчик, со своей стороны, ссылался на изменение условий указанного соглашения посредством последующей договоренности в устной форме. При этом содержание данной договоренности ответчик рассчитывал подтвердить ссылкой на свидетельские показания (по всей видимости, намеревался направить судебное поручение в СССР на основании Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией о правовой помощи в гражданских делах от 25.10.1925).

При разрешении данного дела суд первой инстанции сослался на положения статьи 136 ГК РСФСР 1922 года, исключавшей возможность ссылки на свидетельские показания, в случае несоблюдения простой письменной формы договора на сумму, превышающую 500 червонцев. Тем самым в рамках рассматриваемого дела суд первой инстанции квалифицировал вопросы формы сделки как материально-правовые, а не процессуальные, в результате чего требования истца были удовлетворены.

В свою очередь, в рамках апелляционного обжалования заявитель ссылался на неправильную квалификацию правоотношения судом первой инстанции. Так, по его мнению, в данном случае подлежал применению пункт 2 § 14 Вводного закона к Германскому гражданскому процессуальному уложению 1877 г. (далее — «Вводный закон к ГГПУ»), в силу которого утрачивают силу положения законов земель [Германии], исключаяющие допустимость отдельных средств доказывания: *Die prozeßrechtlichen Vorschriften der Landesgesetze treten für alle bürgerlichen Rechtsstreitigkeiten, deren Entscheidung in Gemäßheit des § 3 nach den Vorschriften der Zivilprozeßordnung zu erfolgen hat, außer Kraft, soweit nicht in der Zivilprozeßordnung auf sie verwiesen oder soweit nicht bestimmt ist, daß sie nicht berührt werden.*

По мнению заявителя, основная цель данного регулирования состояла в исключении действия статьи 1341 Французского гражданского кодекса 1804 года (далее — ФГК): «Любые сделки, включая добровольное хранение, превышающие сумму или стоимость, установленную декретом, должны быть оформлены нотариально удостоверенным документом или документом, составленным в простой письменной форме; при этом не принимаются никакие свидетельские показания, как ставящие под сомнение или выходящие за пределы содержания этих документов, так и те, которые относятся к утверждениям, якобы имевшим место до, во время или после составления этих документов, даже если речь идет о меньшей сумме или стоимости»¹. Эта статья исключала ссылку на свидетельские показания в случае

¹ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 4.

несоблюдения простой письменной формы сделки в Эльзасе и Лотарингии (указанные области вошли в состав Германии по итогам Франко-прусской войны 1871 г.). По мнению заявителя, в данном случае можно констатировать следующее: «Такое французское положение было в точности воспроизведено в российском ГК» (нем. *Jener französischen Bestimmung sei nun aber die Bestimmung des russ. BGB genau nachgebildet*).

В то же время Апелляционный суд Берлина отметил, что требование советского права о соблюдении требований к форме сделки (ст. 136 ГК РСФСР 1922 г.) надлежит рассматривать не как требование к форме сделки (лат. *ad formam*), а как норму, исключаящую определенные средства доказывания (лат. *ad probationem negotii*). Вместе с тем, по мнению Апелляционного суда, предписание статьи 136 ГК РСФСР 1922 года должно действовать как предписание о форме, пока соблюдение предписанной законом письменной формы обеспечивается посредством исключения свидетельских показаний.

В обоснование данного подхода Апелляционный суд Берлина сослался на работу германского ученого Л. фон Бара «Международное частное право», в которой утверждалось, что соблюдение требований к форме сделки (в том числе применительно к возможности ссылаться на свидетельские показания в случае несоблюдения простой письменной формы сделки) представляет собой единственный способ удовлетворить обоснованные ожидания сторон сделки [20, с. 864]. В частности, если законодательством государства – места совершения сделки не допускается ссылка на свидетельские показания, то было бы неправильно возлагать на лицо обязательство в другой стране. Напротив, по мнению Л. фон Бара, если законодательством определенного государства допускается ссылка на показания свидетелей по всем вопросам, то каждая из сторон договора вправе полагать, что «тот, кто однажды дал свое слово, неважно в какой форме, связан им».

Отметим, что указанное решение Апелляционного суда Берлина сопровождалось статьей российского адвоката Й. Рабиновича «Комментарий к решению Каммергерихта [Апелляционного суда Берлина]» от 25 октября 1927 г., которую мы считаем необходимым рассмотреть максимально подробно [22, с. 448].

По мнению автора, вывод германского суда относительно применимости правила о (не)допустимости ссылаться на свидетельские показания в случае несоблюдения простой письменной формы сделки основывается на преобладающей в начале XX века доктрине. Так, Й. Рабинович ссылался на резолюцию Института международного права, согласно которой «допустимость средств доказывания и их доказательственная сила определяются правом места, где имели место факт или действие, которые необходимо доказать».

Вместе с тем автор обратил внимание на различия между положениями статьи 1341 Французского гражданского кодекса 1804 года и статьи 136 ГК

РСФСР 1922 года. В частности, по мнению автора, в советском праве недопустимость ссылки на свидетельские показания рассматривается как требование к форме. В поддержку данного тезиса автором отмечалось, что в противном случае возникла бы ситуация, когда при рассмотрении спора, вытекающего из договора, подчиненного германскому праву, французский суд должен был бы применить статью 1341 ФГК, несмотря на положения Вводного закона ГГПУ 1877 года, допускающие ссылки на свидетельские показания в случае несоблюдения простой письменной формы сделки.

Подводя итог данному разделу, отметим, что в раннем советском законодательстве вопросы возможности ссылаться на свидетельские показания квалифицировались как материально-правовые для целей их применения на основании коллизионной нормы. Подобный вывод подтверждается практикой иностранных судов, в рамках которой статья 136 ГК РСФСР 1922 года квалифицировалась как материально-правовая (решение Каммергерихта [Апелляционного суда Берлина] от 25.10.1927).

1.2. Регулирование вопросов письменной формы внешнеторговой сделки согласно Постановлению ЦИК «О порядке подписания внешнеэкономических сделок» от 13 октября 1930 г.

В качестве вводного замечания отметим, что статьи 27 и 136 ГК, а также статья 7 ГПК РСФСР 1923 года формально сохраняли свое действие до момента прекращения их действия в связи с принятием ГК РСФСР 1964 года и ГПК РСФСР 1964 года.

В то же время принятие Постановления ЦИК 1930 г. «О порядке подписания внешнеэкономических сделок» (С. 3. СССР, 1930 (56), ст. 583) коренным образом изменило подход к квалификации требований о письменной форме сделки в сфере внешней торговли. Так, согласно пункту 1 Постановления «договоры по внешней торговле, совершаемые за границей от имени торговых представительств Союза ССР и их отделений, выдаваемые ими за границей векселя, всякого рода денежные обязательства и доверенности действительны лишь при условии подписания их двумя лицами».

Принятие Постановления ЦИК 1930 года «О порядке подписания внешнеэкономических сделок» было обусловлено общей тенденцией, направленной на перенос места разрешения споров в СССР, а также общим упорядочиванием регулирования в сфере внешней торговли. А. Г. Гойхбарг по данному вопросу отмечал: «Имея совершенно обоснованные рекламации к иностранным фирмам, мы, опасаясь отказа в них со стороны иностранного суда или арбитража, весьма часто шли на мировую с фирмой и получали только часть наших рекламаций» [4, с. 1].

Одна из причин данного подхода состояла в том, что в ряде случаев иностранные суды ссылались на наличие устного соглашения, изменяющего

содержание договора. В подтверждение наличия данного обстоятельства сошлемся на телеграмму Торгпредства СССР в Японии № 699 от 3 марта 1931 г. (из личного архива автора, цитируется впервые).

В указанном документе обращалось внимание ответственного лица в Консульстве СССР в Японии на то, что в рамках заседания в японском суде будут опрашиваться свидетели «бывш. служащие Центросоюза [подданные Японии], от показаний которых будет зависеть результат этого дела». Поскольку, по мнению представителей торгпредства, «едва ли эти свидетели покажут в пользу Центросоюза», следовало бы «покончить это дело миром, уплатив 2/3 суммы иска».

Применительно к положениям Постановления ЦИК 1930 года в советской доктрине [15, с. 109] обращалось внимание на то, что приведенные правила советского закона (относительно соблюдения формы сделки) должны быть признаны подлежащими применению и за границей – это следует из текста указанного постановления, где содержится упоминание о сделках торгпредств, которые заключаются за границей. Иными словами, в данном случае за Постановлением ЦИК 1930 года, по сути, признавалось экстерриториальное действие.

Равным образом тезис об экстерриториальном действии Постановления ЦИК 1930 года нашел свое подтверждение в практике Внешнеторговой арбитражной комиссии.

В этой связи обратим внимание на решение по делу «Шенкер против Разноимпорт» (1937 г.) [2, с. 26]. В рамках рассматриваемого дела истец (иностранная фирма) ссылался на то, что представителем Торгпредства ему было дано устное обещание. По утверждению истца, представителем советского Торгпредства было согласовано более высокое вознаграждение по сравнению с тем, которое было согласовано договором.

Вместе с тем коллегией арбитров было отмечено следующее: «По очевидному смыслу закона тот же порядок должен быть соблюден и при изменении заключенных уже внешнеторговых сделок. Лишь при наличии указанных условий лица, заключающие внешнеторговые сделки от имени советских внешнеторговых объединений, должны признаваться надлежаще уполномоченными на представительство объединений. Поэтому, согласно международному частному праву, упомянутые здесь постановления высших органов СССР подлежат применению даже в тех случаях, когда соответствующая внешнеторговая сделка подпадает под действие права другой страны» [2, с. 26].

Аналогично в решении по делу «Эй энд Пи Импорт Ко» к В/О «Разноэкспорт» [2, с. 26] возник вопрос о статусе устных заявлений представителя внешнеторгового объединения относительно уменьшения размера спичечных коробков, которые выступали предметом договора поставки. В этой связи коллегией арбитров было указано: «Внешнеторговая

арбитражная комиссия [далее – ВТАК. – А. К.] не может придать значения в вопросе о договорных обязанностях ответчика, во всяком случае, и по другой причине. Согласно закону (Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 13.10.1930) заключаемые советскими хозяйственными организациями с иностранными контрагентами сделки по внешней торговле и другие внешнеторговые обязательства действительны только при условии подписания их от имени указанных организаций двумя лицами, имеющими надлежащие полномочия; отсюда вытекает, что письменные условия соответствующим образом подписанной внешнеторговой сделки определяют все ее содержание, и восполнение последнего согласованными устно условиями недопустимо».

В свете изложенного в судебно-арбитражной практике отмечалось, что изменение условий договора (в том числе посредством обмена письмами) могло иметь место только при условии подписания соответствующих писем лицами, уполномоченными в соответствии с Постановлением ЦИК 1930 года (решение ВТАК по делу «Фанто Маатчапай против Советнефтеэкспорт» 1940 г.) [2, с. 26].

В рамках рассматриваемого дела возник вопрос о факте заключения договора посредством обмена письмами между советским внешнеторговым объединением и иностранной компанией. В этой связи коллегией арбитров было отмечено: «Письмо от 3 сентября 1939 г., в котором ответчик подтверждал продажу, было подписано от имени В/О «Союзнефтеэкспорт», как заявил в заседании Внешнеторговой арбитражной комиссии представитель ответчика, лицами, уполномоченными в соответствии с действующим законодательством на подписание внешнеторговых сделок».

Важно отметить, что в отношении сделок, не относящихся к числу внешнеторговых (то есть сделок, которые, во-первых, заключаются с иностранными фирмами и, во-вторых, имеют своим содержанием ввоз товаров из-за границы или вывоз товаров за границу), советское право не устанавливало специальных правил. Так, в тех случаях, когда сделка заключалась в СССР, в силу статьи 7 ГПК РСФСР в отношении ее формы и содержания подлежало применению советское право [15, с. 109], в частности, в соответствии с Циркуляром Наркомата юстиции от 23 августа 1928 г. № 117 «О порядке заключения гражданами Польской Республики в пределах РСФСР всякого рода договоров и сделок имущественного характера» [16, с. 7]. При этом специального регулирования в отношении «обычных» сделок, совершаемых иностранцами (не относящихся к категории внешнеторговых), советским законодательством не устанавливалось.

В этой связи обратим внимание на Циркуляр Наркомата юстиции от 23 августа 1928 г. № 117 «О порядке заключения гражданами Польской Республики в пределах РСФСР всякого рода договоров и

сделок имущественного характера». Согласно указанному Циркуляру «граждане Польской Республики, проживающие в пределах РСФСР, выбирать на свое имя промысловые свидетельства на ведение промышленного, торгового, кустарного или ремесленного предприятия, приобретать, продавать, арендовать или сдавать в аренду указанные предприятия, равно как участвовать в эксплуатации указанных предприятий на правах полного товарища, товарища на вере, вкладчика или простого товарища, арендовать (или участвовать в арендовании) муниципализированные дома или дачи, приобретать или продавать, арендовать или сдавать в аренду частновладельческие дома и дачи, заключать договоры застройки на дома или дачи, состоять торговыми доверенными, опекунами или попечителями других лиц, а также заключать всякого рода другие договора и сделки имущественного характера (купли-продажи, подряда поставки, займа, и т. п.), требующие нотариального удостоверения или регистрации на бирже, могут <...> лишь при условии предварительного представления в каждом отдельном случае особого удостоверения (справки) НКЮ РСФСР о неимении к тому препятствий».

Как мы можем отметить, в данном случае рассматриваемый Циркуляр не устанавливал специальные правила относительно заключения сделок между польскими и советскими гражданами.

В заключение данного раздела подчеркнем, что в советской доктрине и правоприменительной практике специально не рассматривался вопрос о форме сделок, заключенных за границей между советскими и (или) иностранными гражданами. В частности, И. С. Перетерским и С. Б. Крыловым отмечалось, что из положений статьи 7 ГПК РСФСР следовал тот вывод, что сделка, заключенная за границей в форме, предписанной местным законодательством, является недействительной в СССР, если форма нарушает установленные нашим законом безусловно обязательные требования [2, с. 26]. Однако вопрос о соблюдении требований простой письменной формы в отношении сделок, не являющихся внешнеторговыми, указанными авторами не был изучен. По всей видимости, подобная ситуация рассматривалась как экзотическая, в связи с чем в доктрине данные вопросы практически не исследовались.

1.3. Регулирование вопросов письменной формы внешнеторговой сделки согласно ГК РСФСР 1964 года

Следует отметить, что введение в действие ГК РСФСР 1964 года не привело к существенному изменению подходов к регулированию внешнеторговых сделок.

В этой связи обратим внимание на абзац 1 статьи 565 ГК РСФСР 1964 года, согласно которой «форма сделки, совершаемой за границей, подчиняется закону места ее совершения. Однако сделка не может быть признана недействительной вследствие

несоблюдения формы, если соблюдены требования законодательства Союза ССР и настоящего Кодекса».

При этом согласно абзацу 2 статьи 565 ГК РСФСР «форма внешнеторговых сделок, совершаемых советскими организациями, и порядок их подписания, независимо от места совершения этих сделок, определяются законодательством Союза ССР».

В данном случае требование о соблюдении формы внешнеторговой сделки в советской доктрине квалифицировалось как проявление позитивной функции публичного порядка. Как отмечалось по данному вопросу Л. А. Лунцем, «рассматриваемая норма ГК РСФСР возводится в ранг законов публичного порядка в позитивном смысле слова». Далее советский автор указывал, что «наряду с концепцией публичного порядка в негативном смысле существует категория публичного порядка в позитивном смысле, то есть существует (во всех государствах) определенная группа норм отечественного права, применяемых и в случае отношений с иностранным элементом и вытесняющих коллидирующие с ними иностранные нормы» [9, с. 71].

Подобный подход к применению правил относительно соблюдения требований к письменной форме сделки мы находим в практике ВТАК после Великой Отечественной войны.

В первую очередь обратим внимание на решение ВТАК по делу «Гофман против В/О Машиноимпорт» от 30 января 1954 г. В рамках рассматриваемого дела истец (гражданин Швейцарии) ссылался на наличие договорных отношений с В/О «Машиноимпорт», которые возникли в связи с тем, что компания Mercantile передала свои требования по договору поставки арматуры с В/О «Машиноимпорт». Как утверждалось истцом, представитель внешнеторгового объединения был уведомлен о данной уступке в рамках устной встречи, которая состоялась в Вене. Тем самым в данном случае возник вопрос как о существовании арбитражного соглашения, так и о существовании договорных отношений между гражданином Гофманом и В/О «Машиноимпорт».

По вопросу о наличии компетенции у третейского суда коллегией арбитров было отмечено, что в данном случае внешнеторговое объединение дало свое согласие на рассмотрение спора. Тем самым арбитры признали свою компетенцию по рассмотрению дела.

В то же время в контексте существования договорных отношений арбитрами было отмечено, что сделки с участием внешнеторговых объединений подлежат совершению в письменной форме в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 октября 1930 г. Как было установлено арбитрами, гражданин Гофман принимал участие в устных переговорах с представителем внешнеторгового объединения и направил письмо, содержащее оферту относительно поставки товара (арматуры). При этом договор в виде документа между сторонами отсутствовал, в связи с чем коллегия арбитров констатировала

отсутствие договорных отношений, поэтому в удовлетворении требований было отказано.

Аналогично в решении ВТАК по делу № 22/1977 от 6 октября 1977 г. рассматривался вопрос о действительности договора поставки, заключенного между шри-ланкийской компанией и советским внешнеторговым объединением [21, с. 4]. В свете того, что договор был заключен в Республике Шри-Ланка, коллегия арбитров пришла к выводу о том, что к договору применяется Закон Шри-Ланки.

В то же время шри-ланкийская компания ссылалась на существование устного соглашения, изменявшего условия первоначального договора. В этой связи коллегией арбитров было отмечено, что в данном случае между сторонами не были соблюдены требования относительно письменной формы сделки, несмотря на наличие писем, направленных в адрес внешнеторгового объединения.

Наконец, считаем необходимым обратить внимание на решение ВТАК по делу «Джок Ойл Лимитед против Совнефтеэкспорт» от 9 июля 1984 г., которое касалось как вопроса об автономном характере арбитражного соглашения, так и действительности основного договора. Как было отмечено арбитрами, «в ходе рассмотрения дела было установлено, что в течение длительного времени и “Союзнефтеэкспорт”, и “Джок Ойл” считали этот контракт действительным и более того – в значительной части исполнили контракт. Это обстоятельство, однако, не может служить основанием для неприменения императивного правила упомянутой выше статьи 14 Основ (ст. 45 ГК) о недействительности внешнеторговой сделки в случае несоблюдения порядка ее подписания»¹.

Применительно к регулированию вопросов формы внешнеэкономической сделки в СССР считаем необходимым обратить внимание на оговорку к статье 11 Венской конвенции 1980 года, согласно которой допускается доказывание существования договора любыми средствами доказывания, включая свидетельские показания. Как отмечалось в литературе, оговорка СССР к Венской конвенции 1980 года была обусловлена императивным характером указанных норм СССР относительно соблюдения порядка подписания внешнеэкономических сделок [23, с. 27; 25, с. 154].

Наконец, следует обратить внимание на проект Закона СССР «О международном частном праве и международном гражданском процессе» 1991 года, которым закреплялись нормы, идентичные ГК РСФСР 1964 года и Основам гражданского законодательства Союза ССР. Как было отмечено в примечании к статье 20 Проекта Закона, указанная норма повторяет статью 125 Основ гражданского законодательства СССР.

II. Регулирование требований к форме сделки в международном частном праве в российском законодательстве

Применительно к регулированию требований к форме сделки в отечественном международном частном праве в первую очередь обратим внимание на положения Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года (далее – ОГЗ 1991 года). Несмотря на принятие данного нормативного акта в СССР, он урегулировал вопросы требований к форме внешнеэкономической сделки вплоть до принятия части III ГК РФ.

2.1. Требования к форме сделки согласно статье 165 ОГЗ 1991 года и статье 162 ГК РФ

В качестве вводного замечания укажем, что положения ОГЗ 1991 года в целом воспроизводили подход к регулированию требований относительно формы сделки в международном частном праве, ранее содержащийся в ОГЗ 1964 года и ГК РСФСР 1964 года.

Так, согласно абзацу 1 статьи 165 ОГЗ 1991 года «форма сделки подчиняется праву места ее совершения. Однако сделка, совершенная за границей, не может быть признана недействительной вследствие несоблюдения формы, если соблюдены требования советского права». В свою очередь, согласно абзацу 2 статьи 165 ОГЗ 1991 года «форма внешнеэкономических сделок, совершаемых советскими юридическими лицами и гражданами, независимо от места совершения этих сделок определяется законодательством Союза ССР». Как можно заметить, в данном случае сохранялась дихотомия регулирования в отношении внешнеэкономических и «бытовых» сделок согласно ОГЗ 1991 года [24, с. 34].

В свете предписания абзаца 2 статьи 165 ОГЗ 1991 года вопросам соблюдения требований к форме внешнеэкономической сделки придавался характер нормы непосредственного применения («сверхимперативной нормы»). В этой связи обратим внимание на Решение Международного коммерческого арбитражного суда (далее – МКАС) от 17 февраля 1997 г. по делу № 150/1996. В данном случае коллегия арбитров пришла к выводу о том, что предписания коллизионных норм, содержащихся в статье 165 ОГЗ 1991 года и статье 162 ГК РФ (форма внешнеэкономической сделки), носят императивный характер (то есть о действии данных норм независимо от иностранного права, подлежащего применению). На основании изложенного коллегия арбитров признала указанный договор недействительным.

Равным образом, как отмечалось М. Г. Розенбергом в решении МКАС от 28 мая 1999 г. по делу № 243/1998 [25, с. 45], по иску бельгийской фирмы к российской организации было признано несостоявшимся соглашение сторон об изменении условий

¹ См.: Коммерческий арбитраж. 2007. № 2. С. 135–167.

контракта, отношения по которому регулировались бельгийским правом, с учетом того, что изменение не было оформлено в письменной форме.

Наконец, следует обратить внимание на то, что сохранила свое действие оговорка, сделанная СССР к Венской конвенции 1980 года, относительно соблюдения требований к письменной форме сделки. В то же время важно учитывать, что иностранные суды вместо оговорки СССР к Венской конвенции 1980 года в контексте вопросов существования договора применяли положения «внутреннего» гражданского законодательства. В этой связи обратим внимание на решение Верховного Суда Нидерландов от 7 ноября 1997 г. по делу N 16.436 (JT Schuermans v. Boomsma Distillery).

В рамках рассматриваемого дела бельгийский коммерсант, обладавший коммерческим предприятием в России, обратился с иском к голландской компании, ссылаясь на факт заключения договора. В обоснование своих требований истец ссылался на то, что факт принятия платежа ответчиком и неза явление возражений означает факт заключения договора. В то же время голландским судом было отмечено, что бельгийский коммерсант имел свое местонахождение в Российской Федерации, которая связана заявлением в соответствии со статьями 96 и 12 Венской конвенции 1980 года. Ввиду этого, по мнению голландского суда, положения Венской конвенции 1980 года, разрешающие делать оферту в любой форме, кроме письменной, не применяются, и вопрос должен решаться в соответствии с применимым внутренним правом.

В заключение данного раздела отметим, что в ОГЗ 1991 года сохранялась проблема, касающаяся определения права, применимого к «бытовым» сделкам (то есть не относящимся к категории внешнеэкономических).

Подводя итог, подчеркнем, что ОГЗ 1991 года и статья 162 ГК РФ в целом воспроизводили подход, ранее содержавшийся в ОГЗ 1964 года и ГК РСФСР 1964 года. Так, в силу прямого на то указания в статье 165 ОГЗ 1991 года требования о соблюдении письменной формы внешнеэкономической сделки приобретали характер норм непосредственного применения. При этом в отношении бытовых сделок действовало общее правило относительно определения формы сделки согласно законодательству государства – места совершения (при этом лицо не могло ссылаться на несоответствие формы сделки законодательству места ее совершения в том случае, если она удовлетворяла требованиям российского права).

2.2. Требования к форме сделки согласно статьям 1209 (в редакции до 01.09.2013) и 162 ГК РФ

Обратим внимание на то, что в исходной редакции статьи 1209 ГК РФ подход к регулированию формы трансграничной сделки в целом совпадал с предшествующим подходом ОГЗ 1991 года.

Как это следовало из пункта 1 статьи 1209 ГК РФ, «форма сделки подчиняется праву места ее совершения. Однако сделка, совершенная за границей, не может быть признана недействительной вследствие несоблюдения формы, если соблюдены требования российского права». При этом в пункте 2 статьи 1209 ГК РФ предусматривалось, что «форма внешнеэкономической сделки, хотя бы одной из сторон которой является российское юридическое лицо, подчиняется независимо от места совершения этой сделки российскому праву. Это правило применяется и в случаях, когда хотя бы одной из сторон такой сделки выступает осуществляющее предпринимательскую деятельность физическое лицо, личным законом которого в соответствии со статьей 1195 настоящего Кодекса является российское право».

В свою очередь, в правоприменительной практике МКАС при Торгово-промышленной палате России, в частности в Решении от 17 декабря 2007 г. по делу № 35/2007, обращалось внимание на сверхимперативный характер пункта 2 статьи 1209 ГК РФ. В Решении указывалось, что в соответствии с пунктом 3 статьи 162 ГК РФ несоблюдение требования письменного оформления внешнеэкономической сделки (в простой письменной форме) приводит к признанию ее юридически недействительной. При этом отмечалось, что, по утверждению российской арбитражной практики и доктринальных источников, пункт 3 статьи 162 ГК РФ содержит «сверхимперативную» норму в значении статьи 1192 ГК РФ.

В развитие данного тезиса отметим, что в рассматриваемый период в правоприменительной практике подлежало применению именно российское право, регулирующее вопросы письменной формы сделки.

В силу указанного правового регулирования, а также с учетом оговорки, сделанной СССР к Венской конвенции 1980 года, внешнеэкономические сделки, заключенные в нарушение требования о письменной форме сделки, рассматривались как недействительные (ничтожные) и равным образом не допускались ссылки на свидетельские показания.

В этой связи обратим внимание на Решение Саяногорского городского суда Республики Хакасия от 8 ноября 2010 г. по делу № 2-1359/2010. В рамках рассматриваемого дела белорусский гражданин ссылался на заключение договора купли-продажи пиломатериалов с российским индивидуальным предпринимателем. При рассмотрении данного дела районным судом было отмечено, что «из материалов дела, пояснений ответчика установлено, что между 3. и ответчиком П., осуществляющим предпринимательскую деятельность в качестве предпринимателя, была достигнута договоренность о поставке пиломатериала истцу. Таким образом, подлежит применению гражданское право Российской Федерации».

Равным образом в Решении Арбитражного суда Астраханской области от 14 ноября 2011 г. по делу № А06-4312/2011 указывалось, что «в судебном

заседании представитель истца суду пояснял, что имеются свидетели, которые видели спорный товар у ответчика на складе и в магазине, а также представлено письмо от генерального директора “Ландоньо Трейдинг, Л.С.” о том, что соглашение о поставке товара с ответчиком было достигнуто путем ведения телефонных переговоров и электронной переписки. Однако, в силу положений статьи 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, факт заключения сделки свидетельскими показаниями доказываться не может»¹.

Вместе с тем в отношении формы сделок, заключенных между иностранными лицами, применялись требования, действовавшие в государстве заключения даже в тех случаях, когда сделка обладала тесной связью с Российской Федерацией. Так, в Решении Арбитражного суда Краснодарского края от 26 июня 2008 г. по делу № А-32-958/2008-16/19 рассматривался вопрос о действительности договора поставки, заключенного между германской и кипрской компаниями. В данном случае российским судом было отмечено следующее: «Учитывая, что истец подтверждает получение от ответчика предложения заключить на вышеназванных условиях такой договор, суд считает возможным сослаться на коллизионные нормы статьи 1211 ГК РФ, отсылающей к российскому праву, поскольку иного в данном деле не выявлено. Утверждения ответчика о необходимости применить статью 1209 ГК РФ не могут быть приняты во внимание, поскольку между сторонами нет спора о форме сделки». Суд принял во внимание «клятвенные заверения» свидетеля.

При этом обращаем внимание, что вопрос о допустимости свидетельских показаний теоретически также мог возникнуть применительно к «бытовым сделкам», заключенным российскими и иностранными гражданами за рубежом.

2.3. Реформа статьи 1209 ГК РФ в части требований к форме сделки (Федеральный закон от 30.09.2013 № 260-ФЗ)

Реформа российского гражданского законодательства затронула различные нормы части VI ГК РФ, включая статью 1209 ГК РФ. В частности, в пункте 2.6 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации отмечалось: «В статье 1209 ГК нашел проявление принцип альтернативного применения права разных стран путем признания достаточным соблюдения менее строгих требований касательно формы сделки одного из поименованных правопорядков (принцип *favor negotii*). В качестве таких правопорядков названы право места совершения сделки и российское право, если сделка совершена за границей. С учетом широко распространенного международного подхода предлагается использовать в качестве дополнительной альтернативной

коллизионной привязки отсылку к праву, регулиющему существо обязательства (*lex causae*)».

Подход, изначально предложенный в Концепции развития гражданского законодательства и впоследствии реализованный в действующей редакции, следует признать верным ввиду следующего. Так, еще в XIX веке немецким ученым Г. Дернбургом отмечалась ненадежность использования критерия места заключения сделки в коллизионной норме («В случае отсутствия особо выраженной воли сторон прежде всего следует принять во внимание все места, к которым данное обязательство имеет какое-либо отношение, как, напр., место возникновения, исполнения и т. д.; а из всех этих мест — отдавать предпочтение наиболее существенному с объективной точки зрения. Таковым не является, как многие думают, место возникновения обязательства; оно может быть совершенно случайным и даже неизвестным сторонам, напр., при заключении договора в вагоне железной дороги во время увеселительной поездки»).

С подобным подходом следует согласиться ввиду следующего. Предположим, два индивидуальных предпринимателя (ни один из которых не зарегистрирован в Российской Федерации) заключают сделку на территории государства, законодательство которого предписывает особые требования относительно формы сделки (например, написание числительных в договоре от руки с расшифровкой). В данном случае последовательное применение правила *locus regit actum* могло бы привести к недействительности сделки по причине несоблюдения формы, притом что с точки зрения права, применимого к существу сделки, она бы была действительна.

В свете изложенного выше подход к определению права, применимого к форме сделки, который реализован в пункте 1 статьи 1209 ГК РФ, следует считать оправданным. Так, в силу действующей формулировки пункта 1 статьи 1209 ГК РФ основной коллизионной привязкой, регуливающей форму сделки, выступает именно право, применимое к существу сделки, однако при этом не допускается признание сделки недействительной, в случае соблюдения законодательства государства — места совершения сделки, а применительно к российским гражданам и юридическим лицам — российского права. Тем самым реализуется принцип *favor negotii*.

Отдельно отметим, что коллизионный критерий места заключения сделки также реализован в пункте 3 статьи 1202 ГК РФ и пункте 2 статьи 1224 ГК РФ.

Так, согласно пункту 3 статьи 1202 ГК РФ исключается ссылка юридического лица на ограничение полномочий его органа или представителя, неизвестное праву страны совершения сделок (за исключением случаев, когда будет доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была

¹ URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6651112d-8384-48f3-89a5-1655403f5f2f>

знать об указанном ограничении). На момент своего принятия указанная норма (п. 3 ст. 1202 ГК РФ), по сути, дополняла собой положения пункта 1 статьи 1209 ГК РФ, согласно которой соблюдение формы сделки оценивалось с точки зрения законодательства государства его заключения. Однако в настоящее время в качестве основной коллизионной привязки, регулирующей вопросы формы сделки, используется именно право государства, применимое к существу сделки. В этой связи, возможно, положения пункта 3 статьи 1202 ГК РФ нуждаются в пересмотре с учетом действующей редакции пункта 1 статьи 1209 ГК РФ.

Равным образом согласно пункту 2 статьи 1224 ГК РФ способность лица к составлению и отмене завещания, а также форма такого завещания или акта его отмены определяются по праву страны, где завещатель имел место жительства в момент составления такого завещания или акта. При этом завещание или его отмена не могут быть признаны недействительными вследствие несоблюдения формы, если она удовлетворяет требованиям права места составления завещания или акта его отмены либо требованиям российского права. Как можно заметить, с точки зрения пункта 2 статьи 1224 ГК РФ способность лица к составлению (*mutatis mutandis* отмене завещания) императивно регулируется законодательством государства последнего места жительства. В целях обеспечения принципа *favor negotii* представляется более корректным также допустить применение к вопросам способности лица к составлению завещания законодательства государства (по аналогии с п. 3 ст. 1203 ГК РФ).

2.4. Практика применения иностранных норм о допустимости ссылки на свидетельские показания¹

Изменение подхода к регулированию формы внешнеэкономической сделки (отказ от императивного подчинения внешнеэкономической сделки российскому праву) привело к тому, что вопросы применения иностранных норм о допустимости ссылаться на свидетельские показания стали чаще встречаться в российской судебной практике. Начнем с анализа дел, связанных с применением английского права.

Английское право

В первую очередь обратим внимание на Апелляционное определение Московского городского суда от 04.03.2021 № 33-2378/2021.

В рамках рассматриваемого дела между иностранной компанией и физическим лицом был предположительно заключен договор займа. В то же время оригинал договора не был представлен.

В целях обоснования содержания иностранного права истцом было представлено правовое заключение, из которого следовало, что «заключение договора займа в письменном виде не является

обязательным условием его действительности. Отсутствие письменного договора займа не исключает факта заключения соответствующего договора в устной форме. Устный договор также порождает соответствующие права и обязанности сторон, оговоренные в устном соглашении. Оформление договоров займа в письменном виде, согласно английскому праву, не требуется».

Применительно к доводам истца суд отметил, что займодавец является компанией, учрежденной в Великобритании, в связи с чем отношения займодавца и заемщика по указанным договорам займа регулируются английским правом, и посчитал необходимым взыскать задолженность по договорам займа.

В то же время важно подчеркнуть, что в рамках рассматриваемого дела истец представил выписки по банковскому счету, из которых следовало, что деньги поступили на счет должника. Тем самым в данном деле вопрос о ссылке на свидетельские показания в подтверждение существования обязательства не возник.

Напротив, в Решении Пресненского районного суда города Москвы от 17 июня 2016 г. по делу № 2-529/2016 также рассматривался вопрос о существовании договора займа, подчиненного российскому праву. В обоснование своих требований истец сослался на заключение специалиста по английскому праву, согласно которому «английское право гибко в отношении формы, которую может принять договор займа. Нет никакого требования о том, что такое соглашение должно быть заключено в письменной форме. По английскому праву, в случае признания или установления того факта, что деньги были заплачены лицом А лицу Б, существует юридическая презумпция, что лицо Б обязано вернуть деньги, независимо от того, существует ли формальный договор займа или нет. (Рекомендации § 38–259, Решение апелляционного суда по делу *Seldon v Davidson* [1968] 1 WLR 1083)». В то же время российский суд указал, что в данном случае истец не доказал факт заключения договора и равным образом факт заключения соглашения о применимом праве. Тем самым российский суд рассматривал вопрос о существовании договора займа на основании пункта 3 статьи 162 ГК РФ.

Наконец, в Апелляционном определении Московского городского суда от 18.03.2016 по делу № 33-9084/2016 рассматривался вопрос о возникновении траста в отношении имущества, находящегося в России. В обоснование возникновения траста истец сослался на свидетельские показания. По утверждению истца, фактически, между Т., О. и Магнусом Ротом был заключен договор полного товарищества. Учредительный договор полного товарищества был заключен в устной форме, что допускается нормами применимого английского права (*Partnership Act*

¹ Раздел 2.4 написан в соавторстве с Д. Левичевым, помощником юриста независимой юридической фирмы Stonebridge Legal.

1890). В то же время суд первой инстанции отказал в иске, сославшись на то, что истец не представил доказательств существования данного соглашения. В то же время суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции, сославшись на то, что иск был подан с нарушением правил о компетенции (подведомственности).

Наконец, в Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 7 апреля 2020 г. по делу № 88-6894/2020 рассматривался вопрос о признании устного соглашения недействительным. По утверждению истца, между иностранными компаниями, входящими в корпоративные группы с истцом и ответчиком, было заключено соглашение в отношении организации совместного бизнеса в сфере электроэнергетики.

Вместе с тем суд первой инстанции и суд апелляционной инстанции установили, что обращение с иском в российские суды обусловлено тем, что ранее аналогичный спор был инициирован в Восточно-Карибском Верховном Суде. По мнению российских судов, в данном случае предъявление иска в российский суд направлено на исключение доказательства («При этом оспаривание доказательств по одному делу (суда иностранного государства) в рамках отдельного гражданского дела не предусмотрено, данное обстоятельство также давало суду нижестоящей инстанции основания для вывода об отсутствии оснований для принятия искового заявления»).

Со своей стороны мы не можем признать корректным подход, сформулированный в рассматриваемом акте российского суда. Полагаем, что в рамках данного дела российскому суду надлежало руководствоваться статьей 406 ГПК РФ, согласно которой «суд в Российской Федерации отказывает в принятии искового заявления к производству или прекращает производство по делу, если имеется решение суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям, принятое иностранным судом, с которым имеется международный договор Российской Федерации, предусматривающий взаимное признание и исполнение решений суда». Ввиду отсутствия соглашения о взаимном признании и исполнении судебных решений между Россией и Британскими Виргинскими островами полагаем, что в данном случае производство по делу не подлежало прекращению.

Французское право

В целом аналогичный подход российские суды демонстрируют по отношению к применению норм французского права, предписывающих соблюдение письменной формы сделки.

Так, в Апелляционном определении Московского городского суда от 16.01.2021 по делу № 33-23472/2021 рассматривался вопрос о существовании договора займа, к которому, по мнению истца, подлежало применение французское право. В то же

время российский суд в обоснование отказа от иска сослался на статью 1315 («Тот, кто требует исполнения обязательства, обязан доказать наличие последнего. И наоборот – тот, кто утверждает, что он не связан более обязательством, должен доказать платеж или наличие факта, повлекшего прекращение его обязательства») и статью 1341 ФГК, согласно которой сделки на сумму свыше 1500 франков должны совершаться в нотариальной или простой письменной форме («Любые сделки, включая добровольное хранение, превышающие сумму или стоимость, установленную декретом (1500 евро), должны быть оформлены нотариально удостоверенным документом или документом, составленным в простой письменной форме; при этом не принимаются никакие свидетельские показания, как ставящие под сомнение или выходящие за пределы содержания этих документов, так и те, которые относятся к утверждениям, якобы имевшим место до, во время или после составления этих документов, даже если речь идет о меньшей сумме или стоимости»). Однако отдельно в российском судебном акте было отмечено, что «в соответствии с российским и в соответствии с французским законодательством по договору беспроцентного займа на заемщике лежит обязанность возвратить только то, что им было получено взаймы, при этом факт передачи столь значительной суммы (225 000 евро) должен быть подтвержден письменно».

Швейцарское право

В практике российских судов также рассматривался вопрос о применении норм швейцарского права в том случае, когда стороны не обеспечили соблюдение письменной формы сделки.

Так, в Решении Железноводского районного суда рассматривался вопрос о применении права Швейцарии к правоотношениям между госпиталем и пациентом. В обоснование своих требований истец сослался на то, что согласно статье 1211 ГК РФ к правоотношениям между сторонами (договор возмездного оказания услуг) подлежит применению право Швейцарии. При этом, по мнению истца, в данном случае к форме сделки также подлежит применению право Швейцарии. Отдельно истцом было отмечено, что если суд будет рассматривать договор о возмездном оказании медицинских услуг как незаключенный, в таком случае требование об оплате основывается на нормах швейцарского права о действиях в чужом интересе без поручения.

Вместе с тем, несмотря на ссылки истца на положения швейцарского права, российский суд применил к правоотношениям российское право. Подобный подход мы не можем считать обоснованным, учитывая, что предписания российских коллизионных норм являются обязательными для российских судов и иных органов и должностных лиц. В этой связи применение российского права вместо швейцарского права в данном деле не видится обоснованным.

Выводы

Подводя итог настоящему исследованию, сформулируем основные выводы.

Изменения, произошедшие в российском законодательстве (ст. 1209 ГК РФ и п. 23 Постановления Пленума ВС РФ № 24 от 09.07.2019), на текущий момент не оказали существенного влияния на российскую судебную практику. Как следует из рассмотренных случаев судебной практики, ни в одном из приведенных дел российский суд в итоге не допустил ссылку на свидетельские показания, даже в тех случаях, когда это допускается в силу иностранного права.

На наш взгляд, положения относительно возможности ссылки на свидетельские показания нуждаются в закреплении на уровне федерального закона. В этой связи обратим внимание на то, что согласно пункту 4 статьи 1194 Модельного гражданского кодекса для стран СНГ «применение нормы иностранного права не может быть ограничено лишь на том основании, что данная норма имеет публично-правовой характер».

Также полагаем возможным использовать опыт, реализованный в статье 161 Закона Румынии 1992 г. «О международном частном праве», согласно которому доказательственная сила письменного документа, ее подтверждающего, определяется законом места, где сделка была совершена, или законом, избранным сторонами, если у них было такое право. Доказывание фактов осуществляется в соответствии с законом места, где они возникли. Тем не менее румынский закон будет применяться, если он допускает также иные средства доказывания, помимо тех, которые предусмотрены законами, указанными в абзацах 1–2. Румынский закон также применяется в случае, когда он допускает доказывание посредством свидетельских показаний или косвенных доказательств, даже если по иностранному закону эти средства доказывания не допускаются [12, с. 521].

Полагаем, что введение подобных норм в российское законодательство обеспечит лучшую защиту интересов сторон сделки в случае использования свидетельских показаний.

Библиографический список

1. Брун М. И. Коллизионная и материально-правовая норма о форме сделок – *locus regit actum*. СПб.: Сенатская типография, 1911. 69 с.
2. Ватенберг И. С., Рамзайцев Д. Ф., Шнейдман М. И. Внешнеторговый арбитраж. М.: Междунар. кн., 1941. 95 с.
3. Гойхбарг А. Г. Международное право. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1928. 184 с.
4. Гойхбарг А. Г. Перенос арбитража в СССР // Внешняя торговля. 1936. № 9–10. С. 1–2.
5. Гражданский процессуальный кодекс с разъяснениями, изложенными по определениям, циркулярам и разъяснениям Верховного суда и Народного комиссариата юстиции и другим официальным материалам, опубликованным по 15 октября 1928 года / сост. Н. П. Дадьянц, П. М. Каплин; под ред. проф. А. М. Винавера. М.: Право и жизнь, 1928. 471 с.
6. Костин А. А. Условия допустимости отдельных видов доказательств, полученных в иностранных государствах // Закон. 2015. № 9. С. 156–167.
7. Крылов С. Б. Международное частное право: пособие к лекциям. Л.: Прибой, 1930. 328 с.
8. Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. Третье русское издание, совершенно переработанное. Юрьев (Дерпт): Типография К. Маттисена, 1912. 574 с.
9. Лунц Л. А. Внешнеторговая купля-продажа. Коллизионные вопросы. М.: Юрид. лит., 1972. 104 с.
10. Лунц Л. А. Международное частное право. М., 1970. 360 с.
11. Макаров А. Н. Основные начала международного частного права. М.: Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР, 1924. 151 с.
12. Международное частное право. Иностранное законодательство / предисл.: А. Л. Маковский сост., науч. ред., введ.: А. Н. Жильцов, А. И. Муранов. М.: Статут, 2001. 892 с.
13. Нолькен А. М. Устав гражданского судопроизводства (Св. Зак., т. XVI, ч. 1, изд. 1914 г.) с включением изменений по продолжениям и законоположений, изданных в порядке ст. 87 Осн. зак.: Практическое руководство. Петроград: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1917. Т. 1 (Ст. 1 – 923). 880 с.
14. Перетерский И. С. Очерки международного частного права РСФСР / Ин-т советского права. М.: Гос. изд-во, 1925. 141 с.
15. Перетерский И. С., Крылов С. Б. Международное частное право / Ин-т права Академии наук СССР и Всесоюз. ин-т юрид. наук НКЮ СССР. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 208 с.
16. Практический комментарий гражданского кодекса РСФСР. Законодательный и ведомственный материал и судебная практика до 1 октября 1930 г. / С. Абрамов, А. Ганин, С. Зайцев, В. Лебедев; под ред. Ф. М. Нахимсон. 4-е изд. М.: Госюриздат, 1931. 872 с.
17. Розенберг М. Из практики МКАС при ТПП РФ // Хозяйство и право. 2002. № 1. С. 43–58.
18. Федосеева Г. Ю. К вопросу о понятии «внешнеэкономическая сделка» // Журнал российского права. 2002. № 12. С. 33–39.
19. Шалланд Л. В. О форме актов и сделок, совершенных за границей, по русскому законодательству и судебной практике // Журнал Министерства Юстиции. 1902. № 6. С. 39–77.
20. Bar L. V. The Theory and Practice of Private International Law. Edinburgh: W. Green & Sons, 1892. 1162 p.
21. Kabatov V.A. From the Practice of the Foreign Trade Arbitration Commission of the USSR Chamber of Commerce and Industry: 1971–1985; The USSR Chamber of Commerce and Industry Section of Law.

Moscow: USSR Chamber of Commerce and Industry, 1987. 54 p.

22. Rabinowitsch J. Anmerkung zur Entscheidung Kammergericht v. 25.10.1927 // Juristische Wochenschrift. Bd. 58. Leipzig, 1929. S. 448–449.

23. Schwenzer I., Hachem P., Kee C. D. Global Sales and Contract Law. Oxford: Oxford University Press, 2012. 873 p.

24. Vitta E. Corso di Diritto Internazionale privato e processuale. UTET, 1987. 381 p.

25. Walker J. Agreeing to Disagree: Can We Just Have Words? CISG Article 11 and the Model Law Writing Requirement // Journal of Law and Commerce. 2005. № 25.1. Pp. 153–165.

26. Weber H. Die Theorie der Qualifikation: Franz Kahn, Etienne Bartin und die Entwicklung ihrer Lehre bis zur universalen Anerkennung der Qualifikation als allgemeines Problem des internationalen Privatrechts (1890–1945). Mohr, 1986. 325 p.

References

1. Brun M. I. *Kollizionnaya i material'no-pravovaya norma o forme sdelok – locus regit actum* [The conflict-of-laws and substantive-law rule on the form of transactions – locus regit actum]. St. Petersburg, 1911. 69 p. (In Russ.)

2. Vatenberg I. S., Ramzaitsev D. F., Shneidman M. I. *Vneshnetorgovyi arbitrazh* [Foreign trade arbitration]. Moscow, 1941. 95 p. (In Russ.)

3. Goykhbarg A. G. *Mezhdunarodnoe pravo* [International law]. Moscow, 1928. 184 p. (In Russ.)

4. Goykhbarg A. G. *Perenos arbitrazha v SSSR* [Transfer of arbitration in the USSR]. *Vneshnyaya trgovlya – Foreign Trade*. 1936. Issue 9-10. Pp. 1-2. (In Russ.)

5. *Grazhdanskii protsessual'nyi kodeks s raz'yasneniyami, izlozhennymi po opredeleniyam, tsirkulyaram i raz'yasneniyam Verkhovnogo suda i Narodnogo komissariata yustitsii i drugim ofitsial'nym materialam, opublikovannym po 15 oktyabrya 1928 goda* [The Civil Procedure Code with explanations set out in the rulings, circulars, and clarifications of the Supreme Court and the People's Commissariat of Justice and other official materials published up to and including October 15, 1928]. Comp. by N. P. Dad'yants, P. M. Kaplin; ed. by A. M. Vinaver. Moscow, 1928. 471 p. (In Russ.)

6. Kostin A. A. *Usloviya dopustimosti otdel'nykh vidov dokazatel'stv, poluchennykh v inostrannykh gosudarstvakh* [Conditions for the admissibility of certain types of evidence obtained in foreign countries]. *Zakon*. 2015. No 9. Pp. 156-167. (In Russ.)

7. Krylov S. B. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [International Private Law]. Leningrad, 1930. 328 p. (In Russ.)

8. List F. *Mezhdunarodnoe pravo v sistematicheskoy izlozhenii* [International Law in a Systematic Presentation. Third Russian edition, completely revised]. Yur'yev (Derpt), 1912. 574 p. (In Russ.)

9. Lunts L. A. *Vneshnetorgovaya kuplya-prodazha. Kollizionnye voprosy* [Foreign Trade Purchase and Sale. Conflict-of-laws issues]. Moscow, 1972. 104 p. (In Russ.)

10. Lunts L. A. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [International Private Law]. Moscow, 1970. 360 p. (In Russ.)

11. Makarov A. N. *Osnovnye nachala mezhdunarodnogo chasnogo prava* [Fundamentals of International Private Law]. Moscow, 1924. 151 p. (In Russ.)

12. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Inostrannoe zakonodatel'stvo* [International Private Law. Foreign Legislation]. Comp. by A. N. Zhiltsov, A. I. Muranov. Moscow, 2001. 892 p. (In Russ.)

13. Nolken A. M. *Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva (Sv. Zak., t. XVI, ch. 1, izd. 1914 g.) s vkluycheniem izmenenii po prodolzheniyam i zakonopolozhenii, izdannykh v poryadke st. 87 Osn. zak.)*: *Prakticheskoe rukovodstvo* [The Charter of Civil Procedure (The Digest of Laws of the Russian Empire, Vol. XVI, Pt. I, 1914) with the inclusion of amendments to the continuations and legal provisions issued in accordance with Art. 87 of the Basic Law): Practical Guide]. Vol. I: (Arts. 1 – 923). Petrograd, 1917. 880 p. (In Russ.)

14. Pereterskii I. S. *Ocherki mezhdunarodnogo chasnogo prava RSFSR* [Essays on Private International Law of the RSFSR]. Moscow, 1925. 141 p. (In Russ.)

15. Pereterskii I. S. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [International Private Law]. Moscow, 1940. 208 p. (In Russ.)

16. Fedoseeva G. Yu. K voprosu o ponyatii "vneshneekonomicheskaya sdelka" [On the concept of "foreign economic transaction"]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*. 2002. Issue 12. Pp. 33-39. (In Russ.)

16. *Prakticheskii kommentarii grazhdanskogo kodeksa RSFSR. Zakonodatel'nyi i vedomstvennyi material i sudebnaya praktika do 1 oktyabrya 1930 g.* [Practical commentary on the Civil Code of the RSFSR. Legislative and departmental material and judicial practice before October 1, 1930]. Ed. by F. M. Nakhimson. Moscow, 1931. 872 p. (In Russ.)

17. Rosenberg M. Iz praktiki MKAS pri TPP RF [From practice of the ICAC at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation]. *Khozyaistvo i pravo – Business and Law*. 2002. Issue 1. Pp. 43-58. (In Russ.)

19. Shalland L. V. O forme aktov i sdelok, sovershennykh za granitse, po russkomu zakonodatel'stvu i sudebnoi praktike [On the form of acts and transactions concluded abroad according to Russian legislation and judicial practice]. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii – Journal of the Ministry of Justice*. 1902. Issue 6. Pp. 39 – 77. (In Russ.)

20. Bar L. V. *The Theory and Practice of Private International Law*. Edinburgh: W. Green & Sons, 1892. 1162 p. (In Eng.)

21. Kabatov V. A. From the Practice of the Foreign Trade Arbitration Commission of the USSR Chamber of Commerce and Industry: 1971 – 1985. The USSR Chamber of Commerce and Industry, Section of Law. Moscow:

USSR Chamber of Commerce and Industry, 1987. 54 p. (In Eng.)

22. Rabinowitsch J. Anmerkung zur Entscheidung Kammergericht v. 25.10.1927 [Commentary on the decision of the Berlin Court of Appeal of October 25, 1927]. *Juristische Wochenschrift*. 1929. Vol. 58. Pp. 448-449. (In Ger.)

23. Schwenzer I., Hachem P., Kee C. D. *Global Sales and Contract Law*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 873 p. (In Eng.)

24. Vitta E. *Corso di Diritto Internazionale privato e processuale* [Course in Private and Procedural International Law]. UTET, 1987. 381 p. (In It.)

Информация об авторе:

А. А. Костин

Кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник отдела сравнительного
и международного частного права

Исследовательский центр частного права
при Президенте Российской Федерации
103132, Россия, г. Москва, ул. Ильинка, 8, стр. 2;

доцент кафедры международного частного
и гражданского права

Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 76;

основатель юридической практики K-Legal (экспертные
заключения для иностранных и российских судов)
125009, Россия, г. Москва, ул. Петровка, 17, стр. 4

ORCID: 0000-0001-7150-1652
ResearcherID: AAH-3121-2019

Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI 10.34076/2410_2709_2022_5_61
DOI 10.17323/2072-8166.2022.5.228.250
DOI 10.17072/1995-4190-2024-65-399-418

25. Walker J. Agreeing to Disagree: Can We Just Have Words? CISG Article 11 and the Model Law Writing Requirement. *Journal of Law and Commerce*. 2005. Vol. 25. Issue 1. Pp. 153–165. (In Eng.)

26. Weber H. *Die Theorie der Qualifikation: Franz Kahn, Etienne Bartin und die Entwicklung ihrer Lehre bis zur universalen Anerkennung der Qualifikation als allgemeines Problem des internationalen Privatrechts (1890-1945)* [The theory of qualification: Franz Kahn, Etienne Bartin and the development of their doctrine up to the universal recognition of qualification as a general problem of private international law (1890-1945)]. Mohr, 1986. 325 p. (In Ger.)

About the author:

A. A. Kostin

Private Law Research Center under the President of
the Russian Federation
8, bld. 2, Ilyinka st., Moscow, 103132, Russia

MGIMO University
76, prospekt Vernadskogo, Moscow, 119415, Russia

K-Legal law offices (expert opinions for foreign and
Russian courts)
17, bld. 4, Petrovka st., Moscow, 125009, Russia

ORCID: 0000-0001-7150-1652
ResearcherID: AAH-3121-2019

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI 10.34076/2410_2709_2022_5_61
DOI 10.17323/2072-8166.2022.5.228.250
DOI 10.17072/1995-4190-2024-65-399-418

Правила оформления и представления рукописей статей в журнал ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

1. Правовые и организационные основы публикации научных статей

Тематика журнала. В журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам юридических наук, исследования современного состояния российского, международного, зарубежного законодательства и правоприменительной практики, теоретических и исторических аспектов государственно-правовых явлений, правовых вопросов социальной работы.

Язык и география журнала. Журнал издается на русском языке. На сайте журнала представлена полная версия журнала на английском языке, что позволяет расширить географию читателей и усилить интеграционные процессы в мировом научном сообществе.

Порядок подачи статей. Для подачи статьи автору необходимо пройти *электронную регистрацию* на сайте журнала и направить научную статью путем подачи *онлайн-заявки*.

Редакция принимает статьи (материалы) объемом 100 000 печатных знаков с пробелами.

Плата с авторов, в том числе с аспирантов, за публикацию рукописей не взимается.

Основы правового взаимодействия Издателя и Автора. Издатель (Пермский государственный национальный исследовательский университет) предлагает любому физическому лицу заключить с Издателем безвозмездный лицензионный договор о предоставлении права использования статьи, автором которой он является, на следующих условиях.

Автор безвозмездно предоставляет Издателю (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его статьи (Произведения) в том числе в составе журнала следующими способами:

- воспроизведение произведения, т. е. изготовление одного и более экземпляров произведения или любой его части в любой материальной, в том числе электронной, форме, включая воспроизведение произведения в любых базах данных;
- распространение произведения путем продажи или иного отчуждения его экземпляров в любом их количестве;
- импорт экземпляров произведения в целях распространения;
- перевод или другая переработка произведения;
- доведение произведения до всеобщего сведения, в том числе использование произведения либо любой его части в сети Интернет, иных компьютерных сетях и любых базах данных.

Предоставление Издателю указанных выше прав использования Произведения сохраняет за Автором право выдачи третьим лицам лицензий на аналогичные способы использования (простая, неисключительная лицензия).

Автор предоставляет Издателю указанные выше права на весь срок действия исключительных прав на статью.

Территория, на которой допускается использование Произведения указанными выше способами, не ограничена, т. е. включает в себя территорию всего мира.

Право использования Произведения предоставляется Издателю *безвозмездно*. Гонорар Автору не устанавливается.

Автор дает согласие на то, что Издатель имеет право предоставлять частично или полностью указанные выше права третьим лицам без дополнительного согласования с Автором и без выплаты Автору и иным лицам дополнительного вознаграждения (сублицензия).

Автор Произведения выражает согласие на внесение в Произведение сокращений и дополнений, снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями – Издателем или третьими лицами – на основании заключенных с Издателем сублицензионных договоров.

Автор Произведения выражает согласие на внесение Издателем или третьими лицами на основании заключенных с Издателем сублицензионных договоров редакторских и корректорских правок в Произведение, а также на изменение названия Произведения без дополнительного согласования, если эти изменения не приводят к искажению смысла и не нарушается целостность восприятия Произведения.

В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», Автор Произведения дает Издателю согласие на автоматизированную, а также без использования средств автоматизации обработку путем сбора, систематизации, накопления, хранения, уточнения, использования, передачи и удаления своих персональных данных, сообщенных Издателю при заключении лицензионного договора: фамилия, имя, отчество, паспортные данные, дата рождения, адрес места жительства, контактные данные (телефон, адрес электронной почты), а также другие персональные данные, которые Автор Произведения сообщает с целью заключения с Издателем лицензионного договора.

При использовании Произведения:

- Издатель размещает фамилию, инициалы Автора, название, аннотацию, ключевые слова и текст статьи на сайте журнала;
- Издатель включает полнотекстовые варианты статей в «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ). Направление Автором статьи Издателю является согласие Автора на подобное размещение и включение.

Если в течение двух лет с момента получения Произведения Издатель не начал использование Произведения или не предоставил право использования Произведения третьим лицам, Автор Произведения вправе расторгнуть лицензионный договор в одностороннем порядке, уведомив об этом Издателя электронным письмом по адресу: **vesturn@yandex.ru** не менее чем за 10 рабочих дней до даты предполагаемого расторжения лицензионного договора. В случае, если в указанный срок Автор Произведения не получит мотивированных возражений от Издателя, лицензионный договор считается расторгнутым.

Автор Произведения дает согласие на использование его Произведения на условиях открытой лицензии с указанием авторства CC BY.

Издатель будет считать себя заключившим лицензионный договор с Автором Произведения на вышеуказанных условиях с момента получения от него акцепта.

Акцептом признается согласие с условиями лицензионного договора, которое дается в электронном виде на сайте и предшествует online-подаче статьи.

2. Требования к качеству контента

Соблюдение международных стандартов этики является неотъемлемой частью политики нашего журнала. К публикации принимаются только уникальные научные исследования, не опубликованные ранее. Статьи, поступающие в редакцию, проверяются на уникальность текста с помощью системы «**Антиплагиат**».

Редакция оставляет за собой право не публиковать статьи с **уникальностью текста менее 75 %**.

Статья должна быть разбита на разделы:

- введение;
- основное содержание*;
- результаты/обсуждение;
- заключение/выводы.

* автор обязан дать самостоятельное оглавление контенту и разбить тело статьи на несколько блоков с присвоением каждому собственного наименования.

3. Требования к оформлению текста статьи

Параметры страницы. Формат листа, используемый для написания статьи, – А4. Поля – 2,5 см со всех сторон. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов – 1,25 см.

Основной текст статьи набирается шрифтом Calibri, размер – 14 пт, междустрочный интервал – полуторный. При оформлении статьи необходимо различать знаки дефис (-) и тире (–). Между цифрами ставится знак тире без отбивки (пробелов), напр.: 12–15.

Заглавие статьи набирается прописными (большими) буквами жирным шрифтом, курсивом и форматруется по центру.

Перед заглавием слева прямым шрифтом набирается УДК, под заглавием жирным шрифтом – И. О. Фамилия, светлым – ученая степень, ученое звание, должность, название вуза и его адрес (с индексом), идентификационные коды автора **ORCID** и **ResearcherID** (обязательно!), информация о статьях автора в БД Scopus или БД Web of Science (при наличии) путем указания DOI таких статей, адрес электронной почты автора.

4. Требования к структуре авторского резюме (аннотации)

Под указанной выше информацией помещается авторское резюме на русском языке (200–250 слов), набранный светлым курсивом.

Авторское резюме к статье является основным источником информации в отечественных и зарубежных информационных системах и базах данных, индексирующих журнал.

Обязательная структура авторского резюме:

- введение;
- цели и задачи;
- методы;
- результаты/обсуждение;
- заключения/выводы.

После текста авторского резюме следует указать 8–10 ключевых слов (словосочетаний), характеризующих проблематику статьи (набрав их светлым прямым шрифтом).

**Вина энергоснабжающей организации
при неправомерном перерыве в подаче энергии**

О. А. Кузнецова

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0001-6880-5604
ResearcherID: D-1066-2016
Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540
DOI 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177
E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Введение: статья посвящена анализу состава вины энергоснабжающей организации как одному из условий ее ответственности за неправомерный перерыв в подаче энергии. Юридическая конструкция состава этого гражданского правонарушения ставит возникновение ответственности лица, осуществляющего деятельность по поставке энергии, в зависимости от наличия вины, что является исключением из общего правила повышенной ответственности предпринимателя. В связи с этим вопросы понимания содержания состава вины энергоснабжающей организации приобретают особое значение. **Цель:** сформировать представление о вине энергоснабжающей организации на основе анализа научных источников и материалов судебной практики привлечения к гражданско-правовой ответственности по пункту 2 статьи 547 ГК РФ. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Применялись частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Результаты:** анализ практики применения и научного комментирования пункта 2 статьи 547 ГК РФ показал, что категории неправомерного перерыва в подаче энергии и вины отождествляются, вина «растворилась» в противоправном поведении энергоснабжающей организации и потеряла самостоятельность в составе данного правонарушения. **Выводы:** и в цивилистической науке и в гражданском законодательстве необходимо четко разграничить противоправное поведение должника, в том числе энергоснабжающей организации, и его вину, поскольку это разные условия (элементы состава правонарушения) гражданско-правовой ответственности, способные самостоятельно исключать гражданско-правовую ответственность. Легальное поведенческое понимание вины энергоснабжающей организации совпадает с субъективным признаком ее противоправного бездействия и не имеет собственной юридической ценности.

Ключевые слова: неправомерный перерыв в подаче энергии; вина энергоснабжающей организации; вина в гражданском праве; противоправное поведение энергоснабжающей организации; гражданское правонарушение; гражданско-правовая ответственность; презумпция вины

На первой странице в подстрочнике необходимо указать знак © и Фамилию И. О., год:

© Кузнецова О. А., 2026

5. Оформление сносок и библиографического списка

Библиографический список должен быть построен **в алфавитном порядке**. В нем указываются только научные источники: научные статьи, монографии, диссертации, авторефераты диссертаций, научные комментарии, учебная литература, электронные ресурсы и т. д.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет DOI, то его указание в разделе «References» является **обязательным!**

Ссылки на нормативно-правовые акты и судебно-арбитражную практику помещаются в текст научной статьи в качестве постраничных сносок, однако в библиографическом списке повторно не указываются. Сноски должны быть постраничными, нумерация сносок начинается с каждой страницы.

Сноски набираются шрифтом Calibri, размер – 10 пт, межстрочный интервал – одинарный.

В основном тексте указание на источник, помещенный в библиографическом списке, осуществляется следующим образом: в квадратных скобках указываются номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница источника: [5, с. 216]. Возможно также указание на том многотомного издания: [8, т. 1, с. 216].

Источники в библиографическом списке оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008.

В библиографическом списке обязательно наличие **не менее половины иностранных источников**, реально используемых при написании научной статьи. При этом иностранные источники указываются в библиографическом списке в алфавитном порядке строго после русскоязычных источников.

Избыточное и необоснованное цитирование не допускается.

Примеры оформления сносок в тексте научной статьи:

- ¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
- ² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
- ³ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
- ⁴ О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 (ред. от 29 июля 2014 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2008. № 29 (ч. 1), ст. 3482.
- ⁵ Гражданский кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. (ред. от 26 нояб. 2001 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24, ст. 407 (утратил силу).
- ⁶ О свободе договора и ее пределах: постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.
- ⁷ Обзор практики применения арбитражными судами статьи 414 Гражданского кодекса РФ: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21 дек. 2005 г. № 103 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 4.
- ⁸ Постановление Президиума ВАС РФ от 9 дек. 1997 г. № 5246/97 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Примеры библиографических записей:

Библиографический список

1. Бурлака С. А. Принудительные меры воспитательного воздействия и их реализация в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 25 с. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1191676>.
2. Добрынина С. Ненадежная субстанция // Российская газета. 2015. 12 февр.
3. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 2. 492 с.
4. Микрюков В. А. Ограничения и обременения права собственности и иных гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 214 с.
5. Плехова О. А. Проблема понятия объекта должностных преступлений // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 2. URL: http://www.hses-online.ru/2008/02/12_00_08/13.pdf.
6. Рабцевич О. И. Реализация статей 5 и 6 Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека в российском законодательстве // Право и политика. 2001. № 10. С. 43–51.
7. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования: сб. науч. тр. / под ред. А. Е. Марона. М.: Изд-во Институт образования взрослых, 2007. 118 с.
8. Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича. Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1999. 199 с.
9. Tsai L. L. Accountability without Democracy: Solidary Groups and Public Goods Provision in Rural China. Cambridge, 2007. 347 p.
10. Lindsnaes B. The Global and the Regional Outlook (How Can Global Public Goods Be Advanced from a Human Rights Perspective?) // Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights; ed. by E. A. Andersen, B. Lindsnaes. Leiden, 2007. Pp. 71–111.

6. Англоязычный контент статьи

После библиографического списка приводятся на английском языке название статьи, И. О. Фамилия автора, место работы и его адрес, идентификационные коды автора (**обязательно!**), адрес электронной почты, аннотация (150–250 слов прямым шрифтом), а также ключевые слова.

После принятия статьи к опубликованию автор **обязан предоставить высококачественный перевод всего текста статьи на английский язык.**

The Guilt of an Electric Power Supply Organization in Case of Illegal Interruption in Power Supply

O. A. Kuznetsova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia
ORCID: 0000-0001-6880-5604
ResearcherID: D-1066-2016
Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540
DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177
E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Introduction: the article is devoted to analysis of the guilt of an electric power supply organization as one of the conditions of its liability for illegal interruption in power supply. The legal structure of this civil offence makes incurrance of liability of the legal person engaged in power supply activities conditional on the presence of guilt, which is an exception to the general rule of an entrepreneur's enhanced responsibility. Thus, the issues of understanding the content of guilt of a power supply organization acquire particular importance. The **purpose** of the work is to form a concept of the guilt of a power supply organization basing on the analysis of scientific works and court practice material on cases of holding liable in accordance with Clause 2 of Article 547 of the Civil Code of the Russian Federation. **Methods:** empirical methods of comparison, description and interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal dogmatic method and method of legal norm interpretation. **Results:** the analysis of the practice in the application of Clause 2 of Article 547 of the Russian Civil Code and its scientific commentation shows that the categories of illegal interruption in power supply and guilt are equated, the category of guilt dissolves in the category of unlawful behaviour of a power supply organization and loses its independence within the elements of this offence. **Conclusions:** both in the civil science and civil law, it is necessary to clearly differentiate between the unlawful behaviour of the debtor, including a power supply organization, and his guilt, since these are different conditions (elements of offence) of civil liability, each of which can independently exclude civil liability. The legal behavioural understanding of the guilt of a power supply organization coincides with the subjective indicator of its unlawful failure to act and does not have its own legal value.

Keywords: illegal interruption in power supply; guilt of an electric power supply organization; guilt in the civil law; unlawful behaviour of a power supply organization; civil offence; civil liability; presumption of guilt.

7. Транслитерация

В статье должен содержаться библиографический список на русском языке. Затем должна следовать транслитерация этого списка (т. е. перевод текста библиографического списка на латиницу) с указанием «References». Для этого рекомендуется использовать **специальную программу**. Кроме того, необходимо в квадратных скобках указывать название источника, переведенное на английский язык. Пример оформления библиографического списка на латинице с переводом на английский язык представлен ниже.

Для русскоязычных **статей из журналов** должна быть соблюдена следующая схема библиографической ссылки:

- Авторы (транслитерация);
- Заглавие статьи (транслитерация курсивом);
- [Перевод заглавия статьи на английский язык в квадратных скобках] – каждое слово с заглавной буквы, кроме артиклей;
- Название русскоязычного источника (транслитерация курсивом);
- [Перевод названия источника на английский язык]*;
- Выходные данные (год, номер – Issue, при наличии – том);
- Страницы, на которых расположена статья в журнале (Pp. 17–34)
- Указание на язык статьи (In Russ.).
- Указание на DOI статьи (DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177).

* здесь приведен перечень названий наиболее популярных юридических журналов, а также корректный перевод этих названий на английский язык.

Для **монографий** должна быть соблюдена следующая схема библиографической ссылки:

- Авторы (транслитерация);
- Название монографии (транслитерация курсивом);
- [Перевод названия монографии на английский язык в квадратных скобках] – каждое слово с заглавной буквы, кроме артиклей;
- Выходные данные: место издания на английском языке: Moscow, St. Petersburg (без указания издательства);
- Количество страниц в издании (500 p.);
- Указание на язык статьи (In Russ. / In Eng.).

Примеры транслитерации:

References

1. Vitryanskiy V. V. *Dogovory bankovskogo vklada, bankovskogo shcheta i bankovskiye raschety* [The Contract of Bank Deposit, Bank Accounts and Bank Calculations]. Moscow, 2006. 556 p. (In Russ.).
2. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik; pod red. A. P. Sergeeva, Yu. K. Tolstogo* [Civil Law: textbook: in 3 vols; ed. by A. P. Sergeev, Yu. K. Tolstoy]. Moscow, 2001. Vol. 3. 632 p. (In Russ.).
3. Danilenko S. *Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya ob'ekta bankovskoy tayny* [Some Problems of Legal Regulation of the Object of Banking Secrecy]. *Khozyaystvo i pravo – Business and Law*. 2007. Issue 10. Pp. 28–33. (In Russ.).
4. Dobrynina S. *Nenadezhnaya substantsiya* [Unreliable Substance]. *Rossiyskaya gazeta – The Russian Gazette*. 2015. 12 February. (In Russ.).
5. Kuznetsova O. A. *Spetsializirovannye normy rossiyskogo grazhdanskogo prava: Teoreticheskie problemy: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Specialized Norms of the Russian Civil Law: Theoretical Problems: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2007. 24 p. (In Russ.).

6. Makhmadkhonov T. *Problemy pravovogo obespecheniya kommercheskoy tayny v zakonodatel'stve Respubliki Tadzhikistan: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of Legal Support of Commercial Secrets in the Legislation of the Republic of Tajikistan: Synopsis of Cand jurid. sci. diss.]. Dushanbe, 2008. 24 p. (In Russ.).
7. Mikryukov V. A. *Ogranicheniya i obremeneniya prava sobstvennosti i inyykh grazhdanskikh prav: diss. kand. yurid. nauk* [Restrictions and Encumbrance of Property Rights and Other Civil Rights: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2004. 214 p. (In Russ.).
8. Serkova Yu. A. *Ponyatiye yuridicheskoy konstruktii i ego metodologicheskoe znachenie v issledovanii pravovykh system* [The Concept of Juridical Construction and Its Methodological Significance in Studying Legal Systems]. *Yuridicheskii mir* – The Juridical World. 2013. Issue 7. Pp. 64–67. (In Russ.).
9. Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Russian Federation as the Subject of the Civil Liability. *World Applied Sciences Journal*. 2013. Vol. 24. Issue 1. Pp. 31–34. (In Eng.). DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177.
10. Tsai L. L. Accountability without Democracy: Solidary Groups and Public Goods Provision in Rural China. Cambridge, 2007. 347 p. (In Eng.).
11. Lindsnaes B. The Global and the Regional Outlook (How Can Global Public Goods Be Advanced from a Human Rights Perspective?). *Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights*; ed. by E. A. Andersen, B. Lindsnaes. Leiden, 2007. Pp. 71–111. (In Eng.).

8. Информация для цитирования

В конце статьи указывается наименование Вашей статьи с полными выходными данными на русском и английском языках для облегчения цитирования Вашей статьи.

Пример:

Информация для цитирования:

Кузнецова О. А. Вина энергоснабжающей организации при неправомерном перерыве в подаче энергии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. _____. С. ____.

Kuznetsova O. A. *Vina energosnabzhayushchey organizatsii pri nepravomernom pereryve v podache energii* [The Guilt of an Electric Power Supply Organization in Case of Illegal Interruption in Power Supply]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue _____. Pp. _____. (In Russ.).

9. Порядок и сроки рассмотрения рукописей

Представленная автором рукопись направляется члену редакционной коллегии на рецензирование в соответствии с тематикой статьи. Рецензирование рукописей производится в соответствии с «Порядком рассмотрения и рецензирования рукописей научных статей, поступивших в редакцию журнала “Вестник Пермского университета. Юридические науки”».

Срок рассмотрения рукописи – 2–3 месяца.

Научные статьи не допускаются к опубликованию в случае наличия двух или более **типичных ошибок научных статей**, а также по причине несоответствия тематике выпуска, которая определяется редакционной коллегией с учетом поступивших в редакцию статей и политики журнала.

Преимущество при формировании очередного выпуска Издания отдается статьям, выполненным на английском языке.

Научные статьи, направленные авторам на доработку с помощью электронной почты, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный редактором срок через электронную почту редакции: **vesturn@yandex.ru**.

Статьи публикуются в порядке общей очередности и по мере поступления от авторов.

Средний объем одного номера журнала: 25,0–30,0 усл. печ. л.

10. График выхода журнала в 2026 г.

Журнал является ежеквартальным изданием; выходит **в марте, июне, сентябре и декабре**.

Выпуск	Дедлайн подачи онлайн-заявки	Литературное редактирование и вычитка контента РИО ПГНИУ	Формирование макета журнала	Полиграфическая печать бумажной версии журнала (дата выхода)	Выгрузка электронной версии на сайт журнала	Выгрузка электронной версии в РИНЦ	Рассылка авторам, подписчикам, в РГБ и по библиотекам ведущих научных центров
1(71)	10 января	24 января – 7 марта	10–28 марта	31 марта	31 марта	1 апреля	31 марта – 7 апреля
2(72)	10 апреля	24 апреля – 10 июня	11–27 июня	30 июня	30 июня	1 июля	30 июня – 7 июля
3(73)	10 июля	24 июля – 10 сентября	11–28 сентября	30 сентября	30 сентября	1 октября	30 сентября – 7 октября
4(74)	10 октября	24 октября – 10 декабря	11–26 декабря	25 декабря	26 декабря	29 декабря	28 декабря – 10 января

После выхода очередного выпуска журнала Издатель обеспечивает рассылку авторских экземпляров по указанным авторами при онлайн-подаче статей на сайте адресам, рассылает журнал в организации, получающие от производителей печатных изданий обязательный экземпляр, а также в ведущие российские и зарубежные научные центры.